Пятнадцатые БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«Правовая реформа: история, теория, практика, техника»

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

ПЯТНАДЦАТЫЕ БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПРАВОВАЯ РЕФОРМА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
(Нижний Новгород, 31 мая 2024 года)

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора В. А. Толстика

Нижний Новгород
НА МВД России
2024

УДК 34
ББК 67
П68

Рецензенты:
кандидат юридических наук, доцент *С. Н. Болдырев*
(Ростовский юридический институт МВД России);
кандидат юридических наук, доцент *Т. В. Яловенко*
(Волгоградская академия МВД России)

П68 **Правовая** реформа (история, теория, практика, техника) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 31 мая 2024 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. — Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2024. — 671 с.

В сборник включены статьи участников Международной научно-практической конференции «Правовая реформа: история, теория, практика, техника», состоявшейся в Нижнем Новгороде 31 мая 2024 года на базе Нижегородской академии МВД России.

Публикуемые материалы предназначены для научных работников, преподавателей, аспирантов (адъюнктов), студентов юридических вузов, а также сотрудников правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

ISBN 978-5-88840-209-2

© Нижегородская академия МВД России, 2024

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БВС РФ — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

ВС РФ — Верховный Суд Российской Федерации

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КС РФ — Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

НК РФ — Налоговый кодекс Российской Федерации

НПА — нормативный правовой акт

ОВД РФ — органы внутренних дел Российской Федерации

ООН — Организация Объединенных Наций

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

ОРМ — оперативно-розыскные мероприятия

ПСЗ — Полный свод законов

РФ — Российская Федерация

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФЗ — Федеральный закон

ФКЗ — Федеральный конституционный закон

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Председателя комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию **Сергея Владимировича Кабышева** 11

Приветственное слово заместителя начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе) **Олега Леонидовича Морозова** 13

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

Кокотов А. Н. О совершенствовании конституционно-судебного контроля в Российской Федерации 15

Аликперов Х. Д. О путях дальнейшего укрепления российской государственности посредством кардинальной конституционной реформы: опыт прошедших эпох и современных реалий 22

Баранов В. М., Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Реформирование антикоррупционного законодательства субъектов Российской Федерации: достижения, просчеты, перспективы 31

Давыдова М. Л. Цифровизация социальных процессов: реформа, революция, модернизация? 56

Ковтун Н. Н. Апелляционно-кассационная форма проверки судебных решений — «кривое зеркало» самобытных российских реформ..... 66

Толстик В. А. Причины неэффективных (неудачных) правовых реформ..... 76

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ

Анисимов А. П. О некоторых тенденциях реформирования системы договоров: история и современность 86

Ахметшин А. С. Правовая реформа уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства: перспективно-эффективные направления оптимизации 93

Балалаева М. В. Реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательства как предпосылки изменения структуры и содержания частных криминалистических методик 100

Балашова Е. С. Правосознание как нейрокогнитивный феномен в контексте реформ: аспекты дефиниции 107

Балдин К. Е. Муниципальные реформы 1864 и 1870 года и преобразование системы здравоохранения в российской провинции (на примере города Иваново-Вознесенска) 115

Бекежанов А. С. О некоторых вопросах классификаций института административно-правового принуждения 125

Буканова Р. Г. Управление и местное самоуправление в Российской империи: развитие этих отношений в условиях общественно-политического кризиса 136

Варенцова Л. Ю. Особенности реализации налоговой реформы царя Федора Алексеевича в дворцовых землях Российского государства в 1679–1681 годы 141

Васильев П. В. Правовая реформа, естественное развитие права и правовая революция как типы изменений правовых систем 152

Волк-Леонович С. О. Историко-правовые дисциплины в контексте реформы юридического образования первой половины XIX века в Российской империи 159

Грачев М. А. Корректировка статей 210^1 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации с точки зрения эксперта-криминолога 175

Гусейнов Ю. М., Абдусаламов М.-П. Б. Нормы адата и шариата в быту у кумыков в 60–70-х годах XIX века: интеграция в правовую систему Российской империи 185

Ивашевский С. Л. Значение традиционных ценностей для совершенствования правовых норм 189

Калинина Е. В. Реформирование ценностно-мировоззренческой платформы общества как залог эффективности правовых преобразований 194

Карнаушенко Л. В. Правовая реформа: структурное и функциональное измерение 203

Карташова М. В. Влияние крестьянской реформы 1861 года на развитие кустарных промыслов 214

Корабельникова Ю. Л. Реформирование системы обеспечения безопасности городов на примере Французской Республики 220

Красильникова Т. К. Реформа законодательства о корпорациях в России (XIX – начало XX века) 227

Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Трансформация судебной практики как экспликация правовой реформы 233

Кузьмин И. А. Проблемы и перспективы реформирования системы правовых наказаний в России: взгляд теоретика 242

Лавров В. В. Юридическая ответственность в современном уголовном праве: вопросы дифференциации в ракурсе реформы 252

Ламтева А. В. Методологические аспекты уголовно-процессуальной реформы сквозь призму исторических типов уголовного процесса 259

Лапатников М. В. Органы государственного обвинения как субъекты нейтрального уголовно-процессуального познания 270

Ливенцев Д. В. Реформирование юридической практики отказа от наследования престола в российской императорской династии 278

Литичевский Б. В., Миронова Е. А. История полномочий прокуратуры в части надзора за органами предварительного расследования в СССР и Российской Федерации 283

Лушин А. Н., Чудецкая К. А. Реформа управления православным военным духовенством в современных российских силовых структурах: 1990–2020 годы 289

Магнутов Ю. С. Модель правовой реформы в области уголовно-правового противодействия преступности, сопряженной с незаконной миграцией: частная теория 296

Макарейко Н. В. Реформа законодательства об административных правонарушениях в фокусе преобразования института юридической ответственности 302

Малютина О. А. Трансформация института семьи сквозь призму брачного договора 315

Малявина А. Б. Закон как основа правовой жизни современного общества и его эффективность 324

Маханов Т. Г., Рыскулов Д. А. К вопросу о сущности понятия «активы» сквозь призму коррупционных преступлений 330

Михайлов А. Е. Процедура медиации как правовая реформа юридической деятельности при урегулировании споров: проблемы теории и практики 340

Нартымов Д. М. К вопросу завершенности правовых реформ на примере правовой регламентации деятельности сотрудников правоохранительных органов 351

Нематов А. Р. Развитие правоприменительной культуры в Республике Таджикистан в свете осуществления правовой реформы в государстве 359

Нехайчик В. К. Осуществление административной реформы в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в первой четверти XXI века 367

Орлов Д. В. Определение стоимости правового регулирования в фокусе правовой реформы: сущность, проблемы и необходимость 379

Орлов К. А. Отдельные аспекты реализации юридической техники при создании правовых актов в рамках проведения правовой реформы 389

Осипов М. Ю. К вопросу о технологиях управления качеством правовых реформ 396

Осипян Б. А. Крах бездуховной юриспруденции и будущность общечеловеческого правового сознания, образования и науки 404

Павлов В. И. Конституционная реформа в Республике Беларусь 2022 года: новые правовые смыслы и конституционно-правовые положения 426

Парфенов А. В. Правовая реформа как путь к формированию правового компромисса 434

Петрянин А. В. Правовые реформы в области противодействия экстремизму: история и современность 444

Поляков С. Б. Правовая реформа — понятие без собственного содержания 448

Пузиков Р. В. Влияние реформ гражданского законодательства на правосознание граждан 456

Санинский Р. А. Маркеры теневой экономической деятельности как возможные векторы проведения правовых реформ в области оздоровления экономики 470

Свинин Е. В. Пенитенциарная реформа на современном этапе: некоторые вопросы соотношения правовой логики, техники и правопорядка 475

Смирницкий А. Е. Проблемы и противоречия пореформенной судебной системы России и правовой культуры российского общества в произведениях А. П. Чехова 482

Соколов Д. В. Реформа законодательства в сфере государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения 492

Тихонова Е. Н. Проблемы реформирования законодательства о служебных проверках в органах внутренних дел 499

Трофимов В. В. Развитие формата правового сотворчества в рамках правотворческой деятельности современного государства как вектор его правового реформирования 504

Феднева Н. Л. К вопросу об историографии проблемы влияния правовой культуры реформаторов на эффективность реформ полиции Российской империи 512

Хужин А. М., Карпычев М. В. Реформа вещного права: история, реалии, перспективы 524

Хужина О. Н. Реформы Петра I сквозь призму традиционных ценностей 530

Чаркин С. А. О некоторых дискуссионных проблемах теории юридических фактов 541

Червяковский А. В. Реформа роли международного права и международных правовых институтов: взгляды позитивистов 547

Чирикин В. А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте конституционных реформ 554

Шабаева О. А. Роль цифрового государства в проведении современной правовой реформы 560

Шабуров А. С. Правовая реформа в России: проблемы формирования правового государства на основе российской государственности 566

Шаров В. И. Оперативно-розыскное законодательство: реформа или совершенствование отдельных институтов 572

Шафиров В. М. Правовая реформа: человекоцентристский подход 579

Шаханов В. В. Метатеоретические основания правовых реформ 590

Шевченко И. В. Реформирование управления в области обороны: историко-правовой аспект 596

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Балак П. А. Предпосылки и проблемы реформы уголовного законодательства на рубеже XIX–XX веков 603

Балалаева Ю. С. Реформирование судебной деятельности в условиях развития, внедрения и использования искусственного интеллекта: проблемы и пути решения 608

Джусупов Э. *А.* История борьбы с коррупцией в Кыргызской Республике 616

Железова Л. Ю. К вопросу о необходимости реформирования процедуры по установлению меры юридической ответственности 624

Кованов Е. С. Проблемы правового реформирования в эпоху искусственного интеллекта 633

Лукьянов Р. И. Правовое бытие России: власть, народ, реформа 639

Мальцева Т. В. Правовая реформа и ее влияние на предупредительную функцию права: ретроспективный анализ 643

Никонова Ю. А. Вклад заслуженного профессора права Ф. Р. Дикерсона в развитие американской законодательной техники 649

Павленков Н. Р. Принцип добросовестности в гражданском праве: сущность, реализация, реформирование 659

Сечкова Л. М. Международные нормы в области защиты прав осужденных 666

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Председателя комитета Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
по науке и высшему образованию
Сергея Владимировича Кабышева

Уважаемые участники научного форума!

Сегодня мы открываем юбилейную XV Международную научно-практическую конференцию «Бабаевские чтения» по теме «Правовая реформа: история, теория, практика, техника», которая традиционно проводится в Нижегородской академии МВД России в память о выдающемся советском и российском ученом, внесшим значительный вклад в отечественную юридическую науку!

Искренне рад приветствовать всех вас, кто изыскал возможность лично прибыть на наше научно-представительное мероприятие, и тех, кто заочно присутствует в зале, воспользовавшись техническими средствами, но подготовил свои интересные доклады и сообщения.

Примечательно, что избранная тема нашего научного форума затрагивает многие важные государственно-правовые и социально-экономические проблемы, часть которых до настоящего времени продолжают оставаться дискуссионными. Для собравшихся сегодня представителей ученого сообщества будет, бесспорно, важным услышать мнение коллег не только из образовательных организаций и научных учреждений, но и практических представителей юридических профессий.

Несомненная актуальность темы просматривается в блоках вопросов, вынесенных на обсуждение как сугубо теоретических, так и исторических аспектов, поэтому состав участников форума предполагает вдумчивое осмысление и возможное совместное разрешение значительного круга проблем, которые напрямую связаны с деятельностью государства и общества, продолжающих идти по пути последовательных реформ. Конечно, многие реформы прошлого времени неоднократно становились предметом серьезных научных дискуссий, глубокого анализа причин,

предпосылок и результатов их проведения, тем не менее историко-правовой опыт их проведения остается до настоящего времени востребованным.

Безусловно, на сегодняшнем научном форуме должное внимание вызовут насущные проблемы методологических оснований правовых реформ и выработки критериев оценок обоснованности и успешности их проведения. Полагаю, что многие представленные ученым сообществом выводы и предложения внесут весомый вклад в юридическую науку и в практическую сферу государственной деятельности.

Опыт проведения традиционных Бабаевских чтений убедительно показывает, что озвученные дискуссионные доклады и сообщения вызывают обоснованный значительный интерес в научной среде, позволяют обогащать юридическую науку новыми подходами и методами, стимулируют появление и развитие новых идей и воззрений, способствующих раскрытию значимости многогранных сторон правовых реформ.

Уверен, что сегодня мы все станем участниками не только продуктивной и конструктивной работы, но и совместно выработаем целый ряд теоретических и практических положений, которые позволят нашему Отечеству успешно продвигаться по пути вызываемых временем реформ!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

заместителя начальника
Нижегородской академии МВД России
(по научной работе)
Олега Леонидовича Морозова

Уважаемые участники конференции!

Приветствую вас на XV Международной научно-практической конференции «Бабаевские чтения». Традиционно в мае мы собираемся в стенах Нижегородской академии МВД России, чтобы обсудить наиболее актуальные проблемы юридической науки и практики. Сегодня нас объединила дискуссионная тема «Правовая реформа: история, теория, практика, техника».

Развитие общества и общественной жизни исторически сопровождается преобразованиями в системе социальной регуляции. Этому процессу сопутствуют появление и отмирание социальных норм, изменение соотношения, формы взаимодействия, значимости и их роли в системе социальных регуляторов — религиозных, моральных, эстетических, политических и, конечно, правовых норм.

Правовая реформа — это всегда комплекс коренных изменений в правовой системе. На протяжении исторического развития нашего государства закономерно возникала потребность в глубинных правовых преобразованиях.

В истории реформирования России проведенные реформы занимают особое место. Вспомним эпоху Великих реформ 60-х годов XIX века, которые проводились правительством императора Александра II и ставили задачу модернизировать российскую общественную, экономическую, социально-правовую жизнь. В их числе были такие важные реформы, как крестьянская реформа (отмена крепостного права в 1861 году), земская и судебная (1864) и т. д.

Переходя к современности, нельзя не отметить уникальность социальных взаимодействий в связи с активным внедрением высоких технологий. Новинки технического прогресса, такие как облачные хранилища данных, безбумажный оборот документов,

мгновенные платежи, — это лишь то немногое, что вошло в нашу жизнь совсем недавно, но уже требует внимательного отношения и понимания сути данных преобразований, конечно же, с точки зрения права.

Если исходить из того, что правовое регулирование новых технологий неизбежно, даже с присущими ему ограничениями, то возникают вопросы: «Каким именно оно должно быть? Какой должна быть современная реформаторская деятельность?»

К сожалению, принятие хороших законов — это далеко не все. И проблема не только в законах, но и в том, как обстоит дело с массовой социальной нормой, с этими самыми представлениями о должном и справедливом. Данный вопрос очень непростой для любого общества, а для современного российского — в особенности.

Программой конференции предусмотрено широкое обсуждение реформ по различным вопросам социального взаимодействия. Сегодня нас ждет как обсуждение важных проблем юридической науки и практики правового реформирования современности, так и их исторический аспект.

Темы, предлагаемые для обсуждения в рамках сегодняшней конференции, чрезвычайно важны для решения не только злободневных, порой даже острых и всегда неизменно актуальных проблем научного и практического характера, но и вопросов учебно-методического обеспечения учебного процесса по дисциплинам юридического цикла.

Какие новые вопросы при этом возникают? Какие старые проблемы актуализируются? На эти и многие другие вопросы, я думаю, мы услышим ответы в ходе нашей сегодняшней работы.

Уверен, что конференция пройдет в конструктивном ключе, будет содействовать укреплению профессионального диалога между юристами-теоретиками и практиками.

Желаю плодотворной работы и всего лучшего!

УДК 342

Кокотов А. Н.,
доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ

О совершенствовании конституционно-судебного контроля в Российской Федерации

Конституционно-судебный контроль в современной России сложился, представляет собой вполне эффективный институт, поэтому его существенное реформирование не требуется. Однако набранный им по ходу формирования опыт, выявляющий не только сильные, но и слабые места наличной модели конституционно-судебной деятельности, а также ряд перемен последних лет, самой значимой из которых является прекращение распространения на РФ юрисдикции ЕСПЧ, ставят вопрос о необходимости совершенствования данного института. Ее главные ценностные ориентиры — сохранение и усиление правозащитной направленности КС РФ и иных судов.

ЕСПЧ как наднациональный суд и конституционно-судебные органы отдельных стран решают, по сути, одну задачу проверки в пределах своих полномочий правовых актов, фактов правоприменения на предмет их соответствия высшим правовым ценностям, закрепленным в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и конституциях отдельных государств. При этом ЕСПЧ осуществляет такой высший контроль, в частности, в отношении правоприменительных актов, в том числе судебных решений, действий (бездействия) органов публичной власти, организаций, должностных лиц. Поскольку в РФ названные акты, решения, действия (бездействие) не входят в предмет прямой конституционно-судебной проверки, то уход из страны ЕСПЧ вывел их из-под высшего правового контроля. Этого нельзя сказать о нормоконтрольной деятельности. Она осуществляет-

© Кокотов А. Н., 2024

ся ЕСПЧ, в частности, посредством принятия пилотных проектов, выявляющих в первую очередь дефекты нормативного регулирования. В РФ нормоконтроль осуществляет КС РФ, проверяя конституционность законов и иных НПА. Следовательно, уход ЕСПЧ из РФ лишь меняет конфигурацию высшей нормоконтрольной деятельности в стране.

Правоприменительные акты, действия (бездействие) органов власти, организаций, должностных лиц проверяются судами общей юрисдикции, арбитражными судами, но на предмет их соответствия действующему регулированию не выше уровня закона. Можно, конечно, сказать, что поскольку нормативные акты, на основе которых осуществляется названная проверка, контролируются КС РФ, постольку правоприменительные акты, действия (бездействие) все же составляют предмет конституционно-судебного контроля, пусть и опосредованного. Однако, во-первых, КС РФ проверяет конституционность лишь части действующих в стране НПА. Во-вторых, проверка конституционности актов, использующихся судами в качестве основы для проверки фактов правоприменения (актов, действий), не может заменить прямую проверку того, нарушают ли эти факты конституционные права людей или нет.

Опустение в РФ ниши высшего правового контроля в отношении правоприменительных актов, действий (бездействия) органов публичной власти, организаций, должностных лиц не компенсирует право КС РФ проверять нормативные акты по смыслу, придаваемому им судебной практикой. Зачастую нарушение конституционных прав людей в области правоприменения не связано непосредственно с находящимся под контролем КС РФ нормативным регулированием и его судебными интерпретациями. При этом, как уже было указано, КС РФ не вправе проверять конституционность судебных и других правоприменительных решений. Уход ЕСПЧ не может сгладить и то обстоятельство, что на РФ по-прежнему распространяется юрисдикция Комитета по правам человека ООН (далее — Комитет). Последний, не будучи судом, надзирает за соблюдением Международного пакта о гражданских и политических правах и вправе рассматривать индивидуальные обращения граждан, вынося по ним рекомендации властям соответствующей страны. Однако такие ре-

комендации сами по себе не являются основанием для пересмотра правоприменительных решений, несогласие с которыми заставило гражданина обратиться в Комитет. Правомочия иных органов ООН по контролю за соблюдением прав человека (комитет по экономическим, социальным и культурным правам, комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и др.) также ограничены.

Итак, в настоящее время в РФ правоприменительные акты, действия (бездействие) органов власти, организаций, наделенных отдельными властными полномочиями, должностных лиц выведены из-под конвенционного контроля ЕСПЧ, не являясь предметом прямого контроля со стороны КС РФ. Контроль их соответствия положениям международных договоров в области прав человека со стороны органов ООН нельзя признать действенным средством защиты прав людей. Он хорош, но лишь как дополнительное средство по отношению к национальным средствам защиты таких прав.

Обрисованное положение вещей ставит вопрос о сохранении в стране высшего правового контроля в той его части, которая освободилась после ухода ЕСПЧ. Для решения этой задачи предложены разные варианты, в числе которых распространение на страну аналогичного функционала иных наднациональных правозащитных инстанций, образование российского суда по правам человека. Что касается замены ЕСПЧ другой наднациональной инстанцией, то, как видится, этот путь пока нецелесообразен в силу того, что обострившееся в настоящее время, прежде всего, в силу действий коллективного Запада, противоборство разных цивилизаций привело к ослаблению мирового правопорядка.

Предложение по созданию в стране особого суда по правам человека не встретило широкой поддержки. Это продиктовано, надо думать, тем, что данный проект потребует одновременного масштабного реформирования КС РФ и ВС РФ. Полномочия нового суда по правам человека как еще одного высшего суда можно сформировать только за счет урезания полномочий имеющихся высших судов. Следовательно, потребуют пересмотра и отношения высших судов между собой и с иными субъектами. Все же предпочтительнее заполнять освободившуюся нишу высшего правового контроля, образовавшуюся после ухода ЕСПЧ,

за счет наделения дополнительными возможностями КС РФ и ВС РФ. Движение в данном направлении имеет как минимум три варианта.

Первый вариант заключается в наделении КС РФ правом проверки конституционности не только правовых актов, но и решений иных судов в части защиты конституционных прав и свобод людей. Такая практика имеется, например, в Австрии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Испании, Перу.

Слабым местом представленной модели является то, что она способна порождать серьезные споры между КС РФ и другими судами. Так, в РФ наделение КС РФ правом проверки соответствия решений иных судов нормам Конституции РФ о правах и свободах означает превращение его в высший суд по вопросам не только конституционного, но и других видов судопроизводства. Однако согласно ст. 126 Конституции РФ в рамках всех этих видов судопроизводства, за исключением конституционного судопроизводства, высшим судебным органом является ВС РФ. В то же время в перечисленных видах судопроизводства невозможно провести четкую границу между полномочиями КС РФ и ВС РФ.

Следующим слабым местом первого варианта является то, что он ведет к существенному повышению нагрузки на КС РФ. Это заставит увеличить состав судей КС РФ и его аппарата. Такой шаг будет нелогичным с учетом того, что в последние годы выраженной была прямо противоположная линия.

Второй вариант заключается в наделении ВС РФ исключительным полномочием по оценке решений иных судов и содержащихся в них фактов и выводов как соответствующих или несоответствующих Конституции РФ. Указанная мера превратит данный суд в орган, который не просто применяет конституционные положения (он это и так делает), а самостоятельно осуществляет, наряду с КС РФ, высший конституционно-судебный контроль, порождая конституционно-судебные позиции за счет казуального толкования Конституции РФ. В структуре ВС РФ за эту работу мог бы отвечать его Президиум или особый орган вроде конституционно-судебного присутствия. В системе имеющихся судебных инстанций данное предлагаемое направление деятельности

могло бы заменить надзор (или даже надзор вкупе со «второй» кассацией).

Данный вариант, предполагающий децентрализацию конституционного контроля в стране, нельзя отвергнуть, что называется с порога, но он может привести к потере единства конституционно-судебной практики и ненужным столкновениям конституционно-судебных позиций КС РФ и ВС РФ. Само по себе столкновение названных позиций не фатально, поскольку приоритет всегда должен оставаться за позициями КС РФ. При этом ВС РФ мог быть наделен правом преюдициального запроса в КС РФ в тех случаях, когда необходимо разрешить вопрос о соответствии его решения позициям КС РФ. Однако не будем забывать, что упразднение в КС РФ его палат было продиктовано именно необходимостью обеспечения единства конституционно-судебной практики. В то же время децентрализованная форма высшего конституционного контроля используется, например, во Франции, где такой контроль, наряду с Конституционным советом, осуществляет и Государственный совет.

Третий вариант не предполагает заметных структурных подвижек и перераспределения полномочий между КС РФ и ВС РФ. Он заключается в усилении правозащитной направленности КС РФ в рамках его полномочий при законодательном уточнении отдельных из них. В отличие от первого варианта, в данном случае КС РФ не осуществляет проверку конституционности судебных решений, сопряженную с их возможной дисквалификацией, но в рамках производства по жалобам граждан он вправе оценить, соответствует ли применение в судебных решениях, вынесенных по делам обратившихся в КС РФ лиц, оспоренных ими нормативных положений конституционно-правовому смыслу последних. Это значимо для последующего пересмотра названных судебных решений в установленном для этого порядке. В данном случае КС РФ не только проверяет оспоренную норму по придаваемому ей судами смыслу, но и оценивает соответствие конституционным стандартам самих судебных решений. К примеру, в определении от 27 января 2020 года № 7-О КС РФ указал, что суд при вынесении приговора в отношении заявителя не проверил все необходимые элементы, закладываемые в формулу обвинения. Суд, в частности, не проверил, был ли причиненный вред

существенным и утратил ли несанкционированный митинг, в котором участвовал заявитель, мирный характер. КС РФ посчитал, что установление названных обстоятельств судом в приговоре является необходимым с конституционной точки зрения условием применения к подсудимому лишения свободы. Данное отказное определение интересно еще и тем, что в нем КС РФ предписал пересмотреть судебные решения по делу заявителя. Для отказных определений это нехарактерно.

В Постановлении от 26 октября 2021 года № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» КС РФ обратил внимание на то, что при рассмотрении дела заявителя ст. 151 ГК РФ применена судами во взаимосвязи с п. 2 ст. 1099 того же Кодекса и истолкована как не предполагающая компенсацию морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния в качестве посягающего на имущественные права. Однако судами не была дана оценка фактическим обстоятельствам дела с точки зрения установления факта причинения потерпевшему от указанного преступления физических или нравственных страданий.

Приведенные суждения КС РФ близки оценке решений нижестоящих судебных инстанций вышестоящими судебными инстанциями. Но наиболее близкий аналог — это разъяснения, даваемые ВС РФ нижестоящим судам по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства. В плане совершенствования данного направления конституционно-судебной деятельности необходимо законодательно наделить КС РФ правом оценивать судебные решения с точки зрения соответствия объективированной в них активной роли суда конституционным стандартам отправления правосудия.

Усилению правозащитного начала в деятельности КС РФ способствовали бы и иные уточнения его полномочий. Так, разумно предложение о предоставлении ему права самостоятельно включать в предмет рассмотрения, наряду с оспоренными актами (нормами), акты (нормы), которые в связке с первыми составляют регулирование, нарушающее права людей. Аналогичное полномочие принадлежит Конституционному суду Австрии. Указанное

право помогает, к примеру, когда заявитель говорит о нормативном дефекте, который содержится не в оспариваемых им, а в иных нормах, также примененных в его деле. КС РФ иногда включает в предмет рассмотрения, наряду с оспоренными нормами, и иные положения, связь с которыми оспоренных норм существенна. Однако пока он не вправе проверять конституционность прямо не оспоренных заявителем норм.

Следовало бы наделить КС РФ и правом принятия окончательного решения о форме и размере компенсации для лица, по жалобе которого он вынес постановление, признавшее оспоренное регулирование неконституционным (содержащее его конституционное истолкование), если судебное дело заявителя по тем или иным причинам не подлежит пересмотру. Обсудить стоило бы и наделение КС РФ правом в исключительных случаях назначать эту компенсацию, когда дело заявителя подлежит пересмотру в ходе исполнения соответствующего конституционно-судебного решения. Помимо трех предложенных вариантов возможны и иные варианты совершенствования правозащитной направленности КС РФ.

УДК 340

Аликперов Х. Д.,
доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований (Баку, Азербайджанская Республика)

О путях дальнейшего укрепления российской государственности посредством кардинальной конституционной реформы: опыт прошедших эпох и современных реалий

Мы слышим клеветы, мы знаем оскорбленья
Тысячеглавой лжи газет,
Измены, зависти и страха порожденья.
Друзей у нашей Руси нет!
Н. Данилевский «Россия и Европа»

Анализ социально-экономических и политико-правовых процессов, происходящих в последние несколько десятилетий в международных отношениях, показывает, что сегодня в результате деструктивной политики Америки международное право превратилось в фарс[1]. Соединенные Штаты настолько распоясались в своем стремлении к мировому господству, что без зазрения совести напрямую вмешиваются не только во внутренние дела других суверенных государств, разрушают их изнутри, а затем разворовывают их ресурсы (к примеру, Ирак), но и вмешиваются в сугубо процессуальную деятельность Международного суда. Речь идет о публичных угрозах Америки ввести пакет серьезных санкций против Международного уголовного суда, если он выдаст ордер на арест премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху. Этот и многие другие примеры искажения международного права

[1] Чего, к примеру, стоят более 18 тысяч рестрикций, введенных против России, что в общей сложности в четыре раза больше, чем против Ирана за все время с момента исламской революции. Помимо этого, США систематически заставляют свои компании отказываться от контактов с Россией, вводят совершенно бандитские ограничения против российских компаний, руководствуясь при этом исключительно критериями национальной принадлежности. Наряду с этим, должностные лица США незаконно оказывают беспардонное давление на третьи страны с тем, чтобы убедить их не общаться с компаниями из России и т. д.

© Аликперов Х. Д., 2024

и устоев миропорядка со всей очевидностью показывают, что они лишь инструмент в руках Соединенных Штатов, с помощью которого Америка стремится сохранять свою гегемонию в мире, сдерживать и наказывать других международных акторов за их независимую внешнюю политику, при этом пребывая в полной уверенности в своей безнаказанности.

Ограниченные рамки статьи не позволяют подробно остановиться на всех корневых вопросах затронутой тематики[1], поэтому кратко изложим лишь некоторые глубинные аспекты управления Российским государством в условиях ведения против него несколькими десятками стран мира прокси-войны, что является искусственной преградой на пути интенсивного социально-экономического развития России, для которого у нее есть все необходимые предпосылки и ресурсы, достаточные для ее самостоятельной трансформации в супердержаву[2].

По нашему мнению, в условиях неприкрытой войны против России со стороны США и их многочисленных сателлитов русским как титульной нации (более 80 % населения страны) крайне

[1] Мы считаем, что рассматриваемая проблема должна стать предметом углубленного изучения различных отраслей науки, в том числе и политической криминологии. Ее инструментарий поможет осветить некоторые важные аспекты активной фазы войны глобальной олигархической власти против России с 2022 года, а если говорить откровенно, то с XVI века. Об этом свидетельствует, к примеру, и тот факт, что Вашингтон не позволил Киеву продолжать переговоры с Москвой о мире в марте 2022 года, а американские государственные деятели (в частности, сенатор-республиканец Л. Грэм) беззастенчиво призывают к убийству российского Президента (См.: *Савостьянов С.* Посол РФ назвал преступным призыв американского сенатора Грэма к убийству Путина // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/ politika/13959997 (дата обращения: 18.05.2024)).

[2] Что же касается отсталости России от ведущих стран мира по отдельным фундаментальным показателям в экономике, промышленности, логистике и т. д., то это вовсе не индикатор слабости или неразвитости Российского государства, т. к. по всем объективным показателям Россия давно должна была стать в мире ведущей экономической державой. Здесь проблема исключительно в непрофессионализме чиновничьего управления, отягощенного к тому же коррупцией, некомпетентностью и вседозволенностью в различных этажах власти. Словом, в России «…очень много всякой дури и несправедливости, начиная с самого низкого уровня и кончая самым-самым высоким» (из выступления Президента РФ В. В. Путина на встрече с лидерами фракций 20 марта 2024 г. См.: Путин заявил, что в России остается много «дури и несправедливости» // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/ politics/20/03/2024/65f9f3989a79471fef54776a (дата обращения: 21.05.2024)).

важно помнить, что Россия — это не Европа и не Азия. Она — государство-цивилизация с уникальным культурно-историческим типом и особым путем исторического развития. Об этом не раз говорили многие выдающиеся мыслители земли русской (к примеру, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Гумилев). Более 150 лет назад русский философ Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» писал, что Европа и Россия — это две цивилизации, или *«…два культурно-исторических типа»*[1].

Особый путь развития предполагает и особую форму управления Российским государством, наполненную не только достижениями правовой мысли и исторического опыта в этой сфере, но и особенностями таких фундаментальных ценностей русского этноса, как самобытность уклада общественной и семейной жизни, космополитический[2] тип мировоззрения, исходящий из Всеединства и Богочеловечества, органическое сочетание которых составляет сердцевину русского народа, на матрице которой скреплены исконные ценности русского духа — православие и соборность, причем, как в церковной, так и в мирской общности.

Вот, пожалуй, не претендующее на исчерпывающую полноту ядро непреходящих духовно-нравственных ценностей, которыми пронизаны культурная идентичность русского народа, его менталитет и самобытность, объединяющие многонациональный этнос Российского государства посредством русского языка. Эти выводы основаны на историческом опыте, который свидетельствует, что русский язык, русская культура и русское мировоззрение как информационная матрица русской цивилизации всегда выступали на Руси цементирующей основой единства более 190 народов, проживающих на ее территории. Словом, сила России — в ее русскости. Как отмечает профессор Л. В. Готчина, данное качество «…определяется не по национальному признаку, а по ду-

[1] *Данилевский Н. Я.* Россія и Европа. Взгляд на культурныя и политическія отношенія Славянского міра къ Германо-Романскому Н. Я. Данилевского. Изданіе исправленное и дополненное. Санкт-Петербургъ, 1871.

[2] В смысле учения об общих закономерностях строения всей охватываемой астрономическими наблюдениями Вселенной и понимание человека как центра Вселенной и цели всех совершающихся в мире событий (антропоцентризм).

ховной привязанности к земле, языку, краю, истории России, как неразрывные элементы одного целого»[1]. В этой связи в качестве первой меры восстановления в полной мере былой славы и международного авторитета России, на наш взгляд, необходимо отказаться от тотальной вестернизации и копирования чужого опыта, особенно «ценностей» деградирующего Запада. Это не только непродуктивно, но, как писал Н. Я. Данилевский, дело губительное для любой цивилизации.

В свете сказанного полагаем, что пришло время пересмотреть действующую в России модель разделения власти, которая в свое время была заимствована у континентальной Европы в ущерб многовековой российской государственности, по многим социально-экономическим и духовно-нравственным параметрам имевшей не только значительное превосходство над другими государствами мира, но и являвшейся оплотом многополярного мира. Эти глубинные качества российской государственности, самобытность русского этноса и благодать народного духа в совокупности позволяли долгое время держать определяющую роль Российского государства как в мировой системе, так и в международных отношениях. В этой связи достаточно сослаться на поразительные по своим масштабам макроэкономические показатели царской России перед началом Первой мировой войны, некоторые из которых по сей день так и не удалось достичь.

Уместно будет напомнить, что еще в 1814 году на Венском конгрессе ведущие государства мира безоговорочно признали Россию великой державой и более ста лет неуклонно считались с нею как с центром мировой силы, оглядывались на нее прежде, чем принять решения глобального характера, остерегаясь ее неизбежной разрушительной реакции на несправедливость и волюнтаризм в международных отношениях, в том числе и на агрессивные вылазки в отношении других стран. Увы, благодаря «воинствующим псевдодемократам» столь мощная и уникальная в своей самобытности Российская держава была уничто-

[1] *Готчина Л. В.* О философии преступности (в связи с докладом Д. А. Шестакова). Отклик на тезисы доклада профессора Д. А. Шестакова // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб : сайт. URL: https://www. criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/468-filosofiya-prestupnosti-i-protivo-dejstviya-ej (дата обращения: 27.05.2024).

жена в 1917 году, а созданный на ее обломках Советский Союз разрушен в 1991 году «ельцинистами» и их сотоварищами. Как результат, Великая Россия в начале 90-х годов прошлого столетия утратила былую славу и мощь, в силу чего оказалась на обочине мировой системы координат. Лишь с приходом к власти В. В. Путина и его команды удалось постепенно поднять Россию-матушку с колен, вернуть россиянам утраченную гордость за свое Отечество, устранить парад суверенитетов региональных лидеров, восстановить вертикаль власти, укрепить в стране законность и правопорядок, оснастить Вооруженные силы РФ, в том числе и Военно-морской флот, современным грозным оружием[1], что поставило крест на однополярном мире и безнаказанном диктате Соединенных Штатов на международной арене.

Естественно, все эти фундаментальные и системообразующие преобразования в России не по вкусу Америке и ее сателлитам, в силу чего они, попирая все мыслимые границы межгосударственных отношений, всякими средствами стремятся развалить Россию[2], в том числе и посредством спровоцированного ими вооруженного конфликта в Украине, руками которой пытаются измотать Российскую Федерацию, подорвать ее экономический и военный потенциал, посеять в российском обществе управляе-

[1] Известный философ и политолог А. Дугин 30 апреля 2024 года в интервью американскому журналисту Такеру Карлсону охарактеризовал Президента России В. В. Путина как человека, успешно восстанавливающего традиционные ценности, суверенитет государства, христианство и традиционную семью (см.: Дугин охарактеризовал Путина // Рамблер/новости : сайт. URL: https://news.ramb-ler.ru/politics/52687085-dugin-oharakterizoval-putina/ (дата обращения: 30.04.2024)).

[2] В частности, в США не могут смириться с тем, что «…Путин в России возрождает «“традиционные ценности, суверенитет государства, христианство, традиционную семью”» (Дугин охарактеризовал Путина // Рамблер/новости : сайт. URL: https://news.rambler.ru/politics/52687085-dugin-oharakterizoval-putina/ (дата обращения: 30.04.2024), поэтому европейские сателлиты США призывают «…сокрушить Россию, как когда-то Советский Союз» («Как когда-то Советский Союз»: в Германии призвали сокрушить Россию // Haqqin.az : сайт. URL: https://haqqin.az/news /318227 (дата обращения: 30.04.2024)). Дошло до того, что 26 мая 2024 года президент такого карликового государства, как Эстония, публично заявил, что его страна «…сделает все, чтобы поставить Россию на колени» (Президент Эстонии пообещал сделать все, чтобы поставить Россию на колени // Haqqin.az : сайт. URL: https://haqqin.az/news/31754422:31 (дата обращения: 27.05.2024)).

мый хаос и межнациональную рознь, нанести ущерб единству, то есть, любой ценой добиться стратегического поражения России. В частности, о степени вовлеченности Соединенных Штатов в этот конфликт говорит тот факт, что Америка и ее карманные западные марионетки (а это более десяти стран) разрешили киевской хунте наносить удары против целей на территории России посредством оружия, переданных ВСУ[1] (к примеру, дальнобойные ракеты *ATACMS*, танки *Abrams* и *Leopard*, зенитно-ракетные комплексы *Patriot* [2]), в том числе для борьбы с российскими военными самолетами. Среди агрессивных противников России особо усердствуют Германия и Франция, лидеры которых (Э. Макрон и О. Шольц), видимо, страдают амнезией, в силу чего забыли о 31 марта 1814 года (в этот день эскадроны кавалерии во главе с императором Александром I триумфально вступили в поверженную столицу Франции) и 8 мая 1945 года (фашистская Германия подписала Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил перед СССР и его союзниками). Но, как сказал лидер России, «…ничего ни у кого до сих пор в этом отношении не получилось и, уверен, ничего не получится»[3]. И нет сомнений в том, что Российская армия в ближайшее время доведет до логического завершения специальную военную операцию (далее — СВО) и полностью выполнит задачи, поставленные перед ней.

[1] Как сказал Президент РФ, «…поставки вооружения, которое будет стрелять по нам, не могут остаться без последствий. И эти последствия обязательно будут» (*Ильина В.* Песков прокомментировал слова Путина о поставке оружия для борьбы с союзниками Киева // RG : сайт. URL: https://rg.ru/2024/06/06/peskov-prokom-mentiroval-slova-putina-o-postavke-oruzhiia-dlia-borby-s-soiuznikami-kieva.html (дата обращения: 06.06.2024)).

[2] Конечно, эти враждебные действия Америки и ее сателлитов не останутся без ответа. Как отметил депутат Государственной Думы А. Картаполов, «…ответные удары со стороны российской армии никто не собирается анонсировать, так как удар должен быть для бывших западных партнеров неожиданным и очень чувствительным» (Картаполов не исключил ударов по НАТО // Рамблер/новости : сайт. URL: https://news.rambler.ru/army/52877887/ ?utmcontent=news_media&utmmedium= read_ more &utm_source=copylinkread_ more&utm_source= copylink (дата обращения: 05.06.2024)).

[3] Из выступления Президента РФ Владимира Путина на российско-белорусских переговорах 24 мая 2024 года (См: Путин Западу: Ничего не получится // Haqqin.az : сайт. URL: https://haqqin.az/news/317363 (дата обращения: 27.05.2024)).

Было бы наивно полагать, что после успешного завершения СВО Соединенные Штаты и их приспешники успокоятся и откажутся от дальнейших устремлений разрушить Россию, ее военный и экономический потенциал, ослабить ее позиции на международной арене, взорвать российское общество изнутри и т. д. Об этом красноречиво свидетельствует и тот факт, что США запретили Киеву урегулировать конфликт с Россией, хотя его можно было разрешить еще в апреле 2022 года.

На наш взгляд, одним из превентивных методов предупреждения подобных разрушительных намерений внешних врагов России могла бы стать кардинальная коррекция нынешнего государственного устройства страны, ибо от эффективного управления государством и его системообразующими институтами из одного Центра во многом будут зависеть будущее России, ее суверенитет и национальная безопасность в условиях растущей с каждым годом неприкрытой агрессии вышеназванных враждебных сил. Полагаем, что на проблемы государственного устройства России пора посмотреть с иного ракурса, выходя при этом за рамки данностей в рассматриваемой сфере. Этот вопрос давно стучится в двери политиков и государствоведов, социологов и правоведов. Так, горький опыт отдельных стран постсоветского пространства последних трех десятилетий показывает[1], что прозападный институт разделения властей изначально не является оптимальной моделью управления государством, так как в нем, во-первых, нет места многим современным органам государства (к примеру, Центральный Банк, муниципалитеты, уполномоченный по правам человека и т. д.); во-вторых, рассчитан на унитарное парламентское государство, в котором власть искусственно раздроблена на три автономные ветви.

Исторический опыт показывает, что высшая государственная власть должна быть неделимой и единой, если, конечно, не забывать, что ветви вырастают из ствола дерева, имеющего как корневую систему, так и крону. При этом место главы Российского государства в древе власти мы видим исключительно в нише его кроны, поскольку он, как государь-державник, должен быть

[1] Особенно некоторых центральноазиатских стран СНГ, где англосаксы стремятся любым путем вытолкнуть Россию из этого региона, закрепиться там, после чего устроить в них «цветные революции».

предводителем народа, координатором социально-экономических процессов, протекающих в различных сегментах жизнедеятельности российского общества, и арбитром для органов государственного управления, законотворчества и правосудия без ущерба их автономной деятельности и демократическим принципам.

В свете сказанного считаем, что пришло время на конституционном уровне признать в России Институт верховной власти, олицетворяющей собой федеральную ветвь власти. В частности, полагаем, что следует на нормативном уровне учредить в России высшую государственную должность — *Верховный правитель Российской Федерации.*

Не затрагивая деталей предложенного института (это предмет отдельного разговора), отметим, что Верховный правитель должен избираться всенародным голосованием и пребывать в этой должности до тех пор, пока его физическое и ментальное здоровье по заключению специалистов позволяет эффективно выполнять возложенные на него функции. Он, наряду с другими полномочиями, должен обладать и правом издания Декрета, имеющего силу федерального конституционного закона.

Что касается базовых демократических принципов управления обществом, в том числе механизма сдержек и противовесов во власти, то эти функции наряду с другими органами может исполнять независимая ни от одного института государства *Федеральная контрольная палата*, призванная осуществлять политико-правовой аудит деятельности законодательного, судебного, исполнительного органов власти и аппарата Верховного правителя России. Ее состав должен избираться Советом Федерации на основе квотного отбора из числа кандидатов, представленных Верховным правителем, Государственной Думой, Верховным удом и Правительством России. Было бы целесообразно переименовать эту высшую структуру представительной власти страны на исконно русское словосочетание «Народный Собор».

Как показывает исторический опыт царской России и Советского Союза, только единство сильной центральной государственной власти на всей территории страны и сплоченность ее народа помогут отстоять российскую государственность перед лицом реальных угроз, сегодня исходящих от Соединенных Штатов и их многочисленных приспешников, цель которых —

уничтожить Россию как государство, стереть ее с политической и экономической карты мира. Нельзя также забывать и о потенциальной угрозе, идущей из региона Юго-Восточной Азии[1], откуда в последние десятилетия все громче звучат территориальные претензии в адрес России[2].

Решение этих фундаментальных задач, стоящих сегодня перед российским обществом, учитывая сложности конкретных путей их реализации, — архисложное дело. Как показывает исторический опыт, все вполне реально, если на то будет твердая воля народа. Об этом свидетельствует положительный опыт современного Китая, Республики Сингапур и т. д.

Несомненно, предложение о пересмотре сложившихся стереотипов управления Российским государством будет воспринято в обществе неоднозначно, в силу чего вполне возможно, что в первое время оно не встретит понимания и поддержки со стороны экспертного сообщества. Пройдет время, мало или много — это другой вопрос, и российское общество придет к выводу, что в условиях перманентной нестабильности на международной арене институт Верховного правителя есть наиболее оптимальный вариант как в управлении страной, так и в отстаивании ее суверенитета, национальной безопасности и государственных интересов.

[1] См. *Рой Д.* С таким другом, как Китай, России и враг не нужен. Дружба дружбой, а обед по расписанию // Haqqin.az : сайт. URL: https://haqqin.az/news/318371 (дата обращения: 04.06.2024).

[2] См.: *Кондратьева В.* Япония выдвинула новые территориальные претензии в адрес России // LENTA.RU : сайт. URL: https://lenta.ru/news/2021/07/24/pretenzia/ (дата обращения: 02.06.2024).

УДК 34

Баранов В. М.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;
Кабанов П. А.,
доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Тимирясова (ИЭУП);
Магизов Р. Р.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета

Реформирование антикоррупционного законодательства субъектов Российской Федерации: достижения, просчеты, перспективы

Российское региональное антикоррупционное законодательство как самостоятельный межотраслевой институт стало формироваться в начале 90-х годов XX века. Первым региональным антикоррупционным законом РФ является принятый в Республике Башкортостан в октябре 1994 года Закон «О борьбе с коррупцией»[1], который утратил силу лишь в июле 2009 года в связи

[1] О борьбе с коррупцией : закон Республики Башкортостан от 13 октября 1994 г. № ВС-25/36 // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1995. № 2 (32), ст. 37.

© Баранов В. М., Кабанов П. А., Магизов Р. Р., 2024

с принятием нового закона — «О противодействии коррупции в Республике Башкортостан»[1].

Вторым региональным антикоррупционным законом стал Закон Волгоградской области «О борьбе с коррупцией на территории Волгоградской области», принятый в июле 2002 года[2], но утративший силу уже в марте 2003 года[3].

В 2006 году сразу три субъекта РФ приняли собственное антикоррупционное законодательство. Следует отметить, что принимались эти законы в субъектах РФ, ныне входящих в Приволжский федеральный округ.

Первым из них был принят в начале мая 2006 года (Закон Республики Татарстан «О противодействии коррупции в Республике Татарстан»[4]), в ноябре 2006 года — Закон Пензенской области «О противодействии коррупции в Пензенской области»[5], в декабре этого же года — Закон Саратовской области «О противодействии коррупции в Саратовской области»[6].

В 2007 году было принято 14 базовых законов субъектов РФ, направленных на противодействие коррупции, а в 2008 году — еще 21 базовый закон и пять законов, утверждавших организаци-

---

[1] О противодействии коррупции в Республике Башкортостан : закон Республики Башкортостан от 13 июля 2009 г. № 145-з // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2009. № 17 (311), ст. 1087.

[2] О борьбе с коррупцией на территории Волгоградской области : закон Волгоградской области от 9 июля 2002 г. № 721-ОД // Волгоградская правда. 2002. 16 июля.

[3] О признании утратившим силу Закона Волгоградской области от 09.07.2002 № 721-ОД «О борьбе с коррупцией на территории Волгоградской области» : закон Волгоградской области от 24 марта 2003 г. // Волгоградская правда. 2003. 29 марта.

[4] О противодействии коррупции в Республике Татарстан : закон Республики Татарстан от 4 мая 2006 г. № 34-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2006. № 5, ст. 1464.

[5] О противодействии коррупции в Пензенской области : закон Пензенской области от 14 ноября 2006 г. № 1141-ЗПО // Пензенские губернские ведомости. 2006. 22 ноября.

[6] О противодействии коррупции в Саратовской области : закон Саратовской области от 29 декабря 2006 г. № 155-ЗСО // Саратовская областная газета. 2007. 23 января.

онно-правовые программы противодействия коррупции в российских регионах[1]. До принятия в декабре 2008 года ФЗ «О противодействии коррупции» в рамках опережающего регионального правотворчества субъектами РФ принято 38 базовых региональных законов, направленных на ограничение коррупции, и пять законов, направленных на утверждение региональных антикоррупционных программ.

После принятия ФЗ «О противодействии коррупции» в остальных субъектах РФ были приняты базовые законы о противодействии коррупции, а также ряд законов, направленных на использование отдельных институтов противодействия коррупции: антикоррупционной экспертизы[2] и предотвращения

[1] Об областной целевой программе «Противодействие коррупции в Калужской области в 2008–2012 годах» : закон Калужской области от 24 октября 2008 г. № 468-ОЗ // Весть. 2008. 29 октября; Об областной целевой Программе «Противодействие коррупции в исполнительных органах государственной власти Тамбовской области на 2008–2010 годы» : закон Тамбовской области от 27 декабря 2007 г. № 330-З // Тамбовская жизнь. 2007. 29 декабря; О Республиканской целевой программе «Профилактика коррупции в Кабардино-Балкарской Республике на 2008–2010 годы» : закон Кабардино-Балкарской Республики от 2 июня 2008 г. № 29-РЗ // Официальная Кабардино-Балкария. 2008. 6 июня; Об областной целевой программе «Противодействие коррупции в Пензенской области (2007–2008 годы)» : закон Пензенской области от 10 октября 2007 г. № 1370-ЗПО // Пензенские губернские ведомости. 2007. 18 октября; Об областной целевой программе «Противодействие коррупции в Саратовской области на 2007–2010 годы» : закон Саратовской области от 2 августа 2007 г. № 147-ЗСО // Саратовская областная газета. 2007. 14 августа.

[2] Об антикоррупционной экспертизе правовых актов и их проектов : закон Забайкальского края от 29 декабря 2008 г. № 110-ЗЗК // Забайкальский рабочий. 2009. 12 января; Об антикоррупционной экспертизе правовых актов Республики Коми и их проектов : закон Республики Коми от 17 апреля 2009 г. № 36-РЗ // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2009. № 12, ст. 199; Об антикоррупционной экспертизе проектов нормативных правовых актов Рязанской области и нормативных правовых актов Рязанской области : закон Рязанской области от 28 декабря 2009 г. № 175-ОЗ // Рязанские ведомости. 2009. 30 декабря; Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Мурманской области и о внесении изменений в Закон Мурманской области «О противодействии коррупции в Мурманской области» : закон Мурманской области от 23 ноября 2009 г. № 1154-01-ЗМО // Мурманский Вестник. 2009. 1 декабря.

(урегулирования) конфликта интересов[1]. В последующем стали приниматься иные региональные законы, направленные на правовое регулирование процедурных вопросов применения федерального и регионального антикоррупционного законодательства, которые в правовой доктрине получили наименование «Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации»[2].

Бурное развитие регионального антикоррупционного законодательства требовало не только доктринального осмысления и доктринального сопровождения антикоррупционного нормотворчества субъектов РФ. В связи с этим с нашим участием в период с 2017 по 2020 год было подготовлено и опубликовано в московском издательстве «Проспект» три сборника регионального антикоррупционного законодательства[3], которые отразили всю глубину реформирования регионального антикоррупп-

[1] О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Владимирской области и урегулированию конфликта интересов : закон Владимирской области от 7 октября 2010 г. № 94-ОЗ // Владимирские ведомости. 2010. 13 октября; О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Оренбургской области и урегулированию конфликта интересов : закон Оренбургской области от 18 ноября 2011 г. № 576/149-V-ОЗ // Оренбуржье. 2011. 2 декабря; О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Камчатского края и урегулированию конфликта интересов : закон Камчатского края от 3 декабря 2010 г. № 526 // Официальные Ведомости. 2010. 23 декабря.

[2] См.: *Кабанов П. А*. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: формирование и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 2. С. 300–333; *Кабанов П. А.* Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее вопросы представления, проверки и обнародования сведений об имущественном положении отдельных категорий лиц : монография. Нижний Новгород, 2020. 253 с.

[3] См.: Антикоррупционное законодательство субъектов Российской Федерации : сборник нормативных правовых актов / отв. ред. В. М. Баранов; сост. И. И. Бикеев, П. А. Кабанов, Р. Р. Магизов, Л. Р. Хайрутдинова. Москва, 2017. 1120 с.; Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации : сборник нормативных правовых актов / сост. В. М. Баранов [и др.]. Москва, 2018. 1152 с.; Правовое регулирование организации и проведения антикоррупционной экспертизы в субъектах Российской Федерации : сборник нормативных правовых актов / отв. ред. В. М. Баранов; сост. И. И. Бикеев, П. А. Кабанов, Р. Р. Магизов, Л. Р. Хайрутдинова. Москва, 2020. 936 с.

ционного законодательства, возникшие просчеты при его формировании, изменении и дополнении, а также позволили наметить его ближайшую перспективу развития.

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ действующего и утратившего силу регионального антикоррупционного законодательства показал, что за 30-летний период (с 1994 по 2024 год) субъектами РФ принято чуть более 1 250 региональных законов, направленных на противодействие коррупции, включая законы о внесении изменений и дополнений в базовые законы о противодействии коррупции, и более 40 000 подзаконных НПА региональных органов власти и органов местного самоуправления. Подсчитать точное количество принятых НПА по вопросам противодействия коррупции сложно, поскольку они довольно часто принимаются без указания на то, что ими вносятся изменения в антикоррупционное законодательство. Имеющийся массив НПА с трудом может быть учтен, описан и классифицирован на различные группы для оценки его регулирующего воздействия.

В исследуемый нами период изменения в базовом региональном антикоррупционном законодательстве происходят в основном за счет того, что федеральные власти устанавливают новые антикоррупционные требования к отдельным категориям лиц: предоставление сведений о расходах[1]; запрет отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами[2].

В связи с принятием первого из указанных выше ФЗ субъектами РФ было принято 95 законов о внесении изменений в региональное законодательство связанных с обеспечением контроля за соответствием расходов отдельных категорий должностных лиц

[1] О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : ФЗ от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 50, ч. 4, ст. 6953.

[2] О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами : ФЗ от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2306.

их доходам[1], а иногда и принятия специального законодательства[2]. В связи с принятием второго закона в 15 субъектах РФ были приняты изменения в региональном законодательстве, связанные с исполнением запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами[3].

---

[1] Например: О внесении изменений и дополнений в отдельные областные законы в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : закон Архангельской области от 22 апреля 2013 г. № 659-39-ОЗ // Волна. 2013. 30 апреля; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Татарстан в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : закон Республики Татарстан от 29 марта 2013 г. № 24-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2013. № 3, ст. 367.

[2] Например: О некоторых вопросах контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам в Курской области : закон Курской области от 28 марта 2013 г. № 20-ЗКО // Курская правда. 2013. 2 апреля; О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности Пермского края, лиц, замещающих муниципальные должности в муниципальных образованиях Пермского края, государственных гражданских служащих Пермского края, муниципальных служащих в Пермском крае и иных лиц их доходам : закон Пермского края от 11 ноября 2013 г. № 239-ПК // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2013. № 45.

[3] Например: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Марий Эл в связи с принятием Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» : закон Республики Марий Эл от 1 августа 2013 г. № 23-З // Республика Марий Эл : офиц. интернет-портал. URL: http://www.portal.mari.ru (дата обращения: 06.05.2024); О внесении изменений в отдельные законы Кировской области в связи с принятием Федерального закона «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» : закон Кировской области от 24 июля 2013 г. № 315-ЗО // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2013. № 5 (149), ст. 5313.

Проведенное нами исследование регионального антикоррупционного законодательства показало, что оно значительно изменилось в связи с учреждением органов специальной компетенции — органов субъектов РФ по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а также комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах РФ. Это стало возможным в связи утверждением типовых положений об этих органах, предусмотренных Указом Президента РФ от 15 июля 2015 года № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции»[1]. Упомянутым указом изменено правовое положение ранее действовавших при главах субъектов РФ разнообразных и разнородных совещательных, экспертных, консультативных и координационных органов по противодействию коррупции, закреплены основные функции региональных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Правовое положение этих органов было закреплено в региональном антикоррупционном законодательстве большинства субъектов РФ. Так, статьей 12 закона Кировской области предусмотрено учреждение уполномоченного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений[2]; в Нижегородской области ст. 13 Закона Нижегородской области «О противодействии коррупции в Нижегородской области» предусмотрено формирование и функционирование комиссии по координации работы по противодействию коррупции, а ст. 13[1] предусмотрена деятельность органа Нижегородской области по профилактике коррупционных и иных правонарушений[3]. Аналогичные изменения затронули практически все базовое региональное антикоррупционное законодательство, закрепив основные функции региональных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений и комиссий по координации работы по противодей-

[1] О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции : указ Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 364 // СЗ РФ. 2015. № 29, ч. II, ст. 4477.

[2] О противодействии коррупции в Кировской области : закон Кировской области от 30 апреля 2009 г. № 365-ЗО (в ред. от 27 февраля 2024 г. № 249-ЗО) // Вятский край. 2009. 13 мая.

[3] О противодействии коррупции в Нижегородской области : закон Нижегородской области от 7 марта 2008 г. № 20-З (в ред. от 14 декабря 2023 г. № 162-З) // Правовая среда. 2008. 20 марта.

ствию коррупции субъектов РФ. Было принято около 210 подзаконных НПА, регулирующих их деятельность. Фактически осуществилась институционализация региональных органов специальной компетенции по противодействию коррупции, которую следует отнести к очевидному успеху, направленному на организационно-правовое совершенствование системы управления противодействием коррупции на региональном уровне.

Проведенное нами исследование показало, что принятие ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[1], а также одноименного постановления Правительства РФ[2] повлекли изменения в базовом региональном антикоррупционном законодательстве, устанавливающие процедуры применения этого инструмента профилактики коррупции при осуществлении правотворчества. Следует оговориться: этот инструмент имеет существенное значение не только в качестве средства профилактики коррупции, но и в качестве средства повышения качества регионального правотворчества, о чем мы уже писали[3].

Анализ регионального антикоррупционного законодательства показывает, что в нем отчетливо просматривается тенденция совершенствования правового регулирования процедурных вопросов, связанных с применением антикоррупционных мер в отношении отдельных категорий должностных лиц субъектов РФ, включая привлечение их к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения. Особое место среди этих законодательных актов занимают региональные специальные законы, регулирующие порядок увольнения с государственной службы, освобождения от должности, досрочного прекращения полномочий лиц, замещающих государственных должности субъектов РФ,

[1] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : ФЗ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2022 г. № 498-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 29, ст. 3609.

[2] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (в ред. от 20 апреля 2024 г. № 515) // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

[3] См.: *Баранов В. М.*, *Кабанов П. А.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов как инструмент повышения качества правотворчества в субъектах Российской Федерации: практика правового регулирования // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 63–74.

в связи с утратой доверия. На 1 мая 2024 года такие региональные специальные законы были принято и действовали в 22 субъектах РФ[1], хотя в отдельных российских регионах эти процедуры достаточно полно регламентируются законодательством о правовом статусе лиц, замещающих государственные должности субъекта РФ либо ином законодательстве.

Особенности изменений регионального антикоррупционного законодательства напрямую связаны с введением дополнительных антикоррупционных требований, предусмотренных федеральными НПА. В отдельных субъектах РФ принимается специальное антикоррупционное процессуальное законодательство, предусматривающее уведомление работодателя в определенных случаях (например, в случаях предоставления уведомлений работодателя о наличии цифровых активов у отдельных категорий чиновников или претендентов на отдельные должности). На 1 мая 2024 года предоставление таких уведомлений предусмотрено действующим специальным антикоррупционным процессуальным законодательством 11 субъектов РФ. Уведомления о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, утилитарных цифровых прав, цифровой валюты у отдельных категорий чиновников или претендентов на отдельные должности предусмотрено законодательством Республики Саха (Якутия)[2], Крас-

[1] О порядке увольнения (освобождения от должности, досрочного прекращения полномочий) лиц, замещающих государственные должности Санкт-Петербурга, в связи с утратой доверия : закон Санкт-Петербурга от 8 февраля 2018 г. № 29-8 (в ред. от 7 декабря 2023 г. № 722-151) // Администрация Санкт-Петербурга : офиц. сайт. URL: http://www.gov.spb.ru (дата обращения: 06.05.2024); О порядке увольнения (освобождения от должности) лиц, замещающих государственные должности Мурманской области, в связи с утратой доверия : закон Мурманской области от 3 июля 2015 г. № 1887-01-ЗМО (в ред. от 12 февраля 2024 г. № 2970-01-ЗМО) // Ведомости Мурманской областной Думы. 2015. № 157. С. 527–531; О порядке освобождения от должности лиц, замещающих государственные должности Республики Крым, в связи с утратой доверия : закон Республики Крым от 27 апреля 2016 г. № 241-ЗРК/2016 (в ред. от 30 июня 2020 г. № 95-ЗРК/2020) // Крымские известия. 2016. 11 мая.

[2] О представлении гражданами, претендующими на замещение муниципальных должностей, уведомлений о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых прав, цифровой валюты : Закон Республики Саха (Якутия) от 29 марта 2021 г. 2335-З № 581-VI // Якутские ведомости. 2021. 8 апреля.

нодарского[1], Пермского[2] и Хабаровского[3] краев, Амурской[4], Брянской[5], Воронежской[6], Курской[7], Липецкой[1] и Тверской[2] областей, а также в Чукотском автономном округе[3].

---

[1] О регулировании вопросов, связанных с представлением уведомления о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых прав, цифровой валюты : закон Краснодарского края от 30 апреля 2021 г. № 4457-КЗ // Официальный сайт Администрация Краснодарского края : офиц. сайт. URL: http://admkrai.krasnodar.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[2] О представлении уведомлений о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых прав и цифровой валюты и о внесении изменений в отдельные законы Пермского края : закон Пермского края от 19 февраля 2021 г. № 626-ПК // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2021. 22 февраля.

[3] О представлении уведомлений о цифровых финансовых активах, цифровых правах, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте (при их наличии) : закон Хабаровского края от 18 февраля 2021 г. № 147 (в ред. от 28 апреля 2021 г. № 165) // Нормативно правовые акты Хабаровского края : офиц. интернет-портал. URL: http://laws.khv.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[4] О представлении уведомлений о цифровых финансовых активах, цифровых правах, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте : закон Амурской области от 29 апреля 2021 г. № 727-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[5] О представлении гражданами, претендующими на замещение муниципальной должности, уведомления о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых прав, цифровой валюты : закон Брянской области от 26 апреля 2021 г. № 30-З // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[6] О представлении уведомлений о цифровых финансовых активах, цифровых правах, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте (при их наличии) : закон Воронежской области от 26 декабря 2020 г. № 133-ОЗ // Воронежская область : официальный портал органов власти. URL: https://www.govv rn.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[7] О представлении гражданами, претендующими на замещение муниципальной должности, должности главы местной администрации по контракту, уведомления о принадлежащих им, их супругам и несовершеннолетним детям цифровых финансовых активах, цифровых правах, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Курской области : закон Курской области от 30 марта 2021 г. № 11-ЗКО // Администрация Курской области : офиц. сайт. URL: http://adm.rkursk.ru (дата обращения: 06.05.2024).

В некоторых других регионах были внесены изменения и дополнения в базовое антикоррупционное законодательство[4] либо иное региональное законодательство[5], предусматривающие уведомление отдельных категорий чиновников и претендентов на эти должности о наличии у них цифровых финансовых активов, цифровых прав, утилитарных цифровых прав, цифровой валюты. Однако значительная доля норм антикоррупционного процессуального законодательства о порядке предоставления указанных уведомлений регулируется подзаконными НПА субъектов РФ[6]

---

[1] О представлении уведомления лицами, претендующими на замещение государственных и муниципальных должностей Липецкой области, а также должностей государственной гражданской службы Липецкой области, о наличии цифровых финансовых активов, цифровой валюты : закон Липецкой области от 16 февраля 2021 г. № 503-ОЗ // Липецкая газета. 2021. 19 февраля.

[2] О представлении уведомлений о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых прав и цифровой валюты : закон Тверской области от 27 апреля 2021 г. № 26-ЗО // Тверские ведомости. 2021. 12–18 мая.

[3] О представлении сведений о цифровых финансовых активах, цифровых правах, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте : закон Чукотского автономного округа от 22 марта 2021 г. № 11-ОЗ // Ведомости. 2021. 26 марта.

[4] О предоставлении отдельными категориями лиц сведений о принадлежащих им цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в Закон Мурманской области «О противодействии коррупции в Мурманской области» : закон Мурманской области от 8 апреля 2021 г. № 2622-01-ЗМО // Мурманский Вестник. 2021. 16 апреля.

[5] О внесении изменений в отдельные законы Новосибирской области по вопросу реализации отдельных положений федерального законодательства о цифровых финансовых активах, цифровой валюте : закон Новосибирской области от 3 февраля 2021 г. № 54-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[6] Например: О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и о внесении изменений в отдельные указы Президента Республики Татарстан по вопросам противодействия коррупции : указ Президента Республики Татарстан от 3 июня 2021 г. № УП-427 // Собрание законодательства Республики Татарстан. 2021. № 44, ст. 1189.

и нормативными актами органов местного самоуправления муниципальных образований[1].

В отдельных случаях специальное антикоррупционное процессуальное законодательство предусматривает уведомление работодателя об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией. Такое антикоррупционное процессуальное законодательство принято и действует в 17 субъектах РФ: Республике Дагестан[2], Республике Саха (Якутия)[3], Республике Хакасия[4], Чу-

[1] Например: Об особенностях представления лицами, поступающими на должность руководителя муниципального учреждения Канашского района Чувашской Республики, сведений о цифровых финансовых активах, цифровых правах, утилитарных цифровых правах и цифровой валюте в 2021 году : постановление администрации Канашского района Чувашской Республики от 1 апреля 2021 г. № 208 // Вестник органов местного самоуправления Канашского района. 2021. 9 апреля.

[2] О порядке предварительного уведомления Главы Республики Дагестан лицами, замещающими государственные должности Республики Дагестан, лицами, замещающими муниципальные должности в Республике Дагестан, о намерении участвовать на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией и о порядке получения муниципальными служащими разрешения представителя нанимателя на участие на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Республики Дагестан от 29 мая 2021 г. № 40 // Дагестанская правда. 2021. 3 июня.

[3] О порядке уведомления Главы Республики Саха (Якутия) об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией и получения разрешения представителя нанимателя на участие на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Республики Саха (Якутия) от 23 апреля 2020 г. 2234-З № 379-VI // Якутские ведомости. 2020. 24 июля.

[4] О Порядке предварительного уведомления Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия лицами, замещающими муниципальные должности в Республике Хакасия и осуществляющими свои полномочия на постоянной основе, о намерении участвовать на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Республики Хакасия от 16 ноября 2020 г. № 69-ЗРХ (в ред. от 14 марта 2023 г. № 22-ЗРХ) // Хакасия. 2020. 20 ноября; О Порядке предварительного уведомления депутатами Верховного Совета Республики Хакасия, осуществляющими свои полномочия на профессиональной основе, и иными лицами, замещающими государственные должности Республики Хакасия, о намерении участвовать на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Республики Хакасия от 9 февраля 2021 г. № 02-ЗРХ (в ред. от 2 ноября 2022 г. № 75-ЗРХ) // Вестник Хакасии. 2021. 9 февраля.

вашской Республике[1], городе федерального значения Санкт-Петербурге[2], Хабаровском крае[3], Воронежской[4], Иркутской[5], Курской[6], Новгородской[1], Орловской[2], Рязанской[3], Сахалинской[1],

[1] О порядке предварительного уведомления Главы Чувашской Республики лицами, замещающими отдельные государственные должности Чувашской Республики, о намерении участвовать на безвозмездной основе в управлении некоммерческими организациями : закон Чувашской Республики от 14 июля 2020 г. № 56 (в ред. от 24 июня 2021 г. № 45) // Республика. 2020. 15 июля.

[2] О порядке предварительного уведомления Губернатора Санкт-Петербурга лицом, замещающим муниципальную должность в Санкт-Петербурге и осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Санкт-Петербурга от 23 июля 2020 г. № 375-84 (в ред. от 21 декабря 2022 г. № 766-122) // Администрация Санкт-Петербурга : офиц. сайт. URL: http://www.gov.spb.ru (дата обращения: 06.05.2024); О порядке предварительного уведомления Губернатора Санкт-Петербурга лицом, замещающим государственную должность Санкт-Петербурга, об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Санкт-Петербурга от 23 июля 2020 г. № 373-83 (в ред. от 23 сентября 2022 г. № 458-78) // Администрация Санкт-Петербурга : офиц. сайт. URL: http://www.gov.spb.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[3] О порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Хабаровского края и осуществляющими свои полномочия на постоянной основе, об их участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Хабаровского края от 26 февраля 2020 г. № 50 (в ред. от 26 мая 2021 г. № 170) // Официальный интернет-портал нормативных правовых актов Хабаровского края. URL: http://laws.khv.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[4] О порядке уведомления губернатора Воронежской области лицом, замещающим муниципальную должность, об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Воронежской области от 26 марта 2020 г. № 29-ОЗ (в ред. от 13 марта 2023 г. № 8-ОЗ) // Воронежская область : официальный портал органов власти. URL: https://www.govvrn.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[5] О порядке предварительного уведомления Губернатора Иркутской области об участии на безвозмездной основе в управлении отдельными некоммерческими организациями : закон Иркутской области от 30 июня 2020 г. № 62-ОЗ (в ред. от 30 октября 2023 г. № 126-ОЗ) // Областная. 2020. 8 июля.

[6] О порядке предварительного уведомления Губернатора Курской области лицами, замещающими муниципальные должности Курской области и осуществляющими свои полномочия на постоянной основе, об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Курской области от 2 июня 2020 г. № 38-ЗКО (в ред. от 10 ноября 2022 г. № 109-ЗКО) // Курская правда. 2020. 5 июня; О порядке предварительного уведомления Губернатора Курской области лицами, замещающими государственные должности Курской области (за исключением депутатов Курской областной Думы, осуществляющих депутатскую деятельность на профессиональной основе), об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Курской области от 2 июня 2020 г. № 46-ЗКО (в ред. от 10 ноября 2022 г. № 109-ЗКО) // Курская правда. 2020. 5 июня.

[1] О порядке предварительного уведомления Губернатора Новгородской области лицом, замещающим муниципальную должность, осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией (кроме участия в управлении политической партией, органом профессионального союза, в том числе выборным органом первичной профсоюзной организации, созданной в органе местного самоуправления, аппарате избирательной комиссии муниципального образования, участия в съезде (конференции) или общем собрании иной общественной организации, жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, товарищества собственников недвижимости) : областной закон Новгородской области от 29 мая 2020 г. № 568-ОЗ (в ред. от 1 марта 2021 г. № 684-ОЗ) // Новгородские ведомости. 2020. 5 июня; О порядке предварительного уведомления Губернатора Новгородской области лицами, замещающими государственные должности Новгородской области (за исключением депутатов Новгородской областной Думы), об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией (кроме участия в управлении политической партией, органом профессионального союза, участия в съезде (конференции) или общем собрании иной общественной организации, жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, товарищества собственников недвижимости) : областной закон Новгородской области от 29 мая 2020 г. № 567-ОЗ (в ред. от 1 марта 2021 г. № 684-ОЗ) // Новгородские ведомости. 2020. 5 июня.

[2] О порядке предварительного уведомления Орловского областного Совета народных депутатов депутатами Орловского областного Совета народных депутатов, осуществляющими свои полномочия на профессиональной основе, об участии на безвозмездной основе в управлении отдельными некоммерческими организациями : закон Орловской области от 30 июня 2020 г. № 2494-ОЗ (в ред. от 7 марта 2023 г. № 2882-ОЗ) // Орловская правда. 2020. 3 июля; О порядке предварительного уведомления Губернатора Орловской области лицами, замещающими муниципальные должности и осуществляющими свои полномочия на постоянной основе, об участии на безвозмездной основе в управлении отдельными некоммерческими организациями : закон Орловской области от 30 марта 2020 г. № 2467-ОЗ (в ред. от 26 ноября 2021 г. № 2704-ОЗ) // Орловская правда. 2020. 3 апреля; О порядке предварительного уведомления Губернатора Орловской области лицами, замещающими государственные должности Орловской области и осуществляющими свои полномочия на постоянной основе, об участии на безвозмездной основе в управлении отдельными некоммерческими организациями : закон Орловской области от 30 марта 2020 г. № 2461-ОЗ (в ред. от 26 ноября 2021 г.) // Орловская правда. 2020. 3 апреля.

[3] О регулировании отдельных вопросов, связанных с представлением уведомления о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых прав, цифровой валюты с 1 января по 30 июня 2021 года : закон Рязанской области от 28 декабря 2020 г. № 101-ОЗ // Рязанские ведомости. 2020. 28 декабря. URL: www.rv-ryazan.ru (дата обращения: 06.05.2024).

Смоленской[2], Тульской[3] и Ульяновской[4] областях, а также Ямало-Ненецком автономном округе[1]. В то же время в большинстве субъ-

---

[1] О порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Сахалинской области, муниципальные должности и осуществляющими свои полномочия на постоянной основе, об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : закон Сахалинской области от 30 июня 2020 г. № 48-ЗО // Губернские ведомости. 2020. 8 июля.

[2] О порядке предварительного уведомления лицами, замещающими государственные должности Смоленской области, Губернатора Смоленской области об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией (кроме участия в управлении политической партией, органом профессионального союза, участия в съезде (конференции) или общем собрании иной общественной организации, жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, товарищества собственников недвижимости) : закон Смоленской области от 28 мая 2020 г. № 65-з (в ред. от 14 декабря 2023 г. № 131-з) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024); О порядке предварительного уведомления в Смоленской области осуществляющими свои полномочия на постоянной основе депутатом, членом выборного органа местного самоуправления, выборным должностным лицом местного самоуправления Губернатора Смоленской области об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией (кроме участия в управлении политической партией, органом профессионального союза, в том числе выборным органом первичной профсоюзной организации, созданной в органе местного самоуправления, аппарате избирательной комиссии муниципального образования, участия в съезде (конференции) или общем собрании иной общественной организации, жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, товарищества собственников недвижимости) : закон Смоленской области от 28 мая 2020 г. № 64-з // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[3] О порядке предварительного уведомления лицами, замещающими отдельные государственные должности Тульской области и муниципальные должности, об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией» // Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации : закон Тульской области от 27 марта 2020 г. № 14-ЗТО (в ред. от 29 сентября 2022 г. № 91-ЗТО). URL: http://npatula.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[4] О порядке предварительного уведомления Губернатора Ульяновской области об участии лица, замещающего муниципальную должность в муниципальном образовании Ульяновской области и осуществляющего свои полномочия на постоянной основе, на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией (кроме участия в управлении политической партией, органом профессионального союза, в том числе выборным органом первичной профсоюзной организации, созданной в органе местного самоуправления, участия в съезде (конференции) или общем собрании иной общественной организации, жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, товарищества собственников недвижимости) : закон Ульяновской области от 22 июня 2020 г. № 65-ЗО (в ред. от 28 июня 2022 г. № 60-ЗО) // Ульяновская правда. 2020. 10 июля.

ектов РФ указанные процедурные нормы содержатся в подзаконных НПА региональных органов власти[2] и муниципальных НПА[3].

Проведенный нами анализ регионального антикоррупционного процессуального законодательства показал: начиная с 2023 года региональные органы власти стали активно разрабатывать и принимать собственное законодательство, устанавливаю-

---

[1] О представлении уведомлений о наличии цифровых финансовых активов, цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и иные цифровые права, утилитарных цифровых прав, цифровой валюты : закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 19 февраля 2021 г. № 1-ЗАО // Красный Север. 2021. 24 февраля.

[2] Например: Об утверждении Типового положения о порядке получения государственными гражданскими служащими города Москвы разрешения представителя нанимателя на участие на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией (кроме участия в управлении политической партией, органом профессионального союза, в том числе выборным органом первичной профсоюзной организации, созданной в государственном органе, участия в съезде (конференции) или общем собрании иной общественной организации, жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, товарищества собственников недвижимости) : указ мэра Москвы от 22 июня 2020 г. № 73-УМ // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 36; Об утверждении Порядка получения государственными гражданскими служащими органов исполнительной власти, государственных органов Белгородской области разрешения на участие на безвозмездной основе в управлении некоммерческими организациями : постановление правительства Белгородской области от 6 июня 2022 г. № 336-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024); О предварительном уведомлении Главы Республики Башкортостан лицами, замещающими государственные должности Республики Башкортостан (за исключением депутатов Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан) и осуществляющими свои полномочия на постоянной основе, об участии на безвозмездной основе в управлении некоммерческой организацией : указ главы Республики Башкортостан от 9 июня 2020 г. № УГ-208 // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: http://npa.bashkortostan.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[3] Например: О порядке подачи обращения гражданином, замещавшим должность муниципальной службы, о даче согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по муниципальному (административному) управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности : распоряжение администрации Тужинского муниципального района Кировской области от 7 ноября 2022 г. № 138 // Бюллетень муниципальных нормативных правовых актов органов местного самоуправления Тужинского муниципального района Кировской области. 2022. № 28 (337).

щее процедурные вопросы уведомления лицами, замещающими государственные должности субъектов РФ, правоохранительные органы и/или работодателя о фактах обращения к ним в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений.

На 1 мая 2024 года **в восьми субъектах РФ** приняты специальные законы, устанавливающие процедурные вопросы уведомления лицами, замещающими государственные должности субъектов РФ, о фактах обращения к ним в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений. Специальные антикоррупционные законы действуют в Республике Ингушетия[1], Республике Марий Эл[2], городе федерального значения Санкт-Петербурге[3], Иркутской[4], Новгородской[5], Сахалинской[6],

[1] О порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Республики Ингушетия, о фактах обращения к ним в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений : закон Республики Ингушетия от 2 ноября 2023 г. № 74-РЗ // Ингушетия. 2023. 8 ноября. URL: http://www.gazetaingush.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[2] О порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Республики Марий Эл, о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений : закон Республики Марий Эл от 9 марта 2023 г. № 2-З // Республика Марий Эл : официальный интернет-портал. URL: https://mari-el.gov.ru/ (дата обращения: 06.05.2024).

[3] О порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Санкт-Петербурга, о фактах обращения к ним в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений : закон Санкт-Петербурга от 29 июня 2023 г. № 413-78 // Администрация Санкт-Петербурга : офиц. сайт. URL: http://www.gov.spb.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[4] О порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Иркутской области, обо всех фактах обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений органов прокуратуры или других государственных органов : закон Иркутской области от 5 июля 2023 г. № 102-ОЗ // Областная. 2023. 21 июля.

[5] О порядке уведомления органов прокуратуры или других государственных органов лицами, замещающими государственные должности Новгородской области, о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений : областной закон Новгородской области от 2 мая 2023 г. № 322-ОЗ // Новгородские ведомости. 2023. 5 мая.

[6] О порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Сахалинской области, о фактах (случаях) обращения к ним лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений : закон Сахалинской области от 14 июля 2023 г. № 68-ЗО // Губернские ведомости. 2023. 19 июля.

Смоленской[1] и Тульской[2] областях. Еще **в семи субъектах РФ** аналогичные нормы приняты высшим должностным лицом субъекта РФ, среди которых: Архангельская[3], Белгородская[4], Ленинградская[5], Мурманская[1] и Саратовская[2] области, а также Ненецкий[3] и Ханты-Мансийский[4] автономные округа.

---

[1] О порядке уведомления лицами, замещающими государственные должности Смоленской области, органов прокуратуры или других государственных органов обо всех фактах обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений : закон Смоленской области от 25 апреля 2023 г. № 40-з (в ред. от 14 декабря 2023 г. № 131-з) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[2] О порядке уведомления лицами, замещающими отдельные государственные должности Тульской области, о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений : закон Тульской области от 26 мая 2023 г. № 37-ЗТО // Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации : сайт. URL: http://npatula.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[3] Об установлении формы уведомления Губернатора Архангельской области о фактах обращения в целях склонения лица, замещающего государственную должность первого заместителя Губернатора Архангельской области – председателя Правительства Архангельской области, первого заместителя Губернатора Архангельской области, заместителя Губернатора Архангельской области, заместителя председателя Правительства Архангельской области, министра Архангельской области, уполномоченного при Губернаторе Архангельской области по правам ребенка, уполномоченного при Губернаторе Архангельской области по защите прав предпринимателей, к совершению коррупционных правонарушений и формы журнала регистрации таких уведомлений» : указ губернатора Архангельской области от 9 июля 2020 г. № 103-у // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[4] Об утверждении формы уведомления о факте обращения в целях склонения лица, замещающего государственную должность Белгородской области, к совершению коррупционного правонарушения, направляемого в орган Белгородской области по профилактике коррупционных и иных правонарушений : распоряжение губернатора Белгородской области от 7 августа 2023 г. № 109-р // Региональное законодательство. Белгородская область : офиц. сайт. URL: http://maxi-forum.ru/ (дата обращения: 22.05.2024).

[5] Об утверждении Порядка рассмотрения уведомлений лиц, замещающих государственные должности Ленинградской области (за исключением депутатов Законодательного собрания Ленинградской области), о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения : постановление губернатора Ленинградской области от 26 июля 2023 г. № 57-пг // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

Проведенное нами исследование показало, что антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов РФ активно развивается и в других направлениях в рамках реализации положений о соблюдении антикоррупционных требований (например, о необходимости письменного уведомления работником работодателя о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов). Здесь в основном дублируются положения федерального антикоррупционного законодательства и конкретизируются полномочия региональных органов власти по проведению служебных проверок таких уведомлений.

---

[1] О Порядке уведомления Губернатора Мурманской области о фактах обращения в целях склонения лица, замещающего государственную должность Мурманской области, к совершению коррупционных правонарушений : постановление губернатора Мурманской области от 26 января 2022 г. № 8-ПГ // Электронный бюллетень Правительства Мурманской области. 2022. 31 января. URL: http://www.gov-murman.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[2] Об утверждении Положения о порядке регистрации уведомлений о фактах обращения в целях склонения лица, замещающего государственную должность Саратовской области, к совершению коррупционных правонарушений, направляемых в государственный орган Саратовской области по профилактике коррупционных и иных правонарушений, и проверки сведений, содержащихся в уведомлениях : постановление губернатора Саратовской области от 2 мая 2023 г. № 119 // Новости Саратовской губернии. 2023. 3 мая. URL: www.g-64.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[3] Об утверждении Порядка уведомления представителя нанимателя лицами, замещающими отдельные государственные должности Ненецкого автономного округа, должности государственной гражданской службы Ненецкого автономного округа, о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений : постановление губернатора Ненецкого автономного округа от 27 ноября 2015 г. № 97-пг (в ред. от 17 апреля 2019 г. № 26-пг) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.05.2024).

[4] О порядке приема и регистрации копий уведомлений о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений лиц, замещающих государственные должности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, указанные в пунктах 1–4, 5.1, 16–19, 23–24.1 статьи 1 Закона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24 октября 2005 года № 89-оз «О государственных должностях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» : постановление губернатора ХМАО – Югры от 22 июня 2023 г. № 84 // Новости Югры. 2023. 10 октября.

Необходимо отметить, что в региональном антикоррупционном процессуальном законодательстве появляются уникальные НПА, принимаемые в качестве региональных законов, регулирующие порядок принятия лицами, замещающими государственные должности субъекта РФ, почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций. Например, в 2016 году был принят Закон Оренбургской области «Об утверждении Положения о порядке принятия лицами, замещающими государственные должности Оренбургской области, почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций»[1], который регулирует участие в наградных отношениях с иностранными, международными и общественными организациями лиц, замещающими государственные должности Оренбургской области. В других российских регионах аналогичные правоотношения регулируются подзаконными НПА[2].

[1] Об утверждении Положения о порядке принятия лицами, замещающими государственные должности Оренбургской области, почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций : закон Оренбургской области от 27 октября 2016 г. № 32/10-VI-ОЗ (в ред. от 26 мая 2020 г. № 2266/607-VI-ОЗ) // Оренбуржье. 2016. 3 ноября.

[2] Об утверждении Положения о порядке принятия лицами, замещающими отдельные государственные должности Республики Марий Эл, отдельные должности государственной гражданской службы Республики Марий Эл, почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия (за исключением научных и спортивных) иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций : указ главы Республики Марий Эл от 16 декабря 2015 г. № 349 (в ред. от 2 марта 2016 г. № 52) // Республика Марий Эл : офиц. интернет-портал. URL: https://mari-el.gov.ru/ (дата обращения: 06.05.2024); О порядке принятия лицами, замещающими отдельные государственные должности Республики Мордовия, государственными гражданскими служащими Республики Мордовия почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций : указ главы Республики Мордовия от 9 марта 2016 г. № 58-УГ (в ред. от 13 июня 2019 № 137-УГ) // Известия Мордовии. 2016. 11 марта; О Порядке принятия лицами, замещающими государственные должности Республики Татарстан, избрание или назначение на которые осуществляется Государственным Советом Республики Татарстан, почетных и специальных званий, наград и иных знаков отличия (за исключением научных и спортивных) иностранных государств, международных организаций, политических партий, иных общественных объединений и других организаций : постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 28 июня 2016 г. № 1333-V ГС // Ведомости Государственного Совета Татарстан. 2016. № 6, ч. III, ст. 572.

В исследуемый нами период в субъектах РФ отчетливо просматривается тенденция к совершенствованию правового регулирования процедурных вопросов применения норм материального права, установленного федеральным антикоррупционным законодательством, то есть интенсивно развивается российское региональное антикоррупционное процессуальное законодательство.

Особенности правового регулирования противодействия коррупции в субъектах РФ заключаются и в том, что значительная доля инструментов противодействия коррупции регулируется в основном региональным законодательством о противодействии коррупции, а федеральный законодатель лишь в самом общем виде закрепил общие антикоррупционные требования (антикоррупционные обязанности, запреты и ограничения), вопросы предотвращения и урегулирования конфликта интересов, а также организации и производства антикоррупционной экспертизы НПА и проектов НПА. В то же время антикоррупционным законодательством субъектов РФ предусмотрено использование дополнительных инструментов противодействия коррупции, которые не закреплены в федеральном антикоррупционном законодательстве, в числе которых региональные законодатели закрепили антикоррупционную пропаганду; антикоррупционное образование; антикоррупционное просвещение; антикоррупционное планирование (программирование); антикоррупционное воспитание; антикоррупционный мониторинг.

Закрепление в российском региональном антикоррупционном законодательстве упомянутых инструментов противодействия коррупции происходит по-разному и не в полном объеме. Например, в Законе Вологодской области «О противодействии коррупции в Вологодской области» наиболее полно закреплены такие антикоррупционные инструменты, как антикоррупционное просвещение, антикоррупционное образование, антикоррупционная пропаганда (ст. 5.1); антикоррупционная экспертиза (ст. 4); антикоррупционный мониторинг (ст. 5); антикоррупционное программирование (ст. 3)[1]. Вне закрепления оказалось лишь правовое регулирование антикоррупционного воспитания.

[1] О противодействии коррупции в Вологодской области : закон Вологодской области от 9 июля 2009 г. № 2054-ОЗ (в ред. от 7 мая 2024 г. № 5613-ОЗ) // Красный Север. 2009. 18 июля.

Необходимо отметить, что в большинстве базовых законов о противодействии коррупции субъектов РФ наиболее часто в антикоррупционный набор инструментов попадают антикоррупционный мониторинг, антикоррупционная пропаганда, антикоррупционное образование, антикоррупционное планирование; значительно реже — антикоррупционное просвещение, а также противоречия в формулировках этих категорий, о чем мы указывали еще в начальный период формирования регионального антикоррупционного законодательства[1]. Прошел значительный период времени, но в настоящее время отечественные специалисты находят пробелы в существующем российском антикоррупционном законодательстве[2].

Проведенный нами анализ регионального антикоррупционного законодательства показал, что в большинстве базовых законов антикоррупционное воспитание как инструмент противодействия коррупции не закреплено и установлено в качестве инструмента противодействия коррупции лишь в нескольких субъектах РФ. Антикоррупционное воспитание как инструмент противодействия коррупции закреплено в ст. 12 Закона Республики Калмыкия «О противодействии коррупции в Республике Калмыкия»[3]; в ст. 12 Закона Иркутской области «О противодействии коррупции в Иркутской области»[4]; в ст. 8 Закона Липецкой обла-

[1] См.: *Газимзянов Р. Р.*, *Кабанов П. А.* Пробелы в региональном антикоррупционном законодательстве, связанные с механизмом его реализации (на материалах правовых актов Республики Татарстан) // Следователь. 2007. № 9. С. 41–42; *Бикмухаметов А. Э.*, *Газимзянов Р .Р.*, *Кабанов П. А.* Пробелы в татарстанском антикоррупционном законодательстве: осмысление регионального опыта // Безопасность бизнеса. 2008. № 1. С. 7–10.

[2] См.: *Швердяев С. Н.* Концептуальные пробелы в системе российского антикоррупционного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 121–132.

[3] О противодействии коррупции в Республике Калмыкия : закон Республики Калмыкия от 27 июня 2008 г. № 18-IV-З (в ред. от 13 июня 2019 г. № 42-VI-З) // Хальмг унн. 2008. 1 июля.

[4] О противодействии коррупции в Иркутской области : закон Иркутской области от 13 октября 2010 г. № 92-ОЗ (в ред. от 29 июня 2022 г. № 43-ОЗ) // Областная. 2010. 20 октября.

сти[1]; в ст. 10 закона Тульской области «Об отдельных мерах по противодействию коррупции в Тульской области»[2].

Проведенный нами анализ региональных НПА показал, что в отдельных субъектах РФ используется самостоятельный инструмент противодействия коррупции, не закрепленный в региональном антикоррупционном законодательстве, который именуется термином «антикоррупционный аудит». Этот инструмент противодействия коррупции используется в Ярославской области и урегулирован нормативными актами губернатора области[3]. Он используется в региональном антикоррупционном нормотворчестве, регулирующем антикоррупционное планирование начиная с 2016 года[4] по настоящее время.

Следующим субъектом РФ, использующим антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции, является город федерального значения Санкт-Петербург, в городском антикоррупционном законодательстве которого не закреплено это антикоррупционное средство. Правовое регулирование применения этого инструмента закреплено распоряжением администрации губернатора Санкт-Петербурга[5].

---

[1] О предупреждении коррупции в Липецкой области : закон Липецкой области от 7 октября 2008 г. № 193-ОЗ (в ред. от 29 сентября 2022 г. № 183-ОЗ) // Липецкая газета. 2008. 17 октября.

[2] Об отдельных мерах по противодействию коррупции в Тульской области : закон Тульской области от 12 ноября 2008 г. № 1108-ЗТО (в ред. от 18 июля 2022 № 63-ЗТО) // Тульские известия. 2008. 20 ноября.

[3] Об утверждении плана проведения антикоррупционного аудита на 2024 год : распоряжение губернатора Ярославской области от 21 декабря 2023 г. № 249-р // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW086&n=145849#HxgdsIUAjOzaTnLw2 (дата обращения: 22.04.2024).

[4] Об утверждении плана проведения антикоррупционного аудита на 2016 год : распоряжение губернатора Ярославской области от 7 апреля 2016 г. № 125-р // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/regbase/ cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW086&n=86385#0jPesIU6MqKVgWr8 (дата обращения: 22.04.2024).

[5] Об утверждении Методики проведения антикоррупционного аудита : распоряжение администрации губернатора Санкт-Петербурга от 31 августа 2016 г. № 42-ра // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=177030#T2sesIUEVNUy2Imw (дата обращения: 22.04.2024).

На наш взгляд, антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции подлежит легализации в региональном антикоррупционном законодательстве с указанием содержания его правовой дефиниции, тем более что доктринальные предложения уже получили широкое распространение[1], в том числе в работах одного из авторов настоящей статьи[2]. Содержание этого инструмента очевидно: осуществление проверок исполнения антикоррупционного законодательства как отдельными физическими лицами, так и организациями, учреждениями и органами публичной власти, в том числе с использованием информационных ресурсов[3].

Проведенное нами исследование показало, что реформирование регионального антикоррупционного законодательства осуществлялось наиболее интенсивно под воздействием правовых инноваций федеральных органов власти (например, создание системы региональных антикоррупционных органов специальной компетенции), в то время как собственные антикоррупционные правовые инициативы ограничивались лишь собственным регионом, даже если они положительно зарекомендовали себя. Примером тому может служить антикоррупционный аудит, используемый только в двух субъектах РФ.

Изложенное выше позволяет отметить, что к несомненному успеху реформирования антикоррупционного законодательства субъектов РФ следует отнести два направления: первое — право-

---

[1] См.: *Загарских Т. А.*, *Домрачева П. П.* Антикоррупционный аудит как форма контроля эффективности антикоррупционной деятельности // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2018. № 1. С. 80–97; *Мордасова Т. А.*, *Зурнаджъянц Ю. А.* Антикоррупционный аудит в государственных органах // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2. № 1. С. 149–155.

[2] См.: *Кабанов П. А.* Антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции: понятие, содержание, вопросы правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 744–753; *Кабанов П. А.* Антикоррупционный аудит как инструмент контроля за реализацией государственной политики противодействия коррупции: понятие и содержание // Следователь. 2015. № 10. С. 16–22.

[3] О государственной информационной системе Санкт-Петербурга «Противодействие коррупции» : постановление правительства Санкт-Петербурга от 26 сентября 2019 г. № 663 (в ред. от 11 июня 2021 г. № 377) // Администрация Санкт-Петербурга : офиц. сайт. URL: http://www.gov.spb.ru (дата обращения: 22.04.2024).

вое закрепление в региональном законодательстве органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений и комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов РФ; второе — создание целостной системы регионального антикоррупционного процессуального законодательства, направленного на установление процедур исполнения и контроля за исполнением материальных норм федерального и регионального антикоррупционного законодательства.

В процессе реформирования регионального антикоррупционного законодательства были выявлены некоторые его недостатки, обусловленные осторожностью закрепления в нем отдельных инструментов противодействия коррупции, положительно зарекомендовавших в правоприменительной деятельности (антикоррупционного просвещения, антикоррупционного аудита и некоторых других)[1].

Региональные законодатели избирательно включают в региональную систему противодействия коррупции отдельные ее инструменты и институты, что не способствует созданию единой многоуровневой национальной системы противодействия коррупции. В связи с этим в ближайшее время потребуется значительная работа по мониторингу регионального законодательства по противодействию коррупции, его унификации и систематизации, а возможно, и кодификации.

Безусловно, перспективным направлением дальнейшего реформирования регионального законодательства в ближайшее время станет закрепление в законодательстве субъектов РФ важнейших полномочий по противодействию коррупции в органах местного самоуправления муниципальных образований. Надеемся, что это реформирование будет сопровождаться научно-методическим обеспечением всего процесса.

[1] См.: *Кабанов П. А.* Антикоррупционное законодательство Белгородской области: современное состояние и перспективы развития // Современные тенденции и актуальные вопросы борьбы с коррупцией в системе высших учебных заведений : сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 7 декабря 2023 года). Белгород, 2023. С. 32–51.

УДК 34

Давыдова М. Л.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета

Цифровизация социальных процессов: реформа, революция, модернизация?[1]

Существуют понятия, которые традиционно используются, чтобы обозначить преобразования, проводимые или предлагаемые обществу: «реформа», «контрреформа», «модернизация», «трансформация», «революция». Большинство из них часто употребляются в одинаковых или схожих контекстах, связанных с изменениями в обществе, чаще всего прогрессивными. В этом же ряду иногда оказывается термин «цифровизация». Говоря о соотношении последней с перечисленными выше понятиями, имеет смысл ответить на два вопроса:

1. Следует ли рассматривать цифровизацию как цель происходящих преобразований либо как их инструмент?
2. С каким понятием: «реформа» или «революция», соотносятся процессы, связанные с цифровизацией?

Из всего приведенного ряда наиболее употребляемым является понятие «реформа».

Значение слова «реформа» исторически менялось: от первоначального «возвращение к прежнему порядку» до современного «преобразование», «улучшение», «инновация»[2].

В общепринятом сегодня значении под реформой принято понимать преобразование, вводимое законодательным путем и, как правило, не затрагивающее функциональных основ общественной жизни.

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175. URL: https://rscf.ru/project/23-78-10175/.

[2] См.: *Любжин А.* Реформа: слово и дело // Россия в глобальной политике. 2005. № 2. URL: https://globalaffairs.ru/articles/reforma-slovo-i-delo/ (дата обращения: 22.04.2024).

© Давыдова М. Л., 2024

Содержание понятия более четко определяется в сопоставлении его с близкими феноменами.

1. *Реформа и контрреформа.* Иногда на уровне обыденного восприятия (возможно, благодаря школьному учебнику истории) реформа рассматривается как прогресс, а контрреформа — как реакция, но на самом деле положительной или отрицательной оценки эти термины не подразумевают. Реформа — новшества, контрреформа — отмена ранее введенных новшеств. Оба термина имеют нейтральную коннотацию. Если реформы могут быть прогрессивными и регрессивными[1], то и контрреформы (например, при отмене неудачного ошибочного закона) могут восприниматься людьми как нечто позитивное, как возвращение к нормальному порядку (в точном соответствии с первоначальным смыслом слова «реформа»).

2. *Реформа и революция.* Реформа традиционно сопоставляется с революцией по масштабности производимых преобразований, так как реформа предполагает некардинальное, нефундаментальное изменение правил, а революция — коренной слом сложившегося уклада. Однако одного этого критерия недостаточно. В конкретном случае оценить масштаб происходящих изменений, чтобы отличить глубокие системные реформы от революционных преобразований, сложно. Такой критерий всегда будет носить оценочный характер.

В качестве второго и, вероятно, более четкого критерия можно выделить целенаправленный и управляемый характер реформы: «Реформа представляет собой рациональный целенаправленный процесс, включающий все обычные фазы любого преобразования: замысел нового объекта, целеполагание, отбор ресурсов, выбор средств и методов, планирование в пространстве и времени, учет зависимых и независимых переменных и вероятностного характера процесса, группировку исполнителей, схему принятия решений и т. д. Поэтому реформы всегда проводятся “сверху”, правящими силами, властью и представляют собой составную часть политики, прежде всего государственной»[2].

---

[1] Что такое реформа и контрреформа? Исторический словарь терминов // История России с древнейших времен до наших дней : сайт. URL: https://histerl.ru/slovar/reforma-i-kontrreforma.htm (дата обращения: 22.04.2024).

[2] *Кравченко И. И.* Реформа // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2010.

В отличие от реформы, революция во многом спонтанный, стихийный процесс, масштаб и направленность которого могут превосходить первоначальные ожидания его инициаторов.

И реформа, и контрреформа укладываются в рамки правового регулирования; революция (политическая, экономическая, техническая и прочая) представляет собой процесс социальной трансформации. При этом правовое регулирование может выступать толчком к социальным изменениям либо их результатом/следствием, но сами происходящие изменения неподконтрольны законодателю. Так, принятие в 1988 году Закона «О кооперации в СССР»[1] стало началом развития кооперативного движения, которое в конечном счете вылилось в слом всего советского экономического уклада, построенного на ограничении частной собственности и свободы предпринимательства. Если в 1986 году (когда был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности»[2] и последовавшие за ним в 1987 году постановления Совета Министров СССР о создании кооперативов общественного питания[3], кооперативов по бытовому обслуживанию населения[4] и производству товаров народного потребления[5]) можно было вести речь о попытках реформ, при которых государство устанавливало один порядок, потом его изменяло, то после того, как в 1988 году закон разрешил кооперативам использовать наемный труд, последовавшие социальные изменения оказались настолько значительными, что развернуть их в обратную сторону или остановить государство было бы уже не в состоянии.

---

[1] О кооперации в СССР : закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22, ст. 355.

[2] Об индивидуальной трудовой деятельности : закон СССР от 19 ноября 1986 г. № 6051-XI // Решения партии и Правительства по хозяйственный вопросам: в 16 т. Т. 16. Ч. 2. Февраль – декабрь 1986 г. Москва, 1988. С. 489–499.

[3] О создании кооперативов общественного питания : постановление Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 г. № 160 // СПС «КонсультатПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.05.2024).

[4] О создании кооперативов по бытовому обслуживанию населения : постановление Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 г. № 161 // СПС «КонсультатПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.05.2024).

[5] О создании кооперативов по производству товаров народного потребления : постановление Совета Министров СССР от 5 февраля 1987 г. № 162 // СПС «КонсультатПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.05.2024).

Итак, реформа — это то, что происходит в рамках правового регулирования, революция — то, что происходит с обществом в целом. Правовое регулирование здесь может в лучшем случае встроиться в процесс, но не может полностью управлять им.

3. *Реформа и модернизация.* Стоит заметить, что в современном употреблении произошел отрыв значения слова «модернизация» от первоначального смысла, связанного с переходом от традиционного общества к обществу модерна (от аграрного к индустриальному)[1]. На первый план вышло обыденное значение модернизации как обновления, осовременивания, приведения в соответствие с новейшими стандартами. Отсюда возникают совершенно разные интерпретации этого термина и его соотношения с реформой.

A. Сопоставляя реформу и модернизацию (усовершенствование), некоторые авторы указывают, что именно реформа представляет собой коренной перелом устоявшихся процессов, традиций и так далее[2]. С этой точки зрения реформа по степени фундаментальности изменений занимает промежуточное положение между революцией и модернизацией.

B. Часто модернизация рассматривается как цель либо итог реформ[3]. В этом случае модернизация может быть связана с комплексом реформ, а ее масштабы могут значительно превосходить цели каждой из них.

C. Встречаются интерпретации, при которых различия между реформой и модернизацией проводят не по масштабу преобразований, а по тому, откуда исходит их инициатива. Указывается, что «…реформа — это преобразование, переустройство, которые

---

[1] См.: *Гавров С. Н.* Модернизация: основные определения и характеристики // Гуманитарное пространство. 2012. № 3 (дата обращения: 10.05.2024).

[2] См.: Реформа // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0.

[3] См. Реформы Петра I как попытка модернизации России : аннотированное библиографическое пособие / сост. И. В. Щеголева. Краснодар, 2020. URL: https://pushkin.kubannet.ru/Otdels/public_center_of_legal_information/bibliograficheskaya_deyatelnost/att/bd_reformy_petra_kak_popytka_modernizacii_rossii.pdf (дата обращения: 10.05.2024); The great reforms and the modernization of Russia : materials of the scientific and practical conference dedicated to the 150th anniversary of the abolition of serfdom, 3 March 2011 / ed. N. Kropachev. St. Petersburg, 2012. URL: https://www.prlib.ru/item/316412 (дата обращения: 10.05.2024).

обычно инициируется сверху правительством <…> а модернизация обычно проводится в жизнь <…> гражданами, обществом и государством»[1]. Вряд ли такой подход находит значительные исторические подтверждения. Сам автор приводит в пример модернизацию системы образования в сталинскую эпоху. Думается, что применительно к этому периоду нет оснований говорить о каких-либо процессах, инициированных снизу или исходящих от самого общества. Да и в целом российская история не изобилует примерами нереволюционных преобразований, инициатива которых исходила бы снизу.

D. Некоторые исследователи отмечают, что в официальной риторике понятия «реформа» и «модернизация» применяются с целью описания событий, условий жизни, ее норм, относящихся к некоторому ожидаемому (желаемому) будущему[2]. Фактически можно вести речь об отождествлении двух данных понятий с той только разницей, что слово «реформа» имеет нейтральную коннотацию, а «модернизация», как правило, несет положительный смысловой оттенок.

В данном случае внимание к слову «модернизация», вероятно, связано с тем, что государству все время необходим ребрендинг лозунгов, чтобы придать новизну общественно-политическому дискурсу. Если реформу принято воспринимать как целенаправленные системные преобразования (которые историческая память часто связывает с негативным, травмирующим опытом), то слово «модернизация» — как нечто менее четко оформленное и, возможно, менее травмирующее. В общественном сознании модернизация звучит как осовременивание, нечто, носящее вынужденный (потому что от всего устаревшего приходится освобождаться даже тем, кто старается избегать перемен), но в целом позитивный характер. В слове «реформа» оценочный компонент отсутствует: все знают (и помнят на собственном опыте), что реформы могут быть прогрессивными и регрессивными, удачными и неудачными.

Примерно в таком же значении и по тем же причинам используется термин «трансформация» (мода употребление которого в

[1] *Аванесов В. С.* Реформа, модернизация или стратегия развития образования – что сейчас важнее? // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13–1.

[2] См.: *Сонина Е. О.* «Модернизация» и «реформа» в политическом дискурсе современной России: опыт нарративного анализа // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 2. С. 49–60.

официальных документах, названиях научных работ и конференций периодически сменяет моду на модернизацию без особого дополнительного содержательного наполнения).

Как подчеркивают исследователи, слово «модернизация» выполняет функции установки на будущее, обеспечивая идентификацию российского общества и государства с современностью[1]. Аналогичную функцию в политическом дискурсе выполняет понятие «цифровизация», которая воспринимается как синоним модернизации, раскрывая видение властной элитой будущего российского общества и государства, исходя из критериев современности. Это своеобразный «нарратив прогресса»[2].

В литературе часто используются как равнозначные термины «цифровизация» и «цифровая трансформация»[3]. В англоязычном научном дискурсе принято различать *digitization*, *digitalization* и *digital transformation*[4]:

— дигитизация — оцифровка (процесс перевода аналоговых данных в цифровой формат);

— дигитализация — собственно цифровизация (использование результатов оцифровки для улучшения функционирования, работоспособности, взаимодействия);

— цифровая трансформация (стратегическое внедрение цифровых технологий, позволяющее преобразовать традиционные процессы. Здесь подразумевается не только длящийся процесс, но и полученный результат — эффект воздействия, связанный с использованием цифровизации[5]).

Если сопоставлять с понятиями «реформа» и «революция», то цифровая трансформация, конечно, ближе к революции.

---

[1] См.: *Сонина Е. О.* «Модернизация» и «реформа» в политическом дискурсе современной России: опыт нарративного анализа // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 2. С. 49–60.

[2] См. там же.

[3] См.: *Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б.* Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.

[4] См.: *Burkett D.* Digitisation and Digitalisation: What Means What? // WorkingMouse. URL: https://workingmouse.com.au/innovation/digitisation-digitalisation-digital-transformation/ (дата обращения: 10.05.2024).

[5] См.: *Кононенко Д. В.* Понятие и значение цифровизации // Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов : монография / под ред. М. Л. Давыдовой. Москва, 2024. С. 125.

Неслучайно цифровизацию принято рассматривать в контексте IV промышленной революции, которая по масштабу, объему и сложности не имеет аналогов и кардинально меняет наш образ жизни[1]. И дело не только в масштабе происходящих изменений.

Цифровизация — двусторонний процесс. С одной стороны, ее ход определяется наличием цифровых ресурсов, сервисов, которые государство создает для взаимодействия между своими органами и с гражданами; с другой — использование этих ресурсов зависит от наличия технической возможности у самих граждан ими пользоваться (компьютерная грамотность, техническая оснащенность, доступность интернета). Обе стороны этого процесса являются необходимыми условиями цифровой трансформации.

Конечно, такая взаимообусловленность имеет место и в случае проведения реформ, когда общество оказывается не готово к идущим сверху преобразованиям, когда социальные предпосылки реформ окончательно не сформировались.

Революционный характер цифровой трансформации связан не только с тем, что она невозможна, если общество к ней не готово. Ключевым отличием является тот факт, что, когда общество будет готово, то она неизбежно произойдет даже без целенаправленных усилий государства или вопреки им. Рассмотрение цифровизации как революции предполагает, что этот процесс происходит стихийно и не обусловлен (либо лишь частично обусловлен) правовым регулированием.

Боясь любых неуправляемых процессов, государство часто осторожничает, старается не выпустить ситуацию из-под контроля. И вот здесь разница состоит в том, что, если государство медлит с реформами, то общество стагнирует, перестает развиваться, возможно, отстает от конкурентов. Но новейшие институты появиться без этих реформ не могут, так, суд присяжных был учрежден в ходе судебной реформы 1864 года. Если гипотетически предположить, что реформа не была бы проведена, можно рассуждать о том, насколько негативно это отразилось бы на состоянии общества. При этом невозможно представить

[1] См.: *Волошина В.* Революция в мозгах, или чем цифровизация отличается от автоматизации // Управление производством : сайт. URL: https://up-pro.ru/library/strategi/tendencii/cyfra-avtomat/ (дата обращения: 29.05.2024).

ситуацию, при которой суд присяжных возник бы сам по себе, без реформы, просто потому, что был объективно необходим обществу.

В отличие от этого, если речь идет о революционных процессах в обществе, то новые отношения все равно будут развиваться, даже если государство делает вид, что их нет. Просто развиваться они будут в обход правовых форм. Например, если государство долгое время не признает доказательствами фотографии, сделанные на мобильный телефон, то в определенный момент они все равно фактически начинают использоваться в судебной практике просто потому, что они есть у всех, это удобно, доступно, естественно и разумно. Рано или поздно такая судебная практика получит отражение и в законодательстве.

Примером того, что бывает, когда законодательство отстает от темпов технологического развития, служит ситуация, сложившаяся в области телемедицины. В 2017 году в законодательство об охране здоровья были внесены положения о телемедицинских услугах[1], т. е. возможности получить консультацию врача дистанционно по видеосвязи. Но вводится этот институт очень осторожно, с большими ограничениями: сначала надо посетить врача на очном приеме, а потом с этим же врачом можно связываться дистанционно. На самом деле гораздо более востребованным было бы не это, а возможность получить доступ к качественной медицинской помощи для людей, которые проживают в отдаленных районах или не могут позволить себе очный прием в силу других причин. С началом пандемии COVID-19 спрос именно на такие дистанционные медицинские консультации значительно возрос. Законодательно они по-прежнему не разрешены, но технически их проведение возможно благодаря доступности интернета и мобильной связи.

Наличие технической возможности в сочетании с общественным запросом приводит к возникновению огромного рын-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья : ФЗ от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221184/ (дата обращения: 29.05.2024).

ка онлайн-консультаций, проводимых не в соответствии с установленными правилами оказания телемедицинских услуг, а вне всякого правового регулирования[1]. Более того, найденные пути обхода законодательных ограничений широко используются различными сервисами для онлайн-консультирования (например, СберЗдоровье) и после окончания пандемии. При этом законодательно установленный порядок оказания телемедицинских услуг по-прежнему применяется слабо.

В качестве попытки оживить его в 2023 году был установлен экспериментальный правовой режим в сфере телемедицины[2]. Программа этого режима согласовывалась и утверждалась почти два года[3]. В своем итоговом варианте она частично сохранила ограничения, существующие в законе (обязательный очный прием). Если многие зарубежные страны, воспользовавшись пандемией как поводом для либерализации медицинского законодательства, извлекли максимальную пользу из вынужденного эксперимента[4], то российский законодатель, упустив этот шанс, теперь вынужден предпринимать усилия для возвращения уже сложившегося рынка телемедицинских услуг в правовое русло.

---

[1] См.: *Кадыров Ф. Н., Куракова Н. Г., Чилилов А. М.* Правовые проблемы применения телемедицинских технологий в условиях борьбы с распространением коронавируса COVID-19 // Врач и информационные технологии. 2020. № 2. С. 47.

[2] Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан (с Программой экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан) : постановление Правительства РФ от 18 июля 2023 г. № 1164 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.05.2024).

[3] См.: *Давыдова М. Л.* Телемедицина и экспериментальные правовые режимы в области здравоохранения: проблемы и перспективы внедрения // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 564–582.

[4] См.: *Аксенова Е. И.*, *Горбатов С. Ю.* Регулирование услуг телемедицины в различных странах мира: экспертный обзор // НИИОЗММ : сайт. URL: https://niioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/obzory (дата обращения: 10.05.2024).

Понятие цифровизации можно связывать как с реформой, так и с революцией. В первом случае она рассматривается как цель проводимых реформ или как инструмент, средство обеспечивающее проведение реформы. Если же мы говорим не о частных примерах, когда государство приводит свои управленческие ресурсы в соответствие с требованиями времени, а о цифровой трансформации как социальном процессе, то, конечно, речь идет о революционных преобразованиях, в которых государство не играет ведущую роль, а может лишь пытаться не очень отставать и соответствовать тому историческому фону, на котором ему довелось существовать.

УДК 343.157

***Ковтун Н. Н.*,**
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Апеляционно-кассационная форма проверки судебных решений — «кривое зеркало» самобытных российских реформ

Генезису континентальной и англосаксонской системы уголовно-процессуального права, по идее, известны две классические формы проверки постановленных актов суда: это апелляция и кассация.

Предметом первой (ординарной) формы являются решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, как следствие, они могут быть проверены вышестоящим судом и на предмет законности всего производства по делу, и фактической обоснованности итоговых суждений суда, и на предмет соответствия судебного акта нормативно-нравственным критериям справедливости. Являясь наиболее доступной и эффективной формой судебной защиты, апелляция инициируется фактом подачи жалобы на приговор со стороны заинтересованных лиц – участников процесса. При этом суть и назначение этой формы судебной защиты заключаются в том, что по правилам апелляции вышестоящий, более опытный и компетентный, суд вновь реализует полное судебное разбирательство, с новым устным и непосредственным исследованием доказательств по делу. С формированием на этой основе своего внутреннего убеждения о фактах и обстоятельствах дела и постановлением, в итоге — нового решения по существу, совершенно заменяющего собой акт суда первой инстанции. Таким образом, в силу универсальности своей формы апелляционный порядок призван как к самостоятельному исправлению всех ошибок и нарушений по делу, так и к повторной всесторонней проверке/оценке юридической и фактической сторон приговора.

© Ковтун Н. Н., 2024

Предметом второй (экстраординарной) формы проверки выступают решения суда первой и апелляционной инстанции, вступившие в законную силу; акты, обладающие свойствами *res judicata*. Как следствие, правовая определенность (незыблемость) фактов и правовых состояний, установленных подобным решением, не дает оснований для их обязательной кассационной проверки в силу одного факта обжалования. В ряде правовых национальных систем само разрешение на кассацию опосредованно актом («дозволением») высшей судебной инстанции государства, усмотревшей основания для инициации этой формы проверки. Известно и то, что обращение к этой форме судебной защиты допустимо лишь в пределах строго установленных, пресекательных сроков. Единственно легальным предметом кассации выступает свойство законности акта *res judicata*. Фактическая сторона обжалованного приговора и свойства его справедливости, дважды проверенные судом первой и апелляционной инстанции, презюмируются окончательными; никакой проверке и пересмотру они более не подлежат. Экстраординарны и основания к отмене (изменению) акта *res judicata*: это исключительно фундаментальные нарушения закона, которые однозначно ставят под сомнение и приговор, и в целом процесс правосудия. Фундаментальность последних единственно позволяет «сломать» акт *res judicata* в контексте отмены решения и направления дела на новое судебное рассмотрение. Кардинально отличны и процессуальные средства подобной проверки, ибо кассационный судебный состав изначально лишен права к устному, непосредственному исследованию доказательств по делу, к реализации судебных действий. Познание фактов и обстоятельств деяния, и в целом уголовного дела осуществляется судом исключительно на основе устных выступлений сторон и письменных материалов дела. Принципиально и то, что акт кассации может быть реализован один единственный раз и, как правило, в высшей судебной инстанции государства.

Российская судебная правовая система впервые восприняла эти концепты по факту реализации Великой судебной реформы 1860–1864 годов. Споры о том, насколько буквально, точно и выверено конвенционально, оставим за рамками данной работы, тем более что всесторонних и монографических, по сути, исследований по этим моментам в наличии предостаточно. Извест-

но и то, что основы и генезис подобных подходов претерпели кардинальные изменения по факту известных событий октября 1917 года. Новому государству рабочих, крестьянских и солдатских депутатов оказались в принципе чужды концепты буржуазно ориентированной и идеологически вредной апелляции, а равно чрезмерно надуманной и сложной для понимания кассации с ее «напутанной» конструкцией *res judicata*. Новые лозунги, новое правосудие требовали самобытных решений. В итоге (в нормах УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 годов) апелляция была в принципе забыта; кассация революционно преобразована, в силу чего ее объектом стали решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, а предметом — свойства их законности, фактической обоснованности и справедливости. С позиций «социалистической законности» не виделось также предосудительным повторить процесс особой российской кассации в нескольких кассационных инстанциях, а затем (для «верности») еще раз проверить акт *res judicata* в суде надзорной инстанции.

Демократические реформы конца XX века возродили к жизни «...былое и думы». В качестве одного из основных направлений Концепции судебной реформы 1991 года было анонсировано возвращение в российский процесс подлинно демократической и эффективной апелляционной формы проверки судебных решений[1]. В итоге по нормам УПК РФ 2001 года апелляция была возвращена в процесс, однако исключительно как форма проверки актов, постановленных у мирового судьи. Иные судебные решения, как и ранее, подлежали проверке в порядке особой «советской» кассации.

Подлинно целостная и комплексная правовая реформа российских контрольно-проверочных производств в итоге была явлена гражданскому обществу лишь посредством принятия и введения в действие ФЗ РФ от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ[2].

[1] О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.05.2024).

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : ФЗ от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.05.2024).

По сути этого акта апелляция как ординарная форма судебной проверки вводилась для всех видов судебных решений, постановленных по первой инстанции. По итогам ее реализации если проверяемый акт не был отменен в апелляции, решение вступало в законную силу, приобретая свойства акта *res judicata*. Дальнейшая проверка этого акта могла иметь место исключительно в порядке кассации, которая (посредством реформ), по идее, приобрела характер экстраординарной формы проверки с присущими ей атрибутами, то есть непосредственным предметом кассационной проверки были заявлены исключительно свойства законности, проверяемых актов суда. Сроки обжалования и самой кассации носили строго ограниченный и пресекательный, по сути, характер, обеспечивая тем самым и стабильность состоявшихся актов суда, и незыблемость правовых состояний, им установленных. Факт подачи кассационного отзыва был закреплен в качестве ординарного повода к экстраординарной проверке, ибо сама процедура кассационной проверки была, во-первых, поставлена в зависимость от наличия особо существенных или фундаментальных нарушений закона — истинно оснований к кассации; во-вторых, в зависимость от решения специально назначенного судьи, который был призван к предварительному изучению кассационного отзыва и, соответственно, обнаружению в нем означенных оснований. Напротив, при констатации этим судьей отсутствия указанных оснований рассчитывать на внесение дела в кассацию было крайне сомнительно. В экстраординарном контексте также были заявлены новации, связанные с категорическим запретом на рассмотрение в кассационном суде повторных жалоб, а равно правила вынесения («в пользу» *res judicata*) итоговых кассационных решений при равенстве голосов судей по результатам проверки.

Несколько «напрягали», правда, нормы закона, во-первых, допускающие порядок повторной кассации одного и того же решения в судах различных кассационных инстанций (что уже явно не *res judicata*); во-вторых, позволяющие кассации отменить проверяемый акт и направить дело на новое судебное рассмотрение по мотивам, ухудшающим положение осужденного (что по факту акцент справедливости), тем не менее искренне верилось в разумность и точное понимание сути, предмета и оснований экс-

траординарной формы проверки по ее известным, классическим образцам. Весомую лепту в эту оценку вносила и телеологическая установка закона, указывающая на то, что посредством новаций от 29 декабря 2010 года в России предлагается ввести именно «...новый кассационный порядок проверки судебных решений <…> основная цель которого заключается в проверке вступивших в законную силу приговоров, исключительно по вопросам права»[1].

«Европейские» ожидания, оказалось, были сильно наивны. Судебная система России весьма скоро и «точно» расставила акценты в понимании воли закона и ее «нужной» интерпретации практикой. Классическая европейская апелляция в самобытном российском ее понимании, как выяснилось, вовсе не форма полного и всестороннего пересмотра вышестоящим, более опытным и компетентным судом, дела и вынесения нового приговора по итогам судебного разбирательства. Ничего подобного, как пояснили, реформой не предусматривалось.

Российская апелляция — это форма сугубо «документальной» проверки внесенного апелляционного отзыва, и привычного заслушивания устных (крайне лапидарных) выступлений сторон. Двадцать – тридцать минут апелляционных «усилий» суда для сути этой проверки и оглашения, заранее оформленных, решений суда, это явно с избытком[2].

Пояснили и то, что в законе изначально нет императивной обязанности вышестоящего суда к самостоятельному, устному и непосредственному исследованию доказательств по делу[3].

Пришлось согласиться, ибо только применительно к самобытной российской апелляции непосредственно уголовно-процессуальный закон скрупулезно оберегает суд от явно «наду-

---

[1] К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» : пояснительная записка // СПС « КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.05.2024).

[2] См.: *Ковтун Н. Н.* Апелляция год спустя: реалии и прогнозы // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 38–45; № 3. С. 60–67.

[3] См.: *Кудрявцева А. В.* Оправдательный апелляционный приговор: постановление и процедура рассмотрения в суде // Уголовный процесс. 2024. № 5. С. 24–31.

манных» и «излишних» требований сторон о самостоятельной проверке/оценке доказательств по делу. К примеру, в нормах:

— пункта 2 части 1 статьи 389[11] УПК РФ, где ходатайство апелляторов о вызове в суд свидетелей, экспертов и других лиц будет удовлетворено только в том случае, **если суд признает данное ходатайство обоснованным**;

— части 4.1, части 4.2, части 5 статьи 389[13] УПК РФ, где апелляция, рассматривает ходатайства сторон о непосредственном исследовании доказательств по делу и приступает к такому исследованию только в том случае, **если суд сочтет возможным удовлетворить подобное ходатайство**;

— части 6 статьи 389[13] УПК РФ, где ходатайства сторон об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств), и о вызове в этих целях в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц, теперь разрешаются судом исключительно в порядке, **установленном частями 1 и 2 статьи 271 УПК РФ**[1].

Доктринально надумана и обязанность апелляционного суда к самостоятельному исправлению всех ошибок и нарушений закона для целей постановления нового, законного и обоснованного приговора[2]. Куда более правильным российским апелляционным судам видится порядок, при котором дело для подобного пересмотра будет возвращено в суд первой инстанции («не переработается, чай, да и сподручней ему»). В итоге, как показала непосредственно практика, новая российская апелляция сформировала до боли знакомую форму необременительной «советской» кассации, апробированной еще по нормам УПК РСФСР 1923, 1960 годов.

А что же классическая (реформированная) кассация? И здесь, как оказалось, самобытности и национальных особенностей с избытком. Прежде всего, нам (дважды, на уровне пленума!) пояснили, что мы совсем не понимаем предмет этой формы проверки. Свойства законности акта *res judicata* никак не могут

[1] Отметим, в редакции до закона от 23 июля 2013 года № 217-ФЗ эти ходатайства разрешались по правилам части 4 статьи 271 УПК РФ, и суд, соответственно, не имел права отказать сторонам в их удовлетворении.

[2] См.: *Долгих Т. Н.* Отмена оправдательного приговора. Трудности практики и ошибки судов // Уголовный процесс. 2024. № 5. С. 32–39.

быть точно оценены без проверки и оценки кассационным судом фактической стороны приговора. Как следствие, если кассационный судебный состав (в ходе проверки) выявит нарушения в исследовании или оценке доказательств по делу, он не вправе оставить эти нарушения без реагирования. В итоге все «по закону», так как, вторгаясь в сторону оценки фактической обоснованности приговора, кассационные суды никак не нарушают закон — они лишь оценивают, насколько суд нижестоящей инстанции правильно применил нормы ст. 17 УПК РФ о правильной оценке доказательств по делу.

Таким образом, проверяют законность, не более. Что же касается оценок приговора в сторону улучшения/ухудшения положения осужденного, то и в этой ситуации нет никакого обращения к категории справедливости. Кассация лишь проверяет, насколько правильно судьи нижестоящих судов применили нормы материального права о правилах назначения наказания. Последнее, как акцентируют, суть свойство той же «законности» — вновь легальный предмет кассационной проверки. В итоге — все «по закону». С позиций идеи законности нивелированы буква и фундаментальных оснований преодоления *res judicata*. Несмотря на то, что отменить указанный акт можно лишь при таких нарушениях закона, которые повлияли на суть приговора или исказили смысл правосудия, судьи кассационных составов уверено видят свойства существенности и фундаментальности в привычных основаниях апелляции (ст. 389^{15} УПК РФ)[1]. Более того, пленум однозначно указывает, что кассация обязана устранить любое из нарушений закона, выявленное в ходе судебной проверки, ибо российский суд не может терпеть ни малейшей неправды.

Само собой не является нарушением *res judicata* и обширная практика реализации кассационной проверки по факту поступления повторных или новых жалоб от одного и того же кассатора. Основания для этой практики изысканы в той же безграничной заботе об обеспечении права заинтересованных лиц на доступ

[1] См.: *Дикарев И. С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе : монография / общ. ред. и пред. В. А. Давыдова. Волгоград, 2016. 398 с.

к судебной защите, в осознании высокого назначения российского правосудия. В итоге заместитель Председателя ВС РФ В. А. Давыдов однозначно ориентирует судей: повторные кассационные жалобы подлежат рассмотрению в общем порядке, но другим судьей соответствующего суда. Не препятствует инициации кассационного пересмотра по существу в указанном случае и наличие «отказного» постановления иного судьи, в силу чего нет потребности в его процессуальной отмене. Что касается новых жалоб, то они подлежат рассмотрению и без указанных оговорок[1]. Кроме того, как акцентируется в российской доктрине, в ВС РФ давно сложилась стойкая и сугубо инициативная практика отмены незаконных постановлений судьи об отказе в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда и передачи в связи с этим жалоб на рассмотрение другому судье[2].

Дальнейший генезис самобытной российской кассации связан с «реформированием» судебной системы России и введением в структуру последней кассационных судов общей юрисдикции. По сути этой реформы кассация уже дифференцирована на порядок сплошной (обязательной; ч. 2 ст. 401^3 УПК РФ) и выборочной (с предварительной проверкой оснований; ч. 3 ст. 401^3 УПК РФ) проверки. Первая без излишних стеснений уже именуется ординарной формой проверки[3]; вторая пока «маскируется» под экстраординарные формы. Более того, суд кассационной инстанции получил право на реализацию кассационной проверки и в том случае, когда кассатор снял свой отзыв с судебного рассмотрения (то есть при полном отсутствии спора сторон). Основания столь смелых новаций заключаются в том, что российское правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно соответствует требованиям

[1] См.: *Давыдов В. А.* Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 56.

[2] См.: *Дикарев И. С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе : монография. Волгоград, 2019. С. 184, 185.

[3] См.: *Давыдов В. А.* Срок обжалования в кассационном производстве: взгляд разработчиков законопроекта о поправках в УПК // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 23, 26.

справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. Ошибочное судебное решение, как следствие, *a priori* не может рассматриваться как справедливый акт правосудия. В итоге за последние годы несколько неожиданно объективировалась предельно жесткая кассационная практика, по сути которой кассационные суды общей юрисдикции явили судебной системе и обществу ранее невиданную принципиальность однозначных отмен (изменений) судебных решений по таким нарушениям, которых как-то совсем не смогли обнаружить в суде первой и апелляционной инстанции. Подобно святой инквизиции, кассационные суды общей юрисдикции, невзирая на «правила» и «авторитеты», буквально «выжигали» малейшую неправду в проверяемых актах, являя ранее невиданные образцы подлинно судебной защиты. Естественно, возникли вопросы о причинах столь революционных подходов к практике, наработанной годами, тем более что суды первой и апелляционной инстанции пребывали в некоем «смятении», не понимая ни векторов, ни причин подобной активности.

Осмелимся предположить, что указанные явления скорее всего вызваны тем, что кассационным судам общей юрисдикции, как принципиально новому (пока не «понятному», не воспринятому) звену судебной системы России, надо просто предельно «громко и ясно» заявить о себе, как не о «...пятом колесе в телеге российского самодержавия». По идее получилось отменно: сигналы поняты, система определилась. Как следствие, судя как по (текущей) официальной статистике, так и по обзорам судебной практики, революционный кассационный запал постепенно сходит на нет; правильные субординационные отношения уже выстроены по согласованным правилам.

В итоге все правильно. Остается только признать, что в нашем правовом государстве права и законные интересы граждан признаются и обеспечиваются на качественно ином уровне, чем в государствах, навязывающих нам вздорные идеи классической апелляции или надуманной ценности *res judicata*. Единственное, что осталось понять, как при такой всемерной заботе и такой системе реформ никак не удается обеспечить ни состязательное судоговорение в суде первой инстанции,

ни классическую форму апелляции с новой проверкой по существу всех доказательств дела более опытным и компетентным судом, с обеспечением реального права на судебную защиту? Хотя, возможно, оно и излишнее, ибо при том суррогате отправления правосудия в первой инстанции и документально-формальной проверки, которую наивно именуют российской апелляцией, всегда можно надеяться и на «двойную» кассацию, и на надзор, где, пока так интересно и пламенно говорят про правосудность, обеспечение судебной защиты и конституционные права и свободы личности.

УДК 34

Толстик В. А.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Причины неэффективных (неудачных) правовых реформ

Реформы — это неотъемлемый элемент развития общественных отношений. Они были, есть и будут. Если провести ретроспективный анализ ранее проведенных реформ, то можно сделать вывод, что значительная часть их них в итоге оказались неудачными, неэффективными, а некоторые просто провальными. Соответственно, возникает потребность выявить и проанализировать причины неэффективности реформ. Но прежде обратим внимание на то, что в науке, причем не только юридической, нет должной определенности в понимании реформы вообще и правовой реформы в частности. Ученые включают разные, порой не вполне обоснованные, признаки в содержание анализируемого понятия. Это приводит к противоречивости, идеализации и другим негативным следствиям, причем не только формально-логического, но и практического характера. Исходя из названия заявленной в программу конференции темы, С. Б. Поляков поставил под сомнение даже наличие собственного содержания у понятия «правовая реформа».

Обратим внимание на ряд спорных, проблемных вопросов. За основу возьмем определения, приведенные в авторитетных словарных изданиях. Так, в философской энциклопедии реформа (от лат. *reformo* — «преобразовываю») дефинируется как «…преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры». Два близких смысловых значения рассматриваемого понятия

[1] Реформа // Философская энциклопедия: в 5 т. (1960–1970) / под ред. Ф. В. Константинова : сайт. URL: http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/1061/reforma.htm (дата обращения: 20.05.2024).

© Толстик В. А., 2024

можно обнаружить в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «1. Преобразование, изменение, переустройство чего-н. Р. школьного образования. Р. Орфографии; 2. Преобразование в какой-н. области государственной, экономической и политической жизни, не касающееся основ существующего социального строя. Политические реформы»[1].

1. ***Как понятие «реформа» соотносится с иными смежными понятиями: «изменение», «революция»?*** Этот вопрос имеет методологическое значение, поскольку корректный ответ на него снимает проблему избыточности терминологии. Некорректный, наоборот, усугубляет ее.

Слова служат для номинирования (наименования) предметов, процессов и явлений. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что изменение изменению рознь. Можно изменить прическу, можно сделать пластику лица, можно изменить пол. Согласитесь, это все изменения, но разные изменения, причем существенно разные.

По степени (глубине) преобразований в известной мере можно выделить три относительно самостоятельные разновидности изменения: простое (не существенное) изменение; существенное изменение без преобразования основ; существенное (кардинальное) изменение с преобразованием основ. Соответственно, для наименования этих трех относительно самостоятельных явлений в известной степени условно можно использовать три разных слова (словосочетания): «простое (несущественное) изменение», «реформа», «революция».

Нетрудно заметить, что при таком подходе нерешенной остается проблема четкой демаркации данных понятий. Это проблема, прежде всего, формально-логического порядка. Действительно, по какому критерию можно сколько-нибудь четко произвести разграничение понятий «простое изменение» и «реформа» с одной стороны, и «реформа» и «революция» — с другой? И можно ли вообще выделить такой критерий? Не является ли такая задача идеей фикс (перпетуум мобиле)? Этот вопрос не такой простой. Дело в том, что в праве немало смешанных, очень тесно со-

[1] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва, 2006. С. 678.

прикасающихся понятий, между которыми довольно трудно провести четкую фактическую грань. Приведем лишь два примера.

1. «Федерация» и «унитарное государство с автономиями». Известно, что степень самостоятельно в отдельных автономиях может быть больше, чем у субъектов в отдельных федерациях. Где грань? По какому признаку их разграничить? По формальному?

Заметим, что до настоящего времени в юридической и политологической науке не существуют четких и надежных критериев, по которым можно было бы однозначно определить грань между федерацией и унитарным государством с автономиями. По мнению Б. С. Эбзеева, главное различие между двумя указанными формами заключается «…в мере централизации государственной власти»[1]. Такой подход в целом представляется верным. Однако и он не позволяет провести четкую дифференцирующую грань между анализируемыми формами государственного устройства, поскольку не отвечает на вопрос: «Какая степень централизации характерна для унитарного, а какая для федеративного государства?».

2. «Кодификация» и «консолидация». Обычно их разграничивают по признаку внесения изменений в систематизируемый акт. Постулируется, что при первой форме изменения вносятся, при второй — нет. Но такое, причем широко распространенное представление не соответствует действительности. Субъекты правотворчества никоим образом не ограничены в праве в процессе консолидации вносить изменения в существующие нормы или дополнять консолидируемый акт новыми. Неслучайно в ряде стран (США, Франция) инкорпорацию нередко отождествляют с кодификацией.

Непросто обнаружить четкую грань и на основе сопоставления предмета консолидации и кодификации (особенно специальной). Неслучайно отдельные ученые Водный кодекс Российской Федерации квалифицируют не как результат кодификации, а как результат консолидации[2].

Для решения подобных ситуаций конструктивной и имеющей методологическое значение видится мысль В. И. Ленина, ко-

---

[1] Конституционное право : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. Москва, 1999. С. 267.

[2] См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника : учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва, 2011. С. 355–356.

торый писал: «Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае»[1]. На наш взгляд, с таким подходом следует согласиться.

Таким образом, говоря о соотношении понятий «реформа» и «изменение», «реформа» и «революция», резюмируем, что в данных случаях нет нарушения требования единства юридической терминологии. Рассматриваемые понятия находятся в родовидовых отношениях. Реформа, как и революция, — это виды изменения. В отличие от простого (несущественного) изменения реформа предполагает существенные изменения. Так, увеличение или уменьшение срока наказания вряд ли обоснованно именовать реформой, хотя в литературе имеют место и такие прецеденты[2]. Когда речь идет о существенных (кардинальных) изменениях, то следует употреблять понятие «революция».

2. ***Каков объем понятия «правовая реформа»? Или, иначе говоря, на какие реформы распространяет свой объем понятие «правовая реформа»?*** Анализ юридической литературы позволяет выделить три подхода:

— узкий. Преобразование происходит в сугубо правовой сфере. В данном случае речь идет о собственно правовых реформах, то есть тех, которые затрагивают изменения исключительно в правовой материи. Они могут касаться способов, методов процедур правового регулирования, формы права, кодификации, консолидации и т. п.;

— широкий. Преобразование происходит в любом из элементов правовой системы, их группе или всех вместе;

— преобразование происходит в любой сфере общественной жизни: экономике, политике, финансах, обороне, науке, образовании и т. п., но при этом опосредуется правом. Это, кстати, соответствует одному из определений понятия «реформа», под ко-

[1] *Ленин В. И.* По поводу юбилея // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 20. 5-е изд. Москва, 1958–1965. С. 167.

[2] См., например, *Кочои С. М.* Незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ): к вопросу о реформе уголовно-правовой нормы // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 52–57.

торым понимается некардинальное, нефундаментальное (в отличие от революции) изменение правил в одной из сфер жизни общества, не затрагивающее функциональных основ, или преобразование, *вводимое законодательным путем*[1].

Реформы могут осуществляться как в сфере правового регулирования, так и вне этой сферы. Очевидно, что те, которые осуществляются за пределами предмета правового регулирования, правовыми называть нельзя, а вот те, которые находятся в сфере правового регулирования и их реформирование осуществляется посредством нормативного правового опосредования, по крайней мере, в той их части, которая касается изменений в законодательстве, очевидно, есть резон именовать как правовые.

Следующее важное обстоятельство, которое следует принять во внимание. Говоря о первом подходе, заметим, что он не столь однозначен. Дело в том, что право само себя не регулирует. Право регулирует общественные отношения, и отрывать его от предмета регулирования нельзя даже в случае с процессуальными правоотношениями. В юридической литературе обращалось внимание на то, что если одни общественные отношения вначале существуют сами по себе и лишь при определенных условиях принимают вид правоотношений, то другие общественные отношения только и могут существовать как отношения правовые. Так, М. С. Строгович в свое время писал: «...отношение суда и подсудимого, следователя и обвиняемого не может возникнуть и существовать иначе, как в форме уголовно-процессуального правоотношения...»[2]. Но единожды возникнув, такие отношения, как и материальные (преюдициальные), изменяются вслед за изменениями правового содержания, поэтому мало говорить об изменении способов, методов, режимов, типов правового регулирования, то есть о собственно правовых изменениях, необходимо иметь в виду и те общественные отношения, которые предполагается реформировать, и которые вследствие этого должны претерпеть соответствующие изменения.

3. ***Любая ли реформа имеет цель качественное улучшение жизни большинства людей?*** По мнению А. А. Дорской, правовая реформа — это хронологически ограниченный процесс пре-

[1] См.: Реформа // Википедия — свободная энциклопедия : сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Реформа (дата обращения: 20.05.2024).

[2] *Строгович М. С.* Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 103.

образования правовой системы страны, затрагивающий правотворчество, правовой массив, правопонимание, правоприменение, *цель которого — качественное улучшение жизни большинства* членов общества[1].

Полагаем, что этот признак является избыточным, по крайней мере, для общего понятия, причем по разным основаниям.

Во-первых, цель реформы может состоять не только в улучшении, но и в решении иных задач, отнюдь не связанных с улучшением жизни. Иное представление — это идеализация. Иногда власть вынуждена проводить непопулярные реформы. В качестве очевидного примера здесь можно привести последнюю пенсионную реформу, связанную с повышением возраста выхода на пенсию мужчин и женщин. Чье положение она качественно улучшила? Совершенно точно — не большинства членов общества.

Во-вторых, реформы могут касаться как большинства, так и отдельных категорий граждан.

В-третьих, нет ли парадокса в том, что само слово «реформа» нередко употребляется как ругательное?

4. ***Обоснованно ли в понятие «реформа» включать «признак достижение результата»?*** Так, Д. А. Пашенцев пишет: «Если мы примем новый закон, но не изменим при этом менталитет правоприменителей, ни о какой правовой реформе не может быть и речи. Все останется по-старому»[2]. В данном случае автор говорит о результате реформы, но обоснованно ли результат реформы включать в понятие?

К. В. Петров, предлагая свой вариант определения понятия «реформа», включил в него признак реализации опосредующих ее норм права: «реформа» — изменения в жизни общества, которые ведут к появлению и (или) трансформации, и (или) исчезновению конкретных общественных отношений, осуществляемые в форме нормативных актов и их реализации[3].

---

[1] См.: *Дорская А. А.* О методологии изучения российских правовых реформ // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 1 (17). С. 32.

[2] *Пашенцев Д. А.* Современные подходы к понятию «правовая реформа» // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегодной Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф. М. Рудинского, Москва, 24 апреля 2014 г. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. Москва, 2014. С. 13.

[3] См.: *Петров К. В.* Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. 2020. № 4. С. 160.

Полагаем, что в подобных случаях обоснованно говорить о неудавшихся, неэффективных, провальных реформах. Здесь уместна аналогия. Вряд ли корректным будет следующее суждение: «Если принят тот или иной закон, но его нормы не реализуются, то никакого закона нет». В подобных случаях речь должна идти о том, что закон не действует, его нормы не реализуются, но сам закон формально существует. Можно вслед за В. М. Барановым сказать, что это «мертвый закон»[1], но все признаки понятия в нем налицо.

Далее перейдем к рассмотрению *причин неэффективности правовых реформ*.

1. ***Коррупция как глобальная причина многих проблем в современной России.*** В данном случае не являются исключением и правовые реформы.

Кто-то к коррупции относится терпимо. Так, в начале 90-х годов XX столетия первый мэр Москвы (12 июня 1991 – 6 июня 1992 года) Г. Х. Попов говорил: «Сама по себе взятка не так страшна, главное, чтобы дело делалось». Это, по сути, оправдание коррупции, принижение ее разрушительных последствий для государства. К сожалению, подобное представление получило широкое распространение в российской практике. На наш взгляд, эта позиция не столь безобидна, как может показаться на первый взгляд. Мне ближе иная позиция. Так, первый премьер-министр Республики Сингапур (1959–1990), один из создателей сингапурского экономического чуда Ли Куан Ю писал: «У меня было два пути. Первый: это воровать и вывести друзей и родственников в списки “Форбс”, при этом оставив свой народ на голой земле. Второй: это служить своему народу и вывести страну в десятку лучших стран мира. Я выбрал второе…»[2].

Можно вспомнить реформу Вооруженных сил РФ А. Э. Сердюкова, когда имели место многомиллиардные хищения. Сегодня вновь в министерстве обороны прошли задержания и отставки

[1] См.: *Баранов В. М.* «Мертвые» юридические нормы в фокусе оптимизации правового регулирования // Оптимизация правового регулирования: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 12–41.

[2] Ли Куан Ю // Википедия Википедия — свободная энциклопедия : сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ли_Куан_Ю#cite_note-25 (дата обращения: 20.05.2024).

высокопоставленных руководителей. Как выяснилось, огромные деньги, выделяемые на комплексное переоснащение вооруженных сил, в значительной степени были расхищены. Реформы оказались нереализованными, что повлекло крайне болезненные последствия для российской армии, да и государства в целом.

2. ***Противодействие осуществлению реформ со стороны тех или иных субъектов, той или иной социальной группы.*** Мотивы противодействия могут быть различные: идеологические, ментальные, экономические, мировоззренческие и иные. Кроме того, следует иметь в виду, что общество это сложноструктурированное образование, в котором различные социальные группы имеют различающиеся, а иногда и прямо противоположные интересы.

В качестве наглядной иллюстрации приведем косыгинскую реформу 1965–1970 годов. В числе прочих причин неуспеха этой реформы называют противодействие реформе со стороны партийного аппарата и его руководителей: Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного и других, боявшихся, что экономика может выйти из-под партийного контроля, а реформа поставит под сомнение сущность социалистического строя[1].

3. ***Откровенный волюнтаризм руководителей – инициаторов реформы.*** Если руководитель одержим какой-либо идеей, то независимо от возможностей ее рациональной реализации он ее будет проводить. Типичный пример — «кукурузная реформа» Н. С. Хрущева.

4. ***Разрыв науки и практики государственного управления.*** Государственное управление, осуществляемое в том числе в правовых формах (правотворчество, толкование, правореализация), сегодня в должной мере не опирается на науку. Произошла своеобразная юридическая атомизация. Подробнее об этом написано в нашей статье, посвященной кризису юридической науки[2]. Чиновники «сами с усами». Им наука не нужна. Но и сама наука, находясь не в лучшем своем состоянии, не всегда способна оправдать ожидания.

---

[1] Косыгинская реформа: упущенные возможности // Smotrim.ru : сайт. URL: https://smotrim.ru/article/1455901 (дата обращения: 20.05.2024).

[2] *Толстик В. А.* Кризис юридической науки: причины, следствия, пути преодоления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 407–412.

5. ***Реформы проводятся без глубокой научной проработки.*** В чем это проявляется?

5.1. *Игнорируются законы общественного развития, а иногда и природы.* Это комплексная проблема. Советская экономика оказалась менее эффективной, чем западная. Почему? Как известно, право может как способствовать развитию экономики, так и тормозить его. И если оно противоречит экономическим законам развития общества, то рано или поздно, но всегда неизбежно начинаются процессы торможения, регресса и деградации.

5.2. *Отсутствует комплексный системный анализ предмета реформирования,* а между тем проведение такого анализа является одним из важнейших условий эффективного государственного управления.

5.3. *Не проводятся в необходимых случаях различные экспертизы и правовые эксперименты.*

5.4. *Имеют место ошибки в оценке исходной ситуации* (например, реформа здравоохранения, проводимая в период, предшествующий пандемии, и направленная на оптимизацию медицинского обслуживания населения, в конечном счете свелась к банальному сокращению медицинских организаций и медицинского персонала, что, в свою очередь, существенно усугубило ситуацию в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19).

5.5. *Выбор неадекватных путей, методов, способов, средств решения тех или иных вопросов или (преодоления) реально существующих проблем.* Приведем один частный пример.

В целях повышения практической направленности обучения ФГОСы обязывают образовательные организации привлекать практических работников к проведению учебных занятий. При этом возникает вопрос: «Как подтвердить юридический факт участия “практика” в проведении занятия?». Заметим, что презумпция добропорядочности педагогических работников и практиков здесь не действует. Лицам, осуществляющим инспекторскую, контрольную или иную проверку академии, необходимо предъявить доказательства участия практического работника в проведении того или иного учебного занятия. Как говорится, доверяй, но проверяй.

Как это сделать? Уместно задать риторический вопрос: «Достаточно ли практическому работнику, принявшему участие

в проведении занятия, расписаться в журнале учета учебных занятий?». Если вы считаете, что достаточно, то ошибаетесь. Аргумент здесь простой: проверяющий может не поверить, усомниться в достоверности подписи сотрудника полиции. Далее. Достаточно ли сделать фото практического работника в процессе проведения занятия? Если вы считаете, что достаточно, то снова ошибаетесь. Мы можем продолжить приводить различные варианты подтверждения факта участия практического работника в проведении учебного занятия.

В отдельных образовательных организациях такой порядок предполагает совершение следующих юридически значимых действий и наличие соответствующих документов: 1) подготовку, согласование и заключение договора о безвозмездном оказании преподавательских услуг; 2) предоставление копий страниц журнала учета учебных занятий, успеваемости, посещаемости обучающихся (титульный лист, страница с указанием наименования учебной дисциплины, страница с указанием ФИО педагогического работника и подписью практического сотрудника (работника) при проведении учебных занятий в очной форме или снимки экрана, позволяющие установить дату и время проведенного учебного занятия практическим сотрудником (работником) (в случае проведения учебного занятия с применением ДОТ)); 3) наличие документа, подтверждающего факт прохода практического работника на территорию образовательной организации в день проведения соответствующего учебного занятия и его выхода через контрольно-пропускной пункт.

Полагаем, что существующий порядок подтверждения элементарного юридического факта является явно избыточным. Очевидно, здесь нужна контрреформа или просто оптимизация.

В заключение отметим, что повышение эффективности правовых реформ предполагает последовательное устранение причин либо минимизацию их негативного влияния. Как известно, окончательно победить коррупцию невозможно, а вот снизить до уровня, не представляющего существенной угрозы для общества вполне возможно.

УДК 34:93

Анисимов А. П.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета

О некоторых тенденциях реформирования системы договоров: история и современность

Необходимость внимательного изучения договора как средства регулирования общественных отношений обусловлена не только историческим интересом или потребностями текущей правоприменительной практики, но и важностью выявления роли права в перспективном регулировании взаимодействия граждан между собой и органами публичной власти, определения круга формирующихся общественных отношений, требующих правового воздействия. Развитие договорного права прошло длительный путь: от простых к более сложным формам, который не всегда был последовательным.

История знала взлеты (римское право) и падения договорного регулирования (Средние века), изменение как перечня видов договоров, так и круга их субъектов или существенных условий. Отдельные виды договоров действуют уже не одно тысячелетие без особых изменений (купля-продажа, дарение, мена); другие возникли лишь по мере перехода европейской цивилизации к рыночной экономике, а особенно после движения наиболее развитых стран мира к VI технологическому укладу, характеризующемуся развитием нано- и биотехнологий, прорывами в медицине и микроэлектронике, конструированием материалов с заранее заданными свойствами, новыми видами транспорта и энергии, снижением материало- и энергоемкости производства. Все это не

© Анисимов А. П., 2024

могло не отразиться и на правовом регулировании возникающих принципиально новых видов общественных отношений. При этом нельзя сказать, что во всех странах мира право оперативно реагирует на такие вызовы. Это обусловливает задачу осмысления тенденций и перспектив развития договорного права, выявления особенностей его эволюции в отдельных государствах.

Если мы обратимся к истории, то появление первых договорных конструкций современные исследователи связывают с возникновением древних государств Шумера, Египта, Вавилона и ряда других, которые оставили после себя кодифицированные памятники права (законы Хаммурапи или законы Ману), а в некоторых даже существовали типовые договоры (модельные контракты), однако наибольший вклад в теорию договора внесло римское право.

Система договоров Рима не являлась неизменной, но в ней можно выделить реальные и консенсуальные договоры, в том числе ссуду, залог, куплю-продажу, аренду, товарищество, поручение без вознаграждения. Большое внимание уделялось учету волеизъявления сторон сделки, происходило разграничение прав на вещные и обязательственные, а также категорий «контракт» и «пакт».

В Средние века по мере развития ремесел, роста городов, появления предметов роскоши и ростовщического капитала система договоров расширялась. Повсеместно в европейских странах наблюдалась рецепция римского права. После буржуазных революций XVII–XVIII веков в европейских странах бурно развивались договоры найма, займа, товарищества (последний важен для развития акционерных обществ), банковские и торговые сделки.

Аналогичные тенденции развития договорного права отмечаются и в России. Здесь российские исследователи выделяют несколько этапов: X—XVI веков; XVII–XVIII веков; XIX век; конец XIX – начало XX века; советский период и период современной России[1].

[1] См.: *Березина Е. А.* История развития договорного права России в период X–XVI века // Проблемы защиты прав: история и современность : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 10.

Уже в первых редакциях Русской Правды (XI век) упоминались договоры купли-продажи, займа и поклажи (хранения). В последующих памятниках права (Псковская судная грамота, XV век) в дополнение к прежним (купля-продажа и др.) мы встречаем новые виды договоров: залог, дарение, поручительство, ссуда, найм (личный и имущественный).

Начиная с середины XIV века появлялись первые упоминания о договорах для обеспечения государственных нужд. В дальнейшем данная тенденция продолжилась, но современный вид закупки для государственных нужд приобрели при Петре I. После принятия Судебника 1550 года увеличилась степень вовлечения имущества в экономический оборот. Мы наблюдаем рост количества и сложности гражданско-правовых обязательств, что проявлялось в необходимости письменного оформления ряда договоров.

Более широкий перечень договоров был предусмотрен Соборным Уложением 1649 года, включая договоры подряда и залога. Окончательно современные черты система договоров Российской империи приобретает к концу XVIII века, когда правовой обычай был окончательно вытеснен нормами права.

В XIX веке после введения в действие Свода законов гражданских (1832) формирование договорного права вышло на новый уровень. Только теперь появились нормы о возможности расторжения любого вида договора, больше внимания начало уделяться договорам купли-продажи, мены, займа, появились новые виды договоров (например, договор перевозки), получили развитие договоры страхования и доверенности. В середине XIX века в российский цивилистике начинают разграничивать договоры оказания услуг и договоры на выполнение работ (подряд)[1].

В советский период истории договорного права произошел некоторый откат назад в плане сложности договорных конструкций ввиду огосударствления экономики (например, полное выведение земельной недвижимости из гражданского оборота и национализация промышленности). Это привело к упрощению договорных отношений, исчезновению или уменьшению сферы действия

[1] См.: *Корзенков Р. Г.* История правового регулирования отношений по оказанию услуг // Проблемы развития современного общества : сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2019. С. 362–365.

отдельных видов договоров (торговых и предпринимательских). В то же время получают развитие договоры поставки, розничной купли-продажи, перевозки, подряда, найма, проектных и иных работ.

Таким образом, мы видим, что история договорного права развивалась неравномерно, а скорее по спирали, переживая взлеты и падения, однако в целом исторический анализ показывает постепенный рост видов договоров с сохранением их классического ядра. Это было обусловлено экономическим развитием России и стран Европы, сменой общественно-экономических формаций и развитием права.

Переход России в 90-е годы XX века к рыночной экономике детерминировал не только появление новых видов договоров, хорошо известных в развитых странам мира (например, купля-продажа и аренда земельных участков), но и дискуссии об их классификации. В российской науке гражданского права было высказано несколько доктринальных соображений о классификации договоров, которые можно считать классическими (традиционными) для современной юридической науки.

Первая классификация подразделяет договоры на упомянутые в ГК РФ, непоименованные (прямо не указанные в ГК РФ) и смешанные[1].

Заключение непоименованных договоров было вызвано увеличением экономических потребностей граждан в условиях научно-технического прогресса, цифровизацией общественной жизни, возникновением новых объектов гражданских прав, которых ранее не существовало (и которые не предусмотрены законодательством, отстающем от потребностей жизни). Особенностью непоименованных договоров является отсутствие четкого указания закона на форму их заключения, существенные условия, круг субъектов, их права и обязанности и т. д.

ГК РФ все же требует соблюдения общих принципов гражданского права при их заключении, а при спорах допускает использование аналогии закона.

Вторая важная для темы данной статьи классификация договоров (по признаку их направленности) различает договоры

[1] См.: *Пьянкова А. Ф.* Гражданское право: общие положения о договоре : учебное пособие. Пермь, 2020. С. 24–29.

о передаче имущества, договоры выполнения работ, оказания услуг, а также договоры о денежных операциях[1].

Е. Б. Козлова пишет о необходимости различать имущественные и организационные договоры (корпоративные, рамочные и предварительные договоры, договор простого товарищества, транспортные договоры)[2].

В-третьих, гражданско-правовые договоры можно классифицировать по критерию юридических особенностей: безвозмездные и возмездные договоры; консенсуальные и реальные договоры; договоры в пользу третьего лица; предварительные и основные договоры. Кроме того, можно выделить и иные основания для классификации: по форме договора (устные и письменные); кругу лиц и обязательности заключения (частные и публичные договоры).

Таким образом, классификаций гражданских договоров, основанных на одном критерии, нет. Это объясняется сложностью и разноплановостью сложившейся системы договорного регулирования. Классические подходы к классификации исходят из чисто нормативистского понимания договоров и их системы и основываются на нормах ГК РФ. Учитывая увеличение прямо непоименованных в ГК РФ договоров, можно посмотреть на этот вопрос и с другой стороны: с учетом не одного только правового контекста.

В цивилистической науке уже обращалось внимание на важность классификации договоров, исходя из области хозяйственной жизни, в которой они реализуются (сельское хозяйство, транспорт, промышленность и др.). О необходимости подразделять договоры в зависимости от сферы деятельности (торговля, транспорт, капитальное строительство, АПК и т. д.) много лет назад уже писал В. П. Грибанов[3].

В нашем случае в свете перехода развитых стран мира к VI технологическому укладу появление новых видов договоров

---

[1] См.: *Красавчиков О. А.* Система отдельных видов обязательств // Советская юстиция. 1960. № 5. С. 42–43.

[2] См.: *Козлова Е. Б.* Организационные договоры: понятие и классификация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 3–8.

[3] См.: *Грибанов В. П.* Проблемы изменения Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик // Вестник МГУ. Серия: Право. 1987. № 4. С. 35.

часто является производным от классических договоров, а смешанные договоры встречаются пока редко. Если говорить об их классификации, то по критерию включения в ГК РФ они могут упоминаться или быть непоименованными; по критерию участия норм иной отраслевой принадлежности — быть гражданскими или межотраслевыми; по сфере действия — использоваться в информатике, медицинской и технологической областях (во всех остальных, включая и охрану природы, появление новых видов договоров пока еще носит вспомогательный характер). Подробно рассмотрим договоры по последнему критерию.

1. *Информационная сфера*: договор оказания услуг в сфере информационных технологий (регулирует отношения в сфере разработки, сопровождения и поддержки программного обеспечения); договор использования смарт-контрактов (могут применяться при закупках товаров и услуг для публичных нужд); договор оказания услуг цифрового маркетинга; договор оказания услуг в сфере обеспечения информационной безопасности и др.

2. *Медицинская деятельность*: договор на предоставление телемедицинских услуг (оказание медицинских услуг с помощью интернета и иных средств связи); договор суррогатного материнства; договор оказания услуг хранения, обработки медицинских данных; договор разработки медицинских приложений; договор установки и обслуживания сложного медицинского оборудования.

3. *Технологическая область*: договор на оказание услуг по использованию дронов в сельском хозяйстве; договор на оказание услуг по использованию GPS-технологий в сельском хозяйстве; договор оказания услуг по использованию возобновляемых источников энергии; договор оказания услуг по повышению энергоэффективности или управления энергопотреблением и др.

Почти все приведенные выше договоры регулируют оказание услуг, а не выполнение работ. Некоторые из них имеют в основе традиционные гражданские договоры; другие указанные договоры прямо не поименованы в ГК РФ.

Дальнейшее развитие науки и технологий неизбежно повлияет и на другие отрасли права, где применяется гражданско-

правовой договор. Так, ФЗ от 2 июля 2021 года № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» предусматривает обращение углеродных единиц (российский аналог европейской продажи квот на выброс парниковых газов), что можно рассматривать или как появление нового вида договора, или как очень необычную разновидность купли-продажи, не предусмотренную ГК РФ.

Аналогичные тенденции мы будем наблюдать и в остальных отраслях права, поэтому задача современной юридической науки заключается в том, чтобы исследовать их и предлагать правовые решения по развитию системы договоров.

УДК 343.2

Ахметшин А. С.,
аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, руководитель Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области

Правовая реформа уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства: перспективно-эффективные направления оптимизации

Аксиомой является тот факт, что с момента появления права начинается незаканчивающийся процесс юридических реформ. Это обусловливается множеством факторов, главными из которых выступают эволюция человечества и сопровождающее его, как следствие, развитие права в виде основного, а где-то и единственного регулятора общественных отношений. Уголовное законодательство, являющееся важнейшим юридическим мерилом, также обоснованно находится в состоянии разного рода правовых реформ. Причины того следующие:

— существенное изменение содержания внутренних и внешних угроз;

— появление новых общественных отношений, требующих соответствующей государственно-властной охраны;

— утрата значимости соответствующих благ, влекущих, как следствие, трансформацию в содержании характера и степени общественной опасности деяний.

Изложенное наиболее ярко прослеживается в области уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасности государства, на чем мы и сконцентрируем внимание научной общественности в рамках данной статьи.

© Ахметшин А. С., 2024

В доктрине существует масса аргументированных точек зрения как по сущностным характеристикам экстремизма[1], так и по моменту его возникновения. Мы разделяем мнение о том, что экстремистская деятельность основана на мотивах ненависти или вражды, и момент ее юридического возникновения на прямую привязан к моменту образования государства, повлекшего легитимизацию власти меньшинства над большинством[2].

Сегодня экстремизм — общемировая проблема[3], имеющая очень обширный организованный формат[4], что создает прямую угрозу основам конституционного строя и безопасности цивилизованных государств. Его развитие и активное распространение выступают в том числе в качестве причин непрекращающихся правовых реформ противодействия такого рода девиантному поведению в рамках международного и национального права. Законодательство РФ также не стоит на месте. Прорывным в исследуемой области видится принятие ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности»[5].

---

[1] См.: *Петрянин А. В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 11; *Никитин А. Г.* Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа : дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2010. С. 40; *Сергун Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 22–23; *Ревина В. В.* Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 19; *Ржевский А. С.* Экстремизм и его проявление в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 9; *Хлебушкин А. Г.* Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 18–19 и др.

[2] См.: *Петрянин А. В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 23; 205.

[3] См.: *Петрянин А. В.* Международное регулирование борьбы с экстремизмом: преемственность и перспективы // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 373–377.

[4] См.: *Магнутов Ю. С.* Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282^1 и ст. 282^2 УК РФ): теория, техника, практика : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022.

[5] О противодействии экстремистской деятельности : ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

Позитивные достижения есть и в уголовном законодательстве. В частности, в настоящее время выработаны позиции по противодействию организованным формам экстремизма путем криминализации ответственности за организацию экстремистского сообщества (ст. 282^1 УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282^2 УК РФ). Наблюдается поиск в определении системы преступлений экстремисткой направленности, а также эффективных механизмов подрыва экономических основ исследуемого деструктивного явления.

Учитывая тему проводимой конференции, сконцентрируем внимание на перспективно-эффективных направлениях оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства. Сегодня как учеными, так и практиками, предлагается огромное их количество. Считаем, что первостепенными должны стать следующие.

Первое направление: разработка и включение в положения ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» понятия «экстремизм». В настоящее время в ней не отражена дефиниция с юридическими и методологически значимыми признаками, а фактически перечислены лишь виды противоправного поведения, рассматриваемые как экстремистские.

Учитывая, что преступления с признаками экстремистской деятельности, посягающие на основы конституционного строя и безопасности государства, являются одной из форм проявления экстремизма в целом, считаем, что их базовыми характеристиками выступают:

— групповой объект уголовно-правовой охраны в виде общественных отношений, обеспечивающих основы конституционного строя и безопасности государства;

— ненависть или вражда как источник, побуждающий преступное действие;

— наличие признака (признаков) экстремистской деятельности, указанного (указанных) в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Второе направление: систематизация преступлений с признаками экстремисткой деятельности. Сегодня с учетом положений примечания 2 к ст. 282[1] УК РФ они рассредоточены по всему уголовное закону, что также размывает понимание в сущностных особенностях исследуемой группы общественно опасных деяний и самого явления их детерминирующих. Например, базовый признак преступлений экстремистской направленности (мотив политической идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы) законодательно закреплен и за рамками гл. 29 УК РФ, в частности, мы обнаруживаем его в гл. 16, 20, 24, 25 УК РФ. Кроме этого, буквальное толкование текста анализируемого примечания прямо указывает на то, что при установлении соответствующих побуждений любое умышленное преступление должно признаваться экстремистским. Такой прием юридической техники можно оценить двояко. Позитивная сторона заключается в возможности оперативно реагировать на разносторонние экстремистские угрозы, ставящие в опасность или причиняющие вред не только основам конституционного строя и безопасности государства, но и иным объектам уголовно-правовой охраны; негативная — в существенном размывании признаков экстремизма и, как следствие, снижении уровня эффективного предупредительного воздействия на преступность, обремененной мотивами ненависти или вражды.

С определенной долей вероятности отмеченное может повлечь необоснованное повышение уровня репрессивного реагирования на схожие или смежные угрозы, что противоречит принципам и основополагающим идеям современного уголовного права. Принимая решение об ужесточении ответственности, необходимо понимать, что оно должно быть не только юридически, но и социально-политически обосновано, то есть, как верно отмечает И. М. Мацкевич, такого рода государственно-властная реакция не должна выступать в качестве единственного или основного инструмента борьбы с деяниями, основанными на мотивах ненависти или вражды[1], так как это может повлечь обратно-

[1] См.: *Мацкевич И. М.* О предложениях, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства об экстремизме // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 3–5.

отрицательный эффект и стать детерминантой обострения уже имеющихся или возникновения новых идеологических, расовых, религиозных, национальных, политических и иных противоречий в обществе.

В качестве примера приведем модернизацию законодательного и интерпретационного приема, реализованного в рамках ст. 282 УК РФ. До декабря 2018 года значительную массу регистрируемых преступлений экстремистской направленности составляло деяние, закрепленное именно в этой уголовно-правовой норме. Представим это на примере статистики МВД России и Судебного департамента при ВС РФ за 2014–2023 годы (см. таблицу).

Обращаем внимание, что в 2019 году статистика по общему количеству преступлений экстремистской направленности снизилась более чем в два раза, а привлеченных к уголовной ответственности по ст. 282 — более чем в шестнадцать. Причина произошедшего — выполнение рекомендации Президента России В. В. Путина о необходимости смягчения уровня ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства путем применения института административной преюдиции в борьбе с указанными деяниями[1].

Предложенная законодательная инициатива повлекла принятие ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации», в рамках которого была принята новая редакция анализируемой уголовно-правовой нормы[2].

После вступления в силу упомянутого НПА привлечение к ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ стало возможным только после первоначального привлечения виновного к административной ответственности за аналогичное деяние в течение года, что и повлекло такой спад возбуждения уголовных дел по рассматриваемой статье.

---

[1] См.: Владимир Путин предложил частично декриминализировать ст. 282 УК РФ // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://duma.gov.ru/news/28311/ (дата обращения: 16.05.2024).

[2] О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 53, ч. I, ст. 8445.

Общее количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности по статье 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, ***2014–2023 годы***

№ п/п	Год	Количество зарегистрированных преступлений экстремисткой направленности[1]	Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 282 УК РФ[2]
1	2014	1 034	301
2	2015	1 329	444
3	2016	1 450	502
4	2017	1 521	571
5	2018	1 265	518
6	2019	585	36
7	2020	833	18
8	2021	1 057	50
9	2022	1 566	51
10	2023	1 340	68

Возвращаясь к систематизации, полагаем, что оптимальным результатом такого рода упорядочивания юридических норм должно стать включение в УК РФ в рамках раздела X новой главы 29[1] «Преступления с признаками экстремистской деятельности». Предложенный юридико-технический прием позволит определить более точный курс уголовной политики в области противодействия экстремизму, внеся ясность в сущностные характеристики экстремисткой деятельности, тем самым определив правильное содержание соответствующих родовых и видовых объектов уголовно-правовой охраны.

[1] Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2014–2023 гг. // Статистика аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 16.05.2024).

[2] Данные судебной статистики за 2014–2023 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 16.05.2024).

Третье направление не исключает уточнение признаков уже имеющихся уголовно-правовых запретов, сосредоточенных на обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства. Например, можно обратить внимание на содержание предмета финансирования экстремистской деятельности. Для правильности квалификации рассматриваемого деяния необходимо разъяснение юридико-экономической сути понятия «финансовая услуга». В постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[1] главный интерпретатор не дал его содержательной оценки, что требует обращения к иным экономическим и юридическим источникам. Учитывая сформированную позицию по понятию этой услуги в финансовом праве, считаем возможным в рамках ст. 282^3 УК РФ рассматривать в качестве таковой банковские и страховые услуги, услуги на рынке ценных бумаг, а также по договору лизинга либо сопряженные с привлечением и(или) размещением денежных средств юридических и физических лиц, что должно быть закреплена в соответствующем акте толкования.

В завершение отметим следующее: продолжение правовых реформ в области уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства — это залог успеха в обеспечении национальной безопасности РФ.

[1] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

УДК 343

Балалаева М. В.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности НИУ—филиала РАНХиГС

Реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательства как предпосылки изменения структуры и содержания частных криминалистических методик

В настоящее время одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере противодействия преступности выступает реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательств. Еще в 2015 году был принят Федеральный закон № 266-ФЗ, направленный на повышение эффективности процесса реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательств[1]. К сожалению, данный процесс коснулся не всех дискуссионных моментов действующих уголовного и уголовно-процессуального законодательств. Так, реформирование порядка кассационного и апелляционного обжалования практически не затронуло оценочные понятия, имеющиеся в нормах уголовно-процессуального законодательства, а также не устранило противоречия в подходах к отдельным институтам уголовного права. Безусловно, попытки законодателей и правоприменителей раскрыть оценочные понятия в соответствующих постановлениях значительным образом уменьшают субъективное усмотрение органов предварительного расследования, однако их единичный и исключительный характер не способствует единству правоприменительной практики, что не может в конечном счете не отразиться на качестве предварительного расследования. Кроме того, постепенное реформирование уголовно-

[1] О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» и Федеральный закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 266-ФЗ // Российская газета. 2015. 17 июля.

© Балалаева М. В., 2024

процессуального законодательства в некоторой степени привело к затруднению понимания правоприменителем отдельных уголовно-процессуальных предписаний ввиду их бессистемности и несогласованности между собой.

Поскольку частные криминалистические методики базируются, прежде всего, на нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательств, то их реформирование не может не отразиться на структуре и содержании базовых методик расследования отдельных видов преступлений. Так, в свое время структура досудебного производства определила некоторые элементы базовой методики расследования преступлений, а предмет доказывания, изложенный законодателем в ст. 73 УПК РФ, позволил криминалистам сформулировать обстоятельства, подлежащие доказыванию, как один из структурных элементов криминалистической характеристики преступления.

Однако в некотором роде дефектное нормотворчество приводит к тому, что структура частных криминалистических методик видоизменяется. Если это изменение происходит не в лучшую сторону, то это негативным образом отражается и на правоприменительной практике. Вступивший в силу в 2001 году новый УПК РФ причислил следователя к стороне обвинения, что придало процессу расследования и его криминалистическому обеспечению обвинительный уклон. Также наделение в 2002 году следователей Следственного комитета РФ функциями производства дознания по некоторым категориям уголовных дел вызвало необходимость пересмотра оптимальной последовательности и тактики производства отдельных следственных действий в системе частных криминалистических методик на первоначальном этапе расследования преступлений. По обоснованному мнению профессора В. А. Толстика, «…эффективное противодействие необоснованной законодательной активности, прежде всего, предполагает выявление условий (причин) ее обуславливающих»[1].

Современная частная криминалистическая методика строится в соответствии со стадиями уголовного процесса. Перед разработкой тактических приемов производства следственных действий на первоначальном и последующем этапах расследования

[1] *Толстик В. А.* К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.

особое внимание криминалистами уделяется тактическим особенностям проверки сообщения о преступлении, и расширение в 2013 году перечня следственных и процессуальных действий, которые следовать (дознаватель) может проводить при проверке сообщений о совершенном преступлении[1], потребовало изменения тактических подходов, например, к назначению и производству криминалистических экспертиз.

Деление предварительного расследования на две формы, а именно: дознание и предварительное следствие, исторически обусловило и криминалистическое деление следственных действий на неотложные и «обычные» следственные действия. Причем неотложность следственных действий определяется не столько процессуальными сроками и непосредственно формой предварительного расследования, сколько конкретной следственной ситуацией и тактической необходимостью их производства. Особое значение это имеет при производстве расследования в форме дознания с последующей передачей уголовного дела следователям для производства по нему следствия. В связи с этим вызывают сомнения встречающиеся в научной литературе предложения некоторых авторов о реформировании института предварительного расследования путем упразднения стадии возбуждения уголовного дела, которое также приведет и к существенному изменению структуры и содержания частных криминалистических методик. Так, С. И. Вершинина и В. А. Лазарева полагают, что внесение многочисленных изменений в нормы уголовно-процессуального законодательства постепенно размывают границы между двумя стадиями досудебного производства, поэтому «…поступление сообщения о деянии, содержащем признаки преступления и его регистрация (автоматическая на электронном носителе либо в ручном режиме) следует признать началом уголовного процесса и точкой отсчета срока предварительного расследования, прекратив тем самым длительные дискуссии по данному вопросу»[2].

---

[1] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // Российская газета. 2013. 6 марта.

[2] *Вершинина С. И., Лазарева В. А.* Влияние цифровых технологий на совершенствование правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Государство и право. 2023. № 7. С. 100–110.

На наш взгляд, все-таки необходимо различать криминалистический этап расследования преступлений в частной криминалистической методике и процессуальную форму расследования, так как, например, временные рамки предварительного расследования, проводимого в форме дознания с последующей передачей уголовного дела следователю, могут быть снижены, причем не в связи с тем, что были решены поставленные задачи, а с тем, что потенциал неотложных следственных действий значительным образом утратил свое тактическое значение.

Поскольку в настоящее время вектор развития уголовного судопроизводства направлен на внедрение и использование цифровых технологий и искусственного интеллекта, то неизбежно встает вопрос о существенном пересмотре подходов к структуре и содержанию отдельных элементов частной криминалистической методики, например, таких как процесс выдвижения версий и планирования расследования, а также использования отдельных тактических приемов при производстве первоначальных следственных действий. И здесь, на наш взгляд, законодателю необходимо более «аккуратно» подходить к внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство, касающихся тактических компонентов цифровизации криминалистической деятельности, поскольку при императивном подходе в этом вопросе существует риск утраты тактических свойств тактических приемов и превращения их в некие обязательные процессуальные элементы следственных действий, что, безусловно, не может не отразиться на содержании отдельных элементов частной криминалистической методики. В этой связи мы не можем не согласиться с Ю. С. Балалаевой в том, что «…в рамках сегодняшней уголовно-процессуальной реальности искусственный интеллект в форме различных программно-аппаратных комплексов представляется возможным использовать лишь в качестве технического средства, обеспечивающего процесс доказывания»[1].

[1] *Балалаева Ю. С.* Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве: теоретико-правовые основы // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 17 ноября 2023 года). Ростов-на-Дону, 2024. С. 19–26.

Реформирование уголовного законодательства в части криминализации и декриминализации преступных деяний неизбежно приводит и к изменению видовых характеристик частных криминалистических методик. Зачастую несвоевременная криминализация того или иного преступного деяния (особенно актуальным это является для экономических преступлений) существенным образом затрудняет и формирование частных криминалистических методик, что негативным образом отражается и на правоприменительной практике. Затрудняет также разработку криминалистической характеристики того или иного преступления наличие в уголовном законодательстве большого количества бланкетных норм. Так, при формировании частных криминалистических методик расследования преступлений с бланкетными диспозициями необходимо учитывать, прежде всего, не «классические» структурные ее элементы, а исходить непосредственно из самой диспозиции уголовно-правовой нормы, а также из содержания норм тех отраслей права, к которым и делает отсылку законодатель при конструировании бланкетной диспозиции.

В настоящее время реформирование уголовного законодательства идет по пути криминализации преступлений с административной преюдицией. Одним из признаков, повышающих степень общественной опасности таких преступлений, являются признаки, характеризующие субъект преступления. Изучение субъекта преступления по таким преступлениям позволяет криминалистам более широко рассматривать категорию «личность преступника» в криминалистической характеристике и включать в нее не только признаки, которыми характеризуется субъект преступления во время и после совершения таких преступлений, но и исследовать проявления его свойств и качеств до совершения преступления, то есть тех, которые привели его к совершению административного правонарушения. Кроме того, считаем целесообразным расширение объекта и предмета криминалистики за счет включения в него закономерностей механизма совершения административного правонарушения как предпосылки совершения лицом преступления. Это позволит криминалистам формировать частные криминалистические методики преступлений с административной преюдицией.

Многими учеными процесс реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательств связывается с развитием самих частных криминалистических методик. Так, А. А. Эксархопуло полагает, что пути повышения эффективности взаимодействия процессуалистов и криминалистов состоят, прежде всего, в рациональных путях развития криминалистической методики и возможностях использования ее достижений для совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства, в том числе и накопленного исторического опыта, и «…прежде всего достижений в разработке структуры частной криминалистической методики, которая может быть с успехом и пользой заимствована уголовным процессом для реформирования досудебного производства»[1]. Безусловно, с данной точкой зрения нельзя не согласиться, однако, по нашему мнению, этот процесс должен быть построен на принципах взаимодействия, в рамках которого частные криминалистические методики формируют некоторые тенденции развития уголовно-процессуального и уголовного законодательств, а уголовно-процессуальное и уголовное законодательства дополняют (изменяют) структуру частных криминалистических методик.

Таким образом, именно логически построенная структура частной криминалистической методики способна установить достоверность полученных в процессе уголовно-процессуального доказывания доказательств, а обеспечение законности уголовно-процессуальной деятельности должно строиться не только на нормах уголовно-процессуального законодательства, но и учитывать криминалистические рекомендации, базирующиеся, прежде всего, на изучении следственной и судебной практики, лежащей в основе частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. Изменение уголовного законодательства приводит к изменению не только структуры частных криминалистических методик, но и к их увеличению либо уменьшению в методике расследования в целом. Особое влияние на формирование новых и изменение существующих частных криминалистических методик оказывают наличие большого ко-

[1] *Эксархопуло А. А.* Структура частной криминалистической методики как историческая база для реформирования досудебного производства // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 354–362.

личества бланкетных норм в уголовном законодательстве, а также возросшее число преступлений с административной преюдицией. При любом изменении уголовного и уголовно-процессуального законодательства необходимо не игнорировать имеющиеся криминалистические достижения в методике расследования преступлений, а, наоборот, их учитывать. Наиболее целесообразными нам представляются изменение структуры предварительного расследования и переход от форм предварительного расследования к этапам уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, сблизит уголовно-процессуальную и криминалистическую деятельность и повысит эффективность взаимодействия процессуалистов и криминалистов для решения общих задач.

УДК 34

Балашова Е. С.,
кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина

Правосознание как нейрокогнитивный феномен в контексте реформ: аспекты дефиниции

Продолжающаяся цифровая трансформация различных сфер правоприменения, постепенная диффузия нейрокогнитивных подходов, результатов исследования и технологий во все сферы жизни и соответствующие трансформации общественного правосознания обусловили актуальность этой статьи.

В современном мире феномен правосознания трактуется как социальное явление, как одна из составных частей правовой культуры, как форма общественного сознания настроений, чувств, как следствие проведения определенной политики и воздействия государственного строя на население, также как система принципов, идей и теоретических концепций, национальный правовой менталитет[1] либо часть правовой традиции.

С нашей точки зрения, феномен правосознания следует понимать скорее как своего рода правовое мировоззрение, в котором индивид определяет собственное место в иерархии административных отношений, в системе правоотношений общества, государства и отдельных людей и логически соответствующий этому месту объем прав и обязанностей.

Этапы развития правосознания имманентно сцеплены с развитием политической системы, науки, техники, практик правоприменения. В настоящий момент экспоненциально нарастающее количество существенных открытий, идей и новых технологий, на наш взгляд, таково, что так или иначе трансформация ряда норм права

[1] См.: *Мордовцев А. Ю. Попов В. В*. Российский правовой менталитет. Ростов-на-Дону, 2007. 448 с.

© Балашова Е. С., 2024

и правосознания в целом неизбежна. В этом смысле наибольшим потенциалом обладают нейрокогнитивные исследования.

Все нейрокогнитивные исследования можно разделить по роду последствий на четыре основных направления:

— исследования нейрокогнитивного потенциала человека;

— исследования нейрокогнитивного потенциала нечеловеческих живых существ;

— исследования, направленные на модификацию, коррекцию, развитие либо восстановление когнитивных возможностей человека;

— исследования по разработке алгоритмов искусственного интеллекта, эмоционального искусственного интеллекта и пр.

Результаты проведенных исследований, как успешных, так и не очень, в той или иной степени воздействуют на многие направления науки, прикладных сфер деятельности. Так, исследования физиологии нейрокогнитивных процессов (в первую очередь восприятия) в определенном смысле спровоцировало развитие технологий UX/UI-дизайна, которые практически сразу начали активно применяться в веб-дизайне стриминговых платформ, информационных порталов, и дизайне обучающих курсов и приложений[1]. Разработки в сфере телекоммуникационных технологий и программного обеспечения сделали реальными реализацию инновационных технологий в сфере правосудия, таких как электронная система определения оптимальной меры наказания («Электронные весы правосудия»)[2] и других направлений цифровой трансформации судопроизводства[3]. Социально-психологические исследования Д. Канемана и А. Тверски о механизмах восприятия, интуиции, выбора и принятия решений, принесшие

[1] См.: *Балашова Е. С., Богачева А. В.* Перспективы применения технологий UX/UI-дизайна в современном образовании // Инновации в образовании. 2024. № 2. С. 4–10.

[2] См.: *Аликперов Х. Д.* Электронная система определения меры наказания — будущее правосудия по уголовным делам («Электронные весы правосудия») // Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития. Москва, 2023. С. 174–182.

[3] См.: *Балашова Е. С.* Актуальные проблемы и перспективы цифровой трансформации судопроизводства // Судебная власть в России (к 100-летию Верховного Суда РФ) : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 106–110.

Нобелевскую премию по экономике, в кратчайшее время произвели революцию в технологиях рекламы и маркетинга[1], PR-технологиях, многих аспектах функционирования фондовых рынков, в подходах к оценке противоправного поведения и разработке интерфейсов взаимодействия человека и компьютера[2]. Само наличие новых результатов исследований в современном мире благодаря глобальной информатизации в том числе способно в кратчайшие сроки привести к формированию совершенно новых концепций, теорий, подходов к решению задач, творческих методов, приборов, технологий и видов профессиональной деятельности.

Таким образом, следует признать, что нейрокогнитивные исследования и нейротехнологии в современном мире провоцируют определенного рода необходимость реформирования.

Какие именно направления исследований наиболее остро ставят вопрос о необходимости того или иного реформирования системы права? С нашей точки зрения, к ним следует отнести следующее:

— исследование механизмов формирования мышления на уровне физиологии мозга;

— разработка технологий транскраниального воздействия на мозг человека;

— нейропротезирование, создание нейроимплантов и технологий глубокой стимуляции мозга;

— разработка технологий нейромодулирования;

— разработка интерфейсов беспроводного взаимодействия в системе человек – компьютер;

— разработка алгоритмов самообучающегося эмоционального искусственного интеллекта, самообучающихся цифровых аватаров, интерфейсов *ChatGPT* и т. д.;

— развитие технологий интернета вещей, голосовых помощников, умной техники и т. п.;

---

[1] См.: *Спозини Л.* Влияние новых технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2 (1). С. 74–100.

[2] См.: *Канеман Д.* Даниэль Канеман: Думай медленно... решай быстро. Москва, 2021. 656 с.

— совершенствование технологий «умный дом» и «умный город»;

— развитие технологий и программного обеспечения беспилотного транспорта, в том числе общественного транспорта;

— новые идеи в дискуссиях вокруг правосубъектности нечеловеческих существ и объектов.

В частности, системы права, в том числе криминологии, криминалистики и системы уголовного правосудия, очевидно, в дальнейшем будет развиваться под значительным влиянием нейрокогнитивного подхода по Д. Канеману.

Базовые идеи нейрокогнитивного подхода по Д. Канеману, с нашей точки зрения, можно свести к нескольким основным тезисам:

1) субъект принятия решений и субъект права иррационален по определению;

2) в основе принятия решений работают так называемые эвристики, или когнитивные упрощения, во многом напоминающие алгоритмы искусственного интеллекта;

3) восприятие человека, принятие решений и многие другие психические процессы во многом обусловлены наличием одновременно двух принципиально разных систем мышления: рациональной и интуитивной, в рамках одной личности, что глубоко обусловлено строением головного мозга человека[1];

4) не только принятие решений, но и творческие способности, восприятие себя, других индивидов, абстрактных понятий и окружающего мира[2], способности к вере и доверию, рациональному мышлению и эмоциональному реагированию также во многом физиологически обусловлено[3];

5) часто в основе субъективно воспринимаемых впечатлений об истинности какой-либо информации либо адекватности и положительности какого-либо индивида лежит не рациональная оценка качеств субъекта или информации, а механизмы положительного подкрепления при узнавании. Кроме того, в наследство

[1] См.: *Дубынин В. А.* Мозг и его потребности 2.0. От питания до признания. Москва, Бомбора, 2024. 448 с.

[2] См.: *Рамачандран В.* Мозг рассказывает. Что нас делает людьми. Москва, 2017. 422 с.

[3] См.: *Свааб Д.* Мы — это наш мозг. От матки до Альцгеймера. Санкт-Петербург, 2021. 544 с.

от эволюционных предшественников нам достался ряд других так называемых когнитивных искажений, достаточно существенным образом трансформирующих объективную картину реальности;

6) главное — хороший сюжет. Человеческое сознание обладает врожденной склонностью и способностью к формированию целостных сюжетов с завязкой, причинно-следственной обусловленностью хода событий, кульминацией и развязкой. Реальность, как правило, не настолько дословно подчиняется законам формирования литературного сюжета, поэтому человек в большинстве случаев склонен не обращать внимание либо вовсе отрицать все, что не укладывается в хороший, по его мнению, сюжет. Таким образом, как ни парадоксально, но критерием оценки рационального знания фактически может служить художественное восприятие.

Развитие нейрокогнитивного подхода в юриспруденции в наши дни привело к формированию так называемого нейроправа. Нейроправо (*Neurolaw*) — это область междисциплинарных исследований, которая исследует влияние открытий в нейробиологии на правовые нормы и стандарты[1]. Опираясь на нейробиологию, философию, социальную психологию, когнитивную нейробиологию и криминологию, практикующие нейроправоведение стремятся решать не только описательные и прогностические вопросы о том, как нейробиология используется и будет использоваться в правовой системе, но и нормативные вопросы о том, как нейробиология должна и не должна использоваться.

Плюсы нейрокогнитивного подхода:

— хорошее понимание на физиологическом уровне причин генезиса противоправного поведения;

— возможность коррекции отдельных противоправных тенденций без посягательств на свободу воли;

— снижение отрицательных последствий воздействий реформ системы права на правосознание;

— рациональный подход к определению санкций, в том числе в уголовном процессе;

---

[1] См.: *Алферова Е. В.* Нейроправо: достижения в области нейронауки и их применение в криминологии, криминалистике и правосудии (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2023. № 2. С. 206–216.

— развитие нейролингвистических технологий и эффективных технологий убеждения, нормализации, частной и общей превенции языковыми средствами[1] и др.

Минусы нейрокогнитивного подхода, с нашей точки зрения, заключаются в наличии:

— потенциальных возможностей для развития дискриминация отдельных лиц и групп лиц по признаку когнитивных нарушений[2];

— потенциальных возможностей для обесценивания достижений правовой культуры и развитого правосознания;

— потенциальных возможностей для нарушения права на личную и семейную тайну, в том числе по причине того, что существуют варианты противоправного поведения, обусловленного наследственными особенностями генетики человека;

— потенциальных возможностей для обесценивание человеческого достоинства;

— потенциальных возможностей для обесценивания принятого решения, в том числе осознанного решения не принимать участия в противоправной деятельности вопреки наличию склонности к нему;

— стремлении оправдать любые формы отклоняющегося, делинквентного и преступного поведения наследственными либо врожденными особенностями строения и развития мозга[3];

— возможной дискриминации лиц по убеждениям, из религиозных соображений и по любым другим причинам не пользующихся средствами нейрокоррекции и др.

Необходимо отметить, что реформы приносят не только ожидания решения давно назревших проблем, оптимизацию уже существующих подходов и надежду на светлое будущее. В зависимости от масштаба воздействия на разные уровни правосознания населения и в целом от уровня информированности населения и понимания им предстоящих изменений реформы мо-

---

[1] См.: *Черниговская Т. В.* Чеширская улыбка кота Шредингера. Мозг, язык и сознание. Москва, 2021. 496 с.

[2] См.: *Бондаренко А. А.* Формирование категории «нейроправа»: обобщение российского и международного опыта // Юридическая наука, 2023. № 8. С. 82–85.

[3] См.: *Лилиенфельд С., Сэйтл С.* Нейромания. Как мы теряем разум в эпоху расцвета науки о мозге. Москва, 2016. 368 с.

гут приводит в том числе к развитию тревожности, депрессивных состояний, нарушению устоявшихся распорядков; разрушению правосознания, развитию социальной аномии (беспредела); значительному разбросу ожиданий, поляризации мнений, формированию черно-белой картина мира; трансформации понятий нормы и отклонения, к обострению социальной категоризации, разделению на своих и чужих по какому-либо умозрительному критерию; разрушению экологического сознания и осознания своего места в мире; снижению ценности человеческой и нечеловеческой жизни, дегуманизации отдельных категорий лиц; ухудшению общего состояния здоровья населения; развитию склонности к веществам, вызывающим зависимость и в целом к сокращению длительности жизни населения.

За последние десятилетия такие и подобные им последствия реформ неоднократно наблюдались и исследовались не только в РФ, но и в других странах мира. Одна из причин подобных явлений заключается в том, что заметные реформы системы права, особенно в условиях низкой информированности либо низкой правовой грамотности, приводят к потере осознания человеком своего места в сложившейся системе отношений и, как следствие, к размытию нравственных и деонтологических координат, снижению ценности базовых принципов и понятий правовой культуры, а также ценности правовой традиции. В наименьшей степени, на наш взгляд, этому влиянию реформ подвержено традиционное общество с крепкими и многочисленными горизонтальными связями: родственными, дружескими, профессиональными и т. п. Значит ли это, что неизбежные вследствие продолжающегося развития нейрокогнитивных исследований и технологий реформы спровоцируют подобный кризис правосознания? С нашей точки зрения, также маловероятно, поскольку в значительной мере атомизированное общество, как показал опыт пандемии коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 и самоизоляции, замкнутое в своего рода «информационные пузыри» и клики горизонтальных связей, оно поляризуется в рамках недостаточно крупных социальных групп, чтобы это могло спровоцировать значительную социальную нестабильность. В то же время скорость изменений, происходящих в современном мире, и огромный объем информации, воспринимаемой большинством современников,

отчасти снимают тяжесть последствий реформ[1]. Другими словами, все меняется настолько быстро, что впечатление смазывается, фокус внимания населения смещается на что-то другое, а часть последствий просто не успевает наступить.

Итак, цифровая трансформация системы права, в том числе процессуального права, других сфер жизни и профессиональной деятельности, а также правового и не только правового мировоззрения, в наши дни представляется неизбежной[2]. Из этого следуют несколько выводов, в том числе необходимость своевременной правовой концептуализации новых феноменов, идей и технологий. Также важно корректирование законодательства с учетом новых достижений нейрокогнитивных и смежных исследований.

Одна из причин, по которой крайне нежелательно промедление в этом направлении, заключается в том, что там, где официальное законодательство государств оставляет такую возможность, действуют юридические отделы транснациональных корпораций, зачастую подходящие к вопросам стратегического значения с позиции исключительно рыночных интересов и корпоративной выгоды[3]. Законодателям и юристам, которые возьмут на себя эту ответственность, необходимо найти тонкий баланс между защитой прав и законных интересов человека, в том числе на труд, образование и человеческое достоинство в ситуации продолжения развития нейротехнологий, и неолуддизмом. Очевидно, что в контексте подобных реформ правосознание ожидает неизбежная трансформация как сущностного содержания, так и базовых дефиниций.

---

[1] См.: *Цукияма Т.* Это просто ступор какой-то! Как избавиться от тумана в голове, обрести ясность мыслей и начать. Москва, 2024. 192 с.

[2] См.: *Хакимов И.* Правосознание в процессах реализации права. Теоретико-методологический и структурно-функциональный аспекты. Москва, 2021. 128 с.

[3] См.: *Балашова Е. С.* Роль и место транснациональных корпораций в развитии современного гражданского права // “Orbis civilisticae”: актуальные проблемы развития частного права. Нижний Новгород, 2023. С. 20–26.

УДК 34:93

Балдин К. Е.,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, ведущий научный сотрудник Ивановского государственного университета

Муниципальные реформы 1874 и 1870 года и преобразование системы здравоохранения в российской провинции (на примере города Иваново-Вознесенска)

Самыми урожайными на преобразования в XIX веке считаются 60–70-е годы. В начале этого периода было проведено важнейшее преобразование за всю историю России: отмена крепостного права, в результате чего коренным образом стала меняться вся социально-экономическая система страны. Эта реформа, как локомотив, мощно потянула за собой другие преобразования, которые очень существенно изменили государственный аппарат: армию, карательные органы, судебную систему, цензуру, местное управление и многое другое. Особое место среди этих преобразований занимают муниципальные реформы — земская (1864) и городская (1870).

Новые органы самоуправления имели всесословный характер, так как в них в качестве земских и городских гласных участвовали на равных представители дворянства, купечества, мещан, крестьян. Впервые в истории страны были созданы представительные органы, которые ведали «местными нуждами и пользами». Среди последних числилось развитие здравоохранения и ветеринарии, просвещения, благоустройства и т. п.

Подробно остановимся на тех изменениях, которые произошли благодаря созданию новых муниципальных структур, а также проблемах, возникших в результате того, что деятельность городских органов самоуправления и земств не была должным образом согласована в содержании земской реформы 1864 года и Городового положения 1870 года. Рассмотрение этих сюжетов

© Балдин К. Е., 2024

предпринято автором на материале города Иваново-Вознесенска, входившего тогда в Шуйский уезд Владимирской губернии.

Организация земской и городской медицины регулировалась важным нормативным документом — «Врачебный устав». Его можно найти в томе XIII Свода законов Российской империи.

Первая книга устава под названием «Учреждения врачебные» содержала общие положения об устройстве системы здравоохранения в стране, ее структуре в центре и на местах, правах и обязанностях медиков. Во второй книге — «Устав медицинской полиции» — говорилось о надзоре за качеством продуктов в торговых заведениях. Третья книга — «Устав судебной медицины» — касалась процедур судебно-медицинской экспертизы.

По мере необходимости отдельные положения Врачебного устава подвергались изменениям. Местные властные структуры оперативно реагировали на них, информируя о таких трансформациях муниципальные органы. Так, в 1894 году владимирский губернатор прислал в городскую думу Иваново-Вознесенска полученный из столицы измененный вариант Врачебного устава и предложил отцам города руководствоваться им в своей деятельности[1].

В дореволюционной России не существовало особого министерства здравоохранения. Эта сфера находилась в ведении Министерства внутренних дел (далее — МВД). Циркуляры и другие предписывающие документы на места поступали из Медицинского департамента МВД, который был создан еще в 1819 году, а в 1904 году преобразован в Управление главного врачебного инспектора МВД[2]. Соответственно, местные органы управления здравоохранением находились в ведомстве того же министерства.

8 июня 1865 года был издан закон «О преобразовании губернских учреждений ведомства МВД», по которому создавались губернские правления. Они состояли из общего присутствия, канцелярии и нескольких отделений, в числе их были и врачебные отделения. В каждое такое подразделение вошли существовавшие до этого отдельно губернские врачебные управы, комитеты общественного здравия и оспенные комитеты. Врачеб-

[1] Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2733. Л. 25.

[2] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. Т. 2. Санкт-Петербург, 2001. С. 33–34, 61–62.

ное отделение делилось на столы во главе с делопроизводителями. Все эти структуры подчинялись губернаторам как высшим представителям МВД на местах[1].

По нашему мнению, закон от 8 июня 1865 года был принят в том числе для того, чтобы приспособить местные органы власти к новым условиям, когда в губерниях и уездах уже начинали работать негосударственные муниципальные структуры — земские собрания и управы. Подробно остановимся на механизме решения вопросов здравоохранения в земствах, в частности, в низовом (уездном) уровне. Сразу следует отметить, что этот алгоритм выработали сами земства, так как в тексте реформы 1864 года он не был прописан.

В Шуйском земском собрании проблемами здравоохранения занималась врачебная комиссия, которая, в частности, обсуждала вопрос о возможности и необходимости постройки нового здания иваново-вознесенской земской больницы, затем курировала это строительство, вникая в детали и решая возникавшие по ходу дела проблемы[2].

Кроме того, в деятельности земства важную роль играла такая неземская структура, как уездный врачебный совет. Он состоял из чиновников местного уровня, а также из наиболее авторитетных местных врачей. Именно благодаря их энергии в Шуйском уезде в начале XX века все же удалось сдвинуть с мертвой точки вопрос о постройке нового здания земской больницы в Иваново-Вознесенске, а здание старой приспособить под инфекционное отделение[3].

После принятия Городового положения 1870 года в Иваново-Вознесенске возникла такая отрасль, как городская медицина. Непосредственно в Русском Манчестере развитие здравоохранения было возложено на одного из членов управы, который занимался не только ею, но и другими важными делами.

---

[1] См.: *Марасанова В. М.* Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). Москва, 2004. С. 108–109.

[2] Журналы экстренного и очередного Шуйский уездных земских собраний 1910 г. Шуя, 1911. С. 24.

[3] Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1905 г. Владимир, 1905. С. 64.

В тексте Городового положения, в отличие от земской реформы, говорилось, что для предварительного обсуждения, а затем реализации тех или иных социально-культурных проектов могут быть выбраны комиссии из состава гласных, а также исполнительные комиссии в рамках городской управы[1].

Специальные думские комиссии каждый раз создавались, если требовалось утвердить и реализовать какие-либо крупные проекты в области общественной медицины. Так, когда обветшала муниципальная больница в центре города, дума приняла решение строить новую и образовала из гласных специальную комиссию. Она разыскивала подходящий участок для этого лечебного учреждения, вырабатывала и утверждала план здания и смету на его строительство, выбирала подрядчика. Более или менее регулярно члены комиссии навещали строительную площадку и воевали с подрядчиком, если он не выполнял условия договора. После того, как больница была построена, члены комиссии с сознанием выполненного долга завершили свою работу. Что касается приглашения врачей в лечебные учреждения, то этим занималась не комиссия, а городская дума в полном своем составе[2].

На рубеже XIX–XX веков аналогичные комиссии создавались для реализации каждого более или менее значимого дела в городской жизни: постройки учебных заведений, устройства водопровода, ремонта мостов и т. п. В начале XX века гласные поняли, что комиссий становится слишком много, и решили ввести иной механизм решения вопросов. Была создана универсальная медицинская комиссия городской думы, которой поручили подготовку всех вопросов, связанных со здравоохранением. На ее заседание в качестве экспертов регулярно приглашали местных врачей[3].

Кроме того, при исполнительном органе городской думы — городской управе — работала врачебно-санитарная комиссия, являвшаяся совещательным органом. Например, в 1913 году в нее входили городской голова Н. С. Лаханин, врачи П. А. Алявдин, В. В. Можевитин, А. П. Иванов, К. И. Дементьев, М. М. Взоров, М. Н. Красовский, являвшиеся гласными думы, а также не входившие в состав думы медики: земский врач С. А. Чернобровцев,

[1] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 45. Отделений 1 СПб., 1873. № 48498. С. 829–830.
[2] ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2733. Л. 17, 35, 59, 74, 80-81, 157, 237.
[3] Там же. Д. 4512. Л. 6.

руководитель частного родильного приюта В. К. Корде и др. Эта комиссия занималась предварительным обсуждением ряда вопросов, давала экспертные заключения по поводу их для гласных. Последние принимали окончательные решения, при этом они прислушивались к мнению профессионалов[1].

Для борьбы с эпидемиями, которые в XIX века регулярно посещали уезд и город, создавались структуры быстрого реагирования. В июле 1892 года в Иваново-Вознесенске в условиях приближавшейся холерной эпидемии, охватившей значительную часть страны, был создан специальный орган, который получил нейтральное название — комитет народного здравия, но чаще его называли противохолерным комитетом. В его состав полностью, включая городского главу, вошли городская управа, все врачи города, полицмейстер, городской судья, некоторый фабриканты. Судя по опубликованным протоколам комитета, он заседал в среднем раз в три – четыре дня[2].

Комитет устраивал в городе временные инфекционные стационары, нанимал врачей и фельдшеров, следил за санитарной обстановкой, формировал ассенизационный обоз, изыскивал денежные средства на борьбу с эпидемией и т. п. Если возникала какая-либо проблема, то комитет оперативно реагировал на нее: в течение одного – двух дней, вырабатывая способы ее решения и назначая ответственных, как правило, из числа своих членов. Комитет проработал в активном режиме до конца сентября, когда в городе перестали фиксироваться новые холерные случаи. Последнее заседание комитета состоялось 30 ноября 1892 года[3].

Сферу здравоохранения в городе возглавлял городовой врач. Наиболее известным ивановским главврачом являлся П. А. Аляв-дин, который занимал этот пост с 1883 до революции 1917 года. Для городского самоуправления он был неудобным служащим, так как постоянно настоятельно о чем-то просил и доказывал

[1] Врачебно-санитарный обзор г. Иваново-Вознесенска. Иваново-Вознесенск, 1913. С. 1, 6.

[2] Отчет комитета, избранного Иваново-Вознесенской городской думой для принятия предупредительных мер и борьбы против азиатской холеры в г. Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1892. С. 4–6, 12, 16, 19.

[3] Отчет комитета, избранного Иваново-Вознесенской городской думой. С. 5, 88.

необходимость тех или иных расходов, но большинство отцов города ценило его профессионализм и преданность делу[1].

Таким образом, земства и городские муниципалитеты занимались одним и тем же делом, однако ни в тексте земской реформы, ни в Городовом положении не был прописан механизм их взаимодействия: Положение о губернских и уездных земских учреждениях хранило полное молчание об этом, а в ст. 6 Городового положения говорилось только о том, что «…земские <…> учреждения обязаны оказывать содействие к исполнению законных требований городского общественного управления»[2]. При этом законодатель не указывал механизма взаимоотношений и способов разрешения конфликтных ситуаций. Последние возникали нередко. Это объяснялось тем, что порой земские и городские органы самоуправления действовали на одном и том же поле.

Относительно деятельности органов местного самоуправления в общественном сознании и даже в некоторых научных исследованиях сложился определенный и не совсем правильный стереотип о том, что земства решали социокультурные и хозяйственные проблемы только в сельской местности, а в городах этим занимались городские думы и управы. В реальности дела обстояли не так однозначно, и поэтому тема «Земство в городе» не выглядела парадоксальной. Наглядным примером социокультурной деятельности земства в урбанистической среде стало создание и функционирование соответствующих учреждений Шуйского уездного земства на территории Иваново-Вознесенска.

Динамичный рост промышленности и населения в Русском Манчестере повлек расширение его территории: вокруг него выросли многочисленные местечки и слободки. Их жителями были преимущественно рабочие, трудившиеся на местных текстильных предприятиях и считавшие себя горожанами. Таким образом, наряду с землями, находившимися внутри официальной городской черты, существовал еще «большой Иваново-Вознесенск», включавший в себя многолюдные пригороды. Поскольку они не принадлежали к Русскому Манчестеру, то ответственность за них несла не Иваново-Вознесенская городская дума, а Шуйское уезд-

[1] Врачебно-санитарный обзор г. Иваново-Вознесенска. Иваново-Вознесенск, 1913. С. 1.

[2] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 45. Отделение 1. СПб., 1873. № 48498. С. 823.

ное земство. Так объяснялась деятельность этого органа земского самоуправления в городе.

О том, как непросто складывались отношения города и земства, свидетельствует процесс открытия первой земской больницы в Иваново-Вознесенске.

История началась в 1871 году, когда на базе села Иванова и находившегося рядом Вознесенского посада образовался город Иваново-Вознесенск. За несколько месяцев до этого события общее собрание ивановских крестьян составило приговор с просьбой к Шуйскому земству устроить в Иванове земскую больницу. В земском собрании у ивановцев было свое лобби в лице нескольких гласных, представлявших новорожденный город. Один из них — Т. С. Борисов — лично просил земцев открыть больницу. Судя по его выступлению, ивановцы были согласны принять на содержание только помещение больницы, его отопление и питание пациентов. Но в это время денежные средства земства были пока очень ограниченными, а расходов у него становилось все больше, и не только на здравоохранение, поэтому гласные не склонны были удовлетворить эту просьбу: просители-крестьяне уже стали горожанами и, следовательно, выпали из круга людей, о которых было обязано заботиться земство. Но просто так отмахнуться от просьбы бывших крестьян земцам было неудобно, поэтому шуйские гласные решили перевести стрелки на просителей. Они выразили согласие на устройство стационара в городе, предложив ивановцам не только отвести под больницу подходящее помещение, но и, вдобавок, ассигновать на первоначальное ее обзаведение 2 тыс. рублей. Ивановцы были явно не готовы потратить такие средства, поэтому Т. С. Борисову, который на очередной сессии земского собрания в 1872 году попытался вновь поднять этот вопрос, большинство собрания напомнило, что ивановцы на просьбу отпустить 2 тыс. рублей ничего не ответили[1]. Только через пять лет упорство ивановцев, еще не раз обращавшихся к земскому собранию, было вознаграждено. В 1876 году лечебное учреждение наконец открылось. За этот год шуйское земство потратило на его первоначальное

[1] Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1871 г. Владимир, 1872. С. 30, 62; Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1872 г. Владимир, 1874. С. 309, 331.

обзаведение 108 рублей, ежемесячную плату за наем помещения (28 рублей) внесли в расходную часть земского бюджета[1].

Противоречия между городом и земством возникли и при назначении одного из первых земских врачей Иваново-Вознесенска. Первоначально земская управа определила в промышленный город врача Зеленского, но он чем-то не понравился иваново-вознесенским гласным шуйского уездного собрания. В 1878 году они предложили найти более опытного врача-хирурга и сумели убедить остальных гласных уволить этого медика[2]. Однако на его место не удалось найти вообще какого-либо специалиста, так как в то время врачей в провинции было крайне мало, поэтому Зеленский продолжал лечить ивановских пациентов еще несколько лет после этих событий.

Население окраин Иваново-Вознесенска и, соответственно, контингент пациентов динамично росли, поэтому к концу XIX века земская больница стала явно тесной. В связи с этим в 1901 году уездный врачебный совет поставил вопрос о строительстве нового здания для нее. Но этот орган являлся не распорядительным, а только совещательным: его решения не были обязательными для гласных уездного собрания, поэтому история со строительством новой земской больницы в городе растянулась на десять лет.

Содержание журналов земских собраний создает стойкое впечатление о том, что земские гласные больше думали не о строительстве больницы, а о том, как бы максимально сэкономить на нем. Поначалу совершенно серьезно обсуждался вопрос о возведении небольшого отдельного здания только для инфекционных больных. По заданию земской управы в 1903 году была составлена смета на строительство. Предполагалось соорудить новое каменное здание с квартирой для фельдшера в нем. Стоимость его строительства составляла 12,5 тыс. рублей. Чтобы не напугать гласных большими единовременными тратами, проектировщики предполагали растянуть строительство на два года. Однако депутатов уездного земства насторожила даже такая предложенная им на утверждение сумма, поскольку она не вписывалась в формируемый ими земский бюджет. Земцы отложили

[1] ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 646. Л. 6.

[2] Журналы Шуйского уездного земского собрания 1878 г. Б. м., б. г. С. 17.

этот проект, постановив в случае резкого увеличения числа инфекционных больных нанимать частные дома для их размещения и лечения[1].

В 1905 году, несмотря на разгул революционной стихии, земское собрание возвратилось к обсуждению проблемы строительства новой больницы в Иваново-Вознесенске. Управа, которой еще в 1904 году было дано задание составить план больницы (на этот раз не только инфекционной), представила строительную смету на 42 тыс. рублей. Гласные посчитали эту сумму чрезмерной и сдали проект на обсуждение в редакционную комиссию, похоронив таким образом его принятие еще на один – два года. В целом обсуждение вопроса о новой иваново-вознесенской больнице на протяжении десятка лет стало недоброй традицией в шуйском земстве. Ежегодно решение откладывалось, причем каждый раз для этого находился новый предлог: то смета была неполной, то она оказывалась слишком затратной, то отказывались от деревянного здания в пользу каменного, то возникли форс-мажорные обстоятельства в виде революции[2]. Новое здание больницы было введено в эксплуатацию только в 1910 году.

В заключение следует констатировать, что законодательные акты 1864 и 1870 годов, вводившие в России новые органы местного самоуправления, имели существенные недостатки, в частности, они не предусматривали законодательного регулирования взаимоотношений городских дум и земств. В значительной степени этот недостаток относится к Городовому положению 1870 года, которое было принято через шесть лет после земской реформы 1864 года.

Опыт взаимодействия города Иваново-Вознесенска и Шуйского земства показывает, что основной точкой напряжения между двумя муниципалитетами было финансирование земских учреждений, обслуживавших не только крестьян, но и горожан, поиски и назначение врачей на должности, а также оставшиеся за рамками нашей статьи из-за ограничения объема сюжеты

[1] Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1903 г. Владимир, 1903. С. 91.

[2] Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1905 г. Владимир, 1905. С. 64, 246; Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1906 г. Владимир, 1907. С. XXII.

об устройстве инфекционных лечебных учреждений и родильных приютов. В связи с этим, как нам представляется, в рассматриваемых законах необходимо было прописать алгоритм сотрудничества в финансировании лечебных учреждений, расположенных на пограничных территориях, то есть на городских окраинах, и определиться с ответственностью различных муниципальных органов за население этих окраин, которое субъективно считало себя горожанами, но формально проживало на территориях, которыми заведовало земство.

Как нам представляется, недостаточная проработанность этих законодательных норм объяснялась двумя причинами: во-первых, законодатель, очевидно, не предвидел, что обнаружатся территории, на которых интересы земства и города могут пересекаться; во-вторых, по законам 1864 и 1870 годов здравоохранение, как и народное просвещение, относилось не к обязательным, а к необязательным поприщам местного самоуправления, которые, впрочем, со временем стали главными направлениями деятельности земств и городов.

УДК 342.9

Бекежанов А. С.,
магистр национальной безопасности и военного дела, докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

О некоторых вопросах классификаций института административно-правового принуждения

Административно-правовое принуждение постоянно находится в поле зрения ученых-административистов. В последнее столетие вышеуказанное явления порождает научные дискуссии, в особенности классификация института административно-правового принуждения, которая зарождалась в недрах административного права, с каждым новым исследованиям (коих, впрочем, было не мало) вскрывались новые грани такого емкого явления.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы, используя всеобщий научный метод познания, коим является диалектико-материалистический метод, в совокупности с общенаучными и конкретно-научными методами исследовать научные достижения по вопросу классификации института административно-правового принуждения.

Четкая и понятная классификация института административно-правового принуждения необходима практическим работникам для правоприменения и понимания механизмов действия института административно-правового принуждения.

В научной и справочной литературе встречается различная терминология применительно к системе института административно-правового принуждения, как общего и ее элементов, как отдельных частей, например, слова «классификация» и «вид».

Слово «классификация» С. И. Ожегов определяет как систему, по которой что-нибудь классифицировано. Аналогично он отсылает к слову «классифицировать». Смысл данного слова

© Бекежанов А. С., 2024

он приводит следующим образом: «...распределять по группам, разрядам, классам»[1].

Согласно семантическому смыслу слова, классификация определяется как система, внутри которой элементы распределены по группам, разрядам и классам. Иначе говоря, клас-сификация института административно-правового принуждения представляет собой комплексную систему из входящих в нее групп.

В свою очередь, слово «вид» С. И. Ожегов определяет как «..подразделение в систематике, входящее в состав высшего раздела — рода», приводя в пример словосочетание «вид растений». Он также отмечает, что слово «вид» тождественно словам «разновидность», «тип»[2].

Слово «разновидность» определяется им как «...предмет или явление, представляющее собой видоизменение основного вида, категории»[3], а слово «тип» — как «...форма, вид чего-нибудь, обладающие опреде-ленными признаками, а также образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений»[4].

Из вышеизложенного следует, что более корректно и правильно будет говорить «классификация» в связи с тем, что институт административно-правового принуждения много-аспектен, многомерен, емок, при этом требует разложения его на отдельные части и воссоединения его в общую систему. Таким обрахом, мы приходим к выводу, что в настоящей статье будет идти речь о классификации института административно-правового принуждения.

Классификация, как мы отмечали ранее, представляет собой систему, включающую группы, разряды и классы, между тем для классификации по группам необходимо определить существенные признаки (критерии), по которым возможно будет выделить меры административно-правового принуждения в отдельные группы. В административно-правовой науке имеется немало различных мнений по данному вопросу. Так, профессор

---

[1] *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: словарь / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва, 2019. С. 423.

[2] Там же. С. 133.

[3] *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва, 2019. С. 974.

[4] Там же. С. 1189.

Д. Н. Бахрах к классификационным критериям административно-правового принуждения относил:

— *характер воздействия* (личное, организационное, имущественное);

— правовое значение воздействия (санкционные меры, дающие итоговую оценку правонарушителю, и несамостоятельные, обеспечительные, несанкционные средства воздействия);

— способ охраны правопорядка (меры карательные, восстановительные, пресекательные);

— субъект принуждения (суд и несудебные органы);

— основание принуждения (уголовное, административное, дисциплинарное, гражданско-правовое)[1].

В. С. Низиев предлагает, на его взгляд, современную классификацию института административно-правового принуждения. При этом критерий «характер воздействия» заменяет на критерий «специфика правоограничения» и добавляет такие критерии, как «нормативные основания», «фактические основания»[2].

По мнению М. В. Макарейко, А. М. Субботина и А. В. Лубенкова, классификация мер административно-правового принуждения должна производиться по нескольким критериям.

Авторы предлагают следующие критерии для классификации: «…уровень установления, юридическое основание, фактическое основание применения, наступающие правоограничения, субъект применения, порядок применения, роль конкретной меры административного принуждения в механизме обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, объект принудительного воздействия, цель применения и способ обеспечения общественного порядка и общественной безопасности»[3].

---

[1] См.: *Каплунов А. И.* Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел. Системно-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 59.

[2] См.: *Низиев В. С.* Проблемы классификации мер государственного принуждения в административном процессе // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 25–27 мая 2017 года: в 3 ч. Ч. 3. Курск, 2017. С. 109.

[3] См.: *Макарейко Н. В., Субботин А. М., Лубенков А. В.* Меры административного принуждения, применяемые сотрудниками ОВД по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь : сравнительно-правовое исследование. Нижний Новгород, 2018. С. 58–59.

С авторами трудно не согласиться, так как критерии, предложенные ими, соответствуют современному состоянию административно-правовой науки.

Для Республики Казахстан критерий «уровень установления» не характерен, так как Казахстан является унитарным государством, тем самым меры административно-правового принуждения устанавливаются на общегосударственном уровне, при этом региональный уровень отсутствует. Это объясняется тем, что в регионах (областях) Казахстана отсутствуют законодательные органы. В то же время такой критерии характерен для федерации, коей является Россия. Следовательно, в России есть общегосударственные и региональные уровни установления института административно-правового принуждения.

Критерии, представленные авторами, нам импонируют, поэтому мы придерживаемся их.

Ниже представлена схема «Институт административно-правового принуждения», которая показывает распределение института адмнистративно-правового принуждения по различным критериям (см. рисунок).

Большое значение в науку внес критерии «цель применения и способ обеспечения общественного порядка и общественной безопасности», так как именно он вызвал научную полемику. Ученые, применяя данный критерий, переходили от двухзвенной до пятизвеной классификации института административно-правового принуждения.

До 50-х годов XX века в юридической литературе существовала двухчленная классификация. В частности, выделялись две группы. Они делили все меры института административно-правового принуждения на административные взыскания и иные меры административного принуждения, которые по своей сущности принудительны, однако не имеют характера наказания[1].

[1] См.: *Ниев В. С.* Проблемы классификации мер государственного принуждения в административном процессе // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 25–27 мая 2017 года: в 3 ч. Ч. 3. Курск, 2017. С. 109.

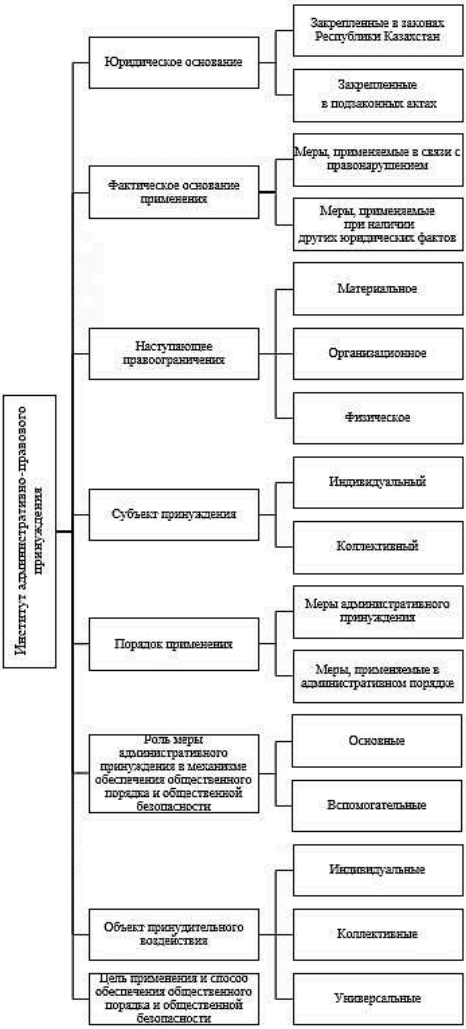


Рис. Классификация института административно-правового принуждения

Профессор И. И. Веремеенко отмечал двухзвенную классификацию: «1. Меры административного принуждения, связанные с фактом самого правонарушения. 2. Меры административного принуждения, связанные с иными правоотношениями (связанной

с гос. необходимостью)»[1], тем самым делил все меры института административно-правового принуждения по критерию «фактическое основание применения».

Развивая классификацию административно-правового принуждения из двухзвенной классификации, он перешел к трехзвенной: «…в зависимости от используемого способа охраны правопорядка <…> 1) административные взыскания (карательные санкции), охраняющие правопорядок; 2) правовосстановительные санкции, с помощью которых осуществляется восстановление нарушенного порядка, устранение ущерба, причиненного правонарушением (отмена незаконных актов, денежный начет, возмещение ущерба); 3) санкции реального исполнения, направленные на принудительное исполнение невыполненных обязанностей в сфере управления либо создание действенных гарантий такого исполнения (изъятие имущества и документов, снос самовольно возведенных объектов, запрещение эксплуатации объектов и др.)»[2].

Ученый Г. И. Петров тоже придерживался двухзвенной классификации. К первой группе он относил административные взыскания; ко второй — меры административного обеспечения[3]. Однако его классификация выглядит усеченной и не включает иные меры, не связанные с привлечением к административной ответственности.

М. И. Еропкин впервые выделяет критерий «цель применения и способ обеспечения общественного порядка и общественной безопасности» и разделяет меры административного принуждения на три группы:

1) административные взыскания;

2) меры административного пресечения;

3) административно-предупредительные меры (или меры административного обеспечения)[4].

---

[1] См.: *Белов А. А.* Актуальные проблемы классификации мер административного принуждения в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51–5. С. 80.

[2] См.: *Смирнов В. В.* Особенности классификации мер административного принуждения // NovaUm.Ru. 2022. № 36. С. 79.

[3] См.: *Десятик М. С.* Классификация мер административного принуждения в исполнительном производстве // Вестник Новгородского государственного университета. 2012. № 69–2. С. 32

[4] См.: *Еропкин М. И.* Избранные научные труды / под общ. науч. ред. А. П. Шергина, В. Г. Татаряна. Москва, 2010. С. 77.

Ю. М. Козлов отмечал существования мер административно-процессуального обеспечения, которые непосредственно имеют прямое значение в производстве по делам об административных правонарушениях[1], вследствие чего у него получилась четырехзвенная классификация: к трем группам, представленным М. И. Еропкиным, Ю. М. Козлов добавил меры административно-процессуального обеспечения по административным делам об административных правонарушениях.

Отечественный ученый Б. А. Жетписбаев делает вывод о том, что институт административно-правового принуждения состоит из совокупности пяти административно-правовых мер. В отдельную группу автор выделяет меры административного взыскания, меры административной ответственности и меры административного восстановления[2].

М. И. Жумагулов, вступая в дискуссию с Б. А. Жетписбаевым, не поддерживает вышеуказанную классификацию, обосновывая это тем, что меры административной ответственности тождественны мерам административного взыскания[3]. Невозможно не согласиться с М. И. Жумагуловым, так как меры административной ответственности включают в себя административные взыскания.

По вопросу классификации М. И. Жумагулов придерживается мнения, что наиболее приемлемой является четырехзвенная классификация, включающая в себя административно-предупредительные меры, меры административного пресечения, меры административной ответственности (они же административные взыскания), административно-восстановительные меры[4]. Автор выделяет группу административно-восстановительных мер.

---

[1] См.: *Белов А. А.* Актуальные проблемы классификации мер административного принуждения в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51–5. С. 80

[2] См.: *Жетписбаев Б. А.* Система мер административно-правового принуждения : монография. Алматы, 2005. С. 19.

[3] См.: *Жумагулов М. И.* Правовые основы административного принуждения : монография. Нур-Султан, 2019. С. 71, 72.

[4] См.: *Жумагулов М. И.* Правовые основы административного принуждения : монография. Нур-Султан, 2019. С. 61, 73.

Однако, по мнению А. А. Белова, меры административного восстановления потеряли свою актуальность. Он мотивирует это тем, что при совершении правонарушения при причинении вреда правонарушителем «…восстановление этих нарушенных субъективных прав не является целью и задачей административного права, а лишь находится в плоскости других отраслей права России…»[1].

В административно-правовой науке меры административного предупреждения, меры административного пресечения и меры административной ответственности никем не оспариваются, только добавляются новые группы, которые вызывают дискуссию в научных кругах. В результате чего мы делаем вывод, что вышеуказанные три группы являются общепризнанными. Так, А. А. Абдихаликов приводит на его взгляд современную классификацию административно-правового принуждения, которая состоит из пяти групп: он включает три общепризнанные группы и добавляет меры административно-процессуального обеспечения и меры административно-правового восстановления, отмечая, что последние меры в академической литературе встречаются редко[2].

Ученые Т. А. Мендыбаев и Д. Т. Мендыбаева приходят к выводу, что меры административно-правового принуждения состоят из трех общепризнанных групп, при этом выделяют меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях[3].

С. В. Багдасарян считает классификацию мер административно-правового принуждения, предложенную П. И. Кононовым наиболее приемлемой и современной, мотивируя это тем, что

---

[1] *Белов А. А.* Актуальные проблемы классификации мер административного принуждения в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51–5. С. 80–81.

[2] См.: *Абдихаликов А. А.* Современные подходы к проведению классификации мер административно-правового принуждения //Ғылым – Наука. 2020. № 4 (67). С. 121.

[3] См.: *Мендыбаев Т. А., Мендыбаева Д. Т.* Применение органами внутренних дел мер административного принуждения в свете реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина // Ғылым – Наука. 2023. № 4 (79). С. 44.

у вышеуказанного ученого «…не выделяются административные и профилактические меры».

П. И. Кононов иначе приводит классификацию, в частности, выделяет меры административного контроля (надзора), меры административного пресечения, меры административно-процессуального обеспечения, меры административной ответственности, меры административного исполнения[1].

«В зависимости от предметно-целевого назначения меры административного принуждений, — пишет Н. В. Анискина, — можно подразделить на меры административного принуждения, не связанные с совершением правонарушения, и меры административного принуждения, связанные с совершением административного правонарушения». При этом в первую группу относит меры административно-предупреждения; во вторую — меры административно-процессуального обеспечения, административной ответственности и меры административного пресечения[2].

А. А. Ярощук классифицирует меры административно-правового принуждения на четыре группы: три из них не отличаются от общепризнанных; четвертая группа представляется административно-восстановительными мерами[3].

О. О. Чуйкина выделяет две группы института административно-правового принуждения:

первая включает меры административно-правового принуждения, которые обеспечивают реализацию материально-правовых норм;

вторая — меры административно-правового принуждения, которые обеспечивают реализацию административно-процессу-

---

[1] См.: *Багдасарян С. В.* Понятие и классификация мер административного принуждения // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий : сборник научных статей по итогам VI Международной научно-практической конференции, Москва, 15–16 июня 2021 года. Москва, 2021. С. 79–82.

[2] См.: *Анискина Н. В.* Классификация мер административного принуждения, применяемых сотрудниками ФСИН России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13. № 2 (46). С. 200–206.

[3] См.: *Ярощук А. А.* Некоторые вопросы классификации мер административного принуждения // Проблемы правового регулирования общественных отношений: теория, законодательство, практика : сборник материалов республиканской научно-практической конференции с Международным участием (Брест, 25 ноября 2016 года), отв. ред. О. В. Чмыга. Брест, 2017. С. 305–310.

ального права. В первую группу относит меры административного предупреждения, меры административного пресечения, меры административной ответственности, во вторую группу — меры административно-процессуального обеспечения[1].

Н. В. Макарейко классифицирует институт административно-правового принуждения по цели применения и способа обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, также включая три общепризнанные группы и административно-восстановительные меры, меры административно-процессуального обеспечения[2].

А. И. Каплунов приходит к выводу, что классификация выглядит четырехзвенной, в частности, представляет три общепризнанные группы и включает меры административно-процессуального обеспечения[3].

Рассмотрев классификацию института административно-правового принуждения по критерию «цель применения и способ обеспечения общественного порядка и общественной безопасности», мы пришли к выводу, что общепризнанными являются три группы мер административно-правового принуждения, к которым относятся меры административного предупреждения, меры административного пресечения, меры административной ответственности. Дискуссионными остаются меры административного восстановления и меры процессуального обеспечения.

Мы считаем, что необходимо дальнейшее исследование института административно-правового принуждения в общем и классификации института административно-правового принуждения в частности.

Таким образом, в настоящей статье с разных ракурсов и мнений ученых административистов мы рассмотрели много-

---

[1] См.: *Чуйкина О. О.* О классификации мер административного принуждения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (38). С. 99.

[2] См.: *Макарейко Н. В., Субботин А. М., Лубенков А. В.* Меры административного принуждения, применяемые сотрудниками ОВД по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь : сравнительно-правовое исследование. Нижний Новгород, 2018. С. 77.

[3] См.: *Каплунов А. И.* Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: Системно-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 146.

мерный, многоаспектный институт административно-правового принуждения и пришли к нескольким выводам:

1) использование слова «классификация» предпочтительней и корректней, чем использования слова «вид» в связи с тем, что классификация предполагает выстроенную систему, которая включает в себя группы, разряды и классы;

2) при классификации института административно-правового принуждения критерии, представленные на схеме (см. рисунок), являются современными и наиболее полными;

3) критерий «цель применения и способ обеспечения общественного порядка и общественной безопасности» вызывает много дискуссий по вопросу вхождения в него мер административно-правового принуждения. В свою очередь три группы мер административно-правового принуждения считаются общепризнанными учеными, а именно: меры административного предупреждения, меры административного пресечения и меры административной ответственности;

4) меры административного восстановления и меры процессуального обеспечения являются в науке дискуссионными, так как входящие в них элементы, могут находиться и в других группах.

УДК 93:34

Буканова Р. Г.,
доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник образования Российской академии образования (Москва), заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России

Управление и местное самоуправление в Российской империи: развитие этих отношений в условиях общественно-политического кризиса

Управление отдельными административными образованиями страны и функционирование органов местного самоуправления на местах являются одними из наиболее дискуссионных проблем историко-юридической науки и противоречивых явлений в отечественной практике. При кажущейся однородности понятий — «управление» и «самоуправление» — они не идентичны[1], напротив, периодически они обретают взаимоисключающий характер: чрезмерное укрепление управленческих функций органов государственной власти может привести к созданию авторитарного режима, опирающегося на бюрократический аппарат, а территориальное самоуправление при потере контроля со стороны государства может привести к децентрализации и возникновению центробежных тенденций.

История России преподносит немало примеров, когда авторитарная система управления сменялась кратковременными периодами ослабления центральной власти и усиления роли орга-

[1] См.: *Толстик В. А.* Конституционные новации в регулирование местного самоуправления: вынужденная половинчатость или правовая позиция законодателя? // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 263–267.

© Буканова Р. Г., 2024

нов местного самоуправления. Значение местных органов власти, опирающихся на мнение и потребности подведомственного населения, всегда возрастало в периоды чрезвычайных ситуаций. Ярким примером является усиление роли глав регионов РФ в условиях борьбы с пандемией COVID-2020. Географические, климатические особенности регионов, неравномерность их социально-экономического развития, морально-психологические установки населения не позволяют использовать в таких случаях одинаковые ко всем регионам управленческие стереотипы. В такие периоды у власти возникает необходимость в поддержке организованной социальной общности в управлении той или иной территорией, особенно в ходе реализации непопулярных мер.

Возникновение первых органов местного самоуправления и их взаимодействие с органами государственной власти на местах можно проследить на примере эпохи Великих реформ Александра II. Следует отметить, что попытки упорядочить систему высшего государственного управления и местных государственных учреждений, придать им большее единообразие, гибко приспособить к нуждам нового времени предпринимались и при Александре I, однако учреждение им министерств и Государственного совета к коренным изменениям в системе государственного устройства не привели. Россия еще не была готова к либеральным реформам. Поражение декабристов на Сенатской площади, напротив, способствовало усилению централизации и концентрации государственного управления в руках абсолютного монарха.

Впервые в общегосударственном масштабе необходимость повсеместного учреждения органов местного самоуправления возникла в середине XIX века в связи с отменой крепостного права. Глубочайший кризис всей системы феодально-крепостнического строя России, усилившийся после поражения в Крымской войне, но главным образом обусловленный противоречиями между новым, нарождающимся капиталистическим способом производства и крепостническими отношениями, побудил Александра II отойти от традиционных устоев самодержавия. Чтобы не допустить обострения социально-политической ситуации в стране, сразу же после вступления на престол он заявил о необходимости отмены крепостного права сверху. Понимая,

что такая реформа не могла быть проведена без широкой общественной поддержки, император поручил подготовить вопрос министру внутренних дел С. С. Ланскому, который в августе 1855 года сменил на этом посту консервативно настроенного Д. Г. Бибикова[1]. Именно Министерству внутренних дел подчинялись все местные органы: губернаторы, уездные исправники, городничие, волостные старшины, сельские старосты. Кроме того, чтобы отмена крепостного права не была воспринята общественностью как мера, навязанная сверху, пришлось инспирировать ходатайство от имени литовских дворян в лице виленского генерал-губернатора В. И. Назимова. На этом этапе ввиду отсутствия органов самоуправления правительство опиралось на местные органы государственной власти, подконтрольные правительству.

При подготовке крестьянской реформы Александр II часто совещался с С. С. Ланским. Все проекты губернских комитетов поступали в Министерство внутренних дел, поэтому министр был хорошо осведомлен о положении дел на местах и не скрывал этого от императора.

Большинство дворян откровенно враждебно восприняли идею освобождения крестьян. Так, в 1858 году шеф жандармов в своем донесении писал о том, что большая часть помещиков смотрит на это дело, как на «…отнятие у них собственности и как на будущее разорение»[2]. Но выступления крестьян, сопровождавшиеся погромами и поджогами помещичьих усадеб, не оставляли выбора. Многие губернии были охвачены стихийными крестьянскими восстаниями. По некоторым данным после Крымской войны произошло 474 крестьянских волнений, а за один только 1860 год — 100[3].

Император понимал, что только силами центральных органов государственной власти и губернаторов существующую проблему не решить. Эта обеспокоенность ярко прослеживается в Манифесте Александра II об отмене крепостного права. В ос-

---

[1] Министерство внутренних дел России (1802–2002). Исторический очерк: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 2002. С. 124.

[2] Министерство внутренних дел России (1802–2002): в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 2002. С. 127.

[3] См.: *Игнатович И. И.* Крестьянские волнения // Великая реформа: 19 февраля 1861–1911: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: в 6 т. Т. III. Москва, 1911. С. 46–64.

новном он обращался к дворянству, социальной опоре самодержавия, пытаясь переложить на них — на их «добрую волю», «патриархальные отношения искренней правдивой попечительности и благотворительности» — решение местных проблем. В Манифесте также говорилось о будущем устройстве крестьян и дворовых людей, установлении порядка «общественного крестьянского управления»[1]. Однако это не означало установление местного самоуправления. Все оставалось под контролем губернаторов, под надзором которых создавались Губернские по крестьянским делам присутствия; институт Мировых Посредников в уездах, объединенных в Уездные Мировые Съезды; в селах — волостные управления, куда входили сельские общества мелких деревень.

Высочайшим Манифестом крестьянам была дарована личная свобода, но они не рассматривались как акторы данной реформы. «И теперь с надеждою ожидаем, — заявлял Александр II, — что крепостные люди, при открывающейся для них новой будущности, поймут и с благодарностью примут важное пожертвование, сделанное Благородным Дворянством для улучшения их быта»[2].

Для осуществления реформы был отведен срок: до 1864 года. Крестьяне, ожидавшие от царя «чистую волю» вместе с землей, были разочарованы. В течение первых двух лет после обнародования основного документа — Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости — произошло около 1 100 выступлений крестьян, подавленных полицейскими, а в Казанской и Пензенской губерниях для борьбы с крестьянскими восстаниями были направлены армейские войска[3]. Стало ясно, что созданные правительством органы управления на местах не справляются с возложенными на них задачами. Встала задача организации общественного управления в деревне путем распределения бывших частновладельческих крестьян по подобию государственных крестьян по сельским общинам и волостям. Сельской общине отводилась значительная роль в проведении земской реформы и установлении земских учреждений как органов местного самоуправления.

---

[1] Крестьянская реформа в России 1861 года : сборник законодательных актов. Москва, 1954. С. 31, 33.

[2] Там же. С. 35.

[3] Министерство внутренних дел России (1802–2002): в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 2002. С. 133.

Крестьянская реформа потянула за собой комплекс мер, имеющих синтетический характер и затрагивающих основы не только государственной системы права, но и сферы социальной и общественной жизни, вопросы регулирования имущественных, земельных, финансовых и других форм отношений.

Осуществление политических реформ, экономическая модернизация, изменения в социальной сфере поставили острый вопрос о реорганизации управления и местного самоуправления в пореформенной России, переустройства и оптимизации прежних органов власти и учреждения новых. В этих условиях становится не только необходимым, но и возможным создание реальной системы самоуправления в селах и городах России. Примером создания системы самоуправления на местах стали земская и городская реформы Александра II, которые не были завершены, тем не менее они доказали свою эффективность.

В последующем — в советское время — создание органов самоуправления с привлечением общественно-активной части населения являлось, как отмечает исследователь И. З. Шаяхметова, реакцией государства на кризисные явления в обществе: государство было вынуждено создавать их для решения вопросов повседневной жизни. При этом «…структурирование органов городского самоуправления проходило под надзором представителей верховной власти: губернаторской в дореволюционный период и партийной — в советский период»[1].

По своим масштабам отмена крепостного права имела громадное значение: она фактически являлась революцией сверху, приведшей к изменению всей общественно-политической системы государства. Пореформенный период в России характеризуется формированием основ буржуазного государства. Следствием отмены крепостного права явился промышленный переворот, начавшийся в 70-х годах XIX века. В ходе реализации поставленных задач на протяжении второй половины XIX века шел процесс перестройки всей системы управления и создания органов местного самоуправления, типологические черты которых сохранились до наших дней.

---

[1] *Шаяхметова И. З.* Модель самоуправления в городах Южного Урала в 1870–1991 гг. Уфа, 2018. С. 144.

УДК 34:93

Варенцова Л. Ю.,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Особенности реализации налоговой реформы царя Федора Алексеевича в дворцовых землях Российского государства в 1679–1681 годы

Термин «реформа» (от фр. *reforme*, лат. *reformo*) означает «преобразование», «изменение», «нововведение в какой-либо области государственной, политической, социально-экономической, духовной жизни»[1], при этом реформы не меняют основы существующего социального строя[2].

Цель данной статьи — обратиться к отечественному историческому опыту проведения преобразований в XVII столетии и выявить особенности реализации налоговой реформы царя Федора Алексеевича в дворцовых землях Российского государства в 1679–1681 годах.

Изучение налоговой политики Российского государства во второй половине XVII века в исторической науке началось в досоветский период в трудах А. Лаппо-Данилевского[3], С. Б. Веселовского[4], В. О. Ключевского[5].

---

[1] Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2002. С. 531.

[2] См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва, 1999. С. 678.

[3] См.: *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. Санкт-Петербург, 1890.

[4] См.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства: в 2 т. Москва, 1915–1916.

[5] См.: *Ключевский В. О.* Полный курс лекций / посл., ком. А. Ф. Смирнова. Москва, 2005.

© Варенцова Л. Ю., 2024

Оно продолжилось в советский период в работах Н. В. Устюгова[1], В. И. Буганова[2]. Наиболее важные исследования в области налоговой реформы царя Федора Алексеевича провели историки постсоветской эпохи З. В. Дмитриева[3], О. И. Марискин[4], Г. В. Талина[5]. При этом исследователи не делали акцент на специфике проведения налоговой реформы в дворцовых землях Российского государства в последней четверти XVII в.

Новизна данной статьи определяется как постановкой проблемы, так и введением исторических источников в научный оборот. Источниковой базой послужили неопубликованные и опубликованные делопроизводственные документы.

После окончания эпохи Смуты в Российском государстве увеличилось число прямых и косвенных налогов. В первой четверти XVII века выросли расходы на содержание государственного аппарата, армии. Правительство царя Михаила Романова всю тяжесть налогов возложило на крестьян и посадских людей. Главная статья доходов для казны — прямые налоги с тяглого населения — данные деньги, ямские, пищальные, полоняничные деньги, собиравшиеся для организации ямской гоньбы, приобретения оружия, выкупа пленных. К перечисленным прямым присоединились другие налоги, вызванные государственными нуждами[6]. Важнейшим среди них был стрелецкий хлеб — сбор рожью и овсом для кормового жалования московским стрельцам и стрелецкому войску в гарнизонах пограничных городов[7]. Сбор

---

[1] См.: *Устюгов Н. В.* Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. д-ра ист. наук А. А. Новосельского, канд. ист. наук Н. В. Устюгова. Москва, 1955. С. 394–411.

[2] См.: *Буганов В. И.* Мир истории: Россия в XVII столетии. Москва, 1989.

[3] См.: *Дмитриева З. В.* От посошного к подворному налогообложению: трансформация фиска в Московском государстве XVI–XVII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Москва, 2018. С. 33 – 44.

[4] См.: *Марискин О. И.* Восстановление налоговой системы России после Смуты // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. № 4. С. 60–68.

[5] См.: *Талина Г. В.* Россия на пути к рекрутской повинности и подушному налогообложению // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. С. 26–38.

[6] *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Москва, 1988. С. 204.

[7] См.: *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. Санкт-Петербург, 1890. С. 402.

хлебных запасов для служилых людей со временем переводился на деньги. Войны России с Польшей, Швецией, Турцией повлекли повышение окладов стрелецких денег.

Основанием для прямого обложения в Русском государстве были сошное письмо, перепись населения, его хозяйственных ресурсов для налогообложения. С вотчин, поместий, с дворцовых, черных и монастырских земель собирались сошные деньги. Размеры сохи как единицы налогообложения строго фиксировались: она содержала необходимое количество четвертей земли.

В дворцовых вотчинах в соху входило 500 четвертей (четверть — 0,5 десятины) «доброй» земли в одном поле, 600 четвертей — «середней», 700 четвертей — «худой» земли в одном поле. У служилых людей в соху укладывалось 800, 1 000 и 1 200, у церковников и монастырей — 600, 700, 800 четвертей[1]. В трех полях количество земли утраивалось.

Соха могла делиться на окладные единицы более мелкие: обжи (в Новгородской земле обжа равнялась 10 четвертям или 5 десятинам); московская соха подразделялась на выти[2]. Понятие «комбинированная соха» можно было применить к тем населенным пунктам, где жители одновременно занимались сельским хозяйством и торговлей. Такая соха включала землю и дворы[3].

По мнению В. О. Ключевского, существовали «промышленная» соха, связанная с числом дворов в посадах и слободах, а также «сельская», образованная пространством пахотной земли[4]. Посады также были положены в сохи.

В каждом городе был свой особенный комплекс податей и повинностей. В XVII веке в «промышленную соху» входило 40 дворов лучших торговых людей, 80 — средних, 160 — «молодших» людей, 320 — слобожан[5].

---

[1] См.: *Буганов В. И.* Мир истории: Россия в XVII столетии. Москва, 1989. С. 117.

[2] См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 6. Специальные курсы. Москва, 1989. С. 160–161.

[3] См.: *Устюгов Н. В.* Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. д-ра ист. наук А. А. Новосельского, канд. ист. наук Н. В. Устюгова. Москва, 1955. С. 416.

[4] См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 6. Специальные курсы. Москва, 1989. С. 159–160.

[5] Там же. С. 159.

При царе Михаиле Федоровиче Романове получили популярность чрезвычайные сборы «десятой», «пятой» деньги (10–20 %) для экстренных нужд Российского государства[1]. Только в 1613–1619 годах «пятинные» деньги собирали шесть раз, дважды — в годы Смоленской войны (1632–1634).

С целью упорядочить сбор налогов проводились переписи населения, а также проверялась посильность налогообложения. В 1620-х годах в России введена «живущая четверть» («дворовая четверть») — определенное число крестьянских и бобыльских дворов. В «живущую четверть» входило, как правило, 10 крестьянских и 20 бобыльских дворов[2].

В 1646 году в России проводилась общегосударственная подворная перепись. Правительство царя Алексея Михайловича приняло решение обновить сведения о количестве населения, прикрепить по новым книгам крестьян к частновладельческим землям. Переписные книги 1646 года существенно отличались от былых писцовых книг. Если писцовые книги содержали информацию о количестве тяглецов, их дворах, землях, угодьях, то в переписных книгах сведения о земле отсутствовали, о промыслах и угодьях встречались, но давались подробные материалы о населении.

К разряду косвенных налогов относились таможенные пошлины, кабацкие доходы, сбор которых отдавался на откуп или «на веру». Откупщик вносил в казну определенную сумму, которую затем с придачей собирал с населения. В другом случае пошлины и доходы собирали выборные таможенные и кабацкие головы и целовальники, избиравшиеся ежегодно[3].

Реформирование налогообложения в России началось в последней четверти XVII столетия. Основными причинами проведения реформы стали снижение уровня государственных доходов и необходимость увеличения бюджета на ведение Русско-турецкой войны (1676–1681). Рост расходов на военные нужды страны тяжелым бременем ложился на посадских и уездных лю-

[1] См.: *Буганов В. И.* Мир истории: Россия в XVII столетии. Москва, 1989. С. 117.

[2] См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 202.

[3] См.: *Буганов В. И.* Мир истории: Россия в XVII столетии. Москва, 1989. С. 118.

дей. Новый размер подати под названием «стрелецкий хлеб» стал одной из причин налоговой реформы в России в 1679 году. По указу царя Федора Алексеевича в 1678 году в города, посады, уезды Российского государства были направлены переписчики[1]. В результате были созданы переписные книги 1678–1679 годов, где проводился учет тяглых дворов и их обывателей. Они стали основанием для подворного податного обложения[2].

Переписные книги 1678–1679 годов увеличили количество налогоплательщиков за счет категорий людей, не владевших землей, угодьями, которые не платили податей по сошному письму. Произошел учет тяглых дворов[3]. Предполагалось, что введение нового подворного налогообложения должно повысить государственные доходы.

5 сентября 1679 года был принят указ с боярским приговором царя Федора Алексеевича (1676–1682), сына царя Алексея Михайловича, воспитанника писателя Симеона Полоцкого, любителя математических наук, знатока польского и латинского языков[4]. По данному указу все прямые налоги посадских и уездных людей объединялись в единый налог — стрелецкие деньги[5]. Этот налог следовало собирать не по сошному письму, а с «дворового числа», то есть с количества дворов. Прежние разновидности денежных сборов (стрелецкие, данные, полоняничные, четвертные, ямские, пищальные деньги и иные мелкие денежные доходы) упразднялись[6]. Новый налог под названием «стре-

[1] 243. – 1681 г., февраля 7. Память Кольского уезда Ковской волости старосте Минину и крестьянам о сборе с той волости, на жалованье московским стрельцам, вместо прежних данных, оброчных и полоняничных денег, по рублю с двора // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук: в 4 т. Т. 4 (1645–1700). Санкт-Петербург, 1836. С. 336–337.

[2] См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 6. Специальные курсы. Москва, 1989. С. 404.

[3] См.: *Талина Г. В.* Россия на пути к рекрутской повинности и подушному налогообложению // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. С. 32.

[4] См.: Дом Романовых. 400 лет. 1613–2013. Москва, 2013. С. 102.

[5] См.: *Буганов В. И.* Мир истории: Россия в XVII столетии. Москва, 1989. С. 118.

[6] См.: *Устюгов Н. В.* Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. д-ра ист. наук А. А. Новосельского, канд. ист. наук Н. В. Устюгова. Москва, 1955. С. 422.

лецкие деньги» предназначался на жалование московским стрельцам[1].

Окладной единицей стал двор, а не земельный надел. Вводился налог на двор, семейное хозяйство («на ворота»). Все слои податного населения были подвержены налоговой реформе. «Дворовое число» использовалось для вычисления общего оклада посада или уезда. Приказы как органы центрального управления определяли общую сумму налога на город, село, деревню, по числу тяглых дворов высчитывали общую сумму податных платежей в каждом округе, а общины распределяли ее для каждого двора тяглого населения[2]. Заметим, что оброк, который взимался с отдельных угодий посадских и уездных жителей, в ходе реализации налоговой реформы царя Федора Алексеевича сохранился без всяких изменений. Он не вошел в состав так называемых «стрелецких денег».

С помощью налоговой реформы правительство царя Федора Алексеевича хотело провести учет податных сил России, равномерно распределить налоги, повысить доходы казны, поднять систему налогообложения на новый уровень, добиться посильности тягла, поскольку стрелецкие деньги по старым окладам выплачивались с большими недоимками. При введении новых окладов старые недоимки не взимались, оклад был понижен[3]. Сохранилась и неравномерность сбора стрелецких денег. Ставки стрелецких денег с одного двора как податной единицы были разными: от 1 рубля и выше.

Вопреки понижению общей суммы оклада, новый налог оставался непосильным для тяглых сословий. В результате уже в 1679–1781 годах по стрелецким деньгам накопились большие недоимки. Переход к подворной подати встретил неприязнь у населения[4].

---

[1] 250. – 1681 г. Выписка из окладных книг о сборе на жалованье Московским стрельцам по новому окладу // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук: в 4 т. Т. 4 (1645–1700). Санкт-Петербург, 1836. С. 345.

[2] См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. 6. Специальные курсы. Москва, 1989. С. 404.

[3] См.: *Устюгов Н. В.* Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. д-ра ист. наук А. А. Новосельского, канд. ист. наук Н. В. Устюгова. Москва, 1955. С. 422.

[4] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 201.

По указу царя Федора Алексеевича 5 сентября 1681 года было приказано пересмотреть оклад стрелецких денег 1679 года, принять во внимание жалобы налогоплательщиков и снизить оклад. В целом оклад был понижен почти на 1/3: со 152 657 руб. 30 алт. 4,5 ден. до 107 550 руб. 6 алт. 5,5 ден.,[1] разложен по разным разрядам городов в зависимости от благосостояния жителей. В 1681 году составлялась окладная выпись по сбору средств на жалование московским стрельцам по новому окладу, в которой упоминаются порядка 128 городов, подчиненных Стрелецкому приказу, Большому и Казанскому дворцу[2]. В результате определено 10 разрядов городов.

Ставки стрелецких денег резко различались в разных регионах Российского государства. Например, в дворцовом городе Перемышле они составляли минимальную сумму — 26 алт. 4 ден. (80 коп.) с одного двора[3]; в Нижнем Новгороде — 1 руб. 16 алт. 4 ден.; в Ярославле — 2 рубля[4]. В 78 российских городах стрелецкие деньги собирались в размере от 80 коп. до 1 руб.; в 43 городах — от 1 руб. 10 коп. до 2 рублей[5]. Крупные политические и экономические центры страны получили самую высокую ставку налога.

По сошному письму налоги поступали в разные приказы. С 1679 года сборами заведовал Стрелецкий приказ[6]. Существовал принцип мирской раскладки податей, земский староста и «выборные лутчие люди» раскладывали подати на прежние и прибылые дворы[7], присылали деньги в Москву с целовальниками и

---

[1] *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. Санкт-Петербург, 1890. С. 29.

[2] Там же.

[3] 250. – 1681 г. Выписка из окладных книг о сборе на жалованье Московским стрельцам по новому окладу… С. 351.

[4] Там же. С. 349.

[5] См.: *Устюгов Н. В.* Финансы // Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. / под ред. д-ра ист. наук А. А. Новосельского, канд. ист. наук Н. В. Устюгова. Москва, 1955. С. 423.

[6] 243. – 1681 г., февраля 7. Память Кольского уезда Ковской волости старосте Минину и крестьянам о сборе с той волости, на жалованье московским стрельцам… С. 336.

[7] 243. – 1681 г., февраля 7. Память Кольского уезда Ковской волости старосте Минину и крестьянам о сборе с той волости, на жалованье московским стрельцам… С. 337.

провожатыми в указанные сроки[1]. Выборные земские власти несли ответственность за поставки денег в столицу[2].

При реализации налоговой реформы в дворцовых землях Российского государства существовала своя специфика. Заметим, что в последней четверти XVII века после смерти царя Алексея Михайловича в 1676 году основная часть дворцовых вотчин контролировалась приказом Большого дворца, а некоторые дворцовые земли Поволжья перешли в распоряжение приказа Казанского дворца[3].

Накануне налоговой реформы царя Федора Алексеевича в дворцовых землях проводилась перепись тяглых посадских и уездных людей. В 1678 году по итогам создания переписных книг в дворцовых селениях Российского государства насчитывался 89 121 двор.

К 1678 году численность дворов в царских вотчинах увеличилась в 2,4 раза (по сравнению с 1646 годом), когда на территории России находилось 37 200 дворов уездных и посадских людей[4]. Они делились на три основные социальные категории. Большинство дворцового населения составляли пашенные крестьяне (87,4 %). На втором месте была категория непашенных крестьян, царских рыбных ловцов, бобылей (9,3 %). Последнее место по численности имела категория дворцовых посадских людей (3,3 %)[5].

На территориях, подведомственных дворцовым приказам (например, приказ Большого дворца), стрелецкие деньги были положены вместе с дворцовыми денежными доходами[6]. Сбор стрелецких денег осуществлял приказ Большого дворца либо

---

[1] 250. – 1681 г. Выписка из окладных книг о сборе на жалованье Московским стрельцам по новому окладу… С. 345.

[2] См.: *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. Санкт-Петербург, 1890. С. 29.

[3] См.: *Варенцова Л. Ю.* Дворцовые земли в России в XVII в.: управление, хозяйство, правовое положение населения : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2022. С. 13.

[4] Там же. С. 30.

[5] Там же.

[6] 250. – 1681 г. Выписка из окладных книг о сборе на жалованье Московским стрельцам по новому окладу… С. 345.

другой дворцовый приказ. Стрелецкие деньги с дворцовых вотчин отправлялись сначала в приказ Большого дворца и только затем поступали в Стрелецкий приказ. Разрешалось поставлять деньги в Стрелецкий приказ в виде всей суммы, а также ее можно было разделить на две или три части[1].

Согласно статистике приказа Большого дворца, в 1680 году в 18 дворцовых городах и слободах, находившихся в его подчинении, по новым переписным книгам находилось 11 992 двора. Стрелецких денег с них полагалось взыскать 13 353 руб. 1 алт.[2]. Дворцовые города и слободы не отличались выплатой значительных сумм стрелецких денег: в основном с каждого двора ежегодно вносили по 1 руб. 10 алт.[3].

В 1681 году с ряда дворцовых городов (Балахна, Дмитров, Скопин, Соль Большая, Соль Малая, Вага) взималась подворная плата по 1 руб. В подчинении приказа Большого дворца были такие города и слободы, где с каждого двора собиралось стрелецких денег минимальные по всему Российскому государству суммы: 26 алт. 4 ден. (Перемышль), 30 алт. (Норская слобода, Юрьевец Поволжский, Рыбная слобода)[4].

Все дворцовые селения имели различную налогоспособность. Лидерами по суммам ежегодных выплат стрелецких денег (от 123 до 160 руб.) из городов, находившихся в ведении приказа Большого дворца, были Углич (528 дворов), Балахна (514 дворов), Романов (360 дворов), Кинешма (238 дворов). Особо выделялся Важский уезд, насчитывавший 9 053 двора и отправлявший в Москву 1 723 руб. 4 алт. стрелецких денег[5].

Следствием подворного обложения тяглого населения стали недоимки, разорение, побеги дворцового населения. Государевы подати оказывались чрезвычайно тяжелыми для бедноты — хворых, одиноких жителей, многодетных семей. «От скудости», «от голода», «от долгов» они разбредались, покидая свои дворы. Например, при проведении переписи в Городецкой волости Юрь-

[1] 250. – 1681 г. Выписка из окладных книг о сборе на жалованье Московским стрельцам по новому окладу… С. 348.

[2] Там же. С. 346.

[3] Там же. С. 351.

[4] Там же.

[5] Там же.

евец-Поволжского уезда в 1680–1684 годах земский староста Гришка Симонов представил писцам список из 58 дворохозяев, «безвестно» скрывавшихся[1]. В дворцовой половине Городецкой волости было выявлено 39 захребетников, не имевших возможности самостоятельно платить подати и живших на чужих дворах. В «подсоседство» брали нищих, вдов с детьми, бывших солдат, обедневших родственников. Они оказывали владельцам дворов посильную помощь на полях или в ремесле. Иногда просто бродяжничали[2]. Сократить количество дворов, уменьшить налоги для крестьян помогало объединение дворов в один большой двор, когда за одной общей калиткой находилось несколько дворов.

Хотя история сошного письма в России закончилась к 1679 году, в писцовых книгах продолжался перевод земли в сошное и вытное письмо. Вытное письмо стало преобладающим в дворцовых вотчинах Российского государства к концу XVII века. По данным приказа Большого дворца, в 1700 году в царских вотчинах насчитывалось крестьянского тягла 3 072 выти[3], с которых собиралось 85 135 руб. 10 алт. Каждый крестьянский двор выплачивал свыше 1 руб. Далее следовали натуральные платежи. В обязательном порядке поставлялся «посопный хлеб» (рожь, овес) по 0,2 чети со двора. С учетом историко-географических особенностей дворцовых вотчин поставлялись предметы хозяйственного инвентаря (метлы, веники, лопаты), строительные материалы (природный камень, известь), необходимые предметы для царских конюшен (конская упряжь, сани, сено, солома), продовольствие (вино, мед, хмель, брусника, орехи, масло, сметана, сыр, свинина, говядина, баранина, птица, разные виды рыбы), лекарственные травы.

Таким образом, активная внешняя политика Российского государства в последней четверти XVII столетия и необходимость обороны страны требовали увеличения государственных средств. Происходило усиление фискального гнета, напряжение платежных сил податного населения. Налоговая реформа царя Федора Алексеевича позволила сделать двор счетной единицей

[1] ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 26. Л. 141.

[2] ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 26. Л. 103 об.

[3] Приказы Московские. Приказ Большого дворца (1701 г.) // Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом: в 2 т. Т. 2. Москва, 1872. С. 256.

налогообложения. В 1679–1681 годах посадские и уездные люди стали платить налоги с «дворового числа» по новым переписным книгам. Российское государство имело возможность пополнять бюджет за счет увеличения численности налогоплательщиков.

Особенностями проведения налоговой реформы в дворцовых вотчинах Российского государства в последней четверти XVII века стали 1) увеличение количества дворов по новым переписным книгам; 2) усиленный контроль при сборе стрелецких денег со стороны приказа Большого дворца; 3) низкая платежеспособность дворцового населения; 4) использование выгодного для дворцового ведомства принципа коллективной ответственности и мирской раскладки податей; 5) переход к подворному обложению сопровождался возвращением к 1700 году к единой вытной системе налогообложения на территориях всех государевых вотчин.

УДК 34.047

Васильев П. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала РАНХиГС

Правовая реформа, естественное развитие права и правовая революция как типы изменений правовых систем

Изучение истории права наглядно демонстрирует тот факт, что правовые системы возникают, претерпевают существенные или несущественные изменения и прекращают свое существование либо вовсе (например, правовая система древних хеттов, майя, толтеков и Российской империи), либо находят отражение в правовых системах обществ, основанных на других этнических общностях и (или) системах ценностей (в качестве наиболее характерного примера можно вспомнить рецепцию римского права в Европе). Закономерности возникновения, функционирования, изменения и прекращения существования правовых систем и производных от них отдельных явлений составляют предмет теории права. Сами процессы возникновения, изменения и прекращения существования правовых явлений приобретают различные формы, в числе которых наиболее известна правовая реформа. Представляется, что, помимо правовой реформы, следует выделять и иные формы изменений правовых систем, например, естественное развитие права и правовую революцию.

Принимая во внимание существующий сегодня методологический плюрализм в изучении права, часто приобретающий форму методологического хаоса, необходимо сделать оговорку о методологической основе настоящего исследования. Ее составляют позитивистский подход к пониманию права, принципы классической рациональности, которые несовместимы с методологическим волюнтаризмом, а также материалистическая диалектика. Цель работы состоит в выявлении и определении наиболее общих аспектов соотношения естественного развития права, правовой

© Васильев П. В., 2024

реформы и правовой революции как типов изменения правовых систем. При этом в данной статье без внимания оставлена проблематика влияния субъективно-личностного фактора динамики права и производных от него явлений на первом этапе генезиса правовой системы, так как для решения этой проблемы необходимо предварительно получить исторически достоверную информацию о лидерах общественного мнения на первых этапах появления политического устройства. Например, бесспорно достоверная информация о субъективно-личностном факторе в реформах Тесея (Тезея) в Античной Греции или Ромула в Древнем Риме в настоящее время для нас недоступна. Эти личности, как и Саргон Аккадский в Месопотамии, относятся к разряду мифических или полумифических героев. Данное обстоятельство предопределяет лишь условную модельную реконструкцию социальной реальности начальных этапов зарождения правовых систем, оценка которых в теории права требует особой методологии. Учитывая тематические рамки конференции, предпримем попытку выделить основные типы изменения существующих правовых систем и дадим их краткую характеристику.

Изучение исторического материала показывает, что изменения правовых систем могут иметь место либо под влиянием субъектов-преобразователей (реформаторы или революционеры), либо в ходе естественного исторического развития правовой системы. В качестве наиболее характерного и понятного примера естественного развития правовой системы можно привести принятие Псковской судной грамоты Псковской земли. В данном случае обращают на себя внимание вопросы как о точном времени принятия данного источника права, так и об его авторстве. «Грамота, составленная по выпискамъ изъ грамотъ великаго князя Александра и князя Константина, а равно изъ всѣхъ приписокъ, сдѣланныхъ на основаніи Псковскихъ обычаевъ, по благословенію отцовъ поповъ своихъ всѣхъ пяти соборовъ, священноиноковъ и всего божія священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ 1397–1467 г.»[1]. Во многих более поздних исследованиях данного

[1] ПСКОВСКАЯ СУДНАЯ ГРАМОТА (1397–1467). Подлинная и въ переводѣ на современный языкъ съ примѣчаніями по установленію переводнаго теиста / составили И. И. Василевъ и Н. В. Кирпичниковъ. Издание Псковского археологического общества. Псковъ, 1896. С. 15.

документа отмечена трудность с установлением как авторства, так и времени введение в действие тех или иных положений Псковской судной грамоты.

Разумеется, традиции письменности, особенно такой сложной, как правотворческая работа, передавались по линии православного духовенства, которое не указывало свое авторство. Последнее обстоятельство было обусловлено старательным избеганием греха гордыни. Тем не менее ученые едины в том, что у данного источника права, существующего в итоговом виде, не может быть одного автора, так как, во-первых, в списках сказано о благословении попов пяти соборов, во-вторых, даже в приведенном фрагменте есть указание на псковские обычаи, ставшие источниками для Псковской судной грамоты. В целом закономерности безавторского, то есть естественного развития права через создание правовых обычаев хорошо изучены исторической школой права[1]. Характерным источником права для его естественного развития также можно считать создание правовых прецедентов. Дело в том, что яркая особенность правового прецедента как источника права состоит в обязательной обратной силе принимаемого решения. Правоприменитель, создавая правовой прецедент, руководствуется собственным пониманием должного варианта поведения участника правового конфликта, которое распространяет на ранее возникшее правоотношение. Не погружаясь глубоко в теорию и практику прецедентного правотворчества, можно отметить, что субъективное понимание правоприменителем должного варианта поведения в ранее возникшем правоотношении обусловливает в большинстве случаев невозможность его произвольного изменения. Конечно, некоторые случаи прецедентного правотворчества нельзя считать абсолютно естественными в логике длительного исторического развития общества, например, статья 22 Декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 года «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)», запрещавшая «…ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств» и предписывавшая Народному Суду при рассмотрении всех дел применять декреты Рабоче-Крестьянского Правительства,

[1] См.: *Савиньи Ф. К.* фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Москва, 2011. 510 с.

«а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового руководствуется социалистическим правосознанием»[1].

Если посмотреть диалектически, то можно заметить, что революция стала изменять правовую систему, дав определенный ориентир в виде основных положений Декрета Совета Народных Комиссаров о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года (далее — Декрет о суде № 1), включая его ссылки на положения программы-минимум Российской социал-демократической рабочей партии (далее — РСДРП) и партии социалистов-революционеров[2]. Таким образом, диалектический подход к рассмотрению даже революционных изменений в праве показывает, что причина их имеет субъективную природу в виде волеизъявления субъектов-революционеров (в самом Декрете о суде № 1 есть подписи конкретных лиц), а логика развития объективно и вполне естественно заставляет правоприменителей принимать акты в духе указанных изменений.

Таким образом, естественное развитие права как тип изменений имеет следующую характеристику:

— происходит исключительно в русле ранее установленной системы политико-правовых ценностей;

— в качестве типичных источников имеет правовой обычай, НПА или правовой прецедент, принятый в рамках ранее установленной системы ценностей;

— либо вообще не имеет автора (правовой обычай или древний НПА), либо авторство источника права непринципиально, так как сам автор не меняет систему ценностей и не влияет принципиальным образом на существующую тенденцию изменений в праве.

Изложенное в целом позволяет охарактеризовать правовую революцию как тип изменений права. В качестве эмпирической основы можно использовать хорошо известный опыт революционных преобразований в период становления советской власти в России, который частично приведен выше и отражен в великом множестве научных работ, достаточно полно представленных

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 85, ст. 889.

[2] Декреты Советской власти: в 18 т. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва, 1957. С. 125.

в некоторых обобщающих публикациях[1]. В этом смысле правовая революция имеет следующие характеристики:

— происходит на фоне политической революции, предполагающей уничтожение прежней и учреждение новой системы политико-правовых ценностей, а также прекращение прежней традиции развития правовой системы;

— имеет яркое индивидуальное или коллективное авторство, которое юридико-технически оформлено в виде подписей или провозглашения авторских программных документов (например, программа-минимум и программа-максимум РСДРП, принятые в 1903 году и ставшие официальными источниками права в 1917 году, Декрете о суде № 1);

— в качестве типичных источников имеет НПА или правовую доктрину, представленную в программном политическом акте (например, программы-минимум РСДРП и партии социалистов-революционеров);

— имеет отчетливый начальный момент (например, принятие основных декретов II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 года) и предполагаемый момент завершения (как правило, какое-то событие, например, победа мировой пролетарской революции).

Сопоставление указанных свойств естественного развития права и правовой революции показывает, что они имеют диаметрально противоположные свойства и представляют собой два возможных полярных по качествам типа правовых изменений. Это позволяет обнаружить место правовой реформы среди типов изменения права.

Примерами правовых реформ могут служить реформы Петра I, ярко продолжившего базовую тенденции, во-первых, на укрепление самодержавной власти (например, церковь с учреждением Святейшего Правительствующего Синода в 1721 году была окончательно лишена самостоятельности и инкорпорирована в государственный аппарат); во-вторых, на закрепощение (появилось право землевладельцев продавать крестьян отдельно от земельных участков).

---

[1] См.: *Дорская А. А.* К вопросу о взаимосвязи реформаторских и революционных периодов в истории государства и права России // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2. С. 37–44.

Наиболее ярким примером достаточно существенных правовых реформ в истории России являются либеральные преобразования Александра II. Следует заметить, что они происходили с сохранением самодержавия как базовой политико-правовой ценности и в логике тенденции привлечения общественности к правовой практике. Даже такое, казалось бы, существенное преобразование, как, например, введение институтов выборных мировых судей, присяжных заседателей и профессиональных защитников (присяжных поверенных), имеет свою логичную предысторию. Так, выборность судебных инстанций стала следствием развития давней традиции избрания лично свободными людьми административно-судебных инстанций в виде земских и губных старост еще в XVI веке. Данная традиция продолжилась и в XVIII веке с учреждением нижнего и верхнего земских судов, судьи которых выбирались из дворян. Некоторое подобие института защитника можно обнаружить в древнем праве печалования[1] за осужденных со стороны Русской Православной Церкви перед государем, а также в ходатайствах на Высочайшее имя со стороны членов правящей фамилии и авторитетных государственных деятелей.

Таким образом, правовую реформу относительно естественного развития права и правовой революции, то есть как тип изменения права, можно охарактеризовать следующим образом. Как естественное развитие права правовая реформа основана на существующих тенденциях и происходит исключительно в рамках существующих политико-правовых ценностей. Но изменения в рамках правовых реформ гораздо более существенны и измеримы, чем естественное изменение права. Качественно-количественная измеримость масштаба преобразований роднит правовую реформу и революцию. Правовая реформа, как и правовая революция, всегда имеют:

— общий замысел и более или менее понятную цель, позволяющую оценить результативность преобразований;

— субъект в виде команды реформаторов, возглавляемой явным руководителем;

[1] См.: Печалование // Академик: словари и энциклопедии на Академике : сайт. URL: https://theological_encyclopedia.academic.ru/3629/Печалование (дата обращения: 02.05.2024).

— строго определенный момент начала изменений и предполагаемый момент завершения реформаторской деятельности;

— внедрение результата реформы, то есть введение в действие новых или обновленных НПА, а также последующая коррекция осуществляемого ими правового регулирования.

Следовательно, естественное развитие права как тип его изменений противостоит правовой реформе и правовой революции тем, что не имеет яркого и очевидного авторства источников права, среди которых особое значение принадлежит правовому обычаю и прецеденту. Правовая реформа, в отличие от правовой революции, предполагает сохранение системы базовых ценностей и механизма передачи правового опыта, то есть правовой традиции.

Дальнейшая разработка темы о соотношении различных типов изменения права между собой может обусловить значительно большую конкретизацию различных аспектов их соотношения, выявить неоднозначность в понимании отдельных моментов, например, когда правовая реформа перерастает в революцию. Кроме того, выделение естественного развития права как типа изменений правовых систем может стать основой для дальнейшего совершенствования теории борьбы за содержание права[1]. Так, предметом отдельного исследования может стать вопрос о самой возможности борьбы за содержание права при естественном его развитии, об ее истории, формах, способах и результатах.

[1] См.: *Толстик В. А., Трусов Н. А.* Борьба за содержание права : монография. Нижний Новгород, 2008. 202 с.

УДК 34:378.6

Волк-Леонович С. О.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Историко-правовые дисциплины в контексте реформы юридического образования первой половины XIX века в Российской империи

Историко-правовые дисциплины играют важную роль в курсе высшего юридического образования, обеспечивая студентам не только понимание современной правовой системы, но и глубокий анализ прошлого различных правовых систем и их развития. Понимание исторического контекста законодательства и правоприменения помогает будущим юристам развивать критическое мышление, аналитические навыки и понимание основных принципов права.

Одним из главных аспектов изучения историко-правовых дисциплин является усвоение юридической культуры и традиций. Знание истории права позволяет студентам понять, как формировались основные правовые принципы и институты, различать институциональные ловушки прошлого, творчески используя опыт предыдущих поколений юристов, не допускать возникновения ловушек вновь, развивать профессиональную и этическую ответственность обучающихся, а также формировать представление о ценности правовой стабильности и предсказуемости.

Изучение историко-правовых дисциплин способствует формированию у студентов критического подхода к правовым источникам и их интерпретации. Анализ исторических документов, законов, судебных решений помогает студентам развивать навыки поиска и анализа информации, аргументации своей точки зрения на основе фактов, а также критической оценки различных правовых концепций и теорий. Кроме того, изучение историко-правовых дисциплин способствует формированию у студентов

© Волк-Леонович С. О., 2024

широкого кругозора и понимания многообразия правовых систем. Знание истории развития права в различных странах и культурах помогает студентам оценить различия и сходства между разными правовыми системами, а также понять влияние исторических событий, политики и общественных ценностей на формирование правовых норм.

В целом, изучение историко-правовых дисциплин в высшем юридическом образовании играет ключевую роль в формировании у студентов профессиональной компетенции, понимании основ права и его исторического развития, а также развитии критического мышления и аналитических навыков. Таким образом, эти дисциплины необходимы для квалифицированных и компетентных юристов, способных успешно работать в сложной и разнообразной правовой среде.

Эволюция историко-правовых наук в Российской империи берет начало в первой половине XIX века, формируясь в тесной связи с государственным запросом на подготовку квалифицированных кадров для обеспечения потребностей государственного механизма абсолютистского государства; необходимости научных исследований для обеспечения качественной кодификации.

На протяжении первой половины XIX века эволюция историко-правовых дисциплин заключалась в совершенствовании курса римского права, его истории и частноправовых институтов, а также осуществлении сравнительного анализа развития римских правовых институтов с российскими, помимо этого предпринималась постановка задач, обычно формулируемых в речах профессорского состава[1].

Блок историко-правовых дисциплин был предусмотрен еще в XVIII веке Указом о создании Московского университета 12 января 1755 года, где были определена структура и ключевые дисциплины юридического факультета Императорского Московского университета. Данная структура сводилась к Натуральному и Народному Праву и узаконениям Римской древней и новой Империи; Юриспруденции Российской, Внутреннего Государ-

[1] Например: *Баузе Ф. Г.* Oratio de jurisprudentia ejusque docendae et discendae ratione : dicta a.c. 1782. Москва, 1782.

ственного Права; Политики, включавшей в себя международные отношения и их историю[1].

В конце XVIII – начале XIX веков история законодательства неотделима от действующего, так как на территории Российской империи одновременно действовали законы разных эпох и разных государственных образований, в том числе Соборное Уложение 1649 года, Статут Великого княжества Литовского 1588 года, Вахтангов сборник законов — на территории Грузии и Армении, Уложение Василия Лупу, шведский Гражданский кодекс 1734 года, сборники по судебному процессу (*oikeudenkäymiskaari*), торговле (*kauppakaari*) и строительству (*rakennuskaari*) — на территории Финляндии[2]. Что для нас сегодня история, то во второй половине XVIII и XIX веков являлось головной болью юриста, ввиду чудовищного партикуляризма и отсутствия какой-либо системы в законодательных актах, поэтому, изучая Народное право, Юриспруденцию Российскую, Внутреннее Государственное Право, обучающийся волей-неволей должен был погружаться в его историю.

Римское право также не являлось предметом праздного любопытства или данью истории: реципированные нормы римского права продолжали действовать на территории современной Эстонии, Латвии, их след можно легко обнаружить в Своде местных узаконений губерний Остзейских[3].

И наконец, каноническое право. Для его применения также требовались исторические познания, так как данная отрасль права содержала значительное количество актов, принятых в разное время и включавших в себя как писанное, так и обычное право[4].

Таким образом, первым серьезным шагом на пути к созданию фундамента историко-правовых дисциплин стало возникновение Московского университета. Сразу оговоримся: это событие лишь создало необходимые условия, без которых не может раз-

---

[1] См.: Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / сост. и авт. вступ. ст. д-р юрид. наук, проф. В. А. Томсинов. Москва, 2009. С. 178

[2] Об учреждении прав Великого княжества Финляндии : манифест от 15 марта 1809 г. // Собрание постановлений финляндских. Узаконения, обнародованные на русском языке. 1902. Т. 1. № 2.

[3] Свод местных узаконений губерний Остзейских. Ч. I, II, III. Санкт-Петербург, 1845–1864.

[4] См.: *Павлов А. С.* Курс Церковного права. Сергиев Посад, 1902.

виваться наука, прежде всего, это касается инфраструктуры и формирования научного сообщества. Немногочисленные попытки создания трудов по римскому праву в основном сводились к следованию европейской традиции[1].

В первой четверти XIX века происходит существенный прогресс в области историко-правовых исследований. Многочисленные факторы способствовали развитию исторического направления в российской правовой науке. Г. Ф. Шершеневич отметил, что, «…исторической школе суждено было иметь успех на русской почве благодаря удачно сложившимся для нее обстоятельствам»[2]. К таким обстоятельствам следует отнести, прежде всего, политику в сфере просвещения.

С одной стороны, на развитие историко-правовых исследований влияют значительное увеличение количества образовательных организаций, предоставляющих возможность получения юридического образования, появление крупных юридических научных центров, таких как юридические факультеты императорских университетов в крупных городах империи (Дерпт, Санкт-Петербург, Вильно, Хельсинки, Харьков, Казань, Киев); с другой — трансформация сознания российского общества, выразившегося в стремлении к политическим преобразованиям, просвещению, образованию подобно европейским[3].

Либеральная политика Александра I в сфере образования, согласованная с государственным заказом, связанным с «распространением человеческих познаний»[4] и «образованием юношества на службу отечества»[5], создавала дополнительные возможности развития юридической науки в целом и историко-правовых дисциплин в частности.

---

[1] См.: *Артемьев А. А.* Краткое начертание римских и российских прав с показанием купно обоих равномерно, как и чиноположения оных историй. Москва, 1777.

[2] *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 22.

[3] См.: *Пыпин А. Г.* Общественное движение в России при Александре I. Санкт-Петербург, 1908. С. 1.

[4] Акт постановления для Императорского Университета в Дерпте от 12 декабря 1802 г. // Законодательство императора Александра I. 1801–1811 годы : сборник законодательных актов. Москва, 2011.

[5] Акт постановления для Императорского Университета в Дерпте от 12 декабря 1802 г. // Законодательство императора Александра I. 1801–1811 годы : сборник законодательных актов. Москва, 2011.

Реформе юридического образования способствовала активизация работы правительства в сфере кодификации Российских и местных законов. Исследования, направленные на изучение возможности кодификации, во многом обращены к методам исторического исследования российского законодательства. Сюда следует отнести масштабные государственные реформы, проводимые Александром I и его ближайшим окружением, целью которых было изменение формы правления, что требовало, во-первых, создания государственно-правовых исторических параллелей для формирования благоприятного общественного мнения, а во-вторых, нормативного обоснования проводимых реформ посредством тех же параллелей. Историко-правовая наука, таким образом, превращается правительством в средство переустройства общества, с одной стороны, а с другой — в площадку для дискуссий, которая была безопасна с точки зрения государства, так как споры велись не о будущем общества, а о его прошлом, тем не менее это позволяло оказывать значительное влияние на настроение общества благодаря увлечению историей образованного общества.

В контексте проводимой реформы, предполагавшей замещение кафедр прежде всего российскими учеными[1], получила распространение стажировка многих будущих преподавателей в Берлин и Геттинген, где на тот момент развивалась историческая школа права. Усвоение идей немецкой исторической школы права было ускорено благодаря множеству факторов. По мнению А. Г. Станиславского, этому способствовала политика правительства, увидевшего в исторической школе права возможность применить исторические методы в исследовании российского права[2]. В 1828 году на стажировку в Европу отправились пять человек, прошедшие курс отечественного законодательства под руководством М. М. Сперанского. Среди них были основатель историко-правовой науки К. А. Неволин, будущий доктор права В. П. Знаменский, будущий доктор права профессор и декан юридического факультета Императорского университета Св. Владимира

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е: в 55 т. Т. 10. Санкт-Петербург, 1836. С. 841–855.

[2] См.: *Станиславский А. Г.* О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. Казань, 1853. С. 52.

С. О. Богородский, будущий доктор права А. А. Благовещенский и будущий доктор права профессор российских гражданских законов в киевском Университете Св. Владимира С. Н. Орнатский.

Вместе с завоеванием господствующих позиций в науке исторической школы права намечается и упадок естественно-правового течения, которое, по мнению Г. С. Фельдштейна, существенно тормозило развитие как общеотраслевых, так и теоретических дисциплин[1], «без различия ко всем отраслям права».

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что создаются все необходимые предпосылки для дератизации историко-правовых дисциплин и превращения их из прикладных наук в общетеоретические.

Предметная составлявшая юридического образования также претерпевает изменение. Основными дисциплинами (согласно Уставу 1804 года) становятся «Богословие догматическое и нравоучительное», «Толкование Священного Писания», «Церковная История», «Умозрительная Философия», «Практическая Философия», «Право Естественное», «Право Политическое» и «Право Народное», «Право Гражданское», «Право Уголовное» и «Судопроизводство по Российской Империи», «Право знатнейших как древних, так и нынешних народов», «Дипломатика» и «Политическая Экономия».

Таким образом, на этико-политическом отделении Императорского Московского университета из историко-правовых дисциплин читались римское право, история римского права, история законодательства, законоискусство, включавшее исторический экскурс о началах, происхождении и разделении российских законов; история и древности римского права; пространное гражданское римское право. Можно отметить, что в учебном плане приобретает значение историко-правовая компонента. Подобные историко-правовые дисциплины с незначительными региональными компонентами преподавались во всех университетах. Согласно уставу 1803 года в Дерптском университете читались следующие дисциплины: «Позитивное государственное право», «Народное право», «Политика», «История права», «Юридическая словесность», «Римское и немецкое право по гражданской и уго-

[1] См.: *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909.

ловной части», «Лифляндское провинциальное право и практическое правоведение», «Эстляндское и финляндское провинциальное право» и «Курляндское провинциальное право»[1]. Примерно также обстояло дело в Виленском университете, только с польской региональной компоненты[2].

Следует отметить, что, несмотря на наметившийся интерес к историко-правовым дисциплинам, отношение к самой истории права наследуется из предыдущей эпохи. Так, П. И. Дегай, рассматривая вопрос об исследовательской деятельности правоведа, относящегося к прошлому, предлагает составить историческую справку «…начиная с Уложения или Кормчей книги и постепенно нисходить до последних изданных узаконений»[3]. Ученый рекомендует «давний коренный закон»[4] сопроводить указанием на подтверждающий его указ: это необходимо для того, что до времени издания такого указа «то коренное постановление не отменено»[5]. По мнению П. И. Дегая, юридическая наука должна стремиться открыть происхождение законов. Такое познание осуществляется посредством философских методов. К познанию закономерностей их дальнейшей эволюции применяются исторические методы. Влияние на законы региональных особенностей осуществляется посредством эмпирических методов; изучение действующего права отдается догматическому методу (формально-юридический) и эволюции учения о праве, «познание Литературное»[6]. Ученый предостерегает норморайтеров от избыточного увлечения историей при внесении поправок в уже существующие законы или осуществлении кодификации таких законов, призывая их ограничиться ясным и систематическим изложением ранее созданного текста закона — история нужна в случае нововведений, тогда ученым необходимо иметь представление о народном

[1] Законодательство императора Александра I. 1801–1811 годы : сборник законодательных актов. Москва, 2011. С. 104.

[2] Там же. С. 133.

[3] *Дегай П. И.* Пособия и правила изучения Российских законов или материалы к энциклопедии, методологии и истории литературы российского права. Москва, 1831. С. 51.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 108.

духе (правосознание), его истории и всего государственного устройства. При этом П. И. Дегай отрицательно относится к возможности применения идей исторической школы права Германии, видя в них исследователей римского и немецкого права. Ему ближе философская школа Тибо[1].

Примерно тоже читаем у В. Г. Кукольника: «Цель и причины Законов открывает история законодательства, и потому она, так как часть приуготовительная или вспомогательная, в правильном расположении учебных предметов естественным образом должна предшествовать преподаванию науки Права»[2].

Из данных замечаний можно заметить, что история права во многом остается прикладной наукой в составе общей теоретической системы юриспруденции.

На прочность фундамента историко-правовых дисциплин существенным образом оказывает влияние возросшая публикационная активность, увеличившаяся благодаря относительно большому количеству вузов, их относительной свободе в первый период правления Александра I, интересу правительства в формировании научных и учебных изданий, относительно большое количество периодических изданий.

В данный период увидело свет множество отечественных пособий по римскому праву В. Г. Кукольника, московского профессора Л. А. Цветаева, адъюнкта того же университета И. В. Васильева и санкт-петербургского профессора Н. Ф. Рождественского[3].

Появляются исследования по истории русского права.

В 1803 году выходит в свет труд действительного члена Российской академии Т. С. Мальгина «Опыт исторического ис-

---

[1] См.: *Дегай П. И.* Пособия и правила изучения Российских законов или материалы к энциклопедии, методологии и истории литературы российского права. Москва, 1831. С. 116.

[2] *Кукольник В. Г.* Руководство к преподаванию римскаго права Василия Кукольника. Санкт-Петербург, 1821. С. 5

[3] См.: *Кукольник В. Г.* Начальные основания римского гражданского права. Санкт-Петербург, 1810; *Цветаев Л. А.* Начертание Римского Гражданского Права, 1824; *Васильев И. В.* Обозрение римского законодательства. Москва, 1820; *Рождественский Н. Ф.* Римское гражданское право, изложенное (по Маккельдею) Николаем Рождественским. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1829–1830.

следования и описания старинных судебных мест российского государства, и о качестве лиц и дел в оных»[1]; в Императорском Харьковском университете профессор Г. П. Успенский издает несколько трудов, имеющих историко-право-вую направленность: «О состоянии военных сил в России до времен Петра Великого» (1809)[2], «О древности и достоинстве законов Российских до издания царем Алексеем Михайловичем Соборного Уложения» (1814): «Опыт повествования о древностях российских», часть. 1: О обычаях Россиян в частной жизни и часть 2: О обычаях Россиян в гражданском их состоянии и правительстве (1818)[3]. Профессор и декан нравственного факультета Харьковского университета И. Ф. Тимковский подготовил речь «О бывших в России поместьях и поместном праве» (1811)[4], М. К. Грибовский — «О состоянии крестьян господских в России» (1816)[5], И. Б. Раковецкий — "*Prawda Ruska*" (1820)[6], И. В. Васильев — «Рассуждение о законах Государства Российского, изданных от основания оного до нынешних времен, с показанием причин периодической оных законов перемены и постепенной образованности, в каковой они ныне» (1823)[7].

---

[1] См.: *Мальгин Т. С.* Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест российского государства, и о качестве лиц и дел в оных. Санкт-Петербург, 1803.

[2] См.: *Успенский Г. П.* О состоянии военных сил в России до времен Петра Великого. Харьков, 1809.

[3] См.: *Успенский Г. П.* О древности и достоинстве законов Российских до издания царем Алексеем Михайловичем Соборного Уложения. Харьков, 1814.

[4] См.: *Успенский Г. П.* Опыт повествования о древностях русских. Ч. 1–2. Харьков, 1818.

[5] См.: *Грибовский М. К.* О состоянии крестьян господских в России. Харьков, 1816.

[6] См.: *Rakowiecki I. B.* Prawda ruska 1820–1822 Prawda ruska T. 1 Czyli, Prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. kiiowskich z cesarzami greckimi y Mścisława Dawidowicza x. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłomaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczaiów, obyczaiów &c. dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow. Warszawie, 1820.

[7] См.: *Васильев И. В.* Рассуждение о законах Государства Российского, изданных от основания оного до нынешних времен, с показанием причин периодической оных законов перемены и постепенной образованности, в каковой они ныне. Москва, 1823.

Большое количество работ по истории русского права появляется на страницах журналов «Вестник Европы» и «Сын Отечества», печатаются исследования М. Т. Каченовского, Ф. М. Корецкого, И. В. Васильева.

Становится нормой предварять изложение отраслевого права или всей системы русского права обширными историческими экскурсами, которые можно обнаружить в трудах Г. И. Терлаич[1], З. А. Горюшкина[2] и других.

Однако, как отметил Н. П. Загоскин, все приведенные выше издания и статьи не могли создать историко-правовой науки: «…странное совпадение явлений: как начало русской истории положено было немецкими. учеными, так и история русского права зародилось, как наука, в немецком Дерптском университете, в трудах немецких профессоров этого университета — Эверса и Рейца»[3]. Действительно в Дерптском университете складывается первая научная школа русского права[4].

Учеными И. Ф. Г. Эверсом, И. Е. Нейманом, А. М. Ф. Рейцем, Э. С. Тобиеном были созданы труды, систематизировавшие знание по истории права Росси. В частности, И. Ф. Г. Эверсом был создан фундаментальный труд "*Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung*" (1826, в русском переводе 1835 года — «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии»), где дано системное изложение истории русского права и предложено объяснение его эволюции.

В соответствии с вышеизложенными постулатами исторической парадигмы объектом исследования у И. Ф. Г. Эверса выступает повседневный привычный уклад жизни народа, а фокус исследования сосредоточен на законодательных памятниках про-

[1] См.: *Терлаич Г. И.* Краткое руководство к систематическому познанию частного права России. Санкт-Петербург, 1810.

[2] См.: *Горюшкин З. А.* Руководство к познанию российского законоискусства. Т. 1. Москва, 1811.

[3] *Загоскин Н. П.* История права русского народа. Т. I. Казань, 1899. С. 85.

[4] См.: *Волк-Леонович С. О.* Становление исторического направления в российской юридической науке первой половины XIX века // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 1 (80). С. 44–49; *Волк-Леонович С. О.* Древнерусское государство в исследованиях отечественных правоведов второй половины XIX – начала XX вв. : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. С. 86–98.

шлого российского государства, которые дают возможность реконструировать отношения, характеризующие данный уклад[1].

Научные взгляды И. Ф. Г. Эверса были развиты в трудах И. Е. Неймана и его ученика А. М. Ф. Рейца[2]. Последнему удалось создать первый учебник по русскому праву. Дальнейшее развитие школы проявляется в трудах Э.С. Тобиена[3]. Ученые данной школы отказались от спекулятивных схем и простого перечисления исторических фактов в своих работах. Они сосредоточились на выявлении общих закономерностей общественной жизни, используя правовые источники как средство, фиксирующее определенные общественные отношения и позволяющее отслеживать их изменения в разные исторические периоды.

В трудах представителей российской исторической школы особое внимание уделяется процессам формирования и развития государственно-правовых институтов через эмпирические исследования, без которых невозможно изучение эволюции социальных институтов. В рамках этих институтов действует позитивное право, что позволяет раскрыть органические принципы права и понять его внутреннее единство. Используя сравнительно-

---

[1] См.: *Эверс И. Ф. Г.* Vom Ursprunge des russischen Staats (1808, в русском переводе 1825 года — «О происхождении Русского государства»); *Эверс И. Ф. Г.* Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. [Dorpat]1814; *Эверс И. Ф. Г.* Geschichte der Russen (1816, в русском переводе — «История руссов»); *Эверс И. Ф. Г.* Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung (1826, в русском переводе 1835 года — «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии»); *Эверс И. Ф. Г.* Предварительныя критическия изследования Густава Еверса для российской истории / пер. с нем. М. П. Погодина. Москва, 1825–1826; *Его же*. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии // Сочинения И. Ф. Г. Эверса; пер. с нем. И. Платонов. Санкт-Петербург, 1835; *Эверс И. Ф. Г.* Ueber die Quellen der Jaroslawischen Prawda.

[2] См.: *Рейц А. М. Ф.* Ueber Gewohnheitsrecht und Codification in Russland — в Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, B. 5, 105–114, 1833; *Рейц А. М. Ф.* Gewohnheitsrecht und Codification in Russland — Dorpater Jahrbücher (1833–1835), B. 1, 37–42; *Рейц А. М. Ф.* Опыт государственного права Российской Империи / сост. канд. филос. факультета Дерптского Университета К. Д(югамель), ib., B. 3, 17–46.

[3] См.: *Тобиен Э. С.* Die Blut-Rache nach altem russischem Rechte. Dorpat, 1840; *Тобиен Э. С.* Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. I. Die Prawda Russkaja und die ältesten Tractate Russlands. 2. Die ältesten Gerichtsordnungen Russlands. Dorpat, 1844–1846. *Тобиен Э. С.* Введение в историю русского права: Первая лекция, чит. на рус. яз. в Дерптск. ун-те 30 июля 1844 г. Санкт-Петербург, 1845.

правовой метод, ученые привлекают не только источники по истории права Древнерусского государства, но и свидетельства средневековых арабских путешественников, скандинавские саги и законодательство европейских стран.

Нельзя не согласиться с А. Н. Пыпиным в том, что прогресс в сфере юридической науки в целом и историко-правовой науки в частности был достигнут во многом благодаря созданию центров высшего юридического образования. Это обеспечило дальнейшее наступление золотого века российской юриспруденции: «Предпринятое при Александре I, всегда будет служить памятником того перелома в настроении правительственных сфер, который оказал спасительное действие на развитие у нас науки»[1].

Согласно Г. С. Фельдштейну, учреждение университетов и училищ «…было тем плодотворнее, что и общество, и тесный круг профессиональных юристов чувствовали всю своевременность предпринятых шагов»[2].

В 1835 году происходит еще одна реформа, в ходе которой изменяется учебная программа. Сейчас она имеет уже привычный для нас отраслевой характер, а отрасли, в свою очередь, были тесно связаны с кодификацией, вступившей в силу 1 января 1835 года. Помимо отраслевых, также был предусмотрен курс истории русского права. При этом сохранялось преподавание истории государства и права зарубежных стран, римского права. В конце указанного периода из философии права отделяется история политических учений.

Существенный момент, который повлиял на развитие истории права, — трансформация политической идеологии. Пестрая мозаика идеалов, принципов, доктрин, мифов и символов просвещенного абсолютизма, характерного для второй половины XVIII и первой четверти XIX веков, менялась новыми политическими установками, отраженными в теории официальной народности. В докладе императору Николаю I «О славянстве» будущий министр просвещения С. С. Уваров задается вопросом: «К какому прибегнули мы средству и какое орудие оказало более услуг, как не возбуждение духа отечественного в тройствен-

[1] *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. Санкт-Петербург, 1908. С. 106.

[2] *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 294.

ной формуле “Православие. Самодержавие. Народность?”»[1]. Таким образом, выделено три основных столпа идеологии, которая будет господствовать в Российской империи во второй четверти XIX века.

Идеи С. С. Уварова нашли поддержку у Николая I, который видел в истории потенциал, позволяющий укрепить фундамент государства. Говоря о Пруссии, он подчеркнул, что «…там, где более не повелевают, а позволяют рассуждать вместо повиновения, — там дисциплины более не существует; поэтому повиновение, бывшее до тех пор руководящим началом, переставало быть там обязательным и делалось произвольным. Отсюда происходит беспорядок во мнениях, противоречие с прошедшим, нерешительность насчет настоящего и совершенное незнание и недоумение насчет неизвестного, непонятного, и, скажем правду, невозможного будущего.

Таким образом, установим тот факт, что Пруссия, для того, чтобы остаться той, чем она была, — великой и сильной военной державой, — должна возвратиться к старинным своим учреждениям, основанным на опытах и предприятиях прошедшего, или же она должна перестать быть военной державой, должна спуститься в разряд государств, правда обширных, но слабых, с очень разнообразными, вовсе не однородными местными интересами, и подвергнуться всем превратностям, происходящим от пустословия и страстей 100 или 200 повелителей, заменяющих благотворную волю одного государя, отца своих подданных»[2].

Представляется сложным правильно оценить теорию официальной народности. Долгое время она подвергалась критике и рассматривалась как исключительно ультраконсервативная идеология, посредством которой самодержавие расправлялось с любыми проявлениями несогласия с системой, что проявлялось в не всегда оправданных актах, в частности, «вернуть страну во всем ее объеме» лишь «к нашему порядку вещей», «приостановить преподавание естественного права», дабы защитить будущее от «тлетворного влияния Запада»[3]. С другой стороны, теория

---

[1] *Уваров С. С.* Государственные основы. Москва, 2014. С. 82.

[2] Записка Императора Николая Павловича о прусских делах. 1848 г. // Русская старина. 1870. Т. I. С. 289–298.

[3] О преподавании естественного права : Высочайшее повеление от 5 апреля 1833 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. 6.

официальной народности в буквальном смысле пропитала и цементировала российское общество, создав фундамент для развития литературы, гуманитарных наук, в том числе юриспруденции и исторической юриспруденции, в частности.

В соответствии с государственным запросом, оформившимся в начале XIX века, остро встает вопрос о национальных научно-педагогических кадрах, которые бы не уступали европейским по качеству и основательности подготовки[1].

В первой трети XIX века профессорско-преподавательский состав был представлен преимущественно выпускниками немецких университетов и немцами по национальности, преимущественно из Геттингенского, Лейпцигского, Майнцского и Галльского университетов: Ф. Г. Баузе, Х. А. Шлецер, Ф. Х. Рейнгард, Х. Ю. Л. Штельцер, В. В. Шнейдер, Г. Л. Бюнеман, И. Е. Нейман, И. А. Финке и пр. На этот факт обратил внимание Н. М. Коркунов в небольшой биографической зарисовке «З. А. Горюшкин, российский законоискусник»[2]. Несмотря на то, что многие из числа приведенных выше ученых всерьез интересовались российской историей (например, Ф. Г. Баузе, И. Е. Нейман и Х. А. Шлецер, безусловно, внесли вклад в развитие историко-правовых дисциплин), но массово живой интерес к национальной истории мог быть только у отечественных ученых.

Это прекрасно понимало и правительство, поэтому ко второй четверти XIX века осуществлялась целенаправленная политика, направленная на подготовку отечественных научно-педагогических кадров за рубежом. Преимущественно в той же Германии, как правило, после окончания университетского курса будущие правоведы направлялись в ведущие европейские университеты, чтобы ознакомиться с передовыми достижениями западной юридической науки. Центром подготовки была выбрана Германия, а именно: кафедра Фридриха Карла фон Савиньи в Берлинском университете[3].

---

[1] См.: *Жарова Е. Ю.* Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290.

[2] См.: *Коркунов Н. М.* З. А. Горюшкин, российский законоискусник. Санкт-Петербург, 1895. С. 13–14.

[3] См., например: *Будилов В. М.* Савиньи и становление русского национального правоведения в первой половине XIX в. // Правоведение. 2014. № 3 (314); *Авенариус М.* Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2005. № 1 (15). С. 108–118.

В том числе и в связи с указанными обстоятельствами в юридической литературе 1830–1840-х годов наблюдаются значительный поворот в сторону идей немецкой исторической школы права и серьезный критический анализ естественно-правовых школ. Например, упомянутый нами выше А. А. Благовещенский отмечает, что естественно-правовое учение «…хотело быть не подругою, но госпожою над законоведением; она хотела не только объяснять и толковать существующие законы, но законодательствовать и уничтожать оные в силу уполномочения вечного ума. Все положительное лежало у ног ее, как презренная материя, и было попрано, коль скоро не укладывалось в ее формы»[1].

А. А. Благовещенский призывает обратиться к изучению в университетах русского права и его истории, потому что «…порядок, в котором имеют быть предлагаемые отдельные части науки законоведения, должен быть не произвольный и подчиненный какой-либо чужой системе, но заимствованный из существ и характера самих положительных законодательств»[2].

Следствием изменившейся политической идеологии и все большего количества сторонников идей исторической школы права стал отчет Министерства народного просвещения за 1833 год, в котором на преподавание естественного права фактически был поставлен жирный крест.

Формальным основанием послужило опасение, что посредством преподавания данной дисциплины будет осуществлено транслирование идей, которые, на взгляд авторов отчета, не соответствовали государственному порядку. В связи с этим министерство отдало распоряжение приостановить чтение данного курса в учебных заведениях вплоть до издания соответствующего руководства[3].

Следом было издано Высочайшее повеление от 5 апреля 1833 года «О преподавании Естественного права»[4], в котором продублировали данную норму. Следствием такой политики

---

[1] *Благовещенский А. А.* О методах науки Законоведения // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. VI. С. 385.

[2] Там же. С. 417.

[3] См.: Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія: в 381 ч. Часть вторая. Санкт-Петербург, 1834. С. XXIV.

[4] См.: Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія: в 381 ч. Часть первая. Санкт-Петербург, 1834. С. V.

стало исключение естественного права из числа обязательных дисциплин, преподававшихся на юридических факультетах, что нашло отражение в Уставе российских университетов 1835 года.

Происходило относительно быстрое замещение естественно-правовой доктрины доктриной исторической школы права, что во многом подстегнуло развитие историко-правовых дисциплин. Устав 1835 года и последующие указания Министерства народного просвещения сделали акцент на преподавании историко-правовых дисциплин и в первую очередь на истории отечественного права.

У читателя может возникнуть иллюзия, что основным двигателем развития историко-правовой науки и внедрения историко-правовых дисциплин в курс высшего образования являлась исключительно политика российского самодержавия. Это может быть верным лишь отчасти. Безусловно, выгодная политическая конъюнктура — мощнейший допинг для ученого. Автор также предполагает, что существенную роль сыграли и идеи, заложенные в учении исторической школы права, отражавшие интересы зарождавшейся нации и во многом близкие русской интеллигенции. Как отмечал ранее неоднократно цитируемый нами Г. Ф. Шершеневич, «…в учении исторической школы скрывалась внутренняя притягательная сила, которой невольно подчинились русские ученые»[1]. Следует полагать, что ученый прежде всего видит здесь необходимость обретения национальной идентичности, в том числе и в сфере правосознания, недаром одним из ключевых объектов исследования станет правовой быт народа, который невозможно понять без должного внимания к преемственности поколений, а, следовательно, и без качественного исторического исследования.

Таким образом, под влиянием многочисленных факторов, рассмотренных нами выше, во второй четверти XIX века в российском правоведении утверждалось и активно развивалось историческое направление. Историко-правовые дисциплины заслуженно заняли свое законное место среди научных и учебных дисциплин и вплоть до последней четверти XIX века оказывали существенное влияние на развитие российского правоведения.

---

[1] *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 28.

УДК 343

Грачев М. А.,
доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета; профессор кафедры судебной экспертизы Нижегородского государственного университета

Корректировка статей 210[1] и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации с точки зрения эксперта-криминолога

Нередко эксперт-криминолог при проведении экспертизы об определении подозреваемого к высшему положению в криминальной иерархии обнаруживает его руководство экстремистской организацией АУЕ («Арестантский уклад един», имеются и другие расшифровки аббревиатуры: «Арестантско-уголовное единство», «Арестантско-уркаганское единство» и прочее). Однако следователи акцентируют внимание исключительно на ст. 210[1] УК РФ, полностью игнорируя ст. 282 УК РФ. Воспроизведем формулировки обеих статей:

— статья 210[1] УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (введена ФЗ от 1 апреля 2019 года № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»): «Занятие высшего положения в преступной иерархии – наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет»;

— статья 282[1] УК РФ «Организация экстремистского сообщества» (действующая редакция):

© Грачев М. А., 2024

1. «Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности –

наказывается штрафом в размере от четырехсот тысяч до восьмисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо лишением свободы на срок от шести до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

1.1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества —

наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок от четырех до восьми лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

2. Участие в экстремистском сообществе —

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до шестисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо принудительными работами на срок от одного года до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года, либо лишением свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься опреде-

ленной деятельностью на срок до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года»[1].

АУЕ, несомненно, является структурой профессиональной преступности, контролируемой *ворами в законе*. Неслучайно *воровской закон* требует от них вовлечения в свою среду новых членов, поэтому они ведут постоянную активную работу среди молодежи.

В 2020 году ВС РФ признало объединение АУЕ экстремистской организацией. Известно, что в большинстве школ функционировали данные филиалы этой организации. За отказ от уплаты взносов учащихся жестоко избивали, и они даже становились в школе изгоями. Опрос современных студентов младших курсов показал, что представителей АУЕ в школах почти не осталось, но сбор денег «в пользу арестантов» переместился в другие места, например, на рынок.

В настоящее время важно разбираться в руководстве территориальными криминальными группировками, власть в которых сейчас захватили выходцы с Закавказья: грузинские и армянские *воры в законе* и *положенцы*. Так, в Нижегородской области *смотрящим* является *грузинский вор в законе*. Он назначает своего земляка, по национальности *армянина, положенцем* по Нижегородскому ИУ-5. В Свердловской области *смотрящим* по одному из районов назначается авторитетный уголовник, по национальности *грузин*. Это неслучайно, так как все грузинские *воры в законе* из-за активной борьбы с ними в Грузии в 2005 году перебрались частично на Украину и частично в РФ. В настоящее время в Грузии нет ни одного *вора в законе*. В России с ними также ведется непримиримая борьба и довольно успешно (см. ст. 210[1] УК РФ). В итоге их количество становится все меньше[2].

Для успешного проведения судебной экспертизы исследователю-криминологу важно:

---

[1] Статья 282.1 УК РФ (действующая редакция). Организация экстремистского сообщества // Уголовный кодекс Российской Федерации. Действующая редакция с Комментариями : сайт. URL: https://stykrf.ru/282-1 (дата обращения: 10.05.2024).

[2] См.: Изменение законодательной основы противодействия государства и гражданского общества криминальной субкультуре // Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника). 2023. № 17. С. 432.

1) оценить финансовую сторону пополнения общественной казны (*общака*, *общественного*). Тот, кто контролирует ее, занимает в криминальной иерархии важные должности;

2) обратить внимание на сходство текстов в допросах свидетелей, секретных сотрудников, оперативных работников. Нередко наблюдается их копирование, что дает лишнее преимущество защитникам иерархов криминалитета на суде;

3) при анализе татуировок обратить внимание на белые пятна на коже, которые могут свидетельствовать о сведении *воровских* татуировок, дающих явно дополнительную информацию против их владельцев (хотя сейчас они могут быть и у законопослушной части населения). Крестики на пальцах говорят *о крестовой (воровской) масти*, то есть их обладатель как минимум является профессиональным преступником, живущим *по воровским законам*;

4) осуществить расшифровку стенограмм, которые нередко составляют оперативные работники, не являющиеся экспертами-криминологами и поэтому допускающие не только массу орфографических, синтаксических и стилистических ошибок, но и нередко пропускающие важную расшифровку лексем, в частности, междометий, вводных слов, которые могут пролить свет на ключевые аспекты экспертизы. Запись на электронном диске нужно самому прослушать и самостоятельно составить стенограмму. Важно обращать внимание на фонетическую особенность записи (например, на интонацию фигуранта: пренебрежительную — при разговорах с рядовыми осужденными; уважительно-деловую — в диалоге с начальником или его заместителем по исправительному учреждению; небрежно-презрительную — с осужденными низшего ранга: *опущенными, обиженными*, *чертями, чушками, шнырями* и прочими, иногда угрожающую и не терпящую препирательств). Все перечисленные факторы могут быть в системе доказательств, элементами в построении экспертизы о занятии высшей криминальной «должности»;

5) обратить внимание на возможное наличие важной информации в письменных сообщениях высшего криминалитета (*малявах*, *язушках, прогонах*). Если *малявы* и *язушки* содержат материалы сообщительного характера, то *прогоны* чаще выполняют агитационно-воспитательную функцию, в которых могут прослав-

ляться АУЕ, фиксироваться речевки: «Да здравствует АУЕ!». *В прогонах*, которые зачитывает *положенец* или *смотрящий* по камере, могут перечисляться умершие или погибшие *воры в законе* или *положенцы*. Это делается не один раз и с обязательным ритуалом вставания всех присутствующих в тюремной камере, в бараке исправительного учреждения или на криминальной сходке на воле;

6) учесть, что на последней воровской сходке уголовные иерархи приняли резолюцию не именовать себя *ворами в законе, положенцами, стремящимися* и *смотрящими*; эта резолюция была распространена среди всех осужденных;

7) понять, что *воров в законе, положенцев, стремящимихся* и *смотрящих* можно судить не только по ст. 210^1 УК РФ, но и по ст. 282 УК РФ «Экстремизм», так как они, пропагандируя АУЕ, принципы *воров в законе*, стремясь образовать *новый воровской мир*, призывают к экстремистской деятельности и борьбе против правоохранительных органов;

8) знать, что в настоящее время наблюдается смешение фашистской символики с символикой АУЕ;

9) учесть, что можно привести в качестве примеров виды тату, восхваляющие АУЕ, особенно татуировки-аббревиатуры и татуировки-картинки;

10) учесть важный уголовно-организационный фактор: напрямую никто из арестантов не причисляет себя к АУЕ — это равнозначно явке с повинной или чистосердечному признанию. По высказываниям, условным обозначениям и их уголовным делам необходимо это доказывать;

11) обратить внимание на место и функции возможных приверженцев АУЕ в среде арестантов, их связи *с ворами в законе* (сейчас используется лексема «*ВОР*»), как они владеют криминальной речью и создают устойчивые преступные группы.

Как было сказано выше, в настоящее время в пенитенциарных учреждениях организация АУЕ имеет большое влияние на осужденных. В ее основе лежат отрицание законопослушного поведения, общепринятых моральных принципов и правил, а также поощрение и стимулирование дальнейшего преступного поведения и стремление занять в ней высшее положение.

Высшее положение в иерархии преступного мира занимают так называемые *воры в законе, положенцы, стремящиеся (стремяги) и смотрящие*.

Вор в законе в отношении нижестоящих по статусу лиц, находящихся на определенной территории, входящей в сферу его криминального влияния, выполняет следующие функции:

— определяет преступную идеологию и правила поведения, а также обеспечивает соблюдение этих правил; их нарушение рассматривает *на воровских судах* и выносит виновным *воровские приговоры* (вплоть до смертных), обязательные для уголовной среды;

— организует сбор, хранение и распределение средств *общака* (данное уголовное слово обозначает «совокупность материальных, в том числе финансовых, ресурсов, наркотических средств и психотропных веществ, накапливаемых в интересах уголовной среды и используемых для обеспечения ее жизнедеятельности, в том числе для подкупа представителей органов власти, оказания поддержки заключенным»);

— вовлекает в преступное сообщество новых участников, в первую очередь из числа подрастающего поколения, путем пропаганды преступного образа жизни, поддержки *стремящихся* из числа заключенных воспитательных колоний, обучения преступным *ремеслам*.

Для реализации указанных функций *вор в законе* назначает так называемых *смотрящих*, которые контролируют исполнение волеизъявления *вора* и координацию деятельности криминального сообщества на отдельном участке[1].

По антиворовской ст. 210[1] «Занятие высшего положения в преступной иерархии» *вора в законе* можно взять под стражу уже за один только криминальный статус: нужно лишь доказать, что он живет *по понятиям* и участвует в уголовных сходках.

Для сравнения: членство в воровском сообществе и пребывание в статусе *вора в законе* являются уголовными преступлениями в Грузии с 2005 года. За это лишали свободы на срок от пяти

[1] См.: Изменение законодательной основы противодействия государства и гражданского общества криминальной субкультуре // Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника). 2023. № 17. С. 437.

до десяти лет, а в настоящее время его увеличили до пятнадцати лет. Кроме того, уголовно наказывается пособничество *ворам в законе*, например, административная, моральная или финансовая поддержка их сообщества.

Являются важными и действенными мерами государства против преступной организации АУЕ, созданной теми же иерархами криминального мира.

В РФ введена ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование символики общественного движения АУЕ.

Подчеркнем, что общественное движение АУЕ признано экстремистским, его деятельность запрещена на территории страны на основании решения ВС РФ от 17 августа 2020 года, вынесенного по административному исковому заявлению Генерального прокурора РФ.

В соответствии с ФЗ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистской деятельностью (экстремизмом) признаются в том числе пропаганда и публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций.

Участие в АУЕ является преступлением, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 282^1 УК РФ «Участие в экстремистском сообществе». Санкция предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет. Также запрещено изготовление и демонстрация символики АУЕ, за что предусмотрена административная ответственность по ст. 20.3 КоАП РФ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иной атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами».

Воры в законе в России резко изменились, особенно под активным влиянием ст. 210^1 УК РФ. На последней сходке в 2020 году они договорились не называть себя открыто *ворами в законе*, как это сделал, например, В. Г. Иваньков в США в 1998 году. Тогда американский суд удалился на два дня для уточнения значения выражения «вор в законе».

Несомненно, в 30–70-х годах XX века жизнь криминального мира страны прошла под знаком *воров в законе*, которые сильно

повлияли и на субкультуру преступного мира, и на законопослушное общество (именно тогда среди населения распространялись арго, блатные песни, татуировки, тюремные истории и т. п.)[1].

Новая редакция ст. 210 УК РФ вызвала переполох в криминальном мире. *На воров в законе* стали заводить уголовные дела. Некоторые криминальные «генералы» публично отрекаются от звания *«вор в законе»* и сотрудничают с администрацией колоний исправительных учреждений, что ранее было немыслимо. Эксперты говорят, что *законники* выживают как могут, поэтому классические *воровские понятия* для них уже не указ.

По словам оперативных работников, *среди законников* появились те, кто готов сотрудничать с администрацией колонии, чтобы досрочно выйти на свободу. Кроме того, они под запись заявляют, что не является *ворами в законе* и живут не *по понятиям*, а *по христианскому закону*. Благодаря этому они и выходят на свободу намного раньше, но в большинстве своем не держат слово, данное тюремной администрации, прокурору и судье, и продолжают преступную деятельность.

Молодые представители АУЕ проповедуют *воровскую мораль*, живут по тюремным *понятиям* и активно контактируют с взрослыми уголовниками, порой идеализируя их и подражая им.

Первые упоминания об этом явлении относятся к 2011 году, однако в полную силу криминальная организация АУЕ заявила о себе в 2013 году, когда спровоцировала массовые беспорядки в одном из читинских профессиональных училищ, а затем проникла в большинство российских школ.

АУЕ пропагандирует насилие, отрицание общепринятой морали и любых форм управления. Участники движения насаждают идеи борьбы с правоохранительными органами и властями всех уровней. При этом у АУЕ нет единого руководителя, но есть лидеры в населенных пунктах, в пенитенциарных учреждениях (*смотрящие, положенцы, стремящиеся (стремяги) воры в законе*)[2]. Известно, что в протестных выступлениях оппозиции А. Навального принимали активное участие члены АУЕ.

---

[1] См.: *Грачев М. А.* Криминальная татуировка в России: прошлое и настоящее : монография. Нижний Новгород, 2003. С. 23.

[2] См.: *Грачев М. А.* Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Неофилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 210–217.

Криминальная субкультура является одним из важных составляющих факторов, которые способствовали образованию в российском обществе таких объединений, как АУЕ. Воровские приветствия и даже употребление арготизмов начинающими и несовершеннолетними правонарушителями свидетельствуют об их контактах с профессиональными уголовниками.

В определении экстремизма АУЕ ясно прослеживается линия превосходства одной социальной группы над другой: криминальной над законопослушной.

В арго отчетливо проявляется мизантропическая (человеконенавистническая) идеология: все, что делает профессиональный преступник, — это хорошо, а то, что делает законопослушный человек, — это плохо. Причем его можно обворовать, избить, ограбить и даже убить, и все это будет в рамках *воровского закона,* тогда как нельзя нарушать правила профессиональных преступников.

Анализ уголовной субкультуры АУЕ явно показывает на экстремистские направления уголовников. Особенно это проявляется в местах лишения свободы. До сих пор там сохранились касты арестантов: *воры в законе*, *положенцы*, *смотрящие*, отвечающие за порядок на какой-либо участке пенитенциарного учреждения (*смотрящий* за *хатой* (раньше — *пахан,* или *староста* камеры или барака); *смотрящий рабочки* — главный уголовник, отвечающий за рабочей зоной; *блатные* — помощники вора в законе, положенца или смотрящего; *мужики* — рядовые осужденные, исправно работающие и отчисляющие часть заработка в воровскую кассу (общак); *чушки, черти* — опустившиеся осужденные, не следящие за собой, неряшливо одетые; *опущенные (петухи, гребни, опомоенные, законтаченные)* — «осужденные, с которыми совершили насильственный половой акт или насильственные позорящие действия»).

Государство ведет активную борьбу с иерархами криминального мира. Уголовная статья, направленная против лиц, занимающих высшее положение в иерархической криминальной среде, показывает, что ее содержание достаточно эффективно для наказания так называемых *воров в законе*.

Приравнивание АУЕ к экстремистской организации выбивает почву у профессиональных преступников, стремящихся спло-

тить правонарушителей при помощи этой уголовной структуры, тем самым укрепить свои позиции. Необходимо отметить не совсем прочную доказательную базу, устанавливающую принадлежность *к ворам в законе* и использование атрибутики АУЕ. Для этого предлагается более тщательное изучение субкультуры данных преступных организаций: криминальных правил жизни и поведения их членов, арго, татуировок, видов связи между членами их группировок, криминальных прозвищ, использование блатных песен, и на основе их изучения выработать четкие рекомендации по данным проблемам. По нашему мнению, государству необходимо наложить запрет на рекламу их субкультуры: запретить воровские песни в теле-радиопередачах «Шансон», «Три аккорда», выпуск низкопробных художественных произведений, прославляющих мир *воров в законе*.

УДК 34:93

Гусейнов Ю. М.,
доктор исторических наук, начальник научного отдела АНО ВО «Научно-клинический центр имени Башларова»;
Абдусаламов М.-П. Б.,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной медицины АНО ВО «Научно-клинический центр имени Башларова»

Нормы адата и шариата в быту у кумыков в 60–70-х годах XIX века: интеграция в правовую систему Российской империи

У кумыков издревле формировались два источника права: адат и шариат. Адатными нормами регламентировались судопроизводственные вопросы, такие преступления, как убийство, воровство, причинение телесных повреждений, кровная месть, разбой, внутрисемейные отношения[1]. Гражданские дела, включая опеку, продажу и приобретение ясырей (до отмены рабства), наследование имущества, бракоразводные процессы и, как следствие этого, раздел имущества, вопросы семейно-брачных отношений и другие регулировались нормами шариата[2]. Однако и эти дела могли рассматриваться по адату в случае, если имелись явные доказательства, основанные на фактах, но при этом постановления шариата не упускались из виду. Мнения ответчика, истца и судьи при этом, несомненно, учитывались: именно по ка-

[1] См.: *Абдусаламов М.-П. Б.* Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. Москва, 2017. С. 97.

[2] См.: *Абдусаламов М.-П. Б.* Государственно-политическое устройство кумыкских феодальных владений в XVIII – начале XIX в. // Традиции местного самоуправления в России: к 150-летию земской реформы и земских выборов : сборник материалов Всероссийской научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова, В. П. Журавлева; отв. ред. В. А. Временко. Санкт-Петербург, 2014. С. 50.

© Гусейнов Ю. М., Абдусаламов М.-П. Б., 2024

кому виду законодательства они намерены провести разбор то или иного дела. Так, дела исковые, долговые, брачные передавались на разбор по шариату только тогда, когда судьи при тяжбе их по адатным нормам испытывали затруднение при вынесении приговора[1]. При этом диапазоном функциональной корреляции норм адатного и шариатского права, прежде всего, являлись гражданские и, особенно, имущественные правоотношения[2].

Нередко шариатские и адатные нормы противоречили друг другу. Так, в таком вопросе, как наказание за вероотступничество, если шариат давал вероотступнику время совершить покаяние, то адат требовал незамедлительное его умерщвление, иными словами, занимал более строгую позицию относительно к лицам, отринувшим веру отцов. Вероотступники также лишались в своем обществе всех имущественных прав[3].

После проведения судебной реформы 1864 года в Российской империи кардинально модифицировалась организация судопроизводства. На Дагестанскую область общероссийские судебные институты были перенесены в весьма ограниченном виде. Утвержденное 5 апреля 1860 года Положение об управлении Дагестанской областью устанавливало, что местное население края управляется «…по народным обычаям и особым постановлениям», а суд осуществляется под надзором местной военной администрации по адату, в отдельных случаях — особой резолюцией и по шариату»[4].

Исследователи местного права, впрочем, как и представители российских военных властей в сравнении с адатными нормами, считавшими их достаточно архаичными, признавали шариат прогрессивной системой права, но ставка была сделана именно на адатное право. Это можно объяснить желанием российского пра-

---

[1] См.: *Акбиев А. С., Абдусаламов М.-П. Б.* Адатное судопроизводство кумыков в XVIII – начала XIX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 2. С. 8.

[2] См.: *Гусейнов Ю. М.* Адат и шариат в быту у кумыков в XIX–XXI вв. Махачкала, 2024. С. 216–217.

[3] См.: Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в.: в 2 т. Т. II. В царской и советской России. Москва, 2009. С. 123.

[4] *Гусейнов Ю. М.* Адат и шариат в быту у кумыков в XIX–XXI вв. Махачкала, 2024. С. 198.

вительства максимально сузить применение шариата[1]. Имперские власти видели в шариате весомый фактор, который в силу его сакрализации религией статуса представлялся сложным для адаптации к общероссийским правовым нормам.

После организации системы военно-народного управления инициировалась борьба со стороны российских военных властей и с более одиозными адатами, вступавшими в крайнее противоречие с законодательством Российской империи. Так, среди аналогичных адатов такие традиционные нормы наказания, как ишкиль (барамта) и кровная месть (канлы), сформированные на стандартном для кумыкского народа, как и для всех народов Дагестана, принципе талиона попали под табу[2]. Законы Российской империи, предусматривавшие запрет на осуществление мести убийце родственника и не фиксировавшие акты примирения с компенсацией убытка потерпевшей стороне после отбытия ссылки, часто создавали прецеденты трехсторонней коллизии общероссийских законов, шариата и адата.

В 60–70-х годах XIX века по инициативе российской администрации в Терской и Дагестанской областях организовывались так называемые мирские сходки. Принимаемые здесь маслиатные (компромиссные) решения могли заложить прецедент для инициации нового адата вместо тех, которые сочли чересчур архаичными, несоответствующими «духу настоящего времени»[3].

Одним из пережитков былого, сумевшим сохраниться вплоть до установления власти Советов, был ишкиль (барамта), правовой институт, который следовал из норм адатного права кумыков. Преобразования второй половины XIX столетия лишили ишкиль как правовой, так и социальной опоры. В 1850–1870-х годах российская администрация инициировала в регионе пересмотр адатов об ишкиле. В результате решением сельских сходов ишкиль

[1] См.: *Гусейнов Ю. М., Идрисов Ю. М.* Феномен корреляции норм мусульманского права с адатом и светскими законами в конце XIX – первой половине XX вв.: на примере кумыков // Религиоведение. 2022. № 1. С. 195.

[2] См.: *Бобровников В. О.* Обычай, шариат и рэкет в письмах об ишкиле из Дагестана XVII–XIX вв. // История и современность. 2010. № 1 (11). 2010. С. 94.

[3] См.: *Гусейнов Ю. М.* Проблема взаимодействия адата, шариата и российских законов в быту кумыков: история и современность // Вопросы истории. 2022. № 2. С. 195.

был признан пережитком старины, отголоском времени[1], однако наперекор всем резолюциям судов, запретам кадиев и имамов, кодексам, вердиктам обществ ишкиль продолжал практиковаться. Российская военная администрация рассматривала его как типичное похищение.

Если обратиться к алфавитному списку ссыльных из Дагестанской области за 1860–1912 годы, легко заметить, что самым совершаемым преступлением в кумыкских обществах, как и в Дагестане в целом, в указанные хронологические рамки было похищение скота и лошадей[2]. К сожалению, в нашем распоряжении нет материалов допросов осужденных за указанные преступления, однако можно предположить, что многие из них рассматривали свое деяние собственно как наказание должника, то есть ишкиль.

Таким образом, нормы шариата и адата тесно переплетались в вопросах общественного и семейного быта кумыкского народа. Кумыки, коренной тюркоязычный народ равнинного Дагестана, конструктивно позаимствовали многие светские законы, которые получили узаконение в сборниках адатов. Кроме того, следует отметить, что преобразования, проведенные в России во второй половине XIX столетия, в отдельных вопросах позволили справиться с судебно-правовой раздробленностью края и сформировать унифицированную правовую систему. В частности, мы видим, что из адатных сборников были убраны нормы, представлявшие наибольшую архаичность и противоречившие российским принципам законности (ишкиль, в меньшей мере кровная месть). Все это в перспективе позволило инкорпорироваться в единое российское имперское законодательство.

[1] См.: *Гусейнов Ю. М.* Адат и шариат в быту у кумыков в XIX–XXI вв. Махачкала, 2024. С. 211–212.

[2] Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 326-а. Л. 17.

УДК 34

Ивашевский С. Л.,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Значение традиционных ценностей для совершенствования правовых норм

Совершенствование правовых норм является необходимым и постоянным процессом, сопровождающим развитие современного общества. Потребность в совершенствовании права и определение направленности этого процесса обусловлены возникновением новых реалий общественных отношений, их восприятием в обществе, научной и политической оценкой и, как следствие, формированием обновленных представлений о необходимом в праве для обеспечения социальной стабильности и прогресса в изменившихся условиях жизни. В этой культурной динамике, где, если выделить главное при внешнем восприятии, новая реальность порождает новые нормы ее регуляции, совершенно не просматривается роль традиции как отражения положительного опыта предшествующих поколений.

Действительно, если принять традицию как форму стихийно возникшего в обществе понимания необходимого в заданном историко-культурном пространстве, то следует признать, что с изменением характера среды изменяется и способ существования людей. Таким образом, социальные отношения регулярно требуют их обновления, а традиция часто представляется препятствием на пути всех новаций.

Дилемма традиционного и новационного в процессе совершенствования правовых норм является устойчивым интересом философии и теории права. Диалектический подход к этой проблеме обусловливает необходимость в рассмотрении взаимосвязи, взаимовлияния традиций и новаций, в единстве которых и зарождается новое качество правовой нормы. Традиция в этом случае не тянет назад общество, а предлагает ему описание, оценку

© Ивашевский С. Л., 2024

(норму) состоявшейся реальности и основания образа формирующейся, как ценностный проект и предписание будущих правил социальной жизни. Такой подход, где традиция не столько сдерживает, сколько стимулирует правовую реформу, становится все более востребованным в современной российской юриспруденции.

Особое значение в отечественной науке сегодня приобрел вопрос о роли и содержании традиционных культурных ценностей. Во многом это обусловлено многолетними усилиями ученых-«традиционалистов», взывающих несколько последних десятков лет к необходимости бережного отношения к культурному наследию России и предостерегающих от безоглядного увлечения новациями западной культуры. Конечно, определяющую роль в актуализации темы традиционных ценностей сыграло политическое прозрение о несовместимости ценностей западной цивилизации с интересами национальной безопасности и развитием России. Но, как писал С. Хантингтон, «…если западный вирус проник в другое общество, его очень трудно убить. Вирус живучий, но не смертельный», если «…пойти своим, а не западным путем»[1]. Отечественному праву необходимо найти этот свой путь, и ориентиром в этом выступают традиционные ценности.

Крупные правовые реформы всегда проходили на изломах истории. Они опирались на принцип отказа от старого и перехода к новому, движения от традиции к новации. Современная правовая реформа — это движение к традиции. В этой связи повышается роль философской аксиологии, задачей которой является определение смысла и содержания ценностей и правовой аксиологии, которая призвана придать ценностным смыслам регламентирующий и обязывающий характер.

Стоит признать, что противопоставление западных и традиционных российских ценностей часто приобретает упрощенно-схематичную форму противопоставленности двух систем измерения. Но право, какое бы ни было, мерит человека, а значит, в его цивилизационных вариантах всегда имеется общее основание — ценности, отражающие естество человека. Именно они являются мостиками между правовыми системами, позволяют одной правовой культуре перебраться на другой берег и не быть

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. Москва, 2015. С. 237.

сразу отторгнутой. В этой связи предлагаем выделять в правовой реальности и использовать в правовой аксиологии градацию ценностей на витальные (базовые, жизнеобеспечивающие) и ценности инструментальные, обеспечивающие реализацию базовых.

Витальные ценности (жизнь, порядок, семья) представляются устойчивой основой права, инструментальные — его подвижной частью. Например, социальный порядок можно отнести к витальным ценностям, он необходимый идеал любой правовой системы. Формы обеспечения порядка выглядят инструментально (принципы демократии, мораль, право, государство, религия). Их место и роль в обеспечении социального порядка исторически изменчивы.

Другой пример — человеческая жизнь. Эта ценность права является витальной, но средства ее обеспечения разнообразны и изменчивы (материальное благополучие, духовные идеалы).

Витальные ценности в праве обеспечивают возможность существования общества. Их правовое отрицание — путь к гибели человечества (например, отрицание семьи, что уже можно наблюдать в ряде современных стран). Таким образом, понятие «традиционные» должно быть применимо при характеристике инструментальных ценностей как устойчивых способов восприятия и реализации ценностей базовых. Наличие витальных ценностей права создает условия для диалога культур, взаимного обмена знаниями, опытом, совмещения усилий по преодолению глобальных вызовов и угроз.

Возведение своего права в Абсолют и тем самым оправдание регулярного перехода на территорию иных культурных традиций с амбициозными проектами глобализации всех и всего по своим лекалам, чем проявила себя западная цивилизация, могут вызвать аномию, утрату ценностями своего культурного смысла без всякой их связи с реальностью. Как отмечал Ж. Бодрийяр, «…один за другим умерли Бог, Человек, Прогресс, сама история, уступив место коду…»[1]. Все ценности высокого порядка оказались закодированы или опустошены как формы без конкретного содержания, превратились в предмет политических манипуляций и технологий воздействия на массовое сознание внутри и за пределами

[1] *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. Москва, 2011. С. 130.

национальных государств. Этому натиску этому было подвергнуто и российское общество с его правовой системой. Результатом стал ценностный кризис, проявляющийся в подмене объективно значимого (ценного) для человека его искусственными заменителями (формулами), предложенными для заучивания «опытными» демократиями. Уже несколько поколений наших сограждан успешно заучили «главные» ориентиры правового прогресса — демократия, правовое государство, свобода, права человека и т. п., но в большинстве случаев так и не раскрыли в его теоретических схемах личностно значимого содержания.

Сегодня эта тенденция проявляется в отношении к традиционным ценностям, ставшим политическим трендом последних лет. Как отмечают социологи (2023), преобладающая часть россиян (81 % опрошенных) поддерживает идею необходимости сохранения и развития традиционных культурных ценностей[1]. При этом их значительная часть (33 %) не готова назвать хоть что-то из того, что может быть отнесено к традиционным ценностям нашего народа[2].

Как писал тот же Ж. Бодрийяр, «…сигналы кода – черные ящики, в которых созревают все команды и все ответы»[3], то есть ценности могут существовать только в смыслах, которые непременно образуются по мере роста национального самосознания, развития духовной и политической суверенности. Смыслы, по утверждению В. В. Налимова, образуют особую реальность, и ей «…надо придать право на самостоятельное существование»[4].

Право ценно, так как содержит ценности, но всегда современно, так как задает ценностям современный смысл. Традиция наполняет право ценностью, право придает этой ценности конкретику содержания. Как утверждал известный отечественный философ Г. П. Щедровицкий, «…если смысл не только появился,

[1] См.: Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi?ysclid=ludp9dmqvx44922459 (дата обращения: 30.05.2024).

[2] См.: Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?ysclid=lwnu8fkyye485446043 (дата обращения: 30.05.2024).

[3] *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. Москва, 2011. С. 127.

[4] *Налимов В. В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. Москва, 1989. С. 224.

но и оформлен в виде понятия, то он становится самодовлеющим фрагментом действительности, влияющим на деятельность»[1].

Опора на традиции в правотворчестве это не обращение к «старым» ценностям, а к их прежним смыслам, когда действующие дискредитированы, а новые еще не сформированы. Новационность права во многом состоит в наделении традиционных ценностей обновленным содержанием. Традиция в таком контексте обеспечивает возможность гармонизации уже сложившихся форм организации социальных отношений с новыми условиями жизни, выступает мерилом соответствия права потребностям государства и общества.

Традиционные ценности — это устоявшееся содержание значимого для человека. Это содержание обладает своей динамикой, обновляется под действием многих факторов. Ценности и право взаимно определяют содержание друг друга. Ценности, ориентирующие право, устойчивы, они отражают человеческую природу. В ином случае право не будет выполнять свои социальные функции. Право не может ориентироваться идеями несправедливости, несвободы, призрения к жизни, к здоровью, отказа от социального порядка и т. д. Это определяет наличие устойчивого каркаса ценностей права, но в динамике общественных процессов и собственного развития право в силах менять содержание своих базовых и инструментальных ценностей. Проверкой адекватности преобразования ценности в правовую норму является практика ее реализации в жизни общества. Выявленные в этом процессе противоречия определяют дальнейшие пути развития права. Таким образом, традиционные ценности выступают как социальный опыт обеспечения правопорядка в конкретных условиях, являются смысловым и деятельностным основанием совершенствования правовых норм.

[1] *Щедровицкий Г. П.* Мышление – Понимание – Рефлексия. Москва, 2005. С. 132.

УДК 34

Калинина Е. В.,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национальный исследовательский Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры общественного здоровья и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета

Реформирование ценностно-мировоззренческой платформы общества как залог эффективности правовых преобразований

Любой трансформационный период характеризуется наличием выявленных социальных, политических правовых, экономических и иных вызовов, игнорировать которые невозможно, а их системный характер указывает на необходимость кардинальных изменений во всех проблемных сферах. Право, будучи продуктом жизнедеятельности общества, отражает как мировоззрение, так и характерные ценностные приоритеты последнего.

Таким образом, для оптимизации правовых установлений, повышения эффективности регулятивного механизма как способа стабилизации социальных процессов требуется предшествующая корректировка ценностно-мировоззренческой платформы.

За последние два – три десятилетия опубликовано множество трудов, авторы которых размышляют о тенденциях и трендах нравственно-этической мысли. Конец XIX – начало XX века ознаменовались поиском определения концепта ценностей, однако до сих пор никакого единообразного и общепризнанного

© Калинина Е. В., 2024

не установлено варианта[1], тем не менее рассмотрение искомой категории под углами зрения различных социо-гуманитарных наук позволили ученым создать авторские классификации ценностей[2]. Хотя категория ценности наиболее глубоко препарировалась социологами и психологами, в юридической науке в последнее время ей также уделяется значительное внимание[3], поскольку уровень правовой культуры и правосознания индивидов напрямую зависит от ценностных ориентиров, признанных обществом, что не может не сказаться и на качестве содержания правовых установлений. Помимо научных публикаций, были изданы государственные концептуальные акты, декларирующие значимость традиционной нравственной составляющей в современной мировоззренческой платформе общества[4].

---

[1] См.: *Шохин В. К.* Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль : монография. Москва, 2006. 457 с.; *Федоров В. А., Благова А. С.* Эволюция понятия «ценность» // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 1. С. 128–139; *Давлетшина Э. В., Толмачева С. В.* Понятие ценности в социологическом дискурсе // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 266–269; *Логинов А. В.*, *Великанов П. И.*, *Янпольская Я. Г.* «Материальная этика» М. Шелера и неокантианская философия ценностей // Трансцендентальный журнал. 2023. Т. 4. Вып. 3. URL: https://transcendental.su/S2713266 8002 9030-3-1 (дата обращения: 30.05.2024); *Багдасарян В. Э.* Аксиология России в перспективе мирового развития // Политика и общество. 2014. № 7 (115). С. 837–854 и др.

[2] Трансформация социокультурных ценностей населения: социологический анализ : коллективная монография. Волгоград, 2019. С. 7–15; *Райгородский Д. Я.* Самосознание и защитные механизмы личности. Москва, 2006. С. 258 и др.

[3] См.: *Овчинников А. И.* Традиционные религии и традиционные духовно-нравственные ценности в российском обществе: политико-правовые аспекты. URL: https://rostoveparhia.ru/stati/traditsionnye-religii-i-traditsionnye-dukhovno-nrav-stvennye-tsennosti-v-rossiyskom-obshchestve-polit/ (дата обращения: 18.04.2024); *Мишина И. Д.* Нравственные ценности в праве: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 200 с.; *Пономарева В. П.* Ценностная природа права в трудах юристов харбинской школы // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. Вып 16. № 8 (103). С. 163–168; *Васильев Н. Г., Терещенко А. Г.* Особенности ценностей личности юриста как категории их нравственного воспитания // Пролог: журнал о праве. 2016. № 3 и др.

[4] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, ст. 84–93 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 30.05.2024) ; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html (дата обращения: 30.05.2024).

Обобщая весь массив представлений о феномене ценностей, имеющихся в социогуманитарных науках, выделим несколько уровней ценностных систем:

1) ценностная система личности;
2) ценностная система общины/общества;
3) ценностная система народа;
4) ценностная конструкция государства/страны;
5) система ценностных ориентиров международного регионального сообщества;
6) система ценностных ориентиров мирового сообщества в целом;
7) универсальные общечеловеческие ценности, которые, как выясняется, могут и не совпадать с нравственными идеалами международного общества.

И хотя, как было сказано выше, ценности каждого из уровней в той или иной степени сказываются на состоянии права, его эффективности и оптимизации, в рамках заявленной проблематики конференции в первую очередь нас интересует нравственно-этическая ориентация народа, государства и международного сообщества (как регионального, так и универсального).

За последние более 120 лет наша страна переживала несколько сломов этико-правовых парадигм, напрямую связанных с пересмотром характера и формы российской государственности. Наиболее характерные тренды, проявившиеся после распада Советского Союза на территории России, наблюдались также на всем постсоветском пространстве и за его пределами[1]: повышение значимости материальных ценностей и индивидуализация социальных процессов как неизбежные последствия популяризации идеи прав и свобод человека с параллельно интенсивно формируемым обществом «квалифицированных потребителей»[2]. Эти трансформации обусловлены новой идеологической повесткой, сформулированной западноевропейским сообществом как

[1] См.: Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье : коллективная монография / Е. С. Мурадян [и др.]. Вильнюс, 2014. 366 с.

[2] *Ильин А. Н.* Культура общества массового потребления: критическое осмысление : монография. Омск, 2014. 208 с.; *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва, 2006. 269 с.

для бывших советских республик, так и для восточных стран, стремящихся присоединиться к так называемым «цивилизованным» образованиям (цивилизованным в понимании западном).

Изменение ценностных парадигм на государственном уровне неизбежно влекло преобразования в законодательстве и иных регулятивных инструментах. С течением времени оказывалось, что, отринув исконные этико-правовые установления, веками обеспечивавшие жизнеспособность народа и специфичные именно для него, в пользу чуждых идей, зачастую искусственно выведенных, общество стремительно приближается к краху, и, дабы предотвратить его, национальные элиты вынуждены призывать к возвращению к традиционным ценностям (несмотря на то, что, как правило, ранее принимали активное участие в развенчании последних).

Таким образом, в практике современных стран выделяется два основных подхода: 1) исключительный *фокус на глобальные* и *зарубежные национальные мировоззренческие платформы;* 2) продвижение идеи *собственной национальной специфики и уникальности*, которые, по сути, являются двумя крайностями, хотя последняя носит явно вынужденный характер.

Зацикленность на зарубежном и международном опыте сопровождается 1) развенчанием и обесцениванием через агрессивную и бескомпромиссную критику собственных предшествующих практик, в том числе правовых; 2) насаждением идеалов, противоречащих *(*или *как минимум чуждых)* традиционным ориентирам *социума-реципиента* (например, в традиционно-общинных образованиях — привитие индивидуалистических устоев, примата прав и свобод личности над интересами общества), что вызывает когнитивный диссонанс и неизбежно приведет к расшатыванию сложившегося механизма публичного порядка, ослаблению внутрисоциальных связей с последующим ростом вызовов коллективной безопасности. Наиболее изощренный способ подрыва безопасности общества — разрушить его солидарность изнутри.

Опора на собственный опыт с дальнейшим формированием и укреплением концепции собственного специфического цивилизационного курса неизбежно вызовет (и вызывает в настоящий момент) яростную критику со стороны западного мира и его апо-

логетов, которым крайне выгодно ослабление России и других сильных держав, поэтому глупо ожидать от его представителей предложений хоть сколько-нибудь благоприятных для нас. Является ли незыблемой ценностная система самого международного сообщества?

Так называемый современный международный порядок, сформированный на базе Устава ООН, имел *согласительную природу*[1] и изначально опирался на принципы коллективной безопасности, консенсуса, координирования интересов, согласованности воль и волеизъявлений народов и государств как субъектов международного права, мирного сотрудничества и суверенного равенства государств. События последних десятилетий продемонстрировали не только политику двойных стандартов, осуществляемую ведущими акторами международного пространства в отношении «оппонентов», но и регулярных искажений исходных идей обязательств *erga omnes*. Кроме того, по мере развития международного права в систему базовых принципов добавлялись новые идеалы, которые имели потенциал для расшатывания установленного правопорядка. Так, в 1975 году Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ в международный политический дискурс к уже имеющимся семи универсальным принципам международного права, которые были закреплены в Уставе ООН (1945) и Декларации о принципах международного права (1970), были введены еще три, среди которых — уважение прав и свобод человека. Безусловно, история вопроса достаточно продолжительна: правовые акты, закрепляющие права и свободы, издавались и в Средневековье (*Magna Carta Libertatum*, Англия, 1215), и в Новое Время (Петиция о праве, Англия, 1628)[2], не говоря о документах периода становления американской государственности (Декларация независимости 1776 года; Билль о правах

[1] См.: *Хабриева Т. Я. «*Аксиология» национальных конституций в условиях международной турбулентности // Площадь Д. С. Лихачева : сайт. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2022/dokladi/Habrieva_T_Ya.pdf (дата обращения: 28.05.2024).

[2] Хотя данные документы закрепляли не столько персональные права человека, сколько права и свободы групп населения, сословий (примечание наше. — **Е. К.**).

1791 года) и эпохи европейских революций (например, Декларации прав человека и гражданина 1789 и 1793 годов, Франция).

В системе современного международного права основным кодифицирующим актом становится Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Казалось бы, гуманизация международных процессов и фокус на защиту индивидуальных прав являются следующим логическим положительным преобразованием ценностной системы цивилизованного общества. Можно было бы согласиться с таким направлением рассуждений, если это общество действительно прошло все необходимые стадии духовного роста, а индивиды и коллективные субъекты, его составляющие, научились соизмерять собственные притязания с потребностями других субъектов и находить компромисс, но не под воздействием страха или механизма принуждения, а по своим внутренним побуждениям. Однако ни индивиды, ни народы и государства, ни само международное сообщество не преодолели пока собственные нравственные несовершенства, о чем свидетельствуют постоянно возникающие спорные ситуации и конфликты. Более того, привнесенные во внешнеполитический дискурс ценности используются как опора для продвижения новых инструментов внешнеполитического противоборства и реализации индивидуальных интересов. Так, в 90-х годах XX века активно популяризуется идея *приоритета безопасности человека* над коллективной безопасностью. Ранее принятые протоколы (1977) к Женевским конвенциям 1949 года, а если точнее, то II Протокол, открывают возможность для регулирования международными нормами конфликтов немеждународного характера, что позволяет третьим странам вмешиваться во внутренние дела «проблемных» государств (где подобные события происходят) под предлогом защиты прав человека и пресечения распространения беспорядков на соседние территории.

Идеи так называемой «человеческой безопасности», «прав и свобод личности, как высшего блага» становятся разменными монетами в современных нарративах и используются как эффективное средство давления на государства с традиционными укладами, подытоживая победу индивидуалистических ценностей над коллективно-ориентированными этическими идеалами.

В итоге в силу стремления большинства стран соответствовать имиджу «цивилизованных» образований, а последний диктует следование всем идеологическим метаморфозам мирового сообщества (в данном случае — в сторону персонализации правовых и социально-политических инструментов, с обязательным фокусом на права человека), через процедуры гармонизации, указанные концептуальные изменения нашли отражение в национальных законодательствах: в конституции и отраслевые кодексы была введена необходимость защиты всевозможных индивидуальных свобод, реализация которых неизбежно выявляла противоречия с интересами коллективного целого (чаще всего в вопросах общественного порядка и обеспечения коллективной безопасности). Кроме того, «борьба за благоденствие индивида» запустила механизм миграционных процессов и связанных с ними вызовов для внутригосударственной, международной региональной и универсальной безопасности. Параллельно с этим стратегически насаждались ценностные конструкции глобализации — мультикультурализм, надгосударственная интеграция, либерализм, свободный рынок и прочие.

Мировые элиты до настоящего времени стремились выработать у межнационального сообщества определенные реакции на эти вызовы, интенсивно инкорпорируя в международную ценностную систему (и опосредовано в национальное пространство) концепты и нарративы, формирующие индивидуалистический и потребительский взгляды на мир, приводящие к неизбежной атомизации. Данные смещения ценностного фокуса на международном уровне через конструкцию обязательств государств как субъектов международного права закономерно воздействовали на внутригосударственную политику и влекли мировоззренческие преобразования и переформатирование образа гражданина в образ «квалифицированного потребителя», приводя к ослаблению, а порой и к утрате индивидами национальной идентичности, и, как следствие — к равнодушному восприятию будущего своей страны, поскольку значение для них имеют лишь собственный комфорт и благополучие. Даже связь последнего с судьбой государства не усматривается, поскольку концепция так называемого «цивилизованного общества» обещает им благоденствие и соблюдение их прав при любой власти.

Ситуация осложнялась тем, что апологеты глобализационной мировоззренческой платформы аргументированно разъясняли массам, что государство морально устаревает, что оно не только не справляется с приписываемыми ему функциями, но и стоит на пути реализации индивидами своих свобод. Неудивительно, что одновременно с ослаблением единства российского общества, угасала и вера в возможности страны. В итоге наступает момент, когда требуется признать, что стратегия неопределенности, которая использовалась для расшатывания социальных организмов, небезопасна, какими бы инновационными ее методы ни казались. Любой организм, как биологический, так и социальный, стремится к самосохранению и воспроизводству, к определенной предсказуемости и стабильности, которые могут быть обеспечены в долгосрочной перспективе только традиционными установлениями: общесоциальными, религиозными, этическими, правовыми и иными, характерными для данного конкретного образования.

Исходя из вышесказанного, выявляется *дилемма*: концепция собственного уникального пути замыкает общество и государство на самих себе, что, с одной стороны, обеспечивает единство, целостность, солидарность, устойчивость, предсказуемость и, как следствие, стабильность, но, с другой — вынуждает искать средства противодействия современным вызовам и угрозам самостоятельно, путем собственных проб и ошибок, без учета как негативного, так и позитивного опыта зарубежных стран и народов. Следует понимать, что процессы глобализации связаны с универсальными явлениями и факторами, с которыми сталкиваются все страны. Различается только характерная реакция населения, обусловленная мировоззренческими паттернами, а также культурными, религиозными, правовыми и иными традициями.

Безусловно, жизнеспособность социума напрямую зависит от умения актуализировать свои установления с велением времени (кстати, что следует понимать под велением времени: объективные трансформационные процессы, внешние и внутренние, или срежиссированные мировоззренческие преобразования, внешние и внутренние?!), для чего полезными были бы не только собственные опыт и прогностические способности, но и знание зарубежных практик. Эта необходимость связана с риском «подпадания под очарование» зарубежных культур с последующим жела-

нием отказаться от национальных ориентиров как «морально устаревших» и «тормозящих развитие». Эти и другие уничижительные характеристики широко использовались и продолжают использоваться в социально-политической риторике прославления западных и глобальных ценностей. Такой манипулятивно-психологический прием, провозглашающий прогрессивно мыслящими только тех, кто отказывается от традиционных устоев в пользу зарубежных, до сих пор безотказно действует на массы.

В свете сказанного представляется необходимой разработка гибридной ценностной конструкции, в основе которой будут находиться традиционные духовно-нравственные ориентиры (базис), призванные стать мерилом допустимости новых этических ориентиров (надстройка) как элемента актуализации всей аксиологической системы. Следует признать, что положительный ответ на вопрос о целесообразности использования зарубежного и международного опыта в период сложных мировоззренческих преобразований приемлем лишь при условии беспристрастности и объективности суждений субъектов принятия социально и политически значимых решений; учета специфики национальных, культурных, мировоззренческих, правовых и иных факторов и уровня нравственной деформации общества, нуждающегося в этических и правовых преобразованиях; анализа внешней среды (благоприятная или враждебная), из которой заимствуются новаторские методы (требуется избегать использования инструментов, способных оказаться «троянским конем», при помощи которого социум рискует быть разрушенным изнутри).

УДК 34

Карнаушенко Л. В.,
доктор исторических наук, профессор, почетный сотрудник МВД, начальник кафедры теории и истории прав и государства Краснодарского университета МВД России

Правовая реформа: структурное и функциональное измерение

Современный этап развития правовой системы РФ характеризуется активными попытками преобразования в соответствии с принципами социального правового государства, заложенными в Конституции РФ 1993 года[1]. Правовая реформа, начатая более двух десятилетий назад, была направлена на устранение правового нигилизма, повышение качества правоприменения и обеспечение социальной справедливости. Изменения в правовой системе необходимы не только для совершенствования нормативной базы, но и для обеспечения эффективности рыночных реформ, стабильности собственности и предприимчивости. Таким образом, актуальность правовой реформы обусловлена ее центральной ролью в процессе всестороннего реформирования страны и стремлением к идеалам правового государства.

В юридической науке понятие «правовая реформа» подверглось значительной эволюции. Ряд отечественных исследователей во главе с С. С. Алексеевым воспринимали правовую реформу как комплексное изменение правовой системы, которое включает правотворчество, правоприменение и правопонимание[2]. В работах иных авторов акцентируется внимание на важности правосознания и правовой идеологии в процессе реформ.

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с измен., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ст. 4398.

[2] См.: *Синюков В. Н.* Теория права С. С. Алексеева и ее роль в развитии отечественной юридической доктрины // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 11.

© Карнаушенко Л. В., 2024

Д. А. Пашенцев[1] и А. А. Дорская[2] подчеркивают, что правовая реформа должна способствовать трансформации правосознания и формированию новых правовых ценностей, что является основой для достижения качественных изменений в жизни общества.

Исторический опыт России, в частности, судебная реформа 1864 года, показывает значимость комплексных изменений в правовой системе для обновления судоустройства и судопроизводства. Современная правовая реформа, как указывает председатель КС РФ В. Д. Зорькин, выступает «детонатором» всех реформаторских процессов, подчеркивая необходимость создания правовых гарантий в экономике[3]. Другими словами, теоретические основы правовой реформы формируются в контексте необходимости гармонизации права и общества, а также укрепления правового государства через улучшение жизни населения и укрепление правовой системы.

Важной задачей любого исследования правовых реформ является анализ их методологических основ и практической реализации в России с целью выявления основных достижений и проблем в этом процессе, а также предложения путей для дальнейшего развития правовой системы страны в контексте современных вызовов.

Классификация правовых реформ представляет собой сложный аналитический процесс, который требует учета множества аспектов и критериев. В современной юридической науке принято выделять два основных направления классификации правовых реформ, которые отражают различные цели и механизмы правового регулирования[4].

Первое направление охватывает правовые реформы, ориентированные на обеспечение и поддержку трансформаций в других жизненно важных сферах, таких как политика, экономика

---

[1] См.: *Пашенцев Д. А.* Разработка критериев результативности правовых реформ в России в 50–70-е гг. XIX века // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3. С. 121.

[2] См.: *Дорская А. А.* Правовые реформы в России: проблема классификации // Вопросы правоведения. 2013. № 3. С. 149.

[3] См.: *Зорькин В. Д.* Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12 (108). С. 30.

[4] См.: *Дорская А. А.* Типология правовых реформ // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. № 1 (144). С. 12.

и социальная сфера. Такие реформы представляют собой использование права как инструмента для достижения широкомасштабных общественных изменений. Например, в современной России правовое регулирование инновационной деятельности началось с принятия ключевых законодательных актов в середине 1990-х годов, что стало основой для стимулирования научно-технического прогресса и развития новых технологий.

Второе направление включает в себя реформы, направленные на изменение самой правовой реальности. Они затрагивают основы правовой системы и направлены на улучшение механизмов правосудия, законодательства и правоприменения. Примером такой реформы может служить судебная реформа 1864 года в России, которая кардинально изменила систему судопроизводства, введя принципы независимости судей и участия общественности в судебных процессах.

При анализе классификации правовых реформ также особое внимание уделяется различию между незавершенными реформами и контрреформами. Такое разделение несет в себе глубокий аналитический подход к оценке целей и итогов правовых изменений.

Незавершенные правовые реформы часто обусловлены внешними факторами, которые прерывают процесс реформирования. Причины могут быть разнообразными: от признания недостижимости изначально поставленных целей из-за их несоответствия реальным условиям или временным рамкам до изменения политической обстановки, в результате чего новая властная элита отказывается продолжать начатые ранее проекты. После себя реформы оставляют недоработанные правовые институты, которые не успевают укрепиться и стать функциональными элементами системы.

В контексте контрреформ понимается осознание ошибочности первоначальных реформаторских целей. Правовые изменения могут быть вызваны общественным несогласием с нововведениями, которые рассматриваются как угроза традиционным отношениям и устоявшимся практикам. Контрреформы не всегда следует воспринимать исключительно как откат. Они могут стать механизмом защиты социальной стабильности, корректируя или отменяя те аспекты реформ, которые вызвали общественный диссонанс.

Оценка результатов правовой реформы или контрреформы требует временно́й перспективы, поскольку только с течением времени открываются возможности объективно анализировать итоги внедренных изменений. Необходимо оценивать, какие нововведения получили долгосрочное закрепление и как они повлияли на правовую систему и общество в целом. Такой подход позволяет устанавливать, привели ли изменения к реальному улучшению законодательства и правоприменения или их следствием стали новые проблемы и конфликты.

Кроме прочего, современная юридическая практика выделяет две основные категории целей реформ: улучшение жизни общества и каждого его члена, а также сохранение власти правящей элитой.

Первая категория целей, направленная на улучшение жизни, охватывает широкий спектр инициатив: от повышения уровня защищенности граждан до развития правоприменительной практики. Однако, несмотря на возможную позитивность, реализация таких реформ может столкнуться с проблемами восприятия и принятия обществом. Исторические примеры показывают, что даже при введении кажущихся благоприятных мер может возникнуть необходимость их обхода или нарушения, что демонстрирует сложности в осознании и признании обществом своих потребностей в правовой сфере.

Вторая категория целей касается сохранения власти. В этом контексте правовые реформы могут применяться как инструменты упрочения положения действующей власти, что иногда ведет к произволу и ограничению основных прав и свобод. Примером такого подхода является правовая реформа большевиков, где первоначальные принципы международного права были заменены с целью отделения от буржуазных норм и создания новой системы, что способствовало укреплению власти.

Следующая классификация правовых реформ — по источнику реформирования. В ее основе лежит признание различных подходов к созданию правовых норм и институтов, каждый из которых оказывает определенное влияние на характер и результаты правового развития.

Первый подход заключается в том, что реформаторы отталкиваются от отечественных правовых традиций. Он характеризу-

ется использованием исторически сложившихся правовых обычаев и практик, которые уже доказали свою эффективность и приемлемость для общества. Важным аспектом является то, что в периоды правовых неопределенностей традиции могут играть стабилизирующую роль, когда новые законодательные инициативы еще не внедрены, или существующее законодательство не справляется с вызовами времени.

Второй подход — проведение экспериментов с созданием инновационных правовых норм и институтов, не имеющих аналогов в прошлом. Его примером является формирование советского права после революции 1917 года, когда были введены радикальные изменения в правовую систему, направленные на создание нового социального и экономического устройства.

Третий подход в правовых реформах заключается в рецепции и адаптации правовых норм из зарубежных, особенно европейских, систем. Такого рода стратегия обеспечивает интеграцию международного опыта в национальную правовую систему. Подобные способы совершенствования законодательства должны способствовать ускорению и повышению качества правовых реформ.

Четвертый подход фокусируется на согласовании национальной правовой системы с международными стандартами. Он особенно стал проявляться после принятия новой Конституции РФ в 1993 году. Именно тогда международные договоры и нормы международного права были объявлены частью внутреннего законодательства.

Анализируя правовые реформы в России, критически важно учитывать уровни правового регулирования: федеральный, региональный и местный. Следует понимать, что различия во внедрении изменений зависят от административного и территориального устройства.

На федеральном уровне реформы затрагивают общегосударственные законодательные акты и структуры власти, имеющие силу на всей территории страны; *на региональном уровне* правовые инициативы адаптируются к специфике отдельных субъектов с учетом их культурных, экономических и социальных особенностей; *на местном уровне* реформы влияют на повседневные аспекты жизни граждан, включая градостроительство, налогооб-

ложение, образование и здравоохранение, и могут быть инициированы как в ответ на федеральные изменения, так и по инициативе местных сообществ.

Анализ правового регулирования выявляет, что правовые реформы вводят новации, требующие адаптации в практике применения и толкования законов.

Структурное измерение правовых реформ включает анализ всех аспектов переорганизации существующих юридических институтов, перспектив создания новых органов и пересмотр их компетенций, направленных на улучшение работы юридической системы и повышение эффективности правоприменения. Структурное измерение предполагает также понимания особенностей реформирования судебной системы, прокуратуры, адвокатуры и правоохранительных органов, а также регулирование взаимодействия различных уровней власти и ветвей власти.

В России структурные изменения в правовой системе направлены на оптимизацию и перестройку управленческих структур, что предусматривает реструктуризацию судебных и правоохранительных органов, создание новых институтов для повышения доступности правосудия и изменение функциональных обязанностей различных правовых институтов. Такие трансформации нацелены на создание более эффективной и прозрачной правовой системы.

Функциональное измерение правовых реформ фокусируется на изменении методов реализации права для обеспечения доступа граждан к правосудию и укрепления законности. Оно включает усовершенствование процедур правоприменения, обновление методик работы правоохранительных органов и судов, повышение качества юридического образования и развитие правосознания населения. Также этот процесс оценки реформ затрагивает результаты усилий законодателя по повышению качества и доступности юридических услуг, внедрение новых технологий в правовую практику. Кроме того, функциональное измерение правовых реформ основывается на оценке модификации методов и процедур, применяемых в правоприменительной практике, и направлено на усиление эффективности, справедливости и доступности правосудия. Такой подход включает совершенствование про-

цедур расследования и судопроизводства, обновление законодательства в области правоприменения, интеграцию современных технологий в деятельность правоохранительных органов и повышение квалификации юридических кадров.

Синергия структурного и функционального измерений правовых реформ способствует комплексному подходу к модернизации правовой системы. Структурные изменения создают необходимую основу для функциональных улучшений, тогда как функциональные реформы активизируют потенциал, заложенный в структурных изменениях.

В рамках правовой реформы особое внимание уделяется созданию эффективной системы правоприменения. Формирование новой системы предполагает оптимизацию всех элементов системы: от работы судов различных инстанций до исполнения судебных решений, с целью обеспечения оперативного и справедливого правосудия. Такие меры охватывают не только пересмотр структурных аспектов, но и усиление профессионализма через обучение и внедрение лучших юридических практик. В этой связи целесообразно провести анализ последовательности осуществления правовых реформ.

Первый этап правовой реформы, как правило, характеризуется быстрыми и спонтанными действиями, направленными на принятие неотложных законов. Период связан с необходимостью слома старой правовой системы и общественного строя. В условиях кардинальных политических изменений, таких как, например, распад Советского Союза, принятие законов, обеспечивающих базовую правовую стабильность и закрепляющих новые политические реалии, становится первоочередной задачей.

Второй этап сосредоточен на создании элементов правовой системы через разработку и принятие основных кодексов и законов, включая Конституцию РФ. Этап связан в том числе и с формированием новой системы права, организующей и регламентирующей основные аспекты государственного управления и общественной жизни. Важной задачей второго этапа является установление принципов и норм, которые будут лежать в основе дальнейшего законодательного и правоприменительного процессов.

Третий этап ориентирован на доработку и совершенствование созданной правовой системы. Он направлен на устранение коллизий, пробелов и несостыковок в законодательстве, которые могли проявиться в процессе его реализации. Включает корректировку и дополнение законов на основе анализа их практического применения, обеспечивая таким образом их эффективность и актуальность в ответ на меняющиеся общественные, экономические и политические условия.

Основываясь на разных подходах исследователей, можно выделить комплексную динамику преобразований, которая началась в период перестройки и продолжается до настоящего времени.

В начале правовой трансформации, охватывающей конец 1980-х – начало 1990-х годов, реформы носили отчасти революционный характер. Время характеризовалось активным сломом старой системы и закладыванием основ новой правовой реальности, особенно это стало заметно с развалом Советского Союза и обретением Россией политической независимости. В эти годы особое внимание уделялось неотложному принятию законов, необходимых для поддержания новой политической структуры и государственного суверенитета.

Четвертый этап начался с принятием Конституции РФ в 1993 году. Он ознаменован созданием основ правовой системы нового типа. В этот период был сделан акцент на формирование и систематизацию основного законодательства, включая кодексы, регулирующие ключевые отрасли права. Этап предполагал более системное и структурированное преобразование законодательства.

Пятый этап, который до сих пор продолжается, заключается в совершенствовании и адаптации законодательства к текущим условиям. Процесс включает корректировку нормативных актов, устранение коллизий и несоответствий, а также улучшение качества правоприменения. В данном контексте основное внимание уделяется не только юридическим, но и социокультурным аспектам правовой системы, таким как правосознание граждан и обеспечение справедливости.

Последовательность осуществления правовых реформ начиная с 1985 года выявляет как значительные трансформации

в юридической сфере, так и проблемы, и вызовы, с которыми столкнулась реформа. Начальный этап реформирования права характеризуется удалением элементов тоталитарного строя и внедрением новых законоположений, направленных на развитие демократии и экономики.

Период ознаменовался рядом инициатив, пропагандирующих концепцию социалистического правового государства, которая подчеркивала приоритет права и внедрение принципа разделения властей. Однако, несмотря на восторженный и романтический настрой юристов и политических деятелей того времени, реальные изменения в законодательстве вызывали споры и неоднозначные оценки.

На этом этапе высказывались мнения о том, что законодательство было достаточно обновлено для регулирования всех сфер жизни страны, однако критические голоса, такие как мнение С. С. Алексеева, указывали на то, что происходящие изменения создали лоскутно-дырявое и конфликтное правовое поле, которое не соответствовало потребностям демократического общества[1].

Главным аспектом проблемы является то, что реформы проводились в рамках существующего советского социалистического государства, что делало их недостаточно радикальными для кардинального обновления правовой системы. Правовая система оставалась пронизанной публичными началами, что препятствовало развитию демократических и правовых структур.

Переход к третьему этапу правовой реформы отличается значительным углублением процессов демократизации и переосмыслением предшествующего правового наследия. Важной чертой этого периода является переход от частичных изменений к системной реконструкции правовой системы, в том числе через принятие новой Конституции РФ в 1993 году, на которой базировались дальнейшие трансформации.

Основополагающим стало осознание необходимости комплексного подхода к реформированию, что проявилось в разработке Общей программы законодательной работы, предусматри-

[1] См.: *Ильченко Т. Ю.* Этапы правовой реформы в России // Современное право. 2013. № 2. С. 14.

вающей не только принятие отдельных законов, но и создание целостной, взаимосвязанной системы правовых норм. Подход предполагал интеграцию различных аспектов правового регулирования: от соблюдения прав человека до экономической регуляции и обеспечения социальной защиты.

Рассматривая период правовых реформ в России начиная с 1985 года и до наших дней, становится очевидным, что этот процесс не был линейным или однонаправленным. Напротив, он представляет собой динамичное развитие, включающее различные фазы с акцентом на обновление законодательства, систематизацию правовых норм и формирование целостной правовой системы.

Основываясь на принципах, озвученных Президентом РФ в 1994 году, реформы были нацелены на создание системного и экономически обоснованного законодательства[1]. Принципы системности, кодификации и создания иерархии НПА легли в основу последующих правовых трансформаций. С этим связана концепция правовой реформы, принятая в середине 1990-х годов, которая обеспечила фундамент для долгосрочного регулирования в ключевых аспектах судебной системы и законотворчества.

Двадцатилетний период реформ можно условно разделить на две фазы: формирование концепции реформы права в 1990-х и ее реализация в 2000-х годах. Как отмечают эксперты, несмотря на достигнутые успехи и полное обновление правовой системы, ряд задач остается нерешенным. Это касается судебно-правовой, административной и местной реформ, а также развития социального законодательства и форм участия субъектов РФ в федеральном законотворчестве.

В свете изложенного выше процесс реформирования права в России следует рассматривать как непрерывный, требующий постоянного анализа, обновления и адаптации к текущим условиям. Все это подтверждает необходимость в продолжении работы над правовой реформой, организованной на основе четко прописанных этапов и ориентированной на достижение конкретных результатов в соответствии с экономическими и политическими изменениями в стране и мире.

---

[1] См.: *Федякин А. В.* Федеративные отношения, национальная и региональная политика государства в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1994–1999 гг. // Вестник Российской нации. 2016. № 2. С. 13.

Практика последних двадцати лет демонстрирует активную законодательную деятельность, что свидетельствует о постоянной работе над совершенствованием правового поля. Однако для достижения значительных результатов необходимо обеспечить более высокий уровень координации между различными ветвями власти, а также между государством и гражданским обществом.

Таким образом, хотя реформы и привели к определенному обновлению законодательства, они предполагают дальнейшую работу над созданием условий для полноценной реализации законов в жизни общества. Модернизация включает в себя как доработку существующих нормативных актов, так и разработку новых подходов к правотворчеству и правоприменению, учитывающих социальные, экономические и культурные изменения в стране и мире.

УДК 93

Карташова М. В.,
кандидат исторических наук, директор МБУК «Балахнинский музейный историко-художественный комплекс»

Влияние крестьянской реформы 1861 года на развитие кустарных промыслов

Великая крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право в России, повлекла за собой реформирование практически всего российского общества. Александровские реформы достаточно хорошо освещены в отечественной и зарубежной историографии, однако до сих пор в тени остается вопрос о влиянии великой реформы на развитие кустарных промыслов.

Кустарная промышленность как специфическое явление русской жизни XIX–XX веков играло важную роль в российском крестьянском хозяйстве. Под дефиницией «кустарные промыслы», или «кустарная промышленность», можно понимать мелкую обрабатывающую промышленность с преобладанием ручного труда как с семейной организацией производства (домашняя промышленность), так и с применением наемного труда. Кустарные изделия были ориентированы на рынок (в отличие от ремесла). Кроме того, кустарные промыслы как вспомогательные работы не облагались налогом и не были подчиненны ведению фабричной инспекции.

Кустарной промышленностью занимались лица низших податных сословий: крестьяне, мещане. Промыслы служили средством дополнительного дохода крестьянской семьи. В условиях экстремального земледелия северных и центральных губерний империи кустарные промыслы с помощью института скупщничества позволяли кустарям получать денежный доход и из этих средств платить налоги, что было особенно важным для государства. В условиях малоземелья центральной полосы и низкого плодородия почв крестьяне были вынуждены искать дополнительные источники дохода, особенно в зимнее время, свободное от сельскохозяйственных работ.

© Карташова М. В., 2024

Реформа, освобождавшая крестьян, одновременно наложила на них финансовое бремя в виде выкупных платежей, что потребовало от крестьян активно продавать сельскохозяйственную продукцию либо кустарные изделия. Значительное количество маломощных крестьянских хозяйств не имели возможности выплачивать этот обременительный налог, так как над крестьянином довлели и подушная подать, и земские сборы, и другие повинности. Б. Н. Миронов, исследуя доходность крестьянских хозяйств, сделал вывод, что на рубеже XIX–XX веков в крестьянских земледельческих хозяйствах «…наблюдался огромный запас неиспользованного труда»[1], а расходы времени на полеводство сократились на 28 дней: от 135 до 107, на неземледельческие промыслы почти на столько же (31 день) увеличились: от 5 до 36; на домашнюю работу остались без изменения.

Конечно, кустарные промыслы начали развиваться задолго до реформы 1861 года, но государственное оформление этот вид крестьянского труда получил лишь в 1880-е годы. Бедственное положение крестьянства, а скорее низкий уровень доходности крестьянских хозяйств, правительство признало лишь к 1872 году. О необходимости поддержки кустарной промышленности писал Д. И. Менделеев, активно участвующий в работе министерств: «Изучив это дело больше, и отнесясь к нему с созидательной, а не описательной стороны, можно его развивать в должном виде для вящего народного блага, то есть для сильного увеличения народного достатка и промышленности»[2].

При министерстве финансов была создана специальная комиссия по исследованию кустарной промышленности (далее — Комиссия). С целью разработки основательной научной программы и общеведомственного плана действий в Комиссию были включены представители министерств финансов, государственных имуществ и внутренних дел и научных обществ, тесно сотрудничавших с правительством. Министерство финансов попыталось преодолеть межведомственную рознь и создать единый дееспособный орган. Кроме чиновников из нескольких ведомств,

[1] *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр., доп. Санкт-Петербург, 2003. С. 309.

[2] *Менделеев Д. И.* К познанию России. 4-е изд. Санкт-Петербург, 1906. С. 106.

в состав Комиссии вошли ученые, общественные деятели, члены Вольного экономического общества, Русского географического общества. Проведение столь обширных работ по изучению кустарной России потребовало значительных финансовых средств. За десятилетие (1877–1887) правительством было выделено 91 тыс. рублей[1]. Сам факт изыскания правительством денег на это новое для него дело при существующем бюджетном дефиците является важным аргументом в деле доказательства существования целенаправленной правительственной политике в области развития кустарного производства. И действительно, Комиссия, проработав четырнадцать лет, внесла огромный вклад в дело изучения доселе неисследованной, но экономически важной сферы труда. Объездив всю Россию, привлеченные Комиссией специалисты подготовили и опубликовали 17 томов исследований[2], которые стали бесценным источником для изучения кустарной промышленности. Кроме того, Комиссия подготовила проект закона, который после обсуждения в Государственном Совете был опубликован 21 марта 1888 года «О порядке заведования кустарной промышленностью». Закон конкретизировал термин «кустарная промышленность». Важность этого положения определялась тем фактом, что кустари как крестьянское сословие, находящиеся в ведении министерства государственных имуществ, не платили налога на промысловую деятельность и не состояли в ведении инспекторов министерства финансов, а несли только крестьянские налоги. Таким образом, с 1888 года кустарная промышленность становится объектом российского законодательства. Этот факт позволяет говорить об отказе правительства от своей прежней политики невмешательства по отношению к крестьянам-кустарям и замене ее патерналистской политикой бюрократической опеки.

В 1894 году министерство государственных имуществ было реорганизовано в министерство земледелия и государственных имуществ. К нему в ведение перешла и кустарная промышленность. Все последующие годы земледельческое ведомство, в

[1] См.: Кустарное дело в России. Т. 1 / сост. Ф. С. Голицын. Санкт-Петербург, 1904. С. 9.

[2] Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. 1–17. Санкт-Петербург, 1879–1890.

1905 году преобразованное в Главное управление землеустройства и земледелия, а в 1915 году — в министерство земледелия, проводило активную политику по развитию кустарной промышленности.

Главным куратором кустарно-промышленных мероприятий являлся Кустарный комитет, входивший в состав отдела сельской экономии и сельскохозяйственной промышленности.

Мероприятия по развитию кустарных промыслов имели различную направленность.

Во-первых, финансирование кустарей проводилось через систему кредитования. Кредиты выдавались на приобретение материалов (лес, металлы), на открытие складов кустарных изделий.

Во-вторых, государство предоставляло кустарям государственные заказы на поставку обмундирования (рукавицы, валенки), оружия для армии (гранаты, ножи, лопаты). Военные заказы получали в первую очередь кустарные артели и общества.

В-третьих, особенной активностью выделялась работа по техническому образованию кустарей. Открывались школы, училища, которые в годы советской власти стали основой для среднего технического образования. Особое место в системе технического образования занимали инструкторские школы, принадлежащие земледельческому ведомству, которые готовили преподавателей для местных школ.

В-четвертых, это работа по организации экспорта кустарных изделий. Кустарный комитет поощрял организацию складов и магазинов в Америке, Англии, Париже.

В 1904 году в Париже товарищество «Русские кустари» открыло магазин. Тогда же появились заказы на поставку во Францию деревянных кукол. Устраивались стационарные и передвижные выставки кустарных товаров в Америке, Германии. В феврале 1914 года, буквально незадолго до Первой мировой войны, по инициативе германской стороны была организована Русская кустарная выставка в Берлине[1]. Пытались организовать экспорт кустарных товаров и земства. Например, Вологодское губернское земство сумело открыть магазин кружевных изделий в

[1] См.: *Беляновский А. С.* Выставки как последняя надежда на мир… // ЭКСПО-Ведомости. 2014. № 2–3. С. 33.

Лондоне[1]. Не отставало и Нижегородское губернское земство, Кустарное отделение которого активно контактировало с фирмами, магазинами, складами, частными лицами, то есть со всеми, кто шел на сотрудничество. В Англию, Ирландию, Австро-Венгрию шли прежде всего крашеные изделия из дерева: ложки, чашки, деревянная резная мебель. Спрос за границей был и на рогожи (в Англии)[2], на мочало (в Америке)[3], плетеные корзины (во Франции)[4].

Важной составляющей кустарно-промышленной политики правительства стала организация всероссийских, губернских и местных выставок. В них участвовали все: от инструкторских школ, земств, артелей, различных обществ до самих кустарей. Даже кустари с низким доходом могли представлять свои изделия на выставках с помощью земств, которые выкупали изделия либо брали товар на продажу.

Размах кустарных промыслов впечатлял. В 1911 году правительство предприняло попытку провести Всероссийскую кустарно-промышленную перепись, которая затянулась не на одни год, а опубликованы были не все материалы. В 1913 году было решено провести подворную перепись кустарных хозяйств. Фрагментарно сохранившиеся карточки находятся в Российском государственном архиве и региональных архивах и до сих пор ждут своих исследователей. Исследование промыслов было приостановлено с началом Первой мировой войны. После свержения царской власти, летом 1917 года Временное правительство провело Всероссийскую сельскохозяйственную перепись, в которой, кроме вопросов сельского хозяйства, была отражена и кустарно-промышленная деятельность крестьянских хозяйств.

По сведениям правительственной статистики, кустарными промыслами в 1900 году занимались 4 618 839 человек со средним заработком 43 рублей на человека. За тринадцать лет производительность мелкой сельской промышленности увеличилась

[1] Доклад совета съездов о мерах к развитию производительных сил России // Девятый очередной съезд представителей промышленности и торговли. Петроград, 1915. С. 376.

[2] ЦАНО. Ф. 42. Оп. 240. Д. 52. Л. 192 об.

[3] ЦАНО. Ф. 42. Оп. 240. Д. 52. Л. 221.

[4] ЦАНО. Ф. 42. Оп. 240. Д. 52. Л. 294.

в полтора раза: от 203 510 тыс. рублей (1900) до 289 903 тыс. рублей (1913). Городских ремесленников в 1913 году насчитывалось более 1 миллиона человек с производительностью 337 932 тыс. рублей (1900) и 611 657 тыс. рублей (1913).

Именно реформа 1861 года, положившая начало глубокому реформированию всех сфер социально-экономической жизни Российской империи, привела к расцвету кустарных промыслов. Средства, полученные от продажи своих изделий, крестьяне-кустари направляли на покупку земли, на уплату налогов.

Большим подспорьем для семей стали женские промыслы. В начале XX века газета «Волгарь» писала, что в городе Балахне (Нижегородская губерния) очень мало промышленных заведений и семьи кормили женщины, выплетая кружева на продажу. Кроме тех промыслов, которые активно вытесняла фабрично-заводская промышленность: ткацкий, металлообрабатывающий, были и промыслы, которые переросли в народные художественные промыслы, ставших достоянием нашей страны, ее культурным кодом. Так, кустари Семеновского уезда в XIX веке, точившие миллионы деревянных ложек, и подумать не могли, что золотая хохлома станет российским брендом на зарубежных рынках, а матрешка полетит в космос.

Освобожденный крестьянин-кустарь не только зарабатывал на хлеб для своей семьи, но и создавал прекрасные художественные образцы, ныне экспонируемые в залах ведущих музеев России и мира.

УДК 341

Корабельникова Ю. Л.,
кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

Реформирование системы обеспечения безопасности городов на примере Французской Республики

Одним из государств Европы, которое может служить ярким примером проводимой политики в отношении безопасности, является Французская Республика. Это обусловлено тем, что в государстве предпринимаются беспрецедентные меры по ее обеспечению.

Французская Республика — одно из немногих государств, закрепивших безопасность в качестве права и возложивших на себя обязанность по его обеспечению. Согласно действующему законодательству «…безопасность является одним из фундаментальных прав и одним из условий осуществления индивидуальных и коллективных прав. Государство обязано обеспечивать безопасность, гарантируя, осуществляя на всей территории Республики защиту национальных институтов и интересов, уважение законов, поддержание мира и общественного порядка, охрану лиц и благ. Оно осуществляет свою деятельность в связи с политикой безопасности местных органов»[1]. Представленное положение Кодекса внутренней безопасности Франции 2012 года[2] признает основополагающий характер данного права, обеспечение которого является предпосылкой для осуществления всех других.

[1] *Андреева И. А.* Кодекс внутренней безопасности Франции // Административное право и процесс. 2012. № 10. С. 69.

[2] Законодательная часть Кодекса о внутренней безопасности вступила в силу 1 мая 2012 г. Он содержит семь тематических книг, каждая из которых включает законодательную часть, введенную постановлением 12 марта 2012 г., и регламентационную часть (см.: *Андреева И. А.* Кодекс внутренней безопасности Франции // Административное право и процесс. 2012. № 10. С. 68–71).

© Корабельникова Ю. Л., 2024

В нем закладывается взаимодействие правительственных сил обеспечения безопасности с местными органами, то есть речь идет о распределении обязанностей в данной сфере между уровнями публичной власти.

Следует отметить, что основным звеном правительственных органов обеспечения безопасности во Франции являются Национальная полиция и Национальная жандармерия, которые подчиняются Министерству внутренних дел, внутренней безопасности и местного самоуправления Республики[1] и являются централизованными структурами.

Данная модель обеспечения безопасности начала выстраиваться во Франции с середины 70-х годов XX века. Причиной этого стала озабоченность населения состоянием безопасности во Франции, что привело к резкой политизации данной проблемы. В политической мысли начала превалировать идея близости к населению. Это свидетельствовало о том, что выстроенная в течение XX века система профессиональной полиции, традиционное централизованное административное управление в сфере обеспечения безопасности во Франции перестали соответствовать потребностям граждан в связи со своей бюрократизированностью, инертностью и неповоротливостью. Необходимость соблюдения стандартных административных процедур не позволяла действовать по ситуации в динамично изменяющихся условиях, в связи с чем потребовались поиск более эффективных способов обеспечения безопасности, пересмотр границ профессиональной полицейской деятельности.

В 1977 году в докладе межведомственного комитета, получившем название «Доклад Пейреффитта», впервые были высказаны идеи нового подхода к обеспечению безопасности, который подразумевал взаимодействие всех заинтересованных участников, учет мнения населения, применение не только репрессивных, но и профилактических методов. В связи с необходимостью соответствовать возросшим запросам общества и граждан в сфере обеспечения безопасности, учета субъективного чувства безопас-

[1] Министерство внутренних дел, внутренней безопасности и местного самоуправления Французской Республики : офиц. сайт. URL: https://www.interieur.gouv.fr/ministere/organisation (дата обращения: 16.04.2024).

ности предпринимается ряд мер, направленных на изменение характера взаимоотношений между властью и обществом. Так, в 1982–1985 годы принят ряд законов и декретов, касавшихся децентрализации управления, положения которых были направлены на решение задачи приближения публичных служб к гражданам[1].

В продолжение работы по формированию партнерских отношений между органами публичной власти, общественными организациями и гражданами приказом МВД Франции от 28 октября 1997 года введены локальные контракты безопасности (*CLS*). На них возлагалась задача способствовать сосредоточению совместных действий государственных органов и общественных организаций на предупреждении преступности, приближении полиции и жандармерии к населению. К обсуждению содержания контрактов должны были привлекаться мэры и члены коммунального совета предупреждения преступности. К 2006 году было заключено 687 таких контрактов. Их важная роль заключается в том, что они стали инструментом организации широкого обсуждения вопросов безопасности[2].

Закон от 5 марта 2007 года «О предупреждении преступности» закрепил обязанность местных органов полиции и прокурора уведомлять мэра о нарушениях общественного порядка, совершенных на территории муниципалитета, и всех решениях, принимаемых в связи с этим; определил координирующую роль мэра по реализации политики предотвращения преступности; установил председательство мэра в местном совете по безопасности и предупреждению преступности, которые должны создаваться в муниципалитетах с населением более 10 тысяч человек или представляющих городские территории со сложной криминогенной обстановкой[3]. Таким образом, данным законом опреде-

---

[1] См.: *Андреева И. А.* Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII – начало XXI вв.) : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 218.

[2] См.: *Андреева И. А.* Современная муниципальная полиция Франции (1995–2008 гг.) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 2. С. 49.

[3] О предупреждении преступности : закон от 5 марта 2007 г. № 207–297 (*Loi n°2007-297 du 5 mars 2007 relative à la prévention de la délinquance*) // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit : officier. site. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000615568/ (дата обращения: 19.03.2024).

ляется система профилактики преступности с целью обеспечения безопасности городов, усиливается роль местных органов власти в осуществлении этой деятельности.

Мэр, будучи юридически независимым от муниципального совета, осуществляет полномочия в сфере административной полиции, что тем не менее предполагает их сотрудничество при осуществлении этой деятельности. При этом он имеет право делегировать часть своих функций одному или нескольким заместителям и членам городского совета[1].

Важным этапом в развитии системы безопасности на местном уровне является Закон о муниципальных полициях, принятый 15 апреля 1999 года, закрепивший правовой статус и полномочия сотрудников муниципальной полиции. Упрочению позиций муниципальной полиции способствовало то, что в Кодексе внутренней безопасности Франции 2012 года отдельная книга посвящена муниципальной полиции.

При определенном разнообразии применяемых моделей построения муниципальной полиции общей остается возложенная на нее задача, которая заключается в обеспечении безопасности общества и защите интересов граждан с учетом их потребностей и интересов. На сотрудников муниципальной полиции возлагаются полномочия по составлению протоколов за совершение определенных правонарушений, установленных законодательством; проведение личного досмотра и обеспечение безопасности при проведении массовых мероприятий; они имеют право остановки транспортных средств. Сотрудники муниципальной полиции обеспечиваются специальной формой одежды, служебным удостоверением, которые должны быть одинаковыми на территории всего государства, в определенных случаях могут быть уполномочены на ношение и применение оружия. При министре внутренних дел создается консультативная комиссия по муници-

[1] Основной кодекс административно-территориальных образований (*Code général des collectivités territoriales*) : закон от 21 февраля 1996 г. № 96–142; О нормативной части Общего кодекса территориальных сообществ (с поправками, внесенными законом № 2019–1461 от 2 декабря 2019 г. : декрет от 7 апреля 2000 г. № 2000–318 // *Légifrance – Le service public de la diffusion du droit : officier. site*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070633/LE GISCTA000006192255/#LEGISCTA000006192255 (дата обращения: 22.03.2024).

пальной полиции, в состав которой входят представители мэра, государства и сотрудники муниципальной полиции. Данная комиссия занимается всеми вопросами, касающимися муниципальной полиции[1].

Следует отметить особый статус префекта полиции Парижа, который назначается президентом Франции и подчиняется непосредственно министру внутренних дел, а не начальнику Национальной полиции. Им осуществляется координация деятельности всех правоохранительных органов региона Иль-де-Франс. В Кодексе внутренней безопасности Франции предусматриваются особые положения, применимые к обеспечению безопасности в Париже[2]. Примером децентрализации полномочий полиции может служить должность префекта полиции департамента Буш-дю-Рон, который руководит полицией на территории портового города Марсель и самого департамента[3].

В 2012 году на основании мнения населения с целью повышения качества условий жизни жителей и снижения уровня преступности на наиболее опасных и криминогенных территориях создаются приоритетные зоны безопасности. Участие в обеспечении безопасности возлагается на Национальную полицию, органы юстиции, национального образования, муниципалитеты, общественные организации, а также на самих жителей. Данная деятельность осуществляется посредством увеличения количества сотрудников правоохранительных органов на таких территориях, что само по себе является сдерживающим фактором; координации совместных действий правоохранительных и иных орга-

[1] Кодекс внутренней безопасности Франции 2012 года (книга V, раздел III, статьи L511-1 – L515-1) // Légifrance — Le service public de la diffusion du droit : officier. site. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000025503132/LEGISCTA000025506017/#LEGISCTA000025507753 (дата обращения: 19.03.2024).

[2] Кодекс внутренней безопасности Франции 2012 года (книга V, раздел III, статьи L531-1 – L533-5) // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit : officier. site. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000025503132/LEGISCTA000025506017/#LEGISCTA000025507753 (дата обращения: 19.03.2024).

[3] См.: *Гаврилов К. Г., Гаврилова Т. В.* Полиция, жандармерия, национальная гвардия: реформа полицейской системы Франции как реализация доктрины «партнерство во имя безопасности» // Наука. Общество. Государство. 2022. № 2 (38). С. 17.

нов; сосредоточения действий правоохранительных органов на основании фактов совершения конкретных видов преступлений (например, распространение наркотических средств, кражи, грабежи); укрепления связей между правоохранительными органами и населением с целью мониторинга субъективного ощущения безопасности у населения[1].

Партнерские отношения реализуются также на государственном уровне. Например, Межведомственный совет городов[2] создан при участии ряда министерств. Обеспечение безопасности городов является одним из приоритетных направлений деятельности данного совета. Так, в заключении совета от 27 октября 2023 года сделан акцент на расширении приоритетных зон безопасности: увеличении присутствия полиции в неблагоприятных районах, особенно для борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Кроме того, в ответ на массовые беспорядки во Франции, в муниципалитетах Безансон, Валенсия и Мобеж в экспериментальном режиме развернуты Республиканские силы реагирования (*FAR*), в состав которых входят представители полиции, органов местного самоуправления, специалисты в области образования и социальной сфере с целью обеспечения спокойствия в городах. Кроме того, пересматривается роль муниципальной полиции. Для большей близости к населению предполагается создание 8 500 полицейских участков и участков жандармерии на территории страны[3].

Резюмируя преобразования Франции в сфере обеспечения городской безопасности, можно сделать вывод, что политической и правовой основой современной системы безопасности Франции является доктрина «Партнерство во имя безопасности»[4]. Совер-

---

[1] Департамент Ивелин Франции : офиц сайт. URL: https://www.yvelines.gouv.fr/Actions-de-l-Etat/Securite-des-citoyens-publique-routiere-et-civile/Securite-publique/Les-zones-de-securite-prioritaires (дата обращения: 19.03.2024).

[2] Министерство экологии Французской Республики : офиц. сайт. URL: http://www.ville.gouv.fr/?Comite-interministeriel-des-villes (дата обращения: 19.03.2024).

[3] Заключение Межведомственного совета городов от 27 октября 2023 г. // Правительство Франции : офиц. сайт. URL: https://www.gouvernement.fr/discours/conclusion-du-comite-interministeriel-des-villes (дата обращения: 19.03.2024).

[4] См.: *Андреева И. А.* Партнерство во имя безопасности: система совместного «производства» внутренней безопасности во Франции // Право и безопасность. 2012. № 1. С. 41–47.

шенно справедливо подчеркивает профессор И. А. Андреева, что идея совместной деятельности в сфере обеспечения безопасности, на которой в последнее время основывается политика государства, привела к смене доктрины охраны общественного порядка исключительно государственными институтами на доктрину общественной безопасности, где ее обеспечение становится общим делом всех заинтересованных субъектов: органов социального обеспечения и образования, ЖКХ и транспорта, а самое главное – муниципальных органов власти, в том числе муниципальной полиции. С их помощью государство не утратило своей ключевой роли в сфере обеспечения безопасности, а восстановило и упрочило ее[1].

[1] См.: *Андреева И. А.* Полицейская система Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII – начало XXI вв.): дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2015. С. 213.

УДК 34:93

Красильникова Т. К.,
кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель департамента права Института экономики и права Московского городского педагогического университета

Реформа законодательства о корпорациях в России (XIX – начало XX века)

Законодательное регулирование института корпорации началось после того, как все его характерные признаки были выработаны корпоративной практикой.

Законодательное оформление отдельных организационно-правовых форм корпоративных объединений с целью активизации предпринимательской инициативы зародилось при Петре I. В числе источников корпоративного права выступали уставы компаний, международные договоры, судебная практика, что сближало английскую модель с российской правовой системой.

Активизация процесса образования корпораций в XIX веке привела к необходимости четкой официальной регламентации их деятельности. При создании корпораций требовалось соблюдение ряда формальностей. Корпорация должна была стать организацией, созданной и занимающейся на законных основаниях определенными видами хозяйственной деятельности.

Первое законодательное регулирование одного из таких видов корпораций, как цех, нашло выражение в Цеховом уставе 1799 года[1]. Отсюда оно было перенесено в Устав торговый. Каждый цех управлялся своей ремесленной управой. Свод подробно перечислял права и обязанности мастеров, подмастерьев, учеников, определял меры взысканий за различные рода правонарушения, совершаемые цеховыми ремесленниками, а также порядок судопроизводства по рассмотрению дел, касающихся нарушения Свода ремесленных постановлений.

[1] ПСЗРИ. № 19187, закон 12 ноября 1799 г., гл. XIV, ст. 1.

© Красильникова Т. К., 2024

«Устав ремесленный», появившийся в 1857 году, не отменяя цехового ремесленного устройства, вводил упрощенное ремесленное управление, предоставлял большую свободу внецеховому ремесленному производству, облегчал переход ремесленников из одного цеха в другой цех. Изменения в Ремесленном уставе 1857 года способствовали дальнейшему ослаблению цеховой регламентации российского ремесленного производства, но не решали задачи ликвидации цеховой системы в целом.

Первым в истории не только российского акционерного законодательства, но и мировой акционерной практики законодательного регулирования стало Положение «О товариществах по участкам или компаниях на акциях» 1836 года. Несмотря на большую значимость этого акта, многие корпоративные отношения им не были урегулированы. Согласно мнению Государственного Совета, недостатки данного закона преодолевались уставной практикой такого рода компаний[1]. Во-первых, в уставах товариществ по участкам для них устанавливались монопольные права, и у каждой компании были свои привилегии. Во-вторых, законодательство менялось медленно, в отличие от него уставная практика была более приспособлена к меняющимся социально-экономическим условиям. В-третьих, концессионный порядок утверждения уставов давал возможность правительству вносить корректировку в акционерное дело, предупреждая возможность проявления различного рода злоупотреблений со стороны компаний. Таким образом, концессионная процедура учреждения корпорации в России имела по существу административную, а не законодательную природу.

При обсуждении проекта Положения о компаниях на акциях Министерством внутренних дел было выдвинуто «три главных условия для допущения сего рода компаний»: во-первых, безопасность капиталов населения, которые вкладывались в уставной капитал компаний; во-вторых, недопущение ажиотажа и спекуляций; в-третьих, «…это безопасность хода предприятия, что зависело от исполнения всех условий в уставе компании предписанных»[2].

[1] РГИА, ф. 1149, оп. 7, д. 96, л. 21.
[2] РГИА, ф. 1152, оп. 2, д. 100, л. 32.

Неоднократные попытки разработки и принятия новой редакции акционерного закона в 60–90-е годы XIX века путем замены концессионной (разрешительной) системы на явочную систему учреждения акционерных компаний не увенчались успехом. Дело в том, что концессионная система не требовала принятия специального закона, а явочному порядку учреждения акционерных обществ препятствовали, во-первых, отсутствие в России на тот момент торгового реестра; во-вторых, связанность прав юридических лиц с правовыми ограничениями физических лиц. Так, ряд ограничений, касающихся некоторых категорий физических лиц в отношении землевладения и занятия промыслами, распространялся и на акционерные компании, чтобы путем учреждения последних ограничительные нормы закона не были обойдены лицами, ограниченными в ряде гражданских прав. При существовании концессионной системы были возможны и известные отступления от этого общего правила, тогда как при явочной системе этого бы сделать было невозможно.

К середине XIX века в России попытки реформирования акционерного закона были направлены главным образом на борьбу с различного рода злоупотреблениями, возникающими в процессе организации и деятельности компаний. 1 января 1863 года с принятием Положения «О пошлинах на право торговли и других промыслов» отменялись исключительные привилегии купцов на право ведения торговой деятельности. В статье 21 Положения 1863 года говорилось, что свидетельство, дающее право торговать впредь должны были выдавать «…лицам обоих полов российским подданным всех состояний и иностранцам». Статья 18 данного Положения требовала, чтобы любое занятое в торговле лицо ежегодно приобретало торговое свидетельство вне зависимости от его сословного положения. Такое свидетельство на право торговли стали принимать на себя и корпорации, за исключение тех, которые не подпадали под это правило по специальным положениям их уставов.

В 90-е годы XIX века в России, как и в других странах, проявилась тенденция становления предпринимательских объединений (союзов) корпоративного типа.

По сравнению с законодательным регулированием торгово-промышленных объединений, действующим в зарубежных стра-

нах, в России, как и в Италии, не было специальных законов, касающихся предпринимательских союзов.

Законодательство должно было дать возможность предпринимателям избирать ту форму для своих соглашений, которая представлялась им наиболее целесообразной, только при условии недопущения с их стороны различного рода злоупотреблений своим доминирующим положением в определенной отрасли хозяйства страны.

В конце 1910 года, в начале 1911 года и в конце 1912 года прошли межведомственные совещания, организованные министерством торговли и промышленности. Во время таких совещаний Совет съездов представителей промышленности и торговли заявил, что пока сохраняется концессионная система на основе действующего законодательства, предпринимательские союзы могут быть учреждаемы лишь на основании уставов, учрежденных правительством. Явочный порядок их возникновения, существующий в большинстве иностранных государств, и связанную с ним систему регистрации их в особых правительственных реестрах едва ли было бы правильно допускать в России как в виду того, что по действующему тогда закону к акционерным компаниям, в форме которых учреждалось большинство предпринимательских союзов, была применима не явочная, а разрешительная система, так и потому, что последняя в значительно большей степени предупреждала возможность с их стороны злоупотреблений. На том же основании следовало бы не допускать без надлежащей правительственной санкции внесение различных изменений в уставы[1].

На совещании было высказано, что Правила о предпринимательских объединениях должны быть опубликованы одновременно с ведением в действие ст. 242, 318 и 326 Уголовного Уложения 1903 года, дела по которым рассматривались окружными судами.

Вместо принятия нового акционерного закона 21 декабря 1901 года было принято положение «Об изменении и дополнении действующих узаконений относительно общих собраний и реви-

[1] См.: По проекту Правил о предпринимательских объединениях : сборник материалов о трестах и синдикатах / Совет съездов представителей промышленности и торговли. Санкт-Петербург, 1912. С. 2.

зионной части акционерных компаний, а равно и состава управления оных»[1], призванное устранить две основные причины имеющей место лихорадки на фондовых биржах: 1) концентрация власти в руках владельцев больших пакетов акций, которые проводили свои решения через общее собрание с помощью подставных лиц; 2) распространение многочисленного совместительства среди небольшого количества директоров, которые сидели в правлениях многочисленных банков и корпораций и старались защитить скорее интересы банков, чем компаний.

Следующим видом хозяйствующих субъектов корпоративного типа выступала артель. Положение об артелях содержалось в Уставе Торговом. Уставы артельных товариществ утверждались различными ведомствами в силу специфики отдельных видов артелей. В случае включение в устав каких-либо льгот и преимуществ требовалось Высочайшее разрешение. Утверждение устава артели было передано из ведения министерства в ведение глав губернской администрации — губернаторов.

Нарождающаяся в России кооперация была втиснута в формы хозяйственных объединений и благотворительных обществ. Принятые царским правительством 4 марта 1906 года Временные правила об обществах и союзах[2] можно было признать с рядом отступлений первым кооперативным законом в России. После принятия данных Временных правил нормальные уставы отдельных категорий товариществ и обществ были пересмотрены.

Российское кооперативное законодательство того времени по-прежнему характеризовалось разнохарактерностью правительственных узаконений и распоряжений.

Местные комитеты кооперации настаивали на принятии общего для всех видов артелей законодательного акта, при этом они призывали законодателя взять за образец кооперативный закон Германской империи от 1 мая 1899 года[3]. В 1913 году проект данного закона был принят Государственной Думой IV Созыва,

---

[1] СУиРП. 1901. № 124, ст. 2500; ПСЗ. Собр. 3. Т. XXI. Ст. 2.; РГИА, ф. 23, оп. 25, д. 287, л. 1-53.

[2] ПСЗРИ: в XVI т. Т. XIV. Санкт-Петербург, 1910. С. 133–135.

[3] См.: *Бородаевский С. В.* Кооперация. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России. Санкт-Петербург, 1904.

однако Государственный Совет не одобрил его в связи с тем, что большинство членов Государственного Совета настаивали на необходимости принять отдельные законы в отношении кредитных, ссудо-сберегательных товариществ, трудовых и биржевых артелей, страховых товариществ.

Судьбоносным стал 1917 год. Временным правительством было утверждено Положение о кооперативных товариществах и их союзах[1], о отменены ограничительные статьи в отношении акционерных обществ[2], но и в 1917 году, к сожалению, государство не пошло на полноценную реформу корпоративного законодательства.

[1] Положение о кооперативных товариществах и их союзах : сборник Постановленій Временнаго Правительства по кооперації. Москва, 1917.

[2] РГИА, ф. 23, оп. 13, д. 1266, л. 2.

УДК 34

Краснов А. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия;
Скоробогатов А. В.,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова

Трансформация судебной практики как экспликация правовой реформы

Транзитивный характер правовой реальности России предполагает не только постоянные изменения частного характера, но и проведение реформ, которые затрагивают сущность социального бытия. При этом речь может идти не только о собственно правовых трансформациях, но и изменениях в иных сферах жизни, для которых юридический компонент носит вторичный характер, будучи призван обеспечить легальность проводимых мероприятий.

Несмотря на господство нормативистской методологии не только в юриспруденции, но и в юридической практике, все большее значение в правовых трансформациях стали играть источники иного характера, среди которых на первое место выступает судебная практика. Решения судов различного уровня и издаваемые судами акты официального толкования затрагивают различные аспекты правовой реальности, с одной стороны, эксплицируя специфику правового бытия, а с другой — в значительной степени детерминируя интенциональность осуществляемого правовой реформой социального конструирования реальности.

© Краснов А. В., Скоробогатов А. В., 2024

Правовая реформа не может рассматриваться с позиций использования постклассической методологии и, соответственно, исследоваться исключительно сквозь призму создания официального нормативного текста соответствующих правил поведения и их формальной реализации. В рамках правовой реформы во внимание должны быть приняты эмпирические данные о неформальном регулировании, соотнесены особенности массового правового менталитета с предлагаемыми моделями правового регулирования с учетом того, что конечной целью правовой реформы должно стать бесконфликтное сосуществование в социуме. Неформальная и обезличенная упорядоченность отношений самих по себе, а удовлетворение интересов отдельных лиц, социальных групп и общества в целом путем нахождения определенного баланса, что в конечном счете и должно приводить к стабильному и гармоничному сосуществованию.

Правовая реформа — это комплекс существенных изменений (трансформаций) в правовой реальности, осуществляемый с целью конструирования определенной модели правопорядка. Речь идет не просто о частичных изменениях, касающихся уточнения, изменения и дополнения регулирования отдельных правоотношений, а о качественной трансформации правовой реальности[1], которая является ответом на вызовы и угрозы экзистенциального характера. Подобная проблематика нашла выражение в легальной дефиниции «большие вызовы», которая объясняется посредством отсылки к способу устранения или реализации[2]. Целью правовой реформы является повышение эффективности правовой системы путем преобразования ее сущности, изменения и наполнения новым качеством ее содержания. Это обусловливает поиск матрицы правовой реформы в конституционном тексте, наполнение которого смыслом осуществляется не только в правотворчестве, но и в правоприменении. Телеологически именно конституционные новеллы детерминируют интенциональность реформаторской деятельности, хотя зачастую их конкретизация осуществляется не только в законодательстве, но и в актах, обладающих нормативными свойствами.

---

[1] См.: *Дорская А. А.* Правовая реформа в России: типология, логика развития, критерии результативности. Санкт-Петербург, 2014. 176 с.

[2] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // СЗ РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

Правовая реформа призвана обеспечить специфический и аутентичный для данного общества баланс частных и публичных интересов с использованием собственного и частично рецепированного юридического инструментария и в конечном счете сформировать эффективный механизм поддержания бесконфликтного сосуществования в определенном социуме. Интенционально правовая реформа в России связана с конструированием на новом цивилизационном витке традиционного для российской цивилизации ценностного единства государства и общества, синтеза соборности и этатизма как разных форм экспликации правды в ее не только социально-юридическом, но и сакральном смысле. В этом смысле правовую реформу нельзя отождествлять с правовым развитием. Если последнее может представать в разных коннотациях и дает возможность незавершенности, то первая всегда предполагает достижение конечного результата, имеющего позитивное значение для трансформации не только правовой, но и социальной реальности.

Правовая реформа представляет собой не столько статичное действо с разработкой, обсуждением и принятием тех или иных законопроектов, а динамичную систему действий разного характера[1], которые происходят отнюдь не только в правотворческом процессе. Экспликация правовой реформы характерна и для таких уровней правовой реальности, как правоприменение и правовое поведение. При этом выработка интерпретаций носит очевидный диалогичный характер[2], так как предполагает учет мнения Другого, в качестве которого может выступать как обычный контрагент, участник правоотношения, так и правоприменитель. При этом предполагается обращение к правовой идеологии, которая выступает ценностной константой социальных трансформаций и детерминирует цель, интенциональность и инструментарий правовой реформы[3]. Однако это не предполагает отказа от национальной правовой традиции и замену ее инновационными

[1] См.: *Петров К. В.* Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. 2020. № 4. С. 156–161.

[2] См.: *Честнов И. Л.* Диалогическая методология юридической науки // Вестник МГПУ. 2016. № 1 (21). С. 47–53.

[3] См.: *Кислухин А. А.* Правовая идеология и технологизация общественных отношений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 214–216.

правовыми трансплантатами. Напротив, эффективность правовой реформы напрямую зависит от учета духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей независимо от их формального закрепления в законодательстве. В этом проявляется воздействие на процесс и результат правовой реформы господствующей системы правовых ценностей, которые выступают аксиологической формой выражения правовой культуры общества.

В то же время анализ практики КС РФ показывает, что зачастую осуществление правосудия сталкивается с формальным подходом, буквальным толкованием нормативных предписаний, отсутствием отсылки к общеправовым и отраслевым принципам права. Наряду с этим, порой наблюдается и игнорирование судами общей юрисдикции позиций высших судебных органов, касающихся содержания принципов национального и международного права. Именно это повлияло на недостаточную эффективность правовых реформ конца прошлого столетия, интенция которых была связана с усилением роли КС РФ в общем правовом регулировании. Именно постановления КС Суда РФ в наибольшей степени эксплицируют те интерпретации норм права, которые систематически и логически связаны с содержанием принципов права (зачастую в его же собственном толковании).

Представляется допустимым утверждать о трансформации судебной практики посредством выработки правовых позиций КС РФ. Тем самым происходит экспликация правовой реформы, так как ее осуществление предполагает нахождение системных смыслов, а не формально-буквальное следование тексту. В указанном процессе принимают участие и Пленум, а также отчасти и Президиум ВС РФ[1], однако эта деятельность не входит в предмет исследования настоящей статьи. Благодаря деятельности высших судов, интенциональность правовой реформы не ограничивается исключительно правовым бытием. Она оказывает воздействие на сознание как лиц, непосредственно участвующих в ее реализации, так и широкие общественные слои, рефлексия которых выступает экспликацией эффективности правовой реформы.

[1] Например: О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 3 марта 2015 г.) // Российская газета. 1995. 28 декабря.

Правовая позиция суда — явление на данный момент достаточно распространенное, однако не получившее завершенного понимания в отечественной юридической науке. Ранее чаще использовалось понятие «правоположение». Затем утвердился термин «правовая позиция», для объяснения которого пока не выработано некое универсальное понятие. Проведенный авторами ранее анализ содержания данного понятия продемонстрировал, что в него вкладываются довольно разнообразные правовые явления[1].

Правовые позиции можно именовать и просто в качестве позиций судов. Хотя суд и не уполномочен на правотворчество, тем не менее он устанавливает смысл норм права, внося в их понимание определенности. Независимо от признания регулятивного характера судебной практики, суд в любом случае высказывает позицию по поводу смысла и интерпретации правовых предписаний. В этом плане термин «правовая позиция» несколько тавтологичен: неправовые позиции суда, даже если они и высказаны, то по большому счету для нас они не имеют почти никакого значения.

Следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, мнение суда вырабатывается в результате процессуального взаимодействия между участниками процесса; стремится к объективности, однако в большей степени носит интерсубъективный характер. Результаты правовой реформы тем самым не могут быть полностью предопределены заранее, особенно по причине слабой предсказуемости социально-правовой динамики. Суд выявляет не столько пресловутую волю законодателя, сколько функционально пытается совместить идеальное (созданный априори текст) с материальным, с эмпирической реальностью.

Во-вторых, разрабатывая законопроекты, правотворческие субъекты создают (или корректируют) каркас правил, по которым, возможно, как это часто бывает, еще отсутствует практика их толкования и применения. Здесь весьма важно, чтобы судебное толкование шло в русле правового прогресса, то есть носило максимально системный, логический характер, ставя цель найти понимание норм права, исходя из национальных и международ-

[1] Судебная практика в правовой системе России : научные очерки / А. В. Краснов [и др.]; под науч. ред. Т. В. Губаевой, А. В. Краснова. Казань, 2021. С. 58–59.

ных принципов права, а также правоинтерпретационной деятельности КС РФ, ВС РФ.

В постановлении от 4 апреля 2024 году № 15-П КС РФ[1] указал, что судебные органы отказали во взыскании работнику денежной компенсации по ст. 395 ГК РФ[2], которая была вызвана несвоевременным исполнением судебного акта, сославшись на отсутствие соответствующих указаний в ст. 236 ТК РФ[3]. Далее последовательное толкование правовой ситуации, исходя из ст. 2, 7, 46, 751 Конституции РФ, позволило КС РФ сделать вывод о том, что исполнение судебного решения с нарушением сроков со стороны работодателя означает умаление соответствующих прав работника. По существу, судебные инстанции истолковали норму буквально, не применив расширения и некоторой аналогии, несмотря на наличие известных положений Конституции РФ. В итоге нормы не признаны неконституционными, однако сформулирована правовая позиция, предполагающая более справедливое их истолкование.

В другом постановлении КС РФ выявил слишком узкое понимание «улучшения правового состояния» при решении вопроса об использовании обратной силы применительно к назначению административного наказания[4]. В частности, судебные инстанции формально и достаточно буквально посчитали, что такое улучшение может быть связано только с уменьшением объема административного наказания. Тем не менее было выявлено, что улучшение может касаться также учета количества совершенных административных правонарушений, который, в свою очередь,

[1] По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сысоева : постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2024 г. № 15-П // СЗ РФ. 2024. № 16, ст. 2290.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[3] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3.

[4] По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7, части 5 статьи 4.4, части 1 статьи 15.25, пункта 2 статьи 31.7, статьи 31.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 260 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Воплощение» и общества с ограниченной ответственностью «СИБТЕК» : постановление Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2024 г. № 14-П // СЗ РФ. 2024. № 15, ст. 2127.

может повлиять на решение вопросов фискального характера, то есть в итоге было дано распространительное толкование относительно определенного понятия «улучшение положения».

На некоторую расширительную корректировку норм указано и в рамках постановления по поводу содержания ч. 1 ст. 53 УК РФ. Речь идет о возможности конкретизировать наказание в виде ограничения посещения определенных мест запретом приближаться к местам, где потерпевший может находиться регулярно[1].

В-третьих, возникающие по мере социальной динамики обстоятельства, как бы не парадоксально звучало, могут в некотором плане приводить к корректировке содержания правовой реформы, а порой и даже ее целей. В качестве примера здесь можно привести постепенный отказ от использования высшей меры наказания[2].

В-четвертых, несмотря на отсутствие полномочий у судов РФ заниматься правотворчеством, формирование смыслового образа через правоинтерпретацию фактически имеет место, что является закономерным с точки зрения понимания текста, который может толковаться главным образом в процессе его реализации, то есть перевода в правовое поведение. В этом плане правовая реформа в любом случае предполагает трансформацию судебной практики: новые тексты будут порождать новые варианты интерпретаций. Таким образом, имеет место круговорот правового регулирования в общественной жизни: от общих и абстрактных правил поведения к их толкованию и властной индивидуализации в рамках правоприменения, далее через обобщение судебной практики к формулированию новых правил поведения для новых

[1] По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 4-П // СЗ РФ. 2024. № 7, ст. 1032.

[2] По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П // СЗ РФ. 1999. № 6, ст. 867.

правовых реформ. Множество примеров такого рода можно также найти в работе А. Р. Султанова[1].

Проведенная в России реформа различных видов судебного процесса в значительной степени была подготовлена практикой КС РФ, в частности, формулированием позиций, касающихся возможности обжалования в кассационном порядке судебных актов субъектами, не имеющими отношения к данному судебному процессу, в отношении которых в судебном акте есть индивидуальные правовые предписания. Нормы действовавшего двадцать лет назад законодательства не предусматривали этой возможности, отсылая таких лиц к надзорному производству, которое является менее доступным. Наконец, КС РФ выработал правовую позицию, согласно которой смысл ст. 336 ГПК РФ не может давать возможность отказывать в приеме жалобы в кассационном порядке тем субъектами, которые в деле никак не участвовали, если участники процесса сами не подали соответствующую жалобу[2].

В-пятых, в рамках судебной практики могут решаться вопросы аксиологических коллизий, а именно столкновения в правовом регулировании равнозначных правовых ценностей. Успешность правовой реформы предполагает достижение бесколлизионности, что также может находить решение в рамках судебных разбирательств. К примеру, в конституционном процессе были сопоставлены такие правовые ценности, как, с одной стороны, защита неприкосновенности и тайны частной жизни, а, с другой — безопасность ребенка[3]. В конечном счете была высказана правовая позиция, в соответствии с которой забота о безопасности ребенка посредством использования специального приложения на телефоне ребенка, позволяющего прослушивать происходящее вокруг

---

[1] См.: *Султанов А. Р.* Борьба за право на обжалование. Москва, 2022. 590 с.

[2] По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» : постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П // СЗ РФ. 2006. № 10, ст. 1145.

[3] По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке : постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П // СЗ РФ. 2024. № 5, ст. 763.

него, не может рассматриваться в качестве состава преступления по ст. 137 УК РФ[1].

Более сложной предстала коллизия правовых ценностей частноправового характера. Так, КС РФ в рамках постановления рассматривал проблему соотношения, с одной стороны, права на сдачу своего жилого помещения в краткосрочный найм, а с другой — права и законные интересы соседей, также выступающих собственниками жилых помещений[2]. Соответствующая норма ЖК РФ[3] (ч. 3 ст. 17) не была признана конституционной (сам по себе запрет на краткосрочный найм отсутствует, тем более новый запрет не может вводиться судебным органом, так как использование новых правовых средств означало бы прямое правотворчество), однако было указано, что она должна толковаться в том смысле, что в конкретном деле нужно учитывать неудобства соседей, которые должны быть существенно иным, чем при обычном использовании жилого помещения. Однозначный вывод в итоге не был сформулирован. По существу, лишь оценка возможного вреда от злоупотреблений своим субъективным правом на сдачу жилья в краткосрочный найм должна учитываться применительно к конкретным юридическим спорам.

Таким образом, при осуществлении правовой реформы судебная практика связана с процессами собственной трансформации. Последняя охватывает изменения в смыслах и интерпретациях новых или измененных правил поведения, которые происходят диалогически в результате интерсубъективного обмена позициями со стороны участвующих в деле лиц и самого суда. Тем самым судебная практика в своей трансформации эксплицирует внутреннее содержание и цели правовой реформы.

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

[2] По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.Е. Бахирева : постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 2023 г. № 9-П // СЗ РФ. 2023. № 14, ст. 2547.

[3] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г., с изм. от 25 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14.

УДК 34.047

Кузьмин И. А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Проблемы и перспективы реформирования системы правовых наказаний в России: взгляд теоретика

Правовые реформы являются важной политической основой для обеспечения реализации важнейших юридических решений в государстве, направленных на совершенствование правотворческой, правоприменительной и иных видов юридической деятельности, между тем, как верно отмечают Е. В. Скурко и Д. М. Милосердова, «…вопрос правовой реформы — один из важнейших в проблематике правового развития в целом, однако в прямой своей постановке <…> в большинстве современных правовых систем — формулируется сравнительно редко»[1]. В толковых словарях под редакцией С. А. Кузнецова[2], авторством С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой[3] понятие «реформа» сводится к преобразованию (изменениям), переустройству в какой-либо сфере общественной жизни или области знаний.

Правовая реформа с документальной (статической) точки зрения представляет собой программный документ, призванный систематизировать поддающиеся контролю проявления государственно-правовой сферы и протекающие в ней различные юридические процессы, выделенные по предметному критерию и ставящие в качестве ориентиров собственно развития социально-

[1] См.: *Скурко Е. В., Милосердова Д. М.* Правовая реформа в динамике правовых институтов: некоторые вопросы теории и практики // Гражданин и право. 2018. № 7. С. 3.

[2] См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000. С. 1120.

[3] См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва, 2006. С. 678.

© Кузьмин И. А., 2024

значимые цели и принципы. С процедурной (функционально-динамической) позиции правовая реформа выражена в непосредственном осуществлении уполномоченными публичными и частными субъектами преобразований в юридической и смежных сферах на основе соответствующих программных планов, стратегий и иных «реформаторских» документов.

В зависимости от охвата правовые реформы условно могут быть разделены на всеобщие (охватывающие все или большую часть объектов правового регулирования) и специальные (охватывающие отдельные объекты правового регулирования).

Первая попытка разработать концепцию всеобщей правовой реформы в новейшей истории России предпринята в 1995 году, когда действующим Президентом РФ был издан Указ от 6 июля 1995 года № 637 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации». Согласно положениям документа разработка концепции правовой реформы в РФ была признана необходимой, а основными ее элементами названы вопросы правового обеспечения «…важнейших направлений формирования и функционирования российской государственности и развития полноценного гражданского общества» (п. 2)[1]. В данном понимании термин «правовая реформа» по своему объему приближается либо совпадает с объемом термина «правовое реформирование».

Специальные правовые реформы, как правило, носят узкопредметный характер и имеют цель совершенствование отдельных элементов правовой сферы и смежных элементов иных сфер общественной жизни. В данном значении термин «правовая реформа» употребляется гораздо чаще. К примеру, В. М. Морозов рассматривает правовую реформу как часть реформаторского процесса в стране, как инструмент проведения необходимых реформ в иных областях за счет поддержания баланса интересов, экономической стабильности и роста, а также развития гражданского общества[2]. З. Ш. Матчанова подтверждает, что актуаль-

[1] О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации : указ Президента РФ от 6 июля 1995 г. № 637 // Президент России : сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8041 (дата обращения: 10.05.2024).

[2] См.: *Морозов В. М.* Правовая реформа как фактор становления российской государственности // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4. С. 95.

ность разнообразных правовых реформ в свете требуемой действенности права никогда не ослабевает, при том что в нашей стране проводится большое количество реформ, порождающих теоретико-правовые проблемы в понимании их природы и обусловливающих потребность в классификации[1].

В Указе Президента РФ от 1 июля 1996 г. № 1008 «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» в числе элементов правовой реформы были названы развитие и совершенствование нормативной правовой базы рынка ценных бумаг и повышение эффективности судебной системы в целом (п. 8). Согласно Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года», развитие соответствующей сферы осуществляется в русле общего курса экономических, социальных и правовых реформ.

По уместному замечанию А. В. Малько, правовая реформа выражена в комплексном прогрессивном изменении правовой системы, повышении качества правовой жизни общества, которые содействуют наиболее полной реализации и защите прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем успешность завершения правовой реформы напрямую зависит от системности, планомерности и научной обоснованности деятельности, лежащей в основе реформы[2].

Отдельные негативные последствия методологической и методической непроработанности правовой реформы подметил Е. В. Скурко. Он пишет о том, что параллельные процессы реформирования гражданского и уголовного права приводят данные отрасли законодательства во всю большую рассогласованность. Исследователь предлагает «снизить градус» увлеченного

---

[1] См.: *Матчанова З. Ш.* Правовые реформы в Российской Федерации: международно-правовое измерение // Научное мнение. 2014. № 5. С. 55.

[2] См.: *Малько А. В., Игнатенкова К. Е.* Правовая политика и правовая реформа в современной России (обзор материалов Круглого стола) // Государство и право. 2009. № 4. С. 100.

реформирования базовых отраслей законодательства и их ключевых институтов, обращаясь к объективным факторам и потребностям общественного развития[1].

В. В. Трофимов убежден, что научной основой правовых реформ может выступать только такая юридическая политика, которая базируется на научных основах. При этом научные основы должны охватывать не только деятельность соответствующих субъектов правовой политики (уполномоченных органов и организаций, их должностных лиц) по рассмотрению различных правовых вопросов, а весь процесс принятия и реализации правовых решений начиная «…с момента формулирования правовой идеи до мониторинга аспектов правовой социализации принятых юридических норм)»[2].

А. Р. Гильмуллин также связывает реформирование законодательства и изменение правовых институтов «…с доктринальными представлениями о праве и государстве, а также с общественным мнением»[3].

Р. Я. Рябцев полагает, что правовая реформа подразумевает прогнозируемые и условно-контролируемые изменения в правосознании представителей государства и рядовых граждан посредством проведения в жизнь социально оправданной государственной идеологии, позволяющей создавать механизмы правового воспитания для формирования нового правосознания[4].

Л. В. Каткова и О. А. Мекка утверждают, что государственная идеология современной России последовательно и целеустремленно формирует у граждан определенное отношение к реформам начала 90-х годов XX века, как «…к отвлеченным и абстрактно-либеральным, от которых хотя и не следует одно-

---

[1] См.: *Скурко Е. В.* Правовая реформа: конкурентоспособностью законодательства и правовой системы как политическая и экономическая перспектива // Гражданин и право. 2016. № 6. С. 36.

[2] *Трофимов В. В.* Правовая политика как научная основа правовых реформ // Государство и право. 2010. № 6. С. 102–103.

[3] *Гильмуллин А. Р.* Правовая доктрина в механизме Российского государства (теория и практика) : монография. Москва, 2019. С. 96.

[4] См.: *Рябцев Р. А.* Современная правовая реформа в России и правосознание. Теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 9, 14–15.

значно отказываться, но которые стоит скорректировать в сторону государственного патернализма, православия и народности»[1]. Интересно заметить, что в п. 3.1 приказа Следственного комитета РФ от 11 августа 2011 года № 127 «Об организации взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации и общественностью» работникам ведомства предписывается обеспечить разъяснение гражданам целей проводимой в стране правовой реформы.

В практике международных юрисдикционных органов также можно встретить узкий подход к пониманию правовой реформы, который сводится к образованию любых новых правовых институтов в национальную правовую систему. Так, в п. 37, 38 Решения ЕСПЧ от 23 сентября 2010 года по жалобам № 27451/09 и № 60650/09 введение института компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (согласно Федеральному закону от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок») названо правовой реформой «…по введению нового внутреннего средства правовой защиты»[2].

Исходя из вышеизложенного, правовая реформа предстает в качестве комплексного правового явления, функционально выраженного в целеположенной, теоретически обоснованной и планомерной деятельности по преобразованию институциональных элементов государственно-правовой реальности, и вовлекающего в свою динамику различные правовые средства и методы, объединенные в конструкте «меры». Соответственно, правовая реформа может пониматься в широком (общая/всеобщая правовая

[1] *Каткова Л. В., Мекка О. А.* Правовая культура современного общества в свете конституционной реформы // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1. С. 183.

[2] По вопросу приемлемости жалоб № 27451/09 и № 60650/09 «Юрий Александрович Наговицын и Магометгири Хакяшевич Нальгиев (Yuriy Aleksandrovich Nagovitsyn and Magometgiri Khakyashevich Nalgiyev) против Российской Федерации» : решение Европейского суда по правам человека от 23 сентября 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2010. № 12.

реформа, связана с любыми актуальными реформаторскими изменениями в правовых институтах, элементах механизма публичной власти) и в узком смыслах (специализированная/специальная правовая реформа, связана с актуальными реформаторскими измерениями в конкретных правовых институтах, элементах механизма публичной власти).

Значимой частью общей правовой реформы является специальная реформа системы правовых наказаний[1]. К настоящему времени сложно говорить о едином законодательном подходе к реформированию всей совокупности правовых наказаний ввиду отсутствия соответствующих программных документов политико-правового характера.

Повышенное внимание государства и общества к вопросам возложения наказаний закономерно привело к оформлению научных граней категории «наказательная политика», общетеоретическому осмыслению которой посвящены работы В. А. Затонского, А. В. Малько, А. С. Родионовой, А. П. Шергина и некоторых иных правоведов. В частности, более десяти лет назад А. В. Малько указал, что правовая политика в сфере наказаний обладает особой значимостью и находится в процессе своего реформирования. Установление, отмена, ужесточение, смягчение и перегруппировка наказаний являются перманентными процессами, которые идут вне концепции единой правовой политики, способной привести упорядоченность, системную и научную обоснованность в данную сферу[2].

В одной из своих журнальных публикаций мы порассуждали о концептуальных проблемах системы правовых наказаний в РФ и пришли к мнению, что ведущим показателем эффективности правовых наказаний является достижение поставленных перед ними целей. Обозначенный процесс должен контролироваться и отслеживаться при помощи различных мониторинговых систем, а также находить отражение в предметных социологических, ста-

[1] О соотношении юридической ответственности и наказания. См.: *Толстик В. А.* Юридическая ответственность и наказание: проблема соотношения // Государство и право. 2023. № 10. С. 63–70.

[2] См.: *Малько А. В.* Правовая политика в сфере выстраивания системы наказаний в современной России // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 17–20.

тистических и иных специальных источниках. При этом имеется необходимость соразмерять реформаторские действия внутри системы правовых наказаний с основами правовой политики в сфере наказаний (которые еще только предстоит разработать и принять) и уже приступать к научным исследованиям в области теории юридической безнаказанности[1].

10 февраля 2024 года, выступая на V Съезде Российского общества политологов в Калининградской области, мы представили собственное видение концептуального подхода к структуре наказательной политики, которая должна структурно объединять общую часть (дефиниции, цели, задачи, принципы и функции наказания, приоритеты и ориентиры совершенствования системы наказаний и т. д.), содержательную часть (собственно состав системы правовых наказаний с выделенными подсистемами и инструментами их систематизации), организационно-функциональную часть (направления наказательной политики в различных сферах юридической деятельности), оценочную часть (подходы к оценке результативности правовых наказаний, соответствующие методики и группы показателей).

Тезис о неразрывной связи между специальной реформой системы правовых наказаний и наказательной политикой представляется очевидным. В силу данного обстоятельства отвлеченные размышления о реформе вне политического контекста и политике вне реформаторского курса мыслятся умозрительными и непродуктивными. Исходя из этого, правильным подходом к раскрытию заявленной темы будет обозначение объективных и субъективных проблем реформирования системы правовых наказаний с последующим определением перспективных мер по ее совершенствованию.

Мы выделяем следующие *объективные проблемы* реформирования системы правовых наказаний:

1) неосознаваемая в целом неотделимость условий человеческого существования от функционирования жестких норматив-

[1] См.: *Кузьмин И. А.* Концептуальные проблемы системы правовых наказаний (общетеоретическое) измерение (общетеоретическое измерение) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2023. Т. 33. Вып. 4. С. 692.

ных инструментов регулятивного воздействия, в числе которых наказание занимает ведущее место;

2) проходящие в российском обществе на современном этапе глобальные социально-политические и идеологические изменения, вызванные осознанием и переосмыслением истинной миссии, роли и ценностей нашего государства и народа, влияющие на идеологические ориентиры правовых наказаний;

3) существенные различия между подсистемами публично-правовых и частноправовых, материально-правовых и процессуально-правовых наказаний, что в значительной степени усложняет их совместное рассмотрение;

4) близость правовых наказаний к иным мерам государственного принуждения (меры защиты, меры безопасности и др.), в силу чего их не всегда получается четко разграничить;

5) иные объективные проблемы.

В качестве *субъективных проблем* реформирования системы правовых наказаний в России мы называем следующие:

1) отсутствие программных документов реформы правовых наказаний в России: основ государственной политики, концепции, программы, плана и т. д.;

2) непризнание очевидного тезиса о том, что наказание является мерой юридической ответственности любого вида и не имеет отраслевых (межотраслевых) рамок;

3) слабый уровень разработок в области теории правовых наказаний, которая затерялась в общей проблематике частной теории юридической ответственности;

4) инертность подходов к систематизации правовых наказаний и осуществлению правоприменительной деятельности в области их возложения;

5) иные субъективные проблемы.

Перспективы реформирования системы правовых наказаний в РФ с учетом реальных возможностей ресурсного и научно-технического потенциала нашей страны, а также наметившихся тенденций к качественному совершенствованию законодательства, оптимизации правоприменительной деятельности и движения в направлении построения гражданского общества представляются благоприятными. Для последовательного преодоления

обозначенных проблем реформирования системы правовых наказаний мы предлагаем осуществить следующие меры:

— разработать и утвердить Указом Президента РФ основы государственной политики РФ в сфере развития системы наказаний;

— ввести в действие мониторинг эффективности системы правовых наказаний на основе специальных индикаторов, показателей и шкал, адекватно отражающих актуальную динамику системы наказаний;

— преодолеть инертность подходов к систематизации правовых наказаний и осуществлению правоприменительной деятельности относительно их возложения за счет интенсификации государственных ресурсов и привлечения общественных сил к реализации политики в сфере развития системы наказаний;

— провести и периодически проводить аудит системы правовых наказаний, устранив ее противоестественные (например, судебный штраф) и неработающие (например, наказания за повреждение телефонов-автоматов) элементы;

— признать приоритет профилактического и правовосстановительного действия правового наказания над карательной направленностью этого института;

— добиться постепенного признания общеотраслевого характера правового наказания ведущими правовыми школами, распространив эту категорию на все виды и формы юридической ответственности;

— обеспечить, в том числе за счет грантовой и инвестиционной деятельности, углубление научных разработок в области теории и практики применения правовых наказаний в публичном и частном, а также в материальном и процессуальном праве;

— привлечь передовые достижения в области искусственного интеллекта и биоэтики для повышения качества выявления и фиксации правонарушений, возложения правовых наказаний и наполнения последних социально-ориентированным содержанием;

— пересмотреть подходы к кадровому и организационно-финансовому обеспечению деятельности по возложению наказаний, в том числе реализовать новые возможности достижения баланса между процессуальной экономией и эффективностью упомянутой деятельности;

— проработать с концептуальной и инструментальной позиций возможности установления наказаний за вред, причиненный общественным отношениям в ходе неудачных правовых реформ;

— принять иные меры, позволяющие в максимальной степени раскрыть регулятивный потенциал правового наказания как правового средства и института права в настоящее время и на перспективу, учитывая объективные границы и возможности рассматриваемого явления[1].

Таким образом, мы приходим к выводу, что развитие системы правовых наказаний должно осуществляться в ходе специальной реформы, политико-правовую основу которой еще предстоит подготовить. Для этого необходимо правильно определить объективные и субъективные проблемы на пути реформирования, а также наметить план перспективных мер по повышению эффективности системы правовых наказаний, учитывающий многообразие внешних и внутренних факторов, влияющих на соответствующую систему.

[1] См.: *Кузьмин И. А.* Объективные границы действия института наказания с позиции общей теории права // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 19.

УДК 343

Лавров В. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Юридическая ответственность в современном уголовном праве: вопросы дифференциации в ракурсе реформы

В условиях продолжающейся реформы отечественного уголовного законодательства, обусловленного этим развития форм, в которых, как принято считать, реализуется уголовная ответственность, небесспорной может показаться наша точка зрения о том, что действующим уголовным законодательством предусмотрено несколько самостоятельных видов юридической ответственности. Тем не менее мы полагаем, что их надлежащая дифференциация позволит верно определить магистральные направлениями современной уголовно-правовой политики, для которой характерно многообразие аспектов, ведь очевидно, что таковая не ограничена применением общеизвестных средств, известных как криминализация общественно опасных и декриминализация уголовно-противоправных деяний, а также пенализация и депенализация мер государственного принуждения.

Средством уголовно-правовой политики, несомненно, является и формирование законодательных моделей мер уголовно-правового характера, отличных от наказания по содержанию и основаниям их применения, поэтому представляется вполне возможным выявить то, что может служить маркерами дифференциации различных видов юридической ответственности, обнаруживаемыми как в области нормотворчества, так и в сфере правоприменения — отправления правосудия с сопутствующим формированием правовых основ охраны интересов социума в различных сферах в результате издания актов нормативного толкования действующего уголовного законодательства, а также внесения в него изменений и дополнений.

© Лавров В. В., 2024

Исходя из современных тенденций в указанной здесь области, а также возникающих законодательных инициатив, магистральные направления современной уголовной политики (в образном выражении «силовой установки» реформы уголовного законодательства, дальнейшего его развития), во многом детерминированные профилирующими и одновременно превалирующими видами юридической ответственности в рамках отдельной отрасли публичного материального права, отличаются многообразием, которое обусловлено различными уровнями возникновения и дальнейшего формирования этих направлений. Вполне целесообразным представляется отметить и описать отдельные из них, предварительно указав те виды юридической ответственности в современном отечественном уголовном праве.

Очевидно, что уголовная ответственность, реализуемая в известных формах (осуждение за содеянное к наказанию с реальным его отбыванием, условное осуждение и т. д.), не является единственным видом юридической ответственности за общественно опасное деяние, признаваемое преступлением. Дело в том, что такие меры уголовно-правового характера, как принудительные меры воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 90 УК РФ), применимы как при освобождении несовершеннолетнего лица от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 90 УК РФ), так и при ее реализации путем вынесения в отношении такого лица обвинительного приговора с освобождением от наказания и назначением указанных мер (ч. 2 ст. 90 УК РФ)[1].

Судебный штраф — относительно новая (по историческим меркам) для отечественного уголовного права мера уголовно-правового характера — применим только при освобождении лица от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 104^4 УК РФ). Очевидно, что указанные меры уголовно-правового характера, поскольку они применимы при освобождении от уголовной ответственности, выступают формой реализации другого, альтернативного уголовного вида юридической ответственности за совершение преступления, какой, однако, также предусматривается нормами уголовного права. Кроме того, отдельный самостоя-

[1] О соотношении юридической ответственности и наказания См.: *Толстик В. А.* Юридическая ответственность и наказание: проблема соотношения // Государство и право. 2023. № 10. С. 63–70.

тельный вид юридической ответственности, предусмотренный нормами уголовного права, с соответствующей ему формой реализации составляет применение конфискации имущества, которая ни только не является видом наказания, но и характеризуется принципиальными отличиями от одноименного наказания, на смену которого и пришла рассматриваемая мера уголовно-правового характера более двадцати лет назад.

Полагаем, что укрепление правовых основ применения конфискации имущества как меры уголовно-правового характера (гл. 15[1] УК РФ), отличной от предусмотренных действующим российским Уголовным законом наказаний, должно рассматриваться в качестве одного из приоритетных направлений уголовной политики, какое может быть намечено только на уровне нормотворчества высших органов представительной власти. Полагаем, что в действующем законодательстве не сформированы адекватные юридической сущности конфискации имущества, уголовно-процессуальные основы применения этой меры уголовно-правового характера, а применение судами такой меры по истинному ее назначению в отечественной правовой системе, какое диктуется буквой и духом норм уголовно-правового института конфискации имущества (гл. 15[1] УК РФ), в современных условиях заходит в законодательный тупик. Он образован взаимосвязанными положениями п. 4[1] ч. 3 ст. 81 «Вещественные доказательства», п. 4[1] ст. 307 «Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора», а также ст. 308 и 309 УПК РФ «Резолютивная часть обвинительного приговора» и «Иные вопросы, подлежащие решению в резолютивной части приговора», соответственно.

Проблема состоит в том, что ни одной из указанных норм не определено, как должен решаться вопрос о применении конфискации имущества, образующего доходы от преступной деятельности, если таковое не является вещественным доказательством по уголовному делу. Разумеется, и руководящие разъяснения Пленума ВС РФ, какие содержатся в Постановлении от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», не могут восполнить этого пробела, выступая лишь интерпретационным актом, ведь акт нормативного толкования, как

известно, не может подменять закона ни функционально, ни тем более юридически, особенно, если закон этот уголовно-процессуальный.

Таким образом, решение затронутой проблемы лежит в другой плоскости. Соответствующие изменения и дополнения, какие способны изменить архитектонику всего комплексного межотраслевого института применения меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества, какой со времени его появления в отечественном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве по-прежнему находится в состоянии, близком к эмбриональному, могут стать результатом только законодательной реформы этого института. Для ее осуществления юридической наукой могут быть предложены различные теоретические модели, в частности, может быть разработан проект отдельного процессуального института производства по применению конфискации имущества. Его основной чертой должна быть полная автономия (то есть обособленность) производства по обнаружению и обращению взыскания на имущество, образующего доходы от преступной деятельности, а также используемого или предназначенного для использования в преступных целях, от производства по уголовному делу о преступлении. В этой связи в качестве характерного принципа такого института должна выступать проходящая красной нитью по ряду его норм опровержимая презумпция преступного происхождения подлежащего конфискации имущества, образующего доходы из неустановленных источников, которое обнаруживается в фактическом обладании виновного или аффилированных с ним лиц.

Магистральным направлением современной уголовной политики должно признаваться и упрочнение правовых основ соблюдения отраслевого принципа законности (ст. 3 УК РФ). Это необходимо в первую очередь для того, чтобы исключить из практики применение норм отечественного Уголовного закона по аналогии, какое получает последнее время относительно широкое распространение.

Действительно, на сегодняшний день в практике местами укореняются начала применения норм уголовного законодательства по аналогии. Это относится, например, к решению правоприменителем (органами предварительного расследования и су-

дами) вопросов квалификации изъятия или обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, совершенного исключительно посредствам использования виновным своего служебного положения и предоставленных ему в этой связи полномочий, а не путем обмана или посредством присвоения вверенного имущества лицом с использованием его служебного положения. Подобное происходит по той простой причине, что со времени принятия и введения в действие в 1997 году УК РФ часто наблюдается дефицит (местами даже острый) нормативно-правового материала — уголовно-правовых запретов, адекватных современным формам общественно опасной деятельности, а также смыслового и соответствующего ему нормативного наполнения законодательных моделей отдельных мер уголовно-правового характера.

Достаточно вспомнить, что со времени введения в действие УК РФ и до криминализации посредничества во взяточничестве и через некоторое время — в коммерческом подкупе (ст. 291[1] и 204[1] УК РФ, соответственно) прошло без малого пятнадцать лет. Все это время превалирующей в практике и даже в доктрине была правовая позиция, согласно которой подобного рода общественно опасная деятельность должна была квалифицироваться как пособничество дачи и/или получению взятки или коммерческого подкупа, что имплицитно требовало от правоприменителя давать уголовно-правовую оценку содеянному по аналогии. Именно так, поскольку посредничество при передаче незаконного вознаграждения функционеру (то есть взятки или коммерческого подкупа) лишь в редких случаях приобретает одну из известных форм материального или интеллектуального пособничества, какие указаны в ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Рассматривая проблемы дифференциации видов юридической ответственности, а также определения магистральных направлений уголовной политики, уместно вспомнить о том, что в конце 2022 года получила огласку инициатива по криминализации русофобии — установлению уголовной ответственности за дискриминационные действия в отношении граждан РФ и соотечественников, проживающих за рубежом, а также публичные призывы к дискриминации их по признаку происхождения или языка, путем внесения в УК РФ ст. 136[1] соответствующего со-

держания. Подобное следует рассматривать в качестве одного из направлений современной уголовной политики — пока периферийного, но приобретающего тенденцию трансформации в магистральное.

В этой связи полагаем, что одной лишь криминализацией общественно опасных действий дискриминационного характера, как равно и публичных призывов ***к осуществлению*** дискриминации по национальному признаку, здесь не обойтись. С одновременным признанием такого рода деятельности уголовно-противоправной, по нашему мнению, следует пенализовать, то есть признать законодательно видами наказаний, назначаемых обвинительным приговором суда, отдельных принудительных по своему характеру мер воздействия, известных отечественной правовой системе и предусмотренных нормами других, отличных от уголовного отраслей права. В подобном качестве в перспективе может рассматриваться признание судом нежелательности пребывания (проживания) в РФ иностранного гражданина или апатрида, не проживающего в РФ постоянно, с запрещением таким лицам въезда в пределы территории на определенный срок. Такая мера государственного принуждения в порядке ее пенализации может быть признана законодательно видом наказания путем внесения соответствующих дополнений в УК РФ.

Обращает на себя внимание очевидное парадигмальное сходство рассматриваемой меры государственного принуждения с некоторыми из известных национальной правовой системе России видов наказаний, предусмотренных или предусматривавшихся ранее в уголовном законодательстве, в частности, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), лишением специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), а также увольнением от должности (ст. 31 УК РСФСР) и общественным порицанием (ст. 33 УК РСФСР). Это обстоятельство является дополнительным аргументом в пользу всемерного признания такой теоретической модели предлагаемого законодательного решения.

Ожидаемый эффект от пенитенциарного (штрафного) воздействия, какое будет оказываться на осужденного в результате применения обсуждаемой меры в формате наказания, назначае-

мого по обвинительному приговору суда, может быть заметно усилен, если внести некоторые дополнения и в уголовно-исполнительное законодательство. Суть предлагаемых дополнений может быть сведена к установлению обязанности органов, исполняющих наказания, по направлению по дипломатическим каналам сведений о применении судом наказания в виде признания нежелательности пребывания в России иностранного гражданина с запрещением ему въезда в РФ, властям государств, вступивших с Российской Федерацией в различные альянсы (ОДКБ, БРИКС и т. п.).

УДК 343.1

Ламтева А. В.,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Методологические аспекты уголовно-процессуальной реформы сквозь призму исторических типов уголовного процесса

«Реформа», если данную категорию рассматривать сквозь призму ее составляющих, состоит из *re-* и *-form-*, что можно трактовать как изменение формы, которая, с точки зрения уголовно-процессуального подхода, рассматривается как порядок. Таким образом, уголовно-процессуальная реформа — это изменение господствующего порядка производства по уголовному делу, которое влечет за собой изменение и процессуального содержания. В соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ именно уголовно-процессуальным законом устанавливается порядок уголовного судопроизводства.

«Главная цель реформ — превратить Россию в сильное, демократическое государство, обеспечивающее фундаментальные права и свободы человека, высокий жизненный уровень населения, авторитетное на международной арене»[1].

Одна из наиболее ярких процессуальных реформ — это принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 года, которым ознаменован официальный переход от следственного к состязательному типу уголовного процесса. Это наглядный пример прогрессивной уголовно-процессуальной реформы, когда имели место кардинальные уголовно-процессуальные изменения с целью трансформации уголовного судопроизводства в более демократический социально ориентированный институт, приближающий страну в целом к гражданскому обществу. Предпосылки этого перехода представляют для нас существенный интерес.

[1] Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. Москва, 2013. С. 168.

© Ламтева А. В., 2024

Приведем одну из точек зрения на причины реформы 1864 года: «Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма <…> лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу»[1]. Полагаем, что изменение господствующего процессуального типа со следственного на состязательный стало одним из следствий крестьянской реформы 1861 года.

«В.И. Ленин писал о возникновении в России государства переходного типа (от феодального к буржуазному) в период проведения буржуазных реформ 1860-1870-х гг.»[2].

Приведенные выше цитаты свидетельствуют о том, что реформа XIX века, повлекшая изменение господствующего типа уголовного процесса, была связана с изменением правосознания общества, массово воспринятыми идеями равенства, справедливости, гласности. Частичная трансформация государства в буржуазное повлекла корректировку и уголовно-процессуальной сферы. Это привело к тому, что обвиняемый стал рассматриваться в качестве стороны по уголовному делу, имеющей право на самозащиту и помощь профессионального адвоката, перестал быть исключительно объектом исследования. Из судебного арсенала исчезло такое итогово-промежуточное решение, как оставление в подозрении. Расширился процессуальный инструментарий собирания доказательств, и кардинально изменилась технология их оценки. Отказ от формальной теории оценки доказательств, в которой имеющие значение для уголовного дела сведения обладали заранее установленным весом, в пользу свободной теории и практики оценки доказательств способствовал действительному приближению к объективной истине по уголовному делу, сделал судей более свободными и независимыми в принятии решений по разрешаемому по существу делу, потому как судьи стали оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению и с учетом полной совокупности доказательств. Идея разделения трех процессуальных функций, ранее сосредоточен-

[1] *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Москва, 1957. С. 749.

[2] Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. Москва, 2013. С. 85.

ных в руках одного субъекта, также символизирует процессуальный переход к состязательному типу уголовного процесса.

Нам импонирует точка зрения о том, что как только у судей была изъята функция обвинения с сохранением задачи по разрешению уголовного дела по существу, уголовный процесс стал состязательным. Этот лейтмотив ознаменовал смену отечественного типа на более демократический, прозрачный и понятный обществу, подчиненный процессуальным срокам, где на первом месте стоит гражданин, учитываются его здоровье, семейное положение, процессуально-правовой статус личности.

Размышляя о переходе от следственного к состязательному типу уголовного процесса, приведем следующую цитату: «...Франціи обязана континентальная Европа первымъ шагомъ – позаимствованіемъ началъ гласнаго суда и суда присяжныхъ въ Англіи…»[1]. Реформе 1864 года предшествовало решение о создании основных положений, главных началах, с опорой на которые целесообразно вносить изменения в господствующий уголовно-процессуальный тип. Были разработаны Основные положения уголовного судопроизводства от 29 сентября 1862 года. В них содержались идеи отделения обвинительной власти от судебной; каждое дело решалось не более чем в двух судебных инстанциях; важнейшее новшество — отменена подсудность в зависимости от сословий: в уголовное судопроизводство введена идея равенства участников уголовного процесса. В дальнейшем эти главные начала были опубликованы государственной канцелярией, и каждый профессор, судебный или административный деятель и граждане, интересующиеся судебной реформой, могли прислать свои замечания. Стал формироваться проект закона: «Судъ признанъ въ Россіи общественнымъ деломъ и какъ всякое общественное дело ведется гласно, публично <…> къ отправленію правосудія привлечено общество въ лице своихъ представителей – присяжныхъ заседателей»[2].

О переходе от следственного типа уголовного процесса к состязательному ученые царского периода пишут следующее: «…Нетъ и не можетъ быть никакой существенной связи и даже простого сходства между двумя юридическими сферами – от-

[1] *Духовской М. В.* Русскій уголовный процессъ. Москва, 1910. С. 17–18.
[2] *Духовской М. В.* Русскій уголовный процессъ. Москва, 1910. С. 21.

жившей и начинающей жить…»[1]. Такое кардинальное воззрение, с одной стороны, кажется справедливым, а с другой — в следственном типе уголовного процесса есть множество достоинств, которые были заимствованы новой состязательной формой (концепция ведения уголовного дела, необходимость сбора доказательственной базы до судебных стадий и др.).

В этой связи мы полагаем, что имела место не процессуальная революция, когда более демократический тип победил другой, антидемократический, а кардинальная процессуальная эволюция, когда следственный тип трансформировался в состязательный. Данный переход правильно именовать прогрессивной процессуальной реформой.

Отметим несколько индикаторов состязательного типа уголовного процесса России XIX века. Суд присяжных функционировал, базируясь на французской модели суда ассизов: заседали трое коронных судей, один из которых был председательствующим, и 12 присяжных. Особенности судебной структуры XIX века: *суды мировые*, включавшие мировых судей (первая инстанция) и съезд мировых судей (вторая инстанция), и *суды общие* — окружные суды (суд первой инстанции для большинства составов, функционировал в двух формах: три профессиональных судьи либо три судьи и 12 присяжных), судебные палаты (суд первой и второй инстанций), уголовный кассационный департамент Сената[2], Верховный уголовный суд.

В судебное ведомство были включены следователи. Прокуратура и адвокатура были созданы при судебных местах. Коллегиальность судей и их несменяемость служили процессуальными гарантиями судебной системы.

В итоге произведенного нами анализа представим несколько гносеологических гипотез.

1. Процессуальную реформу следует отличать от модернизации, понимаемой как процесс обновления текущего законодательства под актуальные потребности общества. Действующий УПК РФ вступил в силу в 2002 году. Внесенные в него изменения являются правовой модернизацией и оптимизацией. Реформа ведет к изменению формы в общих положениях, в принципах

[1] *Духовской М. В.* Русскій уголовный процессъ. Москва, 1910. С. 21.
[2] См. там же. С. 758.

и общих условиях уголовного судопроизводства. Если мы говорим о введении, например, срока, на который может избираться залог (на два месяца), но при этом не меняются суть и содержание данной меры пресечения, то такое процессуальное новшество именоваться реформой не может.

2. Изменения в форме правления (монархия, республика) влекут за собой изменения в содержании уголовно-процессуального типа.

3. С точки зрения формационного подхода к государственной типологии, например, при переходе от рабовладельческого государства к феодальному, также может кардинально измениться господствующая система принципов, технологий и уголовно-процессуальных институтов.

4. Предлагаем следующую классификацию уголовно-процессуальных реформ: *содержательная* (выделение сплошной и выборочной кассации, корректировка института приостановления производства по уголовному делу и др.); *методологическая* (изменение системы принципов, общих условий, задач); *оптимизирующая* (дознание в сокращенной форме, проведение судебного заседания при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением); *корректирующая* (массовое устранение нестыковок статей УПК РФ: ч. 1 ст. 170 УПК РФ не стыкуется с ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ). Можно говорить о процессуальной реформе *кардинальной* (имеет место при переходе от одного процессуального типа к другому) и *локальной* (внутри действующего типа).

5. Сконструируем следующую систему видов уголовного преследования: *инициативный* (зависит от волеизъявления гражданина, реализации им своего диспозитивного права); *государственный* (должностные лица реагируют на каждый преступный факт, защищая права пострадавшего); *народный* как высший институт проявления гражданского общества. Полагаем, что на смену действующему частному и частно-публичному виду уголовного преследования в перспективе может прийти народный, то есть уголовные дела смогут быть возбуждены не только по заявлению пострадавшего, но и любого лица, члена общества, которое заинтересовано в общественной безопасности, стало очевидцем преступления и обратилось в отдел полиции. Сегодня имеет место юридическая фикция в части трех видов уголовного

преследования, указанных в ст. 20 УПК РФ. Считается, что если преступление имело место, но по нему не было написано заявления (дела частного и частно-публичного уголовного преследования), то полиция такие уголовные дела возбудить и расследовать не вправе, то есть преступление произошло, но для сотрудников правоохранительных органов его нет.

Полагаем, что «секретные ингредиенты», отделяющие модернизацию от прогрессивной реформы, — это глобальность, основательность, задействование общественности в обсуждении и создании новых уголовно-процессуальных институтов.

В контексте уголовно-процессуальной реформы мы задаемся следующим вопросом: «Что первично: методологическая или праксеологическая составляющая?» В идеале должен иметь место симбиоз данных параметров при конструировании уголовно-процессуального закона, но в большинстве своем имеет место рабочая модель уголовного процесса, которая шлифуется методологическим инструментарием.

Как было отмечено выше, в 1864 году состоялась судьбоносная как для уголовного процесса, так и для всей страны в целом, реформа, связанная с переходом от следственного к состязательному типу уголовного процесса. Уголовное судопроизводство стало гласным, открытым, с возможностью участия суда присяжных наравне с профессиональными коронными судьями в разрешении уголовных дел по существу. В уголовном судопроизводстве процессуальный фокус сместился с процессуальной цели, сводимой к обвинению, на самих участников уголовного процесса, на их права, на содержание их показаний, на необходимость доказывать вину посредством разнообразных следственных действий. Эта реформа оживила уголовный процесс, сделала его гибким, ориентированным на достижение истины, понятным народу. Возможность быть соучастникам разработки основных начал, легших в основу Устава уголовного судопроизводства 1864 года, способствовала тому, что каждый гражданин проникся идеями состязательности, равенства, объективности, верой в том, что суд действительно может быть скорым, милостивым и справедливым. После 1864 года в сфере уголовного судопроизводства происходили микрореформы: суды с участием народных заседателей, отказ от суда присяжных и др. Мы полагаем, что в своей

основе действующий УПК РФ является продолжением идей Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Филиация футуристических гипотез:

1. Ближайшая реформа уголовного судопроизводства будет ориентирована на создание нового конвергентного типа уголовного процесса, в котором будут учтены нормы морали, особенности менталитета, традиции и общие ценности страны и общества, а также лучшие достижения всех предшествующих отечественных уголовно-процессуальных типов: обвинительного, следственного, состязательного, смешанного с учетом цифровизации, примирительных процедур и текущих потребностей общества. Неспроста сторонники цивилизационного подхода говорят о том, что цивилизацию формируют ее культура, особенности географического положения, исторического развития. Полагаем, что пройденный нацией культурный путь должен находить отражение в законодательстве страны, в господствующем типе уголовного судопроизводства.

2. Создание конвергентного типа уголовного процесса должно начаться с методологической реформы действующего УПК РФ, а именно с внесения коренных изменений в раздел I в главы с 1 по 4.

Рассмотрим действующий УПК РФ с точки зрения методологического удобства, а также выскажем несколько предложений по повышению степени структурированности и логичности базового закона.

Первое. Статья 5 УПК РФ содержит перечень понятий, которые используются в уголовно-процессуальном законе. Действительно ли это основные понятия? Кроме того, часть определений присутствуют в тексте самих статей (ст. 47 — «обвиняемый»; ст. 49 — «защитник»; ст. 56 — «свидетель», и др.). Как понять принцип конструирования общего списка, содержащего 62 основных пунктов и 14 подпунктов?!

Предлагаем в ст. 5 УПК РФ произвести следующие изменения:

А. Пункт 58, посвященный участникам уголовного судопроизводства, нуждается в замене своего смыслового содержания. Участник не должен определяться как лицо, принимающее участие. Здесь прослеживаются тавтология и раскрытие центрально-

го понятия через однокоренное слово. Предлагаем определять участника как субъекта уголовно-процессуальных отношений, выполняющего одну из четырех уголовно-процессуальных функций (обвинение, защита, разрешение дела, вспомогательная функция), обладающего процессуально-правовым статусом и участвующего на одной или нескольких уголовно-процессуальных стадиях.

Б. Целесообразно добавить п. 29.1 с названием «Принцип уголовного судопроизводства». Статья 2 УПК РФ посвящена принципам, аккумулирует их шестнадцать легислативных разновидностей, но само понятие законодателем не предложено. В поддержку нашего предложения выступает и тот факт, что гл. 2 УПК РФ включена в раздел I, именуемый основными положениями, что еще раз подчеркивает логичность конструирования центрального определения гл. 2 УПК РФ. Итак, мы предлагаем определять принцип как мировоззренческую идею высокой степени общности относительно должного и сущего, которая определяет сущность и назначение уголовного судопроизводства, его социальную направленность, процессуальный алгоритм по установлению объективной истины при расследовании уголовного дела, когда на первом месте выступают права и свободы участников уголовного судопроизводства, имеющих в деле признаваемый законом интерес.

В. Добавить в ст. 5 УПК РФ пункт 26.1 с наименованием «Предмет доказывания». Основная деятельность следователя и дознавателя направлена на установление восьми элементов общего предмета доказывания в соответствии со ст. 73 УПК РФ и в исключительных случаях — на установление дополнительных элементов специального предмета доказывания, согласно ст. 421 и 434 УПК РФ. В этой связи под предметом доказывания предлагаем понимать необходимую и достаточную совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, на основании которых у должностных лиц, ведущих процесс, появляется возможность установления объективной истины по уголовному делу.

Г. Считаем возможным добавить в ст. 5 УПК РФ пункт 41.2 с наименованием «Следственные действия». На данный момент в УПК РФ законодательное определение отсутствует, однако

необходимость его конструирования неоспорима. В арсенале следователя шестнадцать следственных действий. Именно с их помощью собираются оправдательные и обвинительные доказательства, устанавливаются общий и специальный предметы доказывания — это центральный процессуальный следственный инструмент, с помощью которого осуществляется расследование уголовных дел. Предлагаем следующее определение: это совокупность ознакомительных, экспериментальных, исследовательских и поисковых операций, направленных на установление объективной истины по уголовному делу.

Д. Пункты 61 и 62 ст. 5 УПК РФ добавлены последними в конце анализируемой статьи. Их местоположение не соответствуют ни логике с точки зрения содержательного объема, ни алфавитному порядку. В этой связи предлагаем п. 61 («Досудебное соглашение о сотрудничестве») переместить в новый пункт 9.1 ст. 5 УПК РФ. Пункт 62 («Педагог») должен следовать сразу после п. 24 («Органы дознания»). Общая проблема исследуемой статьи заключается и в том, что обилие пунктов и подпунктов не согласовано между собой. Например, п. 40 посвящен свидетельскому иммунитету, а п. 40.1 и 40.2 — следователям. В этой связи предлагаем ст. 5 УПК РФ избавить от всех вновь введенных новыми федеральными законами подпунктов, присвоив каждому основному уголовно-процессуальному понятию порядковый номер.

Второе. Сегодня в раздел I УПК РФ входят четыре главы. Мы предлагаем частично реконструировать его.

А. Глава 2 посвящена принципам. Как известно, принцип — это такая идея, которая пронизывает каждую из девяти стадий уголовного процесса. При этом в УПК РФ есть гл. 21 («Общие условия предварительного расследования») и 35 («Общие условия судебного разбирательства»). Приведенные общие условия по степени важности и фундаментальности не уступают уголовно-процессуальным принципам, но отличаются тем, что касаются только одной конкретной стадии. Полагаем, что было бы правильно гл. 2 УПК РФ переименовать следующим образом: «Принципы и общие условия уголовно-процессуальной деятельности». Фундаментальными для уголовного процесса, несмотря на систему из четырех обязательных стадий, на наш авторский взгляд, являются две: когда доказательства собираются (предва-

рительное расследование) и когда судья разрешает в суде дело по существу (производство в суде первой инстанции). В этой связи предлагаем общие условия разместить именно в общих положениях в гл. 2 УПК РФ.

Б. Глава 3 посвящена трем видам уголовного преследования: частному, частно-публичному и публичному. Полагаем, что данный раздел идеально вписывается в гл. 20 УПК РФ, посвященную порядку возбуждения уголовного дела в зависимости от видов уголовного преследования. На сегодняшний день обучающиеся изучают гл. 19 и 20 УПК РФ в отрыве от ст. 20 УПК РФ, это полностью нивелирует понимание содержания стадии возбуждения уголовного дела.

В. Глава 4 из общих положений должна быть передислоцирована также в гл. 20 УПК РФ и следовать логическим продолжением ст. 148. Полагаем, что целесообразно включить в УПК РФ отдельную главу, целиком посвященную отказу в возбуждении уголовного дела, прекращению уголовного преследования, в том числе посредством примирительных процедур.

Г. Предлагаем включить в ст. 1 УПК РФ часть четвертую следующего содержания: «Состязательный тип уголовного процесса регламентирован действующим уголовно-процессуальным законом. Установление объективной истины есть следствие качественного участия сторон в суде и выполнения ими своих профессиональных обязанностей, направленных на проверку доказательственной базы, собранной на досудебных стадиях». С развитием УПК РФ состязательный тип процесса будет трансформирован в конвергентный. В основе правосудного приговора должны лежать не борьба, не состязание, а истина в чистом виде. Сегодня в ряде случаев истине предшествует процессуальная комбинация: форма плюс содержание. В случае нарушения порядка производства следственного действия полученное истинное доказательство нивелируется и становится недопустимым.

Д. Статья 6 УПК РФ именуется как назначение уголовного судопроизводства, но при этом она расположена в гл. 2, посвященной принципам. Само назначение принципом являться не может. Это скорее своего рода синоним цели или задачам. Предлагаем данную фундаментальную для всего УПК РФ статью переместить в гл. 1, а именно сделать ст. 1.1, либо (как вариант)

назначение можно представить в форме преамбулы к УПК РФ, то есть она хронологически может предшествовать ст. 1 УПК РФ.

Третье. Предложим несколько изменений методологического плана, направленных на совершенствование отдельных институтов досудебного производства.

А. Всю систему следственных действий объединить в одну большую главу. Сегодня это главы с 24 по 27.

Б. Считаем возможным временное отстранение от должности считать не иной мерой процессуального принуждения, а мерой пресечения, так как она может быть применена только к подозреваемому или обвиняемому.

В. В качестве самостоятельного повода закрепить в ст. 140 УПК РФ сообщение сотрудника правоохранительных органов об обнаружении признаков преступления. Что касается сообщений, полученных из иных источников, то они по-прежнему могут оформляться рапортом сотрудника полиции или юстиции.

Г. Целесообразно расширить перечень следственных действий, которые можно производить до возбуждения уголовного дела в ходе доследственной проверки. К имеющимся можно добавить осмотр жилища, обыск в жилище и личный обыск (ст. 144 УПК РФ).

Уголовно-процессуальная реформа — это способ преобразования государства, поиск оптимального соотношения между тремя ветвями власти и интересами общества, приближение к демократизации, оптимизация применения уголовно-процессуальных процедур. Современный уголовный процесс является состязательным. В перспективе посредством сбалансированной качественной реформы он может стать конвергентным, ориентированным не на борьбу сторон, а на установление объективной истины по каждому уголовному делу.

УДК 343.103

Лапатников М. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Органы государственного обвинения как субъекты нейтрального уголовно-процессуального познания

Одной из базовых установок советского и постсоветского отечественного уголовного процесса выступает постулат о нейтральности познавательной деятельности следователя, прокурора, в соответствии с которой их работа должна определяться не интересами уголовного преследования, а вектором на беспристрастное исследование обстоятельств дела и принятие в соответствии с этим ключевых процессуальных решений. Статья 73 УПК РФ, несмотря на то, что и прокурор, и следователь отнесены этим же законом к стороне обвинения, обязывает устанавливать по делу все обстоятельства происшедшего, в том числе и факты, оправдывающие привлекаемое лицо.

По нашему мнению, указанная установка нуждается в критическом осмыслении, поскольку автор сомневается в том, насколько она выполнима в реальности. Мы в принципе не против объективного и беспристрастного исследования обстоятельств преступления и считаем, что подавляющее большинство процессуалистов, да и в целом людей, в том или ином виде причастных к уголовному процессу независимо от их идеологических и научных пристрастий, согласятся с тем, что все лица, наделенные государством полномочиями по раскрытию, расследованию преступлений, рассмотрению уголовного дел, по существу должны руководствоваться непредвзятостью и объективностью, даже если эта объективность по сути недостижима на настоящем витке развития человечества.

Считаем, что ответ на вопрос: «Могут ли следователь, прокурор выступать в качестве нейтрального искателя объективной истины?», тесно связан с определением типологии отечественно-

© Лапатников М. В., 2024

го уголовного процесса, поскольку утверждение о возможности такого беспристрастного исследования следует из практики в рамках реализации модели розыскного процесса. Розыскная модель нас здесь интересует по той причине, что мы отталкиваемся от аксиомы, что российский уголовный процесс по-прежнему остается в своей основе розыскным, хоть и с определенными элементами состязательности.

Конечно, тип отечественного уголовного процесса не соответствует архаичным формам розыска, но если отталкиваться от подхода А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, то квалифицируется нами как следственная разновидность процесса розыскного типа[1]. В рамках подхода указанных авторов следственный процесс рассматривается как наиболее развитая и цивилизованная разновидность розыска, естественно, в его современном, а не архаичном, варианте. По сути, в нашем случае речь идет о несколько видоизмененной старой доброй советской модели, которая по-прежнему определяет технологию привлечения к уголовной ответственности. К настоящему периоду логика развития постсоветского уголовного процесса в нашей стране в основном свелась к разбавлению розыскного блюда состязательными ингредиентами, но с обязательным сохранением, а в последние годы и упрочением, его следственной начинки.

В розыскном процессе, в том числе и его следственной разновидности, доминирующей методологической установкой выступает обязанность органов расследования и суда установить объективную истину, которая на нормативном уровне проявляется в качестве принципов публичности и всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Иначе говоря, тезис о прокуроре, следователе как о лицах, способных непредвзято формировать доказательственный материал, принимать ключевые процессуальные решения, на наш взгляд, на более глубоком уровне является проявлением фундаментальной предпосылки розыскного процесса о том, что для разрешения вопроса

[1] См.: *Лапатников М. В.* Тип отечественного уголовного процесса и институт обвинение: контекст взаимообуславливания // Актуальные проблемы предварительного расследования : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 19 октября 2021 года) / под ред. канд. юрид. наук Т. А. Николаевой, Н. Н. Москаевой. Нижний Новгород, 2022. С. 176–184.

о преступлении и наказании достаточно единственного субъекта — инквирента, который по аналогии с ученым-исследователем, руководствуясь беспристрастностью и объективностью, познает событие преступления и принимает по итогам своего познания решение по существу. По мнению Е. Г. Васильевой, «…инквирент <…> единственный субъект поискового процесса. А значит, ему незачем, некого и не перед кем обвинять. Он сам решает судьбу инквизита. Его единственная задача – выяснять»[1].

Конечно, в конкретных условиях развития отдельных стран, где в разные исторические периоды доминировала розыскная технология процесса, такая схема могла реализовываться в разных формах, но при условии соблюдения основополагающего методологического принципа. Основной вопрос уголовного дела разрешался единым по сути (прежде всего по целям и задачам) субъектом, хотя последний или на процессуальном, или организационном, или на ином уровне мог быть раздроблен на формально независимые участники процесса. В частности, таким коллективным судьей-инквирентом могут выступать органы обвинительной власти и суда в условиях отсутствия реального разделения властей и доминирования жесткой вертикали власти.

Безусловно, вопрос о том, способен ли человек в принципе выступать таким непредубежденным исследователем, очень сложен, чтобы осветить его в рамках настоящей статьи. Здесь нас интересуют не столько философские рассуждения о человеческой природе и познании им окружающего мира, сколько практические соображения относительно потенциальной способности прокурора выступать таким исследователем.

Мы считаем, что в условиях господства розыскной формы (независимо от ее модификаций) уголовно-процессуальное познание обусловлено столь множеством противоречивых факторов и установок, что в наших глазах тезис о нейтральном судье-инвиренте есть не что иное как оксюморон, то есть сочетание несочетаемого. Такое отношение определяется следующим: мы отталкиваемся от того, что познание, в том числе уголовно-процессуальное познание, не отражает мир, как нас убеждала в этом теория отражения Р. С. Белкина и В. И. Ленина, а конструи-

[1] *Васильева Е. Г.* Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование : монография. Москва, 2013. С. 349.

рует его. Подтверждение этому мы находим не только в гуманитарном знании, но и в данных таких естественных наук, как нейробиология, квантовая физика: «…представление о том, что чувства достоверно записывают происходящее извне и информируют об этом мозг, неверно; на самом деле наиболее тяжелую часть работы по восприятию осуществляют связи, идущие от мозга обратно к сенсорным поверхностям. Другими словами, содержание нашего осознанного восприятия в значительной степени сконструировано мозгом…»[1]. На это правильно обращает внимание Д. Бочаров, подвергая сомнению утверждение сторонников данной теории об объективности образа внешнего мира, отражающего в сознании ввиду того, что этот процесс во многом обусловлен личностными потребностями, свойствами и реакциями воспринимающего субъекта[2].

Судья-инвирент, действуя в условиях господства розыскной формы (независимо от ее модификаций), обусловлен в своей деятельности и своими субъективным установками, в свою очередь обусловленными его активной познавательной ролью, что само по себе уже ставит под сомнение его нейтральность, учитывая, что поступающая информация осмысляется и осознается им не в вакууме, а в контексте его прошлого опыта, убеждений, стереотипов, его социальных, физиологических, психологических, культурных и иных факторов. Как пишет У. Бернам, «…мы все сталкиваемся с естественным человеческим стремлением навести хаос путем оценки и структурирования информации так, как мы ее воспринимаем. Однако субъекты принятия решений находятся под особым давлением обстоятельств, заставляющих их поступать именно так, поскольку на них лежит задача разрешения дела. В результате субъект принятия решения уже на ранних стадиях <…> склонен начать выстраивать свои теории по поводу значения доказательств»[3].

Далеко не последнюю роль здесь играет и политический аспект, с учетом того, что судья-инвирент выступает как должност-

---

[1] *Бекофф М.*, *Хамфри Н.*, *Хаггард П.* Мозг и сознание. Разгадка величайшей тайны человеческого мозга. Москва, 2019. С. 19.

[2] См.: *Бочаров Д.* Отцы и дети «теории отражения» в советской и постсоветской юридической науке // Медународная Ассоциация Содействия Правосудию : сайт. URL: https://www.iuaj.net/node/2107 (дата обращения: 05.06.2024).

[3] *Бернам У.* Правовая система США. 3-й выпуск. Москва, 2006. С. 166.

ное лицо, выполняющее помимо всего прочего и политическую функцию, находясь при этом в подчинении и зависимости от вышестоящих должностных лиц, интересы которых зачастую обусловлены не абстрактной объективностью, а конкретными практическими, в том числе и политическими соображениями.

В розыскном процессе даже при реализации его наиболее прогрессивной формы — следственной, такие вполне правильные по смыслу концепты, как «полное, всестороннее и объективной расследование», «объективная истина» и т. д., в конечном счете служат оправданием возложения одних и тех же задач по раскрытию преступлений, изобличению виновных и других на действующих в одной упряжке единой вертикали власти органов уголовного преследования и суда. Как отмечает В. А. Лазарева, «…понимание доказывания как нейтральной по отношению к обвинению познавательной деятельности обусловлено стремлением во что бы то ни стало сохранить судебную поддержку обвинительной власти и оправдать обвинительную направленность (обвинительный уклон) правосудия»[1].

Сказанное не означает, что в противоположность розыскному процессу мы воздвигнем на пьедестал технологию. Проблема объективности и беспристрастности субъекта уголовно-процессуальной деятельности по настоящее время не решена и вряд ли будет решена в ближайшей и среднесрочной перспективе, однако для нас, несмотря на свои недостатки, состязательная модель при ее надлежащей реализации предоставляет больше возможностей для приближения к идеалу объективного прокурора, следователя либо другого лица, ведущего уголовный процесс. Как справедливо отмечал один из известных дореволюционных юристов Д. Г. Талберг, «…противно человеческой природе ожидать, чтобы одно и то же лицо было и обвинителем, и защитником обвиняемого и судьей в одно и то же время»[2]. В этой связи мы отвергаем возможность одного лица, сочетающего в своих руках противоположные по направленности полномочия, высту-

[1] *Лазарева В. А.* Теория и практика состязательности в уголовном процессе РФ // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : сборник научных трудов / под ред. проф. В. А. Лазаревой. Самара, 2012. Вып. 6. С. 9.

[2] *Талберг Д. Г.* Русское уголовное судопроизводство // Хрестоматия по уголовному процессу России / авт.-сост. Э.Ф. Куцова. Москва, 1999. С. 66, 67.

пать в большинстве случаев таким нейтральным исследователем как на гносеологическом уровне, так и на психологическом, а учитывая, как мы отмечали выше, что в своей основе российский уголовный процесс по-прежнему остается розыскным, представляется, что нет никаких оснований отвергать данные соображения и применительно к действительности.

Несмотря на отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямого указания на принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, современный следователь по-прежнему, как следует из содержания предмета доказывания (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), требований к обвинительному заключению (ч. 1 ст. 220 УПК РФ) и другого, должен по идее собирать не только обвинительные, но и оправдательные доказательства, реализовывать право на защиту, короче говоря, делать то, что не согласовывается с тем, что как участник со стороны обвинения он по идее должен руководствоваться прежде всего обвинительными интересами.

При предъявлении обвинения следователь привлекает к уголовной ответственности лицо, которое с этого момента приобретает статус обвиняемого, что, с одной стороны, позволяет применять к нему полный комплекс мер процессуального принуждения, а с другой — ограничивает его возможности по реализации права на защиту в силу процессуального доминирования следственной власти.

Требование закона о доказанности обвинения носит декларативный характер, так как в принципе не подлежит контролю со стороны независимого арбитра из-за отсутствия такового. И здесь следственное обвинение есть удобное средство применения уголовного закона к лицу еще задолго до формальной проверки обвинения в ходе судебного разбирательства, так как может неоднократно изменяться, дополняться и прекращаться, исходя из усмотрения обвинительной власти. Для следственной конфигурации уголовного процесса такая конструкция представляет достаточно продуктивное средство привлечения лица к ответственности в более комфортных условиях применения административно-властных отношений, которые доминируют на досудебном производстве.

Конечно, такую власть органов предварительного следствия по идее должны компенсировать широкие права обвиняемых,

прокурорский надзор, судебный контроль и прочие предусматриваемые законом ограничители, которые в условиях реализации следственной модели вряд ли способны на деле ограничить власть следователя над обвиняемым. Но может все-таки прокурор, в отличие от следователя, как лицо, стоящее на вершине системы досудебного производства, не осуществляющее предварительного расследование, как тот, кому по идее должны быть безразличны показатели ведомственной отчетности о результатах указанной деятельности, и есть тот самый искомый блюститель законности, нейтральный исследователь, беспристрастный субъект, в чем нас пытались и пытаются убедить многие процессуалисты советского и современного периодов?

В процессуальной литературе советского периода выдвинуты разные позиции относительно вопроса соотношения функций надзора и обвинения, в том числе и такие, которые связывали весь смысл деятельности прокурора в суде с задачей обоснования обвинительного вывода, доказывания виновности обвинения и т. д., то есть исключительно с обвинительной функцией[1]. Были и такие правоведы, которые утверждали равнозначность государственного обвинения и надзора[2]. Но доминирующим являлось мнение о том, что в суде при разбирательстве по уголовном делу прокурор выступает как нейтральный надзиратель, а не обвинитель, что обусловливалось как законодательными положениями, действовавшими в ту эпоху, так и словами об объективной истине и прокуроре как о ее искателе вместе с судом, фундаментальной направленности советского уголовного процесса на активную, целенаправленную борьба с преступностью (с чем он, надо признать, неплохо справлялся), а также уголовно-правовое подавлением инакомыслия. Как писал патриарх советской уголовно-процессуальной науки М. С. Строгович, «…поддержание прокурором обвинения в суде есть одна из форм деятельности прокурора в области охраны социалистической законности, и эта функция прокуратуры не может быть отделена от общих задач

[1] См.: *Журавлев В. Г.* Обвинение как процессуальная функция в советском уголовном и военно-уголовном процессе : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1950. С. 19.

[2] См.: *Якуб М. Л.* Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Москва, 1960. С. 95–96.

прокуратуры как органа охраны социалистической законности»[1]. Такое понимание роли прокурора, рассматриваемым при доминировании в уголовном процессе розыскных начал, как представляется, есть не что иное как фикция.

Помимо того, что, как мы писали выше, само сосредоточение в руках одного должностного лица противоречащих функций вынуждает его психологически ориентироваться на одну из них, превалирование публичности как основополагающей установки, возложение законодателем на прокурора задач, связанных с обвинительной деятельностью (прокурор также осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью), требования ведомственной статистики, по-прежнему усматривающей оправдательные решения как априори негативный показатель в деятельности прокуратуры, да в целом, рассмотрение прокуратуры как одного из ведомства, отвечающего за результаты борьбы с преступностью, — все это не позволяет согласиться с утверждением о нейтральности прокурора в уголовном процессе.

В настоящее время, несмотря внедрение некоторых состязательных начал, отечественный уголовный процесс по-прежнему имеет розыскной характер, в связи с чем утверждать положение прокурора и следователя как нейтральных и беспристрастных исследователей при осуществлении уголовно-процессуального познания, на наш взгляд, вряд ли оправданно. Прокурор здесь формально является надзирателем, а по сути — обвинителем, но не обвинитель-состязатель. Нейтральный прокурор, как и следователь, возможен исключительно как абстракция, отделенная от всех других явлений реальной действительности, и по сути, есть не что иное как условность, фикция, которой так много как в уголовно-процессуальном, так и в праве вообще. Признавая за ним эту условность, мы все же считаем, что прокурор в определенной степени может способствовать гармонизации общественных противоречий в сфере уголовного судопроизводства, если он действительно будет освобожден от противоречивых функций надзора и обвинения.

---

[1] *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Москва, 1968. С. 220.

УДК 34:93

Ливенцев Д. В.,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры юридических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I

Реформирование юридической практики отказа от наследования престола в российской императорской династии

К началу XX века количество Великих князей и княжон, принадлежащих к российской правящей династии, значительно возросло[1]. Для императорской фамилии существовал особый юридический режим и привилегии[2].

Внутренняя жизнь представителей императорской фамилии была строго регламентирована. Все они подчинялись главе правящего дома, то есть действующему императору[3]. Император наделял членов своего правящего дома удельным землевладением и денежным содержанием. Каждый член правящей русской фамилии по достижении им совершеннолетия приносил главе императорского дома личную клятву. Кстати, клятва императора и являлась главным моментом, после которого для члена дома Романовых на территории государства наступал особый правовой режим. Забота о несовершеннолетних великих князьях и великих княгинях тоже входила в обязанности правителя Российской империи.

---

[1] См.: *Ливенцев Д. В.* Социальная ценность института юридической ответственности российской императорской фамилии в истории российской государственности // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : материалы V Национальной научно-практической конференции (Казань, 26 февраля 2021 года). Казань, 2021. С. 8–11.

[2] См.: *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1875. 448 с.

[3] См.: *Кодан С. В.* Имперские параметры государства и права России // Российский юридический журнал. 2013. № 1 (88). С. 16–18.

© Ливенцев Д. В., 2024

По существующему законодательству Российской империи правящий император не имел права лишить Великого князя или Великую княжну очереди при наследовании престола, однако имелись юридические препятствия, закрывавшие путь к трону для представителя русской императорской династии. Одним из таких юридических запретов стало вступление в морганатический, или неравный брак с лицом, не принадлежащим к домам правящих европейских монархов. Окончательную ясность в данный вопрос внес император Николай II, который изменил ст. 188 Учреждения об императорской фамилии, изданного еще 5 апреля 1797 года императором Павлом I[1].

11 августа 1911 года император Николай II издал именной указ, закреплявший незыблемое правило, что никто из великих князей или великих княжон не может вступать в брак с лицом, не имеющим непосредственного отношения к царствующему или владетельному монаршему дому[2], в противном случае Великий князь и Великая княжна лишались права наследовать русский престол. Данный императорский именной указ окончательно реформировал принципы престолонаследия в Российской империи и решил проблему морганатических, или неравных браков для великих князей и великих княжон. Достаточно вспомнить династический кризис, случившийся из-за отказа от трона состоявшего в неравном браке Великого князя Константина Павловича в пользу своего брата будущего императора Николая I. Именно подобным поводом и воспользовалось в 1825 году для восстания на Сенатской площади тайное Северное общество.

К российской императорской фамилии принадлежали дети и внуки правивших императоров, что позволяло им носить титул «Великий князь» или «Великая княжна». Кстати, упоминавшийся нами император Павел I обеспечил российское государство своими потомками как будущими императорами. Два его сына — императоры Александр I и Николай I — долгое время занимали пре-

[1] См.: Учреждение об императорской фамилии. Санкт-Петербург, 1797. 77 с.

[2] Об изменении примечания к статье 188 Учреждения об императорской фамилии : Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 11 августа 1911 г. // Корево Н. Н. Наследование престола по основным государственным законам. Париж, 1922. С. 119.

стол, а Великий князь Константин Павлович считался наследником.

Как было сказано в начале статьи, к началу XX века российская императорская фамилия довольно серьезно увеличилась. Каждый из членов великокняжеского дома занимал свою очередь на трон. Естественно, что для многих внуков бывших императоров наследование российского престола представляло довольно туманную перспективу.

Буквально вскоре после указа императора Николая II, 24 августа 1911 года, император подписал еще один указ об отречении от российского престола Великой княгини Татьяны Константиновны, правнучки императора Николая I[1], которая вышла замуж за корнета Кавалергардского полка императорской лейб-гвардии грузинского князя К. А. Багратиона-Мухранского. Интересно, что он принадлежал к младшей ветви династии Багратионов, правивших в Грузинском царстве, однако после присоединения Грузии к Российской империи династия Багратионов перестала быть правящим и владетельным монаршим домом. Практически князья Багратионы стали подданными российского императора, что автоматически делало брак Великой княгини Татьяны Константиновны морганатическим.

В тот же день, 24 августа 1911 года, император Николай II издал именной указ, сохранявший за Татьяной Константиновной титул Великий княгини, несмотря на лишение ее права на русский престол. Таким образом, по ст. 170 и 171 Учреждения об императорской фамилии Великая княгиня Татьяна Николаевна сохраняла все положенные ей как представительнице правящего дома привилегии[2]. Двое детей, родившихся в этом морганатическом браке, получили фамилию и титул супруга Великой княгини Татьяны Николаевны князя К. А. Багратиона-Мухранского.

---

[1] Об отречении Ея Императорского Высочества, княжны Татьяны Константиновны от права на наследование императорского всероссийского престола : Именной Высочайший Указ от 24 августа 1911 г. // Корево Н. Н. Наследование престола по основным государственным законам. Париж, 1922. С. 120.

[2] О бракосочетании Ея Императорского Высочества, княжны Татьяны Константиновны с князем Константином Багратионом-Мухранским : Именной Высочайший указ от 24 августа 1911 г. // Корево Н. Н. Наследование престола по основным государственным законам. Париж, 1922. С. 120–121.

Значительно позже, 9 февраля 1914 года, появился именной указ императора Николая II об отречении от прав на русский престол Великой княгини Ирины Александровны[1]. Внучка императора Александра III и племянница действующего царя Николая II вышла замуж за князя Ф. Ф. Юсупова, графа Сумаркова-Эльстона. Владелец самого крупного финансового капитала в России фамилии Юсуповых и будущий убийца знаменитого Г. Е. Распутина тоже считался подданным российского императора, и брак с ним являлся морганатическим.

Нельзя не отметить, что Великая княгиня Татьяна Константиновна и Великая княгиня Ирина Александровна имели наиболее туманные перспективы занять трон Российской империи, так как впереди в очереди на наследование находились их многочисленные родственники из правящего дома Романовых. Учитывая это, браки с грузинским князем К. А. Багратиона-Мухранским и князем Ф. Ф. Юсуповым, графом Сумарковым-Эльстоном представляли собой достаточные выгодные партии, поэтому император Николай II особенно не препятствовал двум вышеназванным бракосочетаниям.

Значительно большой трагедией для императорского дома Романовых было заключение морганатического брака лицами, реально претендовавшими на русский престол. Например, родной брат императора Николая II Великий князь Михаил Александрович, который с 1 августа 1904 года считался регентом Российской империи, тайно от царствующего брата в православном соборе города Вены 17 октября 1912 года заключил морганатический брак с бывшей женой своего сослуживца Н. С. Вульферт. Подобный поступок можно назвать прямым вызовом как императору Николаю II, так и вдовствующей императрице, его матери, Марии Федоровне, особенно если учесть, что ранее Великий князь Михаил Александрович обещал матери и брату не вступать в брак с Н. С. Вульферт. Ситуацию обостряла неизлечимая болезнь родившегося цесаревича Алексея. 30 декабря 1912 года император

[1] Об отречении Ея Высочества, княжны Ирины Александровны от принадлежащего ей, как члену императорского дома, права на наследование императорского Всероссийского престола : Именной Высочайший указ от 9 февраля 1914 г. // Корево Н. Н. Наследование престола по основным государственным законам. Париж, 1922. С. 123.

Николай II издал Высочайший манифест о сложении с Великого князя Михаила Александровича обязанностей регента российского престола[1]. До этого царь наложил секвестр на все имения Михаила Александровича Романова, принадлежащие ему как Великому князю. Император уволил брата со всех занимаемых им государственных постов и запретил возвращаться на территорию Российской империи. Правда, с началом Первой мировой войны опальный брат императора Николая II возвратился в Россию и даже на короткий промежуток после отречения императора 2 марта 1917 года унаследовал русский престол. В итоге Великий князь Михаил Александрович был прощен за морганатический брак с Н. С. Вульферт, а к его сыну Георгию, рожденному в браке с Н. С. Брасовой (так в официальных документах стали писать Н. С. Вульферт после бракосочетания с Великим князем Михаилом Александровичем император) проявил благосклонное отношение. Ребенок получил имя и титул графа Г. М. Брасова с признанием статуса императорского племянника, но в члены правящего дома Романовых граф Г. М. Брасов включен не был.

Таким образом, реформирование юридической практики отказа от наследования престола в российской императорской династии, осуществленное императором Николаем II, позволило сохранить законность наследования русского трона лицами, вступающими в брак только с представителями правящих или владетельных монарших домов.

К началу XX века количество Великих князей и княжон, принадлежащих к российской правящей династии, значительно возросло, поэтому морганатические браки Великих княжон Татьяны Константиновны и Ирины Александровны и даже регента российского престола Великого князя Михаила Александровича не могли нанести ощутимого урона процедуре наследования трона Российской империи. В результате реформирование процедуры наследования русского престола должно было укрепить легальность императорской власти и ее легитимность для русского народа и правящих европейских монархов.

---

[1] О сложении с Его Императорского высочества, великого князя Михаила Александровича возложенных на него Высочайшим манифестом обязанностей : Высочайший манифест от 1 августа 1904 г. // Корево Н. Н. Наследование престола по основным государственным законам. Париж, 1922. С. 122.

УДК 93:343

Литичевский Б. В.,
оперативный дежурный дежурной части УМВД России по Василеостровскому району г. Санкт-Петербурга;
Миронова Е. А.,
начальник отдела делопроизводства и режима УМВД России по Василеостровскому району г. Санкт-Петербурга

История полномочий прокуратуры в части надзора за органами предварительного расследования в СССР и Российской Федерации

Важнейшими органами государственной власти, осуществляющими охрану правопорядка, являются органы следствия и дознания, которые осуществляют предварительное расследование. Не менее важную роль в структуре правоохранительных органов играют органы прокурорского надзора, которые до 2007 года осуществляли не только прокурорский надзор, но и полное руководство расследованием преступлений. Цель настоящей статьи — изучение полномочий прокуратуры в части надзора за органами предварительного расследования в СССР и РФ.

Прокуратура — это единая и централизованная система органов государственной власти, которая осуществляет надзор в части соблюдения законов и подзаконных актов, прав человека, а также уголовное преследование и ряд иных полномочий[1].

Органы предварительного расследования — это органы государственной власти, осуществляющие правоохранительную деятельность в виде предварительного следствия или дознания.

Органы прокуратуры впервые появились во Франции в 1302 году; в России органы прокурорского надзора были созданы в 1722 году, их первым главой назначен П. И. Ягужинский. В 1713 году создана Следственная канцелярия, возглавлял кото-

[1] См.: *Трофимов Н. И.* История прокурорского надзора в России, надзора за соблюдением прав и свобод военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2009. № 8. С. 12–19.

© Литичевский Б. В., Миронова Е. А., 2024

рую гвардии майор Семеновского полка М. И. Волконский. Органы дознания были сформированы под руководством Императора Всероссийского Петра I в 1715 году в составе Полицмейстерской канцелярии. В последующие годы органы прокуратуры и предварительного расследования менялись, однако сохранялись и продолжали свое существование и развитие до 1917 года.

25 октября 1917 года произошла Октябрьская революция. Вскоре после нее большевики приняли декрет о суде № 1, в дальнейшем развивая его, появились декреты № 2, № 3. В результате были распущены судебная система, органы прокуратуры, органы предварительного расследования, однако органы предварительного расследования были вновь созданы в структуре НКВД РСФСР и ВЧК при СНК РСФСР, органы прокуратуры появились только в 1922 году.

В 1923 году было принято положение «О прокуратуре», которое закрепило надзор прокуратуры за следствием и дознанием, детализация полномочий прокуратуры была минимальная, однако в положении были прописаны следующие права: контролировать органы следствия и дознания в части права давать указания по вопросу о мере пресечения; давать разъяснения по вопросу о выборе меры пресечения; решать вопрос о передаче дела в суд, а также прописан вопрос отвода и самоотвода следователя и дознавателя с санкции прокурора.

В 1922 году началось воссоздание правового поля и исключение революционного правосознания в качестве источника права. В рамках этого процесса были созданы Гражданский Кодекс РСФСР, Гражданско-процессуальный Кодекс РСФСР, Уголовный Кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР.

Принятый в 1922 году УПК РСФСР был кратким и не конкретизировал полномочия прокуратуры в части надзора, значительно бóльшая конкретизация была в УПК РСФСР 1923 года. Данный кодекс также поставил органы дознания в зависимое положение и от органов следствия.

Создание прокуратуры СССР в 1933 году было оформлено в Положении о Прокуратуре СССР, однако оно было еще более кратким, чем Положение 1923 года: в нем лишь было написано

о руководящих функциях в части ведения следствия; дознание не упоминалось, но было сказано о надзоре над милицией и ОГПУ при СНК СССР, в которых были органы дознания[1].

УПК РСФСР 1960 года стал более разработанным и конкретизированным. В нем полностью прописано руководящее положение прокуратуры СССР по отношению к органам следствия и дознания, ряд действий можно было делать лишь с санкции прокурора (например, прекращение предварительного расследования, передача материалов в суд).

Закон 1979 года «О прокуратуре СССР» не изменил картину, а лишь более подробно регламентировал полномочия органов прокурорского надзора по отношению к следствию и дознанию. Так, согласно ст. 3 Закона СССР «О прокуратуре СССР» органы прокуратуры осуществляли надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия; ст. 13 Закона СССР о Прокуратуре СССР устанавливала, что указания Генерального прокурора СССР по вопросам следственной работы являются обязательными для исполнения всеми следственными органами[2].

Наиболее подробно полномочия прокуратуры СССР в части надзора над органами предварительного расследования и руководства следствием раскрыты в ст. 29 Закона СССР «О прокуратуре СССР». В соответствии с данной статьей прокурор имел право:

1) требовать от органов дознания и предварительного следствия для проверки уголовные дела, сведения о совершенных преступлениях, ходе дознания, предварительного следствия и установления лиц, которые совершили преступления;

2) не реже одного раза в месяц проверять исполнение требований закона о приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях;

3) отменять незаконные и необоснованные постановления следователей и лиц, которые производили дознание;

---

[1] См.: *Трофимов Н. И.* История прокурорского надзора в России, надзора за соблюдением прав и свобод военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2009. № 8. С. 12–19.

[2] О прокуратуре СССР : закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. С. 843.

4) давать письменные указания о расследовании преступлений, об избрании, изменении или отмене меры пресечения, квалификации преступления, производстве отдельных следственных действий и розыске лиц, совершивших преступления;

5) поручать органам дознания исполнение постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу, производстве обыска, выемки, розыске лиц, совершивших преступления, выполнение других следственных действий, а также дает указания о принятии необходимых мер для раскрытия преступлений и обнаружения лиц, их совершивших, по делам, находящимся в производстве прокурора или следователя прокуратуры;

6) участвовать в производстве дознания и предварительного следствия и в необходимых случаях лично производить отдельные следственные действия или расследование в полном объеме по любому делу;

7) санкционировать производство обыска, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию и ее выемку, отстранение обвиняемого от должности;

8) продлевать срок расследования и содержания под стражей в качестве меры пресечения в случаях и порядке, установленных законом;

9) возвращать уголовные дела органам предварительного следствия и дознания со своими указаниями о производстве дополнительного расследования;

10) изымать от органа дознания и передавать следователю любое дело;

11) передавать дело от одного органа предварительного следствия другому, а также от одного следователя другому в целях обеспечения наиболее полного и объективного расследования;

12) отстранять лицо, производящее дознание, или следователя от дальнейшего ведения дознания или предварительного следствия, если ими допущено нарушение закона при расследовании дела;

13) утверждать обвинительные заключения (постановления);

14) направлять уголовные дела в суд.

Статья 29 также давала право прокуратуре СССР возбуждать уголовные дела или отказывать в их возбуждении, прекращать или приостанавливать производство по уголовным делам, давать согласие на прекращение уголовного дела следователем или органом дознания.

Распад СССР, ряд реформ в новой России и принятие нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства сохранили всевластие Прокуратуры РФ по отношению к органам предварительного расследования. Однако постепенно сформировалось мнение о том, что Прокуратура РФ должна не осуществлять руководство следствием, а лишь надзирать за соблюдением законности проведения предварительного расследования. Стоит отметить, что в отношении органов дознания столь однозначное мнение не было сформировано.

Расширение автономии органов предварительного расследования началось в 2007 году, когда Прокуратура РФ ослабила контроль над органами следствия в области задержание подозреваемого как меры процессуального принуждения, избрания меры пресечения, осуществления уголовного преследования, прекращения уголовного дела в связи с примирением или с деятельным раскаянием[1]. В ходе реформы была введена должность руководителя следственного органа как лица, осуществляющего контроль над следователем, а также создан Следственный комитет при Прокуратуре РФ[2]. Хотя в ходе реформы Прокуратура РФ утратила право возбуждать уголовные дела, однако органы дознания так и остались под контролем органов прокуратуры: прокурор имеет право дать дознавателю письменные указания в части направления расследования, а также производства процессуальных действий, отстранять дознавателя от производства расследования, разрешать или запрещать дознавателю самоотводы, утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу. Введение должности руководителя органа дознания в целом не изменило ситуацию.

---

[1] См.: *Попова Т. Ю.* Изменение баланса полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. С. 201–202.

[2] См.: *Дворник А. А.* Правовой статус прокурора в досудебном производстве // Законность. 2013. № 11. С. 55–58.

Реформа органов предварительного расследования и прокуратуры продолжалась: был принят ФЗ от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», согласно которому в 2011 году создан Следственный комитет РФ. Таким образом, органы следствия были полностью выделены из структуры Прокуратуры РФ и стали максимально самостоятельными. Однако в части органов дознания Прокуратура РФ получила дополнительные полномочия. С 2010 года прокурор имеет право передать материалы уголовного дела или материалы проверки сообщений о преступлениях от одного органа предварительного расследования другому[1].

В 2010–2012 годы произведена корректировка в области полномочий Прокуратуры РФ в сторону их расширения. Прокуратура получила право:

1) истребовать и проверять законность и обоснованность процессуальных решений следователя или руководителя следственного органа в случаях отказа в возбуждении уголовного дела, а также его прекращения, приостановления или же принятии по ним решений, которые предусмотрены УПК РФ;

2) возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста по уголовному делу, которое направляют в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом[2].

В ходе реформ органов предварительного расследования в 2015 году были внесены изменения в области полномочий органов дознания: дознаватель получил право обжаловать действия прокурора, вынесшего решения, у вышестоящего прокурора.

Таким образом, созданные в российском государстве при Петре I органы прокурорского надзора и предварительного расследования прошли длительный путь развития: от полного подчинения следственных органов и дознания прокуратуре к автономии органов следствия и почти полного дознания.

---

[1] См.: *Васильев О. Л.* Поправки к Конституции и изменение роли прокурора в отечественном уголовном процессе // Закон. 2017. № 8. С. 47.

[2] *Капинус О. С.* К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. 2013. № 2. С. 50–58.

УДК 34:351.74

Лушин А. Н.,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России;
Чудецкая К. А.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры управления Нижегородской академии МВД России

Реформа управления православным военным духовенством в современных российских силовых структурах: 1990–2020 годы

В начале 1990-х годов в российской армии стали происходить широкие радикальные преобразования, связанные с активным возрождением лучших патриотических традиций и изменением духовно-нравственного климата в вооруженных силах и правоохранительных органах. В этот период в Северо-Кавказском регионе проводились специальные операции по восстановлению конституционного строя и борьбе с террористическими группировками. Подразделения вооруженных сил и правоохранительных органов (ОМОН, СОБР) в условиях боевых действий естественно нуждались в духовно-нравственной поддержке, которую именно в это время начала оказывать Русская Православная Церковь. Решением Священного Синода 16 июня 1995 года был специально создан Синодальный отдел по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, на который возложили комплексную системную деятельность по духовно-нравственному окормлению личного состава.

Следует отметить, что пастырская работа в силовых структурах, находящихся в служебных командировках на Северном Кавказе, была изначально возложена на приходское духовенство, которое по благословению правящих архиереев и согласованию с местным военным командованием направлялось на определенные сроки в соответствующие воинские подразделения. На ме-

© Лушин А. Н., Чудецкая К. А., 2024

стах расположения воинских частей священники создавали временные походные храмы и осуществляли церковную, духовно-нравствен-ную и просветительско-патриотическую деятельность. По возвращению из служебных выездов священники продолжали служение в своих приходах, то есть официально учрежденного регулярного института военного духовенства в российских силовых структурах до 2000-х годов не существовало, и необходимый конкретный перечень служебных прав и обязанностей прикомандированных священников в зоне военных действий не был разработан и утвержден свыше.

Опыт проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе показал, что деятельность священников оказывает благотворное влияние на моральный климат в подразделениях Вооруженных сил и правоохранительных структур, пребывающих в течение нескольких месяцев в зонах реального риска для жизни. Именно в таких ситуациях офицеры и рядовой состав испытывают необходимость в постоянной духовно-нравственной поддержке, которую и получают от духовенства.

В начале 2000-х годов велась дискуссия об учреждении института военного духовенства на законодательной основе, причем внимательно изучался и анализировался опыт деятельности военного духовенства в Российской империи, особенно рубежа XIX–XX веков. Реформа военного духовенства 1890 года, в процессе которой было принято вне всякого сомнения уникальное «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств», удачно создала все звенья института военного духовенства с самыми подробными правами и обязанностями, на что обращали особое внимание исследователи отечественной военной истории.

На заседании Священного Синода 11 апреля 2006 года в специальном заявлении была выражена позиция Русской Православной Церкви по восстановлению института военного духовенства в российской армии для патриотического, духовного и нравственного воспитания военнослужащих[1]. В декабре 2006 года

[1] Заявление Священного Синода Русской Православной церкви о восстановлении института военного духовенства в российской армии. Журнал заседания от 11 апреля 2006 г. // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. URL: www. patriarchia.ru (дата обращения: 11.05.2024).

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер) отметил, что положительно оценивает идею законодательного оформления института военного духовенства в российских силовых структурах, указав, что де-факто священнослужители уже занимаются пастырской деятельностью в миротворческих воинских контингентах и подразделениях, выполняющих свой воинский долг на Северном Кавказе[1]. По мнению Патриарха и высших иерархов Русской Православной Церкви, священники могут действенно влиять на укрепление духовно-нравственных и патриотических принципов жертвенного служения Отечеству и заниматься моральной реабилитацией военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов в «горячих точках», поэтому Патриарх обращался за поддержкой со стороны государства и общества в столь важной инициативе.

Инициатива официального воссоздания де-юре института военного духовенства была выказана Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом (Гундяевым) на совещании высшего уровня 21 июля 2009 года. Эта важная инициатива была всемерно поддержана Президентом РФ Д. А. Медведевым, который заявил, что такие священнослужители должны быть включены в штаты военных подразделений[2]. Предполагалось, что изначально должности штатных священников будут введены в воинских формированиях на территории Северо-Кавказского региона. Во исполнение поручения Президента РФ о введении института военного духовенства в 2010 году в составе Главного управления по работе с личным составом Вооруженных Сил РФ было сформировано управление по работе с верующими военнослужащими. В Священном Синоде Русской Православной Церкви началась последовательная разработка НПА, регулирующего деятельность военного духовенства в отечественных силовых структурах в мирное и военное время. Решением Священного Синода от 27

[1] Святейший Патриарх Алексий: «Создание современной армии невозможно без включения духовной составляющей в воспитание защитника Родины» // Щит и меч. 2006. № 45. – Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. URL: www. patriarchia.ru (дата обращения: 11.05.2024).

[2] Стефан, епископ Клинский. Выбор сильных: 10 лет возрождения в Вооруженных силах России института военного духовенства // Журнал Московской Патриархии. 2019. № 7. С. 42–47.

июля 2013 года Синодальный отдел получил наименование Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами. Одновременно был утвержден устав последнего, в соответствии с которым Синодальный отдел организовывал, координировал и контролировал пастырскую (церковную), духовно-просветительскую и нравственно-воспитательную деятельность военного духовенства в подразделениях Вооруженных сил и правоохранительных органов. Синодальный отдел, согласно уставу, представлял Русскую Православную Церковь в ее взаимоотношениях с органами военного управления, воинскими частями и правоохранительными органами. Кандидатов на должности военных священников Синодальный отдел согласовывал с правящими епархиальными архиереями для направления (командирования) в силовые структуры, находящиеся на территории епархий Русской Православной Церкви.

На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25–26 декабря 2013 года в процессе обсуждения вопроса о реформировании военного духовенства в силовых структурах Высшим Церковным Советом было принято «Положение о военном духовенстве Русской Православной церкви в Российской Федерации» (далее — Положение)[1]. При подготовке данного документа были учтены некоторые стороны законодательства имперского периода.

Положение структурно состоит из пяти разделов. Деятельность военного духовенства сосредоточена на религиозной, нравственной, духовно-просветительской жизни и на совершении богослужений и обрядов в воинских и правоохранительных формированиях.

Особым аспектом Положения является разделение военного духовенства на штатное и на внештатное.

Штатные священники состоят на должностях гражданского персонала и в рамках должностных обязанностей находятся в подчинении командования воинских и правоохранительных формирований, одновременно в богослужебной деятельности пребы-

[1] Положение о военном духовенстве Русской Православной церкви в Российской Федерации. Журнал № 141 // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. URL: www.patriarchia.ru (дата обращения 11.05.2024).

вая в подчинении епархиального архиерея (митрополита, архиепископа, епископа).

Внештатное военное духовенство действует по согласованию епархиального начальства и командования воинских частей и правоохранительных органов, также подчиняясь епархиальному архиерею. Как отмечает председатель Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами митрополит Кирилл (Покровский), двойное подчинение священников, военному и духовному начальству, вполне логично и обоснованно, и кстати было таким в российской императорской армии[1].

Несомненно, важными условиями службы военного священника являются его хорошее физическое здоровье, значительный опыт пастырского служения и высшее богословское или высшее светское образование, то есть те качества, что необходимы для проведения духовно-нравственной работы в воинских формированиях, выполняющих свой патриотический долг, в том числе и в местах боевых действий. Примечательно, что подобные требования к военному духовенству предъявлялись и в императорской армии начала XX века.

Особый отдел Положения посвящен организации деятельности военного духовенства. Очень подробно и последовательно изложены должностные обязанности штатного военного духовенства, причем священники должны знать основные положения военного законодательства РФ, основных НПА, касающихся религиозной деятельности в воинских и правоохранительных формированиях. Как и в имперском законодательстве по военно-духовному ведомству, при возникновении конфликтных ситуаций, которые не разрешаются на местном уровне, священник обязан доложить епархиальному архиерею, в Синодальный отдел и при необходимости вышестоящему воинскому начальству. Тем не менее в Положении не просматривается иерархическая вертикаль оперативного управления военным духовенством на уровнях армий, дивизий, полков, что было характерно для отечественного законодательства о военном духовенстве в XIX – начале XX века.

[1] Под контролем Патриарха. Митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл о работе военного духовенства // Ведомости Нижегородской митрополии. 2024. № 8 (278). С. 3.

Для проведения систематической комплексной работы по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию личного состава Вооруженных сил РФ на основании приказа от 30 января 2020 года № 30 «Об организации взаимодействия органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации с традиционными религиозными объединениями Российской Федерации и работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации» была утверждена «Инструкция по организации взаимодействия органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации с традиционными религиозными объединениями Российской Федерации и работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации»[1]. В соответствии с данным ведомственным НПА священнослужитель на основании ТК РФ мог быть назначен штатным помощником по работе с верующими военнослужащими командира воинской части и, соответственно, исполнять все служебные обязанности по религиозной (богослужения) и духовно-нравственной просветительской деятельности.

С началом проведения специальной военной операции роль военного духовенства в воинских и правоохранительных формированиях значительно возросла, так как им приходится участвовать в боевых действиях. Вопрос оперативного управления военным духовенством был рассмотрен 7 июня 2022 года на заседании Священного Синода, и, согласно журналу № 60, была возрождена существовавшая до 1918 года должность протопресвитера военного и морского духовенства Русской Православной Церкви[2]. Данную должность замещает председатель Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами.

---

[1] Инструкция по организации взаимодействия органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации с традиционными религиозными объединениями Российской Федерации и работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации. 30 января 2020 г. // Докипедия: сайт. URL: docipedia.ru (дата обращения: 11.05.2024).

[2] Журналы Священного Синода от 7 июня 2022 г. Журнал № 60 // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. URL: www.patriarchia.ru (дата обращения 11.05.2024).

Следующее преобразование в структуре военного духовенства состоялось 31 марта 2023 года, когда указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла была учреждена должность главного военного священника духовенства, окормляющего силовые структуры в зоне проведения специальной военной операции. На заседании Священного Синода 16 мая 2023 года, согласно журналу № 42, было определено, что главный военный священник духовенства в зоне проведения специальной военной операции согласовывает свои действия с Синодальным отделом, заместителем председателя которого он также является[1].

На пленарном заседании XII Рождественских парламентских встреч в Совете Федерации РФ 23 января 2024 года Патриарх Кирилл заявил о том, что в настоящее время важно на законодательном уровне определить и закрепить статус военного духовенства и предоставить военным священнослужителям необходимые социальные льготы, какие имеются у всех участников боевых действий (специальная военная операция)[2].

Таким образом, законодательство о военном духовенстве современных силовых структур находится в процессе совершенствования, своевременно отзываясь на самые насущные проблемы духовно-нравственного и социального служения.

[1] Журналы Священного Синода от 16 мая 2023 г. Журнал № 42 // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. URL: www.patriarchia.ru (дата обращения 11.05.2024).

[2] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XII Рождественских Парламентских встреч в Совете Федерации Российской Федерации 23 января 2024 года // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. URL: www.patriarchia.ru (дата обращения: 11.05.2024).

УДК 343.3

Магнутов Ю. С.,
кандидат юридических наук, председатель Борского городского суда Нижегородской области

Модель правовой реформы в области уголовно-правового противодействия преступности, сопряженной с незаконной миграцией: частная теория

Миграционная преступность — неотъемлемая часть современного преступного мира. За последние несколько лет в РФ она существенно изменила свои количественные и качественные характеристики, что требует не только пересмотра характера и степени общественной опасности этого деструктивного явления, но и механизмов уголовно-правового противодействия ей. Для того чтобы разобраться с заявленной для рассмотрения проблемой, методологически правильным будет начать статью с раскрытия сущности миграции и демонстрации мировых и региональных миграционных потоков.

Мы соглашаемся с учеными в том, что миграция — это политико-социальный феномен, сопровождающий человечество на всех этапах его развития[1]. Выступая в качестве спутника современной цивилизации, миграционные процессы с учетом и помощью научно-технического прогресса, позволяющего беспрепятственно перемещается по миру, становятся нормой нежели исключением. Главные проблемы, с которыми в результате всплеска миграции столкнулся мир, — это адаптация мигрантов и юридическое обеспечение миграционных потоков.

По данным Международной организации по миграции, в мире насчитывается 281 миллион мигрантов, что составляет порядка 3,6 % населения планеты[2]. Сверхактивные темпы переселения

[1] См.: *Розовская, Т. И., Петрянин А. В.* Миграция и преступность: частный взгляд на проблему // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 4. С. 42–49.

[2] См.: Отчет о мировой миграции // IOM. UN MIGRATION. WORLD MIGRATION REPORT : сайт.URL: https://worldmigrationreport.iom.int/what-wedo/world-migration-report-2024-chapter-1/world-migration-report-2024 (дата обращения: 19.05.2024).

© Магнутов Ю. С., 2024

не успевают за темпами удовлетворения потребностей, что, с нашей точки зрения, выступает в качестве главной детерминанты роста миграционной преступности. На протяжении последних лет РФ находится в пятерке стран с наибольшим числом иностранных мигрантов[1], что, естественно, влияет на уровень криминально-девиантного поведения в исследуемой сфере.

Нами представлены официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ, охватывающие мигрантов, въехавших в страну официально (таблица)[2]. Для объективной картины, отражающей их реальное количество в России, к ним необходимо прибавить въехавших в нашу страну иностранных граждан незаконно. По мнению экспертов, их количество на ноябрь 2023 года превышает 650 тысяч человек[3].

Количество прибывших из зарубежных стран в Российскую Федерацию, *2014–2023 годы*

№ п/п	Год	Количество прибывших, *чел.*
1	2014	578 511
2	2015	598 617
3	2016	575 158
4	2017	589 033
5	2018	565 685
6	2019	701 234
7	2020	106 474
8	2021	667 922
9	2022	730 347
10	2023	560 434

[1] См.: ООН: Россия вошла в пятерку стран с самым высоким числом мигрантов в мире // Коммерсантъ : сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4651795 (дата обращения: 19.05.2024).

[2] См.: Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283 (дата обращения: 19.05.2024).

[3] См.: *Зотина Н.* В Госдуме оценили число нелегальных мигрантов в России // РИА НОВОСТИ : сайт. URL: https://ria.ru/20240516/migranty-1946507467.html (дата обращения: 19.05.2024).

Современная миграция, кроме общеизвестных позитивных функций (трудовая занятость населения, перераспределение населения, решение демографических проблем, распределение производственных мощностей и т. п.), обременена и деструктивными характеристиками, тем самым повышается актуальность направления уголовно-правового противодействия миграционной преступности. Сегодня мы констатируем количественный рост преступлений, совершаемых иностранными гражданами, а также деяний, совершаемых в отношении них.

Согласно данным Следственного комитета РФ, в 2023 году мигрантами было совершено более 20 тыс. преступлений. Среди них наблюдается рост тяжких деяний. Основная их масса совершена лицами, незаконно находящимися на территории нашей страны. Причиной незаконной миграции также зачастую становятся злоупотребления должностных лиц, вовлеченных в процесс регулирования миграционных отношений[1]. Отмеченное существенно обостряет межэтнические отношения среди населения. Все это дает основание для выделения нескольких криминологически значимых групп общественно опасных деяний, включаемых в собирательное понятие «миграционная преступность».

Первая группа общественно опасных деяний — преступления, которые непосредственно совершаются иностранными гражданами и охватывают любые криминальные акты без выделения каких-либо особенностей, за исключением такого признака субъекта деяния, как гражданство. С учетом формируемой судебно-следственной практики примерами становятся криминальные формы поведения, посягающие на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, половую свободу личности, а также террористические и экстремистские деяния. Например, одним из последних наиболее вызывающим преступным актом стало совершение террористической атаки в здании Крокус Сити Холла 22 марта 2024 года. В рамках теракта и спровоцированного преступниками пожара погибли более 140 человек и более 500 по-

[1] См.: Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам противодействия миграционной преступности // ВКонтакте : социальная сеть. URL: https://vk.com/wall-128651204_5314 (дата обращения: 19.05.2024).

страдали[1]. Деяние было совершено мигрантами, прибывшими в РФ из Республики Таджикистан.

Иностранные граждане также активно вовлечены в наркопреступность. Например, в Сыктывкаре двое иностранцев, прибывших из Республики Узбекистан под видом трудовых мигрантов, привлекаются к уголовной ответственности за наркоторговлю в особо крупном размере[2]. За попытку реализации партии синтетических наркотиков общим весом более одного килограмма в отношении них было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 4 ст. 228[1] УК РФ.

Участились случаи совершения мигрантами преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Так, в Санкт-Петербурге задержан иностранный гражданин, неоднократно отправлявший несовершеннолетнему лицу предложения вступить с ним в половую связь за вознаграждение. По данному факту подразделением Следственного комитета РФ возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 135 УК РФ[3].

Вторая группа общественно опасных деяний — преступления, прямо сопряженные с нарушением миграционного законодательства. В данном случае мы говорим о противоправных актах, признаки которых закреплены в ст. 322[1]–322[3] УК РФ. На их профилактику направлена деятельность всех правоохранительных органов. Так, в Брянской области пресечена деятельность, связанная с организацией незаконной миграции иностранных граждан. К ответственности привлечены два иностранных гражданина и шесть жителей Брянской области. Преступной группой был организован незаконный въезд на территорию РФ более 40 иностранных граждан вне разрешенных пунктов пропуска,

[1] См.: Теракт в «Крокус Сити Холл» // RBC : сайт. URL: https://www.rbc.ru/story/65fdc2679a794730284d89d6 (дата обращения: 28.05.2024).

[2] См.: В Сыктывкаре двое иностранных граждан привлекаются к уголовной ответственности за наркоторговлю в особо крупном размере // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/mass-media/news?item=72537623 (дата обращения: 28.05.2024).

[3] См.: Задержан гражданин Узбекистана за развратные действия // ОВД России по Пушкинскому району г. Санкт-Петербурга : сайт. URL: https://пушкин.78.мвд.рф/news/item/27428645 (дата обращения: 28.05.2024).

за что виновными получен преступных доход, превышающий 3 млн рублей[1].

Процветает и противоправная деятельность, нарушающая миграционное законодательство в области обязательной регистрации иностранных граждан. Например, в Кемеровской области вынесен обвинительный приговор в отношении лица, зарегистрировавшего в своем жилом доме иностранца без намерения предоставления ему помещения для проживания[2].

Третья группа общественно опасных деяний — служебные криминальные акты, способствующие незаконной миграции. Их перечень весьма широк. Главным систематизирующим признаком, как и в первой рассмотренной нами группе, выступает специальный субъект, то есть должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, признаки которых определены в примечаниях к ст. 201 и 285 УК РФ. Так, за организацию незаконной миграции и получение взяток осужден бывший сотрудник Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Московской области. Судом доказано семь случаев получения денег через посредника за незаконную отмену ранее вынесенного запрета на въезд в РФ. Преступная схема включала в себя изготовление поддельных копий свидетельств о заключении брака иностранного гражданина с гражданином РФ с дальнейшим их заверением поддельными печатями и подписями нотариусов[3].

Отмеченное выше указывает на то, что миграционная преступность разнопланова. В рамках повышения уровня уголовно-

[1] См.: В Брянской области суд вынес приговор по уголовному делу об организации незаконной миграции иностранных граждан // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_32/mass-media/news?item=77796638 (дата обращения: 28.05.2024).

[2] См.: В г. Топки вынесен обвинительный приговор мужчине за фиктивную регистрацию в своем доме иностранного гражданина // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_sibfo/mass-media/news/news-regional?item=75826231 (дата обращения: 28.05.2024).

[3] См.: За организацию незаконной миграции и получение взяток осужден бывший сотрудник Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Московской области // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=84755190 (дата обращения: 28.05.2024).

правового противодействия ей следует принимать симметрично-адекватные меры. Считаем, что в качестве первостепенного направления необходимо определиться с системой преступлений, сопряженных с нарушением миграционного законодательства. В рамках элементов этой системы определимся с классификацией деяний в них входящих. По нашему мнению, наиболее удачной моделью является выделение трех групп, образующих ее:

— преступления, совершаемые иностранными гражданами;

— общественно опасные деяния, сопряженные с нарушением миграционного законодательства;

— группа служебных преступлений, способствующих незаконной миграции.

Учитывая, что это лишь наша научная гипотеза, мы понимаем, что она может быть подвержена критике, вместе с тем считаем, что такого рода модель дает представление об объективном состоянии, содержании и уровне преступлений, сопряженных с незаконной миграцией и, как следствие, способствует выработке эффективных механизмов противодействия.

УДК 342.92

Макарейко Н. В.,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Реформа законодательства об административных правонарушениях в фокусе преобразования института юридической ответственности

Российское законодательство отличается высокой степенью динамики. Подобное положение объясняется рядом объективных факторов, среди которых доминируют изменение отношений, выступающих в качестве объекта нормативного правового регулирования, а также возникновение новых общественных отношений, необходимость изменения соотношения между социальными регуляторами. Преобразования нормативного правового регулирования имеют различный объем и глубину. В этой связи можно говорить как о текущих преобразованиях, так и реформировании.

Традиционно реформирование связывается с позитивными нововведениями, которые направлены на получение прогрессивных результатов[1]. Вместе с тем следует сделать оговорку. Запрограммированные, ожидаемые результаты могут и не быть достигнуты в силу различных причин, но они изначально презюмируются при планировании соответствующих реформ.

Правовая реформа может иметь самые различные последствия для граждан и ознаменовывает собой важные вехи правового строительства[2]. Традиционно она связывается с изменением Конституции РФ. Такой реформой в новейшей истории следует признать конституционную реформу 2020 года, когда в Основной закон государства были внесены масштабные изменения, что в

[1] См.: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, Санкт-Петербург, 2001. С. 1014.

[2] О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации : указ Президента РФ от 6 июля 1995 г. № 673 // СЗ РФ. 1995. № 28, ст. 2642.

© Макарейко Н. В., 2024

значительной степени переформатировало институт публичной власти[1]. Они повлекли за собой масштабные изменения в текущем законодательстве.

Существуют преобразования и отраслевого законодательства, которые затрагивают интересы значительного числа граждан. Данная посылка в полной мере относится к третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях. Такое положение обусловлено тем обстоятельством, что значительное число граждан ежегодно привлекается к административной ответственности. Существенный рост применения указанного вида юридической ответственности предопределен использованием специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, при помощи которых выявляются административные правонарушения преимущественно в области дорожного движения (гл. 12 КоАП РФ).

В марте 2019 года Правительством РФ дан старт реформе законодательства об административных правонарушениях. Ее проведение связывалось с преобразованием контрольно-надзорной деятельности, использованием так называемой регуляторной гильотины и в дальнейшем получило свою материализацию в соответствующих законах[2]. Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым 15 мая 2019 года в ходе IX Петербургского Международного юридического форума была анонсирована к 1 июня 2019 года подготовка Концепции нового КоАП РФ (далее — Концепция). Поручение Правительства РФ выполнено с некоторым опережением[3].

В указанном документе отмечено, что реформирование законодательства об административных правонарушениях недопу-

---

[1] См.: *Россинский Б. В.* Система публичной власти и интеграция кибернетических и синергетических подходов в государственном управлении // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 7. С. 28–39.

[2] Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. I, ст. 5006; О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. I, ст. 5007.

[3] Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/ (дата обращения: 21.05.2024).

стимо в изоляции от преобразований в области контрольно-надзорной деятельности[1]. В качестве аргументации необходимости столь масштабных преобразований в данном документе стратегического планирования было отмечено, что семнадцать лет действия КоАП РФ привели к потребности доктринального осмысления сложившейся правоприменительной практики и оценки эффективности его предписаний. Возникает закономерный вопрос: «Ученые-административисты, правоведы, работающие в других отраслях права, не давали критическую оценку законодательства об административных правонарушениях, не изучали сложившуюся правоприменительную практику и не формировали соответствующие предложения?»

Достаточно вспомнить, что рабочей группой, в которую входили известные специалисты в области административного права П. И. Кононов, С. И. Старостин, В. А. Юсупов под руководством депутата Государственной Думы РФ А. А. Агеева, был подготовлен проект КоАП РФ[2]. Несколько позже группой депутатов Государственной Думы РФ, депутатами Государственной Думы В. А. Васильевым, В. Н. Плигиным, С. А. Поповым, Д. Ф. Вяткиным, В. А. Поневежским на рассмотрение Государственной Думы РФ также был внесен проект КоАП РФ[3]. Наряду с этим не прекращалась и не прекращается интенсивная дискуссия среди ученых по вопросам административной ответственности в рамках различных научно-представительских мероприятий, а также на страницах юридических изданий. В этой связи приведенный аргумент о потребности научной дискуссии нельзя признать убедительным.

---

[1] Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/ (дата обращения: 21.05.2024).

[2] Кодекс Российской Федерации об административной ответственности : проект № 917598-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30 октября 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/44529.html (дата обращения: 21.05.2024).

[3] О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : проект федерального закона № 957620-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18 декабря 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.05.2024).

Следующим аргументом в пользу разработки нового КоАП РФ стали изменения и дополнения, внесенные в действующий КоАП РФ с 2002 и по март 2019 года, что было осуществлено посредством 621 ФЗ, а количество нововведений превысило 4 800. В этой связи возникает закономерный вопрос: «Был ли введен мораторий на внесение изменений и дополнений в КоАП РФ после принятия решения о разработке нового законопроекта?» Ответ отрицательный. Более того, их интенсивность только возросла, о чем свидетельствует принятие 201 ФЗ, а также вынесение 10 постановлений КС РФ, которые повлекли изменение законодательства об административных правонарушениях.

Министерством юстиции РФ во взаимодействии с другими субъектами к началу 2020 года были подготовлены соответствующие законопроекты. 30 января 2020 года проекты КоАП РФ, Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ПКоАП РФ) и ФЗ о введении в действие выше названных кодифицированных НПА были размещены в информационно-правовых системах для общественного обсуждения, предварительной оценки регулирующего воздействия, а также осуществления независимой антикоррупционной экспертизы.

Подавляющее большинство специалистов в области административного права, особенно его административно-деликтной составляющей, положительно откликнулись на реформирование законодательства об административных правонарушениях. Отдельные исследователи высказали свое несогласие. В этой связи показательной является позиция профессора Ю. Н. Старилова. Известный специалист в области административного права ставит под сомнение аргументацию, изложенную в Концепции реформирования законодательства РФ об административных правонарушениях и задает закономерный вопрос: «Остановит ли принятие нового КоАП РФ внесение изменений и дополнений в данный кодифицированный закон?». Очевидно, что ответ на этот вопрос будет отрицательным. По всей видимости речь идет о законодательном браке, что закономерно актуализирует проблему юридической ответственности[1]. Указанный автор также отмечает,

[1] См.: *Макарейко Н. В.* Проблемы юридической ответственности государства // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 137–142.

что с учетом инициатора разработки реформы КоАП РФ будет принят: «Учитывая правительственный характер планируемой реформы, целесообразно спланировать разработку новой Концепции лишь после системного, детального, глубокого и всестороннего анализа не только недостатков и противоречий действующего законодательства, но и реальных причин его модернизации. Сформулированные в Концепции предложения о реформе выглядят основательно не подготовленными, фрагментарными и несистемными, позволяющими предположить, что после их реализации проблем в сфере административной деликтологии станет значительно больше»[1].

Мы считаем, что накопившийся объем недостатков в КоАП РФ требует его реформирования. Вместе с тем принципиальной ошибкой, лежащей на поверхности, но практически никем не отмечаемой, является проведение реформирования законодательства об административных правонарушениях в отрыве от законодательства, которое регламентирует другие виды юридической ответственности. В особенности речь идет о ее публично-правовой составляющей.

Административная ответственность обеспечивает правопорядок и безопасность во взаимосвязи, прежде всего, с такими видами юридической ответственности, как уголовная и дисциплинарная. Следует разделить позицию Ж. И. Овсепян, которая дает высокую оценку потенциала юридической ответственности в упорядочении общественных отношений: «Институт юридической ответственности — сердцевина соответствующей (любой) отрасти права, составляющая всех других институтов — присутствует в каждом институте и норме отрасли, представляет собой интегративную основу всей системы отрасли и правовой системы (системы права) государства в целом»[2].

Признавая потенциал юридической ответственности, ее роль в защите общественных отношений, следует отметить дискуссионность вопроса дифференциации юридической ответственности.

---

[1] Реформа КоАП: каким быть новому Кодексу? / М. Якушев [и др.] // Закон. 2019. № 7. С. 22.

[2] *Овсепян Ж. И.* Юридическая ответственность и государственное принуждение (Общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов-на-Дону, 2005. С. 24.

В этой связи Н. В. Витрук указывает, что «…традиционным является различие гражданско-правовой, материальной, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности…»[1]. Мы разделяем данный подход с поправкой на дополнение в виде конституционно-правовой ответственности. Приведенная классификационная модель базируется на использовании комплексного подхода, когда применяются отраслевая идентичность, нормы отраслей права, выступающие объектом правоохраны, а также фактические основания возникновения юридической ответственности.

Следует отметить, что в проекте КоАП РФ не удалось преодолеть существенный дефект действующего законодательства об административных правонарушениях, когда нормы, устанавливающие административную ответственность, содержатся в других НПА. Ю. А. Тихомиров отмечает, что КоАП РФ должен объединить все действующие положения, которые содержатся в разрозненных законах, прежде всего, в НК РФ[2].

Во многом схожую позицию отстаивает и Н. Ю. Хаманева, которая отмечает, что при разработке действующего КоАП РФ предполагалось, что «…это будет единственный акт (закон), регулирующий все вопросы административной ответственности, независимо от отраслевой принадлежности соответствующих административных правонарушений»[3].

Первый заместитель Председателя ВС РФ П. П. Серков, рассматривая действующее законодательство, регламентирующее юридическую ответственность, прежде всего, в финансовой сфере, приходит к выводу, что «…налоговое законодательство и налоговые правоотношения должны быть объектами защиты традиционных видов юридической ответственности, в том числе мерами административной ответственности»[4].

---

[1] *Витрук Н. В.* Общая теория юридической ответственности : монография. Москва, 2008. С. 93.

[2] См.: *Тихомиров Ю. А.* Административное право и процесс : полный курс. 2-е изд. Москва, 2005. С. 629.

[3] *Хаманева Н. Ю.* Административная ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах // Административная ответственность: вопросы теории и практики : сборник статей. Москва, 2005. С. 73.

[4] *Серков П. П.* Административная ответственности в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография. Москва, 2012. С. 403.

Необходимо признать, что утратила актуальность дискуссия о самостоятельном статусе экологической и таможенной ответственности в силу включения в КоАП РФ глав 8 и 16, нормы которых регламентируют административную ответственность в областях охраны окружающей среды и таможенного дела.

Показательная позиция С. М. Зырянова, который признает универсальный характер административной и уголовной ответственности, их способности охранять самый широкий спектр отношений: «Уголовная и административная ответственность охраняют отношения любой природы (конституционные, гражданские, трудовые, семейные, экологические, финансовые, административные и др.). Поэтому, кстати, утверждение о существовании отраслевых видов юридической ответственности (экологической, финансовой и т. д.) не имеют смысла»[1].

При реформировании законодательства об административных правонарушениях необходимо решить принципиальный вопрос о его соотношении с уголовной ответственностью, которая обладает наиболее мощным правоохранительным потенциалом. Постулирование на протяжении длительного времени утверждения о большей степени общественной опасности преступлений по отношению к административным правонарушениям не соответствует действительности. Такое положение возникло в силу введения административной ответственности юридических лиц. В качестве примера можно сослаться на стоимостные критерии, которые используются в качестве определения степени общественной опасности соответствующих деяний. Например, взятка в особо крупном размере определяется размером, превышающим 1 млн рублей (примечание ст. 290 УК РФ), а незаконное вознаграждение от имени юридического лица, по сути та же взятка в особо крупном размере признается в размере свыше 20 млн рублей. Следует отметить, что проектом действующего УК РФ предполагалось установление уголовной ответственности юридических лиц, однако на стадии доработки уголовно-правового закона данное положение было исключено.

---

[1] *Зырянов С. М.* Административная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения : материалы VIII ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся / отв. ред. Н. Г. Доронина. Москва, 2013. С. 118.

Анализируя уголовную ответственность юридических лиц по зарубежному законодательству, А. В. Федоров не исключает возможность ее введения в РФ, учитывая интеграционные процессы на постсоветском пространстве и наличие ее в законодательстве ряда государств СНГ[1].

Начиная с 2011 года особой остротой отличается вопрос о закреплении в УК РФ статей с административной преюдицией. Анализируя действующее уголовное законодательство, практику его применения и существующие доктринальные подходы, Л. В. Головко резюмирует, что существующие проблемы «…не свидетельствуют о концептуальной порочности применения по некоторым уголовным делам института административной преюдиции, отнюдь не заслуживающего столь яростных, не всегда обоснованных доктринальных атак, которым он подвергается на протяжении почти всего постсоветского периода»[2].

В ходе реформирования законодательства, регламентирующего юридическую ответственность, необходимо не только определить деяния, степень возрастания общественной опасности которых связано с предварительным привлечением к административной ответственности (например, нанесение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ) и нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость (ст. 116[1] УК РФ)), но и уточнить критерии определения общественной опасности в целом для дифференциации административной и уголовной ответственности. Возникает вопрос: «Какими критериями руководствуется законодатель при исключении деяний из числа преступлений и перевода последних в статус административных правонарушений и наоборот?» Например, оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), что ранее было установлено (ст. 129 УК РФ)[3]. В то же время ответственность за клевету была исклю-

[1] См.: *Федоров А. В.* Об уголовной ответственности юридических лиц в Республике Узбекистан // Российский следователь. 2023. № 3. С. 56–62.

[2] *Головко Л. В.* Институт административной преюдиции по уголовным делам, или О закономерностях перехода количества в качество // Закон. 2023. № 10. С. 113.

[3] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерациии отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50, ст. 7362.

чена из уголовного законодательства (ст. 128 УК РФ) и установлена за данное деяние административная ответственность (ст. 5.60 КоАП РФ)[1]. Спустя семь месяцев законодатель снова ввел уголовную ответственность за клевету (ст. 128[1] УК РФ)[2], исключив из перечня административных правонарушений.

Важное значение имеет вопрос о пределах использования административной ответственности при охране соответствующих отношений, например, жизни. Если еще недавно можно было констатировать, что данный вид юридической ответственности здесь не применим, то после внесений дополнений в ст. 6.3 и 20.3 КоАП РФ можно утверждать, что административная ответственность охраняет и жизнь[3].

Вызывают закономерные вопросы соотношения сроков давности административных правонарушений и преступлений. В настоящее время законодателем установлены сроки в шестьдесят, девяносто календарных дней; один, два, три и шесть лет привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ). Принимая во внимание степень общественной опасности, было бы логичным, чтобы сроки давности административных правонарушений не превышали сроков давности преступлений. В настоящее время срок давности за преступления небольшой тяжести не должен превышать двух лет, а средней тяжести — шести лет (ст. 78 УК РФ). В проекте КоАП РФ не только не сокращаются сроки давности привлечения к административной ответственности, но и сохраняется тенденция к их увеличению (ст. 3.31 проекта КоАП РФ).

Возникает закономерный вопрос о досрочном прекращении исполнения административных наказаний. В действующем законодательстве об административных правонарушениях отсутствует такая возможность, между тем уголовно-правовым законода-

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерациии отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50, ст. 7362.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 31, ст. 4330.

[3] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14, ч. I, ст. 2029.

тельством предусмотрено условно-досрочное освобождение от исполнения уголовного наказания (ст. 73 УК РФ).

Вызывают закономерные вопросы предложения по законодательному закреплению института уголовного проступка. По мнению разработчиков законопроекта, они руководствовались тем, что его принятие позволит существенно повысить эффективность реализации уголовного законодательства: «Внесение в действующее законодательство предлагаемых изменений позволит более справедливо классифицировать преступные деяния, дифференцировать уголовную ответственность за их совершение в зависимости от характера общественной опасности, предусмотреть новое основание освобождения от уголовной ответственности, упростить судебную процедуру рассмотрения уголовных дел этой категории, существенно сократить сферу применения уголовного наказания за счет назначения иных мер уголовно-правового характера, не влекущих за собой судимости и связанных с ней негативных последствий»[1].

Полагаем, что такое законодательное предложение сложно признать оправданным. Наиболее рациональным путем является определение взаимосвязи между преступлениями и административными правонарушениями без введения такой конструкции, как уголовный проступок. Во многом схожую позицию разделяет В. В. Сверчков: «…новые положения создают параллельную системе уголовного наказания систему иных мер уголовно-правового характера (обязательные, исправительные работы (см. предложения о введении в УК РФ ст. 104.3.1, 104.6, 104.7), поскольку исполнять их надлежит по правилам, установленных федеральным законодательством для исполнения уголовных наказаний (см. предложения о введении в УК РФ ст. 104.8)»[2].

---

[1] О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 2017 г. № 42 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.05.2024).

[2] *Сверчков В. В.* Введение в Уголовный кодекс категории уголовного проступка: модернизация законодательства или сомнительный эксперимент // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 21–22.

Несколько меньшая острота присуща соотношению административной и дисциплинарной ответственности. Будучи фактическим основанием административной ответственности, административные правонарушения могут приводить и к возникновению дисциплинарной ответственности. Такое положение предусмотрено ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ, когда субъектом административного правонарушения выступают военнослужащие и лица, на действия которых распространяются требования дисциплинарных уставов.

Наряду с этим, ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ предусмотрена ответственность вышеперечисленных субъектов за ряд правонарушениях на общих основаниях. В постановлении Пленум ВС РФ от 25 июня 2019 года № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» акцентировано внимание нижестоящих судов на то, что за совершение административных правонарушений, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ, специальные субъекты несут административную ответственность на общих основаниях. В случае совершения правонарушений военнослужащими или гражданами, призванными на военные сборы, соответствующие дела подсудны исключительно судьями гарнизонных военных судов[1]. Правоприменительная практика идет по пути удвоения ответственности, когда указанные субъекты, наряду с привлечением к административной ответственности, в дальнейшем несут дисциплинарную ответственность.

При определении соотношения административной и дисциплинарной ответственности встает вопрос об объекте правоохраны. Как известно, дисциплинарная ответственность призвана охранять трудовую и служебную дисциплину. Круг отношений административной ответственности гораздо шире. Ее потенциал задействован в том числе и для охраны трудовых отношений (гл. 5 КоАП РФ). В этой связи возникают следующие вопросы:

[1] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума ВС РФ от 25 июня 2019 г. № 20 // Российская газета. 2019. 3 июля.

1. Насколько обоснована возможность замены административной ответственности на дисциплинарную ответственность?

2. Какие дисциплинарные наказания могут быть применены при подобной замене?

3. Допустимо ли одновременное применение за совершение административного правонарушения административной и дисциплинарной ответственности?

Одной из существенных проблем дисциплинарной ответственности является ее систематизация. Учитывая схожесть требований, предъявляемых к работникам и служащим и роли дисциплинарной ответственности в обеспечении трудовой и служебной дисциплины, можно было бы разработать единый Дисциплинарный кодекс РФ. Такое законодательное решение во многом способствовало бы унификации правоприменительной практики и предупреждало юридические ошибки в данной области. Наряду с этим следует более детально проработать вопрос о дифференциации дисциплинарной ответственности за отдельные дисциплинарные правонарушения. В настоящее время этот вопрос решен только применительно к назначению такого дисциплинарного взыскания, как увольнение. В этой связи правоприменитель обладает существенными дискретными полномочиями, что в значительной степени актуализирует проблему злоупотреблений.

«Было бы неверным ограничивать связь между административной и дисциплинарной ответственностью исключительно ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ. Существующая связь значительно глубже и сложнее. В ряде случаев ненадлежащее исполнение служащими (работниками) своих служебных обязанностей, то есть нарушение служебной дисциплины приводит к административной ответственности»[1]. В качестве примера можно сослаться на привлечение к административной ответственности при нарушении сроков представления налоговой декларации или расчетов по страховым взносам (ст. 15.5 КоАП РФ). Руководитель соответствующей организации является субъектом административной ответственно-

[1] Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий : монография / Д. А. Липинский [и др.]; под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского, А. А. Мусаткиной. Москва, 2020. С. 412.

сти. В дальнейшем к дисциплинарной ответственности подлежат должностные лица финансово-бухгалтерских подразделений.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать необходимость в проведении планомерной деятельности по комплексному реформированию института публично-правовой ответственности. Преобразование отдельных видов юридической ответственности может быть эффективным только в краткосрочной перспективе. В этой связи необходимо приостановить третью кодификацию законодательства об административных правонарушениях и подготовить законопроекты уголовно-правового и дисциплинарного законодательства.

УДК 347

Малютина О. А.,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России

Трансформация института семьи сквозь призму брачного договора

Династии, общества, империи обращались в прах, если в них начинала рушиться семья...
В. Астафьев «Печальный детектив»

Семья — институт, существование которого не оспаривалось практически ни на одном этапе развития человеческого общества. Это и часть общества, и его связующее звено, и колыбель человеческая, и место формирования будущего общества. Переоценить ее сложно. Однако рассматривать семью в каком-либо одном аспекте, например, только как явление правовое, в отрыве от социально значимых аспектов общественной жизни представляется в корне неверным. Безусловно, упоминание семьи часто сопряжено с идиллической картиной сказочного мира, выраженной известной фразой: «Жили они долго и счастливо...», и соотносится в сознании человека с возвышенным чувством любви, которое должно быть пронесено через всю жизнь. Так ли обстоят дела на самом деле? Обратимся к статистике.

С января по март 2024 года было зафиксировано более 150 тыс. разводов на 200 тыс. зарегистрированных браков[1]. Безусловно, за цифрами кроются разные причины развода, разный период семейной жизни. Что изменилось на сегодняшний день в институте семьи и каковы причины разводов — предметы иного исследования, мы остановимся лишь на одной составляю-

[1] См.: Число зарегистрированных браков (оперативные данные) // ЕМИСС Государственная статистика : офиц. сайт. URL: https://fedstat.ru/indicator/33553 (дата обращения: 07.07.2024).

© Малютина О. А., 2024

щей брачно-семейных отношений — договорных имущественных отношениях и способах их регулирования.

Институт договорных отношений супругов как способ урегулирования имущественных отношений существует со времен римского права и имплементируется правом отдельных государств в разный период времени. Примером закрепления договорных отношений супругов служит параграф 128 законов хаммурапи, который содержал правило: «Если человек взял жену и не заключил с ней договоры, то эта женщина — не жена»[1]. Договоренности упомянуты на глиняных табличках, однако подобное закрепление служит скорее прообразом брака, а не брачного договора. Отметим, что способы заключения брака различались. Сторонами прототипа брачного договора могли быть (и чаще всего были) родители будущих супругов или родители и супруг, реже супруга.

В России перед заключение брака обязательным считался обряд обручения. Его суть состояла в заключении договора между родителями жениха и невесты, который мог содержать права и обязанности супругов в браке. Позже Свод законов Российской империи закрепил добровольность брачного союза[2], а обручение стало расторжимым[3]. Полагаем, что на этом этапе заключаемые договоры служили своего рода гарантией заключения брака.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что имело место заключение сделок между родителями будущих супругов (сращивание капиталов, решение долговых проблем и пр.), то есть договор был не между супругами, а между будущими родственниками: родители жениха и невесты заключали договор об урегулировании дальнейших имущественных правоотношений будущих супругов с обязательными обеспечительными признаками неустойки или задатка[4].

---

[1] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1: Древний мир и Средние века / сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Н. А. Крашенинникова. Москва, 2004. С. 33.

[2] См.: *Штымбалюк А. В.* История законодательства России о брачном договоре // Наука и современность. 2016. № 46. С. 148.

[3] См.: *Бондов С. Н.* Брачный договор (контракт) по семейному праву России. Москва, 2006. 261 с.

[4] См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 405.

В ряде случаев посредством заключения договора закреплялась возможность защитить имущественные права женщины в браке: в содержании договора обручения обязательно прописывались условия о приданом и доля жениха, подлежащие обязательной государственной регистрации[1]. Институт брака являлся незыблемым, следовательно, и сами договоры считались нерасторжимыми[2].

Впоследствии том X Свода законов Российской империи в редакции с 1716 по 1809 годы закрепил, что «…браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность» (ст. 109)[3]. Вряд ли стоит считать указанные положения самостоятельным брачным договором, однако шаги в сторону его появления сделаны. Появившийся имущественный суверенитет в браке будет сохранен впоследствии и позволит супругам оставить в своей собственности и не делить при разводе как совместно нажитое имущество, так и приобретенное каждым из них в отдельности до вступления в брак.

С 1845 года муж не вправе был подвергать жену физическому наказанию; приданое жены признавалось исключительно ее имуществом; жена могла продавать или закладывать свои вотчины без согласия супруга. Именно супруг должен был содержать супругу, при этом она сохраняла право на содержание, даже если она уклонялась от совместной жизни с мужем, по вине которого совместная жизнь супругов была судом признана невыносимой[4]. Однако и эти положения служат лишь закреплением имущественных прав супругов, не предоставляя возможности договориться «об ином распределении имущества».

---

[1] См.: *Лапаева А. В.* К истории вопроса института брачного договора в отечественном и зарубежном законодательстве // Право: история и современность. 2021. № 4 (17). С. 31.

[2] См.: *Мананкова Р. П.* Правовой статус членов семьи по советскому законодательству / под ред. Л. Хаскельберга. Томск, 1991. С. 216.

[3] *Довнар А. Н., Арон Е. Р.* Правовое регулирование брачного договора в Российской Федерации: история и современность // Человек. Общество. Инклюзия. 2020. № 4 (44). С. 66.

[4] См.: *Злобина И. В.* О юридической сущности брачного контракта: гражданско-правовая сделка или супружеский контракт // Закон и право. 2001. № 8. С. 42–44.

Декабрь 1917 года ознаменовался двумя документами, закрепившими единственно возможную форму брака — гражданский брак, что предполагало его регистрацию в установленном законом порядке и возможность его расторжения[1]. Годом позже Кодекс закрепил норму, которая закрепила право супругов заключать между собой различные виды договоров, не противоречащие вновь введенному законодательству. Однако в соответствии со ст. 106 Кодекса законов об актах гражданского состояния, о брачном, семейном и опекунском праве «…соглашения супругов, направленные на умаление имущественных прав жены или мужа, недействительны и необязательны как для третьих лиц, так и для супругов, которым предоставлено право в любой момент от их исполнения отказаться»[2].

Советский период частично сохраняет имущественный суверенитет супругов и впоследствии переносит его в законодательство постсоветского периода в части реанимирования норм о брачном договоре.

Отметим, что институт договорных отношений в отношениях между супругами носил характер защитных мер и был направлен на предупреждение нарушения имущественных прав супруги. Так, существовал договор о приданном, предполагавший передачу части имущества в пользу новой семьи родителями супруги и предоставляющий возможность определить судьбу этого имущества в случае смерти супруга. К разновидности договорных отношений супругов можно относить и договор, предполагавший «взнос» со стороны жениха — выкуп за невесту, «компенсация» «за отлучение невесты от рода»[3].

На сегодняшний день законодатель закрепляет положения о брачном договоре вне зависимости от момента заключения брака, что предусмотрено абз. 1 п. 1 ст. 41 СК РФ. Это свидетельствует о возможности заключения упомянутого договора до

---

[1] О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния : декрет ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 г. // Декреты Советской власти: в 18 т. Т. 1. Москва, 1957. С. 247–249.

[2] *Пчелинцева Л. М.* Семейное право : учебник. Москва, 2009. 748 с.

[3] См.: *Лапаева А. В*. К истории вопроса института брачного договора в отечественном и зарубежном законодательстве // Право: история и современность. 2021. № 4 (17). С. 31.

вступления в брак. Современный брачный договор не компенсирует недостаток прав одной из сторон в брачно-семейных отношениях, а позволяет изменить законный режим имущества супругов, предупредив вероятные имущественные конфликты. Это стало возможным благодаря изменениям не только в содержании прав и обязанностей супругов, но и благодаря социально-экономической ситуации.

Современная конструкция брачного договора предоставляет супругам относительную свободу выбора при разграничении имущественных прав, не затрагивая наследственные правоотношения (для этой цели введен институт наследственного договора, совместного завещания супругов и иные правовые механизмы). Так, в содержание брачного договора могут быть включены:

— способы участия в доходах, полученных каждым из супругов;

— распределение обязанностей по поддержанию быта супругов и размер семейных расходов для каждой из сторон (текущих или целевых);

— состав имущества, подлежащего передаче каждому из супругов при расторжении брака (как путем перечисления имущества, так и указания на его стоимость);

— условия пользования одним из супругов жилым помещением (квартирой, домом), принадлежащим другому супругу на праве собственности, в период брака и после его расторжения и т. п.

Поскольку брачный договор может регламентировать исключительно имущественные отношения между супругами, то из указанного положения следует несколько выводов: он распространяется только на стороны договора (родители супругов юридически не имеют отношения к брачному договору) и предполагает ряд исключений, касающихся его содержания (например, брачным договором не регулируется право на выбор супругами рода занятий и профессии, места жительства, фамилии при заключении и расторжении брака, количество встреч).

Анализируя развитие договорных отношений в брачно-семейном союзе, мы упомянули родителей, которые причастны «к сговору» об имуществе супругов еще до момента заключения ими брака. Указанный факт имел место вне зависимости от возраста будущих супругов. На современном этапе сторонами брач-

ного договора могут быть супруги или лица, не являющиеся супругами, но планирующие заключение брака.

Требования к сторонам брачного договора стандартные для семейного законодательства: условием является достижение брачного возраста (п. 1 ст. 12; абз. 1 п. 1 ст. 41 СК РФ). Последний может быть снижен в исключительных случаях. Вследствие снижения брачного возраста остается открытым вопрос заключения брачного договора, предваряющего заключение брака.

Несовершеннолетние молодые люди могут быть успешными блогерами, моделями, художниками, имеющими стабильный доход и, соответственно, имущество, принадлежащее им на праве собственности[1]. Количество субъектов, реализующих предпринимательские проекты в возрасте до 18 лет при поддержке центра молодежных инициатив, все увеличивается. Логичной видится возможность самостоятельного определения судьбы личного имущества при вступлении в брак, предоставленная перечисленным субъектам.

В соответствии с законодательством, заключение брачного договора — это право, а не обязанность, при вступлении в брак. Законодатель определил, что заключение подобной сделки не относится к категории безоговорочно разрешенных для несовершеннолетних в возрастном промежутке от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ). Вопрос заключения несовершеннолетним брачного договора остается дискуссионным[2]. Спорной представляется и сама возможность заключения такого договора до заключения брака, если последствием заключения указанного договора будет умаление имущества несовершеннолетнего. Личный характер брачного договора ставит под сомнение и заключение такого рода сделки через представителя.

---

[1] См.: *Карпов О.* Предпринимательство в России молодеет // Комсомольская правда : сайт. URL: https://www.kp.ru/daily/27519/4782083/ (дата обращения: 27.04.2024).

[2] См.: *Букшина С. В.* Заключение брачного договора несовершеннолетними, вступающими в брак, как элемент дееспособности // Нотариус. 2014. № 6. С. 11–12; *Максимович Л. Б.* Брачный договор в российском праве. Москва, 2003. С. 48–49; *Меняйло Л. Н., Тищенко И. В., Панфилова О. В., Старосельцева М. М.* Особенности заключения брачного договора несовершеннолетними, вступающими в брак // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 96–99.

Не лишним будет указать и на возможность вступления в брак ограниченно дееспособного и заключение им впоследствии брачного договора. В такой ситуации согласие на заключение брачного договора должны давать попечители (или орган опеки и попечительства), что может расцениваться как вмешательство со стороны государственного органа или конфликт интересов со стороны второго супруга. Аналогичное мнение высказано Н. Н. Тарусиной[1], и ответа на этот вопрос не содержится в судебной практике.

Принимая во внимание правовую природу брачного договора, отметим, что несовершеннолетний, признанный дееспособным в силу эмансипации (ст. 27 ГК РФ), или вступающий в брак повторно, вправе заключить брачный договор без согласия законных представителей[2].

Рассуждения о возрасте заключения брачного договора возвращают к существованию договора между родителями о заключении брака, напоминают не о союзе индивидуумов, а о союзе семей, кланов, родов, бизнеса и пр. С точки зрения действующих норм такого рода договоренности нарушают свободу выбора брачующихся, и в то же время наличие сохранившихся в ряде государств обычаев заключения брака посредством договоренностей родителей, а дальше «стерпится — слюбится».

Справедливости ради отметим, что наряду с упомянутыми традициями отдельных государств в современных реалиях распространение получило фактическое сожительство (незарегистрированное партнерство, гостевые браки, брак-содружество и т. д.), не предполагающее заключение брака с регистрацией в книге записи актов гражданского состояния, что, соответственно, не позволяет признать заключенный брачный договор вступившим в силу и, как следствие, реализовать имущественные притязания сожительствующих на имущество, нажитое в период совместного ведения хозяйства. Соотнесение подобных отноше-

---

[1] См.: *Тарусина Н. Н.* Семейное право. Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. С. 359–360.

[2] См.: *Максимович Л. Б.* Брачный договор в российском праве. Москва, 2003. С. 48–49; *Тарусина Н. Н.* О «свадебном» праве и не праве // Социально-юридическая тетрадь. 2018. № 8. С. 88.

ний с институтом семьи и брачного договора приводит к выводу об отсутствии защиты имущественных интересов как мужчины, так и женщины, не оформивших брак надлежащим образом.

Развитие системы договорных отношений в браке трансформировалось от регулирования собственно брака как своего рода договора (между заинтересованными субъектами, не всегда представленными будущими супругами) к системе договоренностей на случай возникновения имущественных конфликтов при расторжении брака. Вместе с тем, став спутником рыночных отношений, поддержки и охраны всех видов собственности, брачный договор превратился в инструмент защиты одной из сторон, одновременно являясь и самостоятельным предметом спора (например, исковые требования о расторжении брачного договора по причине неравного положения сторон, по признаку кабальности сделки, иного порока воли сторон). Проведенный выборочный опрос среди обучающихся II–IV курсов высших образовательных организаций показывает, что большинство опрошенных не рассматривают брачный договор как перспективный инструмент разрешения имущественных споров по причине смешения имущественной и неимущественной сфер брачно-семейных отношений («контракт убивает любовь», «заключить брачный договор, значит, допустить мысль о разводе», «нельзя ставить материальные интересы выше моральных ценностей» и т. д.). Результаты опроса свидетельствуют о превалирующем традиционалистском подходе опрошенных к семье и отсутствии необходимости в урегулировании имущественных отношений. Полагаем, что верным будет предположение, что причиной, по которой брачный договор не получил широкого распространения, становится ценностная ориентация современного поколения на идеалы семьи, сформированные не столько правом, сколько традициями, обычаями, восходящими к исторически сформированному подходу к семье как к целостной ячейке общества, создаваемой не для решения имущественных проблем, а для удовлетворения духовных потребностей.

Распространенность брачного договора характерна для эгалитарных семей (семей, где одинокое содружество остается приоритетом, где в культ возведены частная жизнь, независимость и самостоятельность человека).

Полагаем справедливо отметить, что формализация брачных отношений ведет к двоякому пониманию института семьи: с одной стороны, брак — это традиционно «жили они долго и счастливо и умерли в один день», с другой — формальная сделка с вполне определенными последствиями. Приведенные позиции позволяют рассматривать брачный договор в двух плоскостях: ценностной и правовой, и не отделять рассмотренное понятие от семейных ценностей и сущностной характеристики семьи в современном обществе.

Подводя итог анализа трансформации семьи сквозь призму брачного договора, отметим, что брачный договор может быть как инструментом преодоления имущественных споров, связанных с разводом и разделом супружеского имущества, так и поводом для возникновения новых споров, что подтверждается судебной практикой. Безусловно, распоряжение имуществом посредством заключения брачного договора позволит частично минимизировать количество споров о разделе имущества при разводе, с одной стороны; с другой — имущественные вопросы не станут поводом для сохранения брачно-семейных отношений, которые утратили свою ценность для супругов.

Полагаем, что сохранение семьи как традиционной ценности среди молодежи в рассмотренном контексте ставит вопрос о повышении правовой грамотности в сфере распоряжения имуществом и требует определенных затрат, как организационных, так и управленческих, что впоследствии повлечет необходимость и в нормативных изменениях. Игнорирование брачного договора как способа разрешения имущественных споров и института цивилизованных финансовых отношений в семье становится невозможным в условиях повышения финансовой грамотности, в том числе и несовершеннолетних.

УДК 340

Малявина А. Б.,
кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России

Закон как основа правовой жизни современного общества и его эффективность

Существование современного государства и общества неизменно связано с понятием «закон», а само государство немыслимо без понятия «право». В современном обществе, стремящемся к окончательному формированию правового государства как верховной формы организации социума, закон приобретает решающее значение. Это вполне очевидно, так как сам закон выступает в организации жизнедеятельности общества, является регулятором общественных отношений: от микро- (межличностные, семейные) до макро- (отношения социальных групп, отдельных субъектов государственного устройства, отношения в сферах определенных видов общественной, социальной, экономической деятельности, межгосударственные отношения) отношений. Только закон фактически выступает мерилом правовой жизни, задает вектор развития общественных отношений, имеет первоочередное значение для правового регулирования, а именно: непосредственно его определение, предмет, формы, методы и, наконец, пределы правового регулирования — спектр общественных отношений, подлежащих правовому, то есть государственному, регулированию, а также определению круга отношений субъектов общества, которые не могут быть урегулированы нормами права в силу объективных причин, а также сложившихся в обществе моральных и социальных традиций общественного поведения.

Современное российское общество проходит сложный этап развития, характеризующийся утверждением конституционализма, приоритета прав и свобод человека и гражданина, формиро-

© Малявина А. Б., 2024

ванием демократических институтов. Становление и функционирование основ правовой государственности в России обусловливают необходимость в создании устойчивой системы власти, опирающейся только на закон.

Закон служит юридической основой нормального функционирования политической системы общества и обеспечения правопорядка в стране. Законность, являясь ведущим признаком правового государства, предполагает подчинение закону всех без исключения субъектов правоотношений. Только при торжестве закона в деятельности самой власти создаются устойчивые предпосылки к установлению правопорядка в обществе в целом[1].

Фундаментом российской правовой государственности является Основной закон — Конституция РФ. Конституционная основа построения и функционирования власти в РФ предполагает создание мощной законодательной базы, состоящей из федеральных конституционных и федеральных законов. В этом заключаются главная ценность законов и их максимальная эффективность.

Качественный нормативный акт представляет собой идеальную пропорцию между правами и обязанностями. Когда человек будет понимать, что закон справедлив[2], он начнет его беспрекословно соблюдать, следовательно, законодательство будет эффективным и действенным. Качество закона оказывает огромное влияние на укрепление правопорядка в стране, поскольку правопорядок предполагает наличие законов высокого качества.

В научных работах С. С. Алексеева, М. Н. Матузова, М. Н. Марченко, В. С. Нерсесянц, А. С. Пиголкина и многих других ученых были сформированы научно-теоретические предпосылки изучения проблемы качества закона и эффективности деятельности законодателя. Именно из их научных трудов в российской юридической науке формировалась концепция «качество закона» и определись критерии его эффективности.

---

[1] См.: *Кузин А. И.* Государство и закон в современном российском обществе. Политико-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук // DisserCat — электронная библиотека диссертаций : сайт. URL: https://www.dissercat.com/content/gosudarstvo-i-zakon-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve-politiko-pravovoe-issledovanie (дата обращения: 06.05.2024).

[2] См.: *Толстик В. А.* Концептуальные основы нормального (справедливого) государства и их конституционное закрепление // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 186–200.

В первую очередь для того чтобы оценить эффективность законодательства, требуется проанализировать непосредственную часть системы, связанную с действенностью закона. Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что если не знать, для чего действует закон, то и невозможно понять, насколько он эффективен.

Каждый закон имеет определенную цель и основывается на конкретной проблеме или их совокупности, которые необходимо решить. Он является механизмом ее решения, хотя при написании закона лоббисты могут руководствоваться и иными целями.

Следствием постановки проблемы является признание обратного благоприятного состояния, которое имеет какое-то определенное количество значений по ряду присущих ему показателей. Примером тому могут служить многие негативные проявления, среди которых и антиобщественные варианты поведения, связанные с употреблением наркотиков, алкоголя, что в настоящее время выступает одной из острейших проблем, тем самым вынуждая законодателя проявлять внимание к этой области, и акцентировать деятельность государства на борьбу с данными негативными проявлениями. Например, ввиду того, что этот факт требует нормативного урегулирования, фундаментом которого является информация о количестве людей, умерших от злоупотребления алкоголем, а также о динамике случаев смертей, связанных с отравлением контрафактным алкоголем, государство, соответственно, вынуждено усиливать курс на антиалкогольную направленность. Последствием этого становится принятие мер по противостоянию алкоголизму с определением изначальных значений показателей этой проблемы, только при достижении которых законодательство можно будет считать эффективным.

Таким образом, первичная оценка связана с тем, насколько решена поставленная проблематика, в какой степени реализованы поставленные планы, достигли ли того благоприятного состояния, которое подразумевалось. Основная оценка закона как действенного или, наоборот, неэффективного в границах этого критерия имеет конкретные количественные и качественные показатели. По факту отраженных в динамике целевого показателя социума в конкретный период времени — степень совершенных преступлений какого-либо вида, людей, имеющих какую-либо профессию и т. п.

Если анализировать критерий отдельно от других, то невозможно точно определить эффективность закона, ведь при рассмотрении в совокупности по другим критериям также может быть низкий показатель, что даст отрицательный результат, иными словами, низкую эффективность закона. Абсолютно ясно, что отдельно взятый критерий совершенно не рассматривает совокупность факторов, которые в тандеме с ним могли бы создать синергетический эффект, при котором комплекс данных факторов намного сильнее воздействует на положение проблемы. К примеру, профилактика сердечно-сосудистых заболеваний, в связи с которыми в стране повысился уровень смертности, смогла намного сильнее повлиять на проблему, чем сам закон. Необходимо отметить, что даже при наличии огромного числа внешних факторов, присутствующих везде и постоянно воздействующих на закон, первичная оценка закона все равно должна осуществляться.

Таким образом, если критерий непосредственной оценки закона дополнить внешними факторами, которые будут иметь одну цель, то это наводит на мысль о конкретизированной оценке с наибольшим исключением эффективности каждого из них.

Оценка косвенной эффективности закона является вторым критерием. Если по первому критерию закон имеет благоприятный результат, то эффективным его еще назвать нельзя, так как он должен получать ряд других положительных показателей по другим критериям. Например, повышение акцизов на продажу алкоголя дало благоприятный эффект, так как достаточно эффективно воздействовало на проблему, тем самым показав, как эффективно действует, независимо от других функций. Но даже при этом, если по первому критерию показатель низкий, то это совершенно не значит, что закон бесполезен.

Представляется, что все направления, все эффекты (благоприятные или неблагоприятные) должны быть внимательно исследованы и изучены.

В современных условиях существенным недостатком законотворческой деятельности можно считать не всегда оправданную поспешность в рассмотрении и принятии новых законодательных решений. Мы наблюдаем ситуацию, при которой российский законодатель «…торопиться закрыть все пустующие

ниши с помощью нормативного регулирования в целях создания новой правовой системы»[1], что, по нашему мнению, напрямую влияет на качество принимаемых законов. В связи с этим и возникает вопрос о косвенной эффективности закона, который не только нацелен на проблему, но и формирует какие-либо косвенные эффекты, воздействует на какие-либо другие проблемы. Например, при борьбе с алкоголизмом может быть введен закон, уровень эффективности которого может оказаться довольно низким, или даже закон может быть бесполезным в этой области, однако в борьбе с наркоманией он будет очень эффективным и положительно повлияет на решение этой проблемы. В результате закон эффективен, хотя и не в нужной сфере. Таким образом, закон оказывается действенным и улучшает работу других законов.

При подведении итогов действия закона следует указать на важность применения оценки законодательной деятельности по его непрямой эффективности, ведь даже если закон не выполнил свою конкретную задачу, то он стал целью привлечения социальных ресурсов за счет их непопадания в иные сферы. Такая затратность заставляет задуматься, насколько целесообразно потрачены эти ресурсы, которые могли быть направлены в другую сферу и действовать намного результативней. Следовательно, когда возникает подобная потеря ресурсов, важно рассмотреть, исследовать, изучить косвенное воздействие закона, ведь в другой сфере он мог принести пользу.

Таким образом, как и в первом критерии, так и во втором требуется учет внешних факторов, повлиявших в тандеме с ним на благоприятное решение проблемы.

Эффективность правовых норм выступает как соотношение цели и результата, и делится на две основных составляющих:

1) юридическая эффективность, то есть поведение субъектов нормы равно предписаниям;

2) общественная эффективность, то есть уровень получения результата связи общественной цели, находящейся не в пределах явной сферы влияния правового регулирования.

Общественная значимость норм оценивается как соотношение поставленных и побочных результатов их действия.

[1] Законотворчество в Российской Федерации : научно-практическое пособие / под ред. проф. А. С. Пиголкина. Москва, 2002. С. 9.

Закон обязан быть основанным, во-первых, на ясном анализе политических, общественных, экономических и культурных условий. Это позволяет законодателям выявить степень доступности закона. Принятие закона означает, что население готово соблюдать закон. Это в первую очередь вопрос о своевольном стремлении субъектов соблюдать закон, но иногда стоит мотивировать и принуждением, гарантирующим самостоятельное соответствие закону основной части общества.

Принятие нормы права представляет собой ее понимание, соблюдение и реализацию. Граждане обязаны иметь чувство справедливости, которое верит в нацию и ее права, основанные на принципах демократии. Без сомнения, мотивация соблюдать закон также основана на гарантии минимального уровня благополучия индивидов в результате успеха экономической политики.

Итогом неэффективного закона является огромный темный массив преступлений. Одним из негативных последствий эффективной реализации закона становится желание общественности обойти закон.

Таким образом, качество закона является основополагающим критерием эффективности законодательства, однако нельзя и забывать о факторах, влияющих на него. Качество закона влияет полностью на всю правовую систему, законодательство и нормативную базу государства, поэтому необходимо сформировать определенные стандарты и критерии качества закона, которые в будущем повлекут за собой стабилизацию и систематизацию НПА. От этого в полной мере зависит эффективность современного российского законодательства, ведь единые требования будут помогать разрешению большого количества нормативных проблем, а также не допустят опубликования законодательных актов, не способных достичь той или иной цели и имеющих определенное количество упущений.

УДК 343

Маханов Т. Г.,
магистр юридических наук (г. Астана, Республика Казахстан);
Рыскулов Д. А.,
магистр юриспруденции, адъюнкт (г. Астана, Республика Казахстан)

К вопросу о сущности понятия «активы» сквозь призму коррупционных преступлений

Политика и практика конфискации активов, полученных преступным путем, с целью борьбы с преступностью и их возврата стали занимать центральное место в деятельности правоохранительных органов Республики Казахстан. Эта практика вызвала много вопросов о способности органов уголовного преследования оценивать успех, а также о социальных последствиях возвращения активов.

Как правило, значительную долю в общей сумме средств, незаконно выведенных из экономики Республики Казахстан, составляют доходы от экономических и коррупционных преступлений, а также легальные доходы, выведенные за границу посредством незаконных финансовых схем.

В ходе исследования проблем доказывания по уголовным делам о возврате незаконных активов возникают вопросы о понятии активов и природе их возникновения.

Анализ научной литературы показал, что вопросы активов в основном рассматривают в сфере экономических, финансовых наук, при этом в юридической науке практически отсутствуют работы об определении понятия «активы» относительно преступного происхождения. Изучая данный вопрос, мы попытались понять сущность активов, проанализировав различные источники:

— С. И. Ожегов «Толковый словарь»: актив (англ. *asset* от лат. *activus* — «действенный») часть бухгалтерского баланса, отражающая все принадлежащие предприятию материальные ценности; 2) наиболее передовая, политически закаленная и дея-

© Маханов Т. Г., Рыскулов Д. А., 2024

тельная часть членов партийной или другой общественной организации (партийный актив, профсоюзный актив);

— С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова «Толковый словарь русского языка»: совокупность имущества, имущественных и неимущественных прав (имущество), принадлежащих физическому или юридическому лицу;

— Л. И. Лопатникова «Экономико-математический словарь»: активы способны приносить доход (прибыль) или другие выгоды;

— «Финансовый словарь терминов»: совокупность имущественных прав (имущества), принадлежащих физическому или юридическому лицу в виде основных средств, нематериальных активов, материальных производственных запасов, денежных средств, финансовых вложений, а также денежных требований к другим физическим или юридическим лицам;

— Р. И. Нуриев учебное пособие «Курс микроэкономики»: «Средства, которые обеспечивают денежные поступления их владельцу в форме как прямых выплат (прибыль, дивиденды, рента и т. д.), так и скрытых выплат увеличения стоимости предприятия, недвижимости, акций и т. д.»;

— Е. С. Денисенко «Экономическая сущность понятия “Активы” и их классификация»: «Имущество, являющееся собственностью организации или отдельного лица, имеющее денежное выражение, способное приносить доход и иные экономические выгоды, возникшие в результате прошлых событий»;

— Ю. Н. Воробьев учебное пособие «Финансовый менеджмент»: «Экономическая категория, характеризующая имеющиеся ресурсы предприятия, которые используются в финансово-хозяйственной деятельности для достижения поставленной цели, и отражаемые соответствующим образом в бухгалтерском балансе».

Понятие «активы» законодателем дано только в Законе Республики Казахстан от 12 июля 2023 года «О возврате государству незаконно приобретенных активов» (далее — Закон). До его принятия в законодательных актах данное понятие отсутствовало, хотя использовалась во многих подзаконных правовых актах, научных и практических изданиях.

Анализ НПА показал, что примерно *в двух тысячах действующих актах* встречается слово «актив».

Согласно указанному Закону под активами понимаются имущественные блага и права (имущество), находящиеся в Республике Казахстан и за ее пределами, включая любые имущественные блага и права (имущество), извлеченные (извлекаемые) из такого имущества. Все они являются объектами гражданских прав. Согласно ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее — ГК РК) к имущественным благам и правам (имуществу) относятся вещи, деньги (в том числе иностранная валюта), финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права, цифровые активы и другое имущество.

ГК РК *не содержит* легального определения вещи как объекта гражданских прав, ограничиваясь только их указанием в составе имущественных благ и прав (п. 2 ст. 115 ГК РК). В данном случае законодатель отделяет правовой режим вещей от иных имущественных благ и прав, составляющих понятие имущество, однако последнее не исключает в случаях, специально определенных в законе, применения к деньгам и имущественным правам правил кодекса о вещах[1].

К деньгам и правам (требованиям) по денежному обязательству (правам требования по уплате денег) применяется соответственно правовой режим вещей или имущественных прав (требований), если иное не предусмотрено ГК РК, иными законодательными актами Республики Казахстан или не следует из существа обязательства[2].

По мнению С. В. Скрябина, *вещь* — это предмет материального мира, имеющий юридически признаваемую телесную форму, с помощью которой он получает свое внешнее выражение в пространстве, представляет для обладателя определенный иму-

[1] См.: Гражданское право : учебник для вузов (академический курс) : в 3 т. Т. I / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2014. С. 451–473.

[2] Гражданский кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000 (дата обращения: 10.05.2024).

щественный интерес, связанный с использованием полезных свойств и качеств вещи[1].

Согласно ст. 127 ГК РК денежной единицей в Казахстане является тенге — законное платежное средство, обязательное к приему по нарицательной стоимости на всей территории Республики Казахстан. Платежи на территории Республики Казахстан осуществляются в виде наличных и безналичных расчетов.

Иностранная валюта — денежные знаки в виде банкнот, монет, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством на территории иностранного государства (группы государств), а также изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену на находящиеся в обращении денежные знаки (п. 11) ст. 1 Закона Республики Казахстан «О валютном регулировании и валютном контроле»)[2].

Финансовый инструмент — деньги, ценные бумаги, включая производные ценные бумаги, производные финансовые инструменты и другие финансовые инструменты, в результате операций с которыми одновременно возникают финансовый актив у одного лица и финансовое обязательство или долевой инструмент — у другого.

Финансовый актив — «…любой актив, который представляет собой деньги, долевой инструмент другого лица, договорное право на получение денег или иного финансового актива от другого лица или на обмен финансовых активов или финансовых обязательств с другим лицом на потенциально выгодных для себя условиях, или такой договор, расчет по которому будет или может быть произведен собственными долевыми инструментами лица и который при этом является таким производным инструментом, по которому у лица есть или может появиться обязанность получить переменное число собственных долевых инструментов, или таким производным инструментом, расчет по которому будет или может быть произведен любым иным способом, нежели путем обмена фиксированной суммы денег или иного

[1] См.: Гражданское право : учебник для вузов (академический курс) : в 3 т. Т. I / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2014. С. 451–473.

[2] О валютном регулировании и валютном контроле : закон Республики Казахстан от 2 июля 2018 г. № 167-VI ЗРК // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000167 (дата обращения: 10.05.2024).

финансового актива на фиксированное число собственных долевых инструментов лица»[1].

Понятие «*работа*» законодательно не регламентировано. В Трудовом кодексе Республики Казахстан даны понятия «тяжелые работы», «сменная работа». Приведем следующие определения:

— работа — 1) выполнение действий во времени и пространстве с применением силы; 2) функционирование какой-либо системы — механизма, биоценоза, организма или общности, — а также ее части; 3) то, что может быть сделано, изготовлено, произведение какого-либо труда, готовая продукция;

— работа (в праве) — деятельность, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребностей организации и (или) физических лиц;

— работа (в искусстве) — опус, произведение искусства, творение какого-нибудь автора;

— работа (в психологии) — серьезная деятельность, противопоставляемая игре или любви. Один из критериев нормальности (или излечения) пациента[2].

Услуги — деятельность, направленная на удовлетворение потребностей заказчика, не имеющая вещественного результата (п. 12) ст. 2 Закона Республики Казахстан «О государственных закупках»)[3]. Оказание услуг — это совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности. Статьями 683–687 ГК РК регламентируются правоотношения сторон по возмездному оказанию услуг.

Согласно ст. 125 ГК РК признается исключительное право гражданина или юридического лица *на результаты интеллектуальной творческой деятельности* и приравненные к ним средства

[1] Гражданский кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 10.05.2024).

[2] Работа // Википедия: свободная энциклопедия : сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 10.05.2024).

[3] О государственных закупках : закон Республики Казахстан от 4 декабря 2015 г. № 434-V ЗРК // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000434 (дата обращения: 10.05.2024).

индивидуализации юридического лица, продукции физического или юридического лица, выполняемых ими работ или услуг (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и т. п.). Использование результатов интеллектуальной творческой деятельности и средств индивидуализации, которые могут быть объектом исключительных прав (интеллектуальной собственности), может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами Республики Казахстан[1].

Законодательство Казахстана относит *фирменное наименование* к объектам интеллектуальной собственности. Под определенным фирменным наименованием юридическое лицо вносится в Национальный реестр бизнес-идентификационных номеров (п. 2 ст. 38 ГК РК). Следовательно, фирменное наименование является разновидностью более общего понятия «наименование юридического лица».

Товарный знак — обозначение, зарегистрированное в соответствии с Законом Республики Казахстан «О товарных знаках», или охраняемое без регистрации в силу международных договоров, в которых участвует Республика Казахстан, служащее для отличия товаров (услуг) одних юридических или физических лиц от однородных товаров (услуг) других юридических или физических лиц[2].

По мнению ученых, *имущественными правами* являются возникающие по основаниям, предусмотренным ГК РК, и передаваемые посредством передачи вещи или посредством внесения в предназначенные для этого публичные реестры:

— охраняемые законом правомочия владения, или владения и пользования, или владения, пользования и распоряжения, или распоряжения определенными вещами;

---

[1] Гражданский кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 10.05.2024).

[2] О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров : закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. № 456 // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000456_(дата обращения: 10.05.2024).

— обеспечиваемые силой закона правомочия требовать от третьих лиц совершения определенных действий по передаче имущества или выполнению работ (услуг) либо по воздержанию от определенных действий, которые могут нанести имущественный ущерб управомоченному субъекту или воспрепятствовать получению им выгоды имущественного характера[1].

Цифровой актив — имущество, созданное в электронно-цифровой форме с присвоением цифрового кода, в том числе с применением средств криптографии и компьютерных вычислений, зарегистрированное и обеспеченное неизменностью информации на основе технологии распределенной платформы данных[2]. Цифровые активы бывают обеспеченными и необеспеченными.

Различные страны по-разному решают проблему идентификации криптовалют: одни рассматривают их как платежные средства, другие — деньгами, где-то они запрещены. В данном контексте значение приобретает применение стандартов и руководство FATF, но они носят рекомендательный характер[3].

Комментируя норму ГК РК об объектах гражданских прав, необходимо сделать вывод о том, что перечисленные виды не являются исчерпывающими, так как законодатель оставил люфт в виде «другое имущество».

Имущество бывает недвижимым и движимым. *К недвижимому имуществу* относятся земельные участки, здания, сооружения, многолетние насаждения и иное имущество, прочно связанное с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно; квартиры и иные жилые помещения, а также нежилые помещения, находящиеся в составе объекта кондоминиума, признаются самостоятельными

---

[1] См.: *Карагусов Ф.* Имущественные права в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы современного гражданского права : сборник научных трудов: в 2 т. Т. 1 / под ред. М. К. Сулейменова. Алматы, 2001.

[2] О цифровых активах в Республике Казахстан : закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 193-VII ЗРК // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193 (дата обращения: 10.05.2024).

[3] См.: *Кунев Д. А.* Международно-правовые стандарты противодействия криминальному обороту криптовалют и иных виртуальных активов // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2022. № 1 (87).

объектами (видами) недвижимости, если они находятся в индивидуальной (раздельной) собственности.

К недвижимым вещам приравниваются также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего водного плавания, суда плавания «река–море», космические объекты, линейная часть магистральных трубопроводов.

Законодательными актами к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

Нормы ГК РК и иных законодательных актов, регулирующих отношения, связанные с недвижимыми вещами, применяются к вещам, указанным в настоящем пункте, в случае, прямо предусмотренном законодательными актами Республики Казахстан.

Имущество, не относящееся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются *движимым имуществом*. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законодательных актах.

В экономической теории выделяют виды активов по степени их ликвидности (то есть их способности быть быстро проданными по цене, близкой к рыночной): высоколиквидные; низколиквидные; неликвидные активы.

Необходимо отметить, что *самым высоколиквидным активом* являются денежные средства. Слово используется также для обозначения любой собственности, имущества организации. Полагаем, что по делам о возврате активов могут возникнуть проблемы по ликвидности возвращенных активов (к примеру, здании, сооружения и т. д.).

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы показал, что работы по изучению сущности и природе активов (касательно похищенных), как изложено в Законе, не проведены. Встречаются в основном работы по изучению активов предприятия, финансовых активов.

Кроме того, согласно п. d) ст. 2 Конвенции ООН против коррупции «имущество» означает любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы

или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них[1].

Аналогично, на пространстве СНГ отсутствует однозначная практика. Например, наиболее часто используемая Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года (Кишиневская конвенция)[2] не предусматривает понятие «актив», но используются слова «предмет», «собственность», «имущество». В частности, ст. 104 Кишиневской конвенции описывает правовую помощь в вопросах розыска, ареста и обеспечения конфискации имущества, что в целом охватывает понятие «актив».

Учитывая схожесть уголовных систем стран СНГ, серьезных проблем по использованию понятия «актив» в практической деятельности не возникает, и органы содействуют друг другу на основании имеющейся правовой базы.

Сложности возникают с понятием «актив» при взаимодействии со странами дальнего зарубежья (особенно европейскими), в которых в уголовно-правовой сфере применяются европейские конвенции. В них также отсутствует понятие «актив». В частности, Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года (г. Страсбург), к которой присоединилась Республика Казахстан, содержит только определения понятий «доход» («любая экономическая выгода, полученная в результате совершения уголовного правонарушения и может включать любое имущество») и «имущество» («имущество любого рода, вещественное или невещественное, движимое или недвижимое, а также юридические акты или документы, дающие право на та-

[1] О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции : закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 г. № 31-IV // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000031_#z31 (дата обращения: 10.05.2024).

[2] О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : закон Республики Казахстан от 10 марта 2004 г. № 531 // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000531 (дата обращения: 10.05.2024).

кое имущество»)[1]. Двухсторонние договоры Республики Казахстан о правовой помощи по уголовным делам, в том числе с европейскими странами, прямо регламентируют установление, арест и конфискацию активов, полученных преступным путем. Таким образом, возникает вопрос: «Имущество — это активы, либо активы — это имущество?», который мы оставим для дискуссии широкому научному кругу.

На основании анализа НПА как отечественных, так и международных, а также научной литературы мы считаем, что под активами необходимо понимать любые объекты гражданских прав, находящиеся в Республике Казахстан и за ее пределами, включая доходы, извлеченные (извлекаемые) из такого имущества.

[1] О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. Закон Республики Казахстан от 2 мая 2011 г. № 431-IV // Информационно-правовая система «Әділет» : сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000431 (дата обращения: 10.05.2024).

УДК 347.91

Михайлов А. Е.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин Северо-Кавказской государственной академии; доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

Процедура медиации как правовая реформа юридической деятельности при урегулировании споров: проблемы теории и практики

Теоретический анализ процедуры медиации как правовой реформы юридической деятельности при урегулировании споров заставляет нас обратить внимание, прежде всего, на понятие «медиативная техника». Так как нас интересует медиативная техника как часть процедуры медиации, то для начала пристально посмотрим на термин «техника». Нас интересует понятие техники, включающее совокупность приемов и навыков, необходимых для осуществления деятельности. А. А. Максуров отмечает, что однозначного определения понятия «медиативная техника» в научной среде не встречается, потому приходится обращаться к чертам, выделяемым исследователями, чтобы понимать, что она из себя представляет[1]. Рассмотрение медиативной техники помогает наиболее полно представить смысл и содержание действий, направленных на достижение целей и результатов, а также предоставляет возможность скорректировать и распланировать процесс.

Следует отметить, что понятие законодательной техники рассматривалось еще в работах античных юристов (Платон, Аристотель, Цицерон). В советское время исследователи обращались к понятию юридической техники. На основе их разработок сле-

[1] См.: *Максуров А. А.* Актуальные проблемы судебного права : монография. Москва, 2024. 308 с.

© Михайлов А. Е., 2024

довал вывод о том, что юридическая техника может быть уподоблена праву или считаться внешним его явлением[1].

В настоящее время интерес к юридической технике среди исследователей увеличивается[2]. С. С. Алексеев отмечает, что «…уровень юридической техники — один из показателей уровня юридической культуры в стране»[3]. Определение сущности юридической техники затрудняется взглядами исследователей, которые, с одной стороны, отождествляют юридическую и законодательную техники (И. Л. Брауде, И. А. Семенов), с другой — разграничивают (И. Н. Бокова, В. Н. Карташов, Л. Л. Кругляков). Точка зрения, разграничивающая юридическую и законодательную технику, наиболее часто поддерживается исследователями. Таким образом, в правовой действительности обращение к понятию «техника» не ново.

Кратко охарактеризуем некоторые области знаний, которые входят в состав процедуры медиации, способствуют ее совершенствованию и составляют сущность процедуры.

Связь с социологией обеспечивается через выявление коммуникативных особенностей отдельных сообществ, народностей. Чтобы узреть корень проблемы, медиатору также необходимо иметь навык определения психического состояния человека. Базовые знания психики человека способствуют грамотно выстроенной деятельности по урегулированию конфликта. Таким образом, для медиации важна связь с психологией, обеспечивающей понимание психических состояний человека. Связь с конфликтологией обеспечивается с помощью конструктивного разрешения конфликта, выявления центральной части, составляющей проблему, обостряющей конфликт. О. В. Куликова, О. А. Прохорова, рассматривая медиацию на междисциплинарном уровне, объединяют психологию и конфликтологию, отмечая, что в совокупно-

---

[1] См.: *Нашиц А.* Правотворчество. Теория и законодательная техника. Москва, 1974. 256 с.

[2] См.: *Михайлов А. Е.* Юридическая техника в контексте многофакторного подхода к ценности права // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения) : сборник докладов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 3–4 июня 2011 года) Саратов, 2011. С. 15–16.

[3] *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций: в 2 т. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 143.

сти они представляют налаживание отношений с помощью устранения проблем, вызванных негативными эмоциями в последствие коммуникации[1]. Для налаживания коммуникации между сторонами конфликта необходимо использование сочетания знаний психологии и лингвистики, что указывает на взаимосвязь медиации с психолингвистикой. Медиатор, имея знания в области психологии и лингвистики, выявляет языковые особенности, связывая их с эмоциональным состоянием сторон конфликта, не позволяя им усугубить положение.

Многообразие пересечений различных сфер знаний внутри медиации указывает на различные варианты разрешения спора. Это говорит о специфичном наборе инструментов.

Специфичность инструментария медиативной техники заключается именно в междисциплинарном характере процедуры, где каждая из областей знаний предлагает свои инструменты для урегулирования конфликта, а медиация совмещает их в себе, не разобщая, а обеспечивая взаимосвязь, то есть в совокупности различные знания обеспечивают медиацию теоретической и практической базой.

Таким образом, мы приходим к выводу, что особенности содержания медиативной техники отражаются при использовании инструментов на определенном этапе процедуры. Инструменты медиативной техники направлены на информационное оснащение субъектов и участников процедуры, установление контакта, коммуникативного взаимодействия, из чего последовательно складываются организованные этапы процедуры.

В каждом медиативном центре закреплены собственные этапы поведения процедуры. На наш взгляд, необходимо выделять общие обязательные этапы процедуры, помимо тех, что могут быть использованы дополнительно. При анализе литературных источников установлено, что термин «медиативная техника» отражен в работах современных исследователей, но не находит в них своего определения, трактования[2], поэтому мы предприняли

[1] См.: *Куликова Л. В., Прохорова О. А.* Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). Ч. 2. С. 100–104.

[2] См.: *Афанасьева Т. И.* Проблемы интеграции медиации и медиативных технологий в юридическую деятельность // Известия Байкальского государственного университета. Иркутск, 2017. Т. 27. № 1. С. 89.

попытку дать собственное определение понятию «медиативная техника». Считаем, что *медиация* — это процедура урегулирования конфликта с помощью привлечения медиатора для достижения результата между заинтересованными сторонами; *медиативная техника* — это система средств и правил их применения, направленных на осуществление процедуры медиации. Таким образом, одно понятие оказывается в составе другого, является вспомогательным и необходимым для более полного и широкого рассмотрения вопроса.

Для осуществления процедуры необходимо скоординированное взаимодействие каждого участника конфликта, соблюдение всех принципов для доведения процедуры медиации до завершения. Перечислим основные задачи, которые решает процедура медиации: восстановление отношений, доверия; компенсация морального или материального ущерба; быстрое разрешение конфликтной ситуации; снижение нагрузки на судебную систему и др.

Обращая внимание на понятие «медиация», которое используется в законодательстве различных государств (США, Великобритания, Венгрия, Польша), рассматривая общность содержания, мы можем заметить, что неизменной его частью для всех остается и считается его добровольность, характер дополнения к судебному способу урегулирования конфликта, а также наличие человека, выполняющего роль медиатора, обладающего нейтральной позицией, без какого-либо желания вмешиваться в спор и конфликт, а лишь способствовать разрешению конфликтной ситуации, улучшать процесс приближения к согласию сторон. Основываясь на вышесказанном, мы считаем, что важной общностью также следует назвать собственно процесс взаимного согласия сторон, выступающий целью медиации.

Процедура медиации как правовая реформа юридической деятельности при урегулировании споров — это инновационный процесс. Понятие «инновация» появилось в научной среде еще в начале XIX века. В научных исследованиях культурологов XIX века оно означало «…введение некоторых элементов одной культуры в другую»[1]. Особое внимание к понятию «инновация»

[1] *Сафронов И. В.* Понятия «Инновация» и «Инновационная деятельность»: сущность и содержание // Вопросы современной науки и практики. 2008. Т. 1. № 4 (14). С. 217.

возникло в XX веке при обращении к нему австрийского экономиста Й. Шумпетера. В его работе «Теория экономического развития» (1911) инновации рассматривались с помощью анализа развития истории экономики[1]. Именно тогда было дано первое определение понятия «инновация». Исследователи инновационных процессов отмечают вклад Й. Шумпетера в развитие и изучение как самого инновационного процесса, так и понятия «инновация». После обращения к нему для рассмотрения экономических вопросов понятие «инновация» постепенно стало применяться при изучении обновлений различных сфер человеческой жизни. Так, инновации рассматриваются с различных позиций: экономической, социальной, технологической, производственной и т. д.

Отметим, что инновация (англ. *innovation*) — это целенаправленное изменение, которое вносит в устоявшуюся среду новые элементы, вызывающие переход системы из одного состояния в другое. Под сущностью инновации мы понимаем собственно инновационную деятельность, а под содержанием — комплексный процесс создания, распространения, использования нового практического средства для удовлетворения человеческих потребностей, меняющихся под воздействием развития общества[2].

Инновационные процессы являются закономерностью в развитии современного мира. Они направлены на создание и распространение инноваций. Данные процессы вовлекают в себя разнообразных участников инновационной деятельности[3], но важно отметить, что инновационный процесс — это последовательная цепочка, которая складывается поэтапно: начиная от теоретического накопления и сбора данных о явлении и заканчивая конечным продуктом, объектом, процессом, который требуется использовать в практической деятельности.

---

[1] См.: *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Москва, 2007.

[2] См.: Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. Москва, 1998. С. 317.

[3] См.: *Жихарев К. Л.* Содержание и структура инновационного процесса // Ученые записки : электронный научный журнал Курского университета. 2010. № 3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-struktura-innovatsionnogo-protsessa/viewer (дата обращения: 31.05.2024).

Начало цепочки инновационного процесса можно представить с помощью такого этапа, как накопление теоретических знаний, становление фундаментальной базы, формирующей основу для понимания определенного явления. Накопление теоретических данных осуществляется с помощью научной деятельности, которая позволяет в процессе изучения вопроса осуществлять научные открытия, создавать новые теории. Не все накопленные данные в результате исследований могут перейти на следующий этап.

Следующим этапом становится возможность или попытка применения на практике знаний, полученных в результате накопления данных, что следует считать прикладными исследованиями.

Затем следует этап разработки. Новое знание закреплено в теории. Оно использовано на практике и требует над собой работы, которая поспособствовала бы облегченному пониманию нового явления, удобству в его использовании, минимизации и искоренении ошибок в новшестве.

Пройдя этот этап, единицы доходят до следующего, одного из важных этапов: строительство, возведение и фиксация того, что уже было получено ранее, то есть всех результатов. Затем следуют освоение и распространение или сбыт всего, что получилось из большого труда и приложенных усилий[1].

И еще несколько слов про процедуру медиации как правовую реформу юридической деятельности при урегулировании споров. Справедливости ради надо сказать, что, выделяя принципы процедуры медиации, следует отметить, что именно из них формируются преимущества.

На наш взгляд, существующая классификация требует корректировок, потому попробуем их представить. Итак, в классификации преимущество, связанное с экономией эмоциональных нагрузок, следует отнести не только к группе экономических, но и психологических преимуществ.

Эмоции имеют глубокую связь с реакциями человека на происходящие события, отвечают за психологическую готов-

[1] См.: *Жихарев К. Л.* Содержание и структура инновационного процесса // Ученые записки : электронный научный журнал Курского университета. 2010. № 3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-struktura-innovatsionnogo-protsessa/viewer (дата обращения: 31.05.2024).

ность принимать события окружающей действительности. Чем меньше эмоциональных нагрузок, тем отчетливее готовность человека к принятию самостоятельного решения, осознанию своих желаний и интересов. Также мировоззренческую группу дополняют следующие преимущества: особое понимание сторон спора; учет мнений и интересов, относящихся к разрешению и урегулированию спорной ситуации; учет отношения сторон спора к понятию «справедливость». Группу психологических преимуществ можно также дополнить такими пунктами, как «…отсутствие оснований для обжалования достигнутого соглашения, так как стороны сами являются разработчиками принятого соглашения»[1].

Медиацию непрофессионального характера поддерживают, например, такие исследователи, как С. Ф. Афанасьев, О. М. Дементьев, Е. В. Тихонова[2].

Выделение принципа «профессионализм» стоит подкрепить существующим положением Европейского кодекса поведения медиаторов[3], которое свидетельствует о наличии данного принципа в сфере медиации. В статье 1 Европейского кодекса поведения медиаторов сказано о необходимом уровне знаний, их обновлении, постоянной осведомленности о данной сфере, способствующей осуществлению деятельности, удовлетворяющей требованиям сторон конфликта. На наш взгляд, медиатором не может быть любой человек, достигший совершеннолетия, не имеющий судимости. Этих критериев недостаточно для осуществления эффективной деятельности, создания доверия к процедуре у людей, которые не знакомы с медиацией.

Перейдем к недостаткам, которые выделяют исследователи в научной литературе. Ю. А. Вирченко и Н. А. Самохвалов акцентируют внимание на недостатках, которые имеются в Законе

---

[1] *Вирченко Ю. А., Самохвалов Н. А.* Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 4. С. 19.

[2] См: *Афанасьев С. В.* Гражданское процессуальное право России : учебник: в 2 т. Москва, 2014. 879 с.; *Дементьев О. М., Тихонова Е. В.* Альтернативное разрешение споров : краткий аналитический очерк. Тамбов, 2010. 196 с.

[3] Европейский кодекс поведения медиаторов (Брюссель, 2 июля 2004 года) // СПС «Гарант» : сайт. URL: https://base.garant.ru/70515162/ (дата обращения: 31.05.2024).

о медиации[1]. Так, они отмечают неконкретное обозначение сфер, требующих проведения процедуры медиации. Конфликтные ситуации, разрешаемые с помощью процедуры, не обозначены в законе конкретно. Следующим недостатком, который следует отметить, Ю. А. Вирченко и Н. А. Самохвалов видят в незафиксированном показателе стоимости процедуры медиации, что предполагает концентрацию права контролировать доступность процедуры организациями, регулировать ее дороговизну и давать возможность обращаться к процедуре лишь состоятельной части общества. О стоимости процедуры медиации сказано лишь в ч. 2 ст. 10 Закона: она «…осуществляется сторонами в равных долях, если они не договорились об ином»[2]. Это говорит о том, что стороны могут и не договориться о том, чтобы цена услуг отличалась, что может создать проблемы для обращения к процедуре медиации обеих сторон конфликта. Таким образом, возможность использования процедуры медиации для широкого круга лиц вызывает сомнение.

К одному из недостатков развития процедуры в нашей стране Т. И. Афанасьева относит отрицание юристами процедуры медиации как части своей профессиональной деятельности, что связано с субъективным восприятием процедуры: «Зачастую у практикующих юристов медиация ассоциируется исключительно с психологией, в их представлении она являет собой одно из направлений (течений) в психологии»[3]. На наш взгляд, важно обеспечить отношение к процедуре медиации как особенному виду урегулирования конфликтных ситуаций, который может быть предоставлен психологами или юристами, прошедшими дополнительные курсы повышения квалификации в сфере медиации. Важно отметить, что психологу необходимы знания в сфере юриспруденции, а юристу — в сфере психологии. По нашему

---

[1] См.: *Вирченко Ю. А., Самохвалов Н. А.* Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 4. С. 16–20.

[2] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

[3] *Афанасьева Т. И.* Проблемы интеграции медиации и медиативных технологий в юридическую деятельность // Известия Байкальского государственного университета. Иркутск, 2017. Т. 27. № 1. С. 89.

мнению, проблема заключена не только в субъективно складывающемся мнении среди юристов, но и в отсутствии конкретизации в Законе о медиации того, кто из профессионалов может осуществлять деятельность медиатора.

Таким образом, процедура медиации как правовая реформа юридической деятельности при урегулировании споров включает в себя не только положительные черты, но и не обделена недостатками. Несмотря на то, что мнения исследователей разделяются, в РФ преобладает положительная точка зрения на применение и развитие медиации, что подтверждает ряд аналитических исследований и обращение к процедуре как альтернативному способу урегулирования споров. Исходя из этого, мы понимаем, что развитие медиации предполагает возможность использования медиативной техники при возникновении споров и из иных правоотношений, то есть одна из перспектив развития медиации — ее углубленное развитие в регуляции правоотношений различного характера. Для осуществления деятельности, а также ее существования необходим тот, кто сможет осуществлять данную деятельность. В России — это любой беспристрастный человек, который позволит каждой из спорящих сторон остаться довольной исходом конфликта[1]. Если доступ к проведению медиации и использованию медиативной техники остается свободным, то, на наш взгляд, в перспективе необходимо четкое выделение тех компетенций, которыми должен обладать медиатор; тех прав, которыми он имеет возможность воспользоваться; тех обязанностей, которые он имеет необходимость соблюдать; той ответственности, которую он несет лично. Но не только выделение, а соответствующая проверка знаний компетентным лицом.

Закон о медиации требует конструктивных изменений и конструктивных предложений от медиаторов-практиков, поэтому в перспективе необходимо создание комиссий для учета мнений и осуществления анализа объективности тех корректировок действующего законодательства, которые могут быть предложены.

В настоящее время обмен мнениями среди специалистов юридических институтов, исследователей в области медиации,

[1] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

практикующих судей и адвокатов происходит с помощью организации всероссийских и региональных круглых столов, вебинаров. Например, 18 июня 2022 года в Саратовской государственной юридической академии было организовано мероприятие: «Медиация как инструмент урегулирования гражданско-правовых конфликтов (российский и зарубежный опыт)». О. Исаенковой в работе круглого стола было сказано следующее: «Позволим себе все же быть оптимистами, предположив, что указанные недостатки медиации исправимы расширением ее применения на территории Российской Федерации, которое постепенно сформирует опыт и адаптирует введенный в российскую правовую действительность институт по отношению к другим элементам»[1]. Слова профессора, заведующего кафедрой гражданского процесса дают нам возможность понять, что среди ученых существует такое мнение, которое предполагает постепенное развитие медиации в РФ с помощью распространения применения медиации и введения данного опыта в правовую действительность. В связи с этим мы считаем, что чем шире распространяется медиация, тем ближе медиация к тому, чтобы занять прочное место и реализоваться на практике в РФ.

Опираясь на статистические данные, представленные общественным центром «Судебно-правовая реформа», можно отметить, что на 2021 год по всей РФ в территориальных службах примирения работают 252 медиатора. По сравнению с 2020 годом их количество возросло на 49 профессионалов, а с 2019 уменьшилось на 21[2]. Также данные указывают на эффективность проведения процедур медиации, например, в 2021 году в Удмуртской Республике при проведении процедур медиации из 42 поступивших заявок до этапа завершения доведено 33[3]. Ранее в Удмуртской Республике службы примирения не функционировали, в 2021 году создано три таких службы. Все это свидетельствует

[1] В СГЮА состоялся Всероссийский круглый стол // Саратовская государственная юридическая академия : офиц. сайт. URL: http://сгюа.рф/ru/info/news-2/item/14221-v-sgyua-sostoyalsya-vserossijskij-kruglyj-stol (дата обращения: 31.05.2024).

[2] См.: Общественный центр. Судебно-правовая реформа. URL: http://sprc.ru/wp-content/uploads/2022/07/Аналитические-таблицы-2021.xlsx (дата обращения: 31.05.2024).

[3] Там же.

о расширении применения медиативной техники, процедуры медиации в РФ.

Рассматривая медиацию как перспективную деятельность, мы отмечаем, что актуальность медиации растет медленно, но ее рост обеспечивается заинтересованностью со стороны ученых и исследователей в ее развитии. Необходимость в использовании медиативной техники в РФ постепенно будет лишь возрастать, ведь работы исследователей связаны с развитием процедуры медиации, ее интеграцией в российскую правовую действительность.

Медиация — это достаточно молодая, малознакомая процедура для РФ, но современные условия требуют внедрение данной процедуры в практическую действительность, и на это есть ряд причин. Одна из главных связана с тем, что конфликты сопровождают нас на протяжении всей нашей жизни, а среда нашего воспитания имеет свою специфику и потому заставляет людей нередко сталкиваться с проявлением гнева, переходящего в конфликт, то есть между людьми возникают такие взаимоотношения, которые нуждаются в стабилизации и восстановлении спокойствия, приносящего удовлетворение от жизни вообще. В конфликтной ситуации поиск взаимоприемлемого решения бывает нередко затруднен, а в случае применения к ситуации медиации способствует поиску такого решения для добровольного согласия с помощью услуг медиатора.

В результате аналитической и практической деятельности нами выявлены проблемы, которые возникают при применении медиации на практике, обозначены способы их искоренения. В статье мы уделили внимание именно необходимости развития законодательства о медиации в России, а также самой процедуре и ее месту в реалиях нашей страны, а также особо отметили, что медиация находится на межпредметном уровне, поэтому требует слаженного взаимодействия над доработками, обеспечением практического использования медиативной техники.

УДК 342

Нартымов Д. М.,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

К вопросу завершенности правовых реформ на примере правовой регламентации деятельности сотрудников правоохранительных органов

> Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.
>
> *Н. Макиавелли «Государь»*

Реформа (от лат. *refonnaro* — «преобразовывать») — преобразование, изменение содержания отдельного социального (политического, экономического, культурного) объекта или процесса без изменения его формы (введение всеобщего избирательного права в рамках представительной демократии) или формы без изменения содержания (слияние или разделение министерств и ведомств), или содержательные и формальные изменения без преобразования тех или иных основ — общественных, экономических и других отношений (отмена частной собственности на человека, то есть крепостного права, без общего изменения форм собственности). Реформа представляет собой рациональный целенаправленный процесс, включающий все обычные фазы любого преобразования: замысел нового объекта, целеполагание, отбор ресурсов, выбор средств и методов, планирование в пространстве и времени, учет зависимых и независимых переменных и вероятностного характера процесса, группировку исполнителей, схему принятия решений и т. д., поэтому реформы всегда проводятся сверху, правящими силами, властью и представляют собой составную часть политики, прежде всего государственной[1].

[1] См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. Москва, 2001.

© Нартымов Д. М., 2024

Реформа (франц. *reforme*, от лат. *reformo* — «преобразовываю») — преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры[1].

Любая реформа связана с изменениями в правовых средствах, в том числе праве, но вместе с тем включает в себя также и фактические изменения в жизни общества. Нередко бывает так, что, например, федеральная реформа по-разному принимается населением различных регионов и, как следствие, дает различный социальный результат (эффект).

Необходимо различать правовую реформу и реформу права (в праве). Представляется правильным разграничить данные категории по аналогии разграничения правовой системы и системы права: *правовая система* — это совокупность взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития той или иной страны; *система права* — это внутреннее строение права, деление его на отрасли, подотрасли и правовые институты в соответствии с предметом и методом правового регулирования. Под правовой системой мы понимаем в первую очередь совокупность правовых средств (включая систему права), регулирующих общественные отношения, а под системой права — его внутреннее строение.

Таким образом, под понятие «правовая реформа» подпадают процесс и, главное, результат преобразования содержания и/или формы правовых средств, регулирующих общественные отношения. В более узком значении необходимо говорить о реформе права (в праве), вероятно, включающем в себя ту часть процесса и результата изменений в рамках правовой реформы, которая относится непосредственно к праву (в том числе к его внутреннему строению).

По нашему мнению, такие категории, как «реформа», «правовая реформа» и «реформа права» (в праве) соотносятся как целое и части. В составе любой реформы как один из элементов присутствует правовая реформа. В свою очередь правовая ре-

[1] См.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. Москва, 1983.

форма включает в себя такой обязательный элемент, как реформа права (в праве), то есть изменение нормативного закрепления.

Предвосхищая определенный результат социальных перемен, реформатор продумывает необходимые изменения в правовых средствах и вносит соответствующие (необходимые для этого) изменения в систему права.

С формальной точки зрения под реформой подразумевается нововведение любого содержания, но, говоря о реформе как об изменениях, принято связывать их с ожиданием более или менее прогрессивных преобразований: «Всякая реформа лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, “этап” к лучшему»[1]. Несмотря на то, что любая реформа является целенаправленным прогрессивным действием, необходимо отметить, что далеко не всегда можно говорить о совпадении фактического результата в социуме с ожидаемым положительным эффектом от изменений в праве. Не углубляясь в анализ значимости всех элементов правовой реформы, полагаем, что реформа права (в праве) является основным и первоначальным.

Открытым остается вопрос о том, при каком объеме правовых изменений можно говорить о правовой реформе. Невзирая на широкое использование термина «реформа» применительно к правовым явлениям (контрольно-надзорная реформа[2], реформы в образовании[3], мусорная реформа[4] и т. д.), нет правовой дефиниции (определения) реформы. Несмотря на то, что не каждое изменение в праве можно считать реформой (вспомним слова Э. Берка: «Вводить нововведения — не значит реформировать»), не существует и четких критериев перехода количества правовых

---

[1] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 15 // Собрание сочинений В. И. Ленина : сайт. URL: http://www.uaio.ru/vil/15.htm (дата обращения: 14.05.2024).

[2] См.: *Антропова Т. Ю.* Контрольно-надзорная реформа — все к лучшему // Руководитель бюджетной организации. 2021. № 9. С. 32–48.

[3] См.: *Манохова С. В.* Реформирование системы оплаты труда научно-педагогических работников // Оплата труда в государственном (муниципальном) учреждении: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 11. С. 25–36.

[4] См.: *Бакиева С. Р.* «Мусорная» реформа 2019 года и выявленные ею экологические и правовые проблемы в Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2022. № 5. С. 26–32.

изменений в новое качество, в «правовую реформу», в том числе (но не ограничиваясь) потому, что право как явление обладает признаком системности. Мы полагаем, что связывать с правовой реформой необходимо такие изменения в праве, которые носят (должны носить) системный и комплексный характер. В силу наличия признака системности реформа (в том числе правовая) должна носить (стремиться к тому, чтобы носить) завершенный характер. Значимым с точки зрения системности является вопрос оконечности (логической завершенности) правовых реформ.

Ярким примером правовой реформы, получившей отражение в НПА, регламентирующей деятельность сотрудников правоохранительных органов, незначительной по объему, но значимой для обеспечения безопасности населения (с учетом имевшей место политической обстановки и социальной напряженности), а также завершенной (с некоторыми оговорками) является реформа, связанная с введением правового регулирования использования беспилотных аппаратов и противодействия их незаконному использованию.

4 августа 2023 года был принят ФЗ № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] (далее — ФЗ № 440-ФЗ), разработанный в целях защиты жизни и здоровья граждан, защищенности важных государственных, критически важных и потенциально опасных объектов, объектов транспортной и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, учреждений уголовно-исполнительной системы от использования БПЛА (робототехнических комплексов). Данный НПА пакетом вносил изменения, связанные с расширением существующих полномочий Росгвардии, МВД России, ФСБ России, ФСО России, СВР России, ФСИН России, ГУСП по пресечению использования не только беспилотных летательных аппаратов, но и беспилотных аппаратов (робототехнических комплексов) всех видов (наземных, подземных, водных). Такое пресечение стало возможным осуществлять в том числе посредством их уничтожения или повреждения (в том числе с использованием табельного огнестрельного оружия), а также подавления или преобразования сигналов дистанционного управления.

[1] Российская газета. 2023. 9 августа.

По аналогии с полномочиями вышеуказанных силовых ведомств также были расширены полномочия работников ведомственной охраны, которым до внесения указанных изменений, в соответствии с ФЗ от 29 декабря 2022 года № 638-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об оружии” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] предоставлено право пресекать нахождение только воздушных беспилотных судов в воздушном пространстве (в целях отражения нападения на охраняемые объекты). Данный закон обеспечил соответствующие негосударственные организации правовыми основаниями для противодействия террористическим, диверсионным и иным преступным посягательствам.

Необходимо отметить, что принятие ФЗ № 440-ФЗ является доработкой правовой реформы, проводимой по инициативе депутатов Государственной Думы, путем принятия ФЗ от 2 декабря 2019 года № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который наделил ряд силовых ведомств: Росгвардию, МВД России, ФСБ России, ФСО России, СВР России, ФСИН России, полномочиями по пресечению движения только летательных беспилотных аппаратов (далее — БПЛА). Принятие закона было обусловлено угрозой применения БПЛА в противоправных целях: для совершения террористических актов; доставки взрывных устройств и оружия; распыления отравляющих веществ в местах массового пребывания людей; нарушения функционирования важных государственных, критически важных и потенциально опасных объектов; распространения наркотиков; передачи запрещенных предметов осужденным и т. п. Последующая реализация закона показала его несомненную актуальность и своевременность, особенно с учетом проведения специальной военной операции[2]. Вместе с актуальностью и своевременностью, была выявлена незавершенность, в частности, реальная угроза использования в противоправных

[1] Российская газета. 2023. 10 января.

[2] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/323987-8 (дата обращения: 14.05.2024).

целях не только воздушных, но и иных беспилотных аппаратов (робототехнических комплексов), действующих наземно (под землей) или надводно (подводно). Анализ ситуации, в том числе международный опыт, свидетельствовал об активном использовании наземных и морских (надводных, подводных) беспилотных аппаратов в террористических и военных целях. Случаи их противоправного применения (к моменту подготовки законопроекта) были зафиксированы и на территории РФ. Таким образом, именно с принятием изменений (ФЗ № 440-ФЗ) в законодательство по противодействию незаконному использованию любых (не только воздушных/летательных) беспилотных аппаратов (робототехнических комплексов) правовая реформа приобрела не только системный, но и завершенный вид.

Важно заметить, что вносимые изменения имели характер системной согласованности. В предыдущих работах мы уже останавливались на системной несогласованности как дефекте права[1]. Полагаем, что отсутствие системной согласованности при внесении изменений в законодательство, в том числе в рамках правовой реформы, необходимо рассматривать как ее недостаток, незавершенность. К системной несогласованности мы относим такой дефект права, который выражается в необоснованном фактической необходимостью различии в правовом регулировании схожих (идентичных) общественных отношений, то есть отсутствие единого подхода законодателя к определению сферы и методов правового регулирования, закрепление излишнего разнообразия.

Необходимо отметить, что изменения, вносимые ФЗ № 440-ФЗ, имели высокий уровень согласованности и системности. Так, положения, регламентирующие применение в правоохранительных целях сотрудниками Росгвардии, МВД России, ФСБ России, ФСО России, СВР России, ФСИН России огнестрельного оружия для пресечения функционирования беспилотных аппаратов, имеют идентичные формулировки.

---

[1] См.: *Нартымов Д. М.* Некоторые предложения к вопросу оптимизации правового регулирования в части применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Оптимизация правового регулирования: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2023 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород, 2023. С. 376–384.

Вместе с тем далеко не все проводимые правовые реформы (принимаемые изменения в законодательство) можно считать завершенными, в том числе с точки зрения системной согласованности. Например, наиболее свежим (последним из принятых) законов, регламентирующим применение огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, является ФЗ от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»[1] (далее — ФЗ № 226-ФЗ). В пункте 2 части 1 статьи 21 ФЗ № 226-ФЗ предусмотрено, что военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять оружие <…> для пресечения попытки завладеть вооружением, военной, специальной и иной техникой, *собственными объектами* (курсив наш. — **Д. Н.**) войск национальной гвардии. Вместе с тем положения ФЗ РФ от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»[2] (далее — ФЗ № 3-ФЗ), регламентирующие действия в аналогичной ситуации, имеют отличную (от вышеизложенной) формулировку. ФЗ № 3-ФЗ предусматривает, что сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, специальной и боевой техникой, состоящими на вооружении (обеспечении) полиции (п. 2 ч. 1 ст. 23) и для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан (п. 6 ч. 1 ст. 23).

Отметим, что в изложенных примерах регламентация применения оружия в части обеспечения безопасности объектов отличается как по условиям (для пресечения попытки завладеть / для отражения группового или вооруженного нападения), так и по объектам (собственные объекты войск национальной гвардии / объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан).

[1] Российская газета. 2016. 6 июля.

[2] Там же. 2011. 8 февраля; 10 февраля.

На основании изложенного полагаем необходимым провести унификацию (повышение системной согласованности) правового регулирования и предлагаем внести следующие изменения в НПА:

1. Пункт 2 части 1 статьи 23 ФЗ от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» изложить в следующей редакции: «*2) для пресечения попытки завладеть вооружением, техникой, собственными объектами полиции*».

2. Дополнить часть 1 статью 21 ФЗ от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» пунктом 11, изложив его в следующей редакции: «*11) для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций и граждан…*».

УДК 341

Нематов А. Р.,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана

Развитие правоприменительной культуры в Республике Таджикистан в свете осуществления правовой реформы в государстве

Провозглашение государственной независимости Республики Таджикистан определило переход от советской государственно-правовой системы к новой, современной государственно-правовой системе, определивший демократический, правовой, светский и социальный путь развития[1]. Коренные изменения в государственно-правовой системе обусловили проведение глубоких правовых реформ в государстве. Правовая реформа коснулась не только всех сфер общественной жизни: политической, социально-экономической, культурно-духовной, но и охватила все формы и виды правовой деятельности в государстве, включая систему законодательства, правотворчества и правоприменительную деятельность.

Культура всегда выступала не только способом организации духовной жизни общества, но и ее высшей формой, и определяла образ, порядок жизни любого цивилизованного народа.

Развитие цивилизации невозможно представить без развития права, всегда исторически развивающегося в рамках культуры народа. Мы много раз отмечали, что право как культурный феномен формируется в определенной культурной среде, среда которого определяет содержание и форму права. Право, правосознание, правовое воспитание, правовая теория и практика формируются и развиваются в рамках определенной культурно-цивилизационной среды, под воздействием культурных достижений, во взаимосвязи

[1] Конституция Республики Таджикистан. Душанбе, 2016. С. 3.

© Нематов А. Р., 2024

и под влиянием нравственных, эстетических, исторических особенностей народа[1].

Под развитием право подразумевается развитие всех элементов правовой системы общества. По мнению Д. Ллойда, «…развитие цивилизации повсеместно сопровождалось постепенным развитием системы правовых норм и одновременным созданием механизма для их регулярного и эффективного применения»[2]. Именно в силу того, что культура на историко-сознательном уровне (как социальное явление) является регулятором отношений между людьми, определяет основные параметры человеческого поведения. Она включает в свою орбиту право как составной элемент культуры общества, следовательно, культура должна проникать во все сферы правовой деятельности, и правоприменительная деятельность в этом плане не должна быть исключением. В силу того, что она носит официальный характер, вопросу культурной составляющей правоприменительной деятельности должно быть уделено особое внимание.

После распада СССР правовые системы постсоветских республик были вынужденно подвергнуты радикальному реформированию, где они в целом приняли формы, соответствующие конкретным историческим, экономическим, культурным факторам и обстоятельствам, в которых развивались соответствующие общества, государства и общественные отношения. Советская государственно-правовая система давала своим гражданам конкретные правовые установки, которые впоследствии постепенно начинали трансформироваться в определенные правовые ценности, составляющие элементы правовой культуры.

Однако распад СССР и отказ от советской правовой ценности внесли в постсоветское общество неопределенность в плане культурно-правовых ценностей. Аналогичная ситуация была и в Таджикистане, который, возможно, более болезненно перенес эту

[1] См.: *Нематов А. Р.* Право как культурный феномен в государственно-правовой системе таджикского народа // Право — явление цивилизации и культуры. Москва, 2019. Вып. I. С. 228–234; *Его же.* Духовно-культурные аспекты развития государственно-правовой системы Таджикистана: постановка вопроса // Правоведение. 2017. № 1 (330). С. 174–185.

[2] *Ллойд Д.* Идея права / пер. с англ. М. А. Юмашева, Ю. М. Юмашев. Москва, 2006. С. 7.

неопределенность в 90-е годы XX столетия. Только принятие новой Конституции Республики Таджикистан 6 ноября 1994 года определило новые принципы и правовые ценности, на базе которых должны были развиваться новая государственно-правовая система таджикского народа. Ее основу составили общемировые ценности построения демократического, правового и светского государства. Отличительной чертой стало то, что эти ценности должны были быть внедрены в государственно-правовую систему с учетом исконных национальных, культурно-исторических особенностей и традиций таджикского народа.

Вне всякого сомнения, принятие Конституции Республики Таджикистан определило новый путь политического, экономического и культурно-духовного развития современной государственности таджикского народа, явилось неотъемлемой частью новых правовых достижений независимого Таджикистана и дало старт осуществлению правовой реформы в государственно-правовой системе страны. Исходными, базовыми началами осуществления правовой реформы стали именно конституционные положения.

Правовая реформа охватила все области правовой жизни общества и сферы правовой деятельности государства: правотворчество, правоприменение, правоохрану и т. п., соответственно, и правовая культура влилась во все области государственно-правовой деятельности. Следует согласиться с Э. С. Насурдиновым, который считает, что «…на сегодняшний день правовая культура глубоко проникла в духовную жизнь общества и неразрывно связана с правосознанием, правовыми традициями, правовым менталитетом населения. Она проявляется также в правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной, правовоспитательной деятельности, в деятельности правоохранительных и судебных органов, в юридической практике»[1].

Правовую основу проведения правовой реформы в Таджикистане в настоящий момент составляют следующие программные документы:

— Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы;

[1] *Насурдинов Э. С.* Правовая культура. Москва, 2014. С. 31.

— Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019–2021 годы;

— Государственная программа правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2020–2030 годы и многие другие.

Одним из ключевых программных документов, определяющим основные направления правового развития Республики Таджикистан до 2028 года, выступает Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы (далее — Концепция). Одним из приоритетных направлений правовой реформы, закрепленных в Концепции, выступила необходимость совершенствования механизма правореализационной и правоприменительной деятельности в государстве. Следующим не менее важным направлением правовой реформы стало повышение уровня правовой культуры и сознания населения. Эти два момента определили, что совершенствование деятельности правоприменительных органов с учетом воплощения в жизнь целей и приоритетов правовой политики государства должно проходить также в направлении повышения уровня правовой культуры и профессиональной составляющей сотрудников правоприменительных органов, их профессионального правового сознания, культуры и чувства ответственности. Здесь мы должны быть полностью солидарны с Б. Н. Топорниным, который считает, что «…нельзя ожидать хорошего результата, когда реформа проводится лишь частично, урывками, непоследовательно»[1]. Следовательно, только комплексная реформа определенной сферы правовой жизни может решить поставленные задачи и достичь поставленных целей, которые преследует намеченная государством правовая реформа.

Правоприменение как одна из ключевых стадий правового регулирования зависит от многих факторов: политических, экономических, социальных и культурных. На современном этапе законодательное регулирование продолжает занимать доминирующее место в системе механизмов правового регулирования.

В формировании содержания современного законодательства Республики Таджикистан важную роль сыграли новые политические, экономические отношения, культурно-исторические осо-

[1] *Топорнин Б. Н.* Развитие судебной власти в России: общие подходы // Судебная реформа: проблемы и перспективы : сборник статей. Москва, 2001. С. 22.

бенности и правовые ценности. За годы государственной независимости в Республике Таджикистан сформировалась достаточно стабильная самостоятельная система законодательства, содержание которой предопределило основные направления политического, экономического, социального, духовно-культурного развития государства и таджикского общества. Хотя многие ученые сетуют на противоречивость внутри законодательства и наблюдаемые недостатки в эффективном правовом регулировании из-за низкого качества законодательства, который отражается в правоприменительной деятельности, следует отметить, что современное законодательство все же более или менее приобрело свою определенную системность, отражающую политическую, экономическую и культурно-духовную особенность таджикского народа.

Уровень правовой культуры правоприменителя непосредственно проявляется в качестве и эффективности осуществления правоприменительной деятельности пропорционально состоянию правовой культуры самого правоприменителя, что достигается только при условии наличия высокого уровня правосознания и правовой культуры человека, саморазвития и самосовершенствования правоприменителя. Формирование у правоприменителя, членов общества навыков самостоятельного изучения права, правовых ценностей и уважения к праву как механизму правового регулирования общественных отношений есть необходимое условие эффективности правоприменительной деятельности.

Высокая правовая культура помогает гражданину осознать обязательность соблюдения и исполнения юридических норм, верховенства идеи законности в его сознании, поэтому без обеспечения идеологических и социально-психологических основ правовой деятельности невозможно утверждать о стабильной правоприменительной деятельности.

Какие государственно-правовые и общественные меры необходимо предпринять для повышения уровня правового сознания и культуры граждан? Для этого современная правовая наука в первую очередь предлагает совершенствовать механизмы правовой социализации членов общества, в котором для каждого социального класса предусмотрены соответствующие механизмы. Например, механизмы правовой социализации молодежи кардинальным образом отличаются от механизма правовой социализа-

ции других членов общества. Молодежь представляет собой самую активную, при этом уязвимую часть общества. Их уязвимость проявляется в быстром приобщении к негативным последствиям глобализации и социальной деформации, и, соответственно, здесь необходимы постоянно действующие механизмы их правовой социализации. Следует отметить, что формирование правосознания и правовой культуры у молодежи — это достаточно длительный процесс, охватывающий многие десятилетия. Ее формирование требует долгих и упорных трудов, потому что она охватывает духовную часть общества и духовный мир человека. Таким образом, правовая социализация молодежи имеет свои особенности и обладает специфическими механизмами реализации, что также относится к правовой социализации других слоев общества.

Комплексная правовая социализация всех членов общества возможна исключительно на общегосударственном уровне. В условиях Республики Таджикистан, идущей по пути построения и укрепления своей демократической, правовой и светской сущности, необходимы общегосударственные меры по формированию у общества правовых ценностей, выработки уважения права как основному социально-нормативному регулятору общественных отношений. В Республике Таджикистан 2024 год Указом Президента от 30 декабря 2023 года объявлен годом правового просвещения. Это предполагает усиление работы в плане правовой социализации граждан и их включение в правовую жизнь страны.

Культура и правоприменительная деятельность взаимообусловлены и взаимосвязаны. Не только высокий уровень правовой культуры определяет состояние правоприменительной деятельности в государстве, но и эффективная правоприменительная деятельность государственных органов и их должностных лиц способствует установлению и упрочению законности и правопорядка в государстве, который становится основанием для повышения степени доверия граждан страны к праву как социально-нормативному регулятору и снижению уровня их правового нигилизма. Иначе говоря, эффективная правоприменительная деятельность способствует формированию правовой культуры в обществе.

Совершенствование деятельности правоприменительных органов, их должностных лиц, искоренение бюрократии, внимательное и доброжелательное отношение к гражданам, соблюдение их прав, свобод и законных интересов — все это является исключительными механизмами укрепления законности и правопорядка в государстве и обществе.

Влияние культурного фактора на правоприменительную деятельность настолько многогранно, что может отразиться как в культуре подготовке правоприменительных актов, в культуре правоприменительного процесса, так и в культурном общении правоприменителя с объектами правоприменительной деятельности и т. п. Из этого следует, что правоприменительная культура охватывает не только вопросы поведения правоприменителя в отношении субъекта, к которому осуществляется правоприменительная деятельность. К настоящей проблематике необходим комплексный подход. Правоприменительная культура также должна включать и вопросы юридической практики, а именно правильной организации правоприменительной деятельности (культура правоприменительного процесса) и издание с точки зрения требований юридической техники высокого качества правоприменительных актов, что, возможно, является показателем высокой правовой культуры правоприменителя.

Аксиомой повышения правовой культуры стало то, что она напрямую зависит от правового воспитания и образования. Как мы ранее отмечали, «…правовое воспитание и развитие образования содействуют процессу приобщения человека к праву, к исполнению требований закона. В нынешних условиях развития государственности в Таджикистане правовое воспитание осуществляется на государственном уровне. В стране приняты многочисленные НПА, государственные концепции и программы с целью выстраивания эффективной правовоспитательной деятельности и формирования высокой правовой культуры и правового сознания среди населения»[1].

В соответствии с Программой судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019–2021 годы с целью повыше-

[1] *Нематов А. Р.*, *Ходжибаева Н.* Повышение правовой культуры как фактор эффективности правоприменительной деятельности // Маљаллаи академии њуќуќ. 2020. № 2 (34). С. 64–72.

ния уровня правоприменительной культуры целесообразно постоянно совершенствовать профессиональные знания сотрудников судебных органов, то есть развитие правоприменительной культуры рассматривается сквозь призму развития правовых знаний.

Одним из индикаторов высокой правоприменительной культуры субъектов правоприменения выступают уровень качества принимаемых им правоприменительных актов и порядок ведения правоприменительного процесса. Правоприменительные акты как юридический документ и правовой акт обладают своими технико-юридическими параметрами (язык, стиль, структура, реквизиты, логическая последовательность изложения норм и др.) и культурными элементами (культура составления документа, культура письменной речи, соблюдение правил таджикского и русского языка и т. п.), которые и выступают главным критерием качества правоприменительного акта. К правоприменительным актам предъявляются соответствующие технико-юридические требования, также отражающие правовую культуру правоприменителя.

Правильно разработанный и изданный правоприменительный акт — квинтэссенция правовой культуры правоприменителя. Отсюда следует, что правоприменительный акт должен издаваться при строгом соблюдении правил, способов и средств юридической техники, а также его особой разновидности правоприменительной техники. При его разработке должны быть соблюдены технико-юридические правила и требования как внешнего, так и содержательного оформления, в частности, формальные, правовые, языковые логические процедурные правила.

Таким образом, правоприменительная культура, являясь составной частью общей правовой культуры, включает комплекс действий, направленных на эффективное осуществление правоприменительной деятельности в государстве, а также не только проблематику отношения и поведения правоприменителя к правовому субъекту, в отношении которого осуществляется правоприменительная деятельность, но и комплекс вопросов, направленных на правильную организацию правоприменительной деятельности (правоприменительный процесс), подготовку и принятие эффективных правоприменительных актов (культура техники составления правоприменительных актов).

УДК 342.92

Нехайчик В. К.,
кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Осуществление административной реформы в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в первой четверти XXI века

Новейшая история формирования органов исполнительной власти в Ханты-Мансийском автономном округе (ОИВ ХМАО), как и во всех субъектах РФ, начинается с 22 августа 1991 года, когда был установлен новый порядок осуществления функций государственного управления в регионах[1]. Институт исполнительных комитетов, формируемых Советами народных депутатов, был преобразован в институт глав администраций, назначаемых Президентом РСФСР по согласованию с Советами соответствующего уровня.

С декабря 1991 года в Ханты-Мансийском автономном округе началась реформа представительной и исполнительной власти. 18 декабря 1991 года Указом Президента РСФСР главой администрации Ханты-Мансийского автономного округа был назначен А. В. Филипенко. 19 декабря 1991 года постановлением № 1 главы администрации Ханты-Мансийского автономного округа прекращены полномочия исполкома окружного Совета народных депутатов, началось формирование органов управления округа.

В декабре 1991 – январе 1992 года назначены главы администраций городов и районов.

[1] О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР : указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 г. № 75 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 34, ст. 1146.

© Нехайчик В. К., 2024

19 декабря 1991 года назначен глава администрации г. Ханты-Мансийска.

26 декабря 1991 года решением 9 сессии 21 созыва Ханты-Мансийского городского Совета народных депутатов утверждена структура администрации г. Ханты-Мансийска. С этого момента полномочия президиума Ханты-Мансийского городского Совета народных депутатов прекращены.

26 апреля 1995 года принят Устав ХМАО и сформированные органы исполнительной власти округа приступили к осуществлению установленных Уставом полномочий. Согласно переходным положениям первой редакции Устава ХМАО глава администрации в ХМАО стал именоваться губернатором[1]. С принятием и вступлением в силу 29 мая 1996 года Закона ХМАО «О Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа» полномочия правительства до его формирования было решено осуществлять губернатору и возглавляемой им администрацией ХМАО[2].

27 октября 1996 года состоялись первые всеобщие и прямые выборы губернатора ХМАО. 15 ноября 1996 года подписано распоряжение о вступлении в должность губернатора ХМАО и о прекращении полномочий главы администрации ХМАО.

23 января 1998 года дума ХМАО дала согласие на исполнение полномочий председателя правительства ХМАО губернатором.

20 сентября 1999 года губернатор ХМАО А. В. Филипенко принял на себя исполнение полномочий Председателя Правительства.

10 декабря 1999 года Дума ХМАО приняла постановление, которым была закреплена структура правительства ХМАО[3].

---

[1] Позднее, с 1996 года, должность руководителя региона на всей территории РФ стала именоваться «губернатор».

[2] О Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа : закон Ханты-Мансийского автономного округа от 29 мая 1996 года № 16-ОЗ // Собрание законодательства и других нормативных актов, принятых Думой Ханты-Мансийского автономного округа от апреля – июня 1996 г.

[3] О структуре Правительства Ханты-Мансийского автономного округа : постановление Думы Ханты-мансийского автономного округа (Официально не опубликовано) // Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930 – 2001 гг.: полномочия, функции, структура // Сборник документов. Ханты-Мансийск, 2002. С. 150.

27 декабря 1999 года постановлением губернатора № 526 сформировано правительство ХМАО, которое было объявлено правопреемником администрации ХМАО[1].

1 февраля 2000 года постановлением губернатора № 42 созданы администрация губернатора ХМАО и Управление делами губернатора ХМАО.

26 марта 2000 года состоялись вторые выборы губернатора ХМАО и выборы глав муниципальных образований ХМАО.

14 июня 2000 года Законом ХМАО утверждена новая структура правительства ХМАО, в соответствие с которым Дума ХМАО давала согласие на исполнение губернатором ХМАО полномочий председателя правительства ХМАО[2].

22 июня 2000 года в соответствии с постановлением губернатора № 186 был сформирован новый состав правительства ХМАО.

27 ноября 2000 года новый Закон ХМАО внес изменения и дополнения в Закон ХМАО «О Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа» 1996 года[3].

19 ноября 2001 года в ХМАО принят Закон о губернаторе[4].

В 2002 году в целях совершенствования государственного управления в ХМАО руководством в лице губернатора и правительства были инициированы научные разработки по проблемам оптимизации системы и структуры органов государственного

[1] О структуре Правительства Ханты-Мансийского автономного округа : постановление Думы Ханты-мансийского автономного округа (Официально не опубликовано) // Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930 – 2001 гг.: полномочия, функции, структура // Сборник документов. Ханты-Мансийск, 2002. С. 150.

[2] О структуре Правительства — высшего исполнительного органа государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа : закон Ханты-Мансийского автономного округа от 14 июня 2000 г. № 33-ОЗ // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 2000. № 6.

[3] О внесении изменений и дополнений в Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (с изм. на 29 марта 2004 г.) (утратил силу) : закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 ноября 2000 года № 102-оз // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 2000. № 11, ч. 1.

[4] О Губернаторе Ханты-Мансийского автономного округа : закон Ханты-Мансийского автономного округа от 19 ноября 2001 года № 75-оз // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 2001. № 10.

управления в округе, непосредственно его государственных органов исполнительной власти (далее — ГОИВ). В округе уже действовала утвержденная в 2000 году структура ГОИВ, которую требовалось оптимизировать[1].

С ноября 1999 года ФЗ № 184 предоставил автономным округам, наряду с иными субъектами РФ, определенную самостоятельность в формировании системы и структуры ГОИВ[2].

В соответствии с распоряжением губернатора ХМАО в 2002 году был заключен Договор с Сургутским государственным университетом ХМАО (далее — СурГУ ХМАО) о выполнении научно-исследовательской работы по теме «Оптимизация структуры управления органов государственной исполнительной власти Ханты-Мансийского автономного округа»[3].

Организация выполнения названного договора была возложена на Управление по вопросам кадровой политики администрации губернатора автономного округа. Для осуществления поставленной губернатором округа задачи по оптимизации структуры ГОИВ ХМАО был сформирован научно-исследовательский коллектив, в состав которого были включены наиболее квалифицированные специалисты-ученые СурГУ ХМАО в области социологии, экономики, юриспруденции, математики и вычислительной техники. В основу оптимизации была положена разработка схемы управления в округе. Подробный отчет о проделанной исследовательской работе группы ученых СурГУ по оптими-

[1] О структуре государственных органов исполнительной власти автономного округа и иных государственных органов автономного округа : постановление Губернатора автономного округа от 14 июня 2000 года № 181 (с изм. на 14 ноября 2006 г.; утратило силу на основании постановления губернатора ХМАО от 21 мая 2007 г. № 87) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 2000. № 6.

[2] Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 6 октября 2000 г. № 184-ФЗ (с изм. на 21 декабря 2021 г.; ред., действующая с 1 июня 2022 г.; утратил силу с 1 января 2023 г.) // СЗ РФ. 2000. № 42, ст. 5005.

[3] О выполнении научно-исследовательской работы по теме «Оптимизация структуры управления органов исполнительной государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа» : распоряжение губернатора ХМАО от 9 июля 2002 г. № 287-рг // Закон-регион.ru : сайт. URL: https://zakon-region.ru/1/53649/?ysclid=ljwx381alv 62721598 (дата обращения: 12.10.2023).

зации структуры ГОИВ ХМАО был обсужден на административном совещании администрации губернатора округа.

Основные результаты научной деятельности по оптимизации структуры управления ГОИВ ХМАО нашли свое отражение во множестве научных публикаций того времени.

В отчете 2003 года для округа были сделаны выводы и разработаны рекомендации, в которых наряду с новой системой ГОИВ ХМАО предлагались изменения схемы и структуры управления в ХМАО.

Одновременно с оптимизацией (реформой) ГОИВ в округе был дан старт формированию современной государственной гражданской службы в ХМАО в соответствии с объявленной в 2002 году реформой федеральной государственной службы[1]. Предстояло создать новую систему государственных служащих, которую должны представлять органы окружной государственной власти. Это было еще одним направлением общей административной реформы, осуществляемой на федеральном и региональном уровнях государственной власти постсоветской России.

В соответствии с правовыми инициативами исполнительных и представительных органов государственной власти ХМАО в 2003 году[2] произошли изменения в названии округа.

После рассмотрения данного вопроса в правительстве ХМАО, окружной думе и выходом с ходатайством перед федеральными органами власти РФбыл принят Указ Президента РФ с предложением включить новое наименование субъекта РФ: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО – Югра) — в ч. 1 ст. 65 Конституции РФ вместо Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО)[3].

---

[1] О федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)» : указ Президента РФ от 19 ноября 2002 г. № 1336 // СЗ РФ. 2002. № 47, ст. 4664.

[2] Постановление Думы Ханты-Мансийского автономного округа от 30 сентября 2003 г. № 1059 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : сайт. URL: http://docs.cntd.ru/document/991013710 (дата обращения: 12.10.2023).

[3] О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25 июля 2003 г. № 841 // СЗ РФ. 2003. № 30, ст. 3051.

После объявления программы о реформировании государственной службы в РФ на 2003–2005 годы[1] в округе в январе 2004 года было принято распоряжение губернатора ХМАО – Югры, в котором поставлена задача приступить к разработке проекта окружного Закона «О государственной гражданской службе в ХМАО – Югре»[2].

Разработку проекта названного закона было поручено подготовить научному коллективу кафедры конституционного и административного права СурГУ ХМАО – Югры.

Закон ХМАО-Югры «О государственной гражданской службе в ХМАО-Югре» был принят 31 декабря 2004 года досрочно. К проекту обсуждаемого окружного Закона был также подготовлен пакет подзаконных нормативных правовых документов в виде отдельных проектов НПА, регулирующих многие самостоятельные институты гражданской службы ХМАО – Югры, такие как о профессиональной подготовке и о присвоении квалификационных разрядов государственным гражданским служащим ХМАО – Югры, их командировках и др.

Говоря о подготовке НПА в ХМАО для целей обеспечения осуществления мероприятий административной реформы, нельзя не отметить и ее противоположный/возвратный процесс — влияние осуществляемых реформ на развитие законодательства в ХМАО, направленного на правовое регулирование конкретно складывающихся общественных отношений в округе, на результат/итоги административной реформы, связанные с улучшением и качеством жизни жителей округа.

Нельзя не отметить и роль назначенных/выборных представителей власти округа в постановке масштабных целей, которые ставились в тот период при осуществлении этих реформ.

---

[1] О федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)» (с изм. на 12 декабря 2005 года) (фактически утратил силу в связи с истечением срока действия) // СЗ РФ. 2002. № 47, ст. 4664.

[2] Об утверждении Плана мероприятий по реализации основных направлений реформирования государственной службы Ханты-Мансийского автономного округа (2004–2005 гг.) : распоряжение губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28 января 2004 г. № 36-рг // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2004. № 1.

Примечательно, что к 2006 году государственная власть в лице ее представительных и исполнительных органов была полностью ориентирована на улучшение жизни граждан – жителей округа, а высказывание губернатора ХМАО – Югры А. В. Филиппенко о новой роли государственного управления и государственной службы, приоритетом которых должны стать достойный уровень и качество жизни граждан в округе, стало руководством к действию реформированных органов власти ХМАО – Югры и их государственных гражданских служащих[1].

Переходя от слов к делу Дума ХМАО – Югры уже 28 февраля 2006 года приняла Закон «О качестве жизни населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». В числе его основных понятий сформулированы определения о качестве жизни населения и прожиточном минимуме жителей округа, о мониторинге качества жизни и материальном благополучии населения автономного округа. В статье 2 Закон называет 19 показателей обеспечения качества жизни населения округа, в соответствии с которыми правительством округа должны разрабатываться соответствующие социальные стандарты, индикаторы и нормативы. Глава III обсуждаемого закона в ст. 5 установила перечень из 15 способов обеспечения качества жизни населения округа. Следует отметить, что названный закон был первым на тот период среди законов такого рода в субъектах РФ[2].

В период 2006–2008 годов в соответствии с нормативными актами Правительства РФ осуществлялась активная работа в ХМАО – Югре по разработке административных регламентов в реализации функций ГОИВ округа и функций по предоставле-

---

[1] См.: *Филипенко А. В.* Новая роль государственной службы Ханты-Мансийского автономного округа в системе государственной службы России // Государственная гражданская служба субъектов Российской Федерации: проблемы и опыт реформирования : материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Государственная гражданская служба субъекта РФ в системе государственной службы России» (Ханты-Мансийск, 16–17 декабря 2003 года). Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2004. С. 9–36.

[2] О качестве жизни населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28 февраля 2006 г. № 35-ОЗ // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2006. № 2.

нию государственных и муниципальных услуг этими органами. Улучшение качества жизни населения округа, повышение качества и доступности государственных услуг жителей автономного округа было главной целью принятия Программы автономного округа «Электронная Югра» 2006–2009 годов[1].

С вступлением в должность в апреле 2010 года нового губернатора ХМАО – Югры Н. В. Комаровой была продолжена начатая работа по оптимизации системы и структуры ГОИВ ХМАО – Югры и приведение ее в соответствие с федеральным законодательством. При вступлении в должность были подписаны сразу два имевших одинаково большое значение в тот период для исполнительной власти округа НПА, регулирующих систему и структуру ГОИВ ХМАО – Югры[2].

К значимым достижениям в осуществлении административной реформы в округе следует отнести информацию на сайте Правительства ХМАО – Югра 19 апреля 2014 года о совещании Правительства РФ, на котором премьер-министром Д. А. Медведевым было объявлено о вхождении Югры в тройку лидеров по эффективности деятельности ГОИВ после Республики Татарстан и Тюменской области. Эффективность оценивалась по формуле: развитие экономики — 50 % совокупного удельного веса показателей; развитие социальной сферы — 30 %; результаты опросов населения — 20 %.

---

[1] О Программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Электронная Югра» на 2006–2009 годы : закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 20 февраля 2006 г. № 14-оз // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2006. № 2.

[2] О системе исполнительных органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (с изм. на 30 октября 2020 года) : закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 2 апреля 2010 г. № 62-оз (утратил силу на основании закона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27 мая 2022 № 31-оз) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. 2010. № 4, ст. 284; О структуре исполнительных органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : постановление губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12 апреля 2010 года № 67 // Единый сайт государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://admhmao.ru/dokumenty/pravovye-akty-gubernatora/postanovleniya/ (дата обращения: 30.05.2024).

На проходившем в г. Ханты-Мансийске координационном совещании при участии членов правительства ХМАО – Югры руководителей профильных ведомств, Министерства экономического развития РФ, Аппарата Полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе, ГОИВ субъектов РФ, общественных организаций, где обсуждались основные направления совершенствования системы государственного управления, была положительно оценена работа ХМАО–Югры в оказании государственных услуг в электронном виде, что также говорит об определенных достижениях в управлении округом[1].

С 2013 года ОИВ ХМАО – Югры государственного и муниципального уровней занимались активно реализацией Концепции административной реформы РФ, в рамках которой решалась одна из ее основных задач по созданию многофункциональных центров (далее — МФЦ) на всей территории России.

Основная цель в создании МФЦ состояла в значительном улучшении качества предоставляемых услуг гражданам как одной из основных функций ОИВ. О создании МФЦ в округе было принято специальное постановление правительства ХМАО – Югры[2], претерпевшее внесение изменений и дополнений, связанных с организационной стороной деятельности МФЦ округа — формированием централизованной системы в организации МФЦ ХМАО – Югры.

На территории ХМАО – Югры уже к 2017 году было создано 21 МФЦ, 62 территориально обособленных подразделений (ТОСП) МФЦ и 424 окна обслуживания. В рамках семинара-совещания, проходившего 14 декабря 2017 года в правительстве

[1] См.: *Привалов К. В.* В Югре обсуждают основные направления совершенствования системы государственного управления // Югра. Официальные новости. Информационное агентство «Мангазея» : сайт. URL: https://www.mngz.ru /ugra/525713-v-yugre-obsuzhdayut-osnovnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-sistemy-gosudarstvennog o-upravleniya.html (дата обращения: 30.05.2024).

[2] О концепции создания в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (с изм. на 20 сентября 2019 года) : постановление правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12 июля 2013 г. № 246-п // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2013. № 7, ч. 1, ст. 851.

Югры, положительно оценили качество услуг, полученных в МФЦ ХМАО – Югры, 96,4 % заявителей[1].

Период административных реформ, осуществляемых в ХМАО – Югре, находит отражение и в реализации государственных программ округа, которых в настоящее время 25. Относительно каждой из действующих государственных программ округа ведется информация о ходе ее реализации, а также информация об ответственных исполнителях по каждой программе[2].

Реализуя положенную в основу развития субъектности ХМАО – Югры политику улучшения качества жизни граждан в округе, 7 декабря 2018 года Правительство ХМАО – Югры утвердило Концепцию открытости органов исполнительной власти в округе и План мероприятий по ее реализации[3].

Концепция закрепила принципы открытости ГОИВ. Главными ожиданиями от реализации принципов открытости ГОИВ и органов местного самоуправления (далее — ОМСУ) в округе являются повышение удовлетворенности граждан качеством государственного и муниципального управления, рост доверия населения к исполнительным органам государственной власти и органам местного самоуправления, повышение уровня правосознания граждан. В этой связи уместно вспомнить о преемственности в осуществлении административных реформ в округе, о начале работы по обеспечению открытости ГОИВ в округе еще в 2003 году и продолжении ее в ГОИВ и ОМСУ после 2010 года[4].

---

[1] См.: В Югре отметили лучшие практики деятельности многофункциональных центров // Единый сайт государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://admhmao.ru/press-center/vse-press-relizy/1042939/?ysclid= lwubgrd7qh724474217 (дата обращения: 30.05.2024).

[2] Государственные программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Единый сайт государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://admhmao.ru/dokumenty/gosudarstvennye-programmy/?ysclid=lwucrbyb4p690520718 (дата обращения: 30.05.2024).

[3] Распоряжение правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 7 декабря 2018 г. № 642-рп // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2018. № 12, ч. 1, т. 1, ст. 1299.

[4] Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : закон ХМАО – Югры от 9 апреля 2010 г. № 79-оз (с изм. на основании Закона ХМАО – Югры от 27 октября 2022 г. № 127-оз) // Собрание законодательства ХМАО – Югры. 2010. № 4, ст. 301.

В связи с принятием нового федерального закона о принципах организации публичной власти в субъектах РФ в ХМАО – Югре органами публичной власти всех ее уровней осуществляется работа, направленная на приведение в соответствие с федеральным законодательством системы и структуры органов публичной власти в округе. Так, в средствах массовой информации отмечалось, что в Югре губернатором Н. В. Комаровой принято решение о реорганизации ОИВ. Общей целью реорганизации является, конечно, приведение системы и структуры ОИВ ХМАО – Югры в соответствие с принятым от 12 декабря 2021 года Федеральным законом № 414-ФЗ, основной смысл которой состоит в совершенствовании деятельности этих органов. Среди частных целей в ХМАО – Югре предусмотрено совершенствование деятельности ГОИВ и ОМСУ ХМАО – Югры в сфере молодежной политики, ее приоритетов в части профессионального роста; пересмотр осуществления полномочий в межнациональных (межэтнических) отношениях, обеспечения межнационального и межконфессионального согласия, профилактика экстремизма[1].

В ХМАО – Югре завершилась процедура изменения структуры Правительства.

Обновленная структура Правительства ХМАО – Югры получила одобрение в администрации Президента РФ.

В связи с необходимостью приведения законодательства ХМАО – Югры в соответствие с федеральным законодательством, регламентирующим организацию публичной власти в субъектах РФ, в нормативные акты ХМАО – Югры внесены дополнения, устанавливающие следующее:

— одновременное замещение губернатором ХМАО – Югры государственной должности РФ и государственной должности автономного округа,

— ограничения, требования и запреты, связанные с замещением должности губернатора,

[1] О реорганизации и о перераспределении отдельных функций и полномочий некоторых исполнительных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : постановление губернатора ХМАО – Югры от 13 апреля 2023 г. № 47 (с изм. на 21 ноября 2023 г.) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2023. № 4, ч. 1, т. 1, ст. 381.

— полномочия по социально-экономическому развитию региона, организации работы исполнительных органов МСУ во взаимоотношениях с ГОИВ и должностными лицами.

Исключены полномочия главы региона ежегодно представлять в Думу Югры проект бюджета, докладов о социально-экономическом и политическом положении, публичного отчета независимой оценки качества оказания услуг органами и учреждениями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания. Другие полномочия[1].

Губернатор ХМАО – Югры Н. Комарова назвала важнейшими инструментами в борьбе с санкционным давлением новые полномочия глав регионов, которыми наделил их Президент РФ В. В. Путин[2].

[1] Подробно: О налоге на сверхприбыль : федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 414 (СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453902/ (дата обращения: 30.05.2024)), а также новые полномочия Губернатора ХМАО – Югры. URL: https://ugra-news.ru/article/novye_polnomochiyagubernatora/?ysclid=lwuh9xv7n94632981 (дата обращения: 30.05.2024).

[2] См.: *Завьялов Д.* Губернатор ХМАО оценила новые полномочия глав регионов // Информагентство URA.RU: сайт. URL: https://ura.news/news/1052539617?ysclid=lkri5qu6du906080632 (дата обращения: 18.03.2022).

УДК 34.01

Орлов Д. В.,
кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Нижегородской академии МВД России

Определение стоимости правового регулирования в фокусе правовой реформы: сущность, проблемы и необходимость

Актуальность вопроса стоимости правового регулирования сегодня очень высока. Санкционное давление, изменяющиеся в этой связи условия жизни общества способствуют появлению новых целей, подлежащих достижению изначально путем правового регулирования, а также пересмотра ранее установленных норм права, изменению правовых положений вплоть до признания их утратившими силу. Подобные изменения могут носить как разовый, одномоментный характер, так и существовать в рамках какой-либо совокупности идей. Система идей характеризуется понятием концепции, несколько концепций — политикой. Политика, в свою очередь, находит реальное воплощение в реформах.

Что такое реформа и правовая реформа? Как выясняется в процессе обсуждения различных тем выступления в рамках конференции, а также изучения разнообразных источников, однозначного понимания этого нет. Как и нет четкого перечня признаков, характерных для этого понятия, нет соответственно определения, нет и единства в важности результата на понимание самой реформы.

В Большом юридическом словаре, составленном А. Б. Борисовым, содержится определение реформы, под которой понимается преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядки, институты, учреждения); формально — нововведение любого содержания, однако реформой обычно называют более или менее прогрессивное преобразование[1], при этом с помощью каких средств достигаются цели

[1] См.: *Борисов А. Б.* Большой юридический словарь. Москва, 2010. С. 650.

© Орлов Д. В., 2024

и проводятся данные изменения не указывается. Отметим, что термин и определение правовой реформы, несмотря на то, что данный словарь является юридическим, отсутствуют, что, по всей видимости, подразумевает тождественность в понимании данных терминов.

Законодательное закрепление правовой реформы содержится в Указе Президента РФ от 6 июля 1995 года № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации»[1], согласно положениям которого составляющими элементами концепции, а значит и самой правовой реформы, являются:

— законодательное обеспечение системы прав человека;

— упрочение основ и защита конституционного строя;

— реформирование государственного управления;

— создание целостной правовой базы организации и деятельности судебной системы и органов юстиции;

— обеспечение координации нормотворческой деятельности органов государственной власти;

— формирование правовой базы и институциональная реформа правоохранительной системы;

— конкретизация основ федерализма в РФ;

— выработка принципиальных направлений и форм осуществления реформы местного самоуправления;

— дальнейшее системное правовое обеспечение развития экономики;

— развитие системы правового воспитания, в том числе укрепление системы юридического образования и юридической науки;

— организация правовой экспертизы в нормотворческой и правоприменительной практике;

— формирование современной широкодоступной базы нормативных актов, в том числе в электронном виде.

В юридической науке термин «правовая реформа» раскрывается по-разному. Некоторые ученые отождествляют правовую реформу с любой реформой в государстве, а некоторые полагают, что правовая реформа — более широкое или более узкое по содержанию и сущности явление.

[1] О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации : указ Президента РФ от 6 июля 1995 года № 673 // СЗ РФ. 1995. № 28, ст. 2642.

А. В. Малько полагает, что «…правовая реформа есть комплексное и прогрессивное изменение правовой системы, заметное повышение качества правовой жизни общества, содействующее наиболее полному обеспечению прав и свобод человека и гражданина»[1]. К правовой реформе ученый относит, например, судебную реформу в постсоветской России.

По мнению В. М. Морозова, «…правовая реформа является составной частью всего реформаторского процесса в стране <…> выступает инструментом проведения необходимых реформ, нахождения баланса конкурирующих интересов, обновления и поддержания экономики и развития гражданского общества»[2].

Нам импонирует данное мнение, поскольку полагаем, что правовая реформа направлена на правовую основу развития общества, изменение и поддержание стабильным системы права, а также качественной системы правореализации. Любая проводимая реформа в стране не может обойтись без изменения законодательства, механизмов его реализации и в любом случае направлена на улучшение положения общества в части имеющихся благ.

Схожего мнения придерживается Ю. В. Скворцова, полагая, что правовая реформа в стране связана с пересмотром взгляда на саму природу права на основе концепции различия права и закона, с решением внутренних задач реформирования права, а также реформирования общества посредством права[3].

Реформа может проявляться в двух формах: как совокупность специально направленных правовых норм, которые изначально так и обозначаются с формальным закреплением данного статуса, так и изменение правовой действительности, которые изначально таким образом не оценены. В некоторых случаях статус реформы приобретается в результате проведенной оценки

---

[1] См.: *Малько А. В.* Правовая политика и правовая реформа в современной России (Обзор материалов круглого стола) // Государство и право. 2009. № 4. С. 100.

[2] *Морозов В. М.* Правовая реформа как фактор становления российской государственности // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4 (9). С. 95.

[3] См.: *Скворцова Ю. В.* Проблемы реализации правовой реформы в современной России // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2011. № 28. С. 198.

экспертами, представителями органов государственной власти, гражданами.

Обратим внимание, что одним из обязательных признаков реформы А. В. Малько считает полезный результат, выраженный в «…заметном повышении качества правовой жизни общества», но реформы не всегда приводят к запланированному положительному результату или приводят, но не в ожидаемом объеме. Будут ли тогда данные изменения являться реформой? Полагаем, что будут, так как главное это сами существенные изменения, а также цели, ради которых она планировалась к проведению. Кроме того, результат реформы не всегда однозначно всеми субъектами из-за своей заинтересованности принимается за положительный, но от этого реформа не перестает быть реформой.

Реформа не может быть проведена одномоментно. Как правило, для реформы необходимы ряд взаимосвязанных между собой НПА, правовых актов организационного характера.

Реформа может иметь разный масштаб. К реформе относятся и преобразования, связанные с существенным изменением какой-либо системы (например, судебной или органов внутренних дел), так и может касаться какого-либо отдельного правового института (например, институт конституционного контроля, институт президента, институт глав муниципальных образований и т. д.).

Реформа может быть растянута во времени, поскольку одномоментное принятие ряда взаимосвязанных НПА может быть невозможно по причинам многоаспектности изменений, а также в связи с отсутствием финансовой возможности ее осуществления либо результата. Подобная ситуация иллюстрируется современным реформированием системы МВД России, начало которого было положено Указом Президента РФ от 24 декабря 2009 года № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»[1] и по факту продолжается до настоящего времени (более 15 лет) по причине недостижения нужного положительного результата и попытках как минимум смягчить негативные последствия для государства и общества.

[1] СЗ РФ. 2009. № 52, ч. 1, ст. 6536.

Реформы или часть реформы проводятся в целях улучшения какой-либо ситуации. Так, Президент РФ В. В. Путин обозначил значимость происходящих изменений в механизме принятия судебных решений, связанных с выходом России из-под юрисдикции ЕСПЧ по причине политизированности и необъективности принимаемых судебных решений: «…поэтому были приняты федеральные законы, в соответствии с которыми решения ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в России.

Более того, в наше процессуальное законодательство внесены изменения, касающиеся пересмотра судебных актов, принятых российскими судами на основании постановлений ЕСПЧ»[1].

Изменения могут быть связаны с расширением объема прав субъектов правоотношений, дополнительных гарантий, возможности более эффективной их реализации, а также, что в некоторых случаях выходит на первый план, экономии ресурсов с сохранением той же эффективности или ее более лучшего состояния. Так, Д. А. Медведев на подведении итогов 2009 года в отношении планируемой реформы МВД России отметил, что «…нужно менять эту систему. Даже вопросов нет. Конечно, это связано с нашими нынешними финансовыми возможностями, но мы обязаны посмотреть на все составляющие работы МВД, в том числе и на списочную численность. Может быть, где-то лучше ужаться — и меньшей численностью, но, выплачивая соответствующее вознаграждение, обеспечивать приход нормальных, современных, бескорыстных, но в то же время эффективных сотрудников Министерства внутренних дел. Чтобы они качественно служили, чтобы они честно отрабатывали»[2].

По истечении времени после множества принятых НПА, реализации организационных мероприятий данная реформа привела к неконтролируемому снижению численности сотрудников при возросшей нагрузке на сотрудника и незначительном росте заработной платы.

---

[1] Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов // Президент России : офиц. сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70510 (дата обращения: 20.05.2024).

[2] Итоги года с Президентом России // Президент России : офиц. сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/6450 (дата обращения: 20.05.2024).

Социальная полезность реформы сомнительная: с одной стороны, по данным ВЦИОМ согласно мониторингового опроса россиян уровень доверия к сотрудникам полиции вырос с 2012 по 2018 г. в 1,6 раза: с 35 до 57 %, в 2022 году составил 62 %, в 2023 г. — 66 %[1], а с другой — сокращение численности привело к отсутствию сотрудников на улице, а значит, и ухудшению ситуации с безопасностью граждан и охраной общественного порядка. Достаточно показателен пример с обеспечением безопасности на массовых мероприятиях. В большей степени для оказания содействия полиции задействуются волонтеры, а также различные частные охранные предприятия, которые оказывают свои услуги за оплату.

Сотрудники ГАИ при отсутствии пострадавших лиц зачастую не выезжают на совершенные дорожно-транспортные происшествия, хотя факт совершения ДТП уже подразумевает нарушение каким-то из участников ДТП Правил дорожного движения, предусмотренных статьей КоАП РФ. Получается, что подобные факты правонарушения неинтересны государству и подрывают одну из базовых его функций?

14 мая 2024 года, выступая на пленарном заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. А. Колокольцев обозначил некомплект в 152 тысячи сотрудников МВД России. В качестве примера приведены цифры по регионам: в Приморье некомплект составляет 25 %, Магадане — 24 %, Туле — 23 %.

По некоторым структурам МВД России цифры более впечатляющие: в Костромской области в ППС нехватка сотрудников местами достигла 90 %[2]. Также было отмечено, что увеличить заработную плату для привлечения граждан на службу в министерство не может.

Понимая сложившуюся непростую ситуацию по охране правопорядка и борьбе с преступностью, Правительство пред-

[1] Профессия: полицейский // ВЦИОМ : офиц. сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii (дата обращения: 20.05.2024).

[2] См.: *Рыбин А.* Колокольцев описал некомплект сотрудников МВД фразой «один работает за четверых» // RG.RU : сайт. URL: // https://rg.ru/2024/05/14/kolokolcev-opisal-nekomplekt-sotrudnikov-mvd-frazoj-odin-rabotaet-za-chetveryh.html (дата обращения: 20.05.2024).

принимает меры по увеличению штатной численности. Указом Президента РФ от 5 декабря 2022 года № 878[1] предусмотрено ежегодное увеличение предельной штатной численности. С 1 января 2025 года увеличение количества сотрудников должно составить на 16 795 человек по сравнению с 1 января 2023 года, но без существенных дополнительных изменений законодательства в сторону привлекательности службы в органах внутренних дел заполнения данной штатной численности видится проблематичным.

К продолжающейся реформе МВД России можно вполне отнести и возвращение наименования ГАИ вместо ГИБДД. Новые расходы на организацию правовой работы по внесению изменений в правовые акты, иные расходы в виде подготовки новых бланков документов, замены элементов обозначения на автомашинах, зданиях, шевронах связаны лишь с желанием уйти от неудавшегося эксперимента по изменению имиджа? В 2001 году Президент РФ В. В. Путин на прямой линии произнес: «Есть такая организация – ГИБДД. Трудно выговаривается и вообще не очень понятно, зачем переименовали. Так до сих пор никто внятно не может объяснить»[2].

Имеют место и реформы, затрагивающие сокращение расходов (экономии) государственного бюджета в отношении непосредственно граждан. Ярким примером является реформа по монетизации льгот. Решение о проведении данной реформы во многом было определено существенными издержками для государства, а также, как следовало из объяснений чиновников, ростом коррупции. По мнению граждан и экспертов, социальная полезность принятых норм стала гораздо меньшей по сравнению с полезностью от ранее предоставляемых льгот.

Похожая ситуация связана и с относительно недавним повышением пенсионного возраста. Реформа получила неоднознач-

[1] Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 декабря 2022 года № 878 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/View/0001202212050104?ysclid=lypv53rqsr 385673571&index=1 (дата обращения: 20.05.2024).

[2] Стенограмма прямого теле- и радиоэфира («Прямая линия с Президентом России») // Президент России : офиц. сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts /21457 (дата обращения: 20.05.2024).

ные оценки среди граждан. Несмотря на существенную аргументированную разъяснительную деятельность через СМИ о необходимости проведения данной реформы у граждан остались сомнения в ее социальной ценности. В 2021 году двадцать депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, возглавляемых С. М. Мироновым, пытались законодательно вернуть ранее закрепленный возраст. Депутатами был подготовлен законопроект за № 1145526-7, в пояснительной записке к которому указывалось, что «…принятие вышеуказанных законодательных изменений, касающихся повышением пенсионного возраста, сопровождалось широким возмущением подавляющего большинства граждан Российской Федерации, отсутствием широкой общественной и экспертной дискуссии, недостаточностью проработки экономических, социальных и иных последствий принимаемых решений <…> Федеральный закон содержит и иные отдельные правовые и социально-экономические риски, которые не были учтены при его принятии»[1].

Подобный проект закона (№ 1233921-7) также в 2021 году был подготовлен и другой группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ под руководством Г. А. Зюганова. В пояснительной записке к проекту обращено внимание на необходимость решения проблемы пенсионного обеспечения иным способом: «…вместо повышения пенсионного возраста необходимо было совершенствовать механизм финансового обеспечения страховой пенсионной системы. Например, путем пополнения ее за счет части налогов»[2].

---

[1] О признании утратившим силу Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» и о внесении изменений в Федеральный закон «О страховых пенсиях» в части снижения нормативного пенсионного возраста и запрета на его повышение до 1 января 2035 года» : законопроект № 1145526-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd.duma. gov.ru/bill/1145526-7 (дата обращения: 20.05.2024).

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О страховых пенсиях» по вопросам установления возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, 60 и 55 лет (соответственно мужчинам и женщинам) : законопроект № 1233921-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1233921-7 (дата обращения: 20.05.2024).

Все вышеприведенное — примеры попыток найти компромисс между экономическими и социальными издержками в сочетании с достижением желаемого результата. Однако, как показывает практика, не все из этих реформ достигают нужной цели. В приведенных случаях можно наблюдать какой-либо просчет. Самый опасный из них — это просчет в социальной полезности принятой реформы и затраченных ресурсах на получение данного результата.

На наш взгляд, указанные выше проблемы во многом связаны с тем, что было уделено недостаточное внимание оценке стоимости правового регулирования при проведении правовой реформы на этапе подготовки самой концепции реформы. Отсутствие конкретного понимания соотношения ожидаемого результата, затрат и риска возможных негативных последствий является предпосылкой к возможным негативным результатам.

Отдельные моменты данной оценки можно увидеть в пояснительных записках и финансово-экономических обоснованиях к НПА, подготавливаемым в рамках концепции, но эти акты самостоятельны и разрознены во времени, а значит, не могут дать полного комплексного понимания ситуации. Кроме того, зачастую данная оценка имеет конкретику только в отношении экономических показателей. Предполагаемая социальная полезность в документах не имеет четких расчетов. Не существует и никаких формул, позволяющих установить допустимое соответствие экономической и социальной полезности принимаемой нормы.

Соблюдение баланса между принимаемыми НПА и отражением в них потребностей граждан — еще один важный и требующий учета аспект направления правовой реформы. Проведение подобной оценки позволит лучше понять необходимость в проведении правового регулирования в определенной сфере, оценить необходимость издержек планируемому результату.

Несмотря на то, что депутаты в законодательных (представительных) органах власти — это представители интересов граждан, но, исходя из множества похожих ситуаций, описанных выше, сегодня необходим непосредственный контакт с населением, учет его мнения по наиболее масштабным изменениям законода-

тельства. Хорошим подспорьем в понимании социальной полезности принимаемых норм права, определению их «нужности» для общества может служить механизм публичных консультаций[1]. Необходимо расширять взаимодействие граждан в рамках законодательного процесса, а также следует придать большую юридическую силу решениям граждан.

Кроме того, для лучшего контроля за проведением реформы она должна иметь четкие временные границы, по возможности разделена на этапы, каждый из которых должен иметь свои собственные положительные результаты и иметь стоимостную оценку.

[1] См.: *Орлов Д. В.* Публичная консультация при определении стоимости правового регулирования как форма проявления конституционных основ в России // Актуальные вопросы конституционализма : сборник материалов (Нижний Новгород, 8 декабря 2023 года). Нижний Новгород, 2024. С. 156–162.

УДК 34

Орлов К. А.,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России

Отдельные аспекты реализации юридической техники при создании правовых актов в рамках проведения правовой реформы

Подготовка и реализация правовой реформы неизбежно связаны с большим объемом правовых процессов в рамках осуществления деятельности по созданию, изменению, систематизации НПА. Это зависит от того, что временные пределы реализации правовой реформы могут носить крайне длительный характер, в подтверждение тому — современный период формирования правовых основ российской государственности, начатый в начале 90-х годов прошлого столетия, постоянно эволюционирует, пополняется новыми актами, отменой устаревших, корректировкой текущих, но существуют и иные, особые случаи, которые демонстрируют незавершенность в сфере формирования источников права. Так, небезызвестный проект федерального закона *«*О *нормативных правовых актах* в *Российской Федерации» был внесен* в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в июне 1996 года, а в мае 2004 года этим же органом отклонен и снят с дальнейшего рассмотрения.

Общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования, нуждаются в правовой регламентации и последующем оформлении в нормах права. В данных нормах находят свое отражение правила поведения, которые признаются в государстве допустимыми (правомерными), необходимыми либо, напротив, запретными. Несоблюдение установленных законодателем запретов на совершение тех или иных действий либо невыполнение возложенных обязанностей влечет за собой негативные последствия: правонарушитель подлежит привлечению к юридической ответственности.

© Орлов К. А., 2024

Разработка и принятие норм права осуществляется в рамках сложившегося правотворческого процесса, особое содержание и процедура которого для последующего регулирования отношений в обществе не вызывает сомнения. Вместе с тем в настоящее время свою актуальность приобретают вопросы разработки, принятия и последующей реализации юридических актов, отличающихся высоким качеством, продуманностью, последовательностью и учетом реализации долгосрочной перспективы воли законодателя (учитывающей интересы избирателей), грамотностью и системностью изложения правовой материи.

Несовершенство же положений действующего законодательства на практике приводит к возникновению споров относительно установления содержания правовой нормы, порядка, условий ее применения, что может иметь непосредственное выражение в практике реализации и применения норм права. Соответственно, потребность в применении достижений юридической техники при создании правовых актов в рамках претворения в жизнь любой правовой деятельности (в том числе и в рамках правовой реформы) приобретает крайне востребованный характер.

Обусловлено это тем, что использование инструментов юридической техники способно обеспечивать:

— повышение качества права наряду с упрощением его содержания, количества НПА;

— обеспечение практичности права[1];

— обеспечение ясности, простоты и систематичности НПА;

— совершенствование и рационализация юридической деятельности[2].

Использование достижений юридической техники позволяет создать такие законодательные акты, которые были бы доступны для понимания всеми субъектами права, а также создавали бы предпосылки для урегулирования общественных отношений на таком уровне, который будет адекватен для субъектов, обладающих разным уровнем правосознания.

---

[1] См.: *Липская Е. Л.* Юридическая техника как гарантия высокого качества законов // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 25. С. 213.

[2] См.: *Гюльвердиев Р. Б.* Юридическая техника и техника реализации юридической конвергенции: вопросы этимологии // Диалог. 2017. № 1 (6). С. 40.

Юридическая техника подлежит использованию не только в рамках подготовки, принятия НПА, но и в процессе их непосредственного исполнения. В целом языковое воплощение нормы в тексте имеет весьма существенное значение, в связи с чем следует согласиться с профессором А. С. Шабуровым, что эффективность правового регулирования во многом определяется именно качеством правовых актов, тем, насколько точно и четко они выражают волю правотворческих или правоприменительных органов[1].

Представляется, что юридическая техника должна рассматриваться в качестве неотъемлемой составляющей профессионального правосознания каждого юриста. В этой связи допустимо отметить, что именно наличие у юристов представления о методах, способах, приемах и иных компонентах юридической техники служит предпосылкой для установления действительного содержания правовых норм и их последующего применения. Именно этот аспект является побуждающим фактором для обычных граждан, которые, не владея нужным уровнем знания в области права, нуждаются в получении квалифицированной помощи. У обывателя чаще всего понимания в пошаговой и исчерпывающей детализации реализации права не имеется, тем более отсутствует понимание и о конкретных приемах и средствах юридической техники, которые могут быть использованы в рамках претворения права в жизнь. Еще больший эффект неопределенности и непонимания формируется у большинства нашего общества в период реорганизационных процессов, вызванных реформированием правовых устоев.

Как следствие, уровень развития юридической техники связывается и с уровнем правовой культуры населения страны. От качества осуществляемой юридической деятельности зависит уровень развития правовой основы, ее совершенство. Эффективные правовые механизмы, отлаженность процедуры разработки, совершенствования НПА — предпосылки, обеспечивающие условия для предупреждения и пресечения противоправного поведения, оказания своевременной защиты, восстановления нарушенных прав и

[1] См.: *Шабуров А. С.* Юридическая терминология и юридические понятия как юридико-технические средства и научно-теоретические категории // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–1 (62). С. 132.

законных интересов человека. Соответственно, юридическая техника в целом позволяет обеспечить законность, правопорядок в стране, создать правовое, демократическое государство[1].

Обеспечение и поддержание правопорядка сводится исследователями к целям юридической техники, особо активно достигаемых в условиях переходных периодов для каждого общества, сопряженных с проведением реформирования правовых основ. Если стабильно развивающееся общество чаще всего использует юридическую технику для поддержания стабильности, оттачивания работы права, то в переходный период, при смене политического режима и формирования нового курса развития государственности, необходимость в разработке правовой основы зависит от конъюнктурных интересов правящей элиты, при этом юридическая техника вновь демонстрирует свою необходимость для проведения правовых преобразований, формирования нового правопорядка, достижения режима законности (если вектор развития направлен на эти ценности).

Важно отметить, что содержание юридической техники не должно сводиться только к «документационному» подходу, целесообразно и правильно придерживаться «деятельностного», который полнее и объемнее отражает ее наполнение. Следует согласиться с В. М. Барановым и М. В. Давыдовой, поскольку, во-первых, помимо правотворчества, существуют другие виды юридической деятельности, и не всегда итогом такой деятельности будет являться письменный документ. Во-вторых, помимо составления текста, специальные средства и правила требуются и для других составляющих юридической деятельности: устная речь, умозаключение, последовательность действий и др. В-третьих, «деятельностный» подход не противоречит «документационному», так как составление документов — это тоже деятельность[2].

Особый характер содержательного наполнения юридической техники проявляется в следующих аспектах.

Юридическая техника как синтез фундаментального и прикладного знания. Прикладное значение юридической техники

---

[1] См.: *Миронов А. Н.* Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов : монография. Москва. 2010. С. 71.

[2] См.: Юридическая техника : курс лекций / под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. Москва, 2012. С. 38.

определяет ее как самостоятельную теоретико-прикладную юридическую науку, предметом изучения которой являются закономерности рациональной юридической деятельности по созданию, толкованию и реализации права[1].

В первую очередь накопленный опыт содержательного наполнения юридической техники непосредственно оказывает влияние на весь процесс правотворчества. Средства, правила, приемы юридической техники могут оказывать влияние как на внешнее выражение права — его форму, так и его содержательное наполнение, в связи с чем вполне справедливо утверждать, что юридическая техника обеспечивает реализацию регулятивной функции права. В данном контексте уместно говорить и о совершенствовании действующих НПА, которые могут содержать пробелы и коллизии в праве. Юридическая техника в данном случае выступает средством совершенствования уже действующего законодательства.

Также юридическая техника затрагивает все процессы составления иных правовых актов и юридических документов: локальных актов, договоров, актов реализации права, актов применения права, актов интерпретации права и др., в связи с чем приобретает более широкое значение для правовой практики и для реализации всего механизма правового регулирования и реализации права.

Уровень развития юридической техники показатель качества правовой культуры, государства и общества. Низкий уровень правовой культуры лиц, ответственных за подготовку проектов НПА, за рассмотрение этих проектов и их последующее принятие, выражается в недостаточной законодательной технике, что, в свою очередь, влечет за собой непонятные, неконкретные и неточные формулировки в законе, наличие противоречий (коллизий) и пробелов в правовом регулировании. Также низкий уровень правовой культуры среди населения ведет к тому, что население не понимает закон, не способно его реализовать на надлежащем уровне и не считает нужным выполнять либо вообще не знает о его существовании. Соответственно, прямая противопо-

[1] См.: *Давыдова М. Л.* Общетеоретический и прикладной подходы к преподаванию юридической техники: преимущества и проблема совместимости // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 155–160.

ложность, связанная с высоким уровнем правосознания и правовой культуры, демонстрирует ответственное, осознанное и неравнодушное отношение к праву и правовым явлениям, обусловливает наиболее востребованную потребность для общества в конкретных механизмах юридической техники для последующей реализации права.

Юридическая техника оказывает влияние на субъективное восприятие права, конструирование юридической мысли, а также формирование и формулирование грамотной юридической речи. В подобном ключе значение юридической техники становится самостоятельным элементом правовой системы наравне с правосознанием и влияет на функционирование и совершенствование правовой культуры государства, так и ее отдельных элементов.

Роль и возможности юридической техники в преобразовании общественных отношений, согласовании различных социальных интересов, социализации индивидов и осуществления социального контроля. Выполнение требований к оформлению и структуре правового текста, а также стилю изложения ведет к однозначности и ясности правового предписания, что весьма важно в содержательном выражении правовой материи, поиске наиболее сбалансированного компромиссного решения общественных интересов и выражении в конкретных правовых актах — нормативных, реализационных, правоприменительных, интерпретационных.

Качество юридической техники как условие формирования гражданского общества и правового государства. Необходимо отметить, что высокий уровень юридической техники законодателя, суда и правоприменителя косвенно является условием формирования правового государства и развития институтов гражданского общества. В первую очередь качество юридической техники сказывается на соблюдении прав и свобод граждан. Во-вторых, невозможность или затруднительность реализации своих прав не позволяет свободно функционировать гражданскому обществу.

Представленные тезисы демонстрируют важные аспекты реализации и применения юридической техники для осуществления различных видов правовой деятельности и претворения в жизнь всех элементов правовой системы. Особый востребованный характер юридическая техника приобретает и в период про-

ведения правовых реформ, когда происходят разные по объему изменения в правовой материи — содержании НПА, практике создания актов применения права, составлении актов реализации права, формулировании интерпретационных актов, формировании правосознания и правовой культуры.

Данные аспекты подтверждают следующие сформировавшиеся в юридической доктрине тенденции относительно юридической техники. Во-первых, признание юридической техники в качестве самостоятельной теоретико-прикладной науки со своим предметом и методом.

Во-вторых, перерастание юридической техники в юридическую технологию. Многие авторы в настоящее время соотносят данные понятия и приходят к разным выводам о широком и узком, о включении одного в другое, о их равнозначности. Тем не менее ряд авторов склоняются к расширению техники и средств осуществления юридической деятельности и включению в нее процедур, правил и условий, которые свидетельствуют о необходимости использования более объемного понятия, такого как «юридическая технология»[1].

В-третьих, возрастание значения юридической техники для эффективного правового регулирования в лице правотворческой техники и правоприменительной техники приводят к возникновению идеи о выделении и отграничении от смежных правовых явлений самостоятельной правовой категории — технико-юридической культуры[2]. Указанная категория находится на стадии теоретической разработки, но уже сейчас воспринимается некоторыми авторами как разновидность правовой культуры[3].

В-четвертых, юридическая техника и теория государства и права в целом в настоящее время больше заняты переосмыслением понятийного аппарата и выработкой новых правовых категорий и их дефиниций.

---

[1] См.: *Костенко М. А.* Соотношение понятий «Юридическая техника» и «Юридическая технология» // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 9. С. 128.

[2] См.: *Баранова М. В., Купцова О. Б.* Технико-юридическая культура как базовая основа эффективного функционирования системы властных и невластных начал современного российского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 8–16.

[3] См.: *Купцова О. Б.* Технико-юридическая культура в современном российском обществе: проблемы понимания // Образование и право. 2021. № 11. С. 281–285.

УДК 34

Осипов М. Ю.,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры юриспруденции Автономной некоммерческой организации высшего образования «Международная полицейская академия ВПА» (г. Тула, Россия)

К вопросу о технологиях управления качеством правовых реформ

Одной из проблем современной юридической науки является проблема создания и разработки технологии управления качеством правовых реформ. Проблемам правовых реформ и их качеству посвящен целый ряд научных исследований, результаты которых нашли свое отражение как в отечественной, так и в зарубежной юридической литературе[1]. Однако вопросам технологий управления качеством правовых реформ уделяется недостаточное внимание как в отечественной, так и в зарубежной юридической

[1] См.: *Липатов Э. Г.* Административная реформа как средство повышения качества правовой жизни // Актуальные проблемы российской правовой жизни : материалы круглого стола (Самара, 16 марта 2006 года). Самара, 2006. С. 37–41; *Пронина Л. И.* Пенсионная реформа и налоговые льготы: социально-экономическая эффективность и контроль за предоставлением // Учет и контроль. 2018. № 11 (37). С. 14–26; *Пахалов А. М.* Оценка качества экономических институтов как основа реформ инвестиционного климата // Теория и практика общественного развития. 2016. № 10. С. 92–96; *Сарпеков Р. К.* Современная уголовная политика Республики Казахстан и меры по повышению ее эффективности // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2019. № 2. С. 57–64; *Davis K. E., Trebilcock M. J.* Legal reforms and development // Third World Quarterly. 2001. Т. 22. №. 1. Pp. 21–36; *Jacobs S.* Regulatory impact assessment and the economic transition to markets // Public Money & Management. 2004. Т. 24. №. 5. Pp. 283–290; *Kirkpatrick C., Parker D.* Regulatory impact assessment — an overview // Public Money & Management. 2004. Т. 24. №. 5. Pp. 267–270; *Malatinec T. Eu* Agrarian Policy Legal Framework as a Part of the Eu Development Practice/Právny Rámec Agrárnej Politiky Eú Ako Súčasť Eú Rozvojovej Praxe // EU agrarian Law. 2015. Т. 4. №. 2. Pp. 15–18; *De Vera L. T.* Urban land reform and human freedom: The potential of the land administration program in Panama – The Florida State University, 2013.

© Осипов М. Ю.

литературе. Сложность данной проблемы обусловлена неоднозначным пониманием терминов «правовая реформа», «изменение в праве», «правовая новелла», «правовая инновация» и т. д. Это один из аспектов рассматриваемой проблемы. По нашему мнению, правовая реформа — это не любое изменение в праве, это не новелла или инновация в праве[1].

Если исходить из методологии использования понятийных рядов, то получается, что правовая реформа есть разновидность социальной реформы, ибо право есть социальное явление. Более того, можно утверждать, что любая социальная реформа предполагает также осуществление правовой реформы, поскольку любая социально-экономическая реформа предполагает также изменение общественных отношений, которые составляют предмет правового регулирования[2].

Для того чтобы понять, что представляет собой правовая реформа, необходимо вначале выяснить, а что такое реформа, что представляют собой социальная реформа, правовая реформа, ибо понятие «правовая реформа» является частным понятием по отношению к понятию «реформа». Обычно в науке под понятием «реформа» понимают любое нерадикальное изменение в той или иной социальной системе[3]. По мнению К. В. Петрова, «…реформа — изменения в жизни общества, которые ведут к появлению и/или трансформации, и/или исчезновению конкретных общественных отношений, осуществляемые в форме нормативных актов и их реализации»[4]. Правовая реформа — «…целенаправленное изменение системы права»[5]. Однако при таком подходе, по нашему мнению, оказывается невозможным провести разграничение понятий «правовая реформа», «правовые изменения», «правовые новеллы», «правовые инновации». Ведь и правовые изменения, и правовые новеллы, и правовые инновации

---

[1] См.: *Осипов М. Ю.* Новеллы и инновации в праве: понятие и соотношение // Право и политика. 2021. № 2. С. 1–14.

[2] See: *Bingham T.* The rule of law. Penguin Uk, 2011; *Bingham L.* The rule of law // The Cambridge Law Journal. 2007. Т. 66. №. 1. Pp. 67–85.

[3] См.: *Петров К. В.* Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. 2020. № 4. С. 156–161.

[4] Там же. С. 158–159.

[5] Там же. С. 160.

«…могут быть целенаправленными и вести к появлению, трансформации или исчезновению тех или иных социальных институтов»[1]. По нашему мнению, принципиальное отличие правовой реформы от изменений, инноваций и новелл состоит не в том, что они осуществляются целенаправленно[2], а в том, что они осуществляются по плану. Именно наличие плана отличает правовую реформу от «правовой авантюры», когда изменение осуществляется, хоть и целенаправленно, но по сути своей стихийно, и цели, а также сроки осуществления тех или иных изменений согласованы между собой. Именно наличие плана проведения правовых реформ позволяет разрабатывать технологию управления качеством правовых реформ.

Что собой данная технология представляет? Для того чтобы ответить на данный вопрос, надо понять, что собой представляет качество правовой реформы. Необходимо отметить наличие различных походов к определению термина «качество правовой реформы»[3].

По нашему мнению, качество правовой реформы означает такую характеристику правовых реформ, которая позволяет достигнуть цели правовой реформы, а также удовлетворить потребности общества, поэтому первым компонентом технологии управления качеством правовых реформ выступает анализ правового регулирования общественных отношений в той или иной социальной сфере с целью определения, насколько существующее состояние правового регулирования общественных отношений позволяет удовлетворить потребности общества. При этом такой анализ правового регулирования должен носить характер *SWOT*-анализа[4]. Возникает вопрос: «Каким образом можно его

---

[1] *Петров К. В*. Понятия «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. 2020. № 4. С. 158–159.

[2] Там же. С. 158–160.

[3] См.: *Kirkpatrick C., Parker D.* Regulatory impact assessment — an overview // Public Money & Management. 2004. Т. 24. №. 5. С. 267–270; *Simmons O. S.* Taking the Blue Pill: The Imponderable Impact of Executive Compensation Reform // SMUL Rev. 2009. Т. 62. С. 290; *De Vera L. T.* Urban land reform and human freedom: The potential of the land administration program in Panama – The Florida State University, 2013.

[4] См.: *Gurl E.* SWOT analysis: A theoretical review. 2017. Leigh D. SWOT analysis // Handbook of Improving Performance in the Workplace: Vol. 1–3. 2009. С. 115–140; *Benzaghta M. A. et al*. SWOT analysis applications: An integrative literature review // Journal of Global Business Insights. 2021. Т. 6. №. 1. С. 55–73.

осуществить и что он собой представляет?». Для этого на первом этапе нам необходимо осуществить предварительный *SWOT*-анализ состояния правового регулирования общественных отношений до проведения правовой реформы.

Для этого нам надо заполнить таблицу 1.

Таблица 1

SWOT-анализ состояния правового регулирования общественных отношений

Потребности общества	Предмет правового регулирования	Особенности метода правового регулирования	Сильные стороны	Слабые стороны	Возможности	Угрозы

После того, как такой анализ будет осуществлен, у пользователя данной технологии появится преставление о сильных и слабых сторонах правового регулирования общественных отношений, о тех возможностях и тех угрозах (рисках), которые несет за собой существующее состояние правового регулирования общественных отношений.

На втором этапе осуществляется планирование правовой реформы. На данном этапе, исходя из предварительного SWOT-анализа состояния правового регулирования общественных отношений, осуществляется планирование правовой реформы, формируется главная стратегическая цель правовой реформы, а также подцели и задачи правовой реформы. При этом главная стратегическая цель правовой реформы, по нашему мнению, состоит в усилении слабых сторон правового регулирования тех или иных общественных отношений, а также в снижении тех или иных угроз, которые несет за собой сохранение текущего состоя-

ния правового регулирования общественных отношений. Затем на основе целей определяются подцели, задачи и меры, направленные на усиление слабых сторон правового регулирования общественных отношений и снижение угроз, которые несет за собой сохранение правового регулирования общественных отношений, а также возможные последствия использования данных мер[1] и возможные сроки введения данных мер. Цели, задачи и меры по совершенствованию правового регулирования общественных отношений должны быть взаимосвязаны.

Указанные цели, задачи и меры по совершенствованию правового регулирования общественных отношений могут быть записаны в таблицу 2.

Таблица 2

Взаимосвязь целей, задач и мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений

Цели правовой реформы	**Задачи правовой реформы**	**Меры по совершенствованию правового регулирования общественных отношений**	**Возможные последствия использования данных мер**	**Возможные сроки введения данных мер**

На третьем этапе определяются необходимые ресурсы, которые необходимы для реализации мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений, а также факторы, которые прямо (прямые факторы) или косвенно (косвенные факторы), позитивно (позитивные факторы) либо негативно (негативные факторы) влияют на использование тех или иных

[1] См.: Об особенностях оценки правовых последствий изменений действующего законодательства // Тринадцатые Бабаевские чтения : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 года). Нижний Новгород, 2022. С. 317–322.

мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений и которые составляют содержание правовой реформы.

Указанные ресурсы и факторы также могут быть занесены в таблицу 3.

Таблица 3

Ресурсы и факторы, влияющие на качество правовой реформы

Меры по совершенствованию правового регулирования общественных отношений	**Возможные последствия использования данных мер**	**Ресурсы, необходимые для использования мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений**	**Факторы, влияющие на использование тех или иных мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений**

На четверном этапе осуществляется последующий *SWOT*-анализ использования тех или иных мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений и при необходимости вносятся необходимые коррективы в план проведения правовых реформ.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного мы пришли к следующим выводам.

1. Под правовой реформой следует понимать систему планомерных целенаправленных действий по совершенствованию правового регулирования общественных отношений.

2. Под качеством правовых реформ следует понимать такую характеристику правовых реформ, которая позволяет достигнуть цели правовой реформы, а также удовлетворить потребности общества.

3. К числу важнейших целей правовой реформы относится усиление слабых сторон правового регулирования общественных отношений и снижение возможных рисков (угроз), вызванных особенностями данного правового регулирования.

4. Под технологией управления качеством правовых реформ следует понимать систему действий, осуществляемых последовательным образом и направленных на достижение качества правовой реформы. Она включает в себя действия, комбинации и операции, которые направлены: а) на осуществление предварительного *SWOT*-анализа состояния правового регулирования общественных отношений до проведения правовой реформы; б) планирование осуществления правовой реформы, то есть определение целей и задач правовой реформы, мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений, сроков применения данных мер, а также возможных правовых последствий использования данных мер; в) определение ресурсов, необходимых для реализации мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений, а также факторов, которые прямо (прямые факторы) или косвенно (косвенные факторы), позитивно (позитивные факторы) либо негативно (негативные факторы) влияют на использование тех или иных мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений и которые составляют содержание правовой реформы; г) осуществление последующего *SWOT*-анализа использования тех или иных мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений и внесения при необходимости корректив в план осуществления правовой реформы.

В заключение рассмотрим факторы, которые влияют на технологию управления качеством правовой реформы и под которыми следует понимать те обстоятельства, которые влияют на ход и результат использования технологии управления качеством правовой реформы.

К числу таких факторов можно отнести:

1. Способность субъекта правовой реформы осуществлять *SWOT*-анализ состояния правового регулирования общественных отношений.

2. Способность субъекта правовой реформы, исходя из результатов *SWOT*-анализа состояния правового регулирования общественных отношений, определять цели и задачи правовой реформы.

3. Способность субъекта правовой реформы определять меры по совершенствованию правового регулирования общественных отношений.

4. Способность субъекта правовой реформы определять последствия использования мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений.

5. Способность субъекта правовой реформы определять необходимые ресурсы для реализации тех или иных мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений.

6. Способность субъекта правовой реформы определять факторы, которые влияют на использование тех или иных мер по совершенствованию правового регулирования общественных отношений.

Представляется, что использование подобного рода технологии может быть осуществлено путем введения указанных таблиц в систему 1С: Предприятие в соответствующие документы, справочники и регистры сведений, позволит создать автоматизированную систему оптимизации правовых процессов, в том числе автоматизированную систему оптимизации правового регулирования, а также управления правовой реформой, о необходимости которой отмечалось в специальной литературе[1].

[1] См.: *Арнаутова А. А.* Автоматизация проведения экспертиз проектов нормативных правовых актов // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. 2019. С. 68–70; *Каменская Е. В.* Развитие правотворческого процесса в условиях цифровизации общества и государства // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 4 (22). С. 21–27; *Шаршун В. А.* О некоторых вопросах использования информационно-коммуникационных технологий в нормотворческой деятельности // Право.by. 2017. № 3 (47). С. 5–15.

УДК 340

Осипян Б. А.,
кандидат юридических наук, доцент, директор Института Правометрии и Единой Теории и Философии Права и Государства

Крах бездуховной юриспруденции и будущность общечеловеческого правового сознания, образования и науки

Безумный сказал в сердце своем: «Нет Бога».
Библия. Ветхий Завет

Нет ни истины, ни милосердия, ни Богопознания на земле.
Н. Н. Вашкевич «Великая Русь»

Широки врата и пространен путь, ведущие к погибели, и многие идут ими.
Г. В. Ф. Гегель «Философия права»

Любой свыше данный дар или талант боговдохновенного, или харизматичного (греч. χάρισμα — «милость», или «дар Божий») творческого человека, по своему духовному призванию, жизненному и профессиональному предназначению серьезно занимающегося наукой, поэзией или искусством, изначально предопределен и предназначен для любовного, верного и надежного служения самому нашему Создателю-Богу во благо сотворенных им разумных людей и народов. В этом свете и смысле всякая прошлая, ороговевшая и отжившая свой век, пережиточная, традиционная и современная общепринятая, сугубо светская юриспруденция (то есть безбожная, лишенная святости и истины, бездуховная, сугубо мирская, профанированная (лат. *profane*), испоганенная (лат. *pagan* — букв. «языческий») всякими языческими суевериями, невежествами и псевдонаучными недоразумениями, бюрократическая, трафаретная, дисциплинарная «юриспруденция», или «законоведение»), которая не воспринимает,

© Осипян Б. А., 2024

не сознает и не признает богоданной надлежащей и непреходящей идеи права, верного правосознания, основательного правового образования и науки[1], правомерного закона и государства, абсолютного и бесценного достоинства каждого, богообразно созданного человека (букв. «чела, обращенного в вечность») или просвещенного народа (лат. *Nation*, *Demos*), его правомерной свободы и ответственности, правосудия и правопорядка, изначально является бездуховной, беспочвенной, безнравственной, бессмысленной, ошибочной или злоумышленно выдуманной человеческой отсебятиной и заблуждением.

Такое бездуховное, лишенное любви, веры и надежды «правоведение», как и всякое вредное суеверие, детское маловерие и недоразумение, горькое заблуждение или своекорыстный самообман и неправда, рано или поздно неизбежно обречено на полный крах, унылую, бесплодную, безысходную и позорную погибель. Это, прежде всего, касается всех языческих и безбожных «теорий» и «философий»[2] государства и права, неосновательных «сравнительных правоведений»[3], лишенных духовного и мировоззренческого корня легкомысленных, модных и бесплодных наукообразных «политологий и социологий права» независимо от кратковременного земного авторитета и правительственных наград, представляющих их ученых «отцов-основателей», их верноподданных, находящихся на дармовом государственно-казенном кормлении неистовых приверженцев, научно остепененных и титулованных их идеологических пропагандистов и околонаучных политических защитников. Однако по верному и пророческому замечанию Г. В. Ф. Гегеля, «…в наши дни именно Божественное право — наиболее отвергаемое»[4].

---

[1] См.: *Левченко В. И.* Безумие науки и кризис права в России. Москва, 2002.

[2] *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Москва, 1909.

[3] См.: *Осипян Б. А.* Введение в единую теорию и философию права, основанную на духовно-вероучительном методе надлежащего правосознания // Российское государствоведение. 2020. № 2.

[4] *Осипян Б. А.* Взаимодействие надлежащего единого образа права, верного правосознания, успешного законодательства и надежного правосудия в системе правометрии // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2023. № 1.

Во всех современных развитых странах мира все более очевидно приближается полный крах безбожной, суеверной и неоязыческой юриспруденции, которая отныне не может быть воспринята даже как «полунаука» (Л. Н. Толстой), так как она по своей сути состоит из неисчислимого множества плоских и противоречивых мнений (от слова «мнить») и похотливых отсебятин разнообразных «заслуженных юристов» и «деятелей науки». Как и во всех других развитых зарубежных странах, в существенном духовно-правовом преображении и образовательном улучшении нуждается также традиционная российская наука правоведения, которая нынче находится в весьма печальном состоянии: она никого и ничему по-настоящему и полезному не учит и потому никак не может повлиять на качество и уровень верного правосознания как самих ведущих российских ученых юристов, так и подавляющего большинства российских законодателей, судей и иных пользователей и «слуг закона»: прокуроров, полицейских дознавателей, местных правителей.

Верное правовое сознание, истинное образование (от коренного слова «образ» обетованного просвещения и ожидаемого душевного и умственного становления и роста каждого учащегося) и полезная наука как совокупность достоверных и положительных знаний о надлежащей и непреходящей идее права, понятии правомерности и целесообразности юридического закона, государства, правосудия, ответственности, устойчивого правопорядка развиваются взаимосвязано по мере духовно-нравственной, исторической, политической и культурной зрелости каждого разумного человека и составленного из него просвещенного народа[1]. Дело в том, что верное и надлежащее сознание (букв. «знание с Богом») богоданной высшей идеи права, правовое просвещение и образование (как процесс должного становления и соответствия Образу и воле всевышнего Суверена, Законодателя, Правителя и Судьи) и высшая наука имеют единое основание, равно как и одну и ту же высшую и истинную, общую и благую цель[2].

---

[1] См.: *Осипян Б. А.* Влияние религиозно-идеологических свойств и измерений надлежащей и непреходящей идеи права на общественный правопорядок // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2023. № 2.

[2] См.: *Осипян Б. А.* Главные проблемы основательной и «сравнительной» юриспруденции» // Образование и право. 2015. № 1, 2.

Эта высшая цель получения успешного общего и, в частности, правового образования студентов состоит в приобретении ими совокупности благодатных личных откровений свыше — непосредственно заряженных и двигаемых любовью, ведомых верой научных откровений и надежных знаний из первых рук. Должное образование происходит также посредством усвоения лично благоприобретенных в течение жизни посредством других людей и передаваемых из поколения в поколение традиционных и достоверных, проверенных опытом знаний и умений, потенциальных возможностей и реальных достижений. Все это вместе дает возможность каждому искателю духовной и научной истины и целым народам благотворно любить и сотворять, строить, назидать друг друга, внутренне и внешне созидать, постоянно умственно и душевно совершенствоваться и тем самым приближаться к Самому Богу-Создателю и всему сотворенному Им на свете[1] посредством установления и поддержания временного земного общественного правопорядка, освобождения от мирского греха и душевного спасения в «одесной», то есть «правой стороне» (очевидно, что из этого изначально духовного смысла, основания, содержания, упорядочивающей, освободительной и спасительной цели происходит само русское слово и краеугольное юридическое понятие «право») Небесного Отца в вечной жизни[2].

Говоря о предполагаемых общих тенденциях и перспективах развития личного человеческого и общенародного правосознания, образования и единой теоретической юридической науки (единой теории права и основательной юриспруденции), правосознания современных людей и народов, систем национально-государственного и международного права и правосудия[3], мы сначала должны иметь в виду то, что всякое истинное образование, развитие и рост суть нечто возникающее, проявляющееся, выходящее за пределы чего-то уже нам всем известного, а также вырастающее из прежнего и прошлого состояния нечто новое, нечто,

[1] См.: *Осипян Б. А.* Духовное единство и взаимосвязь научных понятий государства и права // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2022. № 4.

[2] См.: *Осипян Б. А.* Духовные измерения надлежащей и непреходящей идеи права // Социально-политические науки. 2014. № 2.

[3] См.: *Осипян Б. А.* Идея саморазвивающейся правовой системы // Журнал Российского права. 2004. № 4.

еще не изведанное прошлыми и нынешними поколениями людей и народов, поскольку все новое на свете — это еще не постигнутое людьми и непонятное им вечное, непреходящее, надлежащее быть, истинное, благое и прекрасное грядущее, данное нам от прежде возлюбившего всех нас Создателя всех миров, людей и народов — Господа Бога для нашей благой и полномерной жизни, личной и общечеловеческой пользы. В этом, пожалуй, и состоят глубокий духовный и жизненный смысл и предназначение любой святой и истинной, настоящей и полезной науки о надлежащей и непреходящей идее права, правомерного закона и правосудия, правоохранения и правопорядка, необходимого для обетованного всем богообразным и разумным людям душевного освобождения от мирского мрака, греха, зла и беспорядка, личного верного и надежного спасения в вечной жизни. Эта нетленная благая и прекрасная личная и социальная жизнь сердечно любящих и разумно мыслящих людей неотвратимо наступит при полноте и совершенстве знаний в Царстве Божием после окончания всех времен и долговечной провиденциальной (*Providential*) единой для всех людей и народов государственно-правовой теории, смысла истории созидательной жизни и деятельности разных богообразных и ответственных людей, народов и всего человеческого рода на земле.

О грядущем таком совершенном богоданном откровении, цельном и полном знании в Священном Писании говорится так: «Мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим, как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан (Богом-Создателем)».

Жизнь снова и снова воочию показывает нам, что в наше время духовная власть иерархов национальных и поместных церквей давно уже не составляет надлежащий противовес произволу духовно, нравственно и юридически малообразованных представителей сугубо светской (извращенной и замутненной) религии и науки, публичных властей и правительственных чиновников всех

разрядов и уровней. Очевидно, что на протяжении многих столетий также происходят полное увядание и крах явно безбожного и светского («слишком человеческого»[1]) правоведения, так называемой правовой науки и практической юриспруденции во всех ее отраслях, проявлениях, направлениях и действии.

Теория и философия права и государства почти везде превратились в мешанину дурной бесконечности многоразличных языческих, безбожных, неправомерных и противоречивых мнений формально образованных людей, облаченных разными учеными степенями и научными званиями, которые, впрочем, никак не могут помочь самим гордым носителям этих многоразличных противоречивых мнений освободиться от привычного им непонятного детского ума и лепета, а также умножаемых ими, как снежный ком, оригинальных отсебятин, недоразумений, горьких заблуждений, бесстыдных и неприкрытых глупостей.

Увы, но все эти бесконечно различные ученые суеверия, предрассудки, «мнения» (от слова «суетно мнить», «сомневаться», «предполагать»), заблуждения и недоразумения на многолюдных ученых советах, собраниях или научных конференциях помпезно и шумно заглушают надлежащую и истинную, единую теорию (букв. «богоучение о праве»), философию (греч. φιλοσοφία — «любовь к Божественной мудрости») и смысл истории возникновения и развития права, вызывают растерянность и недоверие разумно, трезвомыслящих и опытных людей к существующим безобразным и противоправным государственным законам и властям, которые под всякими сладкими приправами широко водворяют безбожно безвкусное, безобразное и циничное, противоправное и человеконенавистническое противостояние в обществе, что впоследствии приводит к зловещему духовно-нравственному и государственно-правовому упадку, застою, разложению и беспорядку, всеобщему ценностному и целевому сбою и действенному отказу от личного и публичного поиска, откровения и утверждения истины, правды, права, свершения правосудия для устойчивого и саморазвивающегося правопорядка. Такие духовно невежественные и самонадеянные (надеющиеся не на Бога, а на себя и на свое семейно-клановое и цеховое окружение) рукотворные ученые-юристы, докторы, профессоры, акаде-

[1] *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Москва, 1909.

мики и всякого рода преподаватели разнообразных так называемых «юридических наук» не знают верного и глубокого изначального смысла таких системно взаимосвязанных, часто употребляемых духовных и правовых понятий, общеупотребительных латинских и греческих слов и юридических терминов, как «надлежащая и непреходящая идея права», «правосознание», «теория», «философия», «наука», «верное знание», «право», «правомерность», «закон», «доктор», «профессор», «судья», «адвокат», «прокурор» и т. д.

В то же время каждый добросовестный, сознательный, трудолюбивый, верно и самостоятельно мыслящий ученый правовед, законодатель, судья и иной правоприменитель призывается к разоблачению скудоумия суеверных, невежественных языческих академиков и профессоров «кислых щей», преподавателей искусственно выдуманных и ныне ложно и насильно обезбоженных, бездуховных и испоганенных «юридических наук». Иными словами, для благоразумного и настоящего научно-правового и государственного строительства на нашей земле надо предварительно расчистить место («мерзость запустения») в качестве новой, широкой и возвышенной стройплощадки вдали от единой «братской могилы» для всех известных «крепостнических», «социалистических», «буржуазных», «капиталистических», «коммунистических», «демократических» и иных бездуховных, суеверных, противоправных и неправомерных языческих учений, а также иных своекорыстно выдуманных ложных преданий, закоснелых или весьма модных преподаваний единой науки основательного и отраслевого правоведения.

Весьма опасно и пагубно для современных ученых правоведов и всего общества, когда официальной и казенной наукой, в особенности правовой, начинают руководить полностью идеологически и психологически зависимые от низменных и неправомерных прихотей чиновных представителей светских властей или «сильных мира сего», в том числе и сами отставные должностные лица и разного ранга дипломированные на праздность государственные чиновники с давно окаменевшими, хиреющими или уже «мертвыми душами». Дело в том, что благодаря таким казенно-окормляемым и административно-подневольным чиновникам от науки и расставленным по ранжиру раболепным

«заслуженным юристам» и «деятелям науки», награжденным разными степенями, званиями и правительственными наградами, истинная правовая наука (единая теория и философия права и производные от них отрасли основательной или фундаментальной юриспруденции) постепенно засыхает, оскудевает и начинает гнить, дурно пахнуть и погибать, как любой другой живой организм разлагается и портится от постоянно нарастающей, поедающей все живое на корню паразитической и неисцеляемой раковой опухоли.

Вместе с медленной и мучительной гибелью такой бюрократической, заказной, формальной, трафаретной и лжеименной правовой науки рано или поздно, но в одночасье распадаются также организационная и финансовая системы жизнедеятельности научно-дипломированных бездельников и дармоедов, административно-послушных прихвостней-бюджетников и «научных прислужников», которые десятилетиями или «до гроба» продолжают успешно работать в разных атавистических «бюджетных научных учреждениях», которые время от времени, в зависимости от кратковременно установившегося идеологического и политического режима, меняют свои прежние «советские» названия и иные громкие околонаучные и «приправительственные» вывески.

Наша жизнь воочию показывает, что происходят неудержимый и основательный упадок и полный крах сугубо светского идеологического и политического, казенно и бесполезно оплачиваемого государством официального «бюджетного правоведения», востребованной государственными чиновниками планово-заказной «правовой науки» и неправомерного законодательства, политической конъюнктуры произвольного административного управления, полностью лишенного таких важных духовно-правовых понятий, как богоданная, добрая, бесстрашная и неподкупная человеческая совесть, личное человеческое достоинство, необходимая и правомерная свобода и личная ответственность. Почти во всех известных мне высших российских и зарубежных (европейских, американских и прочих) научных и образовательных организациях, а также разрабатываемых ими отраслях правоведения и государственного законодательства отсутствует надлежащая и прочная духовно-правовая основа — истинная и глубоко осмысленная единая теория, философия и осмысленная

история права, понятия о правомерности самих конституционных положений и иных законодательных актов, их верного, добросовестного, беспристрастного и целесообразного толкования и полезного практического применения.

Ныне здравствующие известные и титулованные, авторитетные и чрезмерно востребованные бывшие советские, нынешние постсоветские и внезапно одемократившиеся или воцерковившиеся в мгновение ока ученые и преподаватели ведущих российских юридических институтов и университетов продолжают нудно, скучно, но весьма «успешно» передавать своим студентам, аспирантам и докторантам свой огромный никому ненужный прошлый багаж усвоенных ими десятилетиями идеологических и политических суеверий, позавчерашних предрассудков или новомодных, скороспелых современных учений, которые изначально и никогда не могут иметь какого-либо духовно-правового начала, основания, теоретической целостности, полезности и действенной практической значимости.

Скучно и тоскливо не только здравомыслящим современным студентам, но и самим этим давно отжившим свой век ученым преподавателям, которые не способны отвечать на многие простые и даже детские вопросы: «Почему?». В их многочисленных «научных» статьях и «коллективных монографиях» (точнее макулатурных полиграфиях) едва ли можно найти хотя бы верную постановку такого необходимого вопроса о смыслах, причинах, процессах, духовно и юридически обоснованных определениях системообразующих государственно-правовых понятий, критериев того или иного государственно-правового явления в прошлом или в настоящем. Очевидно одно: все, что сами научно остепененные учителя закона в свое время получили и усвоили, то они и могут отдать и преподать своим ученикам — будущим ученым юристам, законодателям, правителям, судьям, прокурорам и следователям, которые, увы, особо не выделяются своей личной добросовестностью и юридической.

Отсюда и вытекают истоки так называемого общенародного российского «правового мелкотемья и абсурдности», «правового нигилизма», бюрократической и канцелярской косноязычности, гнетущей серости и непривлекательности бесконечно разнооб-

разных, суетных и неверных «мнений» разного рода духовно и юридически невежественных, необразованных, бессовестных и административно подневольных «наемных ученых юристов», которые плодят и размножают нравственно диких, явно недообразованных и полуграмотных «юридических кадров», которые по инерции бурно занимаются противоправным, неправомерным и дисфункциональным законотворчеством, произвольным государственным управлением, судейством и правоприменением. В этом всеобщем духовно-правовом невежестве и безответственности, пожалуй, кроются и разрастаются все беды нашего безбожного, сугубо светского и веками испоганенного юридического образования, исхудалой и пустой правовой науки, а также нравственные и иные издержки ныне сложившейся порочной судебной и правоприменительной практики.

Когда мы говорим о необходимости существенного обновления единой и основательной юридической науки, теории, философии, осмысленной истории государства и права[1], то мы имеем в виду вовсе не новые и оригинальные отсебятины известных и авторитетных российских ученых юристов либо те или иные модные, пустопорожние, ветреные, сугубо человеческие предания, разнообразные и противоречивые слухи и учения о государстве и праве, но необходимое и верное осознание надлежащих, объективных, непреходящих и общеобязательных заповедей-законов, как верное отражение объективных и субъективных процессов надлежащего и точного исполнения изначально благой, истинной и прекрасной провиденциальной воли первоначального Законодателя, Правителя и Судьи — Создателя всего на свете Господа Бога[2].

Эти отвратительные языческие пережитки и неоязыческие потуги боголишенного, богооставленного, сирого, атеистического, бессмысленного, серого и нудного советского прошлого, а также рудиментарно-атавистические подобия российских «бюджетных научных учреждений» при разных идеологических, по-

[1] См.: *Осипян Б. А.* Определение понятия права // Современное право. 2007. № 2.

[2] См.: *Осипян Б. А.* Первоначальная сущность и конечные цели правового образования и науки // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2022. № 1.

литических, пропагандистских режимах[1] быстро, сообразительно и без оглядки меняли, меняют и, увы, будут менять свои выдуманные и бесплодные официальные наименования и всякие иные хитроумные рекламные вывески наподобие «рогов и копыт».

Представляется, что время таких административно подневольных своим работодателям ученых-функционеров, по привычной нужде сбившихся в трудовой коллектив («научно-правовой колхоз») или коллегиальную (семейно-клановую или цеховую) касту дипломированных и остепененных научных работников, получивших научную привилегию на законную праздность и оплачиваемое безделье, а также периодически и часто переименовываемых «псевдонаучных государственных учреждений», давно и безвозвратно уже прошло.

Представляется, что давно уже пришло время дать самостоятельность всем с рождения призванным и одаренным свыше настоящим ученым-правоведам, а не заглушать их честный голос богоданной совести и верного правосознания, а также плодотворную деятельность посредством шумных выкриков подавляющего большинства тех «дежурных ученых», кто по привычке ежемесячно получает свою зарплату («зряплату») и очередные квартальные или ежегодные предусмотренные правительством премии для того, чтобы успешно продолжать ничего не делать и терпеливо ждать, пока что-то будут давать им в качестве сверхожидаемого «на халяву» дохода. Вообще, за хорошую работу надо хорошо платить, а не делать вид, что платят ровно столько, чтобы физически выжить и научно творить на голодный желудок, или, почивая на лаврах, заслуженно и бессмысленно дожить и по привычке работать до своей глубокой старости. В этой связи об ужасной казенной зависимости многих научных работников известный философ и мыслитель в свое время верно заметил следующее: «...Для государства было бы великолепно иметь и истину в услужении и на жаловании у себя; но только оно хорошо

[1] Так называемых военно-коммунистических, нэповских, недосоциалистических, социалистических, советских, перестроечных, западных, восточных, азиатских, постсоветских, переходных, недокапиталистических, буржуазных, «левых», «правых», смешанных, либеральных, демократических, государственно-религиозных и иных безбожных и бездуховных многоразличных и одинаково бессмысленных и бесполезных теорий, историй и философий права.

знает, что к природе истины принадлежит не оказывать никаких услуг и не стоять на чьем-то жаловании»[1].

Как в народе говорится: кто платит — тот и заказывает научную «истину» под себя, под свои низменные мирские и бытовые похоти и политико-идеологические суеверия, недоразумения и заблуждения, вредные предрассудки, постыдное, чрезмерно роскошное и бессмысленное прозябание, дорогостоящие пагубные прихоти, своекорыстные, противоправные туманные интересы и ослабляющие душу забавы. Нам представляется, что настоящие ученые-правоведы, напротив, по своему духовно-нравственному и образовательному высокому положению обязаны инициативно давать необходимые и полезные советы для своего правительства, предлагать научно обоснованные концепции, полезные для государства правомерные и целесообразные законопроекты, а также иные способы улучшения общественного правопорядка.

По верному наблюдению известного исследователя российского научно-образовательного и академического междусобойчика, или «академического лобби» Б. А. Райзберга, в современной России, где очень высок уровень формализма и бюрократических пережитков, истинны действующие поговорки: «Главное — не быть, а казаться; без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек». Поток стремящихся стать членами-корреспондентами и действительными членами РАН не иссякает, хотя есть и другие стимулы, кроме денежной подкормки. У членкоров и академиков своя масонская ложа, свои законы продвижения, которые, пожалуй, одним только и ведомы. Ни диссертация, ни научные труды не играют здесь решающей роли, хотя ученая степень нужна. Гораздо важнее попасть в струю и получить поддержку от членов ложи. Рвущиеся к вершине утверждают, что делают это из чистой любви к науке, чтобы их несомненные научные заслуги получили общественное признание. Не будем делать поспешные, скоропалительные, односторонние выводы о провале идеи материального, денежного счастья на научной почве. Получение ученой степени нынешними богачами и политиками стало не редкостью, а скорее обычным правилом[2].

---

[1] *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Москва, 1909. С. 259.

[2] См. *Осипян Б. А.* Перспективы глобального развития права // Современное право. 2004. № 2.

В нынешней России получилось так, что «всем букашкам — по бумажке; вот — ученый наш народ, преходящий с рода в род». В рыночной экономике все в российском образовании и науке, увы, продается и покупается, как на большом регулируемом рынке, как на пестрой ярмарке постоянно нарастающего тщеславия, именно поэтому в России чрезмерно много разнообразных известных и титулованных ученых-юристов, но почти нет истинной и полномерно действующей единой и основательной правовой науки, духовно верного и насыщенного правосознания, настоящего юридического образования и зрелой единой теории или философии права как основы действительно глубокой, интересной, неплоской, неканцелярской, небюрократической, некостноязычной, простой, ясной, логичной, внятной, действенной и общеполезной правовой науки и практики.

Среди ведущих российских ученых-юристов, увы, бытует ошибочное мнение, что существует множество различных юридических наук и каждый защитивший кандидатскую или докторскую диссертацию уже является ученым-правоведом, который, не имея никаких серьезных научных трудов, может смело заседать на различных ученых и диссертационных советах, стать членом Высшей аттестационной комиссии и самостоятельно или коллективно оценивать творческие и научные труды других ими «ведомых» или академически нижестоящих российских правоведов или законоведов независимо от отраслей законоведения. Например, имеющий ученую степень специалиста по административному, гражданскому, «транспортному», «хозяйственному» или даже «колхозному» праву может вдруг оказаться среди диссертационного совета, который оценивает защищаемую или уже защищенную кандидатскую или докторскую диссертацию, и самоуверенно проголосовать за верность и полезность результатов научных исследований.

О весьма жалком и безрадостном состоянии социальных (гуманитарных), в том числе и юридических науки, И. Шевелев верно подметил: «Мы переживаем момент умственного затмения. Когда мы не понимаем ни себя, ни происходящего вокруг, ни того, что хотят от нас другие. Наследственный дебилизм привел популяцию к утрате языка, на котором возможна коммуникация

с внешним миром»[1]. По явному недоразумению некоторых из ведущих российских теоретиков права невозможна даже выработка единого определения понятия права, так как в таком случае теория права превращается из целостной системы основательных и общеполезных истинных знаний о надлежащей идее права и государства в разноречивую мешанину сугубо субъективных и противоречивых мнений многоразличных ученых-юристов, не способных говорить на понятном для всех единообразном русском или иностранном языке научно-правовых понятий и определений, интересно и полезно общаться межу собой, вместо того чтобы оставаться при своем горделивом и ничем не обоснованном мнении-отсебятине, «суеверном недоразумении» или «оригинальном заблуждении».

Именно поэтому в нынешней России так хорошо процветает институт всемерного поощрения склонных к заманчивой административной карьере шустрых бездарей в обличии титулованных ученых-юристов или ведущих депутатов-законодателей как в административном порядке, так и через «всенародную востребованность» и любовь[2]. Такова злая ирония судьбы и не только по известной причине постоянно и неудержимо размножающихся недобросовестных, хитроумных, ленивых, невообразимо шустрых, но, увы, духовно тупых и невменяемых, безответственных и негодных «дураков», «двоечников» и «троечников».

Честно и правдиво давая общую характеристику вроде бы отжившей свой век казенно организованной, финансируемой и окормляемой идеологическими и политическими вождями юридической науки периода процветания «советского» или «социалистического права», В. И. Левченко верно подметил, что в юридической науке советского времени (и частично сейчас) доминировали апологетика действительности, угодничество и лицеприятие, начиная от восхваления публичных высказываний членов Политбюро ЦК КПСС, молитвенного повторения мнений научных «баронов» до навязчивого цитирования суждений коллег,

---

[1] *Шевелев И.* Через пропасть в два философских прыжка // Новая газета. 2009. 19 января. С. 21.

[2] См.: *Осипян Б. А.* Политико-правовые и идеологические концепции как основание формирования государственно-конституционной системы общества // Государство и право. 2009. № 7.

именуемых общепринятыми «юридическими аксиомами», или ведущими «точками зрения».

В научных «исследованиях» преобладало безобразное мелкотемье и паразитизм, облекаемый в соавторство научных «баронов» или «царьков» с зависимыми от них ученых, а также их открытое иждивенчество в науке. По требованию властей и юридических «бояр» казенная правовая наука враждебно относилась ко всему живому, что называлось буржуазным государством и правом. Одновременно она была безразлична ко многим проблемам своего общества. Игнорировались не только общетеоретические достижения зарубежной правовой мысли, но отвергалось научное наследие отечественных классических юристов досоветской России, в то же время защищалось, а точнее штамповалось множество кандидатских и докторских диссертаций по «юридическим наукам», научное и практическое значение которых, как уже давно показало время, оказалось ничтожным и позорным.

Представляется, что сегодняшнее не менее жалкое состояние российской правовой науки по масштабности, уровню, добросовестности, новизне и плодотворности проводимых основательных научно-правовых исследований, в частности, при защите разных диссертаций, не имеет склонности к какому-либо заметному улучшению, поскольку современным российским правоведением в основном манипулируют те же недобросовестные и своекорыстные чиновники от министерства образования и науки или клонированные ими по своему образу и подобию «ведущие специалисты кабинетных знаний закона», которые с нескрываемым страхом и трепетом принимают свои ежемесячные получки и премии, а также, почивая на лаврах своих весьма сомнительных научных достижений, по инерции продолжают оплачивать свои долги за невольное и вынужденное продолжение своего некогда начатого «научно-бюрократического» и административно-карьерного продвижения в академической среде.

Эти ведущие российскую правовую науку «научные руководители» с кучкой подобных себе диссертационных коллег, «неприкасаемой паразитической касты», и поныне, развивая «крепостничество в науке», пытаются подобно диктовать, кому, что, когда и как писать о науке права и государства, чтобы быть «востребованными» и замеченными. В. И. Левченко также верно подметил

то, что инициативных, самостоятельных и непокорных научных работников ожидает научное умаление, забвение или гонение вплоть до признания их психически больными, тогда как эти бюрократы от науки всех бессовестных и угодливых планомерно и выборочно приближают к себе и к порогу своей узаконенной «научной вотчины» и боярства, к журнальным издательствам и научным публикациям[1].

Кстати говоря, проблемы публикации «в юридических журналах ВАК при Минобрнауки РФ»[2] научно-правовых статей в сегодняшней России, с одной стороны, заметно упростились для тех авторов, которые способны и готовы оплатить проделанный ими творческий труд и произведенные редакционные расходы, с другой — те авторы научно-правовых статей, которые получают мизерные зарплаты или находятся на пенсии до прожиточного минимума, почти не имеют возможности вовремя опубликовать результаты своих исследований в специализированных юридических издательствах, которые обычно публикуют статьи юристов из «сугубо своих» образовательных или научных учреждений. Кто не работает в таких государственно-бюджетных научно-образовательных учреждениях, институтах и университетах, тот в лучшем случае может получить отрицательную рецензию на высланную для публикации свою статью. Как правило, такие рецензии основаны на том, что статья не является «профильной», то есть соответствующей узкоспециальной тематике журнала, либо статья, дескать, содержит не совсем понятные для членов редколлегии журнала религиозные, неправильные и неформатные

[1] См.: *Осипян Б. А.* Понятие правометрии, или межерологии права // Государство и право. 2005. № 8.

[2] Заметим, что во многих современных развитых странах никаких формальных и узаконенных ВАКов нет, поскольку там ученые степени и научные звания даются самими повсеместно известными правовыми школами или университетами. Например, профессор Правовой школы Гарвардского или Оксфордского университета, в котором тот или иной ученый-правовед хорошо известен всем и отличился своими выдающимися творческими и преподавательскими способностями и полезным научно-образовательным трудом. См.: *Осипян Б. А.* Профессор Гарвардской правовой школы Гарольд Джозеф Берман — мой учитель и друг (посвящается светлой памяти и столетию со дня рождения великого правоведа — 1918–2018) // Научная мысль. 2018. № 1. С. 62–78.

языковые привкусы или непривычные для уха излишние смысловые оттенки.

Нередко при рецензировании научно-правовых статей «ведущими советскими специалистами» нарушаются условия анонимности и добросовестности, правила органической и формальной логики. Такие неизвестные авторам статей горе-рецензенты, обнаруживая свою слишком узкую профессиональную специализированность либо свою полную юридическую некомпетентность и неопытность в предмете исследования, укоризненно делают замечание на недопустимое самоцитирование или ссылку на себя каким-то известным автором, который пытается уточнить смысл своей рецензируемой статьи посредством своих же ранее опубликованных произведений. Случается иногда и так, что рецензенты одновременно ссылаются на несоответствие выводов автора статьи нормам российского законодательства и делают нелогичный вывод о том, что автор ничего нового не предлагает в своей статье, хотя некоторые положения законодательства очевидно и явно представляются несовершенными и неполными для своего правомерного и целесообразного действия.

Наблюдается также резкое, почти злобное эмоциональное неприятие некоторыми уважаемыми рецензентами как «ведущими-специалистами» в той или иной отрасли законодательства, духовных измерений надлежащей идеи права, понятия правомерности закона, полное отсутствие интереса к ранее невиданно и неслыханно новым темам и научным откровениям, систематизированным определениям, понятиям, критериям, смыслам и т. д. Разумеется, что все это дурно и пагубно влияет на широкое и глубокое, свободное и ответственное научное творчество тех самостоятельных и даже известных и опытных ученых-правоведов и практикующих юристов, которые уже по тем или иным причинам не состоят на государственном учете, бюджетном содержании, семейно-клановой или корпоративно-цеховой организационной и финансовой поддержке.

По верному наблюдению уважаемого В. И. Левченко, ныне существующая система титулования ученых научными степенями более не оправдывает себя; количество лиц, остепененных знаниями, безудержно растет, а юридическая наука все более отдаляется от полной многоразличных проблем и трудностей дей-

ствительной общественной жизни. Многим российским правоведам, в том числе и мне лично, известно, что диссертации по «юридическим наукам», как правило, пишутся не самими соискателями, а за плату другими приближенными к официальной бюрократической науке лицами, а серийная защита кандидатских и докторских диссертаций приближает к кормушке массу честолюбивых людей, которые, не имея личного призвания и изначального дара и способности плодотворно заниматься и развивать российскую правовую науку, успешно рвутся к публичной власти и разного рода чиновным должностям, а затем с занятых ими «командных высот» паразитически быстро издают десятки бессмысленных и бесполезных учебников и монографий по праву, создают и размножают многоразличные псевдонаучные учреждения под вывеской выдуманных ими различных «новых» отраслей российского права, вроде выдуманной «конституционной экономики», «банковского права», «заполярного», «арктического» или «космического права», поэтому в России, и не только

в России, но во многих так называемых развитых зарубежных странах, где мне в разные времена моей жизни приходилось учиться основательной или отраслевой юриспруденции либо стажироваться как практикующему адвокату-защитнику, хотя и развелось чрезмерно много разного рода заслуженных, ведущих и иных разнопрофильных и узкопрофильных ученых юристов, однако, по сути, увы, нет никакой настоящей и общеполезной правовой науки, духовно и научно обоснованной системы разработанных критериев правомерного и целесообразного законодательства, правосудия, надлежащего, постоянно развивающегося и совершенствующегося социального правопорядка[1].

По этой причине вовсе не высокие научные, правительственные и всемирно признанные степени, звания, титулы и награды решают истинную ценность того или иного ученого человека, а духовно-историческая и социально-правовая значимость и общеполезность его научных трудов, а также всего оставленного им всем людям и народам богатого научно-творческого наследия. В связи с этим некоторые ученые замечают, что «…есть законо-

[1] См.: *Осипян Б. А.* Право как верный путь к порядку и душеспасению, или направления действия надлежащей и непреходящей идеи права // Религия и право. 2015. № 3.

мерность в том, что лучшие работы ученых награждаются Нобелевской премией, то есть освящаются именем известного изобретателя и производителя разрушительного вещества — грозного динамита»[1]. Представляется, что те лица, именами которых учреждены всякие подобные высокие фонды и награды, а также сами награждающие (премирующие) научно-остепененные чиновники должны сами, по крайней мере, быть несравненно более духовно, нравственно и научно велики, значимы и полезны для большой науки, нежели сами награждаемые (премируемые) соискатели той же Нобелевской или иной большой международной или национальной премии, иначе получится что-то вроде помирски инсценированной суетной «игры в науку» в международном детском саду.

Иронично, но самые великие мыслители и изобретатели сами никогда не хотели и никогда не имели каких-либо почетных орденов, медалей и высоких наград на этой бренной и грешной земле, хотя, как это ни странно, именно их именными премиями и медалями награждались многие остальные ученые, в основном занимающиеся изучением неодушевленных, вещественных предметов (знания пятого разряда), но отнюдь не изучением и познанием высокодуховных, умственных, душевных, органических и иных наиболее необходимых людям вещей, как-то: о смысле жизни, духовном и нравственном совершенстве, душевном исцелении больных, общественном порядке и спасении бессмертной человеческой души в вечной (знания первого разряда). Посему добросовестный, мудрый и опытный ученый правовед, независимо от места своего рождения и временного земного проживания, должен смотреть на саму суть наиболее ценных для людей знаний и вещей, а не на торжественно инсценированные и публично представленные, многоразличные отвлекающие социальные условности или мелкие подробности изучаемых ими материальных вещей и явлений.

Для настоящего духовного и правового сознания и верного понимания смысла, и ценности чего-то значительного необходимо, как образно и емко выразился великий голландский живописец Рембрандт, на все высокое «смотреть выше сапога», а не за-

[1] *Осипян Б. А.* Правовое значение действия доброй совести человека // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 2.

путываться профессионально в количественном определении соответствия застежек на них, быть способными за многоразличными мелкими травами, кустами и деревьями увидеть целый лес. В свое время выдающийся и со всеми воинствующий экономист и материалист К. Маркс в своей безбожной запальчивости назвал большинство юристов-законников не иначе как «профессиональными кретинами», и, к великому сожалению, в данном случае он не очень был далек от верного определения повседневного нашего научного и жизненного положения.

В этом свете представляется, что именно духовная и мировоззренческая целостность и чистота мировосприятия, в частности, надлежащего правосознания любого настоящего, основательного ученого-правоведа, а не сугубо мирское честолюбие юриста-законника и «сравнительного правоведа», ученого-бюрократа или находящегося у него на побегушках материально озабоченного и подневольного, кабинетного и зашоренного юриста-крючкотворца, обремененного всякими учеными степенями, званиями и расслабляющими должностными привилегиями, должны стать основанием для воспроизводства новой, существенно другой, единой и основательной правовой науки[1].

По верному наблюдению В. И. Левченко, общеобязательными государственными законами становятся проекты, предлагаемые исполнительной властью либо подготовленные в стенах Государственной Думы РФ, но не депутатами, а привлекаемыми лицами, не всегда высокообразованными правоведами и узкими специалистами-экспертами. Сами законодатели нисколько не способны самостоятельно разрабатывать правомерные законопроекты, так как девяносто процентов из них изначально не способны к нормотворческой деятельности[2]. Посему все их законотворческие потуги и усилия — суть суета сует и томление духа, обреченные на ощутимую безысходность и очевидную безбудущность[3].

---

[1] См.: *Осипян Б. А.* Причины издания и совершения неправомерных актов: духовные, научные и практические аспекты // Российский юридический журнал. 2009. № 4.

[2] См.: *Осипян Б. А.* Проблемы правомерности и действенности некоторых положений международного права и правосудия // Вестник дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. № 2 (13).

[3] См.: *Осипян Б. А.* Смысл истинной теории и философии права // Вопросы правоведения. 2010. № 2.

Все духовно образованные и просвещенные люди прекрасно сознают, что история жизни многоразличных людей и народов обычно и в шутку и всерьез повторяется снова и снова: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем <…> Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, — и Бог воззовет прошедшее»[1].

Когда мы говорим о необходимости существенного обновления основательной юридической науки, теории, философии и истории государства и права, то мы имеем в виду не новые и оригинальные отсебятины ученых-юристов либо те или иные модные и ветреные сугубо человеческие предания и учения о праве, но необходимое и верное осознание надлежащих, объективных, непреходящих и общеобязательных заповедей-законов как отражении благой воли первоначального Законодателя-Бога: «…Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? <…> Вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим», то есть всяким суеверным и пустым выдумкам, а также окормляемой из государственно-казенной кормушки наукообразной сугубо мирской и человеческой отсебятине.

Согласно Библии для тех, кто не захотел покаяться, но осуетился в умствованиях своих, подавляя правду ложью, откроется гнев Божий: «Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, — то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они осквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и по-

[1] *Осипян Б. А.* Смысл жизни человека в свете и контексте надлежащей и непреходящей идеи права // Вопросы правоведения. 2012. № 1.

клонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки». Все эти безбожные, духовно, нравственно и юридически невежественные, самоуверенные и самодовольные мирские мудрецы, в том числе и подневольные прославляемые юристы-законники, произвольно разделяющие остальных ученых-правоведов на «своих» и «чужих», несомненно, в свое время будут осрамлены и опозорены перед очами единого для всех людей Бога-Отца и их богоданной совести. В свете грядущего надлежащего, верного и истинного правосознания все основательное юридическое образование и правовая наука (настоящая, большая и фундаментальная юриспруденция) должны быть духовно и нравственно воспитанными, наполненными и насыщенными, идейно целостными и систематизированными, отделенными от бытовой мелочности и рыночных закономерностей для того, чтобы в конце концов не стать дешевым средством для греховного удовлетворения человеческого тщеславия и жадности, неразумного потакания многоразличных непотребств, постыдных мирских похотей и сиюминутных узких интересов. По мнению французского философа Ж-Ж. Руссо, «…мы смешиваем наши пустые и обманчивые знания с высшим истинным знанием, и то, что многие безумцы нынче называют наукой, достойно только насмешки и презрения»[1]. Только при наличии надлежащего, верного и истинного сознания надлежащей и непреходящей идее права, единой теории права, правомерного и целесообразного закона, а также при необходимом создании всевозможных необходимых и благоприятных социальных условий для всех настоящих и Богом призванных ученых-правоведов может совершиться высшая триединая Истина и духовно-осмысленная общеправовая цель истории, предопределенной Богом, а также будут полномерно действовать правосознание и конституция Любви, при которой каждый разумный, свободный и ответственный человек сможет получить все необходимое в своей жизни по мере своей спасительной веры и лучшей надежды, добрых чувств и мыслей, смыслов и идей, поступков и всего правомерного и упорядоченного образа личной и общественной жизни.

[1] *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. Рассуждение о науках и искусствах. Москва, 1961. С. 41–64.

УДК 341

Павлов В. И.,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Конституционная реформа в Республике Беларусь 2022 года: новые правовые смыслы и конституционно-правовые положения

1. В Республике Беларусь 27 февраля 2022 года состоялся республиканский референдум, на котором были приняты изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь. Из общего количества граждан, внесенных в списки для голосования (6815 635 чел.), в референдуме приняло участие 78 % населения, при этом 82,86 % граждан из числа пришедших на референдум поддержали принятие конституционных изменений и дополнений[1]. Всего в тексте Основного Закона было изменено 85 статей, в том числе две статьи утратили силу (ст. 101 и 137); введено 11 новых статей; Раздел IV дополнен главой 3^1 «Всебелорусское народное собрание». Общая оценка изменений и дополнений Конституции позволяет утверждать фактически о новой редакции Основного Закона, поскольку в результате референдума переработке подверглось более 65 % конституционных норм.

На необходимость внесения изменений и дополнений в Конституцию указывалось еще во второй половине 2010-х годов. Главой государства, представителями научного сообщества. Основной идеей конституционной реформы должен был стать плавный переход к конституционно-правовой модели, наиболее соответствующей состоянию белорусского общества в начале третьего десятилетия XXI века с учетом тех процессов, тенден-

[1] См.: Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов об итогах республиканского референдума 27 февраля 2022 года // Центральная избирательная комиссия Республики Беларусь. URL: https://rec.gov.by/ru/2022-itogi-ru/. (дата доступа: 15.06.2024).

© Павлов В. И., 2024

ций и закономерностей, присущих социальной динамике данного периода. При этом одной из основных задач разработчиков проекта конституционных изменений и дополнений стала оценка, во-первых, редакции Конституции Республики Беларусь 24 ноября 1996 года, которая была связана с преодолением предшествующего данным изменениям конституционного кризиса 1994–1995 годов; во-вторых, новый взгляд на потенциал первой редакции Конституции 15 марта 1994 года с учетом реальной оценки условий цивилизационно-культурного развития, в которых принимался первый вариант Основного Закона, а также состояния политико-правового сознания белорусского общества той эпохи; в-третьих, формулирование новых конституционных формул, направленных, прежде всего, на новые задачи и сферы конституционно-правовой защиты, которые ранее не присутствовали в предметной области конституционно-правовой регламентации. Прежде всего, речь идет о конституционно-правовой защите традиционных ценностей белорусского общества и государства.

2. Проведению конституционного референдума 2022 года предшествовала достаточно серьезная работа по разработке и общественному обсуждению новой редакции Конституции. Уже осенью 2020 года практически сразу после выборов Президента Республики Беларусь были созданы диалоговые площадки по обсуждению конституционных изменений и дополнений, на которых присутствовали руководители органов государственной власти различного уровня, ученые, представители гражданского общества, обычные граждане. На площадках высказывались самые различные мнения относительно будущей Конституции Республики Беларусь. Сам автор принимал участие в работе одной из таких площадок в г. Минске (диалоговая площадка «Конституционная реформа и партийное строительство» под руководством председателя Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по законодательству и государственному строительству С. М. Сивца[1]) и в итоговом заседании всех диалоговых площадок г. Минска.

[1] См.: Продолжается работа диалоговой площадки Минска на тему «Конституционная реформа и партийное строительство» (15.10.2020) // Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь. URL: https://sovrep.gov.by/ru/news-ru/view/prodolzhaetsja-rabota-dialogovoj-ploschadki-minska-na-temu-konstitutsionnaja-reforma-i-partijnoe-stroitelstvo-14831-2020/ (дата обращения: 15.06.2024).

В процессе подготовки к докладам по конкретным вопросам конституционно-правовой реформы и в процессе самого обсуждения на площадках было очевидно, что ученые, практики, депутаты местных Советов депутатов, представители высших органов государственной власти ставят вопросы об изменениях самих основ государственно-правового строительства страны, причем в позициях докладчиков формулируются самые разные вопросы и предложения. Вместе с тем общей задачей работы площадок было, с одной стороны, не склониться в сторону радикальной трансформации уже существующей политико-правовой формы, с другой — внести такие изменения и дополнения, которые бы не разрушили несущий каркас государства, в особенности в сложный период его существования. В итоге многие из обсуждаемых вопросов нашли отражение в обновленной Конституции в достаточно сбалансированном виде. Важно, что обсуждение конституционных изменений и дополнений в рамках диалоговых площадок экспертов, в том числе и широкое обсуждение населением проекта Конституции в 2022 году перед его вынесением на референдум, сопровождалось активностью граждан, трудовых коллективов в части вносимых предложений и итоговой поддержки, положительной оценки работы, проделанной разработчиками, новых конституционно-правовых норм.

3. Кратко остановимся на главных конституционных новациях референдума 2022 года. Полагаем, что наибольшую важность имеют изменения и дополнения, внесенные в раздел IV Конституции Республики Беларусь. В частности, реформа особенно повлияла на правовой статус трех высших органов государственной власти — Президента Республики Беларусь (далее — Президент), Всебелорусского народного собрания (далее — ВНС) как нового органа, Конституционного Суда Республики Беларусь (далее — Конституционный Суд).

Общая оценка динамики правового статуса указанных органов может быть выражена следующей констатирующей формулировкой: 1) ослабление полномочий и в целом правового статуса Главы государства; 2) передача части его полномочий ВНС; 3) усиление полномочий Конституционного Суда.

Относительно правового статуса Президента как Главы государства отметим, что на этапе работы вышеуказанной дискуссионной площадки под председательством С. М. Сивца осенью

2020 года высказывались вполне резонные соображения относительно необходимости соблюдения меры в части ослабления полномочий Президента, в том числе о необходимости сохранения полномочия Президента на издание декретов в период парламентских «каникул», что предлагал профессор Г. А. Василевич. Не меньшую дискуссию вызывало и вызывает положение о строго подзаконном характере указов Президента (ч. 2 ст. 85 Конституции), хотя О. И. Чуприс предлагает толкование указанной нормы по формуле разграничения полномочий Парламента и Главы государства[1]. Президент также утратил право назначать и освобождать от должности судей Верховного и Конституционного Судов, членов Центральной избирательной комиссии (хотя кандидаты на эти должности предлагаются Президентом, п. 9 ст. 89–3 Конституции). Передача части полномочий Президента ВНС, однако, не исключает роли Президента в определении конфигурации высших органов государственной власти и конституционно-правовой формы как таковой. Роль Главы государства, как показывает 30-летний опыт государственно-правового строительства, для нашего общества и государства, в том числе с учетом культурно-исторического пути формирования белорусов как народа и нации, исключительна по соображениям не только конституционно-правовой модели президентской (или смешанной) республики, но и менталитета белорусов.

Важнейшим решением в рамках конституционной реформы 2022 года стало учреждение ВНС. Ядро конституционного статуса данного органа — роль высшего представительного органа народовластия, что означает попытку создать прямую опору на народную легитимацию модели государственного суверенитета. Это обеспечивается введением представителей (субъектов) гражданского общества в состав ВНС в количестве до 400 лиц (предельная численность делегатов — 1 200 человек), а также представителей местных Советов депутатов.

Важным шагом также стало наделение ВНС правом издания НПА — решений, обладающих юридической силой, сопоставимой с юридической силой актов Конституционного Суда. Со-

[1] См.: *Чуприс О. И.* Актуальные вопросы конституционно-правовой характеристики нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2022. № 10 (247). С. 12–16.

гласно ч. 2 ст. 89-5 Конституции решения ВНС могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, которые противоречат национальной безопасности, за исключением актов судебных органов. При этом в ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 7 февраля 2023 года № 248-З «О Всебелорусской народном собрании» установлена ограничительная норма в части юридической силы и сферы действия решений ВНС, согласно которой при осуществлении своих полномочий, в том числе при принятии решений и даче поручений, ВНС не вправе подменять государственные органы, иные организации и должностных лиц, выполнять их функции, а также вмешиваться в их деятельность. Впрочем, в силу организационно-правовой формы ВНС, характера ее деятельности и назначения в системе высших органов государственной власти активность данного органа будет связана главным образом со стратегическими юридическими решениями, которые будут трансформироваться на уровень операционального правового регулирования лишь в случае возникновения сложных ситуаций государственно-правового развития.

Усиление полномочий Конституционного Суда связано с правом толкования Конституции (по предложениям Президента, Президиума ВНС, Палаты представителей, Совета Республики, Верховного Суда, Совета Министров), введением института прямой конституционной жалобы (ст. 116-1), а также с закреплением в конституционном тексте принципа верховенства Конституции (ч. 1 ст. 116) наряду с классическим принципом верховенства права (ч. 1 ст. 7).

На усиление статуса Конституционного Суда указывает и новая роль данного органа в законодательном процессе. Статья 100 Конституции дополнена частью (ч. 8), регламентирующей порядок осуществления законодательного процесса в случае обращения Президента в Конституционный Суд с предложением о проверке конституционности закона. В отличие от прежнего порядка предварительного конституционного контроля всех законов, принятых Парламентом до их подписания Президентом, формулировка ч. 8 ст. 100 действующей редакции Конституции принципиально отличается как в процедурном плане, так и в плане правовых последствий волеизъявления судей Конституц-

ционного Суда, направленного как на Президента, так и Национальное собрание Республики Беларусь.

Норма, сформулированная в ч. 8 ст. 100 Конституции, устанавливает, что в случае обращения Президента в Конституционный Суд с предложением о проверке конституционности закона и подтверждении его конституционности соответствующим заключением Президент подписывает его в пятидневный срок со дня принятия Конституционным Судом соответствующего заключения. Норма о подписании закона по своей формулировке носит императивный характер, исключающий возможность Президента не подписать закон после подтверждения его конституционности и использовать механизм отлагательного вето, предусмотренный ч. 10 ст. 100 Конституции.

По логике изложения конституционных положений Глава государства вначале должен выразить свою правовую волю относительно согласия либо несогласия с законом в части содержания и смысла последнего, то есть по существу при этом не касаясь на данном этапе подписания закона вопросов его конституционности.

Таким образом, на первом этапе подписания закона решается *вопрос воли* (согласия или несогласия с законом, его отдельными положениями по сути), то есть Главой государства проявляется волеизъявление в рамках системы сдержек и противовесов (ст. 6 Конституции) относительно закона на основании положений ч. 9, 11–12 ст. 100 Конституции.

На втором этапе подписания закона Президент использует самостоятельный конституционный механизм — обращение в Конституционный Суд для проверки конституционности закона в порядке ч. 10 ст. 100 Конституции. Полагаем, что заключение Конституционного Суда в данном случае приобретает обязательный характер и связывает правовую волю как Президента, так и коллективное волеизъявление Парламента на основании того, что Конституционный Суд в данном случае участвует в законодательном процессе не с позиции вопроса воли, а с позиции *вопроса права*, или *конституционной законности* (в данном случае возникает другая проблема, связанная с мышлением судей и проявлением их воли, что требует самостоятельного анализа).

Возможно предположить, что размещение в конституционном тексте механизма отлагательного вето (ч. 12 ст. 100) в логическом порядке после права Президента на обращение в Консти-

туционный Суд (ч. 10 ст. 100) указывает на соответствующее право Главы государства и после подтверждения конституционности закона вновь прибегнуть к отлагательному вето. Однако на неверность такого истолкования указывает норма ч. 10 ст. 100 Конституции, *обязывающая Президента* возвратить закон в Палату представителей в случае признания его неконституционным, а также конкретизирующие данную норму положения ч. 2 ст. 65-1 (и ч. 5 ст. 68-1) Закона Республики Беларусь от 8 июля 2008 года № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь» (ред. от 12 июля 2023 года) о том, что после признания закона неконституционным новый проект закона с этим же предметом правового регулирования может быть принят Парламентом только при исключении из него положений, которые привели к признанию закона Конституционным Судом не соответствующим Конституции Республики Беларусь.

4. Помимо перераспределения полномочий между высшими органами государственной власти не менее важное значение конституционной реформы 2022 года заключается в конституционно-правовой защите ценностно-правовых основ существования белорусского общества и государства. Обновленная Конституция в данном отношении существенно повысила ценностно-правовое содержание национальной модели конституционализма по сравнению с первой редакцией Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 года. В редакции Основного Закона 2022 года явно прослеживается конституционно-правовое закрепление именно присущего белорусам понимания базовых ценностных основ правовой жизни, истоком которых является культурно-историческая традиция государственной и общественной жизни, а также традиционная роль христианства. В качестве ценностных основ правовой жизни следует указать на сохранение национальной самобытности и суверенитета, уважение культурных и духовных традиций белорусского народа, утверждение не только правового государства, но и социально справедливого общества (Преамбула); возврат государственно-правовой идеологии — введение *принципа идеологии белорусского государства* наряду с сохранением многообразия негосударственных идеологий, политических институтов и мнений (ст. 4); утверждение необходимости сохранения исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа в годы Великой Отечественной войны

(ст. 15); исключение военной агрессии со своей территории в отношении других государств (ст. 18); вменение каждому социальной ответственности, обязанности вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ст. 21); утверждение понимания брака как союза мужчины и женщины (ст. 32); закрепление правообязанности родителей по подготовке детей к общественно полезному труду, привитию культуры и уважения к законам, историческим и национальным традициям Беларуси (ст. 32); сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, утверждение патриотизма как долга каждого гражданина Республики Беларусь (ст. 54).

Помимо защиты правовых и традиционных социокультурных ценностей белорусского общества их повышенная правовая охрана была осуществлена и на уровне других НПА концептуального, программно-политического характера. Во-первых, в принятой в развитие конституционной реформы 2022 года Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 года № 196, а также в новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением ВНС от 25 апреля 2024 года № 5. В частности, в Концепции правовой политики сформулированы *идеологические императивы* правовой политики Республики Беларусь, дано понятие *конституционной идентичности*, указаны *социокультурные ценности белорусского общества*, подлежащие правовой защите. Концепция национальной безопасности, в свою очередь, конкретизирует конституционно-правовую защиту традиционных ценностей, например, понятие брака определяется не просто как союза мужчины и женщины, но рассматривается в логике «всесторонней защиты и сбережения института традиционной семьи как союза между женщиной и мужчиной *по рождению*» (п. 8).

Таким образом, конституционная реформа 2022 года основывалась на новых идейно-правовых положениях, связанных с перераспределением полномочий между высшими органами государственной власти, обновлениями конституционно-правовой формы в части ее соответствия социальной динамике белорусского общества, усиления защиты ценностно-правовых основ существования личности, общества и государства.

УДК 34

Парфенов А. В.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Правовая реформа как путь к формированию правового компромисса

Государство как специфическая форма организации жизни людей, как известно, возникает тогда, когда общество оказывается не в состоянии самостоятельно разрешить систему возникающих внутри него противоречий. Большинство из них в дальнейшем успешно «снимается» благодаря деятельности государственных органов и их должностных лиц. Вместе с тем следует понимать, что, во-первых, с появлением государства развитие общественных отношений не прекращается; во-вторых, модели данного феномена, создаваемые разными народами, могут кардинально различаться. В этой связи актуальным становится вопрос о том, насколько конструкции такого рода окажутся жизнеспособными и готовыми отвечать на вызовы той или иной исторической эпохи. Очевидно, что государство, игнорирующее потребности развивающегося общества, не реагирующее на возникновение новых опасных противоречий внутри него, обречено. Напротив, отслеживание социальных процессов и своевременная реакция на них придают ему устойчивость и стабильность.

Подобная деятельность предполагает наличие в арсенале органов государственной власти специального инструментария. В числе его средств, как мы полагаем, следует особо выделить реформу. В словарях можно обнаружить целый ряд определений данного понятия. Так, реформа традиционно преподносится как «преобразование»[1], «изменение чего-либо; переустройство»[2].

[1] Политический словарь / под общ. ред. Б. М. Эльцина. Москва, 1924. С. 278.
[2] Словарь современного русского литературного языка. Т. 12. Москва, Ленинград, 1961. С. 1264.

© Парфенов А. В., 2024

По справедливому замечанию А. М. Прохорова, она представляет собой нововведение любого содержания, для которого обычно свойственен прогрессивный характер[1].

По своей природе реформы могут быть весьма разнообразны, отражать процессы, происходящие как в науке, так и на практике. Во многих авторских подходах прослеживается прямая связь данного феномена с процессами, происходящими в жизни общества. Например, Л. В. Тихомирова и М. Ю. Тихомиров склонны видеть в ней «…осуществляемое государством преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни»[2]. Анализ многочисленных «созвучных» современных дефиниций дает основания полагать, что на представления отечественных исследователей о природе реформ мощнейшее влияние оказал тезис В. И. Ленина, отмечавший, что «…реформами называются такие перемены, которые не отнимают власти в государстве из рук старого господствующего класса»[3].

Методологическая основа такого рода получила весьма широкое признание. Отголоски данной идеи можно обнаружить, например, в утверждениях, согласно которым реформа представляет собой «политическое преобразование, проводимое правящим классом с сохранением его господства»[4], «преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни, не уничтожающее основ существующей социальной структуры»[5], «политическое преобразование, не затрагивающее основ существующего государственного строя»[6] и т. д.

Юридический аспект вопроса реформ также привлекал определенное внимание исследователей. Так, прямое указание на связь данного феномена с правоотношениями мы обнаруживаем в изданном в 1910 году энциклопедическом словаре Ф. Павлен-

---

[1] См.: Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. Москва, 1993. С. 1123.

[2] *Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.* Юридическая энциклопедия. Москва, 1997. С. 392.

[3] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва, 1969. С. 164.

[4] БСЭ / гл. ред. Б. А. Введенский. Москва, 1955. С. 429.

[5] Большой энциклопедический словарь. Москва, 1993. С. 1123.

[6] Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 3. Москва, 1987. С. 712.

кова. В нем указывалось, что реформа — «…вводимое законодательным порядком более или менее существенное изменение правовых отношений»[1].

В отличие от представленной точки зрения, современные ученые-правоведы в большей степени склонны связывать ее с оптимизацией самого права. Например, по мнению Б. П. Курашвили, реформа — «…проводимое государственной властью качественное совершенствование <…> того или иного социально-политического института, в частности законодательства»[2]. К сожалению, отечественная юридическая наука по сей день не располагает специальными теоретическими исследованиями, предлагающими научной общественности сколько-нибудь внятную цельную концепцию правовой реформы. Соответственно, именно юридический аспект вопроса реформ продолжает оставаться наименее разработанным.

По понятным причинам в рамках данной статьи не представляется возможным выработать и предложить универсальный, окончательный вариант решения указанной проблемы. Посредством нее, как мы считаем, важно обеспечить лишь привлечение внимания научной общественности к отдельным вопросам юридического характера из затронутой сферы. К их числу, прежде всего, можно отнести проблему правовых последствий реформ. По своей природе они могут быть достаточно разнообразны, получать позитивную либо негативную оценку со стороны общества, способствовать его развитию или, напротив, препятствовать ему.

Специфическим результатом реформы, как мы полагаем, выступает правовой компромисс. Он является значимым итогом деятельности по преобразованию той или иной системы общественных отношений. По его содержанию во многом можно судить о степени успешности проведения реформы, устойчивости полученного состояния социальных связей. Представляется, что освещению и обоснованию идей такого рода в статье должны предшествовать положения, отражающие характеристики реформы, значимые для ученого-правоведа.

---

[1] *Павленков Ф.* Энциклопедическій словарь. Санкт-Петербург, 1910. С. 2132.

[2] Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. Москва, 2001. С. 951.

Как было показано ранее, понятие «реформа» может иметь различные смысловые оттенки и использоваться для обозначения разного рода преобразований, новелл в тех или иных областях, например, в науке, культуре, языке и т. д.

С точки зрения ученого-правоведа, реформа представляет собой преобразование системы общественных отношений в государственно-организованном обществе. Немаловажно отметить и то обстоятельство, что она осуществляется силами субъектов, находящихся у власти. От традиционных текущих изменений реформа отличается своим содержанием, для которого характерен повышенный уровень радикальности и глубины преобразований. Однако нововведения не затрагивают основ сформировавшегося государственного строя и не предполагают передачи властных полномочий в руки иных лиц. Таким образом, реформа сочетает в себе две противоположности, с одной стороны, посредством нее обеспечивается движение, развитие общества, с другой — гарантируется «консервация», сохранение старого порядка.

Реформы, осуществляемые, как ранее отмечалось, правящими кругами, представляют собой важнейшую часть государственной политики. Последняя может осуществляться различными средствами. Однако главным инструментом в руках государства является право. Соответственно, реформы, проводимые государством, имеют с ним самую прямую и непосредственную связь и в этом смысле могут называться «правовыми». Для их обозначения мы бы рекомендовали использовать понятие «правовая реформа в широком смысле». Если нововведения касаются исключительно самого права, то их можно назвать «правовая реформа в узком смысле» либо «реформа права».

Шаги власти по преобразованию системы общественных отношений, оптимизации государственного аппарата и т. п. осуществляются на правовой основе с использованием системы специфических юридических средств. Так, именно правовые предписания органов государственной власти «запускают» реформу, определяют ее содержание и вектор. В этом можно легко убедиться, обратившись, например, к положениям Указа Президента РФ от 18 февраля 2010 года № 208 «О некоторых мерах по ре-

формированию Министерства внутренних дел Российской Федерации»[1].

Реформа, выступающая компонентом государственной политики, осуществляется посредством деятельности государственных органов, их должностных лиц и иных субъектов. Очевидно, что подобная работа также детально регламентирована действующими юридическими нормами. Осуществляя реформу, ее авторы и исполнители сообразуют свою деятельность с имеющимися у них субъективными правами и юридическими обязанностями, ориентируются на использование дозволенных законом методов и средств. Компетенция указанных лиц в ходе преобразований может изменяться, однако в любом случае они не должны выходить за ее рамки. Например, в ходе продолжающейся реформы МВД России может потребоваться дальнейшая оптимизация состава полиции, совершенствование механизма создания, реорганизации и ликвидации ее подразделений. Принятие решений подобного рода, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»[2], относится к компетенции Президента РФ.

Результаты реформы могут рассматриваться в двух аспектах: *социальном* и *юридическом*. Первый из них проявляется в тех реальных изменениях, которые наблюдаются в системе общественных отношений. Например, в январе 1992 года в России была объявлена либерализация цен. Данная реформа известна сегодня под названием «шоковая терапия». Отечественная экономика фактически по команде сверху должна была трансформироваться из плановой в рыночную. Государство отказалось от контроля за ценообразованием. В постсоветском пространстве этот вопрос был отдан на откуп хозяйствующим субъектам, в том числе монополистам. В итоге цены многократно выросли, люди потеряли свои накопления. Обилие импорта внесло свою лепту в подрыв отечественного производства и существенно увеличило безработицу.

Юридические результаты реформы находят выражение в новеллах в действующем законодательстве. Они могут затрагивать как его форму (что четко прослеживается на примере правовой

[1] Российская газета. 2010. 19 февраля

[2] Там же. 2011. 8–10 февраля.

системы Англии после Нормандского завоевания 1066 года), так и содержание. Так, правовые реформы, проводимые в РСФСР на рубеже 20-х годов XX века, привели к появлению принципиально новых по содержанию юридических норм и институтов. Они, как отмечает А. А. Дорская, предусматривали, в частности, национализацию частной собственности, отмену наследования, исчезновение из признаков преступления вины и многое другое[1].

Содержательный аспект юридических результатов реформы, по-нашему мнению, в первую очередь заслуживает внимания ученых-правоведов. В нем четко прослеживается целый ряд достаточно любопытных теоретических моментов. В их контексте целесообразно обратиться к феномену, обозначаемому учеными-правоведами как «правовой компромисс». Учитывая множественность форм проявления последнего, сразу же отметим, что в статье во внимание принимается лишь одна из них — *законодательный* компромисс. Под ним, как мы полагаем, следует понимать *разновидность юридически значимого компромисса, отражающую закрепленную в праве меру достижения баланса интересов субъектов, основанную на взаимных уступках, выступающую специфическим результатом правотворческой деятельности.*

Вопрос о связи правового компромисса и проводимых в рамках государственной политики реформ на первый взгляд не должен вызвать особых затруднений. Ответ на него, как может показаться, очевиден. Реформа — это компромисс между «…революцией и текущим совершенствованием общественной практики»[2]. Однако такая формулировка, как нам представляется, излишне широка и не в полной мере корректна. Правовой компромисс не столько сама реформа, сколько ее результат. Он может быть как запланированным, так и неожиданным, выступать в качестве ее побочного эффекта. Связь реформы и правового компромисса, как нам представляется, целесообразно попытаться проследить по линии затрагиваемых ими интересов субъектов. Данное направление исследования выглядит сегодня наиболее предпочтительным.

---

[1] См.: *Дорская А. А.* Типология правовых реформ // Вестник РГГУ. 2015. № 1 (144). С. 17.

[2] Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. Москва, 2001. С. 951.

Реформы, осуществляемые государством, всегда затрагивают интересы достаточно большого круга субъектов. Существовали ли они в дореформенный период? Полагаем, что ответ на этот вопрос очевиден. В подавляющем большинстве случаев отмеченные интересы возникли задолго до реформы. Исчезнут ли они после ее осуществления? Очевидно, что нет. Изменятся лишь условия, в которых им придется проявлять себя. Реформа создаст среду, которая будет способствовать реализации интересов и удовлетворению потребностей субъектов либо, напротив, мешать им.

Проведение реформ не влияет кардинально на существующую систему самых разных, в том числе противоречивых интересов государства, общества, граждан. Реформа не в состоянии повлиять на наличие у субъектов интересов, связанных, например, с улучшением жилищных условий, увеличением размера вознаграждения за свой труд, повышением уровня жизни и т. п. Мудрый законодатель, как правило, еще на этапе дореформенного периода идентифицировал круг социально значимых интересов субъектов и принял их во внимание. На их основе, при помощи субъективных прав и юридических обязанностей, правовых стимулов и правовых ограничений он предпринял шаги по формированию полезных (допустимых) для общества моделей поведения. Данная задача была успешно решена в рамках текущего правотворчества.

Если реформа не позволяет кардинальным образом изменить систему самих социально значимых интересов, то, следовательно, ее главная цель состоит в чем-то другом. С чем же она может быть связана? При поиске ответа на поставленный вопрос мы исходим из того, что если, с одной стороны, как можно заметить, отсутствует объективная возможность сколь-нибудь существенно «трансформировать» сами интересы субъектов, то с другой — ничто не мешает государству изменить соотношение интересов в обществе, привести их в состояние баланса либо вывести из него. Мы полагаем, что именно эту задачу и призвана решить реформа.

Силы, стоящие у власти, прекрасно представляют себе потенциал данного инструмента и пускают его в ход, когда складывающаяся в той или иной сфере жизни общества ситуация угрожает их доминирующему положению. Иными словами, реформа востребована тогда, когда интересы общества вступают в суще-

ственное противоречие с интересами власть имущих и велика вероятность открытого конфликта, результат которого трудно спрогнозировать. Для его предотвращения власть имущие вынуждены взять ситуацию под свой контроль и в какой-то степени согласовать свои интересы с интересами всего общества или отдельных социальных групп. Реформа позволяет им это сделать, сохранив лидерство в данном процессе за собой. Получаемый в этих условиях компромисс предотвращает назревающий конфликт. Применительно к сложившимся условиям он ценен, полезен и, вследствие этого, получает закрепление в праве.

Таким образом, реформа теснейшим образом связана с формированием правового компромисса, однако последний не должен восприниматься в качестве воплощения идеалов справедливости, равенства и добропорядочности. Он всего лишь специфическое средство преодоления конфликтной ситуации, отражающее в конечном итоге достигнутую меру согласования противоречивых интересов субъектов. Ее конкретные показатели могут существенно различаться. В идеале для обеспечения устойчивости социальной системы интересы требуется привести в состояние баланса, однако в ряде случаев достигнутый правовой компромисс демонстрирует определенное отклонение от него, интересы одного из субъектов могут явно доминировать. Тем не менее пока он устраивает «договаривающиеся» стороны, подобный компромисс вполне уместен. Полученная подобным образом расстановка сил закрепляется в праве.

Следует помнить, что проводящие реформу субъекты нацелены на защиту в первую очередь своих собственных интересов. В этом и заключается ее основная цель. По этой причине они готовы идти на разные ухищрения, обеспечивающие минимальные уступки с их стороны. Разработчики реформы достаточно четко определяют для себя предел потенциально возможного правового компромисса. Он рассматривается ими как специфическая граница, очерчивающая зону совпадения их собственных социально значимых интересов и интересов иных лиц и социальных групп. В рамках нее в дальнейшем и планируется вести позиционный торг. В ходе него позиции сторон, по логике вещей, должны сближаться и встретиться в середине зоны компромисса. Например, если государство проводит налоговую реформу и желает

установить размер налога для граждан на уровне 20 %, а население предпочитает 10 %, то итоговая цифра, как может показаться, должна быть равна 15 %.

К сожалению, на практике ситуация нередко выглядит иначе. В ходе позиционного торга инициаторы реформ зачастую ориентируются на крайнюю либо «приграничную» для своего оппонента позицию в зоне компромисса, связанную для него с максимальным допустимым и терпимым объемом уступок. Например, при определении зоны компромисса в ходе осуществления пенсионной реформы ее авторы понимали, что глупо было бы закладывать верхнюю границу пенсионного возраста для мужчин 90 лет, так как средняя продолжительность их жизни в нашей стране значительно ниже. Следовательно, указанная цифра явно выходит за рамки зоны компромисса. Подобное предложение вряд ли было бы принято обществом, так как граждане прекрасно осознают тот факт, что в этом случае многие из них просто не доживут до пенсии. Примерно такую же реакцию вызывало бы и предложение о возрасте в 70 лет, ибо, как сегодня принято говорить, «время дожития» на пенсии в данном случае оставалось бы совсем незначительное.

Инициаторы пенсионной реформы достаточно грамотно просчитали, что в зону возможного компромисса пенсионный возраст начинает «вписываться» начиная примерно с 65 лет. Данная цифра если и не вызовет особого «восторга» со стороны населения, то уж точно не станет причиной бурной, долговременной негативной реакции со стороны общества. Далее мы стали свидетелями того, что, собственно, позиционного торга как такового не было. Позиции государства и общества по вопросу пенсионного возраста не двигались навстречу друг другу в рамках зоны компромисса. Внимание государственных органов было сосредоточено именно на указанной «крайней» цифре. Она же в конечном счете и была закреплена в отечественном законодательстве.

Был ли достигнут компромисс в данном случае? Полагаем, что да. Соглашение между государством и обществом было сформировано. Уступки каждой из сторон также имели место. Так, государство, прислушавшись к волеизъявлению народа, подняло пенсионный возраст не столь кардинально, как могло бы это сделать. Народ же, со своей стороны, принял данное повыше-

ние, отказавшись от протестов и борьбы. Сложившееся соотношение сил и интересов нашло отражение в отечественном праве. Сбалансированы ли они оказались? Полагаем, что далеко не в полной мере. Решение такого рода по сей день активно обсуждается населением и продолжает оставаться непопулярным. Баланс интересов фактически не был достигнут. Тем не менее достигнутое соглашение будет соблюдаться и государством, и обществом до тех пор, пока изменение социально-экономических условий не позволит вновь включить в повестку дня вопрос о пенсионном возрасте.

Представленный материал позволяет констатировать, что правовая реформа имеет место тогда, когда у государства, в силу разных причин, возникает потребность в изменении существующего соотношения социально значимых интересов в обществе. Его последующая корректировка вовсе не означает стремления привести отмеченные интересы в состояние баланса. Отклонение от него — явление отнюдь не редкое. Вместе с тем в любом случае формируемый правовой компромисс, добровольный либо вынужденный по своей природе, надежно охраняет основы существующего государственного строя.

УДК 343.34

Петрянин А. В.,
доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Правовые реформы в области противодействия экстремизму: история и современность

Явление, именуемое сегодня экстремизмом, являющееся нелегитимным инструментом борьбы за власть, сопровождает человечество на всех этапах эволюции, именно поэтому правовые реформы в области противодействия данному деструктивному явлению обнаруживаются во многих исторических, правовых памятниках. Отмеченное связано не только с необходимостью борьбы с преступностью, основанной на мотивах ненависти или вражды, но и с поиском наиболее эффективных механизмов противодействия разным проявлениям экстремистской деятельности.

Начиная с момента становления института российской государственности, власть была сосредоточена на охране своих интересов и интересов правящего класса. Уже в Русской и Псковской грамотах к наиболее опасным деяниям относились восстание против князя и измена[1].

Отмеченная выше политико-правовая традиция была сохранена, однако реформы во взятой области продолжались.

Определенные новеллы были закреплены в Соборном уложении 1649 года. В нем впервые в качестве наказания за преступления с признаками экстремизма стали применяться экономические санкции в виде конфискации. Видим этот инструмент государственно-властного реагирования оправданным и эффективным. Полагаем, что подрыв экономических основ экстреми-

[1] См.: Противодействие экстремистской деятельности в России : учебное пособие / под ред. Д. А. Баринова, О. А. Мартыновой. Хабаровск, 2009. С. 8.

© Петрянин А. В., 2024

стов — это залог успеха в снижении их противоправной активности[1], что очень актуально и сегодня. В рамках рассматриваемого НПА обнаруживается еще один знаковый реформаторский подход, представленный в виде криминализации обнаружения умысла на убийство царя или всякий злой умысел против персоны его величества. Эта форма криминально-девиантного поведения оставалась преступной и в рамках реформаторской деятельности Петра I[2].

В чем-то оспаривая сам факт криминализации обнаружения умысла по причине неприемлемости его использования в рамках сегодня действующего законодательства, считаем, что сама идея пресечения исследуемых деяний на боле ранних стадиях является очень перспективной. Ее применение в области развития современных направлений противодействия экстремизму должно быть учтено.

В последующих памятниках российского уголовного законодательства мы обнаруживаем прообразы современных уголовно-правовых запретов. Например, содержание ст. 251 и 252 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года[3] схожи с положениями ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 280[1] УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». В рамках Уложения в качестве дифференцирующего признака экстремистской деятельности стал выступать мотив, что указывает на новый этап правовых реформ в исследуемой области и преемственность подходов в борьбе с экстремизмом.

Позже в юридический оборот введена дефиниция «контрреволюционные преступления». С нашей точки зрения, она выступает прообразом современного понятия «преступления экстремистской направленности» со своими базовыми признаками. Если сегодня при установлении мотива политической, идеологической, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды любое умышленное деяние в императивном формате

---

[1]См.: Памятники русского права. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Москва, 1957. С. 33.

[2] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. Москва, 1987. С. 314.

[3] См.: Там же Т. 8: Судебная реформа. Москва, 1991. С. 387–414.

должно быть признано экстремистским, то на этапе становления советской России любая попытка присвоения функций государственной власти давала легитимное основание признавать такое поведение преступным и контрреволюционным[1].

Прогрессивным элементом в реформировании государственной политики в исследуемой области видится и использование института деятельного раскаяния, предполагавшего безнаказанность для субъекта, вступившего в белогвардейские организации, но в течение недели явившегося в ВЧК и раскаявшегося[2]. Аналог такого приема мы обнаруживаем в рамках примечаний к ст. 282^1, 282^2, 282^3 УК РФ.

Современной отправной точкой в развитии данного вопроса стало принятие в июле 2002 года ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[3]. В настоящее время на нем и основаны проводимые реформы в области уголовно-правового противодействия экстремизму.

Первыми стали новеллы, касающиеся криминализации специальных организованных форм экстремистской деятельности. В рамках ст. 282^1 УК РФ была предпринята попытка в определении понятия и системы преступлений экстремистской направленности. В диспозиции этой уголовно-правовой нормы содержался исчерпывающий их перечень[4]. Коллизией являлся тот факт, что в него были включены не только статьи, расположенные в Гла-

---

[1] О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти : постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. Москва, 1953. С. 21.

[2] См.: *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., доп. 1897–1923. Москва, 1977. С. 194.

[3] О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

[4] Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148), воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149), хулиганство (ст. 213), вандализм (ст. 214), уничтожение или повреждение памятников истории или культуры (ст. 243), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282), которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

ве 29 УК РФ, но и далеко за ее пределами, причем оспоримость была и в самом их перечне. Например, отнесение вандализма к преступлению экстремистской направленности без дополнительных каких-либо условий требует серьезной доказательственной базы.

Понимая излишнюю ограниченность продолженного законодателем приема в сравнении с расширенным содержанием ст. 1 ФЗ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», впоследствии понятие преступлений экстремистской направленности было существенно изменено. Теперь оно не содержит перечня таких деяний. Критериеобразующий признак один — это мотив ненависти или вражды. Не оспаривая то, что данный прием стал более эффективным в превенции экстремизма, мы считаем, что его глубоко расширительное применение не дает возможности для выделения концептуальнозначимых характеристик изучаемого деструктивного явления.

На всех этапах выстраивания государственной политики в рассматриваемой области правового регулирования законодатель был озадачен оценкой значимости и содержанием объектов уголовно-правовой охраны, страдающих от ненавистнической преступности. Сегодня, по нашему мнению, на этом и должна быть построена главная идея противодействия экстремизму. С нашей точки зрения, в качестве таковых могут выступать только три группы общественных отношений. Это общественные отношения, сосредоточенные на охране общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что реформы в области противодействия экстремизму будут продолжаться дальше. Во всех предпринимаемых попытках реформирования отражены следующие сущностные характеристики исследуемого явления; во-первых, экстремистская деятельность — это политическое явление, во-вторых, главными побуждениями, детерминирующими ее, выступают мотивы ненависти или вражды; в-третьих, государственная безопасность — главный объект экстремистских посягательств.

Полагаем, что с учетом этих методологически значимых характеристик экстремистской деятельности и должна дальше идти правовая реформа в области противодействия экстремизму.

УДК 34

Поляков С. Б.,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Правовая реформа — понятие без собственного содержания

В философских энциклопедиях реформа определяется как преобразование содержания или формы чего-либо, иногда одновременно и содержания, и формы, но без преобразования основ общественных, экономических и других отношений. Последнее связывается с понятием революции. В сравнении с революцией и эволюцией даются характеристики реформам. Обычно указывается на осуществление реформ властью («сверху»), поэтому реформы определяются как составная часть государственной политики. Вместе с тем в общеупотребительном значении слово «реформа» — это нечто большее, чем изменения, поэтому власть, заявляющая о реформах, представляет себя обществу как активно работающая, неусыпно пекущаяся о его благе субстанция.

Для иллюстрации неоднозначности и сомнительной самостоятельности понятия «реформа» приведем суждение лауреата Нобелевской премии по физике за открытия в микроэлектронике Ж. И. Алферова: «У меня к любым реформам, в том числе в науке, в жизни, отношение очень простое. Обычно, к сожалению, все изменения ведут к худшему— когда мы их проводим вот так, после “наката” сверху. Один из моих знакомых хорошо сказал, что когда реформы проводятся сверху — это контрреволюция, а когда снизу — это революция»[1].

Право является одним из средств государственной политики, весьма эффективным, но едва ли не в большей степени для народа эффектным, поэтому преобразования, затеваемые государ-

[1] *Алферов Ж. И.* Власть без мозгов. Отделение науки от государства. Москва, 2021. С. 29.

© Поляков С. Б., 2024

ственной властью, политически выгодно представлять правовыми реформами с небезосновательной надеждой, что люди забыли ленинское предостережение: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов»[1].

Декларируемые в НПА цели его принятия нередко не подтверждаются содержанием вводимых и изменяемых предписаний (логических норм права). Формально-догматическим и сравнительным методами исследования нового и сменяемого НПА можно делать объективные, достоверные и проверяемые выводы о том, в чью пользу происходят изменения правового регулирования[2]. Постановка при этом проблемы, какие изменения закона являются реформами, — забава вроде диспутов о том, каким реализмом писал Лев Толстой, критическим или социалистическим наперед либо вообще не реализмом. В действительности великий писатель вряд ли думал о том, в какое из течений, изобретенных его потомками в поисках ученых степеней, окунут его произведения. Впрочем, также сложно найти юридический смысл или функцию понятия «правовая реформа» в отличие от революции в праве.

Революцией в праве можно назвать кардинальное изменение системы ценностей в новой Конституции. В 1993 году была установлена служебная роль государства по отношению к человеку (ст. 2 и 18 Конституции РФ). В соответствии с этим вносились изменения в кодексы. Наверно, это можно считать правовыми реформами, но что изменится от того, если новые кодексы считать не правовыми реформами, а результатом приведения законодательства в систему? Например, до принятия в 2001 году УПК РФ почти десятилетие УПК РСФСР применялся с учетом

---

[1] *Ленин В. И.* Три источника и три составные части марксизма // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23. С. 47.

[2] См.: *Поляков С. Б., Титов Н. С., Власова Е. В., Устинова А. В.* Методика правовой экспертизы сущности изменений в законодательстве : инструктивно-методическое издание. Пермь, 2014; *Баранов В. М., Поляков С. Б.* Правовая экспертиза изменений действующего российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 135–151.

правовых позиций Конституционного Суда РФ. Было это десятилетие периодом революционных преобразований уголовного судопроизводства или реформой, завершившейся принятием нового кодекса, — вопрос интересный, но лишенный практического смысла. Принятие УПК РФ, однако, властью и обществом дружно называлось реформой уголовного судопроизводства.

По сравнению с УПК РСФСР новым кодексом органы обвинения были лишены, выражаясь спортивным языком, возможности «играть с ничьей в кармане». Был исключен институт возвращения судом уголовного дела на дополнительное расследование. По замыслу то ли революционеров, то ли реформаторов ошибки органов обвинения не должны были влечь бесконечности уголовного преследования. Суд должен был выносить оправдательный приговор, а не предоставлять возможность органам обвинения «взять ход назад» для новых попыток осудить лицо, виновность которого ими не доказана в установленные законом сроки. Был введен судебный контроль за действиями и решениями органов обвинения (ст. 125, 165 УПК РФ), установлена процедура реабилитации лиц и возмещения им вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием (гл. 18 УПК РФ).

Как называть эти существенные изменения российского уголовного судопроизводства — вопрос праздный. Важно другое.

Федеральным законом от 2 декабря 2008 года № 226-ФЗ из ст. 237 УПК РФ о возвращении судьей уголовного дела прокурору были исключены:

— часть 2 о сроке 5 суток для исполнения прокурором обязанности устранить нарушения, препятствующие рассмотрению дела судом;

— часть 4, запрещавшая производство каких-либо следственных или иных процессуальных действий, не предусмотренных ст. 237, по уголовному делу, возвращенному прокурором;

— часть 5 о недопустимости доказательств, полученных по истечении процессуальных сроков, установленных ч. 2 ст. 237, либо при производстве процессуальных действий, не предусмотренных ст. 237.

Тем самым был возрожден институт возвращения судом уголовного дела на дополнительное расследование и реанимировано право бесконечного уголовного преследования лиц, попавших

в руки полиции и следственного комитета, независимо от их чистоплотности.

Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ ст. 162 УПК РФ была дополнена ч. 6.2, вводившей право руководителя следственного органа неограниченное число раз устанавливать месячный срок предварительного следствия в связи с отменой постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования со дня поступления уголовного дела к следователю. Благодаря этому бесперспективные для обвинительного приговора дела бесконечно приостанавливаются или прекращаются по нереабилитирующим основаниям. По жалобам требующих справедливости через несколько месяцев производство по делу возобновляется, вылеживается в сейфе следователя месяц и опять приостанавливается или прекращается по тем же незаконным основаниям лишь бы необоснованно преследовавшийся человек не смог реализовывать права, предусмотренные гл. 18 УПК РФ.

Судебным правотворчеством процедуры, предусмотренные ст. 125 и 165 УПК РФ, были почти сразу сведены к формальным, но не содержательным проверкам обоснованности и законности действий органов дознания и следствия.

Власть не афишировала эти изменения УПК РФ по буквальному содержанию и по смыслу, придаваемому кодексу правоприменительной практикой, как правовые реформы, и ей нет дела до того, как противники таких изменений назовут эти изменения: контрреволюцией, контрреформами или как-то еще.

На недовольство формальным, немотивированным рассмотрением жалоб на судебные решения власть ответила созданием обязательной кассационной инстанции пересмотра судебных актов судов общей юрисдикции с созданием особых судов со значительными материальными расходами бюджета. Существенные изменения процессуальных кодексов и материально-организационных затрат заставляют признать обоснованность утверждений о реформе судебной системы, но поскольку правовосстановительная ответственность судебных инстанций не выходит за пределы судебной системы, нет никакой революции, хотя шансы на отмену неправосудных решений немного возросли, но никуда не исчезла избирательность и случайность пересмотра незаконных судебных решений, немотивированность окончательных судебных актов по делам.

Суть дела не в словах «правовая» и «реформа», а в интересах, вызывающих процессы изменений законодательства. Правовая только форма, в которую облекаются эти интересы, если государственная власть сочтет необходимым реализацию своих интересов облечь в законы. Содержание реформ определяется волей обладателей власти и тем, чьи интересы они отстаивают.

Уменьшение объема понятия «реформа» признаком «правовая» в содержание реформы добавляет правовые средства воздействия, известные юриспруденции. Совершаются реформы обычными управомочивающими, обязывающими и запрещающими предписаниями, известными методами правового регулирования и т. д. Можно пофантазировать, что выбор юридических инструментов предопределяется тем, что задумано — реформа или нечто попроще, сравнив законодателя с водителем автомашины, который по-разному настраивается, узнав, по автобану ему предстоит ехать или по проселочным дорогам. Сложно вспомнить практический пример определения концепции НПА в зависимости от предварительного решения: реформу задумали или не реформу.

Реформы права, предлагаемые критиками нормативизма и авторами вычурных понятий права, практически бесплодны, поскольку такие новаторы, как правило, демонстрируют с высот теории пренебрежение юридической практикой, поэтому они существуют параллельно государственно-правовой действительности.

За реформы в праве могут сойти юридико-технические невежества при имитации социальных реформ.

Готовится проект федерального закона № 474016-8 «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Заранее приняты Закон Ханты-Мансийского АО – Югры от 27 июля 2020 года № 70-оз «О креативных индустриях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», Закон Самарской области от 13 января 2022 года № 8-ГД «О развитии творческих (креативных) индустрий в Самарской области», Закон Новгородской области от 28 февраля 2023 года № 280-ОЗ «О креативных (творческих) индустриях в Новгородской области»[1].

[1] СПС «Гарант» : сайт. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 23.04.2024).

В пояснительной записке к проекту федерального закона вначале указано на потребность определить на законодательном уровне понятия: «креативная экономика», «креативный кластер» и «креативные (творческие) индустрии», а также определить перечень креативных (творческих) индустрий.

Источниками этих потребностей названы Указ Президента РФ от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808», План мероприятий по реализации в 2022–2024 годах Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2022 года № 2290-р, подп. «а», «б» п. 6 Перечня поручений Президента РФ по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России № Пр-1593».

Между тем существенным признаком, характеризующим НПА, является наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений (п. 4.1 мотивировочной части постановления КС РФ от 31 марта 2015 года № 6-П, п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 года № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании НПА и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»).

В проекте указанного ФЗ можно выявить только три логические нормы права:

— о праве физических лиц, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей на включение в единый реестр субъектов креативных индустрий и встречной обязанности бланкетно указанного субъекта включить заявителя в единый реестр субъектов креативных индустрий;

— запрещающая органам государственной власти РФ и субъектам РФ и их должностным лицам оказывать меры государственной поддержки субъектам креативных индустрий, не соответствующих устанавливаемой дефиниции таковых;

— обязывающая субъектов креативных индустрий предоставлять первичные статистические и иные данные, необходимые для формирования официальной статистической информации в сфере креативных индустрий.

Завершается пояснительная записка к проекту федерального закона в части его назначения утверждением: «В целом, законопроект направлен на дальнейшее внедрение элементов креативной экономики и развитие сферы креативных индустрий в Российской Федерации в целях увеличения вклада креативной экономики в ВВП страны за счет продуктов с высокой добавленной стоимостью». Перед этим указано, что распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 года № 2613-р предписано увеличение доли креативных индустрий в экономике РФ с 2,21 до 3 % к 2024 году, до 6 % — к 2030 году.

В пояснительной записке и в содержании проекта федерального закона и в сходных с ним законов субъектов РФ говорится о возможных, но не обязательных для государства мерах государственной поддержки субъектов креативных индустрий. Более того, в финансово-экономическом обосновании к проекту федерального закона прямо указано: «Реализация проекта федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» не потребует дополнительных расходов, покрываемых за счет федерального бюджета». Из этого следует, что за счет федерального бюджета не будут внедряться понятия, устанавливаемые законом.

Законодательным определением «креативных» понятий создаются фикции. В отсутствие реальных творческих достижений, делающих жизнь лучше, показателями созданных фикций «креативной экономики», «креативных кластеров», «креативных (творческих) индустрий» и т. п. чиновники будут отчитываться о достижении увеличения доли креативных индустрий в экономике РФ.

Проект федерального закона и сходные с ним законы субъектов РФ практически без норм права представляют собой «…имитацию в сфере реализации государственной власти, осуществления государственного управления», которая «…означает, что орган или организация имитируют (изображают) реальную деятельность, достижение цели, часто желание общего благополучия, не решая по существу задач и не выполняя собственных

функций»[1]. Единственные нормы в законах Ханты-Мансийского АО – Югры и Новгородской области — о праве делегирования Правительством полномочий в сфере развития и поддержки креативных индустрий другим исполнительным органам, то есть о правоотношениях не с субъектами креативных индустрий, а о перераспределении государственными органами обязанностей по имитации «внедрения элементов креативной экономики и развития сферы креативных индустрий».

Видимость реформ для преодоления технологического отставания[2] осуществляется в форме закона, по своему содержанию не соответствующего понятию НПА.

Есть два варианта отношения к таким явлениям. Первый — указать на извращения юридической техники как способ бюрократических реформ. Второй — возводить извращения в теорию, в частности в реформу права, или правовую реформу.

Замена вопроса «В чью пользу происходят изменения правового регулирования?» вопросом «Что является правовой реформой?» является самообманом по наивности и рациональным способом обмана в политике.

[1] *Власенко Н. А.* Современное российское государство. Очерки. Москва, 2022. С. 35 (со ссылкой на исследования С. А. Денисова. См.: *Денисов С. А.* Имитация конституционного строя: в 4 кн. Екатеринбург, 2018).

[2] В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года сказано, что главные риски для развития страны – «…это в первую очередь нехватка квалифицированных кадров и собственные передовые технологии – их отсутствие по некоторым направлениям». Российская газета. 2024. 1 марта.

УДК 34

Пузиков Р. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Влияние реформ гражданского законодательства на правосознание граждан

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что реформы гражданского законодательства оказывают существенное влияние на правосознание граждан, формируя их понимание своих прав и обязанностей, а также отношение к закону в целом. В условиях динамично меняющейся правовой системы важно изучать, как законодательные изменения воспринимаются обществом и влияют на правовую культуру.

Реформирование гражданского законодательства является важным фактором развития правового государства и формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры граждан. Изменения в гражданском праве напрямую затрагивают интересы каждого человека, регулируя широкий спектр имущественных и личных неимущественных отношений. От того, насколько эффективно и своевременно проводятся реформы, зависит уровень доверия людей к закону и готовность следовать правовым нормам в повседневной жизни[1].

Правосознание представляет собой форму общественного сознания, включающую в себя систему правовых знаний, оценок, чувств, ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях. Правосознание отражает отношение индивидов и социальных групп к действующему праву, правовой действительности. Оно влияет на поступки субъектов, степень их правомерности, готовность действовать в соответствии с требованиями законодательства.

[1] См.: *Бузова С. А.* Влияние реформы гражданского законодательства на применение принципа свободы договора. Санкт-Петербург, 2021. С. 40–45.

© Пузиков Р. В., 2024

В структуре правосознания традиционно выделяют три основных компонента:

1. Рациональный (когнитивный), включает правовые знания, представления о системе права, его принципах и нормах. Предполагает информированность субъекта о содержании правовых предписаний, понимание их смысла и значения[1].

2. Эмоциональный (оценочный), охватывает правовые чувства, эмоции, переживания, связанные с правом и правовыми явлениями. Выражает субъективное отношение, психологическую оценку правовой реальности (одобрение, осуждение, восхищение и др.).

3. Поведенческий (волевой), представляет готовность к правомерному или противоправному поведению, установку на соблюдение или нарушение правовых норм. Связан с волевыми качествами личности, ее самоконтролем, мотивацией действий в правовой сфере.

Все три компонента правосознания тесно взаимосвязаны. Правовые знания являются основой для формирования оценочного отношения к праву. В свою очередь, правовые эмоции и переживания определяют готовность следовать требованиям закона в реальном поведении. Таким образом, правосознание представляет собой сложное системное образование, отражающее субъективное восприятие и отношение к праву на рациональном, эмоциональном и поведенческом уровнях[2].

В юридической науке существуют различные классификации правосознания в зависимости от избранного критерия.

По субъектам-носителям выделяют:

– индивидуальное правосознание, свойственно отдельной личности и отражает ее уникальный правовой опыт, знания, установки;

---

[1] См.: *Грачева Е. А.* Влияние юридической техники на правосознание граждан // Проблемы развития современного общества : сборник научных статей 7-й Всероссийской национальной научно-практической конференции: в 5 т. Т. 3. (Курск, 20–21 января 2022 года) / под ред. В. М. Кузьминой. Курск, 2022. С. 202–206.

[2] См.: *Демин А. А.* О реформе российского гражданского законодательства и механизме гражданско-правового регулирования // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 48–55.

– групповое правосознание, характерно для отдельных социальных групп (профессиональных, возрастных, территориальных и др.), объединенных общими правовыми представлениями и ценностями;

– общественное (массовое) правосознание, составляет правовые воззрения, типичные для данного общества в целом на определенном этапе его развития[1].

По уровню глубины отражения правовой действительности различают:

– обыденное правосознание, формируется стихийно на базе повседневного опыта, правовых чувств и эмоций, слабо структурировано;

– теоретическое правосознание, опирается на систему научных знаний о праве, имеет упорядоченный характер, развивается профессиональными юристами.

По степени соответствия действующему праву выделяют:

– позитивное правосознание, характеризуется согласием с правовыми нормами, одобрением и поддержкой существующего законодательства;

– негативное правосознание, связано с критическим и неодобрительным отношением к праву, нигилистическими установками[2].

Кроме того, *в зависимости от уровня правовых знаний и отношения к закону* говорят о высоком, среднем и низком правосознании граждан. Качественное состояние правосознания отражает правовую культуру общества, развитость демократических институтов и ценностей.

На процесс формирования и развития правосознания влияет широкий спектр *объективных и субъективных факторов*. К основным из них относятся:

— социально-экономические условия жизни людей. Материальное благополучие, стабильность, отсутствие резкого расслоения создают предпосылки для укрепления законности и позитив-

[1] См.: *Исмаилов Ш. М.* Об отдельных аспектах реформы Гражданского законодательства // Правовая жизнь. 2023. № 1 (41). С. 94–114.

[2] См.: *Толстик В. А.* Концепт нормального правосознания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 31–36.

ного отношения граждан к праву. И наоборот, кризисные явления, бедность, несправедливость распределения доходов порождают правовой нигилизм и недоверие к государственным институтам;

— политико-правовой режим, демократичность власти. Соблюдение прав и свобод человека, независимость суда, отсутствие репрессий и произвола способствуют росту правосознания. Напротив, авторитаризм, нарушения законности подрывают веру людей в право и справедливость[1];

— эффективность и качество законодательства. Своевременное реагирование права на потребности общественного развития, непротиворечивость, ясность и доступность нормативных актов благотворно сказываются на правосознании. Пробелы, дефекты, излишняя сложность законодательства отчуждают граждан от права;

— правовое воспитание и просвещение. Целенаправленная деятельность государства, образовательных и общественных институтов по распространению правовых знаний, культивированию уважения к закону и правам человека прямо влияет на позитивное правосознание;

— правоприменительная практика и опыт взаимодействия с юридическими институтами. Законность, обоснованность, справедливость деятельности судов, органов власти, должностных лиц укрепляют веру людей в право. Коррупция, волокита, некомпетентность, хамство разрушают позитивное отношение к правовой системе;

— состояние преступности, правопорядка. Эффективная борьба с правонарушениями, защищенность от криминала повышают авторитет закона. Разгул преступности, беззащитность граждан подрывают доверие к праву и государству;

— общий уровень культуры, духовно-нравственной развитости общества. Господствующие в социуме ценности, мораль, традиции непосредственно определяют отношение людей к праву. Чем выше общая культура, тем больше предпосылок для позитивного правосознания;

---

[1] См.: *Карпов А. В.* Анализ изменений в правовом регулировании финансовых сделок в контексте реформы гражданского законодательства // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 125–131.

— индивидуально-психологические качества личности. Правовые установки человека зависят от особенностей его характера, темперамента, интеллекта, волевой сферы. Такие черты, как сознательность, активность, чувство долга, способствуют правомерному поведению. Безответственность, внушаемость, импульсивность повышают риск противоправных действий[1].

Очевидно, что на правосознание граждан влияет комплекс разнородных факторов. Их учет необходим как при проведении правовых реформ, так и в процессе юридического воспитания и просвещения населения. Рассмотрим, как изменения гражданского законодательства воздействуют на отношение людей к праву.

Реформирование гражданского законодательства влияет на правосознание граждан через *несколько ключевых механизмов*:

1. Информирование о новых нормах и правилах. Освещение в средствах массовой информации, публикация разъяснений и комментариев специалистов знакомит людей с изменениями в законах, повышает уровень правовой осведомленности.

2. Формирование ценностных установок и стереотипов правомерного поведения. Закрепляя принципы добросовестности, законности, справедливости, обновленное законодательство задает ориентиры и стандарты должного поведения, которые постепенно усваиваются сознанием.

3. Опыт практического правоприменения. Сталкиваясь с реализацией новых норм, граждане на собственном опыте убеждаются в их действенности и необходимости соблюдения. Позитивный опыт укрепляет веру в право и готовность следовать закону.

4. Правовое просвещение. Целенаправленная деятельность государства и общественных организаций по разъяснению сути и значения реформ, обучению новым правилам адаптирует сознание к происходящим переменам, способствует правовой социализации.

5. Профессиональная правовая культура. Способствуя концептуальным изменениям в профессиональном правосознании, реформа опосредованно влияет и на сознание граждан, формируя у них представление о новых стандартах и подходах через взаимодействие с юристами.

---

[1] См.: *Ковалев В. В.* Влияние информатизации и цифровизации на правосознание граждан // Теория государства и права. 2022. № 3 (28). С. 95–104.

Вышесказанное отражается в следующем практическом примере о совершенствовании законодательства об опеке и попечительстве, представленное в законопроекте № 879343-6[1], может оказать значимое влияние на правосознание граждан через несколько взаимосвязанных механизмов.

Во-первых, принятие таких поправок будет широко освещаться в СМИ, станет предметом общественных дискуссий. Это привлечет внимание людей к проблемам недееспособных граждан, повысит уровень информированности о возможностях их поддержки. Многие впервые, например, задумаются о том, что такое попечительство, какую роль оно играет в жизни страдающих психическими расстройствами.

Во-вторых, сама идея расширения круга субъектов, которые могут выполнять функции опекунов, несет в себе глубокий ценностный посыл. Она подчеркивает, что забота о слабых — дело не только близких родственников, но и общества в целом, что государство готово поддерживать тех, кто берет на себя эту благородную миссию. Такой подход способствует укреплению в сознании представлений о социальной солидарности, милосердии, гражданской ответственности.

В-третьих, появление дополнительных возможностей для попечительства открывает перспективы для реализации многих волонтерских и благотворительных инициатив. Люди, которые хотели бы помогать нуждающимся, но не знали, как это сделать, получат необходимые правовые инструменты. Положительный опыт участия в таких проектах будет способствовать преодолению равнодушия и формированию активной гражданской позиции.

В-четвертых, тесное сотрудничество государственных органов, общественных организаций и волонтеров в рамках реализации закона потребует большой просветительской работы. Проведение семинаров, тренингов, консультаций для потенциальных опекунов будет способствовать не только передаче необходимых знаний и навыков, но и трансляции гуманистических ценностей, моральных принципов отношения к подопечным[2].

---

[1] См.: Модернизация гражданского законодательства: состояние и перспективы развития. URL: http://council.gov.ru/activity/documents/102118/ (дата обращения: 26.04.2024).

[2] См.: Там же.

Наконец, активное вовлечение некоммерческих организаций в работу с недееспособными гражданами создаст условия для постепенной трансформации профессиональной культуры специалистов, занятых в сфере опеки и попечительства. Взаимодействие с волонтерами будет способствовать выработке новых, более гибких подходов к правовой защите и социальной адаптации людей с ментальными особенностями. Эти подходы, основанные на принципах уважения личности и содействия ее максимально возможной самореализации, через профессиональное сообщество будут распространяться в обществе, влиять на общественное правосознание.

Таким образом, данный пример наглядно показывает, как частные, казалось бы, законодательные новеллы могут запускать целый каскад социально-психологических процессов, менять ценностные основы общественного правосознания. Реформа института опеки и попечительства способна не только решить конкретные юридические проблемы, но и придать новый импульс развитию культуры благотворительности, утверждению в сознании граждан идей милосердия и взаимопомощи[1].

Следовательно, влияние реформы на правосознание юристов-профессионалов проявляется в двух основных моментах. Во-первых, постепенно укореняется мнение, что законодательство следует совершенствовать не точечно, а комплексно — на основе единых концептуальных подходов. Об этом свидетельствует тот факт, что в последнее время все чаще раздаются призывы к модернизации различных отраслей законодательства (административного, уголовного и др.) на базе заранее разработанных концепций по аналогии с Концепцией развития гражданского законодательства. Тем самым подход, реализованный в ходе реформы ГК РФ, находит все большее признание в профессиональном сообществе как оптимальный способ системного совершенствования законодательства[2].

---

[1] См.: Модернизация гражданского законодательства: состояние и перспективы развития. URL: http://council.gov.ru/activity/documents/102118/ (дата обращения: 24.06.2024).

[2] См.: *Кузьмина И. К.* Реорганизации и ликвидации акционерного общества в контексте реформы гражданского законодательства. Краснодар, 2023. С. 153–160.

Во-вторых, под влиянием реформы меняется отношение юристов-практиков к правовой доктрине, цивилистической науке. Роль и авторитет науки повышаются, поскольку ученым совместно с практиками удалось разработать и продвинуть концептуальные идеи реформирования гражданского законодательства. Укреплению авторитета цивилистической доктрины способствует тот факт, что отдельные подходы Концепции и перспективные научно-практические положения проекта ГК РФ начинают использоваться в судебной практике через процедуры толкования еще до их формального закрепления в законодательстве[1].

Происходящие сдвиги в профессиональном правосознании под влиянием реформы во многом напоминают ситуацию в римском частном праве, где толкования ученых-юристов имели официальное значение для правоприменения. Другими словами, реформа фактически повышает нормативную роль цивилистической доктрины. В этом можно усмотреть важный прецедент, свидетельствующий о повышении авторитета юридической науки в сознании профессионального сообщества.

Таким образом, основной эффект реформы в плане воздействия на правосознание пока наблюдается именно в профессиональной юридической среде. Реформа способствует утверждению концептуальных подходов к совершенствованию законодательства и повышению роли правовой доктрины. Это, несомненно, позитивные тенденции, которые свидетельствуют о повышении уровня профессиональной правовой культуры под влиянием модернизации ГК РФ.

Что касается более широких слоев населения, то влияние реформы на правосознание рядовых граждан пока не столь заметно и носит более опосредованный характер. Очевидно, требуется время, чтобы изменения в гражданском законодательстве были осмыслены на бытовом уровне и инкорпорированы в массовое сознание. Немаловажную роль здесь должно сыграть правовое просвещение и разъяснение сути и значения принимаемых новелл.

В этом плане большое значение имеет научно-практический анализ обновленного гражданского законодательства, который

[1] См.: *Милехин Д. С.* Изменение акцессорности залоговых отношений как результат реформы гражданского законодательства // Отечественная юриспруденция. 2021. № 1 (45). С. 22–24.

должен вестись с учетом запросов правоприменительной практики. Цивилистическая наука призвана выполнять своего рода просветительскую функцию, способствуя адекватному пониманию и применению новых норм не только профессиональными юристами, но и рядовыми гражданами[1].

Другой важный канал влияния реформы на правосознание граждан — судебная практика. Последовательное применение обновленного законодательства судами будет способствовать утверждению в сознании участников оборота новых правовых подходов и институтов. При этом большое значение имеет единство и стабильность практики применения новых норм. Противоречивость или неопределенность в этом вопросе может, напротив, негативно сказаться на правосознании, подорвать доверие к реформе и ГК РФ в целом.

Следующий фактор, который может существенно повлиять на восприятие реформы общественным сознанием, — это ее практические результаты, то, насколько оправдаются связанные с ней ожидания. Если обновление ГК РФ приведет к реальному облегчению и упорядочению гражданского оборота, эффективной защите прав граждан, это, несомненно, повысит авторитет нового законодательства в глазах населения. Напротив, если позитивные эффекты не будут достаточно ощутимы и быстры, или реформа породит новые проблемы и коллизии на практике, это может вызвать скепсис и недоверие к ней и законодателю в целом.

В связи с этим представляется крайне важным вести мониторинг практики применения обновленного ГК РФ, оперативно выявлять и устранять возможные пробелы, противоречия, некорректные формулировки, которые могут проявиться в ходе правоприменения. Только таким образом можно будет обеспечить максимально позитивное восприятие реформы и ее результатов в общественном сознании[2].

В целом реформа гражданского законодательства постепенно оказывает благотворное влияние на правовую культуру рос-

---

[1] См.: *Назарова Н. А., Суханова А. О.* Нововведения в гражданском законодательстве: изменения в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 172–176.

[2] См.: *Осипов Р. А.* Влияние процесса актуализации законодательства на правовую культуру российских граждан // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 337–340.

сийского общества, пусть пока это влияние и не носит всеобъемлющего характера. Дальнейшая судьба этого процесса будет во многом зависеть от эффективности претворения в жизнь концептуальных новелл ГК РФ, обеспечения единства судебной практики их применения, продолжения научной разработки и разъяснения обновленного законодательства.

Если удастся обеспечить системное и последовательное воплощение потенциала реформы, ее позитивное восприятие не только профессиональным сообществом, но и широкими слоями граждан, это станет важной вехой в развитии правосознания и укреплении законности. Напротив, непоследовательность в реализации реформы, противоречия в практике применения нового ГК РФ могут дискредитировать ее идеи и породить правовой нигилизм[1], поэтому, как подчеркивается, крайне важно обеспечить концептуальную строгость, единство и преемственность в развитии гражданского законодательства, его теоретическом осмыслении и практическом применении. Только в этом случае заложенный реформой позитивный импульс сможет в полной мере реализоваться в правосознании как профессионального сообщества, так и рядовых граждан. Для полноты анализа влияния реформы гражданского законодательства на правосознание необходимо привести конкретные примеры обновленных или вводимых норм и институтов. Можно выделить следующие ключевые новеллы ГК РФ, способные оказать наиболее существенное воздействие на правосознание граждан[2]:

— закрепление принципа добросовестности в качестве одного из основных начал гражданского законодательства (п. 3 ст. 1 ГК РФ в ред. ФЗ от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ)[3]. Как отмечается, введение этой нормы-принципа призвано способствовать

[1] См.: *Назарова Н. А., Суханова А. О.* Нововведения в гражданском законодательстве: изменения в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 172–176.

[2] См.: *Почтарь Т. М.* Реформа гражданского законодательства в России (некоторые вопросы совершенствования обязательственного права) // Вестник Коломенского института (филиала) Московского политехнического университета : сборник научных трудов. Москва, 2023. С. 141–145.

[3] СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/aa87cfbfdb5358dce8542e6c9b4b0593639d20e9/ (дата обращения: 26.04.2024).

утверждению высоких стандартов поведения участников оборота, препятствовать различным формам злоупотребления правом.

Последовательная реализация судами принципа добросовестности будет способствовать искоренению представлений о допустимости недобросовестных практик в сознании граждан[1].

— противодействие обходу закона (п. 1 ст. 10 ГК РФ в ред. ФЗ от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ). Включение в ГК РФ прямого запрета на обход закона также должно способствовать укреплению законности в сознании участников оборота. При этом данная новелла имеет межотраслевое значение, она направлена на пресечение недобросовестных практик не только в сугубо гражданско-правовой, но и в публично-правовой сфере (налоговой, антимонопольной и т. д.)[2];

— развернутое регулирование корпоративных отношений (гл. 4 ГК РФ в ред. ФЗ от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ). Включение корпоративных отношений в предмет гражданского права призвано обеспечить их стабильное и эффективное регулирование на началах диспозитивности и равенства сторон. Это должно способствовать утверждению цивилизованных стандартов корпоративного поведения в сознании предпринимательского сообщества;

— изменение регулирования неустойки, в частности правил о ее снижении судом (ст. 333 ГК РФ). Разъяснения высших судов по вопросам применения ст. 333 ГК РФ, опирающиеся на подходы, выработанные в ходе реформы, уже активно используются в судебной практике. Тем самым фактически реализуется принцип справедливости гражданско-правовой ответственности, что самым непосредственным образом влияет на восприятие данного института участниками оборота[3].

— совершенствование законодательного регулирования отдельных видов договоров, вещных прав, интеллектуальной собственности и т. д. Как подчеркивается, все эти точечные измене-

---

[1] См.: Влияние реформы гражданского законодательства на отечественную правовую систему и юридическую науку // Zakon.ru : сайт. URL: https://igzakon.ru/ magazine/article-pdf/?id=4565 (дата обращения: 26.04.2024).

[2] См.: *Исмаилов Ш. М.* Об отдельных аспектах реформы Гражданского законодательства // Правовая жизнь. 2023. № 1 (41). С. 94–114.

[3] См.: Влияние реформы гражданского законодательства на отечественную правовую систему и юридическую науку // Zakon.ru : сайт. URL: https://igzakon.ru/magazine/ article-pdf/?id=4565 (дата обращения: 26.04.2024).

ния осуществляются на основе единых концептуальных подходов, закрепленных в Концепции развития гражданского законодательства. Тем самым обеспечивается комплексность и системность реформы, что является залогом ее позитивного восприятия в профессиональном и массовом сознании[1].

Приведенные примеры наглядно показывают, что обновление гражданского законодательства носит не фрагментарный, а концептуальный характер. Изменения затрагивают самые фундаментальные, основополагающие институты и принципы частного права, Тем самым создаются предпосылки для масштабной модернизации всей системы гражданско-правового регулирования.

Практическое значение всех этих новелл, их влияние на правосознание граждан будет в решающей степени зависеть от эффективности их реализации на практике. Крайне важна последовательность и единообразие в применении обновленного законодательства, прежде всего судами. Только тогда можно будет говорить о подлинном усвоении заложенных в нем подходов и ценностей общественным сознанием[2].

Немаловажную роль здесь призвана сыграть цивилистическая наука, обеспечивая доктринальную проработку и разъяснение законодательных новелл. Как показывает пример со ст. 333 ГК РФ, научно обоснованные подходы, выработанные в ходе подготовки реформы, уже начинают прокладывать себе дорогу в практику правоприменения. Дальнейшее развитие этой тенденции во многом зависит от совместных усилий цивилистического сообщества[3].

Приведенные конкретные примеры служат наглядной иллюстрацией тех концептуальных сдвигов в правосознании, которые призвана обеспечить реформа гражданского законодательства. Речь идет об утверждении начал добросовестности, законности, справедливости в отношениях участников гражданского оборота.

---

[1] См.: *Демин А. А.* О реформе российского гражданского законодательства и механизме гражданско-правового регулирования // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 48–55.

[2] См.: *Исмаилов Ш. М.* Об отдельных аспектах реформы Гражданского законодательства // Правовая жизнь. 2023. № 1 (41). С. 94–114.

[3] См.: Влияние реформы гражданского законодательства на отечественную правовую систему и юридическую науку // Zakon.ru : сайт. URL: https://igzakon.ru/magazine/ article-pdf/?id=4565 (дата обращения: 26.04.2024).

Последовательная реализация этих ценностей на уровне как профессионального, так и массового сознания является необходимым условием построения правового государства и зрелого гражданского общества в России.

В данном разделе исследования оценивалось влияние реформ гражданского законодательства на правосознание граждан.

Таким образом, реформа гражданского законодательства постепенно оказывает благотворное влияние на правовую культуру, способствуя утверждению высоких стандартов и принципов в сознании как юридического сообщества, так и широких слоев граждан. Однако для полноценной реализации этого эффекта необходимы дальнейшие усилия по эффективному претворению в жизнь законодательных новелл, обеспечению единства практики их применения, продолжению научной разработки и разъяснения обновленного ГК РФ.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие основные выводы о влиянии реформ гражданского законодательства на правосознание граждан:

— реформы гражданского законодательства являются важным фактором развития правового государства и формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры граждан. Изменения в гражданском праве напрямую затрагивают интересы каждого человека;

— влияние реформы наиболее заметно в профессиональной юридической среде. Она способствует утверждению концептуальных подходов к совершенствованию законодательства и повышению роли правовой доктрины, что свидетельствует о повышении уровня профессиональной правовой культуры;

— влияние реформы на правосознание рядовых граждан пока не столь значительно и носит более опосредованный характер. Требуется время и целенаправленные усилия по правовому просвещению, научно-практическому анализу законодательства и обеспечению единства судебной практики применения новых норм;

— ключевые новеллы реформы гражданского законодательства, способные оказать существенное воздействие на правосознание: закрепление принципа добросовестности, противодей-

ствие обходу закона, развернутое регулирование корпоративных отношений, совершенствование регулирования неустойки и др.;

— обновление гражданского законодательства носит концептуальный и системный характер, создает предпосылки для модернизации всей системы частноправового регулирования на основе начал добросовестности, законности, справедливости. Последовательная реализация этих ценностей необходима для построения правового государства.

В целом реформы гражданского законодательства постепенно оказывают благотворное влияние на правовую культуру, способствуя утверждению высоких правовых стандартов и принципов в сознании как юридического сообщества, так и широких слоев граждан. Однако для полноценной реализации этого эффекта необходимы дальнейшие усилия по эффективному претворению в жизнь законодательных новелл, обеспечению единства практики их применения, продолжению научного анализа и разъяснения обновленного законодательства.

Таким образом, работа вносит вклад в научное осмысление проблематики влияния правовых реформ на состояние правосознания и правовой культуры общества. Сформулированные выводы и рекомендации могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности, в процессе правового просвещения граждан.

УДК 34:33:343.791

Санинский Р. А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, председатель Арбитражного суда Нижегородской области

Маркеры теневой экономической деятельности как возможные векторы проведения правовых реформ в области оздоровления экономики

Теневая экономика всегда была и остается одной из главных угроз экономической и в целом национальной безопасности РФ[1].

Учитывая, что основной пласт теневой экономической деятельности составляют преступления экономической направленности, да и за последние пять лет отсутствуют официальные данные о ее объемах, считаем, что обоснование проведения правовой реформы уголовно-правового противодействия теневой экономике в современных условиях с вычленением имеющихся проблем и возможных перспектив должно строиться как на демонстрации и анализе определенного рода маркеров, дающих возможность представить объемы исследуемого явления, так и сферы экономической деятельности, наиболее вовлеченные в этот процесс.

Разновидностей такого рода маркеров значительное количество. Они могут быть правовыми, экономическими, социальными и иными. К наиболее значимым из них, на которых мы и сконцентрируем внимание в данной статье, необходимо отнести количество совершаемых преступлений экономической направленности, объемы подозрительных финансовых операций, уровни теневого рынка труда и незаконной миграции, объемы обналичивания денежных средств.

[1] См.: *Емельянова Е. В.*, *Петрянин А. В.* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: переоценка современных вызовов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2021. № 4. С. 10–16.

© Санинский Р. А., 2024

Учитывая, что совершение значительной части преступлений в сфере экономики нацелено на хищение или вывод капиталов из легального сектора экономики, полагаем, что уровень экономической преступности является наиболее показательным маркером состояния теневой экономики.

Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности за 2014–2023 годы, согласно официальным данным МВД России, достаточно стабильно (табл. 1). В 2023 году результаты деятельности правоохранительных органов прямо сопоставимы с 2020 годом. Причем их рост и падение находятся в схожих статистических показателях. Это указывает на то, что за последние десять лет уровень экономической преступности существенно не меняется. Не влияют на это и мировые катаклизмы в виде пандемий, а также недружественной экономической политики зарубежных государств по отношению к РФ.

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности за 2014–2023 годы[1]

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Динамика, %
2014	107 797	-24
2015	112 445	+3,7
2016	108 754	-3,3
2017	105 087	-3,4
2018	109 463	+4,2
2019	104 927	-4,11
2020	105 480	+0,5
2021	117 707	+11,6
2022	111 429	-5,3
2023	105 257	-5,5

Следующий значимый маркер теневой экономики — объем подозрительных финансовых операций. Центральный Банк России активно ведет их учет, по мнению которого их осуществление прямо связано с конкретными секторами теневой экономиче-

[1] Статистика аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 18.05.2024).

ской деятельности[1]. В первом полугодии 2023 года большее их количество обнаружено в сфере строительства и торговли (37 и 29 % соответственно). Все они были сопряжены с обналичиванием и выводом средств за рубеж. За 2023 год примерный объем выведенных средств за границу составил порядка 12 млрд рублей[2]. В качестве основной схемы выступает использование авансовых платежей за импортируемые товары и услуги: первые впоследствии не ввозятся, а вторые не оказываются. Объемы обналичивания в 2023 году превысили сумму в 32 млрд рублей.

Доминирующим способом получения денежных средств являются безналичные перечисления на карты или счета физических лиц с их последующим снятием. На примере первого полугодия 2023 года их объем вырос в 1,4 раза[3].

Следующим маркером выступает нелегальный рынок труда, сопряженный с незаконной миграцией, то есть незаконная трудовая миграция. За последние пять лет общий миграционный прирост в РФ представлен официальными данными Федеральной службы государственной статистики РФ (табл. 2).

Таблица 2

Миграционный прирост в Российской Федерации за 2019–2023 годы[4]

Год	Численность	%
2019	285 103	–
2020	124 497	-43,67
2021	429 902	+354,31
2022	61 920	-694,29
2023	203 629	328,86

[1] 115-ФЗ: какие 2023 отрасли бизнеса банки проверяют чаще всего // СБЕР БАНК : офиц. Сайт. URL: http://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/otrasli-biznesa-s-povyshennym-riskom-blokirovki-schyota/ (дата обращения: 18.05.2024).

[2] См.: Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги // Банк России : сайт. URL: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2023_1/ (дата обращения: 18.05.2024).

[3] См: Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги // Банк России : сайт. URL: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2023_1/ (дата обращения: 18.05.2024).

[4] См.: Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283 (дата обращения: 14.05.2024).

Полагаем, что данные цифры не охватывают весь круг лиц, въехавших или находящихся в РФ, так как наша страна традиционно находится в числе лидеров по числу принимаемых иностранцев. По мнению экспертов, общее число нелегалов составляет порядка 4 миллионов человек[1]. Учитывая их нелегальный статус, понимаем, что все они задействованы в неофициальной, то есть теневой экономике. Это, конечно, ставит задачу по их установлению и установлению особых правил нахождения незаконных трудовых мигрантов в РФ, применяя к ним специальные организационно-правовые инструменты контроля, по причине совершения ими большого количества преступлений[2]. Мы согласны с тем, что потенциала, заложенного в ст. 322^1, 322^2 и 322^3 для этого недостаточно[3].

Отмеченное, с учетом проанализированных маркеров, дает основание выступить с научной гипотезой в том, что объемы теневой экономики также остаются в стабильных показателях последних десяти лет, поэтому противодействие ей должно лежать в плоскости обеспечения и экономической, и национальной безопасности РФ[4]. Это, конечно, требует проведения правовых реформ, в том числе и уголовно-правового содержания, главной целью которых должно выступать повышение уровня противодействия исследуемому явлению, что, в свою очередь, позволит снизить объемы теневой экономической деятельности и, как следствие, оздоровить экономику.

---

[1] См.: Глава института РАН назвала оценки числа нелегальных мигрантов России // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c5dfca9a794768ad46dd4d (дата обращения: 14.05.2024).

[2] См.: *Розовская Т. И., Петрянин А. В.* Миграция и преступность: частный взгляд на проблему // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 4. С. 42–49.

[3] См.: *Магнутов Ю. С.* Современные стратегии противодействия специальным организованным формам экстремистской деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 92–96.

[4] См.: *Петрянин А. В.* Экономико-правовые средства обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: теория и практика // На страже экономики. 2022. № 1 (20). С. 60–67; *Куликов Р. С., Петрянин А. В.* Контрабанда как форма внешнеэкономической преступной деятельности: новые направления уголовной политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 334–338.

Первостепенной должна стать ревизия не только гл. 22 УК РФ, а всего Раздела VIII уголовного закона. В рамках данного процесса необходимо:

— вернуться к пересмотру стоимостных критериев, определяющих размеры криминальных доходов и ущербов;

— исключить внутриотраслевые и межотраслевые коллизии и конкуренции;

— устранить имеющиеся юридико-технические пробелы.

Пилотным проектом в области уголовно-правового противодействия теневой экономической деятельности должна стать разработка и принятие на федеральном уровне Стратегии профилактики теневой экономики и сопряженных с ней преступлений. В качестве куратора ее реализации определить Министерство финансов РФ как пилотного органа, координирующего направления деятельности в исследуемой нами области. Выдвинутое предложение обосновывается составом этого ведомства (Федеральная налоговая служба РФ, Федеральное казначейство РФ, Федеральная таможенная служба РФ, Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка). В его состав входят органы, которые напрямую занимаются выявлением и пресечением нелегальной экономики. Считаем, что реализация предложенных юридических и организационных приемов позволит сделать теневую экономическую деятельность невыгодной, что повлечет существенное снижение ее объемов и позволит вывести экономику страны на новый конкурентный уровень.

УДК 34

Свинин Е. В.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России

Пенитенциарная реформа на современном этапе: некоторые вопросы соотношения правовой логики, техники и правопорядка

Пенитенциарная система является важнейшей частью любого государственного механизма. Более того, в значительной части она может характеризовать само государство, поскольку именно в этой системе концентрируется принудительная (а в ряде случаев и репрессивная) роль государства по отношению к обществу. На современном этапе происходит постепенное, эволюционное изменение уголовно-исполнительной системы. При этом векторами развития являются принципы гуманизма и социальной эффективности.

Яркой иллюстрацией происходящих перемен является устойчивая тенденция к снижению численности лиц, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях, с одновременным увеличением числа лиц, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы. По состоянию на 1 января 2024 года численность лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, составила 253 114 человек (АППГ — 307 887 человек)[1]. Судебная практика идет по пути постепенного сокращения лишения свободы как основного вида наказания, чаще выбирая наказания, не связанные с лишением свободы. Так, в 2023 году было осуждено 555 743 человека, при этом к лишению свободы было осуждено лишь 161 127 человек[2].

Следует отметить, что постепенность преобразований пенитенциарной системы отражается в логике Концепции развития

[1] См.: Итоги деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Москва, 2024. С. 5. Документ опубликован не был.

[2] См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2023 года. URL. http://cdep.ru/index.php?id=79&item=8690 (дата обращения: 13.05.2024).

© Свинин Е. В., 2024

уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года (далее — Концепция). Закрепляя конкретные цели, задачи и направления развития, Концепция рассчитана на то, чтобы сделать уголовно-исполнительную систему современной и социально эффективной. Дальнейшее развитие уголовно-исполнительной системы должно повлечь за собой укрепление правового порядка.

Правопорядок следует рассматривать как комплексную интегративную характеристику правового регулирования в целом, которая включает в себя оценку законодательства и практики его применения, а также достигнутые социальные и юридические результаты. Развитие и укрепление правового порядка в сфере реформирования уголовно-исполнительной системы неизбежно связано с обновлением законодательства, оптимизацией процедур правоисполнительной практики, совершенствованием организационной модели органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания.

Представляется, что осуществление сбалансированных изменений затрагивает как нормативную, так и институционную структуру правопорядка. Невозможно изменить к лучшему существующую практику, не меняя законодательство и не осуществляя организационных изменений. В этой связи крайне важное значение приобретает изучение логики права, а также ее воплощение в логике правовой реформы посредством соответствующего технико-юридического инструментария.

Считаем возможным в рамках настоящей статьи следующим образом определить соотношение логики права с юридической техникой и правопорядком. В основе правопорядка лежит диалектический характер взаимодействия юридических и социальных результатов действия права, которые достигаются за счет познания логики права и использования надлежащего инструментария юридической техники.

Юридическая техника представляет собой инструмент реализации правовой логики как осознанных субъектами объективных и закономерных связей социально-правовой действительности. Диалектический характер правовой логики позволяет увидеть и понять закономерности социально обусловленных явлений, а юридическая техника как техника правового регулирования — закрепить выявленные закономерности в нормативной юридической системе.

Грамотное использование юридической техники позволяет добиться синергетического эффекта, когда достигнутые юридические результаты (в виде, прежде всего, правомерного поведения субъектов) способствуют, в свою очередь, достижению социальных целей регулирования. Ошибки в понимании логики права и просчеты в использовании технико-юридического инструментария могут приводить к снижению уровня правового порядка, поскольку социальный эффект от правомерных действий будет незначительным.

Игнорирование логики права недопустимо, поскольку ведет к использованию ограниченного технико-юридического инструментария, что способствует программированию недостаточной эффективности регулирования и правового порядка.

В основе логики права лежат объективные закономерности правовой жизни. Представляется очевидным, что логика реформ и изменения законодательства не может не учитывать объективные потребности и проблемы правового регулирования. В этой связи хотелось бы высказать суждение о том, что основополагающая цель — повышение эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы — должна обеспечиваться за счет баланса между карой и исправлением. Принципы гуманизма и обеспечения прав осужденных являются значимым приоритетом развития, однако нельзя исключать и репрессивный элемент в наказании. Разумная мера строгости и жесткости должна также присутствовать в наказании, как и принципы гуманного отношения к осужденным. В качестве иллюстрации диспропорций приведем следующий пример.

В настоящее время законодательство допускает неограниченное использование условно-досрочного освобождения, что, на наш взгляд, является нонсенсом. При этом хотелось бы указать, что значительное количество лиц, освобождаемых условно-досрочно, вновь совершают преступления. Так, в 2023 году 11 013 лиц были условно-досрочно освобождены и вновь совершили преступление; при этом не отбыли уголовное наказание и вновь были осуждены 111 161 человек[1].

[1] См.: Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2023 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : офиц. сайт. URL. http://cdep.ru/index.php?id=79&item=8690 (дата обращения: 12.05.2024).

Представляется, что установление ограничений по применению института условно-досрочного освобождения было бы разумным и необходимым. В основе этого института лежит доверие государства к гражданину, вера в то, что человек осознал ошибочность преступного образа жизни. Отсутствие ограничений по количеству применения условно-досрочного освобождения способствует снижению достижения исправления как цели уголовного наказания.

Частичное усиление репрессивного элемента в наказании также может быть связано с реформированием состава, предусмотренного ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». В настоящее время уголовное значение имеют лишь действия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью осужденных (сотрудников), совершаемые либо с целью воспрепятствовать исправлению осужденного, либо в связи с осуществлением сотрудником служебной деятельности. Сегодня количество совершаемых преступлений носит минимальный характер. Так, 2023 году по ч. 1, 2 и 3 ст. 321 УК РФ осуждено 343 лица[1], однако количество таких нарушений режима отбывания наказания, как угроза, неповиновение представителю администрации или их оскорбление, при отсутствии признаков преступления (то есть крайне близкие по содержанию к признакам объективной стороны ст. 321 УК РФ) превышает указанные выше статистические данные в три-четыре раза. В 2022 году совершено 1 090 угроз представителю администрации[2]; в 2021 году — 1 440 случая[3].

Кроме того, общее количество нарушений установленного режима отбывания наказания на протяжении длительного времени сохраняется на довольно высоком уровне. В 2020 году совер-

[1] См.: Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2023 года. URL. http://cdep.ru/index.php?id=79&item=8690 (дата обращения: 12.05.2024).

[2] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2022 года. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2023. С. 376.

[3] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2021 года. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2022. С. 325.

шено 601 423 нарушений режима отбывания наказания, количество злостных нарушений — 17 941[1]; в 2021 году совершено 573 279 нарушений режима, злостных — 17 095[2]; в 2022 году совершено 625 452 нарушения режима, злостных — 14 684[3].

Считаем, что систематическое нарушение режима отбывания наказания также может служить (и служит) дестабилизирующим фактором. В этой связи представляется оправданным введение понятия «систематическое нарушение режима». Напрямую возложение уголовной ответственности за совершение систематических нарушений неприемлемо, но вполне допустимо было бы введение института преюдиции, в соответствии с которым систематическое нарушение режима влекло бы административную ответственность. В частности, можно предусмотреть отдельный административный состав в ст. 19.12.1 КоАП РФ, а ст. 321 УК РФ дополнить ч. 4, предусматривающей уголовную ответственность за повторное в течение года совершение соответствующего административного правонарушения. Таким образом, можно было бы вести речь о формировании целостной системы, связывающей пенитенциарную, административную и уголовную ответственность в единый функционирующий комплекс.

Кроме того, нельзя не отметить, что в настоящее время назрел вопрос о систематизации нарушений режима отбывания наказания в виде отдельных составов пенитенциарных правонарушений с установлением конкретных мер пенитенциарной ответственности. Этот шаг позволил бы сделать дисциплинарную практику более понятной и прозрачной как для осужденных, так и сотрудников.

Еще одной важнейшей точкой взаимодействия логики, техники и правопорядка является создание системы пробации в России. Понимая какие стоят перед уголовно-исполнительной си-

---

[1] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2020 года. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2021. С. 304.

[2] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2021 года. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2022. С. 325.

[3] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь – декабрь 2022 года. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2023. С. 376.

стемой, авторы Концепции указывают, что лица, освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе. Отсутствие системы пробации в конечном счете обусловливает рост рецидивной преступности.

В 2023 году был принят Федеральный закон о пробации (далее — закон), полноценное действие которого начнется с 1 января 2025 года. В связи с тем, что многие положения закона отличаются существенной новизной, законодатель сознательно пошел на увеличение срока вступления в силу норм закона до двух лет, рассчитывая на постепенное формирование необходимых правовых условий. Положительно оценивая заложенную в законе идею, хотелось бы отметить, что техника воплощения этой идеи оказалась не самой удачной.

Аксиомой является то, что законодатель не может по своей воле формировать общественные отношения, учитывая также отсутствие полноценного зарубежного опыта, который можно было бы взять на вооружение. Вероятно, было принято соломоново решение о создании рамочного закона. Закон следует рассматривать как рамочный в силу отсутствия нормативного закрепления конкретных механизмов взаимодействия субъектов пробации (предполагается, что должны быть разработаны типовые соглашения о взаимодействии), а также конкретных юридических инструментов, позволяющих сделать содействие осужденным и освобожденным лицам прикладным и полезным.

Предусмотренный в ст. 32 перечень мероприятий, подлежащих включению в индивидуальную программу, представляется довольно абстрактным и труднореализуемым. К примеру, оказание содействия в трудоустройстве может быть реализовано лишь в форме советов по поиску надлежащей работы, регистрации на специализированных сайтах и службе занятости. Как представляется, трудоспособный человек зачастую способен выполнить указанные действия самостоятельно. Проблема трудоустройства преимущественно связана не с оказанием консультативных услуг, а предполагает стимулирование работодателей и формирование у осужденных (а также освобожденных из мест лишения свободы лиц) необходимых навыков для выполнения той или иной работы с достойной заработной платой.

Очевидно, что экономическая и социальная проблема не может решаться только лишь за счет психолого-педагогических методов коррекции поведения и консультационной помощи. Необходимы соответствующие законодательные решения в области экономического стимулирования работодателей; квотирования рабочих мест на государственных предприятиях для тех осужденных, кто обладает необходимыми навыками и квалификацией либо создание специализированной государственной корпорации с разветвленной сетью региональных предприятий, трудоустраивающих освобождаемых лиц, а также осужденных к принудительным работам. Представляется, что без продуманных экономических и социальных решений существенного укрепления правопорядка в этой сфере ожидать не придется.

Высказанное предположение носит вероятностный характер, и в конечном счете эффективность принятого закона следует оценивать по статистике рецидивной преступности. В заключение хотелось бы также отметить, что на Министерство юстиции РФ закон возлагает обязанность осуществления мониторинга практики применения законодательства в сфере пробации, результаты которого (с учетом вступления в силу закона) можно будет увидеть лишь к 2026 году, в котором следует ожидать существенных обновлений этого закона. Таким образом, правовая реформа приобретает «условно пролонгируемый характер» с относительно непредсказуемым вектором дальнейшего развития.

УДК 34

Смирницкий А. Е.,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Проблемы и противоречия пореформенной судебной системы России и правовой культуры российского общества в произведениях А. П. Чехова

Становление и развитие всесословной судебной системы России во второй половине XIX века происходило в обстановке острых социальных противоречий. Новый всесословный суд подвергался ожесточенной критике со стороны различных слоев российского общества. В публицистических работах того времени, в газетных статьях высказывались диаметрально противоположные суждения о пореформенной судебной системе. Критике подвергалась как вся судебная система в целом, так и отдельные ее элементы. Многие из этих суждений были крайне тенденциозны и субъективны, поскольку деятельность новой судебной системы была напрямую связана с интересами различных социальных групп российского общества. Если консерваторы подвергали критике, прежде всего, такие прогрессивные элементы судебной системы, как суд присяжных и мировой суд, то либералы и представители интеллигенции — сохраняющиеся элементы сословного судопроизводства.

Творчество А. П. Чехова пришлось на период конца XIX – начала XX века: от контрреформ 1880-х годов до «весны Святополк-Мирского». В этот период судебная система, созданная в 1864 году, подверглась консервативной коррекции со стороны властей предержащих и критике со стороны различных слоев российского образованного общества. Начавшись созданием института земских начальников в 1889 году, она завершилась отменой телесных наказаний по суду для крестьян в 1904 году.

© Смирницкий А. Е., 2024

На глазах писателя происходило противоборство либерального и консервативного начал, он наблюдал политику контрреформ, напрямую затронувшую и судебную систему. Правовая тематика занимает в творчестве писателя важное место. Его взгляды на российскую судебную систему отражены не только в рассказах, но и в судебных очерках, которые он писал в качестве сотрудника газет. Важнейшей работой А. П. Чехова был «Остров Сахалин», написаный на основе материалов, собранных автором во время поездки в этот отдаленный регион — место ссылки уголовных преступников. В отличие от Ф. М. Достоевского, который брал материал для своих произведений из резонансных судебных процессов («Преступление и наказание» — «дело штабс-капитана Штейнберга», «Бесы» — «дело С. Г. Нечаева»), А. П. Чехов обращал внимание, прежде всего, на судебную повседневность и рутину. Его интересовала судьба обычных людей, не получивших правовой защиты или ставших жертвами судебной системы царской России.

Обращение А. П. Чехова к темам суда и закона неслучайно. В условиях самодержавия оценка судебной системы Российской империи и отдельных ее аспектов имела бы для общественных деятелей и публицистов печальные последствия. Посредством художественных образов А. П. Чехову удалось показать судебную систему России и уровень правовой культуры ее населения. Писатель России того времени был больше чем писатель. Он занимался не только литературным трудом, но и публицистической, правозащитной деятельностью. А. П. Чехов не торопился высказывать резкие суждения. Он вдумчиво наблюдал русскую жизнь. В его рассказах, пьесах и повестях проходит череда разнообразных людей, связанных с различными сферами общественной жизни, в том числе, как мы уже отмечали, и с судебной системой.

Творчество А. П. Чехова развивалось в своеобразном правовом контексте. Громкие политические процессы 1860–1870-х годов сменились не менее резонансными уголовными и гражданскими процессами. В условиях развития капитализма растраты и хищения денежных средств, подлоги стали обычным явлением. В 1884 году А. П. Чехов в качестве корреспондента присутство-

вал на рассмотрении в суде «Скопинского дела», связанного с крахом банка в Скопине.

В отличие от законодательных актов, дающих представление о структуре судебной системы, и воспоминаний, в которых присутствует оценка системы и судебных деятелей высшего звена, в произведениях А. П. Чехова показаны обобщенные образы всех людей, так или иначе связанных с судебной системой или испытывавших на себе ее воздействие. В этом отношении произведения А. П. Чехова как исторический источник, в полной мере раскрывающий условия становления и развития российской пореформенной судебной системы, трудно переоценить. В произведениях Чехова содержатся не оценочные суждения, а репрезентация судебной системы глазами ее участников, в том числе и судебный быт того времени, что само по себе является весьма ценным для историка.

Цель настоящей статьи — изучение на основе произведений А. П. Чехова основных проблем и противоречий российской пореформенной судебной системы и ее особенностей, а также ее восприятия различными слоями населения России.

Условно эти противоречия, нашедшие отражение в произведениях А. П. Чехова, можно разбить на следующие группы:

1. Степень эффективности судебной системы.
2. Люди судебной системы.
3. Восприятие суда и отдельных его элементов различными слоями российского общества.
4. Мотивы совершения преступлений.

Тема отражения российского права и правовой культуры российского общества в произведениях А. П. Чехова вызвала определенный интерес в современной научной литературе[1]. Однако авторы этих работ, будучи юристами и филологами,

[1] См.: *Анисимов А. П., Мокрова М. В.* «Вишневый сад»: классика русской литературы через призму юриспруденции // Новая правовая мысль. 2008. № 6; *Шкуратов В. А.* Чехов и Мишель Фуко: российская каторга или западная тюрьма? // Политическая концептология. 2013. № 1; *Станько А. И., Лепилкина О. И.* Чехов-публицист о системе наказаний в России // Гуманитарные и юридические исследования; *Жаров В. А.* О роли права в рассказах А. П. Чехова // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2015. № 3; *Пырков И. В.* Чехов и юриспруденция: о некоторых этических и собственно правовых аспектах проблемы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3.

невольно игнорируют исторические условия, в которых развивались взгляды писателя на судебную систему России и правовую культуру российского общества. Автору данной статьи представляется необходимым, в какой-то мере восполнить этот пробел.

Произведения А. П. Чехова показывают, что автор никогда не переоценивал роли суда в достижении торжества справедливости. Главным в достижении человеческой справедливости писатель считал человеческий фактор. В этом отношении характерна повесть А. П. Чехова *«Палата № 6»*. Главный герой повести — доктор Андрей Ефимович Рагин оказался в психиатрическом отделении той же больницы, которую он и возглавлял, в обход всех законов и установлений при активном содействии местного образованного общества, посчитавшего доктора сумасшедшим. Судьба доктора Рагина показывает, что новая судебная система действенна только в руках неравнодушных людей, готовых бороться, но можно бороться как за свое человеческое достоинство, так и за уничтожение ближнего своего. А. П. Чехов убедительно показал, что люди слабовольные, боящиеся жизни, равнодушные к ней как раз и становятся жертвами судебной системы. В повести *«Драма на охоте»* следователь Карамышев искусно скрывает убийство женщины, совершенное им. Вместо него был осужден муж «девушки в красном платье», графский лесничий — честный и порядочный человек.

В своих произведениях А. П. Чехов показывает, что и судьи, и следователи – обычные люди со своими достоинствами и недостатками, они также мучаются, страдают, печалятся, как и остальные люди и, следовательно, подвержены субъективным устремлениям и ошибкам. В рассказе *«В суде»* прокурор думает совсем не о судебном деле, вершащемся у него на глазах, а о своих семейных проблемах. В рассказе *«Сирена»* в перерыве между судебным заседанием члены суда с крайней заинтересованностью обсуждают разного рода кулинарные блюда, которые им хотелось бы отведать после длительного трудового дня, а один из членов суда портит уже шестой лист особого мнения, прислушиваясь к их разговору.

Писатель убедительно показывает, что эффективность судебной системы зависит от людей. Между тем люди, работавшие в новой судебной системе, сохранили прежние привычки и тра-

диции. В рассказе *«Неприятность»* судья жалуется доктору Овчинникову, что в России не испорчены лишь мужики и представители высших классов, там можно найти дельных и честных работников. Что же касается разночинца, то это, как правило, пьяница и лодырь. Выгоните вы одного, а другой будет не лучше. Что с них требовать: от мужика они ушли, общество их третирует, впереди ничего, кроме большого семейства, зависимости и жалованья в 30 рублей в месяц.

А. П. Чехов показывает и влияние сохранившего сословного права в отношении самой многочисленной части населения Российской империи — крестьян. В рассказе *«Староста (Сценка)»* читает диалог ходатая по делам Шельмы и трактирщика. Характерен облик ходатая по делам: грязен, нечистоплотен, пьет много водки. Сельский сход захотел выпить за счет приехавшего богатого односельчанина. Его избирают старостой, несмотря на отказ с его стороны. Выясняется, что после избрания старосты сельским сходом односельчанина никто не может сместить с должности на срок избрания при условии, что избранный не был под судом. Избранный старостой попал в крайне затруднительное положение. Дома его ждут семья и работа, а он, облеченный новыми полномочиями, вынужден оставаться в родной деревне. Несчастный предлагает крестьянам денег, обращается к властям различного уровня, но закон неумолим: выбранный сельским сходом староста не может по закону отказаться от своих полномочий: «Староста обязан пробыть на месте не менее трех лет и только по суду лишается сего звания. Уж раз тебя выбрали, так ин ты, ни мы <…> никто не может тебя отставить!»[1]

По совету ходатая, уплатив за совет 100 рублей, он крадет у ходатая по делам пустой кошелек и садится в тюрьму на полтора месяца, что освобождает его от исполнения обязанностей старосты. Перед нами классический пример пореформенного правосудия, когда абсолютно ни в чем невиновный человек попадает в тюрьму только для того, чтобы избавиться от обременительной повинности сельского старосты и вернуться к семье и на свою работу.

В своем творчестве А. П. Чехов показывает, что значительная часть российского общества еще не созрела для новой судеб-

[1] *Чехов А. П.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. Москва, 1955. С. 405.

ной системы, живет старыми понятиями и традициями. В рассказе *«Несчастье»* купец оказался втянут в расхищение правлением банка денежных средств. Как член ревизионной комиссии он не глядя подписывал документы, приносимые ему директором банка. На суде вел себя несообразно, вызывая гримасы адвоката и смех публики. Единственным его аргументом были слова: «Подписывал не читая, потому что в этих бумагах не разбираюсь. Мне носили в лавку, я и подписывал».

Большинство героев А. П. Чехова, попавших в сети судебной системы, так называемые маленькие люди, не умеющие защитить себя или нарушавшие закон неосознанно. В рассказе *«Размазня»* глава семейства доводит гувернантку до слез, делая из причитающихся ей денег произвольные вычеты. «Я вам урок преподал, — говорит он. — Почему вы молчите, почему не протестуете? Ведь я ограбил вас. Разве можно быть такой кислятиной? Разве можно в этой жизни не быть зубастым?». «Можно», — сказала ее робкая фигурка. Она замерсикала и вышла.

В рассказе *«Спать хочется»* девочка-прислуга Варька, замученная круглосуточным трудом, душит спящего младенца хозяйки, видя в нем источник своих страданий.

Контрастно показаны представители нарождающегося «командующего класса». Они не только избегают суда, но и процветают. Так, захватила в свои руки торговое дело сноха Дюди Аксинья в рассказе *«В овраге»*, выжив из дома другую сноху и убив ее ребенка. В своем творчестве автор утверждает, что никакая система не изменится до тех пор, пока не изменятся люди.

В своих произведениях А. П. Чехов обращает внимание читателя на тот факт, что целые пласты, безусловно, преступных деяний никоим образом не входят в поле деятельности пореформенного суда. В сапожной мастерской истязают мальчика Ваньку Жукова *(«Ванька»)*, и единственный «институт права», куда он может пожаловаться, — это письмо «на деревню дедушке». Бьет свою жену гробовщик Бронза в рассказе *«Скрипка Ротшильда»,* систематически обворовывает мужиков Дюдя в рассказе *«В овраге»*, и сам становится жертвой своей разбитной и предприимчивой снохи.

В рассказе *«Злоумышленник»* следователь допрашивает и арестовывает крестьянина Дениса Григорьева за то, что тот от-

винчивает гайки с железнодорожного полотна, но полностью игнорирует его показания о крестьянине, который делает неводы и крадет много гаек.

Велико влияние крепостной системы на правовую культуру людей. В рассказе *«За яблочки»* помещик заставил молодую пару, которую он уличил в краже яблок, избивать друг друга. После этого парень и девушка разошлись в разные стороны и больше никогда не встречались.

«Уезжать хотите? — продолжает Камышев. — Что ж, как знаете <…> Не смею удерживать <…> Только вот что странно: как это вы без паспорта поедете? Удивляюсь! <...> Только смотрите, условие: не извольте потом хныкать и письма писать. И пальцем не пошевельну, когда вас мимо в кандалах проведут!»[1], — говорит обезумевший от скуки помещик Камышев гувернеру-французу в рассказе *«На чужбине»*.

Свое хамское поведение помещик объясняет гувернеру следующим образом: «Мало ли кого мы ругаем, так всем и обижаться? Чудак, право! Берите пример вот с Лазаря Исакича, арендатора <…> Я его и так, и этак, и жидом, и пархом, и свинячье ухо из полы делаю, и за пейсы хватаю <…> не обижается же!»[2]. Унижая, Камышев, в свою очередь, и сам готов унизиться перед вышестоящими персонами.

На другом полюсе строгие законники и буквоеды А. П. Чехов испытывает к ним неприязнь. Такой тип показан в рассказе *«Необыкновенный»*. Коллежский асессор Кирьяков не пьет, не курит, разумно экономен, но когда он уходит, всем становится легко и радостно.

В рассказе *«Жена»* богатый помещик камер-юнкер мнит себя столпом закона. Он жалуется во все инстанции, что голодные крестьяне украли у него шесть кулей ржи. Начинается следствие, крестьян сажают в тюрьму, лишая семьи кормильцев. «Голубчик, перемените ваш характер. Тяжело с вами», — говорит ему давний приятель его отца. К счастью, он это сделал. Под влиянием любви к своей жене в его душе произошел нравственный переворот: «Вы камер-юнкер? Нет, вы гадина».

---

[1] *Чехов А. П.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. Москва, 1955. С. 454.

[2] Там же. С. 455.

Судьи и следователи в творчестве А. П. Чехова производят впечатление людей, занятых исключительно житейскими мелочами. Их окружает пошлость. В рассказе *«Шведская спичка»* судебный следователь Чубиков вместе со своим помощником, молодым, горячим, увлеченным своим делом «юношей Дюковским», проводят блестящее расследование якобы совершенного убийства и разыскивают пострадавшего в бане у становихи. Влюбленная в беспутного отставного корнета, она приволокла его к себе. После столь яркого фиаско юноша Дюковский говорит: «Пойду напьюсь».

В то же время А. П. Чехов отмечает, что наступили новые времена. В людях просыпается человеческое достоинство. В рассказе *«Унтер Пришибеев»* главный герой недоумевает, за что судья приговорил его к месяцу тюремного заключения, ведь, по мнению унтера Пришибеева, он делал все, чтобы «порядок был». Однако привычка к самоуправному вмешательству в чужие дела осталась. Выходя из зала суда Пришибеев кричит собравшимся: «Разойдись, народ!, Не толпись!»

В дискуссии о суде присяжных А. П. Чехов выступал его сторонником. В этой связи характерна концовка рассказа *«Драма»*, в котором главный герой — редактор журнала — убивает женщину — автора длинной драмы — пресс-папье: «Присяжные оправдали его».

В письме к редактору газеты «Новое время» А. С. Суворину, оценивая суд присяжных, А. П. Чехов отмечает: «Да, конечно, присяжные люди и могут ошибаться, но что же из этого? Бывает так, что по ошибке подают милостыню сытому вместо голодного. Но сколько ни пишите по этому поводу, ни до чего не допишетесь, а только повредите голодным»[1].

По мнению А. П. Чехова, важнейшим преимуществом суда присяжных является тот факт, что, кроме действующего права, кроме уложений и юридических определений, существует еще нравственное право, которое всегда идет впереди действующего и определяет наши поступки, именно когда мы хотим действовать по совести. Присяжные сознают, что оправдание не есть прощение и что оправдание не освобождает подсудимого от страшного суда на том свете, от суда совести, от суда обществен-

[1] См.: *Чехов А. П.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Москва, 1955. С. 406–407.

ного мнения. Подсудимый является на суд уже измученный тюрьмой и следствием, и на суде переживает он мучительное состояние, так что и оправданный не выходит из суда безнаказанным.

Высокая оценка деятельности суда присяжных А. П. Чеховым подтверждается данными такого признанного и уважаемого правоведа, как А. Ф. Кони. По его оценке, с 1880 по 1895 год было признано виновными во взяточничестве около 30 человек из более миллиона состоявших в комплекте присяжных[1].

В своих рассказах А. П. Чехов призывает быть гуманнее и снисходительнее к чужим проступкам и внимательнее к чужим страданиям. В рассказе *«Стража»* прокурор, отправившийся с женой в дальнее путешествие, сетует: «Сейчас вот за горячей водой послала. Ну, прилично ли прокурору суда с медным чайником ходить? Ведь тут в поезде, небось, свидетели и подсудимые мои едут! Пропал к черту престиж! А это, батенька, впредь мне наука! Чтоб знал, что значит личная свобода! Иной раз увлечешься и, знаете ли, ни за что ни про что человечину под стражу упечешь. Ну теперь я понимаю <…> проникся <…> Понимаю, что значит быть под стражей! Ох как понимаю!»[2]

Новая судебная система, основанная на букве закона, не могла, по мнению А. П. Чехова, решить насущные проблемы людей. Необходимо изменение личности человека, а на это требуется время. Относительно права А. П. Чехов писал: «…дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание. Скажут: а политика? Интересы государства? Но большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много…»[3].

После выхода в свет книги *«Остров Сахалин»*, отдельные главы которой были опубликованы в журнале «Русская мысль», правительство командировало авторитетную комиссию в составе Д. А. Дриля — видного правоведа-криминалиста, А. П. Саломона — начальника главного тюремного управления, которые признали правоту А. П. Чехова относительно тяжелых условий содержания

[1] *Кони А. Ф.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. Москва, 1967. С. 357.
[2] *Чехов А. П.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. Москва, 1955. С. 305.
[3] *Там же.* Т. 12. Москва, 1955. С. 313–314.

заключенных. Они направили министру юстиции Н. В. Муравьеву записку, которая повлияла на Указ от 12 июля 1900 года о реформировании сибирской ссылки[1]. Ссылка была заменена тюремным заключением; ссылка на поселение сохранялась только для каторжников, отбывших свой срок, и за преступления религиозного и государственного характера; административная ссылка стала срочной с возможностью возвращения в европейскую часть России; на крестьянские общества возлагалась обязанность содержать сосланных по их решениям на местах поселения в течение двух лет.

Таким образом, А. П. Чехов не ставил задачу показать некий единственно верный путь реформирования российской судебной системы и повышения правовой культуры общества. Ценность его творчества состоит в том, что он показывает в этом процессе роль человеческого фактора. Проблема в том, что различные злоупотребления и несправедливости совершаются не демоническими личностями, а обычными людьми. В понимании А. П. Чехова улучшение судебной системы России начнется с улучшения человека.

Творчество писателя и его правозащитная деятельность были неразделимы. В своем отношении к осужденным А. П. Чехов исходил из русской народной традиции относится к ним как к несчастным людям. Творчество А. П. Чехова дает нам ключ к пониманию не только пореформенной судебной системы рубежа XIX – XX веков, но и к последующим преобразованиям и изменениям в этой сфере жизни российского общества.

Творчество А. П. Чехова внесло большой вклад в гуманизацию российского права и повышение правовой культуры российского общества. Именно под влиянием демократической общественности, к которой принадлежал писатель, консервативная коррекция 1880–1890-х годов сменилась преобразованиями политического строя России в начале XX века. Правозащитная тенденция в русской культуре, ярким представителем которой был А. П. Чехов, развивается и в наше время.

---

[1] См.: *Пырков И. В.* Чехов и юриспруденция: о некоторых этических и собственно правовых аспектах проблемы // Вестник Саратовской юридической академии. 2017. № 3. С. 13.

УДК 342.951:351.82

Соколов Д. В.,
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России

Реформа законодательства в сфере государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения

В 2003 году указом Президента РФ[1] был начат процесс административной реформы, направленный на ограничение государственного вмешательства в экономику, устранение избыточности государственного регулирования, разделение функций органов, осуществляющих контроль и надзор. Также данным указом была создана Правительственная комиссия по проведению административной реформы[2]. В 2004 году утверждены система и структура федеральных органов исполнительной власти, в число направлений деятельности которых включена функция по контролю и надзору. Следует отметить, что указ Президента России от 9 марта 2004 года № 314 не разделяет понятия «контроль» и «надзор», рассматривая их в целом как осуществление деятельности за соблюдением различными субъектами общеобязательных правил, установленных Конституцией РФ, ФКЗ, ФЗ и другими НПА[3].

[1] О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах : указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824 // СЗ РФ. 2003. № 30, ст. 3046.

[2] О Правительственной комиссии по проведению административной реформы : постановление Правительства РФ от 31 июля 2003 г. № 451 (ред. от 18.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.05.2024).

[3] О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 (ред. от 27.03.2023) // СЗ РФ. 2004. № 11, ст. 945.

© Соколов Д. В., 2024

Дальнейшее развитие административная реформа получила в виде соответствующей концепции, разработанной на период 2006–2010 годов (далее — Концепция)[1]. В качестве одного из предстоящих направлений деятельности в рамках административной реформы предстояло унифицировать и понятийный аппарат, рассматривая, в частности, понятие «контроль» через функциональный аспект деятельности субъектов рынка, аккредитованных в органах исполнительной власти, по проведению испытаний, измерений, экспертиз.

В процессе реализации положений Концепции в декабре 2008 года был принят ФЗ № 294-ФЗ, направленный на защиту прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в процессе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля[2].

В части 4 статьи 1 содержится упоминание федерального государственного контроля и надзора в области безопасности дорожного движения (далее — БДД) как одного из видов надзора; особенности организации и проведения которого могут быть установлены другими ФЗ. На момент принятия ФЗ от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ в другом ФЗ, непосредственно устанавливавшем основы обеспечения БДД на территории всей РФ, — ФЗ от 10 декабря 1998 года № 196-ФЗ, в ст. 30 содержалось лишь краткое упоминание о том, что государственный надзор и контроль в области обеспечения БДД организуется и осуществляется в соответствии с федеральным и региональным законодательством, а среди целей его осуществления также было названо соблюдение правил, стандартов и технических норм и других нормативных документов, имевших отношение к рассматриваемой сфере регулирования[3].

---

[1] О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах : распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р (ред. от 10.03.2009) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.05.2024).

[2] О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // СЗ РФ. 2008, № 52 ч. 1, ст. 6249.

[3] О безопасности дорожного движения : федеральный закон от 10 декабря 1996 г. № 196-ФЗ (ред. от 30.12.2008 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.05.2024).

В статье 15 ФЗ от 18 июля 2011 года № 242-ФЗ содержались важные изменения, затрагивавшие организацию государственного контроля и надзора в области БДД[1]. Изменения коснулись, в частности, и наименования этого вида деятельности и субъектов, его осуществляющих.

С 2011 года ст. 30 ФЗ 10 декабря 1998 года № 196-ФЗ стала именоваться «Федеральный государственный надзор в области безопасности дорожного движения», а полномочия на его осуществление были предоставлены федеральным органам исполнительной власти. Надзор устанавливался в отношении деятельности по эксплуатации автомобильных дорог, транспортных средств, ремонту и техническому обслуживанию транспортных средств. Надзор мог осуществляться в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан-участников дорожного движения. Соблюдение юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями обязательных требований при осуществлении перечисленных видов деятельности становились предметом плановых и внеплановых проверок их деятельности. Термин «контроль» из наименования и содержания статьи был выведен.Дальнейшее развитие надзорной деятельности в области обеспечения БДД происходило в 2013 году, когда было принято соответствующее постановление Правительства РФ, которым устанавливал порядок осуществления надзора[2].

Органом государственной власти, уполномоченным на его осуществление, являлось МВД России и его территориальные органы. В качестве предмета проводимых этими органами проверок называлось соблюдение юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями обязательных требований к строительству, реконструкции, эксплуатационному состоянию и ремонту автомобильных дорог и иных объектов, а также требований к техническому состоянию и конструкции транспортных средств, находящихся в эксплуатации, к осуществлению перевозок пасса-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 242-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4590.

[2] О федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения (вместе с Положением о федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения) : постановление Правительства РФ от 19 августа 2013 г. № 716 // СЗ РФ. 2013. № 34, ст. 4446.

жиров и грузов. Проверялось и соблюдение правил дорожного движения.

Последовавшие изменения в рамках проводимой административной реформы связаны с принятием в 2014 году новой Концепции повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности (далее — Концепция повышения эффективности), среди целей реализации которой были заявлены в том числе оптимизация контрольно-надзорных и разрешительных функций государственных органов власти, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, законных интересов граждан, общества и государства, безопасности и правопорядка через обеспечение эффективности контрольно-надзорной деятельности, усиление защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении соответствующих видов контрольной и надзорной деятельности[1].

Следует отметить, что в тексте рассматриваемой Концепции нашлось место рассмотрению существующей семантической проблеме соотношения понятий «контроль» и «надзор». Понятие контроля рассматривалось как элемент (подфункции) системы управления, направленный на обеспечение достижения поставленной цели посредством применения императивных полномочий по предотвращению неисполнения принятых управленческих решений и обязательных требований[2].

Концепция повышения эффективности также декларировала необходимость разработки и принятия нового закона о государственном контроле и внесения в ФЗ от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ системы оценки рисков потенциальной опасности, которая бы учитывалась при осуществлении планирования мероприятий по контролю.

Внедрение риск-ориентированного подхода при планировании контрольной и надзорной деятельности государственных органов получило отражение в Паспорте приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности», который так-

[1] Концепция повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на 2014–2018 гг.: утв. Председателем Правительства Российской Федерации 19 июня 2014 года № 3853п-П16 // URL: http://gos.hse.ru/upload/Libv/conception.pdf (дата обращения: 20.05.2024).

[2] См.: там же.

же предполагал введение форм проверочных листов при осуществлении соответствующих видов контроля и надзора, а также широкому внедрению системы мер профилактики рисков[1].

По образному выражению Ю. Ш. Никоновой, новая система профилактики представляет собой «…идейное направление, способное изменить мотивацию и мировоззрение должностных лиц контрольно-надзорных органов, переориентировав их на отход от палочной системы и на оказание максимальной помощи подконтрольным субъектам в их деятельности»[2]. По мнению Ю. А. Браташовой, сам же риск-ориентированный подходспособствует улучшению контрольно-надзорной деятельности, позволяя «…вычислить потенциальных нарушителей, которые представляют собой действительную угрозу охраняемых ценностей, и именно в этом конкретном направлении использовать необходимые ресурсы»[3].

В положение о федеральном государственном надзоре о безопасности дорожного движения постановлением Правительства РФ от 17 февраля 2018 года № 172 были внесены соответствующие изменения, касавшиеся установления периодичности проверок в зависимости от категории риска, исходящей от деятельности субъекта надзора[4]. Отметим, что термин «субъект надзора» также вводился этим нормативным актом вместо ранее использовавшегося сочетания «юридические лица и индивидуальные предприниматели». Последующие изменения в сфере надзорной деятельности государственных органов были связаны с принятием ФЗ от 31июля 2020 года № 248-ФЗ[5], который уста-

[1] Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» : приложение к протоколу президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 декабря 2016 г. № 12 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.05.2024).

[2] *Никонова Ю. Ш.* Процессуальная форма государственного контроля (надзора) // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10. С. 52–59.

[3] *Браташова Ю. А.* Проблемы совершенствования системы государственного контроля в современных условиях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 11. С. 28–34.

[4] О внесении изменений в Положение о федеральном государственном надзоре в области безопасности дорожного движения : постановление Правительства РФ от 17 февраля 2018 г. № 172 // СЗ РФ. 2018. № 9, ст. 1401.

[5] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31, ч. 1, ст. 5007.

новил новый порядок осуществления государственного контроля и надзора в РФ. Данный закон так и не устранил имеющуюся проблему терминологического характера, поскольку в тексте закона контроль и надзор указываются как понятия зачастую синонимичные и указываются вместе, при этом слово «надзор» пишется в скобках после слова «контроль». На наш взгляд, это создает, затруднения в определении содержания соответствующих видов деятельности государственных и муниципальных органов.

Отметим, что в 2020–2021 годах надзорная деятельность в области обеспечения БДД претерпела важные изменения. Во-первых, в п. 5 ч. 4 ст. 2 ФЗ от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ было установлено, что его положения не применяются к надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ о БДД. Во-вторых, ФЗ от 11 июня 2021 года № 170-ФЗ изложил ст. 30 ФЗ «О безопасности дорожного движения» в новой редакции, куда был возвращен термин «контроль»[1]. С этого момента по настоящее время соответствующий вид государственно-властной деятельности, осуществляемой уполномоченными субъектами, включает в себя два компонента: федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения и надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ о безопасности дорожного движения.

В части 3 статьи 30 ФЗ от 10 декабря 1996 года установлен перечень общественных отношений, составляющий предмет федерального государственного контроля (надзора) в области БДД, который был существенно расширен и конкретизирован относительно ранее существовавшего перечня, в частности, в него была включена деятельность операторов технического осмотра, изготовителей государственных регистрационных знаков, организаций, участвующих в регистрации транспортных средств.

Конкретизация содержания федерального государственного контроля (надзора) в области БДД произошла после принятия соответствующего постановления Правительства РФ от 30 июня 2021 года № 1101, которое установило перечень органов исполни-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» : федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 24, ч. 1, ст. 4188.

тельной власти, его осуществляющих, перечни уполномоченных должностных лиц, перечни, последовательность и результаты проведения контрольных (надзорных) мероприятий и действий[1].

Новшеством относительно ранее существовавшего порядка осуществления контрольных и надзорных мероприятий стало включение в положение о рассматриваемом виде государственного контроля (надзора) особого режима контроля (надзора), предусмотренного ст. 97.1 ФЗ от 31 июля 2020 года № 348-ФЗ, режима постоянного рейда. Однако, как отмечают К. С. Баканов, С. Н. Антонов, М. М. Исаев, режим постоянного рейда имеет ограниченный перечень мер реагирования на нарушение обязательных требований контролируемыми лицами, что несколько сужает его применение[2]. Значимым, на наш взгляд, является включение в постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 года № 1101 большого количества мероприятий, которые конкретизируют и упорядочивают работу государственных органов по профилактике нарушений обязательных требований.

В текущих условиях весь потенциал контрольных и надзорных полномочий, предоставленных, в частности, МВД России в рамках осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области БДД, не может быть реализован, поскольку в силу объективных причин Правительством РФ введены существенные ограничения на его осуществление, связанные с запретом проведения плановых мероприятий контроля (надзора)[3].

В таких условиях, как нам кажется, одной из возможных форм оценки соблюдения обязательных требований контролируемыми лицами будет использование возможностей режима постоянного рейда, однако с оговорками, поскольку эта процедура в настоящее время не имеет достаточно подробной регламентации.

---

[1] Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 года № 1101 // СЗ РФ. 2021. № 28, ч. 2, ст. 5531.

[2] См.: *Баканов К. С., Антонов С. Н., Исаев М. М.* Реформа законодательства о контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения в части дорожного надзора // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1. С. 47.

[3] Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 года № 336 (ред. от 23.05.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.06.2024).

УДК 351

Тихонова Е. Н.,
старший преподаватель кафедры управления Нижегородской академии МВД России

Проблемы реформирования законодательства о служебных проверках в органах внутренних дел

Регулярные сообщения в средствах массовой информации о привлеченных к различного рода ответственности сотрудниках органов внутренних дел, статистические данные о количестве проводимых в отношении них служебных проверок свидетельствуют о том, что борьба с нарушениями требований служебной дисциплины и законности сотрудниками ОВД РФ продолжает оставаться актуальной проблемой. К служебному поведению сотрудников ОВД в настоящее время в сравнении с предшествующими годами (существованием милиции в период 2000–2011 гг.) стали предъявляться ужесточенные требования.

«Дисциплина и законность в органах внутренних дел занимает главенствующее место в определении современной кадровой политики, что вызвано, в первую очередь, необходимостью формирования положительного и устойчивого имиджа сотрудника органа внутренних дел. Соблюдение этих двух постулатов сотрудниками органов внутренних дел создает представление общества о социальных приоритетах, о соотношении власти и свободы, равенства и справедливости, социальной государственности и оптимальных моделях государственного управления»[1].

Для подтверждения наличия или отсутствия проступка должностного лица и иных сопутствующих факторов (вина, смягчающие и отягчающие обстоятельства и пр.) законодательством предусмотрена процедура проведения служебной проверки. Кроме того, институт служебной проверки является обосно-

[1] *Боуш К. С.* Проведение служебных проверок при увольнении со службы в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с грубым нарушением служебной дисциплины // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. № 1 (8). С. 55.

© Тихонова Е. Н., 2024

ванной и логичной мерой реагирования на нарушение законности, одним из мощных рычагов воздействия руководителей на подчиненный личный состав.

Служебная проверка представляет собой «…комплекс действий должностных лиц, уполномоченных на ее проведение, направленных на полное, всестороннее, объективное исследование обстоятельств, имевших место, с внесением предложений об ответственности виновных либо прекращении проверки за отсутствием признаков нарушения, а также осуществление профилактических мер с устранением причин и условий, им способствующих»[1].

Действующий порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России сложно назвать совершенным с учетом показателя количества случаев обжалования сотрудниками заключений таких проверок и, соответственно, тех правовых последствий, которые влечет удовлетворение жалоб.

Анализ судебных решений по категории «трудовые споры», где истцами — бывшими сотрудниками ОВД РФ — обжаловались приказы о привлечении их к дисциплинарной ответственности по результатам проводимых служебных проверок, показал, что одной из основных причин удовлетворения заявленного иска явилось нарушение процедуры их проведения.

В содержание приказа МВД России от 26 марта 2013 года № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» (далее — Приказ № 161)[2] с 2013 года неоднократно вносились изменения, на сегодняшний день приказ имеет семь редакций.

Изменения, которые были внесены в Приказ № 161 в 2021 году, коснулись проведения служебных проверок в отношении сотрудников подразделения собственной безопасности ОВД РФ. Кроме того, были учтены последствия перехода

[1] *Сухинин А. В.* Служебная проверка в органах внутренних дел : учебное пособие. Москва. 1997. С. 19.

[2] Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 (ред. от 12.11.2018) // Российская газета. 2013. 14 июня.

МВД России на систему электронного документооборота, что потребовало необходимость установления правил оформления резолюции на том электронном документе, который служит основанием для проведения проверки[1].

Одним из существенных изменений, в сравнении с первой редакцией Приказа № 161, является возможность увеличения в необходимых случаях сроков проведения служебной проверки еще на 30 дней, а всего максимально — до 60 дней.

Данное положение позволило снизить нагрузку конкретных исполнителей служебной проверки, давая им время и возможность на точное установление обстоятельств произошедшего, поскольку в спешке как раз и можно совершить множество ошибок. С учетом того, что граждане стали более активно выражать свою юридическую позицию относительно принимаемых решений сотрудниками правоохранительных органов, количество проводимых служебных проверок на основании их обращений и в целом существенно возросло.

Руководителю, имеющему право на продление сроков, несомненно, следует помнить об их разумности с учетом характера проступка с целью исключения злоупотребления полученным правом исполнителем. Отметим, что не допускается продление либо приостановление сроков проведения служебной проверки, если проверяемым является федеральный государственный гражданский служащий системы МВД России[2].

Кроме того, в сентябре 2015 года появился значимый п. 38.1 Приказа № 161, регламентирующий отсутствие необходимости согласования проекта подготовленного заключения с кадровым подразделением в случае отсутствия предложений о применении к сотрудникам мер воздействия. Полагаем, что это новшество имело целью снизить нагрузку на кадровое подразделение, одна-

[1] О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России по вопросам кадрового обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 12 ноября 2018 г. № 759 (ред. от 31.03.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. Дата публикации: 05.12.2018.

[2] Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в отношении федеральных государственных гражданских служащих системы МВД России : приказ МВД России от 25 декабря 2015 г. № 1230 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 13.

ко правоприменители до настоящего времени подстраховываются позицией сотрудника кадрового подразделения в части выводов заключения.

В отсутствие уточнения в Приказе № 161 того, с кем именно необходимо согласование (руководителем или сотрудником кадрового подразделения), в территориальных органах практика складывается по-разному. Так, например, в ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области сложилась практика, которая предполагает наличие исключительного права согласования проекта заключения только у начальника отдела по работе с личным составом, тогда как в УМВД России по г. Нижнему Новгороду возможно согласование и с инспектором кадрового подразделения.

На наш взгляд, данный пробел возможно и необходимо устранить путем внесения изменений: характеризуемое право следует возложить на руководителя кадрового подразделения.

Пункт 30.9. Приказа № 161 регламентирует обязанность сотрудника (председателя и членов комиссии), проводящего служебную проверку, составить в установленном порядке соответствующий акт. Подготовленный акт подписывают не менее чем три сотрудника в том случае, если по истечении двух рабочих дней сотрудник, в отношении которого проводится служебная проверка, не представил свое объяснение в письменном виде. Аналогичный порядок установлен также в случае отказа сотрудника от дачи письменных объяснений. Больше в тексте Приказа № 161 акт проверки не упоминается.

Полагаем возможным дополнить Приказ № 161 приложением 2, предусматривающим рекомендуемый образец акта, а текст приказа — требованиями к сотрудникам, его подписывающим.

Если служебная проверка проводилась комиссией, то в акте должны быть подписи всех ее членов. Если проверка проводилась единолично, то следует предусмотреть необходимость подписания акта непосредственным руководителем сотрудника, в отношении которого проводилась служебная проверка. Третьим же лицом может быть незаинтересованное лицо, например, сотрудник из иного подразделения. К примеру, приказом МВД России от 25 декабря 2015 года № 1230 «Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в отношении федеральных го-

сударственных гражданских служащих системы МВД России» утвержден рекомендованный образец аналогичного акта.

В Приказе № 161 нет четкого указания на дату, от которой должны отсчитываться два рабочих дня, данные сотруднику, в отношении которого проводится служебная проверка, для подготовки и представления в письменном виде необходимых объяснений. Очевидно, что отправной момент должен быть оформлен в письменном виде с целью исключения возможных конфликтов и причин обжалований порядка проведения служебной проверки. Действующая практика складывается так, что отсчет срока ведется с момента письменного уведомления сотрудника о дате и основаниях назначения служебной проверки. Именно в характеризуемом уведомлении указывается и разъясняется обязанность лица, чья деятельность проверяется, предоставить объяснение.

Следует согласиться с мнением специалистов о том, что «…даже в случае, когда служебная проверка проводится по факту нарушения сотрудником служебной дисциплины, она должна рассматриваться со стороны соответствующих руководителей не как исключительно репрессивный инструмент, а как правовое средство, направленное на установление объективной истины»[1].

Таким образом, основные направления реформирования законодательства о служебных проверках в органах внутренних дел связаны с упорядочением проведения служебных проверок в органах, организациях и подразделениях МВД России в целях недопущения злоупотребления правом назначения таких проверок руководителем. Компетентность лиц, их проводящих, позволит снизить нагрузку на подразделения (что весьма ощутимо с учетом действующего некомплекта), уменьшить количество обжалуемых решений в судах, будет способствовать укреплению служебной дисциплины и законности в правоохранительной системе МВД России.

[1] *Кулик О. В.* Особенности проведения служебных проверок в органах внутренних дел Российской Федерации и их значение для обеспечения служебной дисциплины: вопросы правовой теории и юридической практики // Научный портал МВД России. 2018. № 2 (42). С. 110–120.

УДК 340

Трофимов В. В.,
доктор юридических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований; профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Развитие формата правового сотворчества в рамках правотворческой деятельности современного государства как вектор его правового реформирования*

По нашему мнению, реформирование чего-либо вообще и правовое реформирование в частности, — это целенаправленный и осмысленный процесс преобразования какого-либо явления (объекта реформирования) с намерением его улучшения, усовершенствования либо (если, к примеру, улучшение и усовершенствование объективно невозможны) в крайнем случае, — приведения в соответствие с требованиями времени (что также может рассматриваться как одна из рациональных мотиваций проводимого реформирования, так как осмысленное реформирование в целях ухудшения чего-либо вряд ли имеет смысл и может считаться резонным и логически допустимым). Задача это всегда не такая простая, как может показаться на первый взгляд, и, как правило, решаемая серьезными усилиями не только государственного аппарата, но и всего общества, иногда сопровождаемая серьезными лишениями, испытаниями для последнего, а зачастую и жертвами (реформы Петра I, Екатерины II, Александра II, Николая II (связанные с именами С. Ю. Витте, П. А. Столыпина), революционные реформы в связи с переходом к советской общественно-политической системе, реформы времен перестройки и гласности и др.).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, https://rscf.ru/project/24-28-00271/.

© Трофимов В. В., 2024

Политические, экономические, социальные и другие реформы по общему правилу сопровождаются реформами правовыми, реже — наоборот, хотя, если задуматься, своевременное правовое реформирование способно обеспечить и более поступательное социально-экономическое, политическое и иное развитие.

Таким в каком-то смысле опережающим правовым реформированием можно назвать российскую конституционную реформу 2020 года, связанную с публичным всенародным обсуждением проектов конституционных поправок и их одобрением в ходе всенародного голосования 1 июля 2020 года (поправки были одобрены 77,92 % проголосовавших при явке в 67,97 %), в связи с чем была принята обновленная Конституция Российской Федерации[1].

Поправки самые разные, касающиеся политической системы страны, экономики, социальной сферы, непосредственно правового развития и пр. Есть поправки не самые обязательные и где-то лукавые (например, переименование членов Совета Федерации в сенаторов (ст. 95 Конституции РФ), что при отсутствии Сената кажется несколько искусственным и не вполне значимым с точки зрения собственно профессиональных задач данного органа государственной власти в Российской Федерации; почему-то члены Общественной палаты[2], члены общественных организаций (объединений)[3] продолжают оставаться допустимым лексическим конструктом, а словосочетание «члены Совета Федерации» оказалось резонирующим и требующим перемены в наименовании — действие в правотворчестве, для которого должны быть также достаточно веские, очевидные и аргументированные основания), но есть поправки, на наш взгляд, и довольно важные, ненавязчиво, но вместе с тем целенаправленно обеспечивающие принципиальные предпосылки для поступательного цивилизованного развития РФ.

---

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[2] Об Общественной палате Российской Федерации : федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (ст. 7 «Член Общественной палаты») // СЗ РФ. 2005. № 15, ст. 1277.

[3] Об общественных объединениях : федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ст. 6 «Учредители, члены и участники общественного объединения») // СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1930.

Как представляется, к их числу, может быть, не самых заметных, но очень значимых, можно отнести дополнения к ст. 75 в виде ст. 75.1 Конституции РФ: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

При всей патетичности и пафосности звучащих здесь деклараций этот фрагмент конституционного акта без всяких преувеличений можно считать стержневым в плане выражения им тех идейных скреп, на которых может удерживаться социально-политическая система страны и которыми может определяться формирование и развитие всех значимых элементов российской государственности.

Одним из таких базовых элементов, посредством которого в первую очередь необходимо проводить энергию доверия государства и общества, партнерства и солидарности, следует считать ядро правовой системы государства — право и созидающее его правотворчество. Последнее, думается, как социально-правовая институция давно нуждается в неком самообновлении и выведении на некий новый уровень идейного существования и практического осуществления. Принципиальные основания, которые мы видим в тексте ст. 75.1 Конституции РФ, в каком-то смысле и должны для правотворчества выступать катализатором нового социально-властного синтеза, где государство и общество будут не на разных сторонах и берегах социально-политического и политико-правового процесса, а, образно скажем, находиться и плыть в одной лодке, совместно участвуя (сотрудничая) в приведении ее в движение.

Формой такого сотрудничества власти общества в правотворческой сфере (причем высшей формой социально-властного сотрудничества) следует считать **правовое сотворчество**. Правовое сотворчество в самом общем виде есть некая интеграция общественных и государственных сил для решения совместных дел посредством созидаемой правовой формы.

Согласно нашей рабочей дефиниции под *правовым сотворчеством следует понимать процесс совместного деятельност-*

ного солидарного взаимодействия государственных и общественных институтов (в виде сотрудничества) различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)[1].

Несмотря на различные проблемы в государстве (его правовой системе) и препятствия к росту, ресурсы для оптимального государственно-правового развития все же есть, и связаны они (эти внутренние ресурсы развития) прежде всего с теми здоровыми силами в обществе, которые способны своей пассионарностью и разумностью, культурой и образованностью обеспечить приток в государственно-правовые формы новой созидательной энергии, встав на платформу сотрудничества с государством (официальной публичной властью) в деле решения общих для всех проблем. В этом плане мы говорим, прежде всего, о необходимости развития и расширения каналов коммуникации между различными субъектами политики и права с целью поиска оптимальных форм для реализации прав и законных интересов, с целью продвижения различных идей, инициатив, достижения консенсуса по различным государственно-правовым вопросам.

Как представляется, определяющими дальнейший вектор правового развития должны быть более активные взаимоотношения между субъектами публичной власти и гражданского общества, направленные на совместное создание права. Именно совместные творческие продукты в виде законов смогут необходимым образом положительно влиять на государственно-правовую жизнь, обеспечивать ее стабильное развитие, поскольку в этих правотворческих результатах получат отражение реальные (а не придуманные в кабинетах чиновников и законодателей) правообразующие социальные интересы. Публичная власть и гражданское общество выступят здесь естественными союзниками и партнерами ради укрепления государства в направлении сохранения внутри него (государства) социального мира и согласия,

[1] См.: *Трофимов В. В., Свиридов В. В.* Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 109.

столь важных и ценных сегодня, в условиях острой турбулентности глобальной системы.

Следует отметить, что представители законодательной ветви власти в России также указывают на необходимость и важность процессов правового сотворчества, их обеспечения и развития. Например, С. Е. Нарышкин, будучи председателем нижней палаты парламента — Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VI созыва, в выступлении подчеркивал, что «…мы должны приложить максимум усилий, чтобы миф о непрофессионализме парламента был развеян. Уважаемые коллеги, еще раз хочу подчеркнуть, что компетентность, сотворчество и постоянный диалог с гражданским обществом — вот главные критерии самостоятельности парламента. Одновременно это и слагаемые деловой репутации — нашей деловой репутации и деловой репутации и престижа Государственной Думы»[1].

Схожей точки зрения придерживается российский политик и ученый В. Н. Плигин, отмечая, что «…если общество станет соавтором законов, это обеспечит общее признание этих законов, то есть легитимизирует закон, сделает его воспринимаемым, поэтому общество должно находить разного рода механизмы участия в этом — проводить обсуждение на разного рода форумах, экспертных советах»[2].

О необходимости диалога с гражданским обществом также говорит действующий председатель Государственной Думы РФ В. В. Володин, подчеркивая, что «…диалог с гражданским обществом, деловыми и профессиональными союзами — основа для того, чтобы вырабатывались наиболее эффективные решения. А наше взаимодействие с Советом Федерации позволяет нам принимать их выверенными»[3].

---

[1] *Нарышкин С. Е.* Выступление на заседании Государственной Думы 14 марта 2012 года // Выступления, статьи и интервью Председателя Государственной Думы и руководителей фракций в Государственной Думе в период весенней и осенней сессий 2012 года. Москва, 2012. С. 8.

[2] *Плигин В. Н.* Интервью изданию «Российская газета» (Неделя) в рубрике «Юридическая неделя» // Российская газета (Неделя). 2014. 6–12 марта. С. 26.

[3] *Шульга О. В.* Володин: Кабмин и Госдума должны обеспечить открытый диалог с гражданским обществом // Парламентская газета : электронное периодическое издание. 2022. 7 апреля. — URL: https://www.pnp.ru/politics/volodin-kabmin-i-gosduma-dolzhny-obespechit-otkrytyy-dialog-s-grazhdanskim-bshhestvom.html (дата обращения: 09.04.2024).

Данные высказывания свидетельствуют о том, что активизация социально-властного сотрудничества, в том числе в рамках совместного творчества публичной власти и общества в процессах формирования права, способствует не только повышению качества и эффективности правотворческих результатов, но и укрепляет доверие к государству, в частности его высшему органу законодательной власти — российскому парламенту как самому близкому (за счет избирательных механизмов, при помощи которых можно оказывать влияние на власть) к обществу институту публичной власти.

Именно посредством совместного творчества власти и общества можно достигать подлинного сведения интересов к единому согласованному результату, создавать что-то новое, сопричастность к которому и в то же время ответственность за содеянное будут чувствовать все участники этого процесса. Это подмечается не только отечественными[1], но и зарубежными исследователями. Так, К. Анселл, Е. Соренсен и Дж. Торфинг, анализируя проблему демократического качества сотворчества, указывают на растущий интерес к совместному творчеству как к инструменту мобилизации общественных ресурсов, активизации творческого решения проблем и формирования широкой ответственности за общественные решения[2]. Другими исследователями отмечается необходимость равноправного партнерства власти и общества, доверия к народным инициативам (снизу) и поощрения таких инициатив сверху[3].

Явление социально-властного сотворчества публичной власти и гражданского общества в правотворческой плоскости — это положительный компонент современной государственно-правовой жизни. Это тот вектор, по направлению которого можно и должно реформировать систему правотворчества и политико-правовую систему государства в целом. Почему это может

---

[1] См., например: *Гриб В. В.* Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук Москва, 2011.

[2] См.: *Ansell C.*, *Sorensen E.*, *Torfing J.* The democratic quality of co-creation // A theoretical exploration. Public Policy and Administration. 2024. No 39 (2). Pp. 149–170.

[3] См.: *Walker P.*, *Shannon P.* Participatory governance: towards a strategic model // Community Development Journal. 2011. Vol. 46. No 2. Pp. 63–82.

быть важно и практически значимо, постараемся также объяснить следующими основаниями (аргументами).

Во-первых, правотворческая активность есть то, с чего начинается по большому счету государственно-правовая жизнь, так как без внятных (четко формально определенных) нормативных правовых установлений не смогут возникнуть никакие правовые последствия, никакие правовые отношения с перспективой некоего более или менее позитивного результирования для их участников не смогут прийти в динамику и осуществляться в течение правового времени, поэтому уже на этом уровне необходимо закладывать положительные (солидарные) основания государственно-правового развития, и именно на этом уровне, разрабатывая, обсуждая и принимая законы, демонстрировать пример социально-властной солидарности и согласия.

Во-вторых, для государственно-правовой жизни намного ценнее не всякая правотворческая активность (поскольку порой таковая может порождать и воспроизводить совсем не те нормативные стандарты, которые ожидаемы как системой государственного управления, так и обществом), а та правотворческая активность, которая приводит к качественным и социально легитимным правовым результатам (эффективным правотворческим решениям). Такие решения в сфере правосозидания, на наш взгляд, способны генерироваться только при условии конструктивного и деятельностного взаимодействия (диалога) управляющих (государство) и управляемых (общество), того взаимодействия, которое обеспечивает взаимообмен информационными продуктами (сигналами, активностями, смыслами, знаниями).

В-третьих, сотворчество как инструмент государственно-правовой жизни, ее ресурс для самообновления, имеет незаменимый потенциал синергии разных энергетических источников (с одной стороны — от официальной власти, с другой стороны — от гражданского общества), солидаризации усилий разных субъектов государственно-правовой жизни во благо общего дела, на идейной константе которого только и может строиться современное государство как достояние всего народа (республика).

В-четвертых, правовое сотворчество власти и общества на платформе правотворчества (в рамках правотворческой деятельности государства) — это область (сфера) для выработки и проявления новаторских подходов, технологий и форм правосозида-

тельной активности, здесь способен вырабатываться особый позитивно-креативный коммуникативный эффект, что обеспечит не только дополнительный интерес участия граждан в правотворческой деятельности, но и в целом заинтересованность в системе властной деятельности в государстве, заинтересованность в управлении делами государства.

В-пятых, проблемы восприятия (социализация) права и его активного использования, а также движения общества к состоянию уважения к праву (с минимальными проявлениями правового нигилизма), которые стоят сегодня довольно остро в нашей сложной и нестабильной государственно-правовой жизни, смогут как процессы осуществляться в государственной и социально-правовой действительности и как проблемные вопросы быть решены на практике лишь при условии деятельного участия в правотворчестве самих граждан, в рамках и на платформе того, что нами обозначается как **правовое сотворчество** (и при условии, что их «глас» властью будет услышан).

Вышеприведенные научно-полемические точки зрения, аргументы и рассмотренные доктринальные основания вопросов развития современной политико-правовой реальности в связи с интеграцией усилий публичной власти и гражданского общества (феноменом их правового сотворчества) указывают на потребность активизации процессов коммуникации и правового сотворчества власти и общества в рамках правотворческой деятельности современного государства, с чем вполне осязаемо могут быть связаны перспективы его демократического и цивилизованного развития. И с этим сотворческим ресурсом должно все активнее и плотнее связываться государственно-правовое реформирование, в рамках которого должно не только «что-то» меняться (желательно к лучшему), но и происходить с пониманием того, как и на какой основе происходят перемены (при отсутствии диалога с обществом или в рамках такого диалога и с использованием инструментов правового сотворчества). Сотворческий вектор государственно-правового реформирования здесь кажется намного более продуктивным.

УДК 34.09

Феднева Н. Л.,
кандидат исторических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России; доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К вопросу об историографии проблемы влияния правовой культуры реформаторов на эффективность реформ полиции Российской империи

Проблема зависимости результатов правовых и политических реформ от уровня правовой культуры осуществлявших их субъектов периодически заявляла о себе на переломных этапах российской истории. Когда интерес общественности к разработке моделей дальнейшего развития государства переходил в практическую плоскость, резонансные идейные столкновения либеральных и консервативных подходов неизбежно сопровождали все изменения как в государственных структурах, так и в расстановке приоритетов внутриполитического курса. Правовая культура, отражающая *общий уровень* развития гражданского общества и возможности нивелирования противоречий, играла в разработке проектов реформ определенную, достаточно важную, но не решающую роль. Со времени Петра Великого, когда в России начали зарождаться светская правовая культура и общественное мнение, реформаторы обращались к понятиям и категориям, впервые обретшим содержание на Западе, что вызывало неприятие со стороны отечественных хранителей старины, ориентированных на неизменность институтов и ценностей. Экскурс в историю показывает, что антагонизм между идейными противниками, преодолеть который гражданской общественности не представлялось возможным, на практике разрешался лицами, имевшими соответствующий административный или властный ресурс, чье мнение в конечном счете и становилось определяющим.

© Феднева Н. Л., 2024

Реформы полиции в этом отношении являются достаточно показательными. Они во все периоды истории отличаются институциональным характером, поскольку вызывают изменения во многих социальных институтах, их реализация затрагивает интересы всех членов общества. Однако разработка реформ полиции ведется узким кругом специалистов-профессионалов, преимущественно представляющих правящую элиту, за исключением периодов революционных сломов, когда социальное управление стихийно меняется и на смену властным структурам приходит анархия. Необходимость учета того факта, что полиция является системой поддержания общественного порядка и противодействия социальной энтропии на основе одобренных законом норм, системой, которая вместе с тем должна гибко реагировать на назревшие необходимые изменения, требует от идеологов, разработчиков и исполнителей полицейских реформ высшей степени нравственной ответственности, глубины правовых знаний и практического опыта.

Целью данной статьи является анализ историко-правовых и исторических исследований, в которых нашли отражение различные аспекты влияния правовой культуры отечественной правящей и административной элиты на разработку, принятие и реализацию проектов реформирования полиции Российской империи. Представляется, что изучение накопленного исторической наукой материала в этом аспекте будет способствовать выявлению особенностей и тенденций процессов реорганизации полицейского управления и повышению их эффективности.

Первый этап развития историографии истории полиции (1718–1861) характерен тем, что разработка проектов реформ и их реализация, как правило, не становились отдельным предметом рассмотрения историков и последующей публичной оценки. Проекты реформ полиции с момента ее образования создавались в узком кругу высших чиновников и одобрялись первыми лицами государства — Петром I, Екатериной II, Павлом I, Александром I. Изменения в моделях полицейских структур проходили в результате принятия решений высшей властью, которая на тот момент не ощущала потребности в исследованиях историков и их рекомендациях. Характерна в этом смысле ситуация с выделением Министерства полиции из МВД в 1811 году, когда первый

в империи историограф Н. М. Карамзин дал категоричную отрицательную оценку полицейской реформы М. М. Сперанского[1]. Его мнение было известно в узких кругах представителей консервативной мысли, однако публикация «Записки» Карамзина была запрещена как в императорской, так и в советской России. Отставка Сперанского была осуществлена Александром I публично и символически. Она ознаменовала отказ от реформ как изменение того политического курса, который отождествлялся в общественном мнении с французским влиянием. Сам Сперанский и его сторонники восприняли отставку как приговор неэффективности проводимого им курса. В дальнейшем Сперанский отказался от попыток внесения структурных изменений в государственное управление и сосредоточился на кодификации законодательства. «Падение Сперанского» пресекло или умерило реформаторские устремления российской рациональной бюрократии, в том числе и в сфере полицейского управления, почти на полстолетия. Между тем созданное в ходе реформы Министерство полиции, лишенное своего идеолога, сыграло положительную роль в консолидации сил общества в борьбе против нашествия Наполеона, хотя и просуществовало недолго.

Работы, вышедшие до 1861 года, в которых затрагивались или рассматривались вопросы организации управления и поддержания порядка в Российской империи, относительно немногочисленны. Наиболее известными из них стали сочинения Н. Рождественского и К. А. Неволина[2]. Оба автора, хотя и в разной степени, были причастны к исторической школе, зародившейся в рамках II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии во время подготовки Полного собрания законов Российской империи под руководством М. М. Сперанского. Предметом изучения этой школы являлось российское законодательство, воспринимаемое как целостная, исторически сложившаяся и неизменная система. Цель изучения, заданная Николаем I

[1] См.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. Москва, 1991.

[2] См.: *Рождественский Н.* Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам. Санкт-Петербург, 1840; *Неволин К. А.* Энциклопедия законоведения: введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части // *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. Санкт-Петербург, 1857.

и в основном достигнутая благодаря руководству отказавшегося от реформаторских амбиций М. М. Сперанского, — обоснование и проведение реформирования законов таким образом, чтобы неизбежные нововведения обеспечили стабильность, не вызывая активной реакции общественного мнения, не изменяя подданнический характер правовой и политической культуры.

В рамках наметившейся официальной охранительной парадигмы была написана кандидатская диссертация Н. Рождественского, изданная затем как монография. В ней впервые в России предметом специального изучения было заявлено «государственное благоустройство по российским законам». Государственное благоустройство, по представлениям автора, должно было осуществляться посредством полицейского управления на основе благочиния, то есть полицейского законодательства. Основное влияние, по мнению Н. Рождественского, правительство оказывает на благоустройство посредством «положительных постановлений»[1]. Науку государственного благоустройства, сведенную к анализу законодательства, Рождественский предложил считать самостоятельной и позиционировал ее в ряду «философско-историческо-политических наук». Рождественский придерживался того понимания определения полиции, которое было дано в Регламенте Главного магистрата 1722 года[2]. Это было толкование

[1] *Рождественский Н.* Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам. Санкт-Петербург, 1840; *Неволин К. А.* Энциклопедия законоведения: введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части // *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. Санкт-Петербург, 1857.

[2] Полиция «…споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравоучении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем потребном к жизне человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах, и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям божьим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкраце ж над всеми сим полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности» (ПСЗРИ). Собрание первое. Санкт-Петербург, 1832. Т. 6. № 3708.

понятия полиции в широком смысле слова, и оно совпадало с общеевропейскими подходами, выработанными в XVII–XVIII веках. Каждой главе своей работы автор предпосылает краткие историографические введения с разбором сильных и слабых сторон работ зарубежных авторов — И. Г. Г. Юсти, Н. Деламара, И. Зонненфельса.

Отличительной чертой работы стало стремление Рождественского обосновать посредством трактовки законодательства необходимость предоставления больших возможностей частной инициативе, больших гарантий частных прав, в чем заметно влияние идей немецкого полицеиста Р. фон Моля. При этом в исследовании Рождественского, предмет которого ограничивался неизменным законодательством, не было места анализу возможных изменений в деятельности полиции и реформ полицейских структур. Механизмы реализации законодательства им также не рассматривались.

Шагом вперед на пути к изучению законодательства, в том числе полицейского, с учетом его возможной эволюции стала работа К. А. Неволина «Энциклопедия права». Влияние охранительных тенденций в ней сохранялось, однако по охвату проблем теории, истории, отраслевого деления права она превосходила предшествующие труды. В ней была впервые предложена и реализована методология изучения *изменений законодательства*. Исходя из идеи постепенного развития общества, автор обосновывал идею о том, что *эволюция законодательства* должна отражать это поступательное развитие[1]. Законы возникают из закрепления обычаев, складывающихся путем бессознательной деятельности, и поддерживаемых с помощью символов и постоянного повторения. По мере развития сознания происходит дифференциация видов деятельности, человеческие отношения усложняются, возникает специализация, что фиксируется в законодательстве, которое становится более обширным и превращается в достояние юристов-«законоведцев»[2]: «Законоведцы, возводя

[1] См.: *Рождественский Н.* Основания государственного благоустройства, с применением к российским законам. Санкт-Петербург, 1840; *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. Санкт-Петербург, 1857. С. 66.

[2] См.: *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург, 1857. Т. 1. С. 66, 48.

в сознание народа постановления, образовавшиеся путем обычая или путем закона, собирая и излагая их в порядке, более или менее правильном, объясняя, дополняя их, исследуя их причины, указывая средства к их улучшению, участвуют в образовании законодательства теоретически и практически»[1]. Таким образом, Неволин обосновал *роль профессиональных юристов как субъектов совершенствования законодательства*, что можно считать определенной заслугой в преодолении охранительной тенденции.

Неволин также предложил свой подход к критериям классификации законов, которые активно дискутировались в России и Европе. По существу, проблема классификации законов отражала назревшую, обозначенную вектором политического развития индустриальных обществ потребность в институализации отраслей права и выстраивании их иерархии. При этом спор о видовой принадлежности законов, регулирующих государственное благоустройство и благочиние, развертывался в плоскости определения степени вмешательства государства в дела общества. Позиция Неволина в связи с этим показательна: он относит законы благочиния к законам государственным, подчеркивает их публично-правовой характер[2]. Как отмечает Неволин, наряду с уголовными законами, законы благочиния «охраняют союз государственный и гражданский и права, от них возникающие, мерами общего государственного порядка». Но законы государственного благоустройства Неволин относит к законам гражданским («законам о правах гражданских особенных»), то есть частноправовым, предостерегая государство от тотального вмешательства в жизнь общества[3]. Он подчеркивает неразрывную связь между законами благочиния и благоустройства, а также связь этих законов с законами уголовными и другими, указывая, что эта взаимозависимость затрудняет их кодификацию и, соответственно, требует системного подхода к внесению изменений.

Второй этап историографии истории российской полиции обозначается периодом после отмены крепостного права. Практический интерес к реформам полиции появляется в ходе глубо-

[1] *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. Санкт-Петербург, 1857. С. 66, 48.

[2] См.: там же.

[3] См.: там же.

ких изменений, затронувших не только общественные институты, но и правовую культуру правящей элиты. Крестьянская реформа, подготовленная высшими чиновниками Министерства внутренних дел и повлекшая за собой целый спектр последующих реформ, продемонстрировала важные сдвиги в образе мысли и действий лучших представителей российской бюрократии (С. С. Ланского, Н. А. и Д. А. Милютиных, Д. Н. Блудова, Н. И. Стояновского и др.). Эти сдвиги были направлены на осознание неизбежности изменений и поиски возможностей их осуществления с учетом баланса интересов правящего класса с интересами национальными. Они были подготовлены в ходе кодификации действующего законодательства вдумчивой работой по его осмыслению; охранительные тенденции предшествующего периода не были отринуты. Основной целью Великих реформ 60–70-х годов по-прежнему оставалось поддержание стабильности государства и общества. Этой цели были подчинены реформы полиции, проводимые в этот период: выделение следствия из ведения полиции и передача его в суды (реформа готовилась в недрах МВД с 30-х годов XX века), объединение городской и сельской полиции в едином управлении (реформа также имела «пилотный проект» еще в 1803 г.), введение принципа всесословности в руководстве полицией.

На этом этапе отличительной чертой историографии становится *публикация источников,* позволяющих проследить подготовку реформ полиции в различные переломные моменты, и обращение к анализу этих источников. Так, В. Герье и Э. Берендтс издают материалы, связанные с учреждением полиции при Петре I[1].

В Сборнике Русского Императорского исторического общества выходит Наказ Главной полиции в Уложенную комиссию, позволяющий осуществить историко-правовую реконструкцию условий и механизма разработки полицейской реформы Екатерины II[2].

---

[1] См.: *Герье В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Санкт-Петербург, 1873; *Берендтс Э.* Барон А.Х. ф. Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. Санкт-Петербург, 1891; *Его же*. Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого. Ярославль, 1896.

[2] См.: Сборник Русского Императорского исторического общества. Т. 43. Санкт-Петербург, 1885. С. 296–362.

Под редакцией Великого князя Николая Михайловича публикуются протоколы заседаний Негласного комитета, отражающие ход подготовки к созданию министерств, дискуссии о месте и роли МВД в системе управления Российской империей и существе полицейской власти[1].

Возникшая необходимость осмысления зарубежного полицейского законодательства находит отражение в публикации переводов нормативных источников других стран[2].

После отмены крепостного права в обществе складывается потребность в институализации административного права; развертываются дискуссии о предметах полицейского (административного) и государственного права, о возможности их выделения в отдельные отрасли.

С точки зрения теории права эти дискуссии имели своим предметом проблему соотношения публично-правовых и частноправовых норм в системе государственного регулирования применительно к России.

С точки зрения идеологии дискуссии формировали правовую культуру гражданского общества, их участники стремились определить границы властного вмешательства в жизнь подданных, выявить оптимальное соотношение права и нравственности, внести соответствующие обоснованные изменения в законодательство[3].

Показательным в этом отношении является научное наследие И. Е. Андреевского. Реформе исполнительной полиции в России он посвящает историко-правовое исследование, которое можно считать первым специальным исследованием проблемы[4].

Важным фактором эффективности изменений в полицейских структурах Андреевский считает высокий уровень правовой и

---

[1] См.: *Великий князь Николай Михайлович.* Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817) : историческое исследование эпохи императора Александра I. Том второй. Санкт-Петербург, 1903.

[2] См.: Полицейские постановления иностранных государств. Т. 1–3. Санкт-Петербург, 1866.

[3] См.: *Андреевский И. Е.* Полицейское право, Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1871; *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. Санкт-Петербург, 1903.

[4] См.: *Андреевский И. Е.* Реформа исполнительной полиции в России // Сборник государственных знаний. Т. V. Санкт-Петербург, 1878.

политической культуры реформаторов. Он подчеркивает, что правительство «…должно сообразовываться с условиями общественного строя, с правами и обычаями народа»; «…для достижения надлежащих результатов полицейской администрации каждого государства нужна собственная работа, самостоятельное изучение государственной науки: расчет на даровую подготовку трудного государственного дела другими дает большей частью последствия отрицательные — иногда достигают тех же форм, но при отсутствии содержания»[1].

В работах И. Т. Тарасова[2], наряду с теорией полицейского права, его общей и особенной частями, в хронологическом порядке рассматривались *структурные изменения* в российской полиции от создания до современного ему периода.

Обзор изменений полицейских учреждений Российской империи был представлен Тарасовым в специальном параграфе «Возникновение и развитие полиции в России» в его итоговой монографии[3], что свидетельствовало о признании полицеистом необходимости использования исторического метода изучения объекта в наукео полиции. Это было первое приближение к рассмотрению проблемы в историческом аспекте; в его подходе преобладал эволюционный взгляд на процесс.

Наряду с параграфом, посвященным истории полицейских учреждений как объекта изучения, Тарасов включил в свою работу и другой параграф, в определенной степени историографический, в котором рассматривал историю «зарождения и развития науки о полиции в России», освещал результаты познавательной деятельности ученых, столь необходимой для успешного реформирования полицейских объектов. Однако автор не проводил связи между историческим развитием объекта и эволюцией концепций его изучения, не ставил задачу сопоставить их и обобщить опыт взаимодействия между ними.

---

[1] Цит. по: *Старилов Ю. Н.* Российское полицейское (административное) право. Конец XIX – начало XX века: хрестоматия. Воронеж, 1999. С. 66.

[2] См.: *Тарасов И. Т.* История русской полиции и отношение ее к юстиции // Юридический вестник. 1884. № 2–4; *Тарасов И. Т.* Полиция в эпоху реформ. Москва, 1885; *Тарасов И. Т.* Очерк науки полицейского права. Москва, 1897.

[3] См.: *Тарасов И. Т.* Очерк науки полицейского права. Москва, 1897.

На рубеже XIX–XX веков появились первые работы, специально посвященные истории МВД и полиции[1]. Авторы этих исследований опирались на актах правительственной власти и рассматривали, прежде всего, структурные изменения органов полиции, не останавливаясь на их причинах и возможных альтернативах.

К 1917 году были опубликованы наиболее значимые источники и собраны довольно полные сведения о правовых основах, структуре, функциях и методах деятельности полиции, заложены предпосылки более глубокого изучения проблемы эффективности ее реформирования. Однако в 1917 году процесс накопления исторических знаний был прерван.

На этапе развития советской историографии интерес историков к реформам имперской полиции не проявлялся, несмотря на то, что изучению истории полиции был дан старт работой Р. С. Мулукаева[2]. На рубеже 80–90-х годов XX века появились первые исследования, в которых проблема реформ полиции была обозначена на уровне постановки[3].

Комплексный подход к анализу предпосылок полицейских реформ, методов и механизмов их проведения был заложен в статьях и монографии М. И. Сизикова, ставших настоящим прорывом в изучении проблемы[4]. На основе широкого круга исторических источников автор прослеживал доктринальную и идеологи-

---

[1] См.: *Высоцкий И. П.* Санкт-Петербургская полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. Санкт-Петербург, 1903; *Лопухин А. А.* Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. Москва, 1907; Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. Санкт-Петербург, 1913.

[2] См.: *Мулукаев Р. С.* История дореволюционной полиции России. Москва, 1981.

[3] См.: История полиции в России (1718–1917 гг.). Вып. 2. Москва, 1992; Полиция и милиция России: страницы истории / А. В. Борисов [и др.]. Москва, 1995; *Лысенко В. В.* Полиция в дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности (теоретический и историко-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998; *Кодан С. В., Поляков И. Ю.* Полицейское законодательство Российской империи. Развитие, становление, систематизация. Вторая половина XVII – первая треть XIX вв.: очерки. Екатеринбург, 2000.

[4] См.: *Сизиков М. И.* Полицейская реформа Екатерины II. Тюмень, 1997; *Его же.* Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2; *Его же.* Полиция Российской империи в середине XVIII в. // Государство и право. 1993. № 11; *Сизиков М. И.* Общая полиция в России XVIII в. Москва, 1999.

ческую составляющую процесса становления и совершенствования органов полиции. Им было показано, как начиная с эпохи Петра I на всем протяжении XVIII и в первой трети XIX века процесс реформирования полиции осуществлялся не только посредством принятия законодателем соответствующих нормативных актов, но в форме составления законодательных проектов, записок и предложений, исходивших как от самих государей, так и в большей степени от представителей высшего управленческого слоя России.

На примере реформаторской деятельности во времена Петра I и Екатерины II М. И. Сизиков доказал, что побудительными факторами этого процесса являлись в первую очередь, *внутренние потребности укрепления власти и поддержания порядка*. Реформаторы обращались и *к европейскому опыту*, при том что этот опыт не применялся без соответствующего осмысления и корректировки. Так шло формирование их правовой культуры, которая, в свою очередь, оказывала влияние на содержание, тенденции и темпы проведения реформ. Плодотворный характер предложенного М. И. Сизиковым подхода, развитого его последователями, проявился в ходе подготовки реформы милиции/полиции в 2011 году и празднования 300-летия полиции.

К анализу масштабов и значения использования европейского опыта при создании и реформировании полиции обратились историки постсоветской России[1]. Эта проблема нашла отражение

[1] См.: *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3. С. 37–43; *Феднева Н. Л.* К вопросу об истории разработки Устава благочиния, или полицейского // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 2. С. 51–55; *Ее же.* Министерство полиции Российской империи: реализация проекта М. М. Сперанского // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 412–424; *Ее же*. Концептуализация идей о роли полиции как инструмента поддержания порядка, безопасности и законности в системе министерского управления Российской империи: pro et contra // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции / под общ. ред. С. Г. Куликовой, М. В. Конопляниковой. Москва, 2021. С. 122–125; *Орлов Д. В., Соборнов П. Е.* Реформы в системе управления органами внутренних дел Российской империи первой четверти XIX века: к вопросу о причинной обусловленности и рецепции зарубежного опыта // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Т. 10. № 2. С. 181–198.

в учебных пособиях[1]. Вместе с тем представляется, что степень отражения полицейских реформ в современной историографии не соответствует их значению, месту и роли в жизни государства и общества. По сравнению с реформами других социальных институтов — экономики, образования — изменениям в полицейском управлении историки уделяли значительно меньше внимания.

Подход к реформам полиции с точки зрения учета уровня развития правовой науки, не ограниченной отраслью административного права, и правовой культуры реформаторов представляется в связи с этим востребованным и продуктивным.

[1] История органов внутренних дел. Курс лекций / *А. В. Давиденко, Н. В. Михайлова, Н. Л. Феднева, Н. Д. Эриашвили.* Москва, 2017.

УДК 347.22

Хужин А. М.,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;
Карпычев М. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Реформа вещного права: история, реалии, перспективы

Экономические отношения являются отношениями динамическими, предполагающими движение товаров, услуг и финансовых средств, но любое движение имеет свои точки начала и окончания, таковыми выступают отношения собственности как предпосылка и как цель товарообменных операций.

Вещное право выступает не только ядром сферы гражданско-правового регулирования, но и является юридическим базисом всей отечественной цивилистической правовой системы. На его основе формируется и обязательственное, и наследственное право. Под сильным влиянием вещного права находится и право интеллектуальной собственности.

Право собственности, а также иные вещные права создают материально-правовую основу нашей цивилизации. Как верно отмечал Д. И. Мейер, «…существование потребностей, необходимость их удовлетворения сознаются одинаково во всех обществах, и вот почему право собственности везде признается особенно важным, считается неприкосновенным»[1].

[1] *Мейер Д. И.* Избранные труды: в 2 т. Т. 1 / вступ. сл. д-ра юрид. наук. проф. П. В. Крашенинникова. Москва, 2019. С. 337.

© Хужин А. М., Карпычев М. В., 2024

Вещное право, являясь ключевой подотраслью права гражданского, должно отвечать условиям экономической формации и корректироваться в связи с изменением экономических отношений в обществе и государстве.

Следует отметить, что российское гражданское право, включая и вещное право, трансформируясь от имперского к советскому (ГК РСФСР 1922 года), затем к праву развитого социализма (ГК РСФСР1964 года) и к капиталистическому (Закон РСФСР от 24 декабря 1990 года № 443-1 «О собственности в РСФСР» и Часть I ГК РФ 1994 г.) всегда учитывало наработки предыдущих поколений цивилистов, строилось по правилам пандектной системы, но с учетом актуальных потребностей правового регулирования.

Несмотря на все достоинства действующего ГК РФ, безусловно, экономические отношения 1990-х и нулевых годов отличаются от современных, и механизмы, прекрасно работавшие в условиях «дикого капитализма», не в полной мере пригодны к процессам, происходящим в настоящее время. Давайте обсудим реформирование гражданского законодательства на современном этапе.

Мы отойдем от типичной последовательности изложения научного материала и сразу заявим констатирующий итоговый вывод о том, что заявленная более пятнадцати лет назад кардинальная реформа вещного права не состоялась.

Нужна ли была реформа вещного права? Что она могла преподнести для действующей системы вещно-правовых связей? Ничего, кроме усложнения и неоднозначности предлагаемых изменений в действующее гражданское законодательство. Теперь обратимся к собственно самой идее реформирования вещного права и ее развитию.

Реформа вещного права была запланирована в рамках общей системы реформирования гражданского законодательства, начавшейся по инициативе Президента РФ Д. А. Медведева в 2008 году[1]. В качестве базовых постулатов для реформирования вещного права того времени выступали идеи создания системы

[1] О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации : указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 // СЗ РФ. 2008. № 29, ч. 1, ст. 3482.

вещного права в контексте прогрессивных европейских правопорядков; придания, наряду с правом собственности, многообразия иных вещных прав; введение института владения и владельческой защиты. В 2012 году, опираясь на сформированное научное обоснование в Концепции развития гражданского законодательства[1], в том числе положений о реформировании вещного права, был разработан соответствующий законопроект[2]. Казалось, что принятие и введение соответствующего закона внесет свою лепту как в модернизацию всего гражданского законодательства, так и в реформирование вещного права. Однако после внесения изменений в первом чтении законодательный орган принял беспрецедентное решение разделить проект закона на отдельные части для их последующего рассмотрения во втором и третьем чтениях, включая положения о реформировании вещного права. Объяснялось это обстоятельство как большим объемом всего текста законопроекта и предлагаемых поправок (более двух тысяч), так и серьезными разногласиями разработчиков с отдельными федеральными органами исполнительной власти[3].

В результате ко второму чтению подготовлено десять законопроектов. Большинство изменений в гражданское законодательство были приняты и начали действовать в течение трех – пяти лет (девять из десяти законопроектов), однако проект закона о вещном праве оставался нереализованным в течение длительного времени.

Следующая попытка реформирования вещного права уже произошла в конце 2019 года, когда широкому кругу юридической общественности была представлена обновленная версия

---

[1] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL : https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.05.2024).

[2] О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL : https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.05.2024).

[3] См: Кодификация российского частного права 2019 : сборник статей / под ред. Д. А. Медведева. Москва, 2019. С. 46–47.

проекта федерального закона[1]. В проекте было предложено выделить структурно в разделе «Вещное право» четыре подраздела: подраздел 1 «Владение»; подраздел 2 «Общие положения о вещных правах»; подраздел 3 «Право собственности» и подраздел 4 «Ограниченные вещные права». В законопроекте были учтены концептуальные замечания в отношении отдельных институтов, многие положения стали предметом оживленной научной дискуссии. Казалось бы, уж в этот раз неизбежность реформирования вещного права налицо, однако и данные законоположения в своем большинстве остались нереализованными.

Анализируя содержательные предложения по предлагавшемуся реформированию, обратим внимание на законоположения об ограниченных вещных правах. Предполагалось, что подраздел 4 «Ограниченные вещные права» будет содержать как общие положения об ограниченных вещных правах, так и самостоятельные институты: право постоянного землевладения; право застройки; сервитут; право личного пользования; ипотека; право приобретения чужой недвижимости; право вещной выдачи; право оперативного управления; право ограниченного владения земельным участком. Подразумевалось, что данные новые институты ограниченных вещных прав создадут эффективную систему вещного права с разнообразием имущественных прав и притязаний не собственников. Но настолько ли они новые и необходимые для современного вещного права?

Как верно отмечает З. А. Ахметьянова, «…предлагаемый “набор” вещных прав вызывает ряд вопросов и в аспекте обоснованности “закрытости” данной системы, и с точки зрения целесообразности включения (или невключения) в нее той или иной разновидности имущественных прав»[2]. Не вдаваясь в доскональный анализ сущностного и содержательного аспектов каждого ограниченного права, отметим лишь, что в своем большинстве

[1] См.: Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 2019 года : материалы IX Международной научно-практической конференции // Гражданское право России. Итоги года (Москва, 24 декабря 2019 года). Москва, 2019. С. 543–662.

[2] *Ахметьянова З. А.* О вещном праве и реформе российского законодательства // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 38–47.

они представляют «реанимированные» институты римского частного права. Так, в соответствии с законопроектом предусматривалось, что правом постоянного землевладения считается право пользоваться и владеть земельным участком, предоставленным для целей, которые требуют использования природных свойств земельного участка. По сути, разработчики законопроекта предложили нам общеизвестную с римского права юридическую конструкцию — эмфитевзис. Право застройки как право пользования и владения чужим участком с целью возведения на нем сооружения и последующей эксплуатации, также аналогично известному римскому институту суперфиций.

Что нового в развитии вещного права могли привнести данные «подзабытые» институты прошлого? Конечно, мы можем рассуждать о многогранности потенциала ограниченных вещных прав, их более стабильном положении, в отличии от обязательственно-правовых конструкций, основательности. Однако даже с известной и широко применяемой на практике конструкции договора аренды как возможности временного господства во владении и пользовании чужой собственностью, предлагаемые ограниченные вещные права существенно проигрывают.

К настоящему времени реформа вещного права так и не состоялась. Были предприняты законотворческие попытки реформирования отдельных институтов, косвенно затрагивающих вещное право: появление главы 6.1 «Недвижимые вещи»[1], а также изменения в особенности владения, пользования и распоряжения общим имуществом[2]. Сами изменения в большей степени носят известный технико-юридический констатирующий характер, не меняющий концептуальные положения вещного права.

На наш взгляд, заявленная реформа вещного права была направлена не на качественные преобразования, способствующие повышению эффективности и устойчивости гражданского оборота, защищенности и стабильного положения обладателей вещных

[1] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.05.2024).

[2] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 351-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.05.2024).

прав, а напротив — размывания абсолютности права собственности, его уязвимости и неопределенности, созданию излишних ограниченных вещных прав, иных институтов и механизмов. Для современной России реформа вещного права должна проводиться не с оглядкой на европейские традиции и «вымершие институты» римского частного права, а с учетом национальных интересов государства и ее граждан.

В настоящее время реформирование вещного права осуществляется в части использования защитных механизмов в целях защиты публичных интересов, причем не путем внесения изменений в ГК РФ, а путем принятия подзаконных НПА в развитие ФЗ от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», а также активного формирования правоприменительной практики в части обращения в федеральную собственность имущества не только иностранных лиц, осуществляющих недружественные действия, но и лиц, связанных с коррупцией, терроризмом и экстремизмом в порядке подп. 8 и 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ.

Несмотря на те угрозы, которым подвергается в современном обществе вещное право, а именно право собственности РФ со стороны недружественных стран, в его базовом принципе о неприкосновенности оно по-прежнему сохраняет статус общепризнанного права и позволяет применять адекватные меры защиты[1]. Устойчивость вещного права выступает залогом сохранения стабильности правовых связей как внутри страны, так и на внешнем контуре отношений.

[1] О специальном порядке компенсации ущерба, причиненного Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки : указ Президента РФ от 23 мая 2024 г. № 442 // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.06.2024).

УДК 340

Хужина О. Н.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Реформы Петра I сквозь призму традиционных ценностей

Более трех веков прошло со времен петровских преобразований. Однако до сих пор изменения, произошедшие в государственном и общественном устройстве, не получили однозначной оценки. Ни современники Петра I, ни потомки не могут примириться во мнении о роли проведенных императором реформ в историческом становлении России. М. В. Сапронов, исследуя вопрос об альтернативах петровским преобразованиям, констатирует, что дискуссия об оправданности ураганного характера петровских преобразований начиная со второй половины XVIII столетия является неотъемлемой частью любых рассуждений о петровской эпохе, имея особенное обострение в переломные периоды отечественной истории[1]. Наиболее ярко противоречивость значения реформаторской деятельности Петра I и ее результатов нашла отражение в дихотомии учений славянофильства и западничества, зародившихся в 40–50-х годах XIX столетия в русской философской мысли: «…одни видят в нем исказителя народной жизни, другие какого-то Самсона, разрушившего стену, отделявшую Россию от Европы. Писарев, 1862»[2].

На страницах данной публикации не будем углубляться в названные учения. По этой проблеме написано много интересного и дискуссионного. Сформировавшиеся полюсы во мнениях сохраняются на протяжении веков вплоть до сегодняшнего дня.

[1] См.: *Сапронов М. В.* Русское государство в конце XVII в.: эволюция или революция? (к вопросу об альтернативах петровским преобразованиям) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 1.

[2] *Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В.* Россия и Петр // Петр Великий: *pro et contra*: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей : Антология. Санкт-Петербург, 2003. С. 789.

© Хужина О. Н., 2024

«Есть и всегда будут и апологеты Петра, и его присяжные отрицатели»[1], — говорит А. М. Панченко, и с этим сложно поспорить. В подтверждение можно ознакомиться, например, с изданием 2003 года, представляющим собой концентрацию научных мнений по данному вопросу[2].

Предпримем попытку рассмотреть некоторые петровские преобразования под призмой традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — традиционные ценности). Необходимость постановки исследовательского вопроса в таком ключе обусловлена современным поворотом российского государства на путь сохранения и укрепления традиционных ценностей, о чем свидетельствует, прежде всего, правотворческая активность в этом направлении. Вот лишь некоторые правотворческие вехи: 2020 год — конституционные поправки ознаменовали четкую позицию государства о защите традиционных семейных ценностей[3]; 2021 год — защита традиционных ценностей получает правовое закрепление в статусе стратегического национального приоритета[4]; 2022 год — в рамках самостоятельного президентского указа концентрированно конкретизируются ранее принятые документы стратегического планирования, направленные на укрепление и защиту традиционных ценностей[5]; 2023 год — укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей оформляется как национальный интерес во внешней политике российского государства[6]; 2024 год ознаменован уста-

[1] *Панченко А. М.* Петр I и веротерпимость // Русская история и культура: работы разных лет. Санкт-Петербург, 1999. С. 437.

[2] См.: Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. Санкт-Петербург, 2003.

[3] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. Дата публикации: 04.07.2020.

[4] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. Дата публикации: 03.07.2021.

[5] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. Дата публикации: 09.11.2022.

[6] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. Дата публикации: 31.03.2023.

новлением ряда целевых показателей и задач, позволяющих оценить результативность проводимой политики, в основу которых заложены также традиционные ценности. В числе таких показателей находится «…создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности *на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей*»[1] (курсив наш. — **О. Х.**). В небольшом временном разрыве находится принятие еще одного НПА, посвященного вопросам государственной политики в области исторического просвещения, где в качестве цели таковой определено «…формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе *традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей*»[2] (курсив наш — **О. Х.**). В последнем из названных НПА особо подчеркивается высокая роль традиционных ценностей в формировании самосознания российского общества и укреплении суверенитета российского государства, важность сохранения и защиты таковых для гармоничного развития страны и ее многонационального народа[3].

Традиционные ценности с позиции правовой регламентации к настоящему времени приобретают качество системности. Можно говорить о легально оформившейся системе традиционных ценностей, которая к настоящему дню в нашей стране представляет, по справедливому замечанию А. В. Полякова, «…гармоничное сочетание ценностей, релевантных личностным и коллективистским началам»[4]. Теоретически она может быть представлена в единстве трех групп ценностей: 1) ценности, преимущественно релевантные личностным началам (личностные, инди-

---

[1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. Дата публикации: 07.05.2024.

[2] Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения : указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. Дата публикации: 08.05.2024.

[3] См.: там же.

[4] *Поляков А. В.* Свобода и справедливость в правовом осмыслении // Закон. 2023. № 4. С. 105–117; № 5. С. 97–113. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2024).

видуальные, персоналистические ценности); 2) ценности, преимущественно релевантные коллективистским началам (общественные, трансперсоналистические ценности); 3) ценности, связывающие названные группы ценностей, своего рода стержневая основа.

Традиционные нравственные ориентиры отличает длительность существования, передача их от поколения к поколению. Вместе с тем мы не считаем, что законодательная система традиционных ценностей всецело перешла к нам в современность из глубины веков. Вовсе нет. В динамике общественных отношений справедливо говорить о сохранении некоторого ядра традиционных ценностей, источники которого коренятся в истории Российского государства и общества. В этой связи, конечно, актуально обращение к памятникам права. В аспекте темы конференции выбор сделан на временном отрезке исторического пути нашего государства, соответствующего реформаторской деятельности Петра I.

Итак, что же мы можем найти в отечественных памятниках права, а также в научных исследованиях, сделанных по его следам, относительно традиционных ценностей, их стабильности и изменчивости в эпоху петровских преобразований? Все сферы жизни, конечно, невозможно охватить, рассмотрим лишь некоторые моменты, которые прямо либо косвенно дают представление о том, каким трансформациям могли подвергнуться таковые. Объединим сферы жизни по двум направлениям: первое — с преобладанием влияния на частную сферу, интересы населения; второе — с преобладанием влияния на публичную область, связанную с государственным устроением.

Сфера частного жизнеустроения претерпела значительные преобразования прежде всего в быту. Здесь в качестве примера можно вспомнить известные реформаторские принудительные новшества, касающиеся внешнего вида (брадобритие, отказ от длиннополого платья). Стал трансформироваться досуг, например, появились ассамблеи, проведение которых предполагало определенные действия, вызывавшие отторжение у лиц, должных в них участвовать, как-то обязательное свободное присутствие женщин, помимо игр в шахматы и карты, танцев и бесед мужчинам предписывалось курить и распивать спиртное. Со стороны современного обывателя в этом можно и не увидеть ничего вред-

ного, однако погрузившись в историю, ознакомившись с устоями того общества, становится понятным, почему данные нововведения не пользовались популярностью — они не просто нарушали привычный образ жизни, а покушались на традиционные основы общежития, сформировавшиеся веками под влиянием православия. Несмотря на то, что новые требования преимущественно сказывались на образе жизни слоев общества, приближенных к государственной власти, двору, а не простолюдин, содержание подобных мероприятий оказывало негативное влияние на состояние нравственности общества: «Шутовские заседания и процессии несомненно способствовали огрублению, а не смягчению нравов»[1]. Принудительная форма веселья не смогла прижиться на русской национальной почве.

Вместе с тем нововведения подобного порядка не прошли даром. Отмечается негативное влияние таковых на морально-нравственное состояние общества. Исследователи указывают на размытие моральных норм, переосмысление христианских ценностей, ослабление действенности ранее существовавших моральных, религиозных социальных регуляторов, прежде всего в верхнем и среднем слоях российского общества[2].

Это лишь небольшая зарисовка быта. Что касается правовой составляющей, то важно знание и понимание того факта, что к восемнадцатому столетию статус единственного источника права принимает закон, содержание которого характеризуется следующим образом: «…большею частью был противоположен обычному праву, то есть имел характер вполне реформаторский»[3].

Стремление Петра I к упорядочиванию не обошло стороной и законодательную сферу. 18 февраля 1700 года в Царскую Думу поступил именной указ о необходимости заняться составлением нового Уложения, так как к этому времени остро назрела потреб-

---

[1] *Гольцев В. А.* Законодательство и нравы в России XVIII века // Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. Санкт-Петербург, 2003. С. 559.

[2] См.: *Миненко Г. Н., Жилянина Н. А.* Реформы Петра I и их влияние на брак и семейную жизнь в дворянской и крестьянской среде (опыт сравнительного анализа) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 49.

[3] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Москва, 2005. С. 311.

ность в обновленной систематизации правовых норм. Информация о деятельности бояр в течение 14 лет после этой даты отсутствует. Однако известно, что 3 июня 1714 года Правительственный Сенат издал новый указ, суть которого сводилась к необходимости представить приказам полные выписки, что свидетельствует о том, что за 14 лет работа по систематизации правовых норм не проведена. Попытка согласовать новые и старые правовые нормы не увенчалась успехом.

К 1719 году Петр I, «…наскучив ожиданием, когда наряженные в разное время комиссии составят систематическое собрание русских узаконений»[1], предпринял попытку поворота к европейскому опыту правового регулирования, выразившегося в указании приложить Шведское Уложение к российским реалиям того времени. Однако перенятие европейского опыта правового регулирования в данном случае не увенчалось успехом, названный документ не удалось приноровить к потребностям русского общества того времени[2].

Одновременно с попыткой систематизации права Петр I вел активную собственную правотворческую деятельность: из-под его пера вышли в свет сотни различного рода НПА, затрагивающих широкий круг разнообразных общественных отношений как общегосударственного, так и межличностного характера. Например, 25 января 1721 года вышел в свет Духовный регламент. В начале данного документа определены установочные моменты его действия, в частности, указано следующее: «А управления основание, то есть, закон Божий, в Священном Писании предложенный, тако ж каноны, или правила соборныя Святых Отец и уставы гражданские, слову Божию согласные, собственной себе книги требуют, а зде не вмещаются»[3], тем самым названный правовой акт по сути закрепил двуединую природу нормативной регламентации духовной жизни общества, а именно со стороны церкви и со стороны государства. Монополия церкви в вопросах

[1] *Беляев И. Д.* История русского законодательства. Серия «Мир культуры, истории и философии». Санкт-Петербург, 1999. С. 607.

[2] См.: там же. С. 608.

[3] Регламент или Устав Духовной коллегии (Духовный регламент). 25 января 1721 г. // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы. Москва, 2014. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335371 (дата обращения: 31.05.2024).

духовных пала. Государство не просто начинает ограничение церковного управления в обществе, зарождая светское начало, а провозглашает свой приоритет. В настоящее время можем наблюдать стремление российской власти в рамках парадигмы светского государства вернуть авторитет религиозных организаций в духовном воспитании граждан, признается весомое значение религий в становлении ценностной системы российского общества, прежде всего больший вклад в таковую православия.

Судить о состоянии частной сферы в анализируемый период, думается, справедливо с позиции правовой регламентации брачно-семейных отношений. Общеизвестно, что формирование видения модели семьи, ее возникновения, взаимоотношения ее членов между собой и так далее у представителей средневекового российского общества происходило под эгидой православия, его идей. К наступлению исследуемого реформаторского периода, как свидетельствуют доктринальные источники, «…вся область брачных, супружеских, детско-родительских отношений находилась под покровительством православной церкви, была насыщена религиозным содержанием и на протяжении долгого времени регулировалась каноническим правом»[1]. Брачно-семейные отношения всецело регламентировались религиозными нормами.

Петр I внес некоторые коррективы в регламентацию семейных отношений, по большей степени касающиеся ослабления религиозного влияния, включения светскости, прежде всего это лишение сговора имущественно-обязательной силы, а также отнятие у церковного обручения религиозной обязательности[2], отходом от традиции также стало допущение смешанных браков. Вместе с тем нельзя сказать, что сущностное понимание семьи претерпело изменения.

В настоящее время светский характер семьи является нормой. Вместе с тем государство также продолжает уделять данной ячейке общества пристальное внимание. В Российском государ-

[1] *Огородникова О. А.* Брак и семья в средневековой Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/brak-i-semya-v-srednevekovoy-rusi (дата обращения: 05.05.2024).

[2] См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Москва, 2005. С. 491–492.

стве ценность «крепкая семья» относительно современных реалий представляет собой основанную на брачном союзе мужчины и женщины, родстве, микрогруппу людей, объединенных взаимными правами и обязанностями правового, духовно-нравственного, хозяйственно-экономического и иного характера. Обратим внимание, что ценна не просто семья, а именно крепкая семья. Добавление синонима «крепкая» необходимо с тем, чтобы подчеркнуть важность не только создания семьи, но и ее сохранения.

С точки зрения формирования ценностного ядра имеют значение преступления против нравственности, перечисляемые в Артикуле Воинском, датируемом 15 апреля 1716 года. Исследование текста данного правового акта показывает, что государство берет под свою охрану ряд общественных отношений, ранее не входивших в круг правовых, а разрешавшихся на основании религиозных норм. Ярким показателем этого является двадцатая глава названного акта, посвященная деяниям, признаваемым преступными в части содомского греха, насилия и блуда; в частности, под государственный запрет под угрозой уголовного наказания подпадают мужеложство и скотоложство[1]. Стоит обратить внимание, что базовая идея уголовного запрета названных в главе двадцатой деяний сохранилась до сегодняшнего дня в российском обществе, где некоторые проявления сексуальности, не связанные с возможностью зачатия новой жизни, не просто осуждаются, но и получают правовой запрет, равно как и их пропаганда. Одним из посылов в этом является противоречие таких деяний традиционных ценностям. Как видим, ценность традиционных половых отношений укрепилась в рассматриваемый период.

Такая ценность, как жизнь, также трансформируется в понимании. Круг деяний против жизни, признаваемых преступными, расширяется. Так, имеет место включение в разряд преступлений против жизни убийства дитяти-младенца, самоубийство и поединки[2]. Конечно, еще рано говорить о возведении жизни человека в абсолют, если сопоставить с теми жестокими наказаниями, которые

[1] Артикул воинский от 26 апреля 1715 года // Список актов конституционного значения 1600–1918 гг. URL: https://constitution.garant.ru/history/ act1600-1918/2008/?ysclid=lwyna9kyij655003920 (дата обращения: 31.05.2024).

[2] См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Москва, 2005. С. 430.

практиковались в тот период, но нельзя не отметить стремление государства придавать ценности человеческой жизни важность.

Таким образом, оценивая влияние реформаторской деятельности на традиционный уклад социального устройства российского общества, полагаем, что стоит согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что «социальные и культурные образцы прошлого не только не были разрушены реформами Петра I, но и отчасти символизировали преемственность социального порядка»[1]. Некоторые нововведения не прижились вовсе, ряд таковых органично вписались в систему социального регулирования, модернизировав ее. Справедливо говорить о закономерном влиянии реформ на традиционные ценности в сфере частных отношений: с одной стороны, под эгидой прогрессивной мысли некоторые утрачивают свою актуальность, переходя в разряд архаичных правил, другие, напротив, доказывают свою важность для общества и продолжают сохраняться опять же до определенного времени, пока само общество не придет к тому, что имеющийся вариант поведения не нуждается в охране, в нем больше нет необходимости. Причем традиционные ценности, тяготеющие к отношениям частного порядка, являются более устойчивыми, чем те, что опосредуют отношения государственно-властного характера.

Традиционное государственное устройство претерпело колоссальные изменения под воздействием идеи правителя о мощном национальном государстве. Именно в этой сфере зародились новые институты, явления, прошедшие через многовековую историю и сохранившиеся до наших дней уже в статусе традиционных. С позиции современной системы традиционных ценностей, обозначенной отечественным законодателем, обращает на себя внимание Петровская идея служения Отечеству, которую справедливо рассматривать прототипом таких современных ценностей, находящихся в разряде традиционных духовно-нравственных, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений.

---

[1] *Косарская Е. О., Ковалева Е. С.* Спор славянофилов и западников о преемственности традиций и его рецепция в пореформенной России // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 108–119.

Названные ценности, будучи преимущественно релевантными коллективистским началам, являются близкими по целевому назначению и отражают общее направление духовно-нравственного ориентира личности — эмоциональная поддержка государства, преданность ему, твердая готовность действовать во благо общества и государства, в том числе защищать его, базирующиеся на чувстве любви к Отечеству, причастности к общему делу строительства будущего с опорой на прошлое. Провозглашение названных ценностей предполагает задание вектора для общего движения общества навстречу государству. Включение названных ценностей в ценностную систему личности есть глубокое начало, меняющее шкалу реакций на внешние посягательства, в том числе угрозы национальной безопасности. Государство, будучи юридической фикцией, получает поддержку граждан и соответственно сохранится в том случае, если оно существует по поводу служения одному идеалу. В нашем случае этот идеал сейчас четко обозначен — традиционные духовно-нравственные ценности.

В исследуемую историческую эпоху трансформации российской государственности «…в массовом политическом сознании Россия начинает восприниматься не как только «отчина» правящей династии, а как общая для всего русского народа Родина – Отечество, то есть духовно-политический феномен, который стал включать в себя многие иные составляющие (родная земля, “малое Отечество”, природа, территория, дальние и близкие родственники, народ, духовный мир народа и т. д.)»[1]. Само слово «отечество» начинает активно использоваться в государственном дискурсе, прежде всего самим Петром I. Одним из известнейших и ярчайших примеров такового является сохранившийся до наших дней текст призыва Петра I к воинам русским накануне Полтавской битвы, где, в частности, говорится следующее: «Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который бы всего *отечества* (курсив наш. — **О. Х.**) состояние положил на руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродитися Рос-

[1] *Перевезенцев С. В., Пучнина О., Страхов А., Шакирова А.* «Отечество находится не в географии…»: к вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Альманах. Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 266.

сии»[1]. Государь говорит о том, что все Отечество находится сейчас в руках воинов, от итога битвы зависит судьба его. Феномен данный пройдет через века и сохранится до наших дней, получив закрепление в статусе традиционной ценности.

Таким образом, можно справедливо утверждать, что деятельность Петра I в сфере государственного управления, где помещается, конечно, и военное дело, создала мощный фундамент для таких традиционных духовно-нравственных ценностей, как патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений.

Подводя итог настоящей публикации, хочется ответить на вопрос Д. С. Лихачева: «Действительно ли Петр и его эпоха были перерывом между старой и новой Россией?»[2], полагаем, нет. При всей дискуссионности методов и способов реализации реформаторской деятельности можно прийти к выводу, что система традиционных духовно-нравственных ценностей закономерно трансформировалась в рассматриваемый период. Согласимся во мнении с теми исследователями, которые приходят к выводу, что Петр I, «опираясь на традицию, ломал ее и в то же время формировал новые традиции, некоторые из которых продолжают сохранять значение традиционных ценностей до наших дней»[3]. В этом и состоит уникальность традиционных российских духовно-нравственных ценностей — древо ценностей, имея единую корневую систему, наращивает новые ветви — новые ценности, испытание которых временем вписывает их либо нет в традицию российского общества.

---

[1] Приказ перед Полтавской битвой. 27 июня 1709 г. // Петр Великий. Избранное / сост., авт. вступ. ст. и ком. А. Б. Каменский. Москва, 2010. С. 335.

[2] *Лихачев Д. С.* Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. Санкт-Петербург, 2003. С. 709.

[3] *Перевезенцев С. В., Сорокопудова О. В.* Петр I как политический мыслитель: традиционные ценности и идеологические новации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3.

УДК 340

Чаркин С. А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Волгоградского гуманитарного института

О некоторых дискуссионных проблемах теории юридических фактов

Возникновение теории юридических фактов связано с трудами дореволюционных российских ученых-цивилистов (Г. Пухта, Г. Дернбург, Е. В. Васьковский и др.), однако наибольшего расцвета данная теория достигла в советской правовой науке (В. Б. Исаков, О. А. Красавчиков, С. С. Алексеев). Именно тогда был заложен серьезный фундамент в разработку данной правовой концепции, определены ее практический смысл и научная ценность. Последняя состояла в том, что теория юридических фактов исследовала важнейший аспект фактической обоснованности правового регулирования, являлась гарантией законности.

В настоящий момент в российской теории государства и права под юридическим фактом понимается «такое обстоятельство, которое является основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений (в более широком плане рассматривается как основание для возникновения правовых последствий)»[1].

Если рассматривать теорию юридических фактов с более локальных позиций (например, применительно к правоотношениям земельной недвижимости), то под ними необходимо понимать жизненные обстоятельства, предусмотренные нормами гражданского и земельного права, влекущие возникновение, изменение и прекращение вещных и обязательственных прав на объекты земельной недвижимости у граждан, юридических лиц, органов государственной власти (местного самоуправления). За послед-

[1] *Цуканова Е. Ю.* Значение юридических фактов в системе правового регулирования // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 42.

© Чаркин С. А., 2024

ние годы было проведено много исследований в области понятия и классификации юридических фактов в гражданском праве, рассмотрены отдельные особенности событий и действий, а также состояний как разновидностей юридических фактов в гражданском праве России.

Несмотря на достигнутые успехи в исследовании теории юридических фактов в гражданском праве, ряд вопросов требует дальнейшего обсуждения.

1. Соотношение юридических фактов со смежными правовыми категориями, включая юридические презумпции и фикции. Правовые презумпции — это нормативно закрепленные и обусловленные практической необходимостью предположения о наличии (отсутствии) правовых процессов и явлений. Такие предположения (презумпции) могут быть материальными и процессуальными, опровержимыми и неопровержимыми, отраслевыми и межотраслевыми. В отличие от юридических фактов как обстоятельств, имеющих место в реальной действительности, презумпции — это лишь вероятность наступления правовых последствий, которая может быть опровергнута. Например, если предприниматель захочет построить объект капитального строительства в границах особо охраняемой природной территории (далее — ООПТ), ему будет необходимо передать проектную документацию на государственную экологическую экспертизу федерального уровня (ст. 11 Федерального закона от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об экологической экспертизе»)[1], а одним из ее принципов выступает презумпция потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной деятельности. Соответственно, для осуществления предпринимателем вышеуказанного строительства на ООПТ данная правовая презумпция должна быть опровергнута в ходе экспертного исследования и оценки проектной документации.

В отличие от презумпций, под правовыми фикциями понимаются закрепленные в нормах права положения, которые не существуют в реальной действительности (или даже противоречат ей), однако нормативно провозглашаются существующими в целях преодоления правовой неопределенности. Типичным приме-

[1] СЗ РФ. 2006. № 45, ст. 4626.

ром фикций является признание безвестно отсутствующего гражданина умершим, а в сфере земельной недвижимости — признание органа местного самоуправления «квази-собственником» земельных участков, находящихся в неразграниченной государственной собственности. Орган местного самоуправления получает полномочия собственника (в части распоряжения посредством проведения торгов либо без таковых) государственного земельного участка, который ему не принадлежит и принадлежать никогда не будет (ст. 3.3 Федерального закона от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»)[1]. Более того, с точки зрения гражданского права быть собственником абстрактной недвижимости невозможно — земельная недвижимость (как и любая другая) должна быть индивидуализирована; поставлена на кадастровый учет, права на нее должны быть зарегистрированы и т. д. В случае распоряжения неразграниченными государственными землями всего этого не требуется.

Другим типичным примером фикции является указание в диспозиции ст. 234 ГК РФ (приобретательная давность) на то, что лицо, добросовестно, открыто и непрерывно владевшее земельным участком как своим в течение 15-летнего срока, вправе претендовать на приобретение земельной недвижимости в частную собственность. Однако владеть «как своим» государственным земельным участком невозможно; указание на это есть прием правовой фикции. Это означает, что, в отличие от реального юридического факта, фикция является правовой легализацией объективно не существующего положения; в отличие от презумпции, юридические факты не требуют опровержения.

2. При формулировке юридических фактов законодатель не всегда соблюдает все правила юридической техники, касающиеся четкости, точности и достоверности изложения реальной жизненной ситуации в гипотезе правовой нормы; она не должна быть избыточно абстрактной, чтобы быть понятной гражданам; юридический факт должен быть встроен в общую систему правовых норм; при его формулировке необходимо учитывать нацио-

[1] Российская газета. 2001. 30 октября.

нальные правовые традиции и правоприменительную практику[1]. Отсутствие таких признаков порождает «дефектный юридический факт» — особый вид фактов, которые в силу своих недостатков не соответствуют реальным событиям (действиям) и потому могут повлечь правовые последствия в форме признания сделки недействительной или требования о восстановлении нарушенного права. В теории права предлагается различать абсолютные и относительные дефектные юридические факты. При абсолютных дефектах событие или действие полностью теряет свое значение как юридический факт; при относительных — дефектность ограничивается конкретными правоотношениями. Наряду с этим различают дефекты самого юридического факта и доказательств о нем; дефектность самого факта и его юридической оценки; исправимость и неисправимость (частичную исправимость) дефектов в юридических фактах и фактических составах. Кроме того, в правовой науке подчеркивается, что дефектные юридические факты тесно связаны с правонарушениями, однако их не следует отождествлять, а отличия между ними нужно проводить по признаку наличия/отсутствия вины[2]. Приведенная концепция представляет практический интерес и в рамках исследования юридических фактов в сфере земельной недвижимости (особенно в части недействительности сделок).

3. В юридической доктрине активно обсуждается вопрос о том, может ли считаться юридическим фактом не имеющееся в наличии обстоятельство, а его отсутствие (отрицательный юридический факт). Например, отмечается, что договор является юридическим фактом реальной действительности, но его отсутствие (например, в случае когда он не был приведен в соответствие с изменившимися обстоятельствами) — это уже отрицательный юридический факт[3].

---

[1] См.: *Кочеткова Е. А.* Юридические факты: теоретический и практический аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2020. № 1. С. 31.

[2] См.: *Скрипник А. В.* Дефектные юридические факты и их роль в механизме правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5. С. 22.

[3] См.: *Павлова Ю. В.* Судебный акт и теория юридических фактов // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 5. С. 13.

На наш взгляд, в рамках материалистического мировоззрения правовой категорией не может быть что-то отсутствующее, в правовом смысле следует говорить только о реально существующих событиях, процессах или явлениях, поэтому в приведенном выше примере отсутствие изменений в договоре — это юридический факт-бездействие, а не отрицательный юридический факт.

4. Сложность и многообразие окружающего нас мира не всегда получается вместить в правовые конструкции, включая и теорию юридических фактов. Это обусловило обсуждение юридических условий — обстоятельств, прямо не отнесенных к категории юридических фактов, однако оказывающих влияние на наступление предусмотренных в них правовых последствий. К их числу могут быть отнесены, например, уровень образования или состояния здоровья граждан. Эти обстоятельства не являются юридическими фактами (и не входят в фактические составы), однако могут содействовать установлению правовых связей. Применительно к правоотношениям земельной недвижимости такие условия могут проявлять себя как минимум в двух аспектах.

Во-первых, для принятия административного акта (действия) об изъятии земельного участка для государственных (муниципальных) нужд органу публичной власти предварительно необходимо выявить круг правообладателей земельных участков и иной недвижимости, которую в перспективе предстоит изъять. Выявление таких лиц необходимо для будущего наступления правовых последствий, однако это находится за рамками фактического состава правоотношений по принудительному прекращению права частной собственности на земельный участок в связи с его изъятием для публичных нужд.

Во-вторых, условием реализации многих юридических фактов становится цифровая форма совершения определенных действий. В научной литературе уже неоднократно рассматривались (в контексте теории юридических фактов) смарт-контракты, однако для теории правоотношений земельной недвижимости куда большее значение будет иметь императивное закрепление обязательности совершения определенных действий (административных актов органов публичной власти) с помощью сети «Интернет», например, при размещении объявлений о проведении торгов.

Так, согласно п. 5.1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»[1] орган местного самоуправления — собственник земельного участка, который был выделен из земельных долей, должен разместить на сайте в сети «Интернет» информацию о возможности приобретения такого земельного участка. Таким образом, само сообщение такого рода — это юридический факт-действие (административный акт), однако его обязательная цифровая форма — это условие, обеспечивающее его реализацию.

5. В правовой науке весьма неоднозначным является вопрос о возможности возникновения правоотношений без наличия конкретных событий или действий. Такая возможность упоминается в ст. 262 ГК РФ, предусматривающей возможность нахождения граждан на земельных участках общего пользования (скверы, пляжи, леса и т. д.), которые обычно находятся в государственной или муниципальной собственности (граждане могут там собирать ягоды, купаться, совершать прогулки и т. д.). Однако возникает вопрос о том, могут ли такие общерегулятивные правоотношения возникать в силу закона без конкретных юридических фактов. Представляется, что в данном случае мы наблюдаем особые виды юридических фактов (наличие земельных участков с особым правовым режимом, а также волеизъявление граждан находиться на них), которые присущи только общерегулятивным правоотношениям и невозможны в иных случаях.

Таким образом, в числе наиболее актуальных проблем развития теории юридических фактов (применительно к земельной недвижимости) можно выделить необходимость более четкого и последовательного доктринального разграничения юридических фактов и смежных правовых категорий (фикции, презумпции); необходимость дальнейшего развития теории дефектности юридических фактов применительно к земельной недвижимости; дискуссионность выделения отрицательных юридических фактов; актуальность вопроса об условиях действия юридических фактов, особенно в условиях цифровизации права; вопрос о существовании особой группы юридических фактов, влекущих возникновение, изменение или прекращение общерегулятивных правоотношений (ст. 262 ГК РФ).

[1] СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3018.

УДК 34:341

Червяковский А. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Реформа роли международного права и международных правовых институтов: взгляды позитивистов

В последние годы в связи с различными событиями на мировой арене международная и российская общественность, государственные деятели говорят о роли международных институтов и международного права в поддержании правопорядка и стабильности в мире, наказании отдельных лиц, организаций и даже государств от имени мирового сообщества. Все чаще в юридической науке обсуждаются проблемы создания и осуществления общеобязательных норм международного права, выполнения решений, принимаемых международными организациями, взятых на себя государствами обязательств, определения роли международной уголовной юстиции в отправлении правосудия.

Полагаем, что в настоящее время являются востребованными и подлежат обсуждению позиции относительно места и роли международного права известных ученых, философов и теоретиков права, сторонников юридического позитивизма. Речь идет, прежде всего, о взглядах Г. Кельзена и Г. Харта.

Как показывает анализ изучения юридической мысли, в своем развитии юридический позитивизм прошел путь от непринятия международного права как системы правовых норм до признания международного права в качестве необходимого и значимого регулятора отношений между государствами.

Родоначальник юридического позитивизма английский теоретик права *Дж. Остин* (1790–1859)[1] отрицательно относился к воз-

[1] См.: *Остин Дж.* Определение области юриспруденции. Курс лекций по юриспруденции «Философии позитивного права». Ч. 1. О пользе изучения юриспруденции. Москва, 2022.

© Червяковский А. В., 2024

можностям международного права регулировать общественные отношения в мире. Он считал, что нормы международного права имеют отношение к позитивной морали, но не к праву. По мнению Дж. Остина, международное право — это общее мнение государств относительно того, как они должны относиться друг к другу. Обязанности, возникающие из международного права, по мнению ученого, «обеспечиваются моральными санкциями»[1].

Иной точки зрения относительно значимости международного права придерживался известный австрийско-американский теоретик права *Г. Кельзен* (1881–1973). В отличие от своих предшественников, ученый не считал международное право моралью или какими-то иными социальными регуляторами, отличными от права. Для Г. Кельзена международное право так же относится к праву, как и внутригосударственное. Да, оно отличается от последнего, и теоретик права сравнивает международное право с правом примитивного общества. В отличие от государственного права, участники международного права лишены какой-то общей инстанции, которая в соответствии с основной нормой может устанавливать обязанности для всех. Отсутствует и специальный судебный орган, налагающий санкции на нарушителей правовых норм и принимающий меры для обеспечения таких санкций.

В «Чистом учении о праве» Г. Кельзен различает два вида санкций, присущих международному праву: репрессалии и войну. Репрессалии налагаются одним государством на другое в случае нарушений норм права. Разница между репрессалиями и санкциями заключается в степени их воздействия[2]. Хотя ученый понимает, что войны могут объявляться и по иным причинам, нежели нарушение норм международного права, для него война выступает как разновидность санкции. При этом как человек, переживший ужасы двух мировых войн, Г. Кельзен подчеркивает исключительность такого средства воздействия на государство, нарушившее международный правопорядок, поскольку в результате войны под санкции подпадают не только должностные лица,

[1] См.: *Остин Дж.* Определение области юриспруденции. Курс лекций по юриспруденции «Философии позитивного права». Ч. 1: О пользе изучения юриспруденции. Москва, 2022. С. 283.

[2] См.: *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2015. С. 389.

совершившие преступления, военнослужащие, участвующие в боевых действиях, но и мирные граждане.

Для Г. Кельзена государство — это фикция, олицетворяющая государственный порядок. От имени государства под его прикрытием осуществляют юридически значимые действия, совершают преступления и иные противоправные деяния конкретные индивидуальные субъекты права. Именно они и должны нести ответственность, предусмотренную правовыми нормами.

Несмотря на «примитивность» международного права, оно тесно связывает государство, ограничивая его полномочия по созданию и применению внутригосударственного права. Заключенные договоры должны соблюдаться, для ученого это важнейший принцип международного права.

Г. Кельзен критикует дуалистический подход к соотношению внутригосударственного и международного права[1]. Ученый рассматривает международное право и государственное право как единый правопорядок. При этом он выделяет два подхода, характеризующих такое единство.

Первый подход: международное право является составной частью государственного права. Государство признает международное право и международный правопорядок путем заключения и соблюдения международных договоров, обычных правовых норм международного права, вступления в международные организации. В этом плане международное право становится частью государственного права. Оно является «внешним государственным правом», поскольку регулирует внешние сношения государства, но это внешнее государственное право влияет и на вторую часть государственного права, определяющего правопорядок внутри самого государства.

Второй подход: примат международного права над государственным правом. Государственный правопорядок становится в данном случае частным правопорядком, включенным в мировой правопорядок, и ограничивается во времени, в пространстве и по кругу лиц. При таком подходе только международный правопорядок становится суверенным.

---

[1] См.: *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2015. С. 398.

Несмотря на различия в выделяемых подходах, Г. Кельзен подчеркивает, что содержание международного правопорядка не меняется. И в первом, и во втором случае международное право ограничивает внутригосударственное право. При этом вполне допускается и при одном, и другом подходе различия в нормах международного и внутригосударственного права. Норма государственного права не может быть ничтожной, но она признается недействительной при наличии соответствующей процедуры, предусмотренной нормами международного или внутригосударственного права.

Стоит отметить в целом критическое отношение Г. Кельзена к теории суверенитета. Он обращает внимание на то, что суверенитет может пониматься и как высшая правовая власть, и как свобода государства. По мнению ученого, распространение взглядов на примат государственного правопорядка отдельного государства связан с завышенной самооценкой тех лиц, которые придерживаются такой точки зрения. Преувеличение роли отдельного государственного правопорядка является, как отмечает Г. Кельзен, проявлением государственного субъективизма и даже солипсизма[1]. Выделять отдельный государственный правопорядок, который становится по каким-то причинам выше других, значит нарушать законы научного познания. Те же, кто предпочтет идею мирного сосуществования, по мнению ученого, будут склонны говорить о примате международного права над внутригосударственным, такая концепция будет оправдывать пацифизм, но и в этом случае тоже не соответствует требованиям научности[2]. Г. Кельзен говорит только об относительном суверенитете государства, поскольку он ограничивается «нормами» международного права.

Оба рассмотренные выше подходы к соотношению внутригосударственного и международного права, по мнению ученого, имеют право на существование. Правовая наука может объяснить существование данных подходов, но выбор остается за участниками отношений.

---

[1] См.: *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2015. С. 418.

[2] См.: там же. С. 420.

Понимание соотношения внутригосударственного и международного права Г. Кельзеном находит свое воплощение не только в научных монографиях и статьях, но и в практической деятельности ученого. В годы и после Второй мировой войны он задумывается о необходимости привлечения к юридической ответственности лиц, стоящих во главе государств, которые нарушили нормы международного права. Весной 1945 года Г. Кельзен стал юридическим советником Комиссии ООН по военным преступлениям, чтобы подготовить юридические и технические аспекты Нюрнбергского трибунала[1]. Он помогает Управлением по вопросам военных преступлений (S/WCI) Корпус генерального судьи-адвоката. И в качестве советника Г. Кельзен, как и ученый, отвергает так называемую коллективную ответственность и признает только индивидуальную ответственность. Коллективная ответственность с точки зрения ученого недопустима.

Г. Кельзен стремился всеми силами избежать правосудия «победителей». По его мнению, «…ни одно государство не подпадает под юрисдикцию другого государства»[2]. Ученый считал, что к ответственности за совершенные преступления во время войны должны привлекаться не только граждане проигравшей войну стороны, но и лица, нарушившие правила ведения войны, с противоположной, победившей стороны.

Последняя глава работы английского философа *Г. Л. А. Харта* (1907–1992) «Понятие права» посвящена международному праву[3]. По мнению Г. Харта, международное право, как и внутригосударственное право, — это тоже право, оно отличается от иных социальных регуляторов, в том числе и морали.

Ученый подчеркивает, что использование санкций в международном праве сопряжено с огромным риском, тем не менее международное право представляет собой право. Все мирное сосуществование государств может быть испорчено годами войны,

---

[1] См.: *Антонов М. В.* Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 3–15.

[2] *Garcia-Salmones Rovira M.* Not Just Pure Theory: Hans Kelsen (1881–1973) and International Criminal Law // Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/40497944/Not_Just_Pure_Theory_Hans_Kelsen_1881_1973_and_International_Criminal_Law (дата обращения: 10.04.2024).

[3] См.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. Санкт-Петербург, 2007. С. 214–237.

но «…годы мира стоят того, чтобы регулировать их с помощью правил»[1]. Государство обладает суверенитетом, но государство не является «суперменом»[2], его суверенитет ограничен. Суверенность государства как раз, по мнению Г. Харта, и означает наличие определенных автономных областей поведения, в которых государство может регулировать отношения. Государство не столько само на себя налагает обязанности, сколько сложившиеся отношения в мире (международным правом) определяют его поведение.

Международное право не относится к морали. Нельзя различные социальные регуляторы (такие как правила игры, международное право и др.) «складывать в одну корзину» и называть их моралью[3]. Г. Харт подчеркивает, что несмотря на то, что отдельные нормы международного права напоминают моральные нормы, международное право, как и внутригосударственное право, в большинстве своем часто «индифферентны к морали». Так, ученый отмечает, что нормы международного права, в отличие от морали, могут быть очень конкретными, часто произвольно регулируют общественные отношения, возникают посредством действий государств. Несмотря на отсутствие законодательного органа, создающего нормы международного права по примеру государственного права, нет оснований причислять данное право к морали. По мнению ученого, когда-нибудь такой законодательный орган появится и данный дефект «однажды исправят»[4].

Для Г. Харта международное право, существующее в описываемый им период, больше представляет собой набор первичных правил, которым следуют государства в своем взаимодействии друг с другом. Ученый разделяет представление Г. Кельзена о том, что современное международное право сравнимо с правом догосударственных обществ. В то же время он, в отличие от Г. Кельзена, отрицает наличие основной нормы в международном праве. Международное право не имеет вторичных правил, нет органов, которые бы устанавливали общие законодательные предписания для всех государств, давление, оказываемое на страны,

[1] См.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. Санкт-Петербург, 2007. С. 220.

[2] Там же. С. 222.

[3] Там же. С. 228.

[4] Там же. С. 231.

нарушающие нормы права, «…часто относительно слабо и обычно было децентрализованно или неорганизованно»[1]. Однако Г. Харт верил, что международное право находится в процессе роста[2] и, возможно, в будущем оно станет подобно внутригосударственному праву системой первичных и вторичных норм и сможет ограничивать государства в случае нарушения ими принятых правовых предписаний.

В заключение важно отметить, развитие понимания роли и места международного права и международных институтов как регуляторов общественных отношений в учениях позитивистов XIX–XX веков прошло длительный путь от его отрицания как правового регулятора до признания таковым. Несмотря на сравнение международного права с нормами догосударственных порядков, выделение его существенных отличий от внутригосударственного права, и Г. Кельзен, и Г. Харт подчеркивают значение международного права как правового регулятора, его связанность с внутригосударственным правом. Более того, ученые-позитивисты во второй половине XX века обращают внимание на потенциал международного права, перспективы развития международной юстиции, становления реальных возможностей международного сообщества ограничить государства, нарушающие взятые на себя обязательства.

[1] *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. Санкт-Петербург, 2007. С. 232.

[2] Там же. С. 237.

УДК 340.1

Чирикин В. А.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Владимирского филиала РАНХиГС

Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте конституционных реформ

Традиционные российские духовно-нравственные ценности — это скрепы, которые объединяют наше сообщество на протяжении всей его истории в единый живой организм, подчеркивают самобытность русского народа и не дают ему раствориться в многообразном мире, это то, что лежит в основе самых главных целей человеческой жизни: поиск правды и смыслов, сострадание и любовь к ближнему, семье, своему народу, любовь к Отечеству, чувство долга и совесть, чувство локтя ближнего. Это то, что духовно объединяет многонациональное, многоконфессиональное российское государство-цивилизацию[1].

В сегодняшних реалиях тотального противостояния агрессивного Запада и славянского мира (прежде всего России) возвращение к вопросу о сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных скреп российского народа жизненно необходимо. По мнению известного российского политолога Д. Евстафьева, «…для сегодняшнего противоборства России с западным миром сфера культуры, культурных символов становится неожиданно важнее, чем экономика»[2].

Начиная с тотального изменения всего жизненного уклада российского общества под флагом либерально-буржуазных реформ в лихие 90-е годы XX века различные слои населения все больше сталкиваются с тем, что духовно-нравственный потенци-

[1] Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

[2] URL: https://dzen.ru/a/YfyQOfI4vnm3e8IM?from_site=mail (дата обращения: 26.09.2023).

© Чирикин В. А., 2024

ал нашей страны стал планомерно отходить на второй план, уступая, к сожалению, инородным, не свойственным русскому человеку явлениям, такие как нажива, развлечения, индивидуализм и другие прозападные приоритеты, которые последовательно разрушают не только человеческую душу, но и саму государственность. В российском обществе на сегодняшний день в большинстве своем отсутствует осознанность важности и органичного единства феноменов свободы и ответственности, прав личности и обязанностей.

Не совсем обоснованная критика прошлого, не устраивающее достаточное количество населения настоящее, отсутствие ясных и четких перспектив будущего — таковы реалии сегодняшней российской действительности. Грустно отмечать то, что эрозии духовных скрепов самобытности российского общества подвержены не только молодое поколение, но и определенная часть так называемой «творческой элиты».

Все это требует совершенно новых подходов в формировании и реализации как внутренней, так и внешней политики.

Базовым нормативным правовым путеводителем в исследуемой проблематике, несомненно, является Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее — Указ Президента РФ № 809), в п. 1 которого утверждается, что обозначенные ценности относятся к сфере обеспечения национальной безопасности РФ[1].

Основополагающие положения Указа Президента РФ № 809 носят в основном декларативный характер. Сегодня их реализацию затрудняет следующее:

— одной из базовых традиционных духовно-нравственных ценностей является историческая память и преемственность поколений. Однако имеет место неоднозначная оценка исторического прошлого нашего народа со стороны политической элиты, в том числе со стороны отдельных представителей публичной власти различного уровня. Начиная с 1990-х годов и до недавнего

[1] Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

времени священные понятия «патриотизм», «патриот» отошли на задний план. Одним из печальных явлений в современной России является антисоветская идеология, очерняющая и порочащая советское прошлое. Здесь и огульная критика политики советских лидеров, и умаление достижений и свершений Советского Союза;

— важное место в истории российского народа занимает такой духовно-нравственный феномен, как справедливость. Вместе с тем невооруженным взглядом видно, что наше общество расколото не только в материальном плане (заметная дистанция между самыми богатыми и самыми бедными), но и в духовном. На протяжении всей истории человечества идет непримиримая и непрекращающаяся борьба между добром и злом. Исходя из этого государственная власть должна четко демонстрировать обществу, что она служит добру, а не злу — середины быть не может. Необходимо, чтобы Россия для всех видов элит была Родиной, а не страной для зарабатывания денег;

— на сегодня отсутствует единство мнения в российском обществе по отношению к передовой его части, защищающей государственный суверенитет на Донбассе. Определенная часть творческой интеллигенции, проживая в стране или находясь за ее пределами, в негативном плане оценивает инициативы российской публичной власти по защите территории и русского населения на Украине;

— сегодня российский гражданин не чувствует себя в своей стране достаточно защищенным как в духовном плане, так и физически со стороны неграждан России. Председатель Следственного Комитета России А. И. Бастрыкин, выступая на XI Петербургском Международном юридическом форуме, указал на значительный рост тяжких и особо тяжких преступлений среди мигрантов в 2022 году (на 37 %, — с 11 тысяч до почти 15 тысяч деяний)[1]. Сегодня российское общество остро нуждается в защите своих традиционных ценностей от диктата чуждого инакомыслия;

— стартовой площадкой сохранения и укрепления устоявшихся ценностей российского общества всегда была и остается

[1] Официальный канал Следственного комитета Российской Федерации: URL: https://t.me/sledcom_press/6767 (дата обращения: 23.02.2024).

отечественная система образования, начиная с дошкольного образования и заканчивая вузами. Необходимый результат будет достигнут только тогда, когда подрастающее поколение увидит примеры уважения к нашим духовным скрепам со стороны всей вертикали общества — от представителей различных элит до своих родителей и педагогов. Начиная с середины 90-х годов XX века отечественное образование всех уровней стало заметно отходить от важнейшей его составляющей — процесса воспитания.

Результатом этой кампании стало размывание важнейших моральных ценностей, столь необходимых подрастающему поколению: уважение к старшему поколению, противоположному полу, скромность. Как следствие, разрушение не только нравственных устоев, но и заметное снижение качества самого образования[1]. Сегодняшнее положение в системе российского образования начинает вызывать определенный оптимизм. Большинство учебных заведений всех уровней начинают все больше внимания уделять духовно-нравственной составляющей обучающихся. Вполне обоснованно и своевременно по указанию Президента РФ во всех вузах страны с этого учебного года введена дисциплина «Основы российской государственности», цель которой не только углубить знания об истории своего народа и страны, но и сформировать стойкую гражданскую позицию и чувство патриотизма. Тематика и содержание дисциплины удачно этому способствуют.

Как представителю юридического научного сообщества хотелось бы подчеркнуть, что реальное формирование и сохранение отечественных ценностей невозможно без серьезного правового сопровождения. Это предполагает по-новому взглянуть на Основной закон нашей страны — Конституцию РФ, фундаментом которой являются либерально-демократические положения:

— *отсутствие государственной идеологии*. Необходимость идеологической обоснованности государственно образующего общества в гораздо большей степени является исторической нормой, чем государство без собственной идеологии. Данный феномен всегда являлся и будет являться для любого государства-

[1] См.: *Рыбаков С. Ю.* Проблемы обеспечения духовной безопасности в системе образования России : монография. Рязань, 2011. С. 7.

цивилизации основным хранителем его исторических ценностей, столь важных и необходимых для идентификации сообщества. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 года № 229, наша страна охарактеризована как самобытное государство-цивилизация[1]. Важнейшим признаком института цивилизации является идентичность сообщества, отвечающая на вопросы «кто МЫ?» и «откуда МЫ?». Не менее важно российскому сообществу знать «куда МЫ идем?» — это уже вопрос идеологии.

Неслучайно ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова А. В. Щипков, выступая на XXV Всемирном русском народном соборе 27 ноября 2023 года, отметил, что «…идеология есть всегда: без идеологии страна не просуществует и одних суток»[2]. Основным отличием идеологий друг от друга, в том числе и государственных, является то, каким ценностям государство и общество отдают приоритет. Декларируя высшей ценностью права и свободы человека, Конституция России закрепила тем самым идеологию либерализма. Думается, что объединяющая национальная идея в России сегодня будет складываться не в залах заседаний, высоких кабинетах, а на Донбассе — в сознании защитников Отечества;

— *разрешение на двойное гражданство*. Являясь одновременно гражданином двух стран, субъект считает для себя возможным одновременно сохранять верность двум государствам, входящим в разные, противостоящие друг другу военные, а порой враждебные блоки, но рано или поздно этому лицу придется определяться и делать выбор. Логическим результатом будет проявление верности в отношении одного государства и проявление измены в отношении другого.

Кроме того, наличие института двойного гражданства является серьезным препятствием в формировании подлинного патриотизма в России;

— закрепление в Основном законе страны *приоритета частной собственности над государственной и права на свободу*

[1] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 марта 2023 года № 229 // СЗ РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

[2] Официальный сайт Московского Патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/6080699.html (дата обращения: 29.05.2024).

труда[1] (хочу тружусь, хочу нет) усложнит сохранение и укрепление таких духовно-нравственных ценностей, обозначенных в Указе Президента РФ № 809, как созидательный труд, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение.

Вызывает большой вопрос реальная реализация одной из таких базовых российских ценностей, как «приоритет духовного над материальным» в условиях либеральной рыночной экономики, где конечной целью является получение максимальной прибыли.

Очевидно, что эти конституционные положения не способствуют сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, поэтому время и ситуация в стране диктуют необходимость не косметических изменений, а кардинального пересмотра Основного закона страны.

Оценивая реалии сегодняшнего дня, российскому сообществу важно понимать, что вся совокупность традиционных российских духовно-нравственных ценностей является фундаментом духовного суверенитета российской государственности, который необходимо не только сохранять и укреплять, но и защищать всеми имеющимися правовыми средствами, прежде всего конституционными.

[1] Конституция РФ : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). URL: http://pravo.gov.ru, 06.10.2022 (дата обращения: 29.05.2024).

УДК 342

Шабаева О. А.,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Роль цифрового государства в проведении современной правовой реформы

В современном мире цифровизация стала неотъемлемой частью жизни общества, оказывая значительное влияние на все сферы, в том числе и на государственное управление. Цифровое государство представляет собой новую модель организации государственной власти. Данная модель базируется на использовании информационных технологий для повышения эффективности, прозрачности и доступности осуществления государством своей власти.

Последнее десятилетие общественные отношения выходят на новый уровень — цифровой. Достаточно активно трансформируются государственные, политические, социальные и экономические институты. Цифровизация охватывает и сферу права. Изменения касаются форм, механизмов и действия права. В данном ключе правовая реформа является главным элементом трансформации государственного управления, позволяя адаптировать законодательство к реалиям цифровой эпохи.

Современная правовая реформа главным образом состоит в реорганизации всех государственно-правовых институтов под новые реалии. Процесс цифровизации порождает ряд вызовов современной правовой системе. В связи с этим рассмотрение вопроса роли цифрового государства в проведении современной правовой реформы видится крайне актуальным.

Проведение правовой реформы представляет собой процесс изменения и улучшения правовой системы страны, связанные

© Шабаева О. А., 2024

с новыми реалиями общественной действительности. Данный процесс включает в себя изменение НПА в связи с новыми реалиями, реформированием судебной системы, совершенствование правоприменительной практики и обеспечением прав человека. Соответственно, целью правовой реформы является создание более справедливой, эффективной и прогрессивной правовой системы, обеспечивающей защиту прав и свобод всех граждан, развитие экономики, повышение уровня правопорядка и укрепление законности в стране.

Для того чтобы раскрыть вопрос о роли цифрового государства в проведении современной правовой реформы необходимо проанализировать понимание цифрового государства, механизма его действия.

Что представляет из себя цифровизация? Цифровизацией является некий переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую[1]. В свою очередь, это напрямую влияет на сферу правового регулирования вновь складывающихся общественных отношений, например, в сфере искусственного интеллекта, сфере цифровых финансовых активов.

В юриспруденции достаточно много мнений относительно понятия «цифровое государство». Так, Э. А. Золаев считает, что «…цифровое государство — это информационно-технологическая организация политико-правового взаимодействия граждан и органов публичной власти»[2]. В данном контексте следует отметить, что цифровое государство — это платформа для правоотношений не только граждан, общественных и коммерческих организаций и органов публичной власти, но и органов власти между собой. Представляется, что внутреннее взаимодействие в рамках информационного пространства органов публичной власти между собой — одно из главных направлений в цифровом государстве (например, межведомственное электронное взаимодействие). Так, единая система межведомственного электронного взаимодействия представляет из себя систему, включающую ин-

[1] См.: *Шабаева О. А.* Право в условиях правовой реальности: поставка проблемы // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1 (84). С. 17.

[2] *Золаев Э. А.* Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 5. С. 1583–1594.

формационные базы данных, в том числе содержащие сведения об используемых органами и организациями программных и технических средствах. Основная цель данной системы состоит в обмене информацией и документами между органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями, предоставляющими государственные и муниципальные услуги.

В статье, посвященной понятию и признакам цифрового государства, И. В. Шахновская, утверждает, что «…цифровое государство представляет собой определенный концепт, вектор развития современного государства, при достижении которого все сферы общественной жизни должны быть представлены в цифровом формате: право, политика, экономика»[1]. При этом к признакам цифрового государства автор относит размытость государственных (территориальных) границ, обеспечение информационного суверенитета (как в техническом, так и в правовом аспекте), наличие и действенность цифрового механизма защиты прав человека, вовлечение права в процесс информатизации[2].

И. В. Шахновская приходит к выводу, что итогом формирования концепции цифрового государства будет представление всех сфер общественной жизни в цифровом формате. Однако представляется, что это не самоцель формирования цифрового государства. Видится, что концепция цифрового государства — это процесс, длящийся, видоизменяющийся, особенно в свете активного развития цифровых технологий.

В настоящее время одной из наиболее острых межотраслевых проблем является регулирование так называемого майнинга — производства вычислений по заданному алгоритму, позволяющих поддерживать существование и обращение некоторых криптовалют.

Правовое регулирование майнинга криптовалют должно представлять собой комплексное решение, включающее совокупность сфер нормирования. Очевидной потребностью в рамках раз-

---

[1] См.: *Шахновская И. В.* Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2022. № 6. С. 135.

[2] Там же.

вития правового регулирования майнинга цифровых финансовых активов следует признать необходимость в формировании экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций.

Интересна точка зрения В. С. Осипова, который в статье, посвященной цифровому государству, верно акцентировал внимание на том, что «…цифровизация государственного управления должна стать инструментом повышения эффективности государственных услуг»[1].

Проанализировав представленные точки зрения, думается, что необходимо различать цифровое государство в широком и узком смыслах.

Под цифровым государством (в широком смысле) следует понимать политический союз людей на определенной территории, представляющий собой качественно новый тип организованного общества, управляемый при помощи цифровых инструментов и технологий публичной властью, выраженной в специализированном аппарате управления и принуждения.

Цифровое государство (в узком смысле) — это суверенная политико-территориальная организация, состоящая из органов управления и принуждения, существующая за счет общества, осуществляющая власть с использованием цифровых инструментов и технологий в целях создания и поддержания в обществе законности и правопорядка.

Таким образом, вопрос о роли цифрового государства в проведении современной правовой реформы — это вопрос о том, что необходимо сделать, какие изменения внести в действующее законодательство РФ в условиях цифровизации.

Во-первых, дееспособность индивидуальных субъектов права сопряжена с наличием у них технических средств, программного обеспечения, а также необходимого уровня знаний информационно-технологического характера.

Во-вторых, цифровое государство — это союз, которым управляет публичная политическая власть. Речь идет о существовании специального аппарата, выраженного в системе органов управления. При этом управление происходит с использованием

[1] *Осипов В. С.* Дорога из желтого кирпича к цифровому государству // Цифровое право. 2020. № 1 (2). С. 28.

информационных технологий на специальных платформах. В этой связи возникает вопрос трансформации органов власти в структурном и техническом аспектах.

В-третьих, цифровое государство представляет собой политическую организацию, деятельность которой связана с политикой, решением политических вопросов (например, реализация деятельности портала Государственных услуг РФ, организация электронного голосования). Так, на выборах Президента РФ 2024 года было проведено дистанционное электронное голосование в 29 субъектах РФ. Среди преимуществ такого вида голосования следует выделить удобство, простоту, безопасность, прозрачность.

В-четвертых, информационное государство — это организация, которая представляет и осуществляет публичную власть в лице соответствующих органов государственной власти при помощи цифровых инструментов и технологий. Так, Федеральная налоговая служба РФ планомерно ведет работу по интеграции пилотных проектов по работе в автоматизированных информационных системах; по организации услуги предоставления налоговой отчетности через информационно-коммуникационную сеть «Интернет».

В-пятых, цифровое государство — это суверенная организация. В науке теории государства и права сформировалось понятие «цифровой суверенитет», под которым понимают «…независимость, полноту и верховенство государственной власти в информационной сфере»[1]. Помимо этого, выделяют и такое понятие, как «технологический суверенитет».

Согласно Концепции технологического развития на период до 2030 года под технологическим суверенитетом следует понимать наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать нацио-

[1] *Шахновская И. В.* Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2022. № 6. С. 135.

нальные интересы[1]. Не вдаваясь в анализ данных понятий, думается, что технологический суверенитет — понятие широкое, включающее также цифровой суверенитет. В этой связи важно отметить необходимость принятия соответствующей декларации и заключения международных договоров. Данный вопрос крайне актуален в современном мире. Кроме того, встает вопрос и о закреплении в Конституции РФ определения «цифровой суверенитет».

Таким образом, по мере дальнейшей цифровизации государственных услуг и внедрения передовых технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, в государственном управлении у РФ появляются как большие возможности, так и серьезные вызовы в построении цифрового государства. С одной стороны, цифровая трансформация может значительно повысить степень эффективности и прозрачности работы государственного аппарата, улучшить качество предоставляемых услуг и вовлечь граждан в процессы принятия решений, с другой — необходимо решить ряд сложных правовых, этических и технологических проблем, таких как защита персональных данных, кибербезопасность и регулирование новых цифровых технологий на законодательном уровне.

[1] Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 года № 1315-р // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

УДК 340

Шабуров А. С.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

Правовая реформа в России: проблемы формирования правового государства на основе российской государственности

6 июля 1995 года Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» была определена необходимость разработки концепции правовой реформы в Российской Федерации. В истории России было проведено большое количество реформ, направленных на совершенствование деятельности государства и отдельных сторон правового регулирования, но единая всеобщая правовая реформа осуществляется впервые. Этим Указом признаются актуальность и необходимость разработки концепции правовой реформы в целях реализации положений Конституции РФ и на ее основе укрепление российской государственности и правовых основ нашего общества, а также обеспечения системности, плановости и скоординированности законотворческого процесса.

Для претворения в жизнь положений Указа был разработан и утвержден Комплексный план мероприятий по его реализации. В качестве основных элементов концепции правовой реформы ст. 2 Указа устанавливает вопросы правового обеспечения ряда важнейших направлений формирования и функционирования российской государственности и развития полноценного гражданского общества.

Правовая реформа должна рассматриваться как составная часть всего реформаторского процесса в стране, так как она имеет важное значение с одной стороны, для стимулирования и легитимации всестороннего развития, а с другой — для поддержания равновесия в государстве и обществе.

© Шабуров А. С., 2024

В отличие от других направлений реформирования общества (например, от проводимой судебной реформы) правовая реформа еще не провозглашалась и не реализовывалась в российской истории.

Председатель КС РФ В. Д. Зорькин в работе «Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России»[1], рассмотрев состояние государственно-правового регулирования в современной России, поставил вопрос о необходимости осуществления полномасштабной правовой реформы в России. По его мнению, правовая реформа должна стать предпосылкой «взять правовой барьер», то есть обеспечить формирование России как правового и одновременно как социально справедливого государства[2]. По мнению В. Д. Зорькина, «…если не формировать в нашей стране правовую реформу, то все остальные реформы с очень большой вероятностью начнут буксовать»[3] .

Определяя причины, вызвавшие необходимость проведения реформы, В. Д. Зорькин указал на ряд проблем (автор определил их в качестве угроз) в развитии нормального функционирования и развития российского общества и государства. В качестве основных среди них он назвал проблемы, связанные с формированием и развитием социального правового государства.

Однако анализ показывает, что практика преодоления указанных проблем — довольно сложная задача, ибо на пути ее решения стоит большое количество проблем и рисков. Причем, это не только факторы организационного характера.

Многие аспекты рассмотрения проблем потребовали разрешения общетеоретических вопросов правоведения, в частности, научно-теоретической разработки категорий «правовое государство» и «российская государственность».

---

[1] См.: Журнал российского права. 2004. № 6. С. 3–17.

[2] *Зорькин В. Д.* Об угрозах конституционному строю в XXI в. И необходимости проведения правовой реформы в России // Журнал российского права. 2004. № 6. С. 20; *Толстик В. А.* Концептуальные основы нормального (справедливого) государства и их конституционное закрепление // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 186–200.

[3] *Зорькин В. Д.* Тезисы о правовой реформе в России // Правовая реформа в России. Восемь лет спустя: сборник статей / под ред. В. П. Мозолина. ЛУМ. Москва, 2013. С. 2.

Отечественная наука до сих пор не разработала подлинно полного содержания категории «правовое государство». Среди ученых отсутствует единство в его понимании, не разработано научное определение. Отсутствует его дефиниция и в действующем законодательстве. Построение правового государства в России началось с конституционного закрепления российского государства как правового, но в ходе дальнейшего правотворчества эта категория не получила развития и дефинитивного закрепления, поэтому перед юридической наукой стоит задача создания модели правового государства. Она должна быть адекватна истории России, ее традициям и культуре, формироваться с учетом общечеловеческих ценностей, прав и свобод человека на основе принципов гуманизма и справедливости.

К сожалению, в решении этой задачи есть определенные сложности научно-теоретического и практического порядка. В Указе Президента РФ о разработке концепции правовой реформы говорится, что ее реализация имеет цель не только укрепления правовых основ российского общества, но и укрепления российской государственности. Однако одно из оснований сложности в формировании правового государства лежит как раз в особенностях государственности РФ. Политическая практика показывает, что без учета проблем российской государственности, ее особенностей не возможен ни научно-теоретический анализ, ни модернизация гражданского общества, ни реформирование российского государства, ни тем более формирование его как правового, но именно здесь исследователей поджидает очередная опасность. Особенности российской государственности таковы, что они не только обеспечивают формирование правового государства, но во многих случаях затрудняют это формирование.

К сожалению, в отечественной науке до сих пор не достигнуто единство в понимании категории «государственность». Нередко она отождествляется с понятием государства[1]. В другом случае эти явления рассматриваются как часть и целое либо вообще трактуются как самостоятельные по содержанию явления.

Учитывая рациональные моменты, содержащиеся в концепциях отечественных авторов, государственность можно определить как качественное состояние государственно-организован-

[1] См.: *Морозова Л. А.* Теория государства и права. Москва, 2002. С. 154.

ного общества, определяемое устойчивостью и преемственностью присущих ему конкретных политических, исторических, национальных и других факторов[1].

Эти особенности российской государственности оказывают влияние на ее характер, определяют динамику ее функционирования и направление развития. При этом они определяют разнонаправленное воздействие. Одни факторы оказывают положительное влияние, обеспечивают стабильность и поступательное развитие общества и государства, другие выступают как фактор, тормозящий это развитие, то есть динамика развития российского государства определяется особенностями его государственности.

В работах отечественных авторов в качестве основных особенностей, оказывающих решающее влияние на характер развития общества и российского государства, выделяются следующие: общинность, соборность, державность и православие[2].

Особенности России, такие как величина территории, многонациональный состав, географическое положение, предопределили такую специфику российской действительности, как державность. В различные периоды существования России она отражалась в деятельности барина, царя, Генерального секретаря, Президента. Эта господствующая в России особенность породила и другую российскую специфику — патернализм. Он проявлялся в осознании населением властителя как «благодетеля» народа. Отсюда идея непогрешимости власти, ее своеобразное обожествление. Это порождало уважение не к праву, а к власть имущим, преклонение не перед законом, а перед властью. Все это приводит к снижению уровня правосознания, правовой культуры, политической активности, то есть тех факторов, которые характеризуют формирование правового общества и государства.

Немаловажное влияние на развитие общества и функционирование государства оказывала и такая особенность российской государственности, как общинность. В России дольше чем в дру-

---

[1] См.: *Шабуров А. С.* Российская государственность в историко-правовом аспекте // Источниковедение истории советского государства и права: идеологические, политические и юридические основания : материалы круглого стола. Екатеринбург, 2016. С. 13.

[2] См.: Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. Москва, 2000. С. 191–192.

гих странах сохранилась община как форма жизнедеятельности крестьян. Отсюда идея преимущественного значения общественного перед личным, а это препятствовало становлению личности, осознанию ею прав и свобод, претворению в жизнь идеи права, закона. Общинность предопределила и принижение частной собственности перед государственной, а такое господство собственности требует жесткой административной командной власти, порождает властные проявление бюрократизма.

В условиях Советской России, Советского Союза личность не отделялась от общества, составляя с ним целостность, поэтому права человека как явление не находили отражения ни в юридической науке, ни в практике. И лишь в 1993 году они получили закрепление в отдельной главе Конституции России. Но особенности российской государственности нашли проявление и в характере конституционной регламентации. Конституция РФ ставит права человека на первое место по сравнению с государством, подчеркивая в ст. 2, что «…признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Однако текстуально права и свободы человека и гражданина закрепляются лишь во второй главе Конституции. Первая же глава осуществляет регламентацию государственно-властных отношений по организации государственной власти.

Своеобразие экономического уклада, политико-правовой жизни, духовности, психологического восприятия мира России находит отражение и в специфике менталитета российского народа. Прежде всего это связано с правовым нигилизмом россиян.

Как видим, российской государственности свойственны особенности, которые в определенной мерее затрудняют формирование правового государства.

Эти сложности предопределяются и факторами субъективного характера. Уполномоченный по правам человека С. А. Ковалев в своем докладе о соблюдении прав человека и формировании правового государства в России подчеркнул, что «ни о каком прогрессе в области прав человека не приходится говорить, если между властью и обществом по-прежнему будет стоять стеной отчужденная от общества бюрократия, озабоченная лишь удержанием в своих руках рычагов власти. Россия никогда не станет ни правовой, ни демократической, если власть по-прежнему

останется неким таинством, а не понятным для каждого рабочим механизмом решения общих задач[1].

Одной из основных задач современной России выступает формирование гражданского общества. Однако такое общество в России не сформировано. (Пока такая категория конституционно не закреплена). Это обусловлено тем, что государство традиционно стремится сузить сферу «гражданского общества» и охватить своим контролем как можно больше общественных связей и отношений.

Что касается построения правового государства, то идея его формирования в России только поставлена. Причем при ее решении российские законодатели пошли иным путем, отличным от других государств. Построение правового государства они начали с конституционного закрепления России как государства правового. Уже в первой статье Конституции РФ записано, что Россия — правовое государство. Вскоре стало ясно, что без серьезной научной разработки, определения путей и возможностей построения такого государства, формальное, даже конституционное закрепление государства как «правового» не делает его таковым, поэтому перед общественной наукой встала задача создания образа правового государства, причем такого, которое будет органично истории России, ее традициям и культуре, ее государственности.

Таким образом, при планировании правовой реформы и определении путей ее практической реализации следует реализовать не только множество организационных вопросов, но и осуществить решение ряда проблем научно-теоретического характера. Только таким путем можно практически реализовать одну из основных задач реформы — формирование и построение в России правового государства.

[1] *Ковалев С. А.* Наше будущее — свободные граждане свободной страны // Российская газета. 1994. 9 августа.

УДК 343

Шаров В. И.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России

Оперативно-розыскное законодательство: реформа или совершенствование отдельных институтов

Оперативно-розыскная деятельность — это мощное средство, применяемое государством в борьбе с преступностью, дающее результаты в том числе и тогда, когда иные средства оказываются неэффективными, но чем сильнее средство, тем более аккуратного применения оно требует и подлежит строгому регламентированию. Таким регулятором для ОРД выступает закон.

Правовая система общества не может быть неизменной, законы требуют совершенствования из-за множества причин. Главное — привести отдельные составляющие законодательства в соответствие с современным состоянием общества, повысить эффективность правового регулирования. По всей видимости, процессы улучшения отдельных отраслей законодательства могут идти двумя путями: эволюционным, связанным с совершенствованием отдельных правовых институтов, и революционным, связанным с кардинальным изменением целых правовых отраслей. Последнее не что иное, как правовая реформа — кардинальное модифицирование составляющих правовой системы, придание им новых качеств и свойств.

Правовая реформа «…представляет собой статичное, “застывшее” образование, которое с трудом и лишь в незначительной мере поддается эволюционному изменению; поэтому необходимы целенаправленные, сконцентрированные усилия, чтобы

© Шаров В. И., 2024

приспособить ее к меняющимся условиям»[1], поэтому реформа выступает закономерной формой развития законодательства, исчерпавшего свой эволюционный потенциал развития. Вместе с тем современный законотворческий опыт показывает, что потенциал совершенствования отдельных отраслей законодательства довольно высок, о чем свидетельствуют, например, многочисленные изменения уголовно-процессуального закона, который до сих пор выполняет свои функции без реформы и трансформирования его основных постулатов, хотя внесенные изменения на самом деле существенные.

Представляется актуальным сегодня также совершенствование оперативно-розыскного законодательства, поскольку накопился целый ряд проблем, требующих своего разрешения.

Законодатель в недалеком прошлом практически избегал регулирования ОРД, сам термин ОРД в законах почти отсутствовал. Несмотря на это, правовое регулирование ОРД в настоящее время довольно развито. Данную правовую отрасль регламентируют нормы международного права, присутствуют они в федеральном законодательстве, традиционно и исходя из требований защиты государственной тайны, достаточно подробно ОРД регулируются подзаконными НПА. Основным правовым актом в этой отрасли права является Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об ОРД» (далее — ФЗ «Об ОРД»)[2]. Основные предложения относятся в первую очередь к совершенствованию данного закона, поэтому, говоря о оптимизации и улучшении оперативно-розыскного законодательства, мы имеем в виду изменение норм ФЗ «Об ОРД».

На самом деле идей об улучшении указанного закона немало. Чем больше времени проходит от последней реформы, результатом которой являлось принятие действующего ФЗ «Об ОРД», тем больше проявляется необходимость новых изменений, тем больше ученых высказывают свое мнение об улучше-

[1] *Плескач В. Н.* Правовая реформа как предпосылка совершенствования законодательства в Российской Федерации // Научная электронная библиотека «Киберленинка» : сайт. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ pravovaya-reforma-kak-predposylka-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.04.2024).

[2] СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

нии законодательного регулирования ОРД. Многие изменения назрели, но пока не принимаются, многие требуют обдумывания и проработки. Предложения довольно разные не только по содержанию, но и по глубине — от небольших дополнений до принципиальных изменений, формулированию новых подходов, то есть реформы правового регулирования ОРД.

Оперативно-розыскное законодательство не так подвижно, и все последнее время от нового закона в 1995 году оно накапливало изменения, которые не имели признаков реформирования его постулатов. Однако накопление проблем может вызвать взрывной характер дальнейшего развития оперативно-розыскного законодательства и потребует кардинальной реформы, поэтому форма этих изменений — реформа или продолжение эволюционного совершенствования отдельных институтов пока не ясна.

Переходя к конкретным примерам в области совершенствования законодательства об ОРД, выделим ряд назревших вопросов, ожидающих решения. ОРД ориентирована на практику, поэтому и изменения закона должны рассматриваться в их соотношении с практикой.

С претензией на принципиальный характер выступает проблема формулирования в законе цели (ст. 1) и задач (ст. 2) ОРД. Раньше мы анализировали один вытекающий из нее аспект, связанный с системностью ОРМ, основного инструмента ОРД, и соответствия системы ОРМ практике ОРД. Она хорошо заметна при анализе положений закона, хотя многочисленные ее аспекты довольно разные и их можно найти в литературе. Это совершенствование перечня задач ст. 2 ФЗ «Об ОРД», согласование их с основаниями и условиями проведения ОРМ, а также с реальной ОРД.

Принципиальное решение предлагает В. Ф. Луговик. В пояснениях к публикации разработанного им Оперативно-розыскного кодекса он пишет: «Оперативно-разыскное законодательство необходимо освободить от избыточных норм, носящих декларативный характер и не несущих правовой нагрузки. К таковым можно отнести ст. 1 (понятие ОРД), ст. 2 (задачи ОРД) ныне действующего оперативно-разыскного закона»[1].

[1] Цит. по: *Железняк Н. С.* Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография. Красноярск, 2019. С. 21–22.

Мы принципиально согласны с В. Ф. Луговиком, но полагаем, что задачи ОРД следует рассматривать с позиции их прикладного значения, а не как декларативные утверждения, то есть задачи вместе с основаниями проведения ОРМ должны определять законность осуществления ОРД. Получается что-то вроде двухуровневого регулирования: задачи определяют принципиальную возможность ОРД, а условия задают конкретные случаи ее начала, причем каждый тезис в основаниях должен вытекать из задач. Собственно над этим больше всего и работают ученые, например А. В. Агарков, Н. С. Железняк, предлагая свое видение задач ОРД, согласованных с ее реальными возможностями. Это не переводит проблему в принципиальную плоскость, она легко решается изменением действующего законодательства.

В качестве других примеров эволюционного изменения законодательства приведем проблему защиты прав и свобод человека при осуществлении ОРД. Н. В. Павличенко и А. С. Самоделкин замечают, что «…оперативно-розыскное законодательство не успевает за развитием правовых средств защиты человека, вовлеченного в правоохранительную сферу»[1].

Профессор В. Н. Омелин предлагает ряд изменений в оперативное делопроизводство, повышение эффективности прокурорского надзора за ОРД и др.[2] Можно привести и множество других работ, обосновывающих те или иные изменения оперативно-розыскного законодательства, однако такие предложения, направленные на выявление и устранение отдельных недостатков в законодательстве, нельзя назвать реформистскими, затрагивающими сами основы правового регулирования ОРД.

Но есть и другие работы, которые направлены на изменение концепции ФЗ «Об ОРД», существенной его переработке, иначе говоря, реформе правового регулирования ОРД. Не оперируя термином «реформа», они тем не менее носят реформистский ха-

[1] *Павличенко Н. В., Самоделкин А. С.* Перспективы развития оперативно-розыскного законодательства (анализ проекта Федерального закона «Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации») // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33) С. 91.

[2] См.: *Омелин В. Н.* Некоторые вопросы совершенствования оперативно-розыскного законодательства по борьбе с организованной преступностью // Закон и право. 2019. № 6 (19) С. 131–133.

рактер. В этом плане отличаются работы ученого-реформатора А. Ю. Шумилова, внесшего в ОРД немало идей как о содержании ОРД, так и правовом реформировании. Надо отметить, что многие из них были встречены настороженно, но в настоящее время заняли свое место в теории ОРД.

Ученые активно включаются в законотворческую деятельность, предлагая варианты проектов ФЗ «Об ОРД». А. Ю. Шумилов[1] публикует свой проект, авторский коллектив в составе К. К. Горяинова, О. А. Вагина, А. П. Исиченко, О.А. Ковалева представляют научной общественности собственное видение данного закона[2]. Определенным рубежом стал Модельный закон «Об ОРД», одобренный на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств постановлением от 16 ноября 2006 года № 27-6[3]. Он не носит обязательный характер, тем не менее сыграл свою роль в становлении оперативно-розыскного законодательства.

В. Ф. Луговик приходит к выводу о необходимости наиболее полной систематизации оперативно-розыскного законодательства и реализует достаточно популярную идею оперативно-розыскного кодекса. С. С. Галахов, наоборот, обосновывает необходимость разработки нескольких актов, которыми предлагает регулировать отдельные направления ОРД.

Кардинальных изменений не произошло, новый закон «Об ОРД» не принят, а концептуальный подход к его построению так и не сформулирован. Причем ученые сейчас уже пишут о существовании в ФЗ «Об ОРД» проблем, которые нельзя разрешить

---

[1] См.: *Шумилов А. Ю.* Новая редакция оперативно-разыскного закона России: Открытый проект : научно-справочное пособие. Москва, 2004.

[2] См.: *Горяинов К. К., Вагин О. А., Исиченко А. П., Ковалев О. А.* Инициативный авторский проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»» // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-разыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности». Омск, 2006. С. 80–90.

[3] Об оперативно-розыскной деятельности» (принят на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств) : модельный закон (утв. постановлением от 16 ноября 2006 г. № 27–6) // Антитеррористический центр государств – участников СНГ : официальный сайт. URL: https://www.cisatc.org/1289/9115 (дата обращения: 15.04.2024).

какими-либо отдельными усовершенствованиями, отмечая, что «…требуется комплексный научный подход к разработке и принятию нового закона»[1]. А. В. Кудрявцев еще более категоричен, когда пишет, что «…научные исследования свидетельствуют о целесообразности пересмотра подходов к оперативно-розыскной деятельности, и в первую очередь к ее сущности»[2].

Считаем, что данное суждение отличается достаточной остротой и требует пояснения. По нашему мнению, сущность, как и содержание, ОРД — более глубокое понятие, чем ее правовая форма. ОРД, включая различные формы этой деятельности, существует в определенной правовой действительности. Подходы к ОРД, ее сущность, по всей видимости, не особенно требуют пересмотра. Конечно, можно расширить систему ОРМ, задать более строгие условия их проведения, но это не будет кардинальными изменениями, меняющими сущность ОРД, которая задается негласным характером этой деятельности. Полагаем, что этого и не нужно. ОРД самостоятельная форма правоохранительной деятельности, которая в процессе своего развития сформировалась в довольно согласованную систему, имеющую свои принципы, цели и задачи и, главное, специфические средства.

Сказанное не относится к правовому регулированию ОРД, требующему своего развития и принятия нового закона, сформулированного на основе «комплексного научного подхода». Развитие законодательства идет пока эволюционным путем, законотворчество реализуется посредством принятия дополнений к закону, сформулированных на основе практики ОРД и законодательных процессов в этой области. Последнее представляется особенно важным, поскольку документы КС РФ, ВС РФ, ЕСПЧ способствовали более строгому определению норм оперативно-розыскного закона, более однозначному пониманию целого ряда его положений. Однако подобный вектор развития не исключает и кардинальных перемен в подходах в правовом регулировании

[1] *Агарков А. В.* Проблемы отечественного оперативно-розыскного законодательства и предложения по их разрешению с учетом опыта некоторых стран СНГ // Пенитенциарная наука. 2021. № 1. С. 93.

[2] *Кудрявцев А. В.* Предпосылки возникновения проблемной ситуации, связанной с определением сущности оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 25.

ОРД, которые бы существенно влияли на существующую правовую доктрину. Полагаем, что поиск новых подходов и концепций, возможно, даже выходящих за пределы оперативно-розыскного права, представляет собой ту задачу, которая требует существенных научных усилий.

Таким образом, сегодня налицо два подхода к дальнейшему совершенствованию законодательства об ОРД: реформа и развитие действующей правовой парадигмы.

Активация и последующее затухание интереса к реформированию оперативно-розыскного законодательства неизбежно порождают вывод, что оперативно-розыскная научная общественность не готова к принципиальному изменению существующего положения в сфере правового регулирования ОРД.

Последние разработки свидетельствуют о все большей популярности включения части ОРМ в УПК РФ в качестве негласных следственных действий. «Это требует пересмотра сложившихся стереотипов, когда оперативно-розыскная деятельность рассматривалась как средство оперативно-розыскного процесса, который обеспечивает расследование преступлений, а не как составную часть этого процесса»,[1] — пишет профессор А. Е. Шарихин.

Представляется верным кардинальное решение: необходимо в ОРД выделить правовую составляющую, оперативно-розыскное право, и организационно-деятельностную — собственно ОРД с ее организационно-тактической составляющей. Разделить как уголовный процесс и криминалистику. Тогда правовая часть вполне логично отходит к уголовному процессу. И уголовно-процессуальная наука будет вынуждена подвергнуть реформе в части доказательств и доказывания и себя, и уже свою новую часть — оперативно-розыскную деятельность, определив в кодексе ОРМ (или негласные следственные действия) и процедуру формирования доказательств на их основе. Тем самым решится самое острое противоречие, связанное с использованием результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

[1] *Шарихин А. Е.* Переход на новую парадигму оперативно-розыскной деятельности как необходимое условие повышения эффективности в борьбе с организованной преступностью // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 50.

УДК 34

Шафиров В. М.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижего-родского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Правовая реформа: человекоцентристский подход

В современной России проводятся различные реформы. Они направлены на внедрение новых технологий, инноваций, развитие человеческого капитала. Все это осуществить невозможно без современной качественной нормативной правовой основы, без изменений в правоприменительной деятельности, правовом образовании. Отсюда существенное значение имеет проведение комплексной правовой реформы. Ее принято относить к разновидности политической реформы, поскольку все юридическое имеет политическую природу[1]. Политический аспект юридической реформы, конечно, присутствует, но не только. С принятием Конституции РФ[2] произошла смена парадигмы в правопонимании. Ее концептуальные основы базируются «на естественно-правовом подходе к пониманию права»[3] и положениях юридического позитивизма.

Согласно ч. 1 ст. 1 «…Россия есть <…> правовое государство…». В правовом государстве ключевыми являются принципы

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 1. С. 360.

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм.., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31, ст. 4398.

[3] См.: *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России. Москва, 2011. С. 53.

© Шафиров В. М., 2024

«не человек для права, а право для человека», «не человек для государства, а государство для человека», поэтому человеческое измерение права (человекоцентризм) становится лейтмотивом Конституции РФ. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов…» (ст. 18); «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17) и др. Линия на углубление человекоцентризма в Конституции РФ получила закрепление в бинарной природе права: естественное начало (природа личности — ч. 2 ст. 18) и позитивное начало (политическая природа — ст. 2). Выделение личностной природы дает основание утверждать, что наряду с политическим в сфере права выделился свой самостоятельный личностно-правовой или человекоориентированный подход к проведению правовой реформы.

Таким образом, естественно-позитивная доктрина Конституции РФ, выделяя личностную природу права, создает нормативные и теоретические основы для осуществления правовой реформы с позиции человеческого измерения права. С данной позиции будет рассмотрено совершенствование правотворчества, применения права правового образования.

Реформа в правотворчестве должна, прежде всего, проводиться посредством конкретизации конституционных положений в отраслевом законодательстве. Это обусловлено наличием в Конституции РФ принципов и норм об основных правах и обязанностях человека и гражданина, содержание которых изложено в сжатом, концентрированном виде. В силу этого их реализация затруднена и требует детализации в отраслевом законодательстве. Работа в настоящем направлении пока идет недостаточно интенсивно. Одним из ключевых правил является: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими». Однако до сих пор понятие, механизм непосредственного действия прав и свобод, его пределы в законодательстве не регламентированы. Фактически в отдельных случаях по усмотрению суда непосредственное действие сводится к судебной защите основных прав и свобод. Первый шаг конкретизации видится во включении термина «непосредственное действие прав

и свобод» в статьи об основных понятиях, используемых в том или ином отраслевом кодексе, а также в установлении статьи (статей), раскрывающей особенности такого действия. В перспективе с учетом важности проблемы желательно принять федеральный закон о непосредственном действии прав и свобод.

В части 3 статьи 19 Конституции РФ регламентировано: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности их реализации». Аналогичное положение в Конституции РФ сформулировано для инвалидов: «Правительство Российской Федерации <…> обеспечивает функционирование системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина…» (п. в. 2 ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Исходя из универсального характера равенства (ч. 1 ст. 19) данное общее правило о равных возможностях при реализации прав и свобод распространяется и на другие категории субъектов права. Важно, чтобы отраслевое законодательство последовательно и адекватно конкретизировало конституционную возможность равной реализации прав и свобод.

В Конституции закреплено: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно» (ч. 1 ст. 48), но согласно ст. 16 УПК РФ право на защиту обеспечивается только подозреваемому и обвиняемому. В отношении потерпевшего правило ст. 48 Конституции РФ не детализировано. Это нарушает баланс прав потерпевшего и правонарушителя.

В Конституции зафиксировано очень значимое положение: «Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд» (ч. 2 ст. 46). Казалось бы, все ясно, что тут конкретизировать, но ситуация с толкованием и применением данного правила приняла неожиданный оборот. Публичные субъекты нередко, не желая себя утруждать, отказывают в решении важных для людей вопросов, даже не вникая в их суть. Выражение: «Можете обжаловать в суд» стало привычным и даже формально правильным, «оправдывающим» бездействие. Иначе говоря, на суд перекладывается

исполнение чужих обязанностей, поэтому в отраслевые процессуальные кодексы ст. 46 должна быть не просто перенесена, а определен порядок ее применения, включая и недопустимость переложения на суд решение вопросов, входящих в круг полномочий публичных субъектов.

Назрела необходимость проводить на постоянной основе с позиций человеческого измерения мониторинг как проектов законов, так и действующих на федеральном уровне законодательных нормативных актов. Оценивая подготовленную правительством реформу пенсионной системы, Глава государства особо подчеркнул: «Прошу <…> не забывать, что все наши решения будут касаться судеб миллионов людей и должны быть справедливыми и учитывать интересы граждан. Здесь нельзя действовать механически, формально. Только взвешенно и осторожно. Иметь в виду, считаться с самыми разными жизненными ситуациями, с которыми люди сталкиваются. Именно такое человеческое измерение должно присутствовать в нормах законопроекта»[1]. Следуя данной логике, оно должно присутствовать при подготовке всех проектов законов, затрагивающих права и свободы граждан. Это позволит исключить принятие законов, нарушающих права, свободы граждан, не учитывающих их интересы, и, что существенно, преодолеть презумпцию: «Закон, пусть даже несовершенный, лучше, чем его отсутствие». Такое мнение несовместимо с конституционной новеллой о человекоцентризме.

Конечно, мониторинг современного законодательства в исследуемом аспекте — дело непростое, ведь действующих законов тысячи, но главное поставить цель, сделать человеческое измерение ориентиром, правовым компасом. Определенная работа в данном направлении ведется. Так, в 2006 году был принят Лесной кодекс РФ (далее — ЛК РФ), в котором заготовка и сбор валежника приравнивались к лесозаготовке. Вывоз из леса упавших стволов деревьев, сучьев без оформления договора аренды участка было запрещено — это правонарушение. Люди лишились возможности свободно и бесплатно собирать валежник, прежде все-

[1] *Путин В. В.* Выступление на совещании по социально-экономическим вопросам 28 августа 2018 г. // Президент Росии : офиц. сайт. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/ news/58395 (дата обращения: 25.05.2024).

го для отопления домов. В 2018 году в ЛК РФ были внесены изменения. В ч. 1 ст. 11 ЛК РФ сформулировано: «Граждане имеют право свободно и бесплатно пребывать в лесах и для собственных нужд осуществлять заготовку и сбор <…> не древесных лесных ресурсов». В части 2 статьи 32 ЛК РФ уточняется: «К недревесным лесным ресурсам, заготовка и сбор которых осуществляются в соответствии с настоящим Кодексом, относятся валежник…». Работа по обнаружению и корректировке федеральных законов через призму человекоцентризма должна приобрести постоянный и систематический характер.

Значительна роль в усовершенствовании законодательства под углом зрения человеческого измерения принадлежит КС РФ. Высший Суд, признавая те или иные правила закона не соответствующими Конституции РФ, побуждает законодателя внести изменения. Например, в КС РФ с жалобой обратилась гражданка Ш. По ее мнению, п. 1 ст. 52 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) противоречит ст. 35 (ч. 4) Конституции РФ, гарантирующей право наследования, и препятствует наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка в книгу записей рождений с нарушением требований законодательства, защищать свои имущественные права. КС РФ (постановление КС РФ от 2 марта 2021 года № 4-П)[1] постановил: признать данное законоположение не соответствующим Конституции РФ, а Федеральному законодателю надлежит внести необходимые изменения в правовое регулирование оспаривания записи об отце в книге записей рождений». 4 августа 2022 года согласно требованиям Конституции РФ и основанных на них правовых позициях КС РФ был принят Федеральный закон № 362-ФЗ «О внесении изменения в статью 52 Семейного кодекса Российской Федерации»[2]. В нем установлено: «Запись об отце ребенка в книге записей рождений, произведенная в соответствии с пунктом 2 статьи 51 настоящего Кодекса, может быть оспорена в судебном порядке <…> по требованию

[1] По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной : постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 4-П // Российская газета. 2021. 19 марта.

[2] СЗ РФ. 2022. № 32, ст. 5812.

наследника лица, записанного в качестве отца ребенка». Следует отметить вклад ВС РФ в подготовку проектов законов по гуманизации уголовного законодательства в отношении женщин, предпринимателей и т. д.

Правовая реформа с отстаиваемых позиций должна охватить и региональное законодательство. В периодической печати приводились истории, когда законотворцы представительных органов субъектов Федерации, руководствуясь, например, экономической целесообразностью, принимали законы, ставящие граждан в неравное положение. Так, в Астраханской области был принят закон, закрепивший, что «…в число детей, учитываемых для признания семьи многодетной, не включаются дети, являющиеся пасынками (падчерицами) одного из супругов». Причиной для принятия такого закона, как объяснили в пресс-службе Астраханской областной думы, стало благое желание сократить дефицит бюджета супругов[1]. Это только один из примеров, обнаруженный журналистами, и, думается, не единственный.

Реформа в применении права. При ее проведении следует исходить от конституционных положений: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2); человек, его права и свободы «…определяют смысл, содержание и применение законов… (ст. 18); «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» (ч. 1 ст. 45). В приведенных положениях упор делается на защиту не норм, а именно человека, его прав и свобод. Следовательно, правоприменительная практика должна существенно измениться, в ней на первый план должно выйти содержательное, а не формальное, по шаблону рассмотрение дел. В Обзоре судебной практики ВС РФ № 2 (2023), утвержденном Президиумом ВС РФ 19 июля 2023 года (п. 28)[2] изложено: «При проверке законности уведомления, выданного уполномоченным органом в порядке, предусмотренном статьей 51.1 ГК РФ, суду следует учитывать, что законность оспариваемых решений, действий (бездействия) нельзя рассматривать лишь как формальное соответствие требованиям правовых норм. В этой связи необходимо проверять, исполнена ли органом

[1] *Грищенко Н.* Пасынки не в счет // Российская газета. 2016. 19 октября.
[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 11.

или лицом, наделенным публичными полномочиями, при принятии оспариваемого решения, совершении действия (бездействии) обязанность по полной и всесторонней оценке фактических обстоятельств конкретного дела…».

Итак, содержательный подход — это универсальное требование, которым обязаны руководствоваться все субъекты, наделенные полномочиями применять юридические правила поведения. Однако в реальности с пониманием и реализацией настоящего требования есть проблемы. Обратимся к примеру.

Жительница Волгоградской области с 1976 по 1994 год проработала на вредном производстве (нефтеперерабатывающий завод в г. Грозном). Когда женщина стала оформлять пенсию, ей назначили небольшую сумму — 5 600 рублей, поскольку доказательства ее работы (более 15 лет) и приличной зарплаты сгорели в войну вместе с архивами завода. Предоставленную работницей справку из Росстата о зарплате в среднем по отрасли, подтверждающую заработок, в Пенсионном фонде РФ не приняли. Вот что сказал один из руководителей отделения Пенсионного фонда РФ: «Пенсионный фонд учреждение правоприменительное. Мы руководствуемся исключительно тем, что написано в нормативных документах. У суда права шире, чем у Пенсионного фонда. Суд может принять решение в пользу гражданина. А мы обязаны исполнить это решение»[1]. Суд встал на сторону пенсионерки и установил юридический факт получения заработной платы в соответствии с данными Росстата. Пенсия была увеличена. Вместе с тем следует отметить, что как правоприменители, так и суд, и Пенсионный фонд РФ в установлении фактической основы дела пенсионерки имели равные правовые возможности, но у них были разные взгляды на правопонимание и применение права. Суд исходил из приоритета прав человека и гражданина, их прямого действия, а Пенсионный фонд РФ — из формального соблюдения буквы закона. К сожалению, ситуаций необоснованного, формального отказа людям в решении их вопросов немало. В процессе правовой реформы следует особое внимание сосредоточить на внедрении содержательного подхода в деятельность всех публичных субъектов, применяющих право.

[1] *Бурменко К.* Жительница Волгоградской области через суд добилась пенсии в полтора раза большей, чем ей насчитали // Российская газета. 2011. 9 августа.

В практике правоприменения при установлении нормативной основы дела принято проводить правовую квалификацию. Речь идет о юридической оценке, то есть выяснении вопроса о том, какая норма права наиболее всего подходит к рассматриваемому случаю и подпадает ли этот случай под ее действие. Юридическая квалификация считается правильной, если удалось найти норму, прямо рассчитанную на эти факты. Правовая квалификация и связанные с нею правовые операции, безусловно, необходимы, но нормативная регуляция не сводится к нормам или к их системе. Юридическая норма есть одно из ее проявлений, один из носителей важнейшего свойства права — нормативность, поэтому при установлении юридической основы дела в соответствии человекоцентристской методологией надо проводить не просто правовую квалификацию, а *правовую диагностику.* Она предполагает развернутое исследование сложившихся обстоятельств, раскрытие их наиболее существенных сторон. Для этого необходимо обращение не только к нормам права, но и нормативным правовым обобщениям (правовым принципам, целям, задачам, дефинициям и т. д.). Взятые вместе они составляют комплекс нормативных регулятивных средств, позволяющий выявлять подлинный смысл, содержание правового регулирования общественных отношений, выносить справедливые и разумные решения в интересах граждан.

В качественных преобразованиях под углом зрения человеческого измерения нуждается правоприменительная юридическая процедура. Это обусловлено особыми требованиями к правоприменительной деятельности в правовом государстве, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы. В постановлении КС РФ от 23 апреля 2024 года № 20-П[1] сформулирована следующая правовая позиция: «Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал значение принципа поддержания доверия к закону и действиям государства, предполагающего в том числе, что уполномоченные органы обя-

[1] По делу о проверке конституционности части 3 статьи 19, частей 1 и 2 статьи 57, части 1 статьи 59, части 1 статьи 60 и части 1 статьи 63 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А. Александровой : постановление КС РФ от 23 апреля 2024 г. № 20-П // Российская газета. 2024. 8 мая.

заны принимать решения исходя из внимательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение и прекращение прав <…> Действующее законодательство <…> и практика его применения не должны порождать поводов для подрыва такого доверия.

<…> Оберегая и поддерживая конституционно значимое доверие граждан к действиям публичной власти, указанные органы обязаны учитывать и формирующиеся у граждан вследствие их действий определенные правомерные ожидания».

Модификация процессуальной формы должна привести к тому, чтобы она в полной мере соответствовала требованиям простоты, экономичности, оперативности, надежности, безопасности.

Простота процедуры, то есть сокращение количества инстанций, от которых зависит непосредственная реализация прав, свобод, обязанностей, этапов прохождения дела, документации, представляемой по делу, развитость специализации в работе органов публичной власти, помощь в получении правовой информации, относящейся к данному делу, несложность системы исполнения вынесенных решений и т. д. очень важна. Особенно это актуально, когда возникают споры в суде между гражданами и органами публичной власти, их должностными лицами. Ведь гражданин в таких ситуация более слабая сторона, например, в получении необходимой правовой информации по делу.

Экономичность процедуры предполагает, во-первых, оптимальные затраты сил, средств и времени, необходимых для обеспечения прав и свобод, достижения желательного юридического результата; во-вторых, ответственно, разумно расходовать государственные ресурсы, выделяемые на процесс правоприменения. Юридическое производство само по себе затратная сфера для бюджета, а вред, причиняемый при ведении дел, компенсируются за счет казны; в-третьих, сбалансированное соотношение платности и бесплатности совершаемых правоприменительных действий. Для немалого числа людей, например, обращение в суд за восстановлением справедливости, защитой своих прав, возмещением вреда нередко становится вопросом нерешаемым из-за ограниченности финансовых возможностей.

Оперативность процедуры заключается в своевременности принятия обращений граждан (заявлений, жалоб и т. п.), без во-

локиты их рассмотрения, вынесении и исполнении решений по ним. Юридические основания для этого есть, например, в законодательстве закреплен важнейший принцип — разумность сроков юридического производства (ст. 6^1 ГПК РФ, ст. 6^1 УПК РФ, ст. 6^1 АПК РФ, ст. 10 КАС РФ).

Надежность процедуры связывается с точной фиксацией правового положения участников правоприменительного процесса (в первую очередь прав и обязанностей), предсказуемостью действий правоприменителей, введением в законные рамки свободы усмотрения властных органов и их должностных лиц, направленностью на выявление и признание всей полноты юридических фактов, относящихся к делу, установлением и возможностью выбора эффективных юридических средств, путей (вариантов) принятия оптимального решения, обеспечением исполнения решения и, соответственно, достижением желательного для личности, общества и государства юридического результата.

Безопасность процедуры. Вступление субъекта в процессуальное правоотношение в качестве его стороны, как и всякое взаимодействие людей, несет с собой не только благо, связанное с надеждой отстоять свои личные интересы, но и потенциальный риск, вероятность побочных нежелательных последствий (ограничение, ущемление своих прав и свобод, нанесение вреда имуществу и т. п.). Особенно тяжелые последствия (угроза жизни и здоровью как своему, так и близких людей) могут возникнуть тогда, когда нужно активно действовать в интересах других лиц, общества, государства. В частности, речь идет об активном содействии потерпевших, свидетелей по уголовному делу. Безусловно, безопасность должна гарантироваться всякому, кто не проигнорировал процессуальные правила, строил поведение в соответствии с ними.

Реформа в юридическом образовании. Прогрессивные, ориентированные на человека преобразования в правотворчестве, правоприменении невозможны без большого количества хорошо подготовленных специалистов, работающих не формально, по шаблону, а креативно и ответственно. Такие кадры сегодня в дефиците. Система образования, построенная на односторонне позитивистском восприятии права, готовит преимущественно юристов, способных выполнять типовые задачи. Этому помогает

укоренившееся мнение, что учить надо деятельности, а не знаниям. В результате значительно сокращаются часы теоретического обучения, в пользу навыков практической деятельности. Это серьезная ошибка, неудачное заимствование зарубежного опыта. Здесь не учитывается, что юридическая профессия — это профессия интеллектуальных, а не посредственных ремесленников. Она сплав науки, практики и искусства, поэтому правовед с дипломом о высшем образовании должен обладать высокой правовой культурой. Задача правовой реформы в сфере юридического образования — устранить острый дефицит профессионалов с фундаментальными знаниями. «Фундаментальность — это то, что мы сегодня как раз хотим массово вернуть в систему высшего образования»[1]. Именно на основе таких знаний должны формироваться прикладные знания, умения, навыки. Синтез фундаментального и прикладного человекоориентированного обучения — непременное условие гармонизации теории и практики.

Особо следует сказать о критической ситуации со специалистами в сфере правотворческой деятельности. Как справедливо пишет профессор В. М. Баранов: «В России нет особого слоя людей, которых специально подготовили для правотворческой работы и которые имеют соответствующего образца диплом. Считается, что любой может участвовать в правотворчестве: выдвигать законодательные идеи, предоставлять концепции нормативных правовых актов, готовить проекты государственных решений и продвигать их (лоббировать) с большей или меньшей активностью»[2]. Он предлагает готовить профессионала в области правотворчества. Это актуальная инициатива. Юридические вузы должны начать готовить таких специалистов.

Таким образом, человекоориентированный подход к правовой реформе — самостоятельное направление в ее проведении. В статье представлены лишь некоторые его стороны, требующие дальнейших и разноплановых исследований. Сочетание личностно-правового и политического аспектов правовой реформы — залог ее прогрессивного осуществления.

---

[1] Российская газета. 2024. 25 января.

[2] *Баранов В. М.* Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (119). С. 18.

УДК 34

Шаханов В. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России

Метатеоретические основания правовых реформ

В основе правовых реформ лежат какие-либо правовые идеи. Идеи могут быть неадекватно восприняты или сознательно искажаться, подгоняться под какие-либо конъюнктурные схемы. Есть примеры выхватывания из контекста слов различных идеологов, которым впоследствии придавался статус ключевых общественно-политических идей. Например, выражение «Учиться, учиться и учиться» было сказано В. И. Лениным не в контексте необходимости всеобщего обучения, а с целью актуализации изучения постулатов К. Маркса, Ф. Энгельса и самого В. И. Ленина. Выражение «Человек человеку — волк» в интерпретации Т. Гоббса означало не сравнение граждан между собой, а использовалось для сравнения государств. Вырванные из контекста данные выражения получили новую жизнь, но уже в иных смыслах. Неадекватность восприятия может быть проиллюстрирована на примере развития идей К. Маркса и Ф. Энгельса как их последователями, так и их критиками. Так, В. М. Сырых неоднократно отмечал, что некоторые ученые неправильно поняли идеи основоположников марксизма[1]. То, что идеи могут получать различное толкование, — это неизбежность. Чистоту идеи может гарантировать только ее раз-

[1] См., например: *Сырых В. М.* Материалистическая диалектика как метод познания права и современность // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 126.

© Шаханов В. В., 2024

вернутое представление с использованием всех уровней научного познания — эмпирии, теории и метатеории. Такое развертывание встречается нечасто. Здесь следует сделать оговорку о том, что в науке отсутствуют единые подходы к пониманию эмпирии, теории и метатеории. Долгое время внимание исследователей было ограничено изучением соотношения лишь эмпирии и теории. Г. Д. Левин насчитывает одиннадцать подходов к ответу на вопрос: «Что такое эмпирическое и что такое теоретическое знание?»[1]. Добавлять в структуру научного знания метатеоретический уровень (в данной словесной оболочке или используя иную терминологию, не всегда охватывающую весь объем данного уровня) стали с начала текущего столетия[2]. Полагаем, что логическую структуру познания в виде триады «эмпирия – теория – метатеория» следует признать «новой нормальностью»[3].

Преломление эмпирии, теории и метатеории применительно к юриспруденции пока еще дискуссионно. Можно говорить о нескольких подходах. Один из наиболее известных — рассмотрение уровней знания о праве О. Э. Лейстом в монографии «Сущность права. Проблемы теории и философии права». В ней он выделяет три уровня познания права: практическая юриспруденция, общая теория права и философия права[4]. Основу практической юрис-

---

[1] См.: *Левин Г. Д.* Эмпирия и теория. Москва, 2016. С. 10.

[2] Хотя, безусловно, попытки были и ранее, но, как правило, без глубоких теоретических обоснований.

[3] Термин «новая нормальность» изначально появился в экономике, в настоящее время используется в философских и иных исследованиях. См., например: *Тимощук А. С.* Стратегическое управление инновациями в условиях новой нормальности // Стратегическое развитие в условиях неопределенности : материалы XXI научно-практической конференции по проблемам стратегического управления 17 ноября 2023 года / под общ. ред. А. Е. Илларионова. Владимир, 2024. С. 140–150.

В качестве своеобразного преломления новой нормальности в юриспруденции можно рассматривать, на наш взгляд, и предложенный В. А. Толстиком термин «нормальное правосознание», особенно в контексте того, что «о нормальном правосознании обоснованно говорить лишь в контексте конкретного места и конкретного времени». См.: *Толстик В. А.* Концепт нормального правосознания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 34.

[4] См.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. Москва, 2002. С. 217.

пруденции О. Э. Лейст видит в догме права, характеризуя которую он говорит, что это «наука низшего уровня абстракции, оперирующая не столько понятиями и категориями, сколько текстами (определениями) законов и других нормативных актов, практическими приемами истолкования этих текстов, определения юридической силы различных правовых актов и т. п.»[1].

Догму права в качестве первичной «грани» права рассматривает и С. С. Алексеев. В качестве других «граней» он упоминает правовое содержание (структуру) и правовые идеи[2].

В вышеуказанных интерпретациях уважаемых ученых есть некоторые моменты, на которые мы хотели бы обратить внимание[3].

Во-первых, если исходить из научного характера системы познания права, то все элементы данной системы должны носить исключительно научный характер. В этой связи возникают вопросы к рассмотрению в качестве наивысшего уровня научного познания философии права. Соотношение философии и науки неоднократно обсуждалось научной общественностью. Были высказаны различные точки зрения, но в основном они сводились к тому, что эти явления лишь частично пересекаются. Сегмент этого пересечения называют философские основания науки, поэтому верхний уровень научного познания в настоящее время называют метатеоретическим. Он включает два подуровня: общенаучные знания и философские основания науки[4].

Во-вторых, использование догмы права в качестве первоначального уровня познания в юриспруденции весьма логично, но вызывает вопросы об элементном составе догмы права. Как правило, под догму права подводят элементы практической юрис-

---

[1] См.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. Москва, 2002. С. 218, 224.

[2] См.: *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. Москва, 1999. С. 273–312.

[3] Следует сделать существенную оговорку: непосредственно «подгонкой» под логическую схему «эмпирия – теория – метатеория» О. Э. Лейст и С. С. Алексеев не занимались, но ход их мыслей дает основание предположить, что именно этой схемы они и придерживались.

[4] См.: *Лебедев С. А.* Научный метод: история и теория : монография. Москва, 2020. С. 201.

пруденции, но при этом нередко делают «реверанс» и в сторону теоретического уровня познания[1]. Этот вопрос требует углубленного исследования, поэтому в рамках данной статьи мы его лишь обозначаем. Эмпирико-теоретические переходы лишний раз подчеркивают условность границы смыслов эмпирии и теории.

Некоторые исследователи говорят об уровне знания права, некоторые — об уровне познания права. При этом зачастую их разграничение не осуществляется[2]. С. С. Алексеев, возможно, пытаясь избежать логической ловушки, использовал понятие «грани права». Здесь следует отметить, что знание и познание не являются тождественными понятиями. Это две стороны одной и той же медали, которая называется наукой, но тем не менее разные стороны. Их разграничение весьма условно можно провести по аналогии соотношения терминов «онтология» и «гносеология». Хотя и в этой терминологической «связке» невозможно построить непреодолимые барьеры, ибо, как справедливо заметил Д. А. Керимов, «не может быть онтологии вне гносеологии, равно как и наоборот»[3].

Под метатеорией понимается «…теория, в которой анализируется структура, методы и свойства какой-либо другой теории, называемой предметной (или объектной)»[4]. Понятие метатеории

---

[1] Например, Н. Н. Тарасов предлагает рассматривать догму и догматику «…в юридическом позитивизме, который у С. С. Алексеева обнаруживается при оценке культурно-исторического значения пандектистики <…> С учетом вышеизложенного допустимо полагать, что именно догма права, представленная как “овеществленная” правовая культура, как собственное содержание права, может рассматриваться и как реализованная догматическая юриспруденция, объективированное юридическое мышление». См.: *Тарасов Н. Н.* История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учебное пособие. Москва, 2023. С. 76–77. Полагаем, что в этом месте своего исследования Н. Н. Тарасов пытается придать догме права больше теоретичности.

[2] О. Э. Лейст в тексте параграфа «Три уровня знаний о праве» без каких-либо пояснений переходит от термина «знание» к термину «познание». См.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. Москва, 2002. С. 217.

[3] *Керимов Д. А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. Москва, 2011. С. 25.

[4] Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2208409 (дата обращения: 30.05.2024).

изначально использовалось для нужд математики[1]. Как и любое заимствованное понятие, оно нуждается в преломлении к гуманитарной сфере. Следует согласиться с С. А. Лебедевым в том, что единое для всех научных направлений метатеоретическое знание отсутствует и что оно должно учитывать особенности научных теорий[2].

Полагаем, что в гуманитарной сфере (в том числе в юриспруденции) метатеория предназначена для освобождения от концептуальных наслоений, «обнажения» истинного смысла явления. С этой целью в метатеоретических исследованиях могут использоваться «уровневая» методология и «уровневая» терминология, контекстуальность, междисциплинарность, эпистемология и др.[3]

Метатеория, как и любое явление, должна быть привязана к какой-либо системе координат. В качестве таковой наиболее логично рассматривать «уровневую» систему познания права. В целом такая система может быть представлена как гносеологическая матрица юриспруденции[4]. Она характеризует право как явление подвижное, подверженное концептуальным изменениям, но не теряющим вследствие этого своей целостности за счет эластичности системы взаимосвязей.

Изменение взаимосвязей носит компенсирующий характер: «удлинение» одной связи компенсируется «укорачиванием» другой связи, что стабилизирует систему, не дает ей обрушиться. Это позволяет в процессе интерпретаций и реинтерпретаций строить правовую коммуникацию как на основе старых системных связей, так и на новых основаниях, но в реалиях меняющихся взаимосвязей. В этой связи хотелось бы напомнить о том, что «…инвариантность некоторого всегда истинного высказывания относительно преобразований формальной системы не означает,

---

[1] Метатеория математики называется метаматематикой.

[2] См.: *Лебедев С. А.* Научный метод: история и теория : монография. Москва, 2020. С. 201.

[3] См.: *Шаханов В. В.* Общая характеристика метатеории права // Метатеория и методология права и правопорядка : монография / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. Владимир, 2023. С. 20–25.

[4] См.: *Шаханов В. В.* «Уровневая» система познания права как гносеологическая матрица юриспруденции // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 3. С. 18–31.

что его истинность вообще не зависит от какой-либо системы. Это говорит лишь о том, что для такого высказывания существует более общая формальная система, относительно преобразований которой оно не есть инвариантно»[1].

«Уровневая» система познания права позволяет «держать в поле зрения» весь комплекс отраслевых дисциплин, каждая из которых имеет свою эмпирию, теорию и метатеорию. Это упрощает использование механизма междисциплинарного взаимодействия, позволяет более качественно осуществлять правовое прогнозирование, расширяет дисциплинарные компетенции исследователя. Соглашаясь с О. Э. Лейстом, отметим, что «…умение решать только категории дел избранной отрасли права не дает возможности предопределить общую реформу права, если социальная надобность в такой реформе назрела»[2].

Перейдем к выводам.

1. Успех правовых реформ зависит от правильного выбора и понимания политико-правовых идей, лежащих в их основе. Одним из инструментов правильного восприятия идей, достижения их «чистоты» является «уровневая» система познания права. Она может быть рассмотрена как гносеологическая матрица юриспруденции, развертываемая на базе трех уровней научного познания: эмпирического, теоретического и метатеоретического.

2. Правовая метатеория является инструментом освобождения от концептуальных наслоений, «обнажения» истинного смысла явления. С этой целью могут быть использованы «уровневая» методология и «уровневая» терминология, контекстуальность, междисциплинарность, эпистемология и др.

В завершение еще раз подчеркнем, что правовые реформы являются следствием развертывания правовых идей (метатеоретический уровень), которые реализуются в догме права (эмпирический уровень) и правовом содержании (теоретический уровень). Все эти явления очень тесно взаимозависимы и взаимосвязаны. Познать каждое из них вне этой взаимосвязи невозможно.

---

[1] Логика научного исследования / отв. ред. П. В. Копнин, М. В. Попович. Москва, 1965. С. 110.

[2] *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. Москва, 2002. С. 219.

УДК 342:93

Шевченко И. В.,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Реформирование управления в области обороны: историко-правовой аспект

Реформирование управления в области обороны является актуальной темой, отражающей потребности современного общества в обеспечении национальной безопасности и устойчивого развития государства[1]. Историко-правовой аспект данного вопроса позволяет оценить эволюцию и эффективность изменений в системе управления обороной, а также выявить ключевые факторы, влияющие на их успешность.

В современных государствах управление обороной зачастую регулируется на конституционном уровне[2].

Важную роль в вопросах организации и реформирования обороны играют законы[3] и нормативные акты, регулирующие функционирование вооруженных сил, их структуру, порядок комплектования, обязанности военнослужащих и вопросы военного правосудия.

Существенное влияние на реформы в области обороны оказывает и международное право, которое включает договоры

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 // СЗ РФ. 2010. № 27, ч. II, ст. 5351.

[2] Конституция Российской Федерации: официальный текст : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (ст. 59, п. «м» ст. 71, ст. 87) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 06.10.2022 (дата обращения: 25.05.2024).

[3] О безопасности : федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 2.

© Шевченко И. В., 2024

о разоружении, правила ведения военных действий, участие в международных военных альянсах (например, ОДКБ[1], НАТО, АНЗЮС и пр.) и выполнение обязательств по коллективной безопасности[2].

Современные угрозы становятся все более многообразными. Традиционные военные действия дополняются гибридными угрозами, включающими кибератаки, информационные войны и террористические акты[3]. Это требует пересмотра подходов к управлению обороной, внедрения новых технологий и методов защиты.

Реформы часто направлены на модернизацию вооруженных сил, что включает обновление техники, вооружения и подготовку личного состава. Цифровизация и автоматизация процессов управления также становятся ключевыми аспектами современных реформ.

В условиях глобализации важным аспектом становится международное сотрудничество в области обороны. Совместные учения, обмен информацией и координация действий с союзниками способствуют повышению общей безопасности и готовности к ответу на угрозы.

Реформирование управления в области обороны остается актуальной задачей, требующей комплексного подхода и учета историко-правового контекста. Анализ исторических этапов и правовых норм позволяет лучше понимать динамику изменений и вырабатывать эффективные стратегии для обеспечения безопасности в современных условиях.

В рамках тематики реформирования мы проведем краткий историко-правовой анализ вопросов обороны с 2000 по 2024 год.

---

[1] О порядке реализации в Российской Федерации Протокола о механизме оказания военно-технической помощи государствам – членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии (вместе с «Положением о порядке реализации в Российской Федерации Протокола о механизме оказания военно-технической помощи государствам – членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии») : указ Президента РФ от 8 апреля 2013 г. № 343 // СЗ РФ. 2013. № 15, ст. 1774.

[2] Военно-правовое обеспечение деятельности войск : учебник / С. В. Полунин [и др.]. Новосибирск, 2023.

[3] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. 2014. 30 декабря.

Реформирование обороны России с 2000 по 2024 год характеризуется значительными структурными и организационными изменениями, направленными на модернизацию Вооруженных сил РФ, повышение их боеспособности и адаптацию к современным вызовам безопасности. Основные этапы и направления реформ в этот период можно разделить на несколько ключевых периодов. 2000–2007 годы ознаменованы началом реформ и переходом к профессиональной армии. Основные задачи того периода:

— профессионализация армейских подразделений;

— сокращение численности Вооруженных сил РФ и других ведомств в оборонной сфере и повышение качества подготовки военнослужащих.

Министром обороны того периода был С. Б. Иванов (2001–2007). Ключевые направлениям: введение новых программ подготовки военнослужащих по контракту, улучшение условий службы и материального обеспечения военнослужащих, усиление контроля и надзора за выполнением оборонных заказов.

Период с 2007 по 2012 год бы ознаменован масштабными реформами в оборонной сфере А. Э. Сердюкова (2007–2012). Основные задачи этого периода:

— создание более мобильной и компактной армии;

— увеличение доли профессиональных военнослужащих с одновременным уменьшением расходов на оборону, связанных с оптимизацией структурной составляющей военной организации государства;

— избавление от ненужных направлений деятельности и подразделений.

Ключевые направления того периода:

— переход от дивизионной к бригадной структуре Вооруженных сил РФ и других войск и воинских формирований;

— сокращение военных округов Минобороны РФ с шести до четырех[1] (Западный, Южный, Центральный, Восточный);

— реорганизация системы военного образования, закрытие и слияние военных академий и училищ;

[1] О военно-административном делении Российской Федерации : указ Президента РФ от 20 сентября 2010 г. № 1144 (утратил силу) // СЗ РФ. 2010. № 39, ст. 4929.

— оптимизация логистической структуры и продажа избыточного военного имущества и собственности в оборонной сфере, что вызвало неоднозначные оценки и критику;

— введение новых систем управления и контроля с сокращением управленческих звеньев.

В 2012 году Министерство обороны РФ возглавил С. К. Шойгу (2012–2024), который продолжил развивать реформы предыдущего периода со значительной корректировкой[1], направленной на восстановление боеспособности и модернизацию Вооруженных сил РФ. В этом же направлении развивались и другие силовые ведомства, задействованные в оборонной сфере.

Ключевые направления того периода:

— восстановление ряда структур, ликвидированных при А. Э. Сердюкове, включая возвращение к дивизионной структуре в некоторых частях;

— масштабное перевооружение и внедрение новых видов военной техники; увеличение бюджета на оборону и улучшение материально-технического обеспечения;

— развертывание Национального центра управления обороной РФ для координации всех видов Вооруженных сил РФ;

— повышение интенсивности и масштаба военных учений, включая международные; активное участие в международных конфликтах, таких как операция в Сирии, демонстрация возможностей Вооруженных сил РФ;

— усиление информационной безопасности;

— введение новых программ по военно-патриотическому воспитанию молодежи, создание движения «Юнармия»[2];

— активизация научно-исследовательской работы в области обороны и развитие новых технологий, включая искусственный интеллект и робототехнику.

В ходе проведенных реформ были достигнуты следующие результаты:

---

[1] О военно-административном делении Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 июня 2020 г. № 374 (утратил силу) // СЗ РФ. 2020. № 23, ст. 3629.

[2] О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» : указ Президента РФ от 29 октября 2015 г. № 536 // СЗ РФ. 2015. № 44, ст. 6108; *Шевченко И. В.* Воспитание будущих офицеров и патриотизм: культурологический аспект // Сборник всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Новосибирск, 2023. С. 129–135.

— профессионализация воинских подразделений с существенным увеличением доли контрактников среди военнослужащих;

— улучшение условий службы и социального обеспечения военнослужащих и их семей;

— модернизация вооружений с введением и развертыванием современных систем вооружения и военной техники и повышением технологического уровня оборонно-промышленного комплекса;

— оптимизация управленческих структур и внедрение современных систем управления, сокращение подразделений обеспечения с усилением боевых подразделений;

— активное участие войсковых подразделений России в международных операциях для демонстрации силы и возможностей российской армии;

— развитие военного сотрудничества с союзниками, включая страны ОДКБ и Китай.

Значимую корректировку в вопросах реформирования обороны России внесла специальная военная операция (СВО), проводимая РФ с февраля 2022 года. Основные изменения коснулись государственного управления в зоне проведения военной операции[1], военно-административного деления России[2], структуры Вооруженных сил РФ и других войск и воинских формирований, управления ресурсами, логистики и нормативного регулирования.

В связи с необходимостью удержания растянутого фронта и наполнения войсками промежутков между подразделениями, была проведена частичная мобилизация[3], организовано использование добровольцев и частных военных компаний[4] (ЧВК), что

---

[1] О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 // СЗ РФ. 2022. № 43, ст. 7381.

[2] О военно-административном делении Российской Федерации : указ Президента РФ от 26 февраля 2024 г. № 141 // СЗ РФ. 2024. № 10, ст. 1369.

[3] Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 // СЗ РФ. 2022. № 39, ст. 6590.

[4] Об обороне : федеральный закон от 3 мая 1996 года № 61-ФЗ (п. 8.1 ст. 1, ст. 22.1) // СЗ РФ. 1996. № 23, ст. 2750; О статусе военнослужащих : федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (п. 5.1 ст. 2, ст. 13.2) // СЗ РФ. 1998. № 22, ст. 2331; О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ (подп. 7 п. 1 ст. 18) // СЗ РФ. 1997. № 9, ст. 1014.

потребовало более строгого нормативного контроля и регулирования их деятельности, потребовало внесения изменений в законодательство.

Значительные изменения коснулись логистики и снабжения войск[1]. Были пересмотрены и адаптированы нормативные акты, регулирующие поставки боеприпасов, топлива и продовольствия для войск. Ограничение ресурсов привело к увеличению эффективности управления и перераспределения этих ресурсов. В указанный период реформирования произведено введение новых стратегий управления вооруженными силами и адаптация структурного подхода для улучшения координации между различными родами войск и командованиями. Это включало создание оперативных командных центров и укрепление роли Национального центра управления обороной, что определило укрепление позиций центрального командования и усиление контроля за действиями на местах для обеспечения более оперативного и гибкого реагирования на изменения ситуации. Продолжилась реализация программы модернизации Вооруженных сил РФ, включающей разработку и внедрение новых систем вооружения и военной техники. Это потребовало обновления нормативной базы, касающейся закупок, тестирования и развертывания новых технологий. Акцент на кибербезопасность и развитие информационных войн, что потребовало изменений в законодательстве, касающемся защиты информации и противодействия кибератакам. Специальная военная операция, начатая в феврале 2022 года, потребовала значительных корректировок в оборонной политике и нормативной базе России. Эти изменения были направлены на адаптацию к новым вызовам, улучшение координации и управления, а также на модернизацию вооруженных сил в условиях изменившихся геополитических реалий.

[1] Например: Об утверждении Правил распоряжения находящейся в собственности Российской Федерации древесиной, которая получена в ходе строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов : постановление Правительства РФ от 14 декабря 2023 г. № 2153 // СЗ РФ. 2023. № 51, ст. 9399; О выделении Минтруду России в 2024 году из резервного фонда Правительства РФ бюджетных ассигнований на предоставление гранта в форме субсидии Государственному фонду поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» : распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2023 г. № 3993-р // СЗ РФ. 2024. № 2, ст. 418.

Реформирование обороны России с 2000 по 2024 год было направлено на создание современной, мобильной и технологически продвинутой армии. Реализованные реформы позволили существенно повысить боеспособность Вооруженных сил РФ и других войск и воинских формирований, адаптировать их к новым вызовам и угрозам, а также укрепить позиции России на международной арене.

С мая 2024 года министром обороны России был назначен А. Р. Белоусов, сменивший на этом посту С. К. Шойгу. Основные направления реформ, которые планирует провести А. Р. Белоусов, включают интеграцию экономических аспектов в деятельность Министерства обороны РФ. Это связано с необходимостью оптимизации военных расходов в условиях текущих экономических реалий и увеличения эффективности использования ресурсов. Также он стремится к тому, чтобы военная политика РФ соответствовала современным вызовам и включала инновационные подходы и технологии с учетом сохранения традиционных ценностей и укрепления суверенитета России. Планируется усиление контроля за военными усилиями и адаптации стратегий, направленных на долгосрочное противостояние геополитическим вызовам. Эти предполагаемые изменения под руководством А. Р. Белоусова свидетельствуют о сдвиге в приоритетах Министерства обороны РФ, где экономические стратегии становятся важной частью оборонной политики государства.

Таким образом, историко-правовой анализ правового регулирования оборонной сферы РФ с 2000 по 2024 год показал, что нормативная правовая база данного направления государственной деятельности претерпела значительные изменения, направленные на повышение боеспособности Вооруженных сил РФ, других войск и воинских формирований в рассматриваемой сфере государственного управления и адаптацию к новым вызовам безопасности. В течение этого периода были приняты значимые нормативные акты, которые сформировали современную правовую базу в сфере обороны РФ, учитывающие реалии сегодняшней военно-политической обстановки. Вопросы же нормативной проблематики в области обороны будут являться темой дальнейшего исследования.

УДК 343.2/7:93/93

Балак П. А.,
курсант 2 курса факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии МВД России

Предпосылки и проблемы реформы уголовного законодательства на рубеже XIX–XX веков

Реформу нравов следует начинать с реформы законов

Клод Адриан Гельвеций[1]

Для эффективной реализации государством своих функций оно должно своевременно учитывать происходящие в обществе изменения.

Непрерывный процесс эволюции социально-экономической, культурной, политической сфер человеческой жизнедеятельности непременно отражается на правовой регламентации общественных отношений.

Устойчивость правовой системы любого государства зависит от качества проводимых им преобразований законодательства с расчетом на вышеуказанный фактор. Целенаправленный последовательный и комплексный процесс преобразования механизма правового регулирования той или иной сферы общественных отношений именуется реформой.

Согласно филологическим источникам реформа — это преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны

[1] См.: Цитаты о реформах // CITATY : сайт. URL: https://citaty.su/reforma-citaty-i-aforizmy (дата обращения: 21.04.2024).

© Балак П. А., 2024

общественной жизни, не уничтожающее основ существующей социальной структуры[1]. Трудно переоценить значение реформ в становлении современных общественных государственных институтов, однако они далеко не всегда отличаются совершенством и ведут к достижению запланированных результатов.

В первую очередь отметим, что правовая реформа — это комплекс глубинных изменений в правовой системе, осуществляемых в целях придания ей цивилизованного характера и формирования правового государства[2].

Проблемам реализации правовых реформ в современной юридической науке уделяется немало внимания[3], одновременно с этим до сих пор не решены многие фундаментальные вопросы в этой области. Обращаясь к вопросу классификации правовых реформ, необходимо отметить позицию профессора Т. Н. Москальковой, выделившей в зависимости от глобальных целей отраслевые правовые реформы, судебные и административные реформы, реформы правоохранительных органов[4].

К числу наиболее важных отраслевых реформ относится уголовно-правовая реформа, которая приобрела в современный период бессвязный и перманентный характер. На наш взгляд, это следует связывать с отсутствием официально признанной доктриной противодействия преступности. Реформаторская деятельность названной отрасли по большей мере заключается в точечном совершенствовании УК РФ, устанавливающего преступность и наказуемость деяний.

---

[1] См.: Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 22 / гл. ред. А. М. Прохоров. Москва, 1975.

[2] См.: *Плескач В. Н.* Правовая реформа как предпосылка совершенствования законодательства в Российской Федерации // Царскосельские чтения. 2017. № 3. С. 103.

[3] См.: *Дорская А. А.* Типология правовых реформ // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. № 1 (144). С. 11–22; *Пучков О. А.* Методологические аспекты правовой реформы в России // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2012. № 4. С. 140–145; *Игнатьева М. В.* Правовые реформы в Российской Федерации: антропологический анализ // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 3. С. 7–12.

[4] Правовые аспекты создания профессиональной полиции: ожидаемые результаты реформы : интернет-интервью Т. Н. Москальковой, депутата Государственной Думы РФ, члена Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой деятельности Информационному агентству «КонсультантПлюс» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 35. С. 2–10.

Действующая редакция УК РФ представляет собой результат многочисленных правовых реформ, проведенных государством на разных этапах становления уголовно-правовой системы. Стоит понимать, что в процессе формирования уголовного законодательства находят место как положительные, так и негативные нововведения.

Обратившись к трудам профессора А. А. Дорской, можно определить общие критерии оценки результатов правовых реформ: 1) устойчивость преобразований; 2) временна́я определенность; 3) улучшение качества жизни общества; 4) параллельность иным реформам; 5) небольшое количество принимаемых законов; 6) соответствие принципам международного права; 7) состояние юридического образования[1].

Наряду с вышеперечисленными общеправовыми критериями оценки реформы, на наш взгляд, уместно добавить специально-юридический рефлексивный показатель преобразования уголовного права. Одно из значимых требований успешности реформы — *ее надлежащее проведение.* Нарушение названного условия влечет угрозу снижения уровня эффективности всех нововведений. Помимо проработанного содержания уголовного закона необходимо обеспечить его беспрепятственное претворение в жизнь, в противном случае даже качественно разработанный проект нормативного акта не приведет к ожидаемым результатам, что также скажется на эффективности всей реформы.

Ярким примером некачественной уголовно-правовой реформы, не позволившей воплотить в жизнь прогрессивные идеи в сфере противодействия преступности, выступает преобразование российского уголовного законодательства на рубеже XIX–XX веков. Проводимые глобальные реформы предопределили широкомасштабные изменения складывающихся социально-экономических отношений, что обусловило формирование нового облика преступности.

Действующее Уложение 1845 года не позволило в полной мере обеспечить охрану наиболее значимых общественных отношений ввиду отсутствия единых принципов его построения, неоправданно огромного объема Особенной части, казуистиче-

[1] См.: *Дорская А. А.* Правовые и судебные реформы в России: историко-правовой анализ соотношений понятий // Новый ракурс. 2014. № 9–1. С. 14–25.

ского способа формулирования запретов, а также ряда иных факторов, ставших причинами его острой критики. Ввиду этого император Александр II в апреле 1870 года поручил Министерству юстиции подготовить проект нового уголовно-правового акта. В течение 33 лет, вплоть до 1903 года, велась тщательная работа над его проектом выдающимися отечественными юристами: Н. С. Таганцевым, Н. А. Неклюдовым, В. Д. Спасовичем, В. К. Случевским и другими.

Наконец 22 марта 1903 года Николаем II было утверждено Уголовное уложение Российской империи (далее — Уложение)[1]. Многолетний труд над разработкой уголовно-правовых предписаний был реализован менее чем на треть от запланированного проекта. В период с 1904 по 1911 год в действие вступили полностью или частично *только 13 из 37 глав*, что составляет *176 из 687 статей*. Достичь логического завершения реформы не получилось из-за бюрократических процедур, проявившихся в противоречии некоторых идей Уложения интересам представителей высших сословий, границы которых стирали положения законопроекта.

По мнению некоторых ученых, Уложение включило в себя лучшие достижения научной правовой мысли, поставив российский уголовный закон в один ряд с лучшими кодексами Западной Европы[2].

Значение описанной реформы трудно переоценить, так как ряд внедренных в закон положений Общей части остались практически неизменными в действующем уголовном законодательстве. Это свидетельствует о ее значительном влиянии на становление современной системы уголовного права. Примерами таких нововведений стали:

1) запрет применения уголовного закона по аналогии;

2) введение категоризации уголовно наказуемых деяний на тяжкие преступления, преступления и проступки;

3) норма о возрастной невменяемости и другие[3].

---

[1] См.: *Дудырев Ф. Ф.* Разработка и принятие уголовного уложения 1903 г. // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4 (12). С. 193–198.

[2] См.: там же. С. 197.

[3] См.: Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / М. Н. Голоднюк [и др.]; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Москва, 2002. С. 21.

Таким образом, на наш взгляд, рассматриваемая уголовно-правовая реформа на рубеже XIX–XX веков по бóльшей части провалилась. Несмотря на то, что в систему уголовного права были внедрены фрагменты запланированного преобразования, основная часть положений проекта так и не была реализована, поскольку Уложение так и не вступило в силу. Продолжавшаяся три десятилетия реформа уголовного законодательства привела лишь к внесению изменений в Уложение о наказаниях 1845 года, так и не введя в действие ряд прогрессивных правовых институтов.

Резюмируя все вышеизложенное, подведем итоги исследования уголовно-правовой реформы и неудачного исторического примера ее реализации.

Первое. Внешнее проявление уголовно-правовой реформаторской деятельности находит свое отражение в нормативных актах, составляющих уголовное законодательство.

Второе. Помимо общих требований, предъявляемых к правовым реформам, при оценке ее результатов следует учитывать фактор надлежащего проведения.

Третье. Негативный пример реформаторской деятельности отечественной системы права — уголовно-правовая реформа, проведенная на рубеже XIX–XX веков, оказавшаяся провальной вопреки четко разработанному проекту нормативного акта.

В заключение стоит отметить, что неудачный опыт осуществления реформаторской деятельности — урок, неоднократно пройденный и хорошо усвоенный российским законодателем. Мы призываем читателей помнить и положительные, и негативные события из истории своей страны. В контексте вышесказанного будет уместно завершить статью знаменитой цитатой М. В. Ломоносова: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего[1].

[1] Владимирский институт развития образования имени Л. И. Новиковой. URL: https://viro33.ru/news/7504-narod-ne-znayushchiy-svoego-proshlogo-ne-imeet-budushchego/ (дата обращения: 28.04.2024).

УДК 340

Балалаева Ю. С.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Реформирование судебной деятельности в условиях развития, внедрения и использования искусственного интеллекта: проблемы и пути решения

Все течет, все меняется.
Гераклит Эфесский[1]

Развитие любых общественных отношений невозможно представить без изменений. Одни из них являются революционными, другие — эволюционными. Думается, к последним следует относить реформы. Под реформой понимается «…преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры»[2]. Таким образом, категория «реформа» тесно связана с категорией «изменение». С нашей точки зрения, данная связь имеет двусторонний характер: реформа (в узком смысле) есть изменение, а изменение, в свою очередь, обусловливает реформу, ее необходимость. Так, одной из предпосылок реформ Петра Великого послужило возникновение и развитие мануфактурного производства: крестьяне были разделены на две категории — посессионные и приписные. Правовое оформление рассматриваемой реформы нашло выражение в издании двух императорских указов.

Однако далеко не все реформы являются правовыми. В связи с этим, ведя речь о реформах, их следует разделять на те, что опосредованы правом, и те, что правом не опосредованы. Кроме того, важное значение имеет обоснованность реформ, что пред-

[1] Гераклит Эфесский (544 г. до н. э. – 483 г. до н. э.) — древнегреческий философ, создатель первой исторической или первоначальной формы диалектики.

[2] Реформа // Большая советская энциклопедия. Основной вариант. 3-е изд. URL: https://gufo.me/dict/bse/%D0%A0%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0 (дата обращения: 30.05.2024).

© Балалаева Ю. С., 2024

полагает правильную оценку происходящих в обществе изменений. Проблему обоснованности изменения законодательства поднимает и анализирует, в частности, профессор В. А. Толстик[1].

В рамках заявленной для обсуждения на XV Бабаевские чтения темы интерес представляют правовые реформы. По нашему мнению, в широком смысле под такими реформами следует понимать не только изменения в содержании НПА но и изменения правовой системы в целом.

Полагаем, что на современном этапе существования государства и общества справедливо говорить о том, что многие из правовых реформ будут обусловлены процессами цифровизации общественных отношений, а именно развитием, внедрением и использованием технологий искусственного интеллекта. Об этом, в частности, свидетельствуют положения Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490, где в подп. ж п. 23 в качестве одной из задач развития искусственного интеллекта в России является «…создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, обеспечение безопасности применения таких технологий»[2].

Многие ученые-правоведы указывают на неизбежность правовых изменений в связи с возникновением новой цифровой реальности. Так, Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор говорят о том, что право становится не только инструментом, обеспечивающим процессы цифровизации, но и объектом цифровизационного воздействия, «…в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия…»[3]. Д. А. Пашенцев обращает внимание на изменения, которые будут происходить в правоприменении, а именно его авто-

---

[1] См.: *Толстик В. А.* К вопросу об обоснованности изменения законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 164–171.

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.05.2024).

[3] *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85.

матизацию и алгоритмизацию в связи с использованием в данной сфере роботов и искусственного интеллекта[1].

В настоящей статье мы проанализировали изменения, происходящие в судебной деятельности. С нашей точки зрения, в ближайшее время данная сфера будет реформироваться под воздействием искусственного интеллекта. Об этом свидетельствуют существующие в ней проблемы, решение которых традиционными средствами не демонстрирует прогрессивных изменений. Так, по-прежнему основной проблемой остается высокая судебная нагрузка, на что постоянно обращает внимание Президент РФ В. В. Путин. Совсем недавно на встрече с новым председателем ВС РФ И. Л. Подносовой он дал поручение разобраться с загруженностью судов[2].

Не менее значимым проблемным вопросом является повышение доступности правосудия. На это указывает последняя реформа 2019 года, в результате которой были созданы апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции. Однако она не сделала правосудие более доступным, а лишь усложнила ситуацию, поскольку «…мы получили уникальную по количеству звеньев (их теперь шесть) судебную систему, где обжалование превратилось в сложную проблему для обычных граждан»[3].

Свою остроту не теряет и проблема судебной коррупции, принятия судьями коррупционно мотивированных решений. Председатель КС РФ В. Д. Зорькин отмечает, что «…мздоимство в судах стало одним их самых мощных коррупционных рынков в России»[4].

Таким образом, актуальным представляется привлечение новых способов решения указанных проблем. Одним из них являет-

---

[1] См.: *Пашенцев Д. А.* Особенности правоприменения в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. Вып. 1. С. 35.

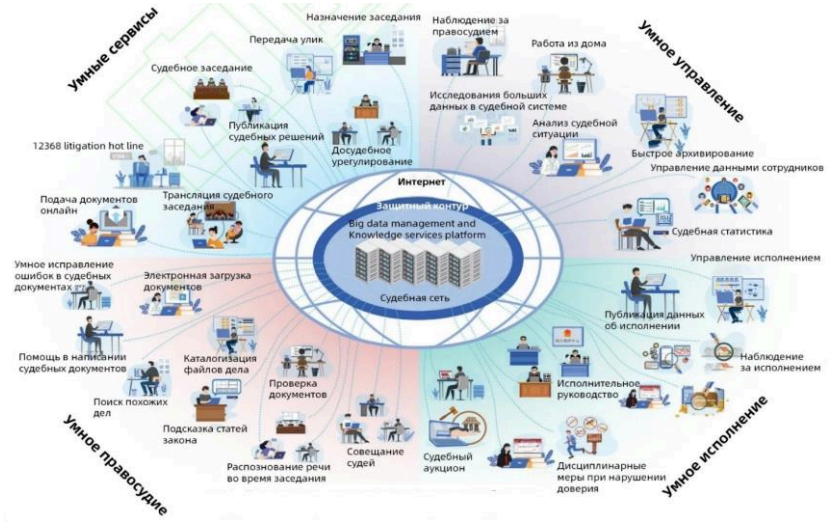
[2] См.: Путин на встрече с Подносовой призвал разобраться с загруженностью судов. // ТАСС : офиц. сайт. URL: https://tass.ru/politika/20628083?ysclid=lxabwhnvtq332990198 (дата обращения: 30.05.2024).

[3] *Ильютченко Н. В.* Влияние судебной реформы на доступность правосудия // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета. Краснодар, 2020. С. 118.

[4] Приговор по прейскуранту // Российская газета. 2004. 19 мая.

ся реформирование судебной деятельности посредством внедрения и использования искусственного интеллекта. Однако при этом нельзя не обратить внимания на ряд вопросов.

1. Следует выявить направления реформирования. В этом может оказать помощь уже имеющийся опыт зарубежных стран. Так, положительным примером можно считать изменения в судебной системе, произошедшие в Китае. В настоящее время там функционирует система «умных судов» (рисунок), в основе которой лежат технологии сети «Интернет» и искусственного интеллекта. Она позволяет оптимизировать решение множества задач, объединяемых в четыре блока: 1) «умные сервисы»; 2) «умное управление»; 3) «умное правосудие»; 4) «умное исполнение». Данная система — значительный шаг вперед в развитии электронного правосудия.



Принципиальная схема новой модели работы суда, поддерживаемая проектом интеллектуальной судебной системы[1]

В связи с тем, что ключевой формой выражения судебной деятельности является разрешение юридических дел, реформиро-

[1] См.: South China Morning Post. 2021. 10 марта.

вание здесь имеет особенно важное значение. Опираясь на зарубежный опыт, мы выявили следующие направления:

а) автоматизация производства по отдельным категориям дел;

б) использование искусственного интеллекта в рамках «консультирования» при вынесении судебных решений.

А. *Под автоматизацией* мы подразумеваем исключение судьи-человека при разрешении, прежде всего, таких дел, в которых отсутствует спор о праве. Это дела гражданского, административного, арбитражного производства о вынесении судебного приказа. Технологии искусственного интеллекта здесь могут быть использованы для организации судебного производства в онлайн-режиме через специальную, судебную интернет-платформу. Подобная платформа функционирует в китайских судах («Мобильный микро-суд») и использует функции распознавания лиц, удаленного аудио и видео, электронных подписей и ряд других, позволяя гражданам посредством своих мобильных телефонов осуществлять различные действия: подать иск, переслать документы, принять участие в слушании дела, обменяться доказательствами по делу, провести медиацию[1]

С нашей точки зрения, представляется возможным автоматическое составление судебного приказа программой искусственного интеллекта на основе представляемых гражданином документов (заявления, подтверждающих документов) через платформу, подобную той, что имеется в Китае. Это позволило бы уменьшить нагрузку судей и освободить время для разрешения более сложных дел. Кроме того, такое мобильное судопроизводство свидетельствовало бы о расширении права на доступ к правосудию. Так, в качестве интересного опыта, расширяющего доступность правосудия, можно рассматривать опыт Казахстана, где большинство несложных гражданских дел рассматривается без непосредственного присутствия сторон в зале судебного заседания. Они участвуют в нем со своих смартфонов, в том числе и находясь в других регионах и странах[2].

---

[1] См.: *Нелейвода Т.* Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР. URL: https://zakon.ru/ blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633 (дата обращения: 30.05.2024).

[2] См.: *Качалова О. В.* Правосудие как услуга: мировой тренд // Уголовный процесс. 2019. № 11 (179). С. 10.

Б. «*Консультирование»* с искусственным интеллектом предполагает использование генеративных технологий (например, популярной нейронной сети «GPT-чат») для получения либо готового судебного решения, либо отдельной информации, необходимой для его подготовки (ссылок на НПА, судебную практику и др.), а также проверки подготовленного судьей решения на предмет различных ошибок.

2. Следует определить, как повлияет ли реформирование, о котором идет речь, на качество правосудия. Некоторые ученые считают, что судебная деятельность настолько творческая, требующая индивидуального подхода к каждому делу, что использование искусственного интеллекта неизбежно приведет к вынесению судебных решений «под копирку» и впоследствии к снижению качества правосудия, дегуманизации права[1]. Искусственный интеллект здесь противопоставляется судье-человеку, поскольку у него отсутствует душа, эмпатия и иные человеческие свойства, малейшие представления о морали, без чего принять поистине справедливое решение, по мнению данных ученых, не представляется возможным.

С приведенными выше положениями сложно согласиться. Однако судебная деятельность, помимо творческого характера, имеет и механическую составляющую. При разрешении далеко не всех категорий дел есть место творческому характеру. Так, сложно представить его реализацию в приказном производстве, в котором судья выполняет сугубо технические функции.

Нельзя не обратить внимание на негативную практику копирования обвинительного заключения в приговор, которая получила название «*flesh*-решения». Оно обусловлено тем, что судьи получают от следователей обвинительное заключение в электронном виде посредством флеш-носителей, им остается только

[1] См., например: *Пашенцев Д. А.* Принцип справедливости в гражданском процессе в условиях цифровизации // Принципы гражданского процессуального права: проблемы правового закрепления, толкования и правоприменения : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 54; *Овчинников А. И.* Правовое мышление в век цифровизации: мнимые и реальные вызовы юридической профессии // Юго-западный юридический форум : сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск, 2021. Вып. 1. С. 342.

перенести его содержимое в свое решение. Следствием такой практики является дискредитация суда как места рассмотрения дела по существу и принятия справедливого решения. Принятие решения о виновности смещается на досудебную стадию. В отсутствии противовеса стороне обвинения мы получаем обвинительный уклон в судебном решении и атрофию судебного следствия[1]. Таким образом, в данных условиях необоснованным представляется говорить о творческом характере судебной деятельности.

Помимо этого, указывается на нарушение конституционных принципов правосудия (осуществление правосудия только судом, независимость судьи, непосредственность судебного разбирательства и др.)[2] при внедрении искусственного интеллекта в сферу отправления правосудия. Отдельные ученые рассматривают данные принципы в качестве правового барьера, не допускающего отправление правосудия системой искусственного интеллекта[3]. Мы солидарны с данной точкой зрения. Исходя из содержания рассматриваемых принципов, а также особенностей искусственного интеллекта, преодоление данного правового барьера не представляется возможным ввиду следующих обстоятельств:

а) отсутствие у искусственного интеллекта свойств субъекта права, что не позволяет ему выступать участником каких-либо правоотношений, не говоря уже об участии в роли судьи;

б) искусственный интеллект не может проявлять независимость, подобно судье-человеку, поскольку он является результатом деятельности разработчиков и функционирует на основе той информации, которая была ими заложена на этапе программирования.

Таким образом, корректно говорить не о замене судьи искусственным интеллектом, а о выполнении им отдельных функций

---

[1] См.: *Переверзева А.* Скопированный приговор – не приговор? // Совершенно секретно : сайт. URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/obshchestvo/ skopirovannyy-prigovor-ne-prigovor/?ysclid=lxd07xdn8v56959585 (дата обращения: 30.05.2024).

[2] См.: *Алексеев А. А*. Принцип осуществления правосудия только судом в современном гражданском судопроизводстве // Российское право онлайн. 2018. № 3. С. 29–36.

[3] См.: *Егорова Д. В., Скрынникова А. С., Казаева Д. Е.* Реализация принципа непосредственности в условиях внедрения искусственного интеллекта при рассмотрении гражданских дел // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Вып. 5 (25). Т. 2. С. 172–178.

судьи при разрешении юридических дел. Осуществление правосудия было, есть и будет исключительно государственной деятельностью, субъектами которой являются уполномоченные должностные лица — судьи. Предлагаемая нами автоматизация производства отдельных категорий дел не позволяет говорить о том, что разрешение юридических дел производится искусственным интеллектом, поскольку он будет использоваться конкретными судами в рамках специально созданных для них платформ и программно-аппаратных комплексов, консультативная помощь искусственного интеллекта не свидетельствует о том, что судья-человек независим в своем решении, поскольку конечное решение всегда остается за ним, несмотря на то, что в Китае, например, он должен письменно обосновать свое несогласие с решением юридического дела, предложенным программой. Последнее не свидетельствует, на наш взгляд, об императивном характере предлагаемых искусственным интеллектом рекомендаций.

В связи с изложенным выше наша позиция заключается в том, что реформирование судебной деятельности посредством внедрения и использования искусственного интеллекта повысит качество правосудия. По нашему мнению, следует не противопоставлять новые технологии судье, а искать пути их сближения, комбинирования имеющихся возможностей для получения наилучшего результата. Безусловно, нельзя исключать допущение ошибок искусственным интеллектом (например, генерирование недостоверной информации), поэтому задача юристов состоит в грамотном использовании результатов его функционирования, обеспечивающем все предусмотренные законом права и свободы граждан.

УДК 93:341

Джусупов Э. А.,
магистрант Академии управления МВД России

История борьбы с коррупцией в Кыргызской Республике

Политика любого современного государства в первую очередь направлена на то, чтобы поддержать правопорядок, спокойствие и безопасность граждан, а также достойное развитие и функционирование общественных отношений, что не является исключением для Кыргызской Республики.

В данной статье раскрываются особенности проявления коррупции в период становления Кыргызстана как суверенного и демократического государства.

Кыргызстан — суверенное, демократическое, правовое, светское государство, расположенное в сердце Центральной Азии и являвшееся одним из пятнадцати государств Союза Советских Социалистических Республик до 1991 года. В августе 1991 года Кыргызстан объявил о своей независимости на мировой арене, и с того времени пошла точка отсчета новейшей истории для молодого государства. На тот момент первым главой государства был избран А. А. Акаев, который начал реформировать антикоррупционную политику государства, приводя ее в соответствие с международными стандартами и учитывая внутренние правовые традиции. С периода становления Кыргызской Республики как независимого государства сменились шесть президентов, каждый из которых в той или иной степени вел борьбу с этим страшным злом для государства — коррупцией.

Понятие коррупции имеет свое отражение в различной литературе и НПА. Концептуальным является определение, установленное в Законе Кыргызской Республике от 8 августа 2012 года № 153 «О противодействии коррупции»: «*Коррупция — умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных*

© Джусупов Э. А., 2024

благ и преимуществ, а также предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающие угрозу интересам общества или государства»[1].

Что касается РФ, то термин «коррупция» определен ФЗ от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», но с детализацией на конкретные действия, то есть *коррупция — злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами*[2].

Коррупция угрожает основанному на законе нормальному функционированию и развитию демократических институтов, принципам равенства, установленным высшим нормативным актом страны — Конституцией, а также успешному становлению и развитию рыночной экономики.

Всем известно, что история коррупции столь же длинная, как и история возникновения человечества. Дарение подарков — это исторически принятый жест человека к человеку, получение какого-либо внимания или расположения к себе, в связи с чем в первобытно-общинном строе передача так называемых подарков и дани жрецу или вождю была нормой[3].

Коррупция с момента образования Кыргызской Республики является одной из насущных проблем общества и государства, активные меры по борьбе с которой принимаются и в настоящее время. Было несколько этапов борьбы с коррупцией с момента обретения независимости Кыргызской Республики.

Первый Президент Кыргызстана А. А. Акаев в 1992 году подписал Указ № 388 «О мерах по организации борьбы с коррупп-

[1] О противодействии коррупции : закон Кыргызской Республики от 8 августа 2012 г. № 153. URL: cbd.minjust.gov.rg (дата обращения: 25.04.2024).

[2] СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

[3] Уголовная политика Российской Федерации: в 2 частях. Ч. 1 : учебник / под ред. Л. И. Беляевой. Москва, 2018.

цией в системе государственной службы Республики Кыргызстан», согласно которому работникам государственного аппарата запрещалось заниматься предпринимательской деятельностью, а также в нем был прописан ряд иных запретов. Вместе с тем в правоохранительных органах, а именно в системе органов внутренних дел и органов государственной безопасности, также происходили преобразования. На базе МВД было сформировано подразделение по борьбе с экономической преступностью и коррупцией, а в Спецслужбе независимого Кыргызстана (СНБ) — управление по борьбе с коррупцией и контрабандой. На тот период стимулирующим элементом для правоохранительных органов в борьбе с преступностью был бонус — 30-процентные отчисления от сумм, возмещенных в государственную казну, сегодня такого бонуса нет.

На заседании Совета безопасности Кыргызской Республики 31 марта 2003 года было определено, что в качестве приоритетной задачи государства выступает реформирование государственных органов в области борьбы с коррупцией и исключение дублирующих функций у правоохранительных органов, а также введены ограничения в необоснованное вмешательство в бизнес со стороны контрольно-надзорных органов.

Второй Президент суверенного Кыргызстана К. С. Бакиев 21 июня 2005 года утвердил Государственную стратегию борьбы с коррупцией в Кыргызской Республике. Впервые понятие «коррупция» стало определено вышеуказанной Стратегией, также приняты во внимание иные аспекты борьбы с коррупцией: совершенствование правовой базы, материально-техническое обеспечение государственных органов в борьбе с коррупцией, а также повышение профессионального мастерства сотрудников правоохранительных органов. В том же году Кыргызстан ратифицировал Конвенцию ООН против коррупции. Это способствовало подписанию Указа Президентом Кыргызской Республики от 21 октября 2005 года № 476 «О безотлагательных мерах по борьбе с коррупцией».

Весной 2010 года народ выразил негодование по вопросу о семейно-клановом правлении в Кыргызстане, что полностью противоречило этике государственных служащих, а также поставило под большое сомнение прозрачность и эффективность дей-

ствий в борьбе с коррупцией и иными криминальными проявлениями. В Кыргызстане произошел государственный переворот, в связи с чем к власти пришло временное правительство. Его политика первую очередь была направлена на ликвидацию Агентства по предупреждению коррупции и реформирование Государственной таможенной службы в целях предметной борьбы с коррупцией. Вопросы коррупционной безопасности перешли в ведение Совета обороны Кыргызской Республики.

Президентом Кыргызской Республики А. Ш. Атамбаевым был принят Указ от 2 февраля 2012 года № 26 «О Государственной стратегии антикоррупционной политики Кыргызской Республики и мерах по противодействию коррупции»[1]. В Стратегии были изложены основные направления деятельности государства в борьбе с коррупцией и впервые обозначено, что это *долгосрочная задача государства*.

В августе 2012 года принят Закон Кыргызской Республики «О противодействии коррупции», который в большей степени является декларативным и несистематизированным, так как понятие коррупции было просто заимствовано из Уголовного кодекса Кыргызской Республики, также не был определен правовой статус подарков для государственных служащих.

Действующий Президент Кыргызской Республики С. Н. Жапаров пришел во власть после октябрьских событий 2020 года. Выступая перед народом, он отметил, что в современном Кыргызстане имеется ряд проблем, которые ранее не были решены никем из руководителей страны, и определил борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти как первоочередную задачу для себя и своей команды, а также акцентировал внимание на искоренении организованной преступности на территории Кыргызской Республики.

Информацию об успешно проводимой антикоррупционной политике нынешней власти Кыргызской Республики ежедневно можно получать на просторах сети «Интернет» и в информационных порталах, где представленные данные ежедневно свидетельствуют о пресечении различного рода преступлений коррупционной направленности в органах государственной власти.

[1] URL: cbd.minjust.gov.rg (дата обращения: 25.04.2024).

Государственный комитет национальной безопасности Кыргызской Республики (далее — ГКНБ) и МВД ведут активную борьбу с членами организованной преступности на предмет выявления и пресечения противоправной деятельности. Члены организованной преступности в Кыргызской Республике в начале 2000-х годов были тесно связаны с государственной властью, в какой-то мере оказывали влияние на принятие общегосударственных и политических решений, сегодня такого не происходит. Об этом свидетельствуют нижеуказанные статистические данные, относительно коррупционных преступлений, которые являются индикатором качества противодействия государства неправомерным проявлениям в сфере государственно-властной деятельности. Несомненно, можно говорить о сложности расследования и документирования должностных преступлений, ответственность за которые предусмотрена главой 42 УК КР, а также о том, что сам процесс доказывания и судебного разбирательства по данной категории дел может длиться значительное время[1]. Несмотря на это, в Кыргызской Республике за прошедший 2022 год было зарегистрировано 1 838 преступлений коррупционной направленности, за 2023 год — 1 116 преступлений.

По данным Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, ущерб государству от преступлений коррупционной направленности за 2022 год превысил 11,5 млрд кыргызских сомов[2] (эквивалентно 12,9 млрд российских рублей). В ходе проведения соответствующей антикоррупционной работы правоохранительных и иных государственных органов на депозитный счет Министерства финансов Кыргызской Республики в 2023 году поступило 20,4 млрд сом (эквивалентно 21,5 млрд российских рублей)[3].

---

[1] См.: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Преступность. URL: https://www.stat.kg/ru/statistics/prestupnost/ (дата обращения: 24.04.2024).

[2] См.: Генпрокурор Кыргызстана рассказал об итогах борьбы с коррупционными преступлениями в 2022 году. URL: https://mir24.tv/news/16540102/genpro-kuror-kyrgyzstana-rasskazal-ob-itogah-borby-s-korrupcionnymi-prestupleniyami-v-2022-godu (дата обращения: 24.04.2024).

[3] См.: БИШКЕК, 29 мар — Sputnik. В результате борьбы с коррупцией на депозитный счет Министерства финансов КР поступило 20,4 миллиарда сомов, сообщает ведомство. URL: https://ru.sputnik.kg/20240329/kyrgyzstan-minfin-korrup-tsiya-borba-1083802756.html (дата обращения: 24.04.2024).

По данным Евразийского банка развития, объем ВВП Кыргызстана в 2023 году впервые со времен независимости превысил 1 трлн сомов (эквивалентно 1,300 трлн российских рублей), а экономика Республики за год выросла больше чем на 6 %. Вышеуказанные статистические данные свидетельствуют о качественной и целенаправленной работе Президента Кыргызской Республики С. Н. Жапарова[1].

В 2021 году уголовно-правовое и процессуальное законодательство Кыргызской Республики вместе с системой регистрации преступлений претерпело изменения и дополнения. В частности, руководство страны акцентировало внимание на состоянии коррупции в стране и в Уголовном кодексе Кыргызской Республики появилась новая статья — «Коррупция»:

«*1. Коррупция — умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставления ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающие угрозу интересам общества или государства*,

— наказываются лишением свободы на срок от десяти до двенадцати лет с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью до трех лет.

2. То же деяние, совершенное в интересах организованной группы, преступного сообщества, или повлекшее тяжкий вред,

— наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет»[2].

Коррупция — это социальное явление. Она обусловлена не биологической природой человека, а природой и содержанием

[1] Экономическое чудо Кыргызстана. Три года Садыра Жапарова. URL: https://mir24.tv/articles/16578883/ekonomicheskoe-chudo-kyrgyzstana-tri-goda-sadyra-zhaparova (дата обращения: 24.04.2024).

[2] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127. URL: cbd.minjust.gov.rg (дата обращения: 25.04.2024).

общественных отношений и противоречий, представляет собой общественно опасный продукт социальной жизни и деятельности населения, причиняет вред обществу, то есть тем же социальным отношениям[1]. Проблема коррупции не столько правовая, сколько социально-политическая, поэтому административным ресурсом должны применяться различные меры, например, политические, экономические, правовые, нравственные, психологические, которые позволят снизить уровень коррупции и защитить население от поборов и злоупотреблений чиновников на всех уровнях управления.

Как показывают практика и многолетний опыт борьбы с коррупционной преступностью многих государств, полностью коррупцию искоренить невозможно, однако принять меры по установлению контроля над ней и меры по ее ограничению, как и с иными видами преступлений, вполне реально в рамках как правовых, так и организационных реформ. Кыргызская Республика имеет собственный опыт борьбы с коррупцией, что отражено в ряде нормативно-правовых и программных документов.

В Кыргызской Республике, как и в РФ, к коррупционным преступлениям в сфере служебной деятельности относятся преступления, связанные с деятельностью должностных лиц, выполняющих функции представителей власти или местного самоуправления, а также занимающих должности в органах государственной власти, органах местного самоуправления, в государственных и иных хозяйственных структурах государственной или муниципальной собственности, на что указывается в приложении 1 к ст. 285 УК РФ.

В Кыргызской Республике в подавляющем большинстве современных источников относительно состояния преступности дается информация о количестве уголовных судопроизводств по делам о получении должностными лицами неправомерной выгоды, совершении других коррупционных правонарушений. Все чаще в СМИ разоблачаются очередные коррупционные схемы[2].

---

[1] См.: Организация противодействия коррупции в современной России : курс лекций / Я. Г. Ищук [и др.]; под общ. ред. Я. Г. Ищука. Москва, 2023.

[2] См.: *Авков А.* В Киргизии объявили войну коррупции: военачальника обвинили в хищении $400 тысяч. URL: https://www.mk.ru/politics/2021/12/21/v-kirgizii-obyavili-voynu-korrupcii-voenachalnika-obvinili-v-khishhenii-400-tysyach.html (дата обращения: 24.04.2024).

Для обеспечения стабильной работы механизма антикоррупционной политики в Кыргызской Республике предлагаем заимствовать положительный опыт РФ и внедрить в национальное законодательство следующие направления:

— повышение уровня доверия населения к государственной службе, а именно правоохранительной и судебной системам Кыргызской Республики, совершенствование системы контроля со стороны общественности, прозрачность деятельности органов государственной власти;

— максимальное снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы профилактики правонарушений;

— активизация и совершенствование системы предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

— совершенствование законодательства в области цифровых валют в целях противодействия коррупционной преступности в данной сфере[1].

В завершение следует отметить, что на значимость борьбы с коррупцией в Кыргызской Республике в сфере государственного управления указывает и Глава государства С. Н. Жапаров, который отметил, что чиновники, уличенные в коррупционных преступлениях, будут наказаны по всей строгости закона, и возмещение причиненного государству ущерба будет десятикратным[2]. Соответственно, для разрешения проблемы коррупции, а именно ее минимизации в Кыргызской Республике, центральной линией антикоррупционной политики должны стать мероприятия, направленные на формирование в обществе стойкой позиции неприятия любых форм проявления коррупции: начиная от дарения подарков государственным служащим и заканчивая попытками дачи взяток.

---

[1] См.: Организация противодействия коррупции в современной России : курс лекций / Я. Г. Ищук [и др.] ; под общ. ред. Я. Г. Ищука. Москва, 2023.

[2] См.: *Слинькова Д.* Президент Кыргызстана — коррупционерам: Украденное будете компенсировать в десятикратном размере. URL: https://informburo.kz/novosti/prezident-kyrgyzstana-korrupcioneram-ukradennoe-budete-kompensirovat-v-desyatikratnom-razmere (дата обращения: 24.04.2024).

УДК 34

Железова Л. Ю.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

К вопросу о необходимости реформирования процедуры по установлению меры юридической ответственности

Начиная разговор о необходимости реформирования процедуры по установлению меры юридической ответственности, оговоримся, что под реформированием мы понимаем преобразование той или иной стороны общественной жизни, порядков, процедур, институтов, не уничтожающее основ существующей социальной структуры.

Что касается необходимости реформирования, то его организация и проведение должны быть напрямую связаны с потребностями общества и государства. При этом задача, которая должна разрешаться любой проводимой реформой, заключается в качественном улучшении тех порядков, процедур и институтов, на которые она направлена.

Чем вызвана необходимость реформирования процедуры по установлению меры юридической ответственности? И существует ли эта необходимость?

На сегодняшний день ответить на вопрос о том, совершенна ли деятельность законодателя по установлению меры юридической ответственности[1], весьма затруднительно, поскольку говорить, что результат этой деятельности (то есть установленные законодателем меры ответственности) является обоснованным, справедливым и эффективным, не приходится. Уже на основании данного утверждения можно говорить о необходимости реформирования рассматриваемой процедуры. Чтобы не быть голо-

[1] О соотношении юридической ответственности и наказания. См.: *Толстик В. А.* Юридическая ответственность и наказание: проблема соотношения // Государство и право. 2023. № 10. С. 63–70.

© Железова Л. Ю., 2024

словными подтвердим ранее выдвинутый нами тезис примерами из действующего законодательства.

В качестве первого примера рассмотрим ч. 1 ст. 141^1 ч. 1 ст. 184, ч. 1 ст. 200^5, ч. 1 ст. 204 и ч. 1 ст. 291 УК РФ[1].

Проводя юридический анализ указанных статей, можно заметить, что общественные отношения, которые ими защищаются, разнообразны и охватывают сферу конституционных прав и свобод человека и гражданина, сферу экономики, а также сферу государственной власти.

Все рассматриваемые статьи имеют предмет в виде денег, ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера и иных имущественных прав. Некоторыми, но не принципиальными отличиями обладает лишь ст. 141^1 УК РФ, которая не называет в качестве предмета преступления ценные бумаги, но указывает на возможность передачи денежных средств, материальных ценностей, оказания оплачиваемых работ и услуг, а также реализации товаров.

Особое внимание стоит обратить на размер предмета преступления. Согласно ч. 1 ст. 204 и ст. 291 УК РФ размер взятки или коммерческого подкупа должен быть менее 25 000 рублей; по ч. 1 ст. 200^5 УК РФ — менее 150 000 рублей; а что касается ч. 1 ст. 141^1 УК РФ, то в этом случае размер передаваемого должен составлять не менее 1 млн рублей.

Сравнивая как субъективную (см. табл. 1), так и объективную (см. табл. 2) стороны рассматриваемых преступлений, можно говорить об их идентичности, поскольку каждая из рассматриваемых статей в качестве противоправного деяния называет передачу определенному лицу денежных средств, материальных ценностей, оказание услуг, выполнение работ, предоставление имущественных прав с целью получения определенных выгод для дающего (например, достижение определенного результата на выборах, оказание влияния на результат соревнования или совершение каких-либо действий (бездействия) в интересах дающего).

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СЗ РФ: 1996. № 25, ст. 2954.

Таблица 1

Сравнительный анализ статей 141^1, 184, 200^5, 204, 291 УК РФ по субъективной стороне

Критерий сравнения	Часть 1 статьи 141^1 УК РФ	Часть 1 статьи 184 УК РФ	Часть 1 статьи 200^5 УК РФ	Часть 1 статьи 204 УК РФ	Часть 1 статьи 291 УК РФ
Субъект	Вменяемое, физическое лицо, достигшее возраста 16 лет				
Субъективная сторона	Вина в форме прямого умысла				
	Цель: достижение определенного результата на выборах либо на референдуме	Цель: оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования	Цель: за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц в связи с закупкой товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд	Цель: за совершение действий (бездействий) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица, либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию)	Цель: совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействия) входят в служебные полномочия должностного лица, либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе

Таблица 2

Сравнительный анализ статей 141[1], 184, 200[5], 204, 291 УК РФ по субъекту и субъективной стороне

Критерий сравнения	Часть 1 статьи 141[1] УК РФ	Часть 1 статьи 184 УК РФ	Часть 1 статьи 200[5] УК РФ	Часть 1 статьи 204 УК РФ	Часть 1 статьи 291 УК РФ
Объективная сторона	*Общественно опасные деяния (далее — ООД)*				
	— Передача кандидату, избирательному объединению инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума денежных средств, минуя избирательный фонд; — передача кандидату, избирательному объединению инициативной группе по проведению референдума, иной группе участников референдума материальных ценностей без компенсации за счет средств соответствующего избирательного фонда;	Передача спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной ко-манды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса денег, ЦБ, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав	Передача работнику контрактной службы, контрактному управляющему, члену комиссии по осуществлению закупок, лицу, осуществляющему приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иному уполномоченному лицу, представляющему интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание ему услуг имущественного характера,	Передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконные оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу)	Дача взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу)

Окончание табл. 2

Критерий сравнения	**Часть 1 статьи 141[1] УК РФ**	**Часть 1 статьи 184 УК РФ**	**Часть 1 статьи 200[5] УК РФ**	**Часть 1 статьи 204 УК РФ**	**Часть 1 статьи 291 УК РФ**
Объективная сторона	*Общественно опасные деяния (далее — ООД)*				
	— выполнение оплачиваемых работ, реализация товаров, оказание платных услуг, прямо или косвенно связанных с выборами или референдумом, осуществленные без оплаты из соответствующего избирательного фонда или с оплатой, но по необоснованно заниженным расценкам		предоставление других имущественных прав		
	Состав				
	Формальный, преступление окончено с момента передачи хотя бы части ценностей				

Проанализируем меры юридической ответственности, закрепленные в указанных нормах.

Санкцией каждой из указанных норм в качестве возможной меры ответственности (а также основного вида наказания) устанавливается штраф. Он может быть назначен в определенном законодателем диапазоне суммы либо вычислен в зависимости от суммы взятки или коммерческого подкупа (см. рис. 1), либо вычислен, исходя из размера заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период (см. рис. 2).

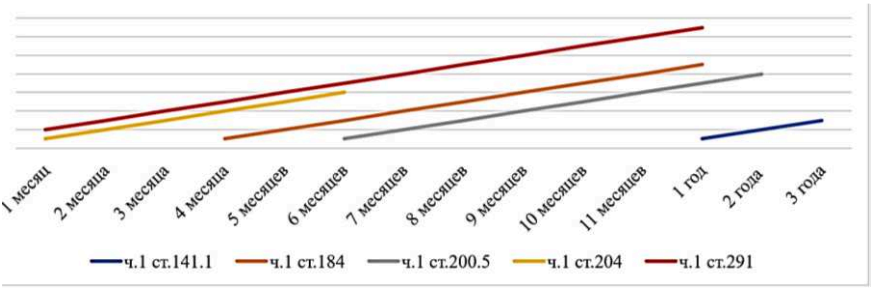


Рис. 1. Сравнительный анализ размера штрафов по ч. 1 ст. 141[1], ч. 1 ст. 184, ч. 1 ст. 200[5], ч .1 ст.204, ч. 1 ст. 291 УК РФ

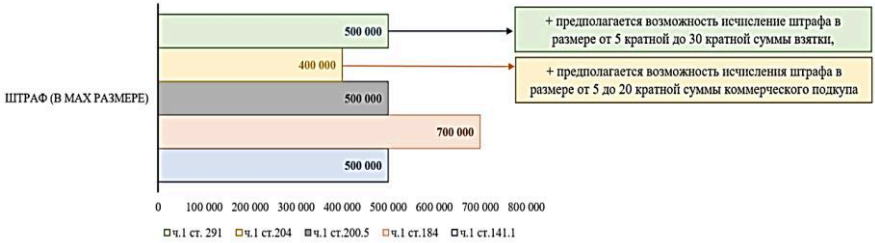


Рис. 2. Сравнительный анализ размера штрафов, исчисляемых исходя из ЗП или иного дохода, осужденного за определенный период, по ч. 1 ст. 141[1], ч. 1 ст. 184, ч. 1 ст. 200[5], ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 291 УК РФ

Анализируя представленные рисунки, можно заметить следующее: размер штрафа за дачу взятки должностному лицу, передачу денег кандидату или избирательному объединению, а также за подкуп лиц, осуществляющих деятельность в сфере закупок, составляет сумму до 500 тыс. рублей, а подкуп лиц, которые могут оказать влияние на результаты официального спортивного соревнования, оценивается законодателем штрафом, сумма которого варьируется от 300 тыс. до 700 тыс. рублей. На наш взгляд, это один из примеров явной несоизмеримости деяния с наказанием.

Так, в случае совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 141^1 УК РФ, виновное лицо своими действиями влияет на ход выборов или референдума, от результатов которых во многом зависит дальнейшая судьба отдельно взятого субъекта РФ либо всего государства в целом, поскольку как выборы, так и референдум представляют собой те инструменты, посредством которых происходит управление гражданами делами государства.

Как уже упоминалось выше, размер предмета преступления по ч. 1 ст. 141^1 УК РФ составляет не менее 1 млн рублей, когда по ч. 1 ст. 184 УК РФ размер предмета не регламентирован и, соответственно, независимо от передаваемой суммы (будь то 20 тыс. или 30 тыс. рублей) размер штрафа будет варьироваться в диапазоне от 300 тыс. до 700 тыс. рублей. В случае с совершением преступления, посягающего на конституционные основы, необходимо, чтобы размер передаваемого был не менее 1 млн рублей, при этом штраф не может превышать 500 тыс. рублей.

Чем обоснованы такие меры? Затруднит ли лицо (которое нашло в своем бюджете денежные средства в размере 1 млн и более для оказания противоправного влияния на результаты выборов или референдума) уплатить штраф в размере, не превышающем 500 тыс. рублей? Почему правомерность проведения официального спортивного соревнования защищается более строгими мерами, чем правомерность проведения выборов или референдума? Все эти вопросы остаются открытыми и позволяют убедиться в наличии дисбаланса в установленных законодателем мерах ответственности.

В качестве следующего примера приведем ситуацию, складывающуюся при установлении меры юридической ответственности за совершение административных правонарушений и преступлений, посягающих на экономическую деятельность (предпринимательскую деятельность, деятельность саморегулируемых организаций).

Размер штрафа за совершение рассматриваемых преступлений в рамках УК РФ варьируется законодателем в диапазоне от 5 тыс. до 5 млн рублей, а размер административного штрафа во многом зависит от субъекта преступного посягательства. Так, для физических лиц размер административного штрафа по рассматриваемым составам определяется законодателем в разме-

рах от 300 рублей до 500 тыс. рублей, для должностных лиц — от 500 рублей до 1 млн рублей, для юридических лиц — от 5 тыс. рублей до 10 млн рублей. В указанных количественных характеристиках вызывает вопрос обоснованность приводимых законодателем размеров, поскольку, как можно заметить, максимальный размер административного штрафа в два раза превышает максимальный размер штрафа за совершенное преступление, когда как последнее всегда обладает особой общественной опасностью, что, в свою очередь, и должно во многом обусловливать более строгие меры ответственности. С одной стороны, это можно обосновать тем, что подобная ситуация обстоит лишь с юридическими лицами, которые по своей сути обладают более существенными доходами, нежели физические лица, и являются лишь субъектами административного правонарушения, но никак не преступления.

Чем же тогда вызван тот факт, что минимальный размер указанных штрафов совпадает? Кроме того, если, к примеру, сравнивать ответственность должностных лиц, которые являются субъектами преступлений, предусмотренных ст. 169 УК РФ и ст. 170 УК РФ, и ответственность должностных лиц по статьям главы 14 КоАП РФ, то можно заметить, что размер административного штрафа также может быть в разы выше, чем за совершение уголовно наказуемого деяния.

Что касается эффективности устанавливаемых законодателем мер юридической ответственности, наличие которой мы также ставили под сомнение в выдвинутом нами тезисе, то данное утверждение находит подтверждение в ходе ответа на вопрос о том, достигаются ли цели, для достижения которых и были установлены меры юридической ответственности.

Как известно, одной из основных целей наказания признается предупреждение новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами[1]. Соответственно судить

[1] См.: *Толстик В. А.* Цели и принципы юридической ответственности (наказания): проблемы согласования // Права человека и подготовка специалистов для правоохранительных органов в контексте реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства: отечественный и зарубежный опыт : материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. (г. Владимир, 21 ноября 2013 года). Владимир, 2013. С. 317–326.

об эффективности действующих санкций можно как минимум исходя из анализа данных о состоянии преступности, которые, в свою очередь, свидетельствуют о том, что более половины совершивших преступление лиц ранее уже привлекались к ответственности[1].

Таким образом, на основании приведенных примеров мы можем утверждать, что установленные законодателем качественные и количественные характеристики меры юридической ответственности далеко не во всех случаях соответствуют тем критериям, которые должны быть присущи любой мере ответственности (а именно справедливости (соразмерности и согласованности), обоснованности и эффективности)[2]. На основании изложенного, ввиду наличия дискуссионных положений в установленных законодателем мерах, нами и ставится вопрос о необходимости реформирования процедуры по установлению меры юридической ответственности. На наш взгляд, существует объективная необходимость в проведении реформы, которая позволила бы урегулировать деятельность законодателя, устранив существующие проблемы и сделав ее результат более справедливым, обоснованным и эффективным.

[1] См.: Сборники о состоянии преступности в России Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2020, 2021, 2022 годы. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 10.11.2023).

[2] См.: *Железова Л. Ю.* Критерии меры негативной (ретроспективной) юридической ответственности // Молодой ученый. 2024. № 24 (523). С. 340–341.

УДК 34:004

Кованов Е. С.,
аспирант Юридического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Проблемы правового реформирования в эпоху искусственного интеллекта

С первых дней появления юриспруденции как обособленной системы знаний ее компоненты не находились в статичном состоянии, постоянно изменялись. Благодаря им шло развитие не столько юридической науки, сколько общественного устройства и социальных порядков, переменчивость которых и стала доминирующей составляющей последовательного совершенствования уже закрепленных в правовых источниках норм.

Без сомнения, для поддержания необходимых демократических кондиций реформирование правовых устоев происходит непрерывно. При этом граждане напрямую участвуют в такой деятельности.

Вообще под правовым реформированием подразумевается целенаправленный процесс позитивного преобразования внутренних элементов системы права посредством осуществления правотворческих мероприятий, затрагивающих качественную трансформацию некоторых аспектов общественных отношений, вследствие чего правосознание, правореализационные практики и правовой массив информации подвергаются конкретным изменениям свойственных ранее характеристик[1].

Преобладающей движущей силой проводимых реформ остаются общественные тренды, предопределяющие большую

[1] См.: *Рябцев Р. А.* Современная правовая реформа в России и правосознание (теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан) : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 9; *Толстик В. А.* Концепт нормального правосознания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 31–36; *Дорская А. А.* Правовые и судебные реформы в России: историко-правовой анализ соотношения понятий // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–1. С. 19.

© Кованов Е. С., 2024

или меньшую частотность изменений отдельной сферы. Подобная детерминированность не является случайной: своевременное выявление и приведение непреложных обстоятельств в соответствующий официальному вид являются одной из главных задач, которые появляются перед представителями каждого поколения правотворческого корпуса, их умышленное игнорирование признается недопустимым.

Общеизвестно, что в нынешней ситуации многие реформаторские начинания вызваны стремлением перенести большинство фрагментов правовой среды в цифровой формат. Но даже с учетом заявленных национальных программ, предусматривающих повсеместную цифровизацию, в правовом поле присутствует особая группа прогрессивных феноменов, преимущественно отстраненных от юридического урегулирования. В перечень оставленных без должного внимания явлений попал и искусственный интеллект (далее — ИИ).

В общих словах ИИ — это комплексная технология, с допустимой долей автономии, выполняющая функционал человека при реализации поставленных задач.

С момента появления первых стратегий такой технологии проделана большая работа. Вместе с тем активный рост приложения инновационных технологических продуктов предполагает выработку правовых механизмов по управлению и контролю, ориентированных на исчерпывающее подчинение их природы. РФ находится лишь на начальной стадии этого процесса, по причине чего организационные решения по сей день остаются не оптимизированными до требуемого уровня[1] конкурентоспособности, которым обладают лидирующие в данном компоненте страны.

Ввиду фактического отсутствия ряда нормативных новелл занимаемое феноменом пространство в правовой среде остается невыясненным, из-за чего его использование лишено свойства определенности практически во всех гипотетических проявлениях операционных возможностей. Исходя из этого, без нивелирования возникших правовых пробелов в ближайшем будущем пре-

[1] См.: *Грипич С. А.* Особенности и перспективы реформы российского законодательства в сфере цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 6. С. 170.

тендовать на эффективную созидательную активность с участием ИИ не приходится, так как образованная «слепая зона» будет благоприятствовать исключительно субъектам, использующим его в противоправной деятельности.

Российскими исследователями отмечаются три альтернативных варианта правового регулирования технологий ИИ: «мягкое», «жесткое» и «смешанное», причем последовательно аргументируется, что нынешний приоритет отечественного нормирования отдается в пользу первой модели[1]. Однако с течением времени она способна претерпевать изменения пропорционально заново утвержденным концептуальным воззрениям, поскольку положения любого признанного образцовым подхода могут оставаться таковыми только на бумажном носителе информации, а внесение корректив согласно новообразованной реальности не считается чем-то запретным.

Основательно рассуждать о позитивном или негативном характере интеграции интеллектуальных платформ станет возможно после завершения определяющей части реформ. Пока вхождению и популяризации ИИ способствуют несколько довольно классических решений, а именно:

— издание НПА (ФЗ, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ);

— обнародование актов ненормативного характера (распоряжений и посланий Президента РФ, распоряжений Правительства РФ);

— принятие нормативных (технических) документов (государственные стандарты и прочее);

— формирование специальных ресурсов по развертыванию умной технологии (государственные интернет-площадки[2], учреждение национального центра развития ИИ при Правительстве РФ[3]);

---

[1] См.: *Арзамасов Ю. Г.* Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 133.

[2] Искусственный интеллект Российской Федерации : национальный портал. URL: https://ai.gov.ru/ (дата обращения: 05.04.2024).

[3] Правительства Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://government.ru/ news/46479/ (дата обращения: 05.04.2024).

— консолидация коммерческих профильных объединений, участвующих в разработке и апробации аналогичных технологических экземпляров.

Несмотря на предпринимаемые усилия по урегулированию, количественный показатель реализуемых шагов не равнозначен качественному. Детальное погружение в исследуемую проблематику приводит к фиксированию нежелательной конъюнктуры, так как применительно к правовому контексту конкретизация особенностей ИИ не отображается в должной мере, ведь, к сожалению, единственно экспериментальных правовых режимов и предписаний общего плана для охвата всех составных структурных параметров феномена будет недостаточно.

Во многом превалирование проблемных эпизодов объясняется наличием следующих условий:

— отсутствием комплексного представления о конечной конфигурации ИИ, всецело удовлетворяющей потребностям отечественной правовой системы;

— избирательным характером областей внесения изменений в акты нормативного содержания, которые зачастую не соразмерны реальным общественным запросам в задействовании технологий ИИ;

— разрозненностью в проработанности правового регламента, изложенного в юридических источниках, что предметно рассматривают правоотношения с приложением технологий ИИ в качестве объекта нормирования;

— минимальным количеством правотворческих инициатив (с апреля 2020 года в нижней палате российского парламента не было рассмотрено ни одного тематического законопроекта[1]), направленных на раскрытие и урегулирование существующих проблемных аспектов в сфере ИИ;

— избыточным фокусированием на второстепенных вопросах, беспорядочное накопление которых значительно замедляет процесс планомерного внедрения ИИ (решение этических и философских дилемм, бесконечный поиск оптимальной стратегии регулирования и прочее).

[1] Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: https://sozd. duma.gov.ru/ (дата обращения: 05.04.2024).

Полагаем, заключаемое в перечисленных трудностях несовершенство российского подхода свойственно в различных соотношениях также и для остальных передовых государств. Одновременно с этим считаем подобное положение дел неприемлемым и требующим обстоятельного осмысления в первую очередь со стороны органов публичной власти, обладающих компетенцией и полномочиями по устранению имеющейся правовой дезорганизации.

Для перемены полярности озвученных отрицательных тенденций предлагаем осуществление упоминаемых ниже координационных мероприятий:

— промульгация унифицированного НПА, всесторонне затрагивающего основы санкционированного расположения легального образа ИИ в правовой среде;

— точечное подведение части системообразующих правовых источников к современным реалиям научно-технологического развития (в том числе под нужды обращения к ИИ) путем обновления их действующих текстовых редакций;

— полномасштабное оценивание и рецензирование фигурирующих в академической литературе юридических исследований в указанной области (на данный момент их опубликовано несколько тысяч) для формулирования универсального концепта понимания сущности ИИ, впоследствии применяемого в одобренном правовом диапазоне;

— создание профильных исследовательских центров или делегирование обязанности по разработке проекта законодательных реформ специально уполномоченным субъектам (с обязательным обозначением очертаний планируемых итоговых параметров) в целях скорейшего упорядочивания общественных отношений, возникающих с участием систем ИИ.

Переходя к заключительной части, скажем, что в трудах исследователей-правоведов неоднократно отмечалась необходимость комплексной переоценки текущей наполненности законодательной базы[1]. На наш взгляд, для достижения лучших резуль-

[1] См.: *Головин К. С.* Предложения по реформированию гражданско-правовой охраны искусственного интеллекта как единого объекта интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 273.

татов в данном предприятии следует претворить в жизнь каждый рекомендованный выше пункт. В противном случае принимаемые отрывочные редакции не приведут к ожидаемому исходу, предполагающему полновесное занесение элементов ИИ в число укоренившихся правовых категорий.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о туманных перспективах современного вектора развития, находящегося в абсолютной зависимости от положительной динамики изменений отечественных разработок и конструктивного межгосударственного сотрудничества. Таким образом, для предупреждения негативного эффекта, берущего начало в вероятных глобальных политических колебаниях, соблюдение единоначалия в преобразовании устоявшихся правовых норм оказывается обязательным условием продуктивного реформирования.

По состоянию на сегодняшний день в рассматриваемом секторе сохраняется множество нерешенных вопросов, ответы на которые сосредоточены на поверхности. Грамотные правовые реформы становятся ключевым фактором нативного улучшения будущей версии российской системы права, в связи с чем уже в настоящий момент времени надлежит руководствоваться соответствующими настроениями, предпринимая соразмерные действия по выстраиванию эталонного юридического регламента.

УДК 34

Лукьянов Р. И.,
заместитель командира взвода факультета подготовки оперативного состава подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Нижегородской академии МВД России

Правовое бытие России: власть, народ, реформа

Для достижения общественно значимых государственных целей, формируемых на основе объективно сложившихся тенденций социальной жизни, порой необходимо коренным образом трансформировать всю политико-правовую основу бытия страны. В зависимости от выбранного вектора государственно-отечественного развития происходит процедура подбора оптимальных средств и методов движения по маршруту преобразования. В данном контексте архиважным элементом, регламентирующим указанные процессы, является право, содержащее в себе незыблемые постулаты должного, регулирующие деятельность людей и вытекающие из нее устойчивые общественные связи.

Весьма образно о значении права в жизнедеятельности социума в форме аллегории выразился В. Д. Зорькин: «Мы все знаем, что происходит с транспортным средством, если отказывают регуляторы. Перестал соблюдать правила — жди катастрофы»[1].

Действительно, пренебрежение требованиями правовых норм способно повлечь серьезные последствия, затрагивающие не только интересы отдельно взятого индивида, но и сказаться на благополучии всего государства. Бесспорно, при рассмотрении причин подобных эксцессов становится очевидным необходимость последовательного установления рамок дозволенного с целью недопущения отклонения социального развития в сторону хаотичности и дисгармонии. Тем не менее, несмотря на, казалось бы, очевидные тезисы о важности правовых регуляторов в жизни

[1] *Зорькин В. Д.* Путь права в России. Реформатор – элита – народ. Москва, 2023. С. 1.

© Лукьянов Р. И., 2024

общества, история демократическо-правового строительства Российского государства хранит в себе множество примеров тотальной дерегуляции общественной конъюнктуры и, как следствие, поиска новой модели управленческой деятельности, способной минимизировать вред, образующийся вследствие неправовых новелл.

Следует констатировать, что не все правовые регуляторы априори отвечают веяниям времени и способны эффективно противодействовать[1] нежелательным веяниям социума. Многие из них состоятельны лишь в статике, в моменты общественно-политического спокойствия, но в ситуациях активности, в моментах бурных социальных всплесков и волнений некоторые из существующих правоустановлений, не выдерживая натиска «антагонистов», утрачивают способность качественно предопределять жизнь людей. Любая правовая норма, отвечающая духу времени, способна обрести истинность и быть органически связанной с объектом регуляции.

Нам представляется, что тесная корреляция права с окружающей действительностью наделяет ее свойством монолитности, что не позволяет ей потерять свое влияние, даже при оказании воздействия. Тем не менее еще Г. В. Ф. Гегель указывал, что «…“действительная истина” предполагает, что не только содержание должно быть истинным, но также и форма»[2]. Без надлежащего оформления внешнего выражения содержания правовой нормы ставится вопрос о ее состоятельности, а возможность совершения радикальных перемен политико-правового устройства становится все заметнее.

Исходя из приведенных суждений, целесообразно выявить источник подобных переломных событий, которым, по нашему мнению, является та инстанция, бюрократическое звено или отдельно взятый человек, наделенные прерогативой по управлению делами государства. Разочарование широких масс в управленческой программе элиты, а также неспособность власти должным

[1] Под противодействием мы понимаем недопущение нарушений гарантированных и обеспечиваемых государством прав и свобод объектов властной охраны путем создания барьеров, препятствующих совершению заведомо «опасных» преобразований.

[2] См.: *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук: в 2 т. Т. 2. Москва, 1975. С. 18.

образом отвечать на вновь образующиеся вызовы времени влекут за собой всеобъемлющее преобразование. Следует заметить, что процесс изменения порядка функционирования государства может инициироваться разными способами и быть направлен на достижение различных целей. В большинстве своем рассматриваемая трансформация подразумевает несколько моделей ее проведения: реформирование и революцию.

Рассуждая о феномене революционной смены государственного уклада, целесообразно привести суждение В. Д. Зорькина, весьма точно определившего образ революционера: «Он приносит массам не только идеальный текст, идеальную проповедь, идеальные чертежи новой высокоморальной жизни. Он приносит массам еще и себя как высокоморальную личность. Подлинный революционер усмиряет гордыню своего “я” тем посланием, которое он воплощает в жизнь. Он ставит это идеальное послание выше своих амбиций. Он готов умереть за это послание»[1]. Он преследует идею высшего идеала, революционный тип преобразований отличается стремительностью и напрямую отвечает «глубоким народным чаяниям», что значительно повышает степень его успеха в этой деятельности. Подобные действия зачастую протекают путем применения неправовых средств и методов, затормаживающих гуманистические и цивилизационные начала государства. В свою очередь, главное отличие реформы — ее рационалистический характер, означающий, что в ходе реализации заранее выработанных алгоритмов будут последовательно изменяться ключевые области человеческой жизнедеятельности путем подбора наиболее оптимальных правовых конструкций.

Следует подчеркнуть, что реформа протекает лишь в состоянии объективной необходимости как акт реагирования на проблематику жизни социума, потому нельзя не согласиться с мнением профессора В. А. Толстика, полагающего, что «…необоснованное изменение действующего законодательства влечет за собой не только нарушение привычного уклада правовой жизни, но и целый ряд издержек материального и нематериального плана»[2].

---

[1] *Зорькин В. Д.* Путь права в России. Реформатор – элита – народ. Москва, 2023. С. 3.

[2] *Толстик В. А.* Изменение законодательства: проблемы теории и пока непринятые новеллы в полицейском законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 233.

Таким образом, наглядно демонстрируется очевидность различий в подходах, способах и целях изменения общественной жизни.

Как упоминалось ранее, реформирование протекает посредством принятия «живых» правовых норм, обеспечивающих и гарантирующих основополагающие ценности государства, базирующиеся на примате естественно-правовых постулатов.

Правовое государство, безусловно, — ключевая цель деятельности власти на современном этапе развития, но констатировать тот факт, что его формирование подошло к концу, еще нельзя. Впереди предстоит осуществить комплекс взаимосвязанных общенародных реформ, которые в перспективе приблизят страну к заветному итогу. Данное положение заставляет подвергнуть осмыслению задачи правового реформирования, также определиться с его движущими силами.

Задачи правового реформирования следует рассматривать комплексно, так как лишь во взаимосвязи они обретают свойство объективности. На наш взгляд, таковыми являются 1) активное вовлечение граждан в правотворческую работу путем реализации ряда институтов непосредственной демократии; 2) совершенствование юридической техники в рамках нормотворческой, правореализационной, интерпретационной деятельности органов публичной власти; 3) повышение уровня правовой культуры населения, воспитание общества в духе уважения к праву.

Приведенные тезисы позволяют сделать вывод о том, что в нынешних политико-правовых реалиях единственным возможным способом изменения общественной жизни является реформирование. Причем данный процесс должен протекать на основании и посредством правовых предписаний, которые, с одной стороны, будут гарантировать незыблемость прав и свобод человека и гражданина, а с другой — позволят эффективно перестроить социальный фундамент. Более того, реформирование с применением правовых технологий полностью корреспондирует демократическо-гуманистическим ценностям общества, что, несомненно, будет влиять на вектор развития страны в дальнейшей перспективе.

УДК 34

Мальцева Т. В.,
адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

Правовая реформа и ее влияние на предупредительную функцию права: ретроспективный анализ

Понимание правовой реформы в качестве изменения и обновления законодательства является распространенным явлением среди современных ученых юристов. Они считают, что правовая реформа включает в себя радикальные изменения в правовой системе, но в первую очередь направлена на изменение законодательства[1].

Правовая реформа играет критическую роль в обеспечении правопорядка и защите прав граждан. Ее влияние на предупредительную функцию права является неоспоримым, поскольку изменения в законодательстве направлены на устранение пробелов и недостатков, которые могут привести к нарушениям закона.

Рассматривая анализ правовой реформы и ее влияние на предупредительную функцию права, можно сказать, что еще в древних цивилизациях, таких как Месопотамия, Древний Египет, Индия и Китай, право носило репрессивный характер, однако уже тогда содержало элементы предупредительной функции. Например, законы Хаммурапи[2] включали положения, направленные на предотвращение нарушений, что устанавливало строгие нормы поведения и четкие последствия их нарушения.

---

[1] См.: *Горобец В. Д.* Правовая реформа в Российской Федерации: состояние и перспективы : автореф. … канд. юрид. наук. Москва, 1992. С. 7; *Рябцев Р. А.* Современная правовая реформа в России и правосознание (теоретико-правовые проблемы изменения правосознания граждан) : автореф. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 9; *Плескач В. Н.* Правовая реформа как предпосылка совершенствования законодательства в Российской Федерации // XXI Царскосельские чтения : материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2017. Т. III. С. 103–109.

[2] См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. Москва, 1984. С. 12–25.

© Мальцева Т. В., 2024

В Античное время и в Средневековье право развивалось в контексте философских и религиозных учений, которые влияли на формирование предупредительной функции права. Римское право, например, внесло значительный вклад в развитие принципов и норм, которые предусматривали не только наказание за преступление, но и способы предотвращения правонарушений, в том числе в сфере формализации договорных обязательств[1].

С появлением государственности и усилением правовых систем в современную эпоху возросло влияние законодательства на управление общественными связями. Введение в практику конституционных норм и признание приоритетности индивидуальных прав и свобод, а также усовершенствование судопроизводства значительно укрепили профилактическую роль права. При этом внимание уделяется не только карательным мерам, но и предупреждению правонарушений, а это основная функция законодательного регулирования[2].

Эволюция предупредительной функции права в России отражает постепенный переход от преимущественно репрессивного подхода к более сбалансированному, включающему в себя предупреждение и профилактику нарушений. Так, в 30-х годах XX века предупреждение правонарушений и воспитание утратило свои первостепенность, значимость, при этом данная функция сменилась усилением политических репрессий. Данная тенденция отразилась в многочисленных арестах, имевших место после принятия постановления о борьбе с терроризмом в 1934 году, также она прослеживается в мерах по борьбе с детской преступностью, в том числе в крайних мерах в отношении несовершеннолетних[3].

---

[1] См.: Римское частное право : учебник / под ред. Р. А. Курбанова. Москва, 2015. С. 248.

[2] В данном контексте понимается, что на роль деятельности по предупреждению правонарушений, на необходимость создания более совершенного законодательства указывали также и реформаторы XVIII века (Дж. Локк, Ж.-Ж Руссо, Ш. Монтескьё, Ч. Беккариа); *Городецкая М. А.* Предупреждения преступлений: история и современность // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Новополоцк, 2012. С. 114.

[3] См.: *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. Москва, 2000. С. 6.

Законодательные нормы как результат общественного развития могут претерпевать изменения в соответствии с потребностями общества, в этом смысле проведение реформ способствует адаптации законодательства к текущим реалиям.

Система предупреждения преступлений и правонарушений в настоящее время регламентируется рядом ключевых нормативных актов. Один из них — это приказ МВД России от 17 января 2006 года № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»[1], который определяет основные направления деятельности органов внутренних дел, касающейся предотвращения преступлений. Приказ содержит общие установки, которыми должны руководствоваться в своей работе все сотрудники полиции.

В результате полицейской реформы 2011 года был принят ряд законодательных актов, направленных на предотвращение правонарушений, в частности, ФЗ от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»[2]. На основании ст. 2 данного ФЗ в практику был введен термин административного надзора, целью которого является предупреждение преступлений и иных правонарушений через профилактическое воздействие на отдельного индивидуума, для защиты государственных и общественных интересов. На наш взгляд, суть закона предельна ясна и понятна. Возвращение института административного надзора, по нашему мнению, стало началом предупредительной деятельности, регулируемой на федеральном уровне.

В дальнейшем развитие самого понятия предупредительной функции права было обусловлено действием ФЗ от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[3] (далее — ФЗ № 182-ФЗ), ставшего юридической базой для мероприятий по профилактике правонарушений. Данный правовой акт определяет основные принципы и общую систему организации деятельности, направленной на предупреждение правонарушений, наделяет соответ-

[1] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58965/?ysclid=lx8bcb3j70433880331 (дата обращения: 29.05.2024).

[2] Российская газета. 2011. 7 апреля.

[3] Там же. 28 июня.

ствующими полномочиями государственные и муниципальные органы и устанавливает формы участия представителей социума в такого рода профилактических мероприятиях.

Следует признать, что данный закон еще требует правовой доработки и конкретизации. Как справедливо отмечает С. В. Ведяшкин, ФЗ № 182-ФЗ имеет некий символ реформы национальной профилактической системы, но при условии серьезной доработки[1]. Также для реформирования системы профилактики правонарушений С. В. Ведяшкин предложил следующие меры: 1) формирование у граждан потребности в законопослушном поведении, исходя из внутренних убеждений; 2) внедрение в практику образовательных механизмов, влияющих на сознание и мировоззрение; 3) устранение двусмысленности и расхождений в законодательных определениях для обеспечения единства формулировок и трактовок различных ситуаций[2]. В указанном положении описывается соотношение понятий «предупреждение» и «профилактика».

Данный вопрос о дефиниции также затронул А. Г. Репьев, который понимает термин «предупреждение» шире по отношению к термину «профилактика», обосновывая это тем, что «правонарушение» — это процесс, а «предупреждение» — деятельность[3].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что существует настоятельная необходимость унифицировать отечественное законодательство в плане разработки единого понятийного аппарата в сфере профилактики правонарушений, что должно исключить ситуативную подмену понятий[4].

С нашей точки зрения, недостатков в ФЗ № 182-ФЗ достаточно. Так, в п. 3 ст. 4 этого закона принцип обеспечения систем-

---

[1] См.: *Ведяшкин С. В.* Становление и реформа профилактики административных правонарушений в России // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1. С. 90.

[2] См. там же.

[3] См.: *Репьев А. Г.* «Судебное предупреждение» как новая мера административного наказания // Юрист-Правовед. 2019. № 2 (89). С. 85.

[4] См.: *Зикеев В. А.* Критический анализ Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 68.

ности и унифицированности подходов как базовый принцип профилактики правонарушений крайне сложен для реализации в силу того, что ст. 5 включила в правовую базу профилактики правонарушений все известные российскому праву инструменты правового воздействия (источники права). Ее институциональная основа включает в себя следующие структуры:

1) федеральные органы исполнительной власти;

2) органы прокуратуры;

3) следственные органы Следственного комитета РФ;

4) органы государственной власти субъектов РФ;

5) органы местного самоуправления.

Очевидна фрагментация нормативной базы, несогласованность и неясность ее определений, что создает препятствия для эффективной профилактики правонарушений. Например, Счетная Палата РФ или суды государственной судебной системы, представительные (законодательные) органы государственной власти должны по умолчанию относиться к субъектам, обеспечивающим профилактику правонарушений.

Как нам представляется, в качестве такого субъекта следует отдельно указать ОВД, поскольку именно они являются непосредственными исполнителями основных мероприятий, направленных на предупреждение правонарушений. При этом система профилактических мер, которая эволюционировала в течение различных исторических периодов в России, продолжает играть свою определяющую роль[1].

Для аналогии приведем в пример Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее — ЗРБ)[2], который был принят на два года раньше, чем отечественный ФЗ № 182-ФЗ. По структуре и содержанию оба закона имеют схожее нормативное регулирование. Однако в ст. 5 ЗРБ дан подробный и исчерпывающий перечень субъектов деятельности профилактики пра-

[1] См.: Теория права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г. А. Аванесов, С. М. Иншаков, Д. И. Аминов ; под ред. Г. А. Аванесова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва, 2015. С. 327.

[2] URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11400122 (дата обращения: 29.05.2024).

вонарушений, где ОВД как субъект стоят на первом месте по значимости их профилактической деятельности.

Подведя итоги, следует подчеркнуть, что правовая реформа играет важную роль в обеспечении стабильности и порядка в обществе, а ретроспективный анализ предупредительной функции права и степень ее влияния позволяют определить наиболее эффективные меры для достижения поставленных целей. Основная задача предупредительной функции современного российского права — это предупреждение противоправных деяний путем определения и нейтрализации факторов, которые к ним ведут, а также принятие профилактических мер в отношении лиц, демонстрирующих антисоциальное поведение.

УДК 34

Никонова Ю. А.,
старший преподаватель кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России; адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Вклад заслуженного профессора права Ф. Р. Дикерсона в развитие американской законодательной техники

Роль и значение научных достижений профессора права Фредерика Рида Дикерсона (*Frederick Reed Dickerson*) в развитии американской законодательной техники вне всяких сомнений заслуживают внимания, поэтому в рамках данной статьи предлагается рассмотреть и проанализировать его богатое научное наследие и оценить его вклад в развитие законодательной техники в США. Стоит отметить, что в отечественной юридической науке труды Ф. Р. Дикерсона не заслужили особого внимания и не изучались, его научные работы не переводились на русский язык, поэтому в ходе нашего исследования мы обратимся к аутентичным (англоязычным) источникам, интернет-ресурсам, которые содержат биографические сведения о Ф. Р. Дикерсоне, сведения о его научном становлении и пути, а также ссылки на его научные аутентичные труды.

Остановимся на основных этапах биографии профессора Ф. Р Дикерсона[1]. Он родился 11 ноября 1909 года в Чикаго (штат Иллинойс) и учился в колледже Уильямса (1931), получил степень бакалавра права в Гарвардской школе права (1934), степень магистра права (1939) и ученую степень доктора юридических

[1] Информация взята с официального сайта Университета Индианы в Блумингтоне, раздел «Former faculty» («Ветераны университета»): Frederick Reed Dickerson. URL: https://www.repository.law.indiana.edu/formerfaculty/25/ (дата обращения: 26.05.2024).

© Никонова Ю. А., 2024

наук (1950) в Колумбийском университете. Ф. Р. Дикерсон занимался юридической практикой в Бостоне и Чикаго, затем педагогической деятельностью на юридических факультетах Вашингтонского (1939–1940) и Питтсбургского (1940–1942) университетов. Во время Второй мировой войны он работал адвокатом в Управлении по контролю за ценами (1942–1947), после чего в Канцелярии Законодательного совета Палаты представителей США (1947–1949). Ф. Р. Дикерсон закончил карьеру в федеральном правительстве в должности заместителя помощника генерального советника Министерства обороны США (1949–1958). За выдающиеся заслуги в гражданской службе он был удостоен высшей военной награды, присуждаемой гражданским служащим.

В 1958 году Ф. Р. Дикерсон начал преподавать на факультете Школы права Университета Индианы. В спектр его научных интересов входили следующие вопросы: разработка законопроектов, составление юридических документов и изучение ответственности изготовителей продукции за ее качество. Стоит указать, что профессор Ф. Р. Дикерсон оставил богатое научное наследие, заслужил репутацию ведущего ученого и международного эксперта в области законодательной техники. Его коллега заслуженный профессор права Р. Ф. Фукс (*Ralph F. Fuchs*)[1] указывал на обилие, на «существенный поток» подготавливаемых Ф. Р. Дикерсоном научных статей, книг, монографий. Эти научные изыскания носили не просто разъяснительный, описательный характер, но чаще всего содержали экспрессивно выраженную позицию автора и настоятельные призывы к проведению реформ в области разработки законопроектов. Ф. Р. Дикерсон верил в эффективность государственных институтов, в том числе членских организаций, в ходе проведения и распространения реформ, включая правовые реформы[2].

Помимо педагогической и научно-исследовательской деятельности Ф. Р. Дикерсон на протяжении двадцати двух лет выступал в качестве делегата (от штата Индиана) Национальной

[1] *Fuchs R. F.* Dedication – F. Reed Dickerson // Indiana Law Journal: 1980. Vol. 55. Iss. 3. Article 1. Pp. 423–426.

[2] *Fuchs R. F.* Dedication – F. Reed Dickerson // Indiana Law Journal: 1980. Vol. 55. Iss. 3. Article 1. Pp. 424–425.

конференции уполномоченных по разработке единообразных законов штатов и внес значительный вклад в содержание и разработку подобного рода законов. Правительства различных стран часто обращались к профессору с просьбой поделиться с ними его богатым опытом, он имел длительные отношения с Парламентским юридическим советом Великобритании.

По воспоминаниям Р. Ф. Фукса, интересы и опыт Ф. Р. Дикерсона выходили далеко за рамки обычных. Его интересовали также музыка и изобразительное искусство: игра на трубе, посещение музыкальных представлений и концертов, публикация статей о джазовой музыке. При этом он всегда был активен, работал с самоотдачей и энтузиазмом, каким бы видом деятельности не занимался[1].

Несмотря на то, что Ф. Р. Дикерсон официально ушел в отставку в 1980 году, он продолжал свою педагогическую и научно-исследовательскую деятельность, а также оказывал консультационные услуги. 9 июня 1991 года в Блумингтоне (штат Индиана) на 82-м году Ф. Р. Дикерсон ушел из жизни.

Переходя к рассмотрению научного наследия Ф. Р. Дикерсона, следует отметить, что он написал одну из первых работ по ответственности изготовителей продукции за ее качество, но стал известен в международном научном сообществе благодаря своим исследованиям в области толкования законов и разработки законопроектов. В течение всей профессиональной деятельности профессор Дикерсон занимался исследованием процесса создания и подготовки юридических документов (законопроектов, в частности), включая языковые вопросы их подготовки (на современном этапе такого рода исследования именуются юрислингвистическими), а также исследовал мыслительную деятельность юриста (юридическое мышление)[2].

Самыми известными и фундаментальными его трудами в рамках исследования законодательной техники являются следующие книги: «Разработка законопроектов» (1954)[3], «Анализ

[1] См.: *Fuchs R. F.* Dedication – F. Reed Dickerson // Indiana Law Journal: 1980. Vol. 55. Iss. 3. Article 1. Pp. 424.

[2] См.: *Gastineau J.* In Memoriam: F. Reed Dickerson // Indiana Law Journal: 1991/ Vol. 67: Iss. 1, Article 1.

[3] См.: *Dickerson F.* Reed Legislative drafting. Boston, 1954.

правил воздушного движения Федерального авиационного агентства с рекомендациями по их кодификации» (1960)[1], «Роль юристов Федерального авиационного агентства в нормотворчестве. Меморандум администратора» (1962)[2], «Основы разработки законопроектов» (1965)[3], «Дела и материалы по законодательству» (1969)[4], «Толкование и применение законов»[5]. В этих научных работах Ф. Р. Дикерсон говорит о назревшей потребности в совершенствовании законодательной техники в США, о необходимости обязательного обучения студентов-юристов основам составления юридических документов и о необходимости введения традиции составления лингвистически качественных законопроектов. Данные идеи также находят отражение в многочисленных научных статьях Ф. Р. Дикерсона. Например, особый интерес представляет его научная статья «Как написать законодательный текст»[6] (1955). Кратко остановимся на ее основных положениях.

Ф. Р. Дикерсон сравнивает разработчика законопроектов с архитектором, называя его «юридическим архитектором» (*legal architect*). Он разделяет процесс разработки закона на две части: содержательную (*substantive*), или «обдумывание» (*thinking*), и стилистическую (*stylistic*), то есть само написание текста закона (*writing*).

Содержательная часть включает в себя анализ проблемы, изучение текущей ситуации в законодательной сфере, стадию обобщения (синтеза), на которой разрабатываются план конкретных действий и макет будущего законопроекта (эта стадия заканчивается подготовкой содержания законодательного послания/сообщения).

---

[1] См.: *Dickerson F.* Reed Analysis of the rules of federal aviation agency with recommendations for their codification. Washington, DC, 1960.

[2] См.: *Dickerson F.* Reed Role of FAA lawyers in rule making, memorandum of the administrator. Washington, DC, 1962.

[3] См.: *Dickerson F.* Reed The fundamentals of legal drafting. Boston, 1965.

[4] См.: *Dickerson F. Nutting C. B., Elliot S. D.* Reed Cases and materials on legislation. 4th Ed. St. Paul, 1969.

[5] См.: *Dickerson F.* Reed The interpretation and application of statutes. Boston, 1975.

[6] См.: *Dickerson F.* Reed How to Write a Law // Articles by Maurer Faculty. 1955. Pp. 14–27.

Следующий шаг, по мнению профессора, представляет собой переход от проработки содержания к работе над формой и стилем подготавливаемого законопроекта, то есть к созданию его текста. Здесь Ф. Р. Дикерсон выделяет пять этапов[1]:

1) подготовка чернового варианта текста законопроекта, где особое внимание уделяется соблюдению всех установленных правил и требований;

2) проверка подготовленного чернового варианта: вычитка, редактирование, правка, причем Ф. Р. Дикерсон настаивает на том, что составителю законопроекта нужно осуществлять редактирование текста до тех пор, пока текст не будет приближен к идеалу;

3) «сквозная проверка» текста законопроекта (*across-the-board check*), подразумевающая проверку всех терминов, понятий, ссылок;

4) «перекрестная проверка» текста законопроекта (*cross-checking*), то есть сверка исходной информации с различными источниками; она может проводиться единолично либо во взаимодействии с коллегами;

5) проверка готового текста законопроекта на его читабельность и ясность. Ф. Р. Дикерсон подчеркивает важность работы над формой и стилем текста законопроекта, поскольку от качества составленного документа зависит его эффективность.

В рамках рассматриваемой нами статьи Ф. Р. Дикерсон доступным языком формулирует основные правила законодательного стиля, которые помогут составителям текстов законопроектов сделать их более удобочитаемыми. К ним он относит, во-первых, точное употребление терминологической лексики, так называемое «золотое правило разработчиков законопроектов» (*the draftsman's golden rule*); во-вторых, использование простых синтаксических конструкций (не следует перегружать предложение лишней информацией); в-третьих, использование глаголов в форме настоящего времени; в-четвертых, предпочтительное использование изъявительного наклонения, активного залога, форм единственного числа (где возможно), конструирование предложений в утвердительной (а не отрицательной) форме; в-пятых,

[1] См.: *Dickerson F.* Reed How to Write a Law // Articles by Maurer Faculty. 1955. Pp. 20–22.

активное использование глагольных сказуемых вместо сочетания глагола с существительным; в-шестых, использование слов в точном соответствии с их значением. В заключение автор призывает специалистов в области разработки законопроектов к добросовестному и ответственному отношению к составлению текстов такого вида юридических документов.

Еще одна статья профессора Ф. Р. Дикерсона, не теряющая актуальности и на современном этапе развития законодательной техники — «Недуги законодательного языка» (1964)[1]. В рамках данной статьи он размышляет о законодательной ясности/точности (*legislative clarity*): ясность важна не только для выражения содержания законодательной идеи, но и для ее адекватности как средства передачи информации, поскольку закон является своего рода сообщением, а значит, подчиняется принципам, применимым к коммуникации.

К основным «недугам» законодательного языка он относит двусмысленность формулировок, или семантическую неоднозначность (*semantic ambiguity*); высокую степень неопределенности (*over-vagueness*) и порой сверхточность (*over-precision*); высокую или низкую степень обобщения; так называемую «тучность языка» (*obesity*), подразумевающую избыточность, многословие. Рассматривая каждый из перечисленных видов «недугов» законодательного языка, Ф. Р. Дикерсон приходит к выводу о том, что составители законопроектов не стремятся к достижению абсолютной ясности языка законопроекта, а нацелены на достижение максимальной практической степени ясности формулировок.

Обратимся к рассмотрению еще одной научной статьи профессора Ф. Р. Дикерсона «Об одном из подходов к обучению студентов-юристов составлению текстов юридических документов»[2], в которой он описывает подход, разработанный им совместно с коллегами в процессе осуществления педагогической деятельности на юридическом факультете Университета Индианы. Ф. Р. Дикерсон говорит о неэффективности традиционного подхода к обучению студентов-юристов составлению текстов

[1] См.: *Dickerson F.* Reed The Diseases of Legislative Language // Articles by Maurer Faculty. 1964. Pp. 5–15.

[2] См.: *Dickerson F.* Reed One Approach to Teaching Legal Drafting // Articles by Maurer Faculty. 1965. Pp. 101–108.

юридических документов и призывает преподавателей с большей долей ответственности относиться к формированию и развитию у будущих юристов профессиональных письменных навыков, а также к разработке и проверке письменных работ студентов. Ф. Р. Дикерсон описывает специализированный 11-недельный курс, разработанный в Университете Индианы опытными специалистами, нацеленный на обучение студентов составлению текстов юридических документов и ставящий перед ними задачу разрешения конкретной профессиональной ситуации (подготовить текст юридического документа для обратившегося к ним за юридической помощью клиента).

Курс состоял из шести этапов, для которых были разработаны задания в рамках разрешения конкретной профессиональной ситуации (запроса клиента). Не вдаваясь в подробности проведения каждого этапа, отметим, что они включали ознакомление с существующим договором (документом) клиента; ответы студентов на важные вопросы по существу дела; ознакомление с мнением специалиста по рассматриваемой ситуации; изучение архитектуры, стиля, формы юридических документов; встречу с клиентом и обсуждение проблемных вопросов; пересмотр существующего договора с учетом общения с клиентом; составление итоговой версии юридического документа; сравнение подготовленных студентами юридических документов с документом, составленным специалистом. Такой подход к обучению студентов-юристов составлению текстов юридических документов является проблемно- и практико-ориентированным, нацеленным на разрешение конкретной профессиональной ситуации, на полное погружение в суть рассматриваемых вопросов, на изучение архитектуры юридических документов, на самостоятельную кропотливую работу по составлению конкретного вида юридического документа.

Стоит отметить еще одну научную статью профессора — «Проблемы выбора и использования союзов “и” и “или” в текстах юридических документов»[1], представляющую собой интересное и актуальное юрислингвистическое исследование. В рамках указанной статьи профессор Ф. Р. Дикерсон размышляет о лингви-

[1] См.: *Dickerson F.* Reed The Difficult Choice Between “And” and “Or”. Articles by Maurer Faculty. 1960. Pp. 310–113.

стически корректном употреблении союзов «и» и «или» в текстах юридических документов. Он объясняет разницу в их употреблении: союз «и» используется для соединения слов, постановки их на один уровень, выражает добавочный смысл, обозначает единство, общность, тогда как «или» является разделительным союзом, употребляющимся при сопоставлении исключающих по значению друг друга членов предложения, предполагает наличие выбора. Ф. Р. Дикерсон отмечает, что в текстах юридических документов в большинстве случаев союз «или» используется в значении включенности, а союз «и» — в значении «совместно или по отдельности». Он приводит многочисленные примеры формулировок, допускающих неоднозначное понимание значения фраз, в которых используются эти союзы, и дает советы по корректному построению фраз для достижения точности выражения мыслей. Например, он рассматривает фразу «каждый муж и отец» (*every husband and father*) и отмечает, что использование союзов «и»/«или» в подобных случаях зависит от того, определяем ли мы рассматриваемых лиц путем перечисления нескольких классов, на которые они могут подразделяться, или путем обозначения их в качестве единого класса при перечислении их квалифицирующих характеристик. Следовательно, использование союза «или» вместо «и» в таких случаях приводит к изменению грамматического значения фразы.

Ф. Р. Дикерсон размышляет так: если речь идет о перечислении двух категорий лиц, то корректной формулировкой будет следующая: «каждый муж и каждый отец» либо «каждый гражданин, который является либо мужем, либо отцом»; если речь идет о перечислении характеристик или признаков, необходимых для идентификации каждой категории лиц, то этот смысл может быть корректнее выражен формулировкой: «каждый гражданин, являющийся одновременно и мужем, и отцом».

Следующим показательным примером необходимости разграничения союзов «и»/«или» и правильного их использования при построении предложений в текстах юридических документов является словосочетание «благотворительные или образовательные учреждения» (*charitable or educational institutions*). По мнению Ф. Р. Дикерсона, формулировка данного словосочетания вызывает несколько способов ее понимания и толкования:

1) учреждения, которые являются либо благотворительными, либо образовательными, но не являются одновременно и теми и другими;

2) учреждения, которые являются либо благотворительными, либо образовательными, либо одновременно и теми и другими;

3) благотворительные учреждения или образовательные заведения, но не те и другие одновременно;

4) благотворительные учреждения или образовательные учреждения, или и те и другие.

Ф. Р. Дикерсон предлагает в данном случае использовать союз «или» в значении «включая» и архитектурно построить предложение более корректным образом для достижения языковой точности и ясности:

Учреждения, которые являются

(1) благотворительными;

(2) образовательными;

(3) или и теми и другими одновременно.

Профессор приводит множество примеров подобных формулировок, неоднозначность понимания которых вызвана некорректным употреблением союзов «и»/«или». Он призывает составителей текстов юридических документов быть более внимательными, вдумчиво и ответственно относиться к формулированию своих мыслей во избежание неточных, двусмысленных формулировок.

В рамках данной статьи мы рассмотрели лишь некоторые научные труды профессора права Ф. Р. Дикерсона, однако спектр его научных изысканий широк: он занимался исследованием вопросов упрощения законодательного языка и удобочитаемости юридических текстов, исследованием вопросов толкования законов, обучения студентов-юристов основам составления текстов юридических документов; исследовал интеграцию вычислительных систем и методов в юридическую деятельность (юриметрика); большое внимание уделял исследованию законодательного языка.

Таким образом, научные труды американского профессора права Ф. Р. Дикерсона свидетельствуют о его большой озабоченности вопросами юридико-технического совершенствования различного рода юридических документов (законопроектов, в част-

ности), о его сосредоточенности на проблемах улучшения лингвистического качества подготавливаемых юристами документов и на проблемах повышения эффективности подготовки американских студентов-юристов к составлению юридических документов, а также о его несомненном вкладе в развитие американской законодательной техники. Мы считаем, что научные изыскания Ф. Р. Дикерсона являются актуальными для изучения и в настоящее время, поскольку содержат полезные предложения, методики и выводы, интересные юрислингвистические исследования, поэтому должны обратить на себя внимание отечественных ученых-юристов, то есть быть изученными в целях извлечения положительного опыта относительно юридико-технического совершенствования процедуры подготовки различного рода правовых актов.

УДК 347.4

Павленков Н. Р.,
курсант Нижегородской академии МВД России

Принцип добросовестности в гражданском праве: сущность, реализация, реформирование

«Добросовестность» — понятие с глубоким нравственным содержанием. Для его изучения в рамках права необходимо придать указанному явлению четкое содержание, которым могли бы воспользоваться общеобязательные предписания.

Исходя из толкования, которое можно почерпнуть в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля добросовестность («добросовестие») понимается как комплекс моральных установок, среди которых честность, правдивость, строгая богобоязненность в поступках, праводушие и др[1]. Каждая из перечисленных категорий ассоциируется, раскрывается и граничит с другими смежными явлениями. Так, общим для некоторых будет выступать понятие справедливости, которое зачастую употребляется в значении «стремление к правде, к истине» (справедливо, что Земля вращается вокруг Солнца). Уже на данном этапе, пытаясь дать хоть сколько-нибудь наглядное определение добросовестности, мы сталкиваемся с непреодолимыми сложностями, особенно для формального юридического языка и сознания.

Интересно, что на обыденном, человеческом уровне многие из упомянутых элементов нравственного мира абсолютно понятны, но опять-таки при переводе на конкретные правовые значения едва ли имеется возможность достоверно изложить так называемую «доброю совесть», не сужая и не расширяя ее объемов.

В реальности, по оценке отдельных исследователей, добросовестность, переведенная в право, означает поведение субъекта,

[1] См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. URL: // https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-d/357 (дата обращения: 15.05.2024).

© Павленков Н. Р., 2024

учитывающее законные интересы другой стороны и содействующее в их реализации, а также заключающееся в ожидании подобной модели действий от своего контрагента[1]. Другими словами, сложная этическая категория в процессе формализации стала равноценна взаимности. Подобные процессы в праве — явление не новое, поскольку в аналогичной форме принято представлять и один из столпов гражданско-правовых отношений (в одной плоскости с равенством и разумностью) — справедливость.

Последняя в юридическом мире означает не более чем равноценное воздаяние, что схоже с некоторыми естественными (негуманитарными) законами: как в химических реакциях ни один элемент не пропадает бесследно, так и в честных общественных отношениях за каждым действием следует ответное воздействие.

Главное, что необходимо усвоить из объяснений, рассмотренных нами выше, — несовпадение этических категорий с их отражениями в правовом мире. Изначально строгие формальные предписания были призваны вносить определенные, разумные начала в общественную жизнь, выстраивая регулируемый простор для компромисса, уступок и гарантий законных интересов[2]. Но ни одна правовая система не была готова к оперированию истинными нравственными явлениями, последовательно добавляя лишь их формализованные копии в юридические тексты, именно поэтому законодатель вынужден до сих пор делать некоторые предписания абстрактными, будучи неспособным внести ясность в существо высокоморальных категорий.

Такие закономерности можно проследить в некоторых образах, ассоциируемых с правом: Фемида, покровительница правосудия, издревле изображается с завязанными глазами, что свидетельствует о ее готовности к формальному, беспристрастному воздаянию нарушителям по их деяниям, исключая даже отдельные нравственные позиции (милосердие или прощение)[3].

---

[1] См.: *Хамидуллина Ф. И.* Нравственные основания гражданского права : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 214.

[2] См. там же. С. 108.

[3] См.: *Гартман Н.* Этика : монография / пер. Глаголев А. Б. Санкт-Петербург, 2002.

Проанализировав ст. 10 ГК РФ, мы можем убедиться в истинности вышеизложенных наблюдений. Этическая категория «добросовестность» в п. 5 указанной статьи не раскрывается законодателем должным образом, поскольку в нынешних правовых реалиях это вряд ли представляется возможным. Все, что могли сделать создатель и редактор нормы, это в формальных чертах дать толкование примененному понятию, не ссылаясь при этом на подлинные правила нравственности. В связи с этим добрая совесть в нашем кодексе и в последующих актах толкования предстает в роли неживой копии своего прародителя: «Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения»[1].

Сразу заметна и высокая степень абстрактности[2] некоторых юридических конструкций, что отнюдь не свойственно праву, но такой прием — незаменимый инструмент, открывающий взаимодействие с этической стороной жизни. С одной стороны, не приходится изобретать текстуальное оформление нравственных требований к участникам правоотношений; с другой — правоприменителю предоставлен широкий простор для собственного усмотрения. Последняя деталь несет в себе скорее негативный посыл, поскольку излишняя свобода органов, реализующих действие обязательных предписаний, приводит к серьезной зависимости между нравственностью применителя права и качеством вершимого им правосудия (если речь идет о представителях судебной власти) или иной схожей деятельности. Интересно, что в данном случае будет справедлива метафора, согласно которой любой юрист, действующий в пределах абстрактного «нравственного права», — Фемида с развязанными глазами.

Помимо абстрактности серьезными проблемами в реализации принципа добросовестности выступают экономический кон-

---

[1] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

[2] См.: *Хамидуллина Ф. И.* Нравственные основания гражданского права : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 88.

текст российского общества и сущность частноправовых отношений. Первый фактор наиболее очевиден, поскольку в нем заключены отрицательные особенности рыночной системы, главенствующей в хозяйственной жизни и во многих институтах гражданского права, будь то купля-продажа, аренда, право интеллектуальной собственности — все они подразумевают обладателей благ и неравное распределение последних.

Описанные реалии были справедливо отмечены Ф. И. Хамидуллиной, которая считала экономическое неравенство контрагентов в качестве одного из дестабилизирующих факторов законодательного регулирования, препятствующего и этическим началам в праве[1]: богатый с древнейших времен определял судьбу бедного, пусть даже не открыто и не всегда путем финансового доминирования. В последнем тезисе уже просматривается следующая проблема на пути реализации принципа добросовестности: сама сущность гражданского права.

Цивилистика, по мнению авторитетных приверженцев марксистской догматики, возникла вовсе не как средство компромисса, как было описано выше (про право в целом), а как способ угнетения имущими неимущих, сильными — слабых: «Мечом основан римский мир, и меч и копье являются древнейшим символом римского права»[2].

Правда, были и разделы цивилистики для одинаково обеспеченных граждан Рима, но в них не существовало предпосылок к добросовестности: гражданское право в былые времена и по сей день по большей части заключается в юридическом оформлении правил по извлечению выгоды (не всегда экономической), в этом и его единственная верная сущность. Отсюда и полные безразличия принципы, отраженные в высказывании «право любит бодрых»[3], указывающего на незащищенность неосмотрительных или невнимательных субъектов. В данном случае не стоит усматривать некое обвинение, напротив, вопреки позиции марксистской

---

[1] См.: *Хамидуллина Ф. И.* Нравственные основания гражданского права : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 89.

[2] *Стручка П. И.* Курс советского гражданского права : учебное пособие: в 3 т. Т. 1. Москва, 1927. С. 20.

[3] См.: *Цыбульник Ю. С.* Крылатые латинские выражения : сборник латинских крылатых изречений. Москва, 2006.

идеологии в существующих отношениях между гражданами нет ничего порочного, поскольку они отражают реально сложившиеся бытовые и хозяйственные отношения между людьми[1].

Правда, мы должны признать, что нравственное наполнение гражданского права обусловлено не его собственными установками и не его создателями. Даже если возникнет попытка этической интерпретации частных правоотношений, то мы столкнемся со значительным количеством формально-добросовестных правил, противоречащих в сущности всякой нравственности. К примеру, в отношениях займа обязательным условием (кроме нескольких исключений), исходя из содержания ст. 809 ГК РФ, будет выступать его возмездность (процент займа)[2], что противоречит требованиям любви к ближнему, чистой совести и др. Может ли общество в перспективе отказаться от этого? Очевидно, что нет, поскольку в этом кроются не безнравственность, а объективные требования, исходящие из назначения гражданского права: регламентировать циркуляцию благ в обществе, позволять одним зарабатывать на потребностях других. К тому же определение добросовестной и недобросовестной выгоды — задача в некоторых случаях совершенно невыполнимая.

Подводя промежуточный итог исследованию добросовестности, интересно взглянуть на марксистскую попытку реализации принципов добросовестности в отношениях между людьми.

Представители левого радикализма, будучи изначально противниками всякого права, установили его антиобщественный характер (в том числе гражданской отрасли), но и левые политики и правоведы все же не обошли стороной нравственный вопрос и к его решению подошли по-особенному, с присущей им пылкостью и безапелляционностью.

Во времена известных потрясений 1920-х годов революционеры вознамерились уничтожить саму суть частного начала в обществе, в его законах, планируя тем самым восстановить должный порядок, регулируемый и устанавливаемый трудящи-

[1] См.: *Хамидуллина Ф. И.* Нравственные основания гражданского права : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 40.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 15.05.2024).

мися ради истинного всеобщего блага. Указанная миссия проводилась в несколько этапов: физическое уничтожение старых предписаний, а затем — умственное, выраженное в обоснованной критике ушедшего порядка. В первое время добросовестность так и должна была воцариться без посредников, но осознание невозможности полного отказа от государства и от его институтов привело бунтующих в чувство: пришлось оставить право, но напитать его марксистской идеологической составляющей.

В Гражданском кодексе РСФСР от 11 июня 1964 года встречаются следующие положения: «Хозяйственная жизнь РСФСР определяется и направляется государственными планами экономического и социального развития» (ст. 1); «Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях» (ст. 93)[1].

Получается, что в ситуации с советской системой права мы наблюдаем уникальный подход к взаимодействию с цивилистикой, выраженный в ее частичной редукции. Необходимо признать, что такой грубый подход к частно-правовым отношениям не только приводит к искусственному, директивному торможению реально сложившихся социально-экономических закономерностей развития[2], но и к разрушению тонкой демаркационной линии, отграничивающей бытовые и базовые хозяйственные интересы людей от публичных (государственных)[3]. При этом нельзя не отметить крайне положительного влияния на нравственные основы права: снижение роли эгоистического интереса в отношениях между людьми — одно из крупнейших достижений правоведения XX столетия, причем, достигнутое отнюдь не совершенствованием самих формальных предписаний. Удивительно, но в данном случае марксисты на практике смогли доказать концепцию «фундамент – надстройка», кардинально изменив производственно-распределительные отношения с последующей корректировкой права, отразившей в своей новой редакции обновленные мерила и проявления добросовестности. Об их возвышенном

[1] СПС «КонсультантПлюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1838/ (дата обращения: 15.05.2024).

[2] См.: *Хамидуллина Ф. И.* Нравственные основания гражданского права: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 42.

[3] См. там же.

характере можно сказать многое, но для наглядности приведем цитату советского цивилиста С. Н. Братуся: «Компенсация за нанесенный личности моральный ущерб, советским правом не допускается, ибо в социалистическом обществе честь и достоинство лица меновой стоимостью не являются»[1].

Таким образом, принимая во внимание сформированные временем сущностные параметры гражданского права и формальные требования юридических конструкций, мы не можем позволить себе перенести нравственность в право, равно как и реализовать принцип добросовестности. Все, что доступно на данный момент, — возможность отражения добрых нравов в правовой системе, которое при сильном сближении с сущностью частных отношений или с юридической природой будет отброшено обратно в статус отражения.

Наиболее эффективными способами формирования хотя бы отдаленной этической стороны права оказались приемы конкретизации юридических предписаний (когда, к примеру, расписываются четкие действия, заключающие в себе добросовестность), или инструмент передачи нравственного вопроса правоприменителю, как в случае с той же десятой статьей Гражданского кодекса. При этом задача современного российского гражданского права заключаается в том, чтобы стремиться к максимальному сокращению пробела между сущим и должным, ведь, несмотря на явную рациональную природу правовых предписаний, даже их основатели — воинственные римляне-рабовладельцы — представляли созданные ими правила как путь к добру и справедливости («Право — наука о добре и справедливости»[2]), а не исключительно к порядку и деятельному формализму.

---

[1] *Братусь С. Н.* Предмет и система советского гражданского права. Москва, 1963.

[2] *Цыбульник Ю. С.* Крылатые латинские выражения : сборник латинских крылатых изречений. Москва, 2006.

УДК 341

Сечкова Л. М.,
адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

Международные нормы в области защиты прав осужденных

Возможно, закон не может изменить сердце, но он может обуздать бессердечных.
Мартин Лютер Кинг

В настоящее время перед человечеством стоит ряд нерешенных проблем и обеспечение прав лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, несомненно, одна из важнейших. Для их решения создаются механизмы, которые регулируются международными нормами, обеспечивающими согласованную работу всех стран.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В связи с этим ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) содержит положение о том, что уголовно-исполнительное законодательство РФ и практика его применения основываются на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах, являющихся составной частью правовой системы нашей страны[1].

Международные акты об обращении с осужденными можно классифицировать по различным основаниям, мы выделим три основных:

— по обязательности для государств-применителей;

[1] См.: *Брилиантов А. В.* Уголовно-исполнительное законодательство России и международные правовые акты в сфере обращения с заключенными // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. 2017. № 3. С. 121.

© Сечкова Л. М., 2024

— степени общности;

— географическому охвату[1].

По степени обязательности международные акты делятся на обязательные и рекомендательные.

К обязательным относятся согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 1 ст. 3 УИК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры.

Согласно постановлению Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[2].

Под общепризнанными принципами международного права понимаются императивные нормы права, которые принимаются и признаются всем международным сообществом государств и отклонение от которых недопустимо. К данной категории можно отнести семь основных принципов: принцип суверенного равенства всех государств участников; принцип добросовестного выполнения всеми участниками своих обязательств; принцип соблюдения международного мира, безопасности и справедливости; принцип соблюдения территориальной неприкосновенности и другие[3].

Под общепризнанной нормой международного права понимается правило поведения, которое принимается и признается международным сообществом в качестве юридически обязательного.

Примером международного акта, который имеет статус общепризнанной нормы, является Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания (10 декабря 1984 года).

Кроме общепризнанных норм и принципов международного права, к числу обязательных относятся ратифицированные РФ международные договоры.

---

[1] См.: *Небратенко О. О.* Механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2015. С. 214.

[2] Российская газета. 2003. 2 декабря.

[3] См.: *Некрасов А. П.* Международные акты, обеспечивающие безопасный и гуманный подход к осужденным в пенитенциарных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 1. С. 63.

Ратификация в международном праве — это процесс, в рамках которого государство заявляет о своем согласии на обязательность для него международного договора. Примерами ратифицированных международных договоров и в этой связи обязательными для РФ являются Конвенция относительно рабства (25 сентября 1926 года, с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года, ратифицированная СССР 8 августа 1956 года); Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (9 декабря 1948 года, ратифицированная СССР 1 августа 1954 года) и другие[1].

Большинство международных документов в области защиты прав осужденных носит рекомендательный характер, как указано в ч. 4 ст. УИК РФ. К числу рекомендательных международных документов можно отнести Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (30 августа 1955 года), Международный пакт ООН о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 года), Европейскую конвенцию о защите прав и основных свобод (4 ноября 1950 года) и многие другие.

Следующим основанием для классификации международных актов в области исполнения наказания является степень общности. По данному признаку они делятся на универсальные и специализированные.

Универсальные акты относятся к правам человека в целом и только в отдельных их частях определяют специфическое положение лица в системе исполнения уголовного наказания. Примером такого акта является Конвенция о принудительном или обязательном труде (28 июня 1930 года).

Специализированные международные акты применяются для урегулирования отношений по исполнению наказаний или для всей уголовной юстиции в целом. Здесь особую роль играют документы, касающиеся лишения свободы и альтернативных видов наказания. Примерами таких документов являются Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (17 декабря 1979 года); Правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)

[1] См.: *Ижиков М. Ю.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 62.

(29 ноября 1985 года); Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (14 декабря 1990 года) и другие[1].

По географическому охвату международные акты делятся на универсальные и региональные.

Наиболее важные универсальные акты, как правило, принимаются под эгидой ООН, одним из таких документов является Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 года). Несмотря на то, что Декларация носит необязательный характер, однако большинство положений, описанных в ней, применяются в качестве международно-правовых обычаев и включаются в международные документы, конституции и другие НПА государств, направленные на защиту прав человека.

Региональные международные акты распространяются лишь на те государства, которые расположены в определенном регионе. Региональные нормы и системы защиты прав человека создаются с учетом особенностей отдельного региона, поэтому имеют гораздо большую степень практического применения.

Задача региональных инструментов заключается в создании и разработке стандартов в сфере защиты прав человека на региональном уровне, основы которых заложены в универсальных международных документах.

Приведем примеры региональных международных организаций в сфере защиты прав человека.

В межамериканском регионе существует Организация американских государств, а главным обязательным документом является Американская конвенция о правах человека (22 ноября 1969 года); в Африке — Африканская хартия прав человека и народов (26 июня 1981 года), созданная в рамках Африканского союза. В Азии довольно сложная ситуация с региональными документами, защищающими права человека, и единственным таким документом, имеющий статус необязательного, является Азиатская декларация прав человека (18 ноября 2012 года), также в странах арабского мира принята Арабская хартия прав челове-

[1] См.: *Шанина А. Н.* Международные источники правового регулирования соблюдения прав лиц, осужденных к лишению свободы, и их правового статуса // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 1. С. 71.

ка, созданная в рамках Совета Лиги арабских государств (22 мая 2004 года).

В Европе в рамках Совета Европы создана и успешно реализуется Европейская конвенция о правах человека (4 ноября 1950 года).

В рамках Содружества Независимых Государств, одним из членов которого является РФ, создана Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (26 мая 1995 года)[1].

Таким образом, международные акты в области исполнения наказания независимо от их вида оказали весьма существенное влияние на уголовно-исполнительное законодательство РФ, на его демократизацию и гуманизацию, в том числе и в области защиты прав осужденных.

В результате в РФ были внесены изменения в УИК РФ, приняты новые Правила внутреннего распорядка для всех учреждений уголовно-исполнительной системы, а также внесены изменения и в другие НПА, которые позволили создать национальный механизм для защиты прав осужденных. Несмотря на то, что РФ прошла длинный путь создания эффективных средств защиты прав осужденных, по-прежнему целый ряд нерешенных проблем, связанных с гарантиями прав осужденных. Для ее решения необходимо, чтобы на государственном уровне существовал и реализовывался эффективный механизм устранения любых нарушений, связанных с несоблюдением прав и законных интересов осужденных.

[1] См.: *Фанин Д. П.* Соблюдение прав осужденных при исполнении уголовных наказаний // Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции Москва, 2016. С. 362.

Научное издание

ПРАВОВАЯ РЕФОРМА:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
(Нижний Новгород, 31 мая 2024 года)

Редакторы: *Т. Ю. Булганина, Н. А. Елизарова, Н. Б. Помадина,*
Компьютерная верстка *Т. В. Булкиной, А. И. Хоревой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Подписано в печать 14.11.2024. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 39
Тираж 80 экз. Заказ 401

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отделение полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

ISBN 978-5-88840-209-2